

МАПРЯЛ

РОПРЯЛ

ИРЯ РАН

МГУ

СПбГУ

ИРО

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

ИРКУТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

РУССКАЯ ГРАММАТИКА:

полипарадигмальность
как методологический
принцип современных
научных исследований

23 – 27 сентября 2025 г.
г. Иркутск

ISBN 978-5-9624-2432-3

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт филологии, иностранных языков и медиакommunikации

РУССКАЯ ГРАММАТИКА: ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Материалы
IX Международного научного симпозиума,
Иркутск, 23–27 сентября 2025 г.

УДК 811.161.1'36
ББК Ш141.12-2
Р89

Публикуется по решению ученого совет ИФИЯМ ИГУ

Под общей редакцией:

доктора филологических наук *Л. И. Горбуновой*
кандидат филологических наук *Э. Е. Бурова*

Р89

Русская грамматика: полипарадигмальность как методологический принцип современных научных исследований : материалы IX Международного научного симпозиума. Иркутск, 23–27 сентября 2025 г. / под общ. ред. Л. И. Горбуновой, Э. Е. Бурова. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2025. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2432-3.2025.1-600>

ISBN 978-5-9624-2432-3

В материалах представлены традиционные и современные подходы к изучению грамматики русского языка, в том числе грамматика дискурса и художественного текста, сопоставительно-типологический, когнитивный аспект исследований, цифровые методы описания грамматики.

Адресуется лингвистам, преподавателям русского языка как родного и иностранного.

УДК 811.161.1'36
ББК Ш141.12-2

ISBN 978-5-9624-2432-3

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1 ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Шарандин А. Л. Интеграция системоцентризма и антропоцентризма как основной принцип создания новой академической грамматики русского языка	10
Онипенко Н. К. Грамматика и текст: к проблеме построения грамматики объяснительной.....	17
Ким И. Е. Слово и часть речи в пространстве морфологических категорий	23
Коробейникова Т. Н., Корпечкова Е. В. Национальный словарный фонд как площадка для кросс-словарного грамматического исследования	29
Разумных Е. В. Эволюция взглядов на категорию личности/безличности как отражение полипарадигмальности в русской грамматической традиции	33
Циммерлинг А. В. Конструкции с подъемом аргумента в русском языке	38
Бешенкова Е. В. Процесс «распада глагольности» в системе причастий и его отражение в современной орфографии.....	46
Борисова Е. Г. Грамматика слушающего: категория декодирования.....	51
Васильева Е. В. Образование отадъективных имен лиц: формальные ограничения и эмпирическая реальность	56
Гайнутдинова Г. Р. Русский язык как иностранный в программе международного бакалавриата: из опыта преподавания в международной школе казани	62
Геккина Е. Н. К типологии грамматических вариантов имен собственных: формы <i>премиальных</i> номинаций.....	64
Глазунова О. И. К вопросу об интерпретации категории вида в русском языке.....	73
Голубева В. К. Генитив при отвлеченном имени в наречной функции	80
Григорьян Е. Л. Согласование в роде: семантические и прагматические факторы	86
Донина Л. Н. Словообразовательное гнездо «пустой» в русских говорах	91
Казкенова А. К., Рахилина Е. В. Грамматикализация и конструционализация глаголов позиции в учебных текстах билингвов	96
Ким Е. А. Представление темы в грамматической модели записи книги промеморий	101

Конюшкевич М. И. Корреляция дейксиса и уровней предложения как механизм категоризации и грамматикализации	105
Кошкарева Н. Б., Диде И. А. Сложноподчиненные предложения с модально-сравнительными союзами <i>точно, словно, будто</i> как неизосемическое средство выражения событийной эквивалентности	110
Кустова Г. И. Переходные типы распространительных конструкций с пропозициональным местоимением	120
Ли Хань. Грамматические ошибки в русской письменной речи китайских студентов (ТРКИ-1)	126
Маркасова Е. В. Русские риториче-ские XVII–XVIII вв. как источник информации о грамматических конструкциях	130
Маринова Е. В. Вариантность форм винительного падежа сложносоставных существительных с первым компонентом <i>работ</i>	135
Соколова О. И. Перекрещивающаяся бинарная оппозиция «полупредикативные – уточняющие члены предложения»	140
Спиридонова Л. Н. Грамматические трудности при изучении научного стиля речи в иноязычной аудитории на этапе довузовской подготовки (из опыта работы)	144
Файзуллина Э. Ф. Выражение категории времени в русском словесном и русском жестовом языках: сравнительный анализ	149
Фуфаева И. В. Общие закономерности функционирования словообразовательных категорий (на материале русского языка)	153

СЕКЦИЯ 2 ГРАММАТИКА ДИСКУРСА

Бурова Е. Е. Паузация как сдерживающий фактор синтаксической рекурсии	161
Васильева Ю. А. Структурно-семантические модели региональных эргонимов (на примере г. Астрахани)	165
Галкина Е. В., Краснощекова С. В. Способы выражения ссылки на источник информации в русскоязычных текстах новостей в условиях русско-кыргызского двуязычия	171
Грачева Ж. В. Деформированные ассоциативные синтаксические структуры (от В. В. Набокова до современной рекламы)	178
Каверина О. А., Ключникова В. Ю., Новосёлова М. В. Грамматические особенности экскурсионного сторителлинга	185
Кобозева И. М. Опыт прояснения «темных мест» в грамматической классификации семантических отношений между частями сложного предложения	190
Колосовская Т. Л. <i>После Павла Васильевича мне здесь делать нечего</i> : становление конструкции <X – У-у делать нечего> в русской повседневной речи	196

Кувшинская Ю. М. Развитие независимого употребления предложений с союзами <i>хотя</i> и <i>потому что</i> : функция дополнительного сообщения.....	201
Кузнецов И. А. Вопросительные предложения в ответной реплике: грамматика и прагматика фатических диалогов в русской речи....	208
Кузнецова Л. В., Иванова Е. В. Политический дискурс парламентских дебатов: лексико-грамматический аспект.....	213
Ли Юэчуань. Дискурсивный маркер <i>надо сказать</i> как усилитель иллюкутивной силы ассертива при информационном противоречии	219
Петренко Е. А., Першина Е. С. Дискурсивные и текстовые функции частиц в «Слове о законе и благодати» Илариона Киевского	222
Попова Т. И., Иголкина А. Е. <i>Хочешь не хочешь, а надо</i> : проблема определения инвариантных структур устойчивых неоднословных единиц	229
Северская О. И. Клише в сфере осмотров, лечения и процедур: медицинские термины, терминойды, сленгизмы	235
Серебренникова Е. Ф. Грамматика дискурса: операции высказывания	240
Стексова Т. И., Шмелева Т. В. Сложные предложения метадискурсивной семантики	246
Федотова Н. Л., Щербакова В. А. Семантические особенности простых предложений в коммерческой печатной и телевизионной рекламе.....	250
Чекмез У. Э. Совместные построения в устном диалогическом дискурсе: конструктивные и коммуникативные особенности.....	255
Шавалиева Е. Б. Грамматика разговорного метадискурса: синтаксический уровень.....	261
Шклярук Е. Я. Образование маркеров-ксенопоказателей в современной русской речи: пути прагматикализации.....	265

СЕКЦИЯ 3 ГРАММАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Кирина М. А. Грамматический ландшафт художественной прозы: динамика частеречных распределений в русском рассказе XX века	270
Крюкова Л. Б. Синестетические сочетания в поэзии символистов: дискурсивный и грамматический аспекты	275
Куницына Е. Ю. Феноменология художественного перевода в зеркале морфологии: русские уменьшительные суффиксы как единицы перевода	281
Купчик Е. В. Генитивные метафоры в поэтических текстах А. Горюхицкого: мир природы	291
Левина И. Н. Изъяснительные сложноподчиненные предложения в ракурсе синтаксического описания идиостиля. (К языковой личности М. Айзенберга).....	296

Мамедов А. А. Местоимение <i>ты</i> в лирике С. А. Есенина: референция и роль в создании художественного мира.....	303
Мартыанова И. А. Синтаксическое своеобразие современной русской прозы	308
Милянчук Н. С., Пугачева Е. Н. Панорамность пейзажа во владивостокском тексте: коммуникативно-грамматический аспект	312
Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Нестандартные предикативы в русской художественной речи: семантика и употребление.....	319
Патроева Н. В. Интродуктивные предложения с бытийным глаголом в роли лирических зачинов.....	324
Рябова С. Г. Грамматические конструкции с компонентом <i>ржавчина</i> в художественном тексте: узуальное и индивидуальное	328
Стрельникова Н. Д. Словообразовательные модели в прозе Евгении Некрасовой	336
Трофимова О. В., Фитина Ю. С. Синтаксические формы чужой речи в романе А. Г. Битова «Пушкинский дом»	343
Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Грамматическая характеристика лексики в сводном словаре поэтического языка.....	347

СЕКЦИЯ 4

«МАЛЕНЬКИЕ СЛОВА» НА СЛУЖБЕ У ГРАММАТИКИ

Аксарина Н. А., Басова Л. В. Семантизация и семантический потенциал предлога <i>в аспекте</i> в русском языке XX–XXI веков	352
Аладышкин В. А. Корпусный анализ особенностей предикативного согласования слов с количественной семантикой.....	359
Бертякова А. Н. Деархаизация предлога <i>меж</i> в современном дискурсе	365
Богданова-Бегларян Н. В. Грамматическая «предыстория» прагматических маркеров русской повседневной речи.....	370
Кузнецова Н. В., Почтарёва О. В. «Так-то да, а так – нет»: к описанию коннектора <i>а так / так-то...а</i>	380
Лаптева М. Л. Тенденции в употреблении предлогов: ошибка, креатив или норма современной речи	386
Матханова И. П. Местоименные наречия с семантикой неопределенной цели: опыт характеристики периферийных элементов	392
Мишанкина Н. А. Формат/неформат: функциональный аспект	397
Семенова Т. И., Тюрнева Т. В. Модальные глаголы vs вводные слова как средства выражения эпистемического статуса в русских и английских медиатекстах.....	401
Токарчук И. Н. Частица <i>буквально</i> : конструктивно-синтаксический аспект	405

Чуриков С. А., Лешкова Т. В. О коннекторах с семантикой аддитивности в базе данных «РусКон» и в Национальном корпусе русского языка	410

СЕКЦИЯ 5 РУССКАЯ ГРАММАТИКА В ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ

Акай О. М. Вычислительное моделирование просодико-синтаксических корреляций в русской устной речи: методы машинного обучения и лингвистический анализ	416
Блинова О. В. Неопределенные выражения в русских текстах разных доменов: пролегомены корпусного исследования	423
Тюрнев А. С., Шурик М. В. Проблема распознавания русского рукописного текста с использованием нейронных сетей	429
Шерстинова Т. Ю. Частеречный профиль русской повседневной речи: можно ли использовать автоматические транскрипции для грамматических исследований?	435

СЕКЦИЯ 6 РУССКАЯ ГРАММАТИКА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

Алексеева Е. А. Семантико-функциональная типология предложения в зеркале перевода	442
Богомолова А. В. Переводчик как «соавтор» произведения: опыт перевода философской прозы	446
Булнаева О. А. Анализ перевода грамматических терминов китайского языка в русскоязычных учебниках начального уровня	452
Иванова-Жданова Е. Ю. Особенности передачи таксисной семантики деепричастий посредством причастия I в переводе на английский язык	458
Калиш Е. Е. Распространенные ошибки при переводе с английского языка на русский язык, или перевести нельзя калькировать (на примере перевода книг Д. Медоус)	461
Козодой О. А. Русская грамматика в зеркале перевода (на материале экскурсий по городу Иркутску на японском и русском языках)	466
Кульгавова Л. В. Особенности перевода эмфатических конструкций с английского языка на русский (на материале рассказа О. Генри «Последний лист»)	469
Просьянникова О. И., Скорик К. В. Грамматические трансформации при переводе с русского языка на английский и французский рассказа А. П. Чехова «Хамелеон»	477

СЕКЦИЯ 7
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

Арская Ю. А., Стефановская С. В. Синтаксическая интерференция при освоении китайскими студентами структуры русского простого предложения.....	484
Багинская М. В., Орсоева А. А. Сравнительный анализ систем частей речи корейского и русского языков.....	490
Воробьёва Л. А. Условное наклонение в японском и русском языках: сопоставительный анализ	497
Воробьёва Л. А., Ли Е. В. Грамматический аспект категории вежливости глагола в корейском, японском и русском языках.....	500
Иванова Е. Ю. Конструкции с субъектным депиктивом в болгарском языке: семантическая конфигурация и русские параллели.....	505
Котовская А. Е. Функции употребления звукоподражаний в предложении на примере русского и японского языков	511
Нурутдинова А. Р. Синтаксическое и морфологическое «поведение» соматических лексем в пословицах: корпусное исследование в разноструктурных языках	515
Садовникова О. Н. Место модальных глаголов в системе частей речи китайского и русского языков: сравнительные параллели	520
Топка Л. В. Лексико-грамматический подход к исследованию морфологической категории числа в современном английском и русском языках	525
Фатхутдинова В. Г. Сопоставительная морфология русского и татарского языков: полипарадигмальный подход.....	530
Хантакова В. М. Синонимическое соотношение грамматических единиц в текстах на немецком и русском языках.....	535
Чубаровская Т. С. Категория темпоральности глагола в русском и японском языках.....	541
Шалина И. В. Словообразовательный блок страдательного залога в японском и русском языках.....	545
Шишмарева Т. Е., Дюндик Ю. Б. Аналитизм vs. флексивность: грамматические трансформации в китайско-русском художественном переводе.....	550

СЕКЦИЯ 8
КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИКИ

Верхотурова Т. Л. Категоризация факта в русской и английской грамматике.....	555
Вэн Нань. Конструкция «я + адъективный предикат» в XXI веке	559

Комышкова А. Д. <i>Йоганутого инсайтноло: адъективно-глагольная корреляция неологизмов в семантическом поле странности</i>	562
Лю Гэнцзюнь. <i>Вокруг</i> как переходная пространственная единица: сопоставление с китайским 周围	568
Мартьянова Д. И. Путь «Колобка» через грамматические структуры: лингвокультурная адаптация при переводе на японский язык	571
Семенова Т. И. Категоризация ситуаций порицаемого поведения в русской и английской языковых картинах мира	575
Тразанова Н. Ю. Лингвокультурная адаптация художественного текста при переводе единиц грамматического уровня с русского на японский язык (на материале перевода повести И. С. Тургенева «Первая любовь»)	580
Фирсова М. А. Синтаксические фразеологизмы как средство выражения агрессии	586
Щурик Н. В., Маркова Д. И. Когнитивные и лингвокультурные аспекты перевода афроамериканского английского: фреймовый подход	591
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ	597

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

А. Л. Шарандин, доктор филологических наук, профессор
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМОЦЕНТРИЗМА И АНТРОПОЦЕНТРИЗМА КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП СОЗДАНИЯ НОВОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Представлена авторская позиция о создании новой Академической грамматики русского языка. Настоятельная потребность в этом определяется информационным сдвигом, который произошел за 45 лет после выхода «Русской грамматики» 1980 г. с учетом развития антропоцентрического подхода, пришедшего на смену системоцентрическому описанию языка. Их интеграция позволит сохранить знания о языке и прирастить новые знания, отражающие мир в языке и современное состояние русского языка. Антропоцентризм и системоцентризм не исключают, а дополняют друг друга, но при этом антропоцентрическое описание в их интеграции является определяющим в исследовательском плане. Основное отличие между ними в том, что системоцентрическое изучение русского языка предполагало уровневое и статическое описание языковой системы и включало в себя прежде всего *знания языка и знания о языке как бы безотносительно к носителю языка*, имевшему статус *пассивного субъекта*. Антропоцентрический же подход на первый план выдвигает изучение *языковых способностей и знаний носителя языка как активного субъекта*.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, системоцентрическое и антропоцентрическое описание языка, интеграция, новая Академическая грамматика.

Вопрос о создании новой Академической грамматики (далее – НАГ) русского языка представляется своевременным и закономерным, учитывая, что предыдущая «Русская грамматика» (далее – РГ) была опубликована в 1980 г. и по существу за 45 лет своего существования выполнила свое предназначение – «дать описание *современного* (на то время. – А. Ш.) состояния грамматического строя русского литературного языка» [РГ, 1980, с. 3]. Нет сомнений, что она явилась научной базой для дальнейшего развития теорий и концепций, которые отразили изучение русского языка как в рамках собственно русистики, так и лингвистической науки в целом. Создание РГ было мотивировано ее авторами тем, что со

времени выхода первого тома предыдущей академической грамматики, вышедшего в 1952 г. (далее – Гр-52), прошло более 25 лет и «за этот период были накоплены новые, богатые материалы и, следовательно, обогатились наши сведения о языке; грамматическая теория также значительно продвинулась вперед; произошли определенные изменения в сфере языковых норм» [РГ, 1980, с. 3]. В целом же авторы РГ охарактеризовали ее как «описательную и нормативную», причем нормативность имела не директивный, а вариативный характер [РГ, 1980, с. 3]. В связи с этим в РГ широко представлены стилистические характеристики грамматических единиц и явлений.

Если подойти с указанных позиций авторов РГ, то, думается, обеспокоенность в принятии решения о создании НАГ не вызывает сомнений. Так, срок в 45 лет почти вдвое превышает время между Гр-52 и РГ. А если учесть мнение науковедов о том, что научная информация стареет и в этом смысле обесценивается примерно со скоростью 10–25 % в год [Урсул, 1975, с. 137], то считать ее в настоящее время современной в узком смысле не совсем корректно. Поэтому, учитывая произошедший за эти годы «информационный сдвиг» в лингвистической науке в целом и русистике в частности, возникает настоятельная потребность в приращении новых знаний, включение которых в НАГ позволило бы отразить современное состояние грамматического строя русского языка.

Нет сомнений, что за эти 45 лет накоплен значительный *языковой материал*, требующий его описания и осмысления или переосмысления, ибо переосмысление фактов также является одним из путей развития науки, ее поступательного движения в свете новых теоретических идей. Об этом свидетельствует накопленный значительный практический материал, прежде всего на базе Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) [Национальный корпус ..., 2024], по различным вопросам изучения и описания русской грамматики. Причем данное накопление сопровождается качественным изменением некоторых взглядов по актуальным аспектам ее изучения, которые нашли отражение в корпусных исследованиях (см.: [Корпусные исследования..., 2009]), где грамматический материал предстает в значительно большем вариативном и стилистическом многообразии по сравнению с его описанием в предыдущих академических грамматиках.

Что же касается *грамматической теории*, то в ней, на наш взгляд, произошли *концептуальные* изменения, связанные с появлением и развитием новых приоритетных направлений современной лингвистики, в которой значительное место занимает описание грамматики – функциональной, коммуникативной, когнитивной, когнитивно-дискурсивной и др. Они определяют новый научный период, который пришел на смену системоцентризму и характеризуется как *эпоха антропоцентризма*. Возникновение антропоцентрической парадигмы знаний и ее развитие в языкознании в конце XX – начале XXI в. было закономерно, ибо сам язык ан-

тропоцентричен по своей природе и сущности: «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе..., свои отношения к коллективу людей и другому человеку» [Артунова, 1999, с. 3]. В результате в центре внимания исследователя оказывается субъект, анализируется человек в языке и язык в человеке.

Таким образом, в настоящее время для создания НАГ русского языка мы имеем те же самые причины, которые назывались авторами предыдущих академических грамматик, но при этом есть *существенное отличие*. Оно, на наш взгляд, в значительной степени снимает рассуждения о целесообразности или нецелесообразности ее создания. Это произошедшая *смена научных парадигм*, которая обуславливает новые подходы к описанию и изучению грамматического материала. Их значимость и научная состоятельность определяется тем, что данные подходы представлены в современных приоритетных направлениях языкознания. Однако антропоцентризм и системоцентризм не исключают друг друга, а находятся в отношениях старых (традиционных) и новых (инновационных) знаний, и поэтому их соотношение необходимо учитывать при создании НАГ. При этом сегодняшнее развитие теорий связано не столько с новым объектом исследования (грамматикой или языком в целом), сколько с его новыми предметными осмыслениями, которые отражают исследовательские подходы.

Единство объекта определяет, на наш взгляд, *антиномию* его изучения и описания. *С одной стороны*, каждый новый предмет описания стремится к изолированности в предметном поле в связи с обоснованием его значимости, специфичности и самодостаточности. *С другой стороны*, новый предмет исследования объекта не может не учитывать *системного* характера предметного поля, которое предполагает взаимосвязь и взаимодействие разных сторон описания объекта, поскольку только в их единстве язык как единый (общий) объект выполняет свое предназначение – отражает мир в своих единицах и является средством человеческого общения. Такое положение дел приводит к «распадению единства предмета науки» и «порождает эклектизм понятий и определений, а также субъективные характеристики других, более цельных в теоретическом отношении, научных периодов» [Колесов, 2003, с. 24]. В этом плане, с нашей точки зрения, таким цельным (целостным) научным периодом является период системоцентризма, использовавший структурный (системно-структурный, структурно-семантический) метод в отношении к языку как объекту, предметом описания которого было категориальное изучение языковых фактов и явлений [Шарандин, 2001]. По мнению В. В. Колесова, именно «категориальность лингвистического мышления и есть то новое, что принес с собою структурный метод» [Колесов, 2003, с. 21].

С нашей точки зрения, антропоцентрический подход позволяет получить и осмыслить новые знания в единстве с теми знаниями, которые определяли системоцентрическое изучение языка. *Основное отличие*

между ними состояло в том, что системоцентрическое изучение русского языка предполагало уровневое описание языковой системы и включало в себя прежде всего *знания языка и знания о языке как бы безотносительно к носителю языка*, имевшему статус *пассивного* субъекта. Антропоцентрический же подход *на первый план* выдвигает изучение *языковых способностей и знаний носителя языка как активного* субъекта. Они обуславливают социально-культурные и коммуникативно-дискурсивные компетенции человека как языковой личности, которая становится центральным понятием антропоцентризма [Болдырев, 2015].

При этом приращение знаний, определяющих компетенции носителя языка, не отвергает системоцентрического подхода к описанию языка, потому что знания о языке и знания языка обязательно присутствуют в том или ином объеме в сознании носителей языка, являясь необходимой предпосылкой самого владения языком как знаковой коммуникативной системой. Однако антропоцентрическое изучение языка в большей степени потребовало от исследователей обращения к человеческому опыту, его отражению и интерпретации в языке, к взаимосвязи и взаимодействию различных типов знаний. Произошло важнейшее переключение внимания со статических результатов структурно-семантического (системно-структурного) описания языка на результаты, которые являются следствием динамического описания языковых процессов, в значительной степени сориентированных на функциональные и деятельностные возможности носителя языка, обусловленные коммуникативными целями и установками [Шарандин, 2015; 2019].

Таким образом, эпоха антропоцентризма обусловила, на наш взгляд, переход методов и методик системоцентрической эпохи в *статус обслуживающих* описание языка в антропоцентрическом плане, но не сделала их полностью незначимыми в теоретическом и практическом отношении для антропоцентрического описания. Системно-структурные знания определяют ядерный (базовый) характер в изучении языка не только как средства коммуникации, но и как средства познания мира и его отражения в языке. Поэтому антропоцентризм по своей природе и сущности имеет интегративный характер и в контексте взаимодействия с системоцентризмом позволяет получать новые знания не только в сформировавшейся интегративной области антропоцентризма, но и в рамках «старых» знаний системоцентризма. Происходит их обогащение, которое находит отражение в терминологических сочетаниях, объединяющих в своих названиях системоцентрическое и антропоцентрическое изучение русского языка. Ср., например, представленный в работах С. Г. Ильенко и ее учеников **коммуникативно-структурный подход** при описании синтаксической системы русского языка [Ильенко, 2009].

Таким образом, данная интеграция в наибольшей степени соответствует развитию грамматической науки в эпоху антропоцентризма. **Язык как интегративное единство** – это, в сущности, единство, в котором от-

ражено взаимодействие различных типов знаний. *Во-первых*, знаний, полученных в результате познания действительности и их отражения в языке; *во-вторых*, знаний языковой системы как самостоятельного объекта действительности; *в-третьих*, знаний, отражающих согласование языковых знаний с реальными знаниями о действительности. При этом языковые знания чаще всего определяются реальными знаниями, что наглядно представлено, в частности, во взаимодействии лексических и грамматических значений в структуре слова. В этом смысле интегративный принцип в НАГ в наибольшей степени будет отвечать целям грамматики в ее широком понимании и принципу преемственности методик и методов, который позволит координировать их взаимосвязь на пути от системоцентризма к антропоцентризму.

Прежде всего на этом пути важно определиться с пониманием грамматики, ее содержанием и объемом. На наш взгляд, целесообразно сохранить *широкое понимание грамматики*, которое было представлено в предыдущих системоцентрических академических грамматиках и имело по существу интегративный характер, поскольку включало в себя не только морфологию и синтаксис, но и лексику, морфемику, фонетику. Широкое понимание грамматики, на первый взгляд, как бы утрачивает исследовательскую значимость собственно грамматического (морфологосинтаксического) учения о слове. Однако, с нашей точки зрения, широкое понимание грамматики не только не утратило исследовательскую ценность, но, наоборот, *стало актуальным* в контексте современного *интегративного подхода* к изучению русского языка в эпоху антропоцентризма. Оно позволило включить грамматику в коммуникативное пространство с учетом различий между языком и коммуникацией.

Результатом процесса интеграции разных уровней языковой системы должно быть не столько утверждение их взаимосвязи, что очевидно, сколько описание их *взаимодействия* и «упорядоченного функционирования частей целого» [ФЭС, 1983, с. 210], т. е. *интеграция предполагает ее структурирование*. В частности, *место и статус морфологии* в интегративном пространстве языковых уровней мы характеризуем так: *морфология определяется синтаксисом, а в целом они обслуживают лексику, оформляя ее грамматические значения, как правило, морфемным способом, структурируя ее содержание (морфология) и осуществляя лексикосинтаксическую координацию (синтаксис)*.

В рамках морфологии основной единицей является слово. Именно в отношении слова В. В. Виноградов определял грамматическое учение [Виноградов, 1972], поскольку слово синтезировало в себе интеграцию всех составляющих его компонентов, которые осознавались в качестве отдельных единиц в многоуровневой системе русского языка. С нашей точки зрения, *слово* – это *лексический репрезентант концепта, который в речи имеет фонетическую природу объективации, является синтагматическим членом высказывания и предстает в его синтаксических пози-*

циях в тех или иных морфологических формах, значения которых отражены в морфемной структуре и образуют языковую парадигму лексемы.

На пути от системоцентризма к антропоцентризму особую актуальность и научную значимость приобретает *соотношение традиции и новаторства*. Их взаимосвязь естественна, но отношения между ними оказываются не такими уж простыми в плане их отражения в научных трудах. Что будет в основе их выбора для включения в НАГ? Какие критерии? Учитывая *относительный* характер отношений между традицией и новаторством, важно осознавать, что для отказа от традиций необходимы убедительные доказательства и, главное, понимание того, что предлагается, поскольку человеку, по мнению психологов, присущ «*познавательный диссонанс*», т. е. внутреннее сопротивление всему новому, что может разрушить привычный стереотип. Возникает *вопрос оценки новых знаний и целесообразности* их включения в НАГ.

Современному пользователю НАГ нужна цельная (целостная) теория, которая оказалась бы непротиворечивой, экономной, имела бы достаточную объяснительную силу и в то же время учитывала бы научную и учебную традицию, разрыв с которой всегда болезненно воспринимается в научном и образовательном сообществе. При этом важно осознавать, что знания отражают лишь современный этап познания языка, тогда как через некоторое время эти знания могут оказаться в противоречии с новыми данными, которые окажутся результатом дальнейшего поступательного развития лингвистической науки. Поэтому научному сообществу необходимо *своевременно* осуществлять синхронный срез грамматики, в данном случае с учетом интеграции системоцентризма и антропоцентризма, в которой антропоцентрическое описание будет определяющим в исследовательском плане.

В докладе представлен фрагмент *системо-антропоцентрического* подхода к описанию частей речи русского языка (на материале глагола).

Литература

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки рус. культуры, 1999.
- Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5–12.
- Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М. : Высш. шк., 1972.
- Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2009.
- Колесов В. В. История русского языкознания: Очерки и этюды. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003.
- Корпусные исследования по русской грамматике. М. : Пробел-2000, 2009.
- РГ: Русская грамматика. Т. 1. М. : Наука, 1980.
- Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С. О. Савчук, Т. А. Архангельский, А. А. Бонч-Осмоловская, О. В. Донина, Ю. Н. Кузнецова, О. Н. Ляшевская, Б. В. Орехов, М. В. Подрядчикова // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.
- Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке (Философские очерки). М. : Наука, 1975.
- ФЭС: Философский энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1983.

Шарандин А. Л. Системная категоризация русского глагола. Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001.

Шарандин А. Л. Коммуникация как особый тип интегративной деятельности человека // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 116–120.

Шарандин А. Л. Сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика как единое концептуальное пространство // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3 (25). С. 240–250.

A. L. Sharandin, Doctor of Philology, Professor (Tambov)

INTEGRATION OF SYSTEMOCENTRISM AND ANTHROPOCENTRISM AS THE BASIC PRINCIPLE OF CREATING A NEW ACADEMIC GRAMMAR OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article presents the author's position on the creation of a new academic grammar of the Russian language. The urgent need for this is determined by the information shift, which occurred 45 years after the release of the "Russian grammar" of 1980, taking into account the development of the anthropocentric approach, which replaced the system-centric description of the language. Their integration will allow you to maintain knowledge of language and language and grow new knowledge that reflect the world in the language and the current state of the Russian language. Anthropocentrism and systemocentrism do not exclude, but complement each other, but at the same time an anthropocentric description in their integration is a decisive in the research plan. The main difference between them is that the system-centric learning of the Russian language implied the final and static description of the language system and included, first of all, the knowledge of the language and knowledge of the language, as it were, regardless of the native speaker, which had the status of a passive subject. The anthropocentric approach to the forefront puts forward the study of the language abilities and knowledge of the native speaker as an active subject.

Keywords: Russian, grammar, system-centric and anthropocentric description of the language, integration, new academic grammar.

Н. К. Онипенко, кандидат филологических наук, доцент
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва

ГРАММАТИКА И ТЕКСТ: К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ ГРАММАТИКИ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ

Аннотация. Обсуждаются принципы построения грамматики объяснительной, в которой говорящий и его коммуникативные интенции помещаются в центр системного описания русского языка. Обосновывается идея о том, что объяснительная грамматика строится на базе грамматики функциональной. При этом значимые языковые единицы понимаются как трехмерные; грамматические категории рассматриваются в их взаимодействии на уровне предложения и текста; функциональные возможности языковых единиц соотносятся с их лексико-семантической принадлежностью. Различаются функции семантико-синтаксические и текстовые. На уровне текста грамматические категории и конструкции обнаруживают связь с точкой зрения говорящего. Переход от системы синтаксических единиц к их функционально-текстовому описанию осуществляется посредством трех основных идей коммуникативной грамматики: коммуникативного регистра речи, модели субъектной перспективы текста и таксисной грамматической техники связности.

Ключевые слова: коммуникативная грамматика, семантика, лексико-семантический разряд, функция, анализ текста, детерминант, видо-временная форма.

Со второй половины 60-х гг. прошлого века в лингвистике начала формироваться новая дисциплина – лингвистика текста, формировавшая свой объект и свой собственный терминологический аппарат, который должен был отграничить ее сферу исследования и сферы исследования грамматики. При этом для анализа текста использовались и продолжают использоваться прежде всего лингвистические инструменты; см., например, [Лукин, 2005].

В 1985 г. В. Г. Адмони опубликовал статью «Грамматика и текст», в которой обосновывал такую лингвистическую дисциплину, как «текстоведение». Главной задачей автора статьи было отделение этой дисциплины от других филологических дисциплин, обоснование особых принципов анализа для этой дисциплины. В. Г. Адмони сохранял понятие грамматики как одного из аспектов анализа текстов, он писал: «Наука, изучающая тексты как таковые, является самостоятельной филологической наукой, которую условно можно назвать текстоведением. О грамматике текста можно говорить лишь как о разделе грамматики, изучающем поведение грамматических единств (в том числе и наиболее развернутых из них – сверхфразового единства и абзаца) в тексте» [Адмони, 1985, с. 68].

К концу XX в. грамматика стала антропоцентричной, текстоцентричной и объяснительной. Объяснительность предполагает не только системность, но и адресованность научного описания носителю языка, возможность доказательства посредством лингвистического эксперимента и

необходимость установления связей между грамматикой и текстом, а также учет диахронии.

Концепция коммуникативной грамматики, развивающаяся в рамках функционализма, продемонстрировала значительные возможности грамматической теории при анализе текста и признала важным не только движение от функционально описанной грамматики к тексту, но и от текста к грамматике. В книге 2004 г. поставлена задача «показав возможности изучения текстовых структур на основе грамматического знания, увидеть новые связи между языковыми явлениями, скорректировать прежние представления» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 480], т. е. написать грамматику с учетом функций не только в структуре предложения, но и в структуре текста.

На уровне текста лексические, морфологические и синтаксические единицы вступают во взаимодействие. Это взаимодействие обнаруживается по трем направлениям: по модусу (коммуникативный регистр речи), по линии субъекта модуса (модель субъектной перспективы), по линии времени (видо-временная характеристика предикатов на фоне общей временной организации текста).

Соответственно, языковые единицы могут быть описаны с учетом, помимо уже известных синтаксических функций, (1) возможностей их функционирования в том или ином регистровом фрагменте; (2) их роли во временной организации текста (выражении статики или динамики); (3) их места в структуре образа автора (их связи с той или иной субъектной позицией); (4) их роли в тема-рематической связности текстового фрагмента.

Учет этих функционально-текстовых параметров позволяет ответить на многие «почему», которыми задается читатель современных грамматик. Вот некоторые из проблем, которые находят свое решение на уровне текста.

1. Принципы идентификации языковых единиц. С учетом функционально-регистровых возможностей различаются номинативные предложения, именительный темы, обращения и вокативные предложения – регистровой предназначенностью: в репродуктивном регистре могут быть только номинативные предложения, поскольку обусловлены точкой зрения наблюдателя (*Перо. Чернильница. Жара. / И льнет линолеум к подошвам.* – И. Бродский); именительный темы – в информативном или генеритивном (*Желанья!.. Что пользы напрасно и вечно желать?* – М. Ю. Лермонтов); обращения – в волюнтивном (Войницкий. *Сестра моя... милая сестра моя... где она теперь? Если бы она знала! Ах, если бы она знала! Соня. Что? Дядя, что знала?* – А. П. Чехов); вокативные предложения – в реактивном регистре, с добавочным значением (Войницкий. *Никаких у него нет дел. Пишет чепуху, брюзжит и ревнует, больше ничего. Соня. (тоном упрека) Дядя!* – А. П. Чехов).

2. Принято считать, что имена занимают пространство, а глаголы «живут» во времени. Поэтому ответ на вопрос, могут ли локативные син-

таксемы участвовать в выражении временной динамики, кажется, должен быть отрицательным. Это будет так, если мы находимся в пределах предложения – в рамках, например, теории детерминантов [Русская грамматика, 1980, т. 2], интерпретируем локативы в связи с понятием локализатора в бытийных предложениях [Арутюнова, Ширяев, 1983] или рассматриваем средства выражения таксиса в рамках ТФГ [ТФГ, 1987, с. 239–240]. Но если учесть, что для детерминанта (и локализатора) типичной позицией является позиция абсолютного начала предложения, то ответ на заданный вопрос следует искать в тексте. См. пример из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

Седой как снег, без единого черного волоса старик, который недавно еще был Римским, подбежал к двери, отстегнул пуговку, открыл дверь и кинулся бежать по темному коридору. У поворота на лестницу он, стена от страха, нащупал выключатель, и лестница осветилась. На лестнице трясущийся, дрожащий старик упал, потому что ему показалось, что на него сверху мягко обрушился Варенуха. Сбежав вниз, Римский увидел дежурного, заснувшего на стуле у кассы в вестибюле. Римский пробрался мимо него на цыпочках и выскользнул в главную дверь. На улице ему стало несколько легче. В репродуктивно-описательном фрагменте, во взаимодействии с глаголами совершенного вида локативы выражают динамику перемещения героя, что обнаруживается подстановкой деепричастия *оказавшись* (прототипическое средство выражения зависящего таксиса по ТФГ).

Авторы 1-го тома ТФГ относят к функционально-семантическому полю таксиса предложения с деепричастием, однородные сказуемые и сказуемые в сложном предложении, а также добавляют причастия и предложно-падежные формы отглагольных существительных. Это значит, что в ФСП таксиса будут включены следующие конструкции: *Войдя в комнату, С. сразу же зажег свет*; *С. вошел в комнату и сразу же зажег свет*; *Когда С. вошел в комнату, он сразу же зажег свет* (примеры из [ТФГ, 1987, с. 239]), а также: *При входе в комнату С. сразу же зажег свет*; *С., вошедший в комнату, сразу же зажег свет*. Но не учитывается пример с локативом в абсолютном начале: *В комнате С. сразу же зажег свет*. Все эти примеры односубъектная полипредикативная конструкция. Вот пример из И. Бродского с двусубъектной конструкцией (перемещающийся субъект и те, кто находится в помещении, не совпадают): *пугающий безголосьем, / звонок порождает в итоге скрипучее «просим, просим»: / в прихожей вас обступают две старые цифры «8»* (т. е. когда вы попадаете в прихожую). См. у Н. В. Гоголя с возможным дательным падежом наблюдателя:

Взобравшись узенькою деревянною лестницею наверх, в широкие сени, он встретил отворившуюся со скрипом дверь и вместе с нею исходящий свет и толстую старуху в пестрых ситцах, проговорившую: «Сюда пожалуйте!» В комнате попались всё старые приятели,

...а именно: заиндевевший самовар, выскобленные гладко сосновые стены, трехугольный шкаф с чайниками и чашками в углу ...

Из этого следует, что категория таксиса – это грамматическая техника связности и что исследователь должен выходить за пределы большой буквы и точки, что категория времени (и в таксисном варианте) – категория текстовая, а значит, в ней могут участвовать не только глагольные формы и производные от глагола существительные, но и синтаксемы, образованные от конкретных (предметных и пространственных) существительных. Локативы соединяют предшествующую динамику со статикой, т. е. выполняют перфективную функцию.

3. Еще одна проблема – это двойные семантические роли, например, соединение локативного и субъектного значений, в том числе в позиции детерминанта. Речь идет о формах *перед* + Твор. пад., которые могут предьявлять субъекта мнения, что отмечено в «Русской грамматике»: «*Перед кем* – со знач. субъекта, оказавшегося в каком-л. состоянии, столкнувшегося с какой-л. ситуацией: *Перед ним* (у него, для него) *встал неразрешимый вопрос*; *Перед школой* (у школы, для школы) *такой проблемы не стояло*; *Перед учеными* (у ученых) – *сложнейшая задача*» [Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 156]. Примеры, приведенные во втором томе Грамматики-80, относятся к информативному регистру, что не позволяет интерпретировать типичные для художественных текстов фрагменты репродуктивного регистра:

Не дождался, к старухе воротился –

Глядь: опять перед ним землянка;

На пороге сидит его старуха,

А пред нею разбитое корыто. (А. С. Пушкин)

Синтаксема *перед ним* соединяет диктальное (локативное) и модусное (фигура наблюдателя) значения, в отличие от синтаксемы *пред нею*, которая синонимична *около нее* (сцена дается с точки зрения старика). В. В. Виноградов в работе «Стиль “Пиковой дамы”» обратил внимание на форму *перед графинею* в связи с анализом образа автора: «...лишь однажды повествование преломляется через восприятие старухи – в сцене явления перед нею Германна. *Вдруг это мертвое лицо изменилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: перед графинею стоял незнакомый мужчина*. ... Лишь только с точки зрения старухи можно было назвать Германна “незнакомым мужчиной”» [Виноградов, 1980, с. 209]. Это наблюдение обнаруживает текстовую функцию субъектных синтаксем – указывать ту позицию, с которой подается та или иная сцена. (Подробнее о *перед* + Твор. пад. см. в [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 298–302].) С помощью подобных синтаксем осуществляется переключение точки зрения в тексте.

4. Переключение точки зрения возможно в трех вариантах: по типу модуса, по субъекту модуса (при сохранении типа модуса) или и по типу, и по субъекту. В рассмотренном В. В. Виноградовым примере мы видим

второй вариант. Тем же несовпадением субъектов характеризуется и присоединительная конструкция. В. В. Виноградов писал об этом: «Иногда несоответствие сцепляемых словесных частей всецело обусловлено принадлежностью их к разным субъектным планам речи, к семантическим сферам, отражающим точки зрения разных лиц. „Письмо содержало в себе признание в любви; оно было нежно, почтительно, и *слово-в-слово взято из немецкого романа*. Но Лизавета Иванова по-немецки не умела и была очень им довольна“» [Виноградов, 1980, с. 235].

5. Дискурсивная сущность вводных слов становится видна только в тексте, поскольку они выполняют функцию переключателя точки зрения, см. переключение по типу модуса, т. е. по регистру: *Из-за облачных обрывков глядела на них луна и хмурилась: **вероятно**, ей было завидно и досадно на свое скучное, никому не нужное девство* (А. П. Чехов).

6. Анализ текстов, прежде всего художественных, позволяет увидеть и теоретически интерпретировать односоставные предложения на фоне модели субъектной перспективы; интерпретировать значимое отсутствие как эгоцентрическую грамматическую технику [Онипенко, 2013].

7. Учет текстовых связей полипредикативного предложения дал основания для функционально-семантического уточнения условий обособления препозитивных причастных оборотов [Онипенко, 2024].

Известно, что эмотивные предикаты нередко употребляются в предложениях, выражающих причинные отношения, а значит, препозитивные причастные обороты с эмотивной семантикой должны обособляться. См. известный пример, проанализированный А. М. Пешковским: *Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался своим размышлениям* (А. С. Пушкин). Здесь все по правилу, хотя А. М. Пешковский предьявляет и вариант без обособления.

Но у М. Булгакова мы видим, что причинное значение не влияет на обособление:

*Совершенно сбитый с толку **бухгалтер** вынул из бумажника две трешки и показал шоферу.*

*Пораженный этим обстоятельством **бухгалтер** долгое время стоял столбом, соображая, что бы это значило.*

*Потрясенный всем этим **бухгалтер** дошел до секретарской комнаты, являвшейся преддверием кабинета председателя комиссии, и здесь окончательно поразился.*

По-видимому, для М. Булгакова было важно ударение на нарицательном существительном, а обособление причастного оборота связано с потерей существительным ударности. Имя бухгалтера мы знаем – Василий Степанович Ласточкин, но рассказчик продолжает называть героя бухгалтером, что позволяет сохранять дистанцию между автором и героем. Препозитивные причастные обороты обособляются при конкретно-референтных именах и личных местоимениях. Обособление делает семантику определяемого слова более определенной (референтной). На обособ-

ление влияет не столько причина, сколько определенность-неопределенность главного слова, что, в свою очередь, зависит от предшествующего контекста. В данном случае мы имеем имплицитную артиклевую технику.

Таким образом, анализ текстового материала позволяет внести существенные уточнения в существующие грамматические описания русского языка, превратить грамматику описательную в грамматику объяснительную.

Литература

- Адмони В. Г. Грамматика и текст // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 63–69.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. Структура и значение. М. : Русский язык, 1983.
- Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : ИРЯ РАН, 2004.
- Лукин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории: аналитический минимум. 2-е изд. М. : Ось-89, 2005.
- Онипенко Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / отв. ред. А. В. Бондарко. М. : Языки славян. культуры, 2013. С. 92–121.
- Онипенко Н. К. Еще раз об обособлении препозитивных атрибутивных оборотов // Русская речь. 2024. № 3. С. 115–127.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М. : Эксмо, 2009.
- Русская грамматика. Т. 2. М. : Наука, 1980.
- ТФГ: Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л. : Наука, 1987.

N. K. Onipenko, Candidate of Philology, Associate Professor (Moscow)

GRAMMAR AND TEXT: ON THE PROBLEM OF BUILDING A GRAMMAR OF EXPLANATORY

Abstract. The article discusses the principles of constructing an explanatory grammar, in which the speaker and their communicative intentions are placed at the center of a systematic description of the Russian language. The idea that explanatory grammar is based on functional grammar is substantiated. In this case, significant linguistic units are understood as three-dimensional; grammatical categories are considered in their interaction at the level of sentences and texts; the functional capabilities of linguistic units are related to their lexical and semantic characteristics. The article distinguishes between semantic-syntactic and textual functions. At the textual level, grammatical categories and constructions reveal a connection with the speaker's point of view. The transition from the system of syntactic units to their functional-textual description is carried out through three main ideas of communicative grammar: the communicative register of speech, the model of the subject perspective of the text, and the taxis grammatical technique of coherence.

Keywords: communicative grammar, semantics, lexical-semantic subclass, function, text analysis, independent component, tense-aspect form.

И. Е. Ким, доктор филологических наук, доцент
Институт филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

СЛОВО И ЧАСТЬ РЕЧИ В ПРОСТРАНСТВЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Аннотация. В русской морфологии при определении части речи как класса слов наблюдается компромиссный подход, связанный с балансом словоизменительных и номинативных характеристик входящих в ее состав слов. При этом часть речи как словоизменительный класс с определенной парадигмой и набором морфологических категорий оценивается гораздо строже, чем ее номинативный потенциал, для которого используется понятие прототипа, образцового, но отнюдь не обязательного класса ре-алий. Тем не менее номинативный класс отдельного слова влияет на объем его слово-изменительной парадигмы, а также состав и характер обслуживающих слово морфо-логических категорий. Возможно как сужение базового состава форм и категорий, так и его расширение, что говорит о нестрогом соответствии номинативного класса и сло-воизменительных характеристик слова внутри части речи. Это свидетельствует о том, что часть речи как морфологический класс слов имеет полевою организацию, со сло-воизменительным, категориальным и номинативным центром и соответствующей пе-риферией.

Ключевые слова: семантика части речи; словоизменительный класс; морфоло-гическая категория; дефектная (неполная) парадигма, полевая организация части речи.

Русская морфология частей речи представляет собой результат компро-мисса между двумя отечественными традициями морфологического описа-ния, каждая из которых внесла принципиальный вклад в изучение русской морфологии начиная с конца XIX в. и до сегодняшних дней.

Первая традиция, породившая одну из самых авторитетных научных школ в отечественной лингвистике, – Московская формальная школа, бе-рущая начало от Ф. Ф. Фортунатова и воплотившая строгий формальный подход, ориентированный на внешние характеристики словоизменения. Образцом последовательного словоизменительного подхода к морфоло-гии имени является блестящая работа А. А. Зализняка [1967]. Одним из последних морфологических трудов в этой традиции можно назвать мо-нографию М. В. Панова [1999], в которой он стремился описать систему форм слова как набор его позиционных вариантов, обусловленных лекси-ко-грамматическим окружением.

Вторая традиция носит скорее характер преемственности идей и имеет начало в морфологических работах А. А. Потебни. В этой традиции словоизменение тесно связывается с выражаемой семантикой, поэтому ее часто определяют как функциональную. К ней можно отнести Санкт-Петербургскую школу функционально грамматики А. В. Бондарко и неза-висимый подход М. А. Шелякина.

Недостатки обеих традиций известны и обнаруживаются при игнори-ровании формальной морфологией номинативной природы слов, попадаю-щих в один словоизменительный класс, и, с другой стороны, при преувели-

чении влияния семантического класса слова на его формальное поведение в функциональной морфологии. В известном смысле и формальная, и функциональная противоречивость морфологической системы русского языка может быть объяснена принципом асимметрического дуализма языкового знака С. И. Карцевского [1965], согласно которому языковой знак скользит по поверхности реальности, зацепляя ее небрежно и непоследовательно, порождая синонимию и полисемию, избыточность лексико-морфологических и двусмысленность синтаксических языковых средств.

Современная русская морфология носит компромиссный характер еще в одном отношении. Это нестрогое соответствие частей речи и обслуживающих их морфологических категорий.

Методологическим принципом описания семантики частей речи как морфологических классов слов является признание наличия у четырех частей речи: существительного, прилагательного, числительного и глагола – так называемой категориальной семантики, т. е. номинативного класса, для обозначения которого предназначена та или иная часть речи, ее семантического прототипа (А. Вежицкая [1999] даже фиксирует наличие лексических прототипов для частей речи в типологическом аспекте).

Для существительного это предмет (вещь), для глагола – процесс, действие или событие, для числительного – количество или число, для прилагательного – качество (многие лингвисты определяют номинативный класс этой части речи как признак).

Сложность части речи как компромисса между номинативным и словоизменительным классом проистекает из-за нестрогости соответствия между ее номинативным потенциалом и словоизменительным статусом. Проявляется это не только в парадигме словоизменения отдельных слов, но и в системе обслуживающих эти слова морфологических категорий.

А. Л. Шарандин пишет о дефектности словоизменительных парадигм слов «как показателе взаимодействия лексической и грамматической семантики и как способе выявления и описания лексико-грамматических разрядов», указывая при этом, что такая дефектность связана с семантическими причинами и поэтому закономерна [Шарандин, 2009, с. 21–22].

Б. Ю. Норман идет дальше в оценке состава парадигмы отдельных слов. Он пишет о неполноте парадигмы, указывая четыре основных случая:

«а) в парадигме слова отсутствует отдельная словоформа (например, в русском языке у слов *мечта* и *мольба* нет форм родительного падежа множественного числа: нельзя сказать «мечт» и «мольб») <...>;

б) вся парадигма слова сводится к одной-единственной форме: эта словоформа становится полномочным репрезентантом слова (наиболее известные в русском языке примеры: *щец*, *дровец*, *дружнице* <...>;

в) в парадигме отсутствует ряд форм, объединенных грамматическим значением. Иными словами, какая-то граммема в составе парадигмы не реализуется <...>;

г) у лексико-семантической группы слов не реализуется какое-то грамматическое значение. Так, от ряда русских прилагательных цветовой семантики (в частности, обозначающих цвет через отношение к предмету – *коричневый, сиреневый, шоколадный, салатный, кремовый* и др.) не образуется краткая форма...» [Норман, 2011, с. 13–14].

Анализ этих разных ситуаций с «потерей» части форм словоизменения приводит Б. Ю. Нормана к следующему выводу: «...самому слову полная парадигма не нужна: ему для реализации в какой-то форме достаточно опоры на прецедент, на “конкретный пример”. Соответственно, полнота парадигмы слова выступает как относительный признак, а неполнота оказывается инструментом, “шифрующим” лексическое значение, помогающим закрепить его в сознании носителя языка» [Там же, с. 17]. Другой важный вывод, который делает Б. Ю. Норман, заключается в том, что данные статистики употребления форм слов, редко встречающихся в речи, показывают неполноту их парадигмы, не осознаваемую носителями языка, поскольку такие слова оказываются на периферии пассивного словарного запаса и не рефлектируются как встречавшиеся в большом количестве словоупотреблений. В качестве примера он приводит все вхождения слова *зеленца* в Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) [Национальный корпус ..., 2024]: 14 вхождений, всего в трех падежных формах, из них абсолютно преобладает творительный падеж, в половине случаев с предлогом *с* [Норман, 2011, с. 22]. Моя интуиция носителя языка подсказывает мне, что я действительно знаю предложно-падежное сочетание *с зеленцой*, но не держу в голове в готовом виде лексему *зеленца*.

Не менее существенным фактором столкновения номинативного и словоизменительного классов является потенциальный и реальный набор морфологических категорий, которым обладает отдельное слово. Причем может наблюдаться как сужение стандартного набора категорий части речи, полноценно применимых к слову, так и его расширение. Отметим, что сужение парадигмы связано чаще не с утратой категории, а с изменением ее статуса: из словоизменительной она становится классификационной, у слова утрачивается одна из потенциальных граммем, а оставшаяся грамма образует весь набор форм слова и тем самым определяет его морфологический класс.

Так, в списке типов неполноты Б. Ю. Нормана под пунктом в) значится отсутствие ряда форм, объединяемых общим грамматическим значением. Самый наглядный пример – существительные Sing. и Pl. tantum, у которых отсутствует грамма соответственно множественного и единственного числа, например, *грусть* и *чернила*. Такая дефектность парадигмы приводит к тому, что категория числа у этих существительных из словоизменительной превращается в классификационную, поэтому только привычка и предубеждение мешают нам назвать их существительными единственного и множественного числа. Среди причин утраты части числовой парадигмы обнаруживается систематическая причина – контину-

альность обозначаемых существительным реалий, не позволяющая применять к ним натуральный счет, отражаемый категорией числа. Дискретность входит в число признаков предмета, и дефектность парадигмы числа становится грамматическим сигналом непредметности слова. Есть ли непредметные существительные, имеющие соотносительные граммемы единственного и множественного числа? Несомненно, например, слова, обозначающие события (*свадьба*), дискретные временные отрезки (*час, вечер*) и другие дискретные непредметные сущности (*идея, лес*). Но категория числа и не претендует на то, чтобы отделять предметы от не-предметов. Ее словоизменительный характер лишь нестрого фиксирует важную для предмета черту дискретности.

Еще один из очевидных примеров дефектности парадигмы, связанный с утратой или, в другой интерпретации, с изменением статуса морфологической категории, – относительные прилагательные, например, *стеклянный*, которые в одной интерпретации лишены степени сравнения, а в другой имеют дефектную парадигму степени сравнения, являясь прилагательными *Positiva tantum*: *стеклянный* – **стеклянное* – **стекляннейший*. Отсутствие или изменение статуса категории – следствие того, что относительные прилагательные обозначают не качество, для которого интенсивность является обязательной характеристикой, а «транспонируют» семантику мотиватора – существительного *стекло* – в приспособленное для атрибутивного употребления прилагательное.

Пример избыточности морфологических категорий обнаруживается у существительных со значением лица (и некоторых со значением животного). Если такие существительные не содержат в своей лексической семантике значения пола (ср., например, *зять, роженица*), то они могли бы иметь словоизменительную, а не классификационную категорию рода, правда, ограниченную двумя граммемами: мужского и женского. И у некоторых слов такие потенциальные граммемы существуют, хотя такие слова и интерпретируются как самостоятельные существительные, например, *кум / кума; супруг / супруга, лебедь II* склонения / *лебедь III* склонения, субстантивированные *рабочий* и *рабочая, невиновный* и *невиновная*. Различаются эти системы форм только типом склонения, а субстантивированные прилагательные, в силу другой организации парадигмы, формально не различаются даже этим. Второй большой класс таких слов – исконные существительные общего рода, актуальное значение рода которых определяется только в соответствующем лексикограмматическом окружении, например, *забияка, ябеда, сирота*. Мы также знаем непростую судьбу «новых существительных общего рода», например, *автор, блогер, доктор*, – в настоящее время являющихся полем боя для сторонниц теории феминитивов [Федотова, Кулик, 2016; Беркутова, 2019; Бурдина, 2020 и др.]. Вступая с ними в заочную полемику, хочу отметить, что регулярное добавление к наименованиям лиц по социальному статусу мужского рода суффикса *-к* не спасет феминитивы от неравнопра-

вия, поскольку они будут сохранять следы производности. Единственное спасающее суть желанной реформы решение, которого вряд ли добьются сторонники феминистской лингвистики, – это регулярно добавлять и суффиксе мужского рода (маскулатива) к таким словам, например, *авторец / авторка, блогерец / блогерка, докторец / докторка*.

Реже, далеко не так системно, проявляются другие категории одной части речи у слов другой части речи, например, категория вида у *Nomina actionis* и *Nomina agentis*, мотивированных глаголами. Такие существительные обычно нечувствительны к видовым показателям мотивирующего глагола, например, *подносить / поднести* – *подноска* и *подносчик, убить / убивать* – *убийство* и *убийца / убивец*. Но *нырять* обычно *ныряет*, а не *нырнул* один раз. *Толкатель* – это то, что *толкает*, а не тот, кто *толкнул*, ср. реплику героя А. Мягкова в фильме «Ирония судьбы»: «*Не надо меня толкать! Толкачи какие-то...*». Редко встречаются условные «видовые» пары существительных, у которых видовое различие отражается в морфемном составе слова, потому что однократно совершивший какое-то действие редко удостоивается отдельного существительного, как и регулярное повторение события. «Видовые» пары существительных *спас-и-тель* (тот, кто *спас*) и *спас-а-тель* (тот, чья профессиональная функция *спасать*), *спас-е-ние* (акт) и *спас-а-ние* (деятельность) по-своему уникальны. Есть и такой нюанс употребления выражения *спасание на водах*: аспектуально это не только многократность, но и процессуальность без гарантии результативности. *Спасание* еще не значит *спасение*, что оправдывает довольно частые неудачи в этой деятельности, ср.: *Мы надемся на спасение* и *Мы надеемся на спасание*.

Таким образом, отдельное знаменательное слово содержит в себе лексическую номинативную семантику, обозначая класс реалий, обладающих определенной совокупностью свойств. Но, кроме того, слово в русском языке должно иметь соответствующее морфологическое оформление, связанное с системой форм словоизменения и морфологической семантикой, воплощенной в совокупности категорий, каждая из которых также отражает типизированное свойство реалий.

Устойчивые конфигурации словоизменения формируют части речи – большие словоизменяемые классы слов, в которых совокупность морфологических категорий отражает «наивную» (Ю. Д. Апресян) систему представлений о классе реалий, связанном с частью речи. Однако номинативный потенциал части речи может вступить в противоречие с классом реалий, обозначаемым конкретной лексемой, вследствие чего последняя может иметь иную конфигурацию словоизменения и самостоятельный набор морфологических категорий, шире или уже, чем стандартный набор, характеризующий часть речи.

Это значит, что часть речи как морфологический класс слов имеет полевую организацию, со словоизменяемым, категориальным и номинативным центром и соответствующей периферией. Произвольность но-

минативного класса отдельного слова позволяет последнему находиться на периферии части речи со своим набором форм словоизменения и морфологических категорий и тяготеть к переходу в другие части речи, чья номинативная семантика ближе к лексической семантике слова.

Литература

Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26. URL: <https://www.psytpart.com/feminitiv-lingvisticheskii-aspekt>.

Бурдина Е. А. Язык и общество в рамках категории рода: феминитивы в современной ортологии // Филологический аспект : междунар. науч.-практ. журн. 2020. № 6 (62). С. 72–78.

Вежицкая А. Лексические прототипы как универсальное основание метаязыковой идентификации «частей речи» // Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки рус. культуры, 1999. С. 134–170.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М. : Наука, 1967.

Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания 19–20 вв. в очерках и извлечениях. М. : Просвещение. 1965. Ч. 2. С. 85–90.

Норман Б. Ю. О неполной парадигме слова // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы) : сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск. Минск : Изд. центр БГУ, 2011. С. 13–23.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М. : Наука : Языки рус. культуры, 1999.

Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С. О. Савчук, Т. А. Архангельский, А. А. Бонч-Осмоловская, О. В. Дониная, Ю. Н. Кузнецова, О. Н. Ляшевская, Б. В. Орехов, М. В. Подрядчикова // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.

Федотова Т. В., Кулик И. В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // Евразийский союз ученых. 2016. № 28-2. С. 67–69.

Шарандин А. Л. Методология лексической грамматики // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы : сб. материалов Всерос. науч. конф. / отв. ред. А. Л. Шарандин. Тамбов, 2009. С. 18–39.

I. E. Kim, Doctor of Philology, Associate Professor (Novosibirsk)

WORD AND PART OF SPEECH IN THE SPACE OF MORPHOLOGICAL CATEGORIES

Abstract. Russian morphologists when defining a part of speech as a class of words observe a compromise approach associated with the balance of inflectional and nominative characteristics of the words included in it. At the same time, a part of speech as an inflectional class with a certain paradigm and a set of morphological categories is assessed much more strictly than its nominative potential, for which we use the concept of a prototype, an exemplary, but optional class of realia. Nevertheless, the nominative class of an individual word affects the volume of its inflectional paradigm, as well as the composition and nature of the morphological categories of the word. It is possible both to narrow the basic composition of forms and categories and to expand it, which indicates a non-strict correspondence between the nominative class and inflectional characteristics of a word within a part of speech. This suggests that a part of speech as a morphological class of words has a field organization, with an inflectional, categorical and nominative center and a periphery.

Keywords: morphological semantics; inflectional class of words; morphological category; defective (incomplete) paradigm, field organization of part of speech.

Т. Н. Коробейникова, кандидат филологических наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва

Е. В. Корпечкова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ ФОНД КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ КРОСС-СЛОВАРНОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Национальный словарный фонд – электронный ресурс, который будет включать информацию о русской лексике из 33 словарей различных типов: орфографического, орфоэпических, толковых, грамматического, этимологических и др. В Национальном словарном фонде формы слов, представленные во многих словарях только в виде окончаний (*конь*, *-я*, *-и*), будут раскрыты, и в них будет проставлено ударение (*конь*, *коня́*, *ко́ни*), а грамматические данные (род, число, падеж, вид и переходность глаголов и др.) в словарных статьях будут выделены в отдельную зону, что позволит исследователям и обучающимся быстро получить наглядную информацию о грамматической и акцентуационной вариативности форм слов в разных лексикографических источниках, увидеть различия в нормативных и стилистических пометах грамматических вариантов.

Ключевые слова: компьютерная лексикография, словари, грамматика, грамматические формы, электронный ресурс.

В большинстве современных цифровых лексикографических ресурсов информация из словарей представлена целыми словарными статьями, без деления на определенные зоны (зона заголовочного слова, толкования, иллюстраций и др.), которые заложены в бумажном словаре и о которых пользователь узнает из предисловия к печатному изданию. Работа с объемными статьями онлайн не всегда удобна для лингвистов, сравнивающих варианты грамматических форм, а содержание этих статей часто не до конца понятно неспециалистам.

Несколько лет назад в соответствии с поручением Президента РФ была начата работа над созданием государственной информационной системы «Национальный словарный фонд» (далее – НСФ). НСФ – интернет-ресурс, представляющий в электронном виде закреплённые в словарях разных по типу и времени создания данные о функционировании норм русского языка в их актуальном виде и исторической динамике [Каленчук, 2024, с. 36]. В НСФ входит 33 словаря, которые были оцифрованы и вычитаны на предмет опечаток и ошибок оцифровки.

Лексикографическая информация в НСФ будет представлена в 5 модулях, которые рассчитаны на разные группы пользователей и должны помочь им решить поставленные задачи.

Так, в основном модуле, над которым в настоящее время ведется активная работа, будет дана информация о написании, произношении слова, его грамматических формах и толковании. Следовательно, в него войдут орфографический словарь, орфоэпические, толковые и грамматический. В

словарях этих типов грамматические формы слова, как правило, представлены сокращенно, в виде окончаний (**КОЧЕРГА**, -и, -рёг, -ргам; **ГОЛУБЬ**, -я, -ей). Опрос студентов, школьников и взрослых пользователей-нелингвистов показал, что им не всегда понятно, что означают буквы с дефисами, данные после заголовочного слова. Поэтому в НСФ были автоматически раскрыты грамматические формы, представленные в словарях в виде окончаний. Автоматическое раскрытие затем было проверено специалистами. Каждая зона словарной статьи (формы слова, грамматическая информация, толкование) будет представлена в НСФ в отдельной строке.

Такая подача материала удобна для лингвистического кросс-словарного исследования по сравнению вариантов грамматических форм слов, которое часто необходимо лингвистам. Например, слово **ПСАЛТЫРЬ** дано в разных словарях основного модуля НСФ с разными пометами.

ПСАЛТЫРЬ, Псалты́ри и Псалтыря́ (часть Библии, книга псалмов) и **псалтырь**, псалты́ри и псалтыря́ (сборник псалмов для чтения вслух) [Русский орфографический словарь, 2012¹].

ПСАЛТЫРЬ, псалты́ри и *допуст.* псалтыря́ \\ в форме псалтырю – **псалты**[р'й]ю, в *беглой речи возможно* псалты[р']ю. [БОС].

ПСАЛТЫРЬ, псалты́ри; *жс.*; (разг.) **ПСАЛТЫРЬ**, псалтыря́; *м.* [БТСРЯ].

ПСАЛТЫРЬ, псалтыря́; *м* и **ПСАЛТЫРЬ**, псалты́ри; *жс.* [ОСРЯ-1, 10].

ПСАЛТЫРЬ, псалты́ри; *жс* и **ПСАЛТЫРЬ**, псалтыря́; *м* [БАС-2].

Сравнение статей показывает, что как разговорные формы мужского рода маркирует только БТСРЯ. В БОС они представлены как допустимые, в обоих изданиях ОСРЯ и БАС-2 варианты мужского и женского рода признаются нормативными. Разнообразие помет позволяет наивным носителям, для которых в первую очередь предназначен данный модуль НСФ, увидеть вариативность нормы в синхронии, развеять миф о ее непоколебимости.

Аналогично можно сравнить формы слова **ЩУПАЛЬЦА** в разных словарях основного модуля.

ЩУПАЛЬЦА, щу́пальцев и щу́палец, *ед.* щу́пальце, щу́пальца [РОС].

ЩУПАЛЬЦА, щу́палец, щу́пальцам; (*разг.*) **ЩУПАЛЬЦЫ**, щу́пальцев; *мн.* (*ед.* щу́пальце, щу́пальце *ср.*) [БТСРЯ].

¹ Далее названия словарей даются в сокращении: Русский орфографический словарь [2012] – РОС, Большой орфоэпический словарь [2017] – БОС, Большой толковый словарь русского языка [2008] – БТСРЯ, Орфоэпический словарь русского языка [1983, 2015] – ОСРЯ-1, 10; Большой универсальный словарь русского языка [2017] – БУСРЯ, Большой академический словарь [2004–...] – БАС-2.

ЩУПАЛЬЦА, щупальцев и щупалец, *ед.* щупальце, щупальца [ОСРЯ-1, 10].

При сравнении форм этого слова выясняется, что только в БТСРЯ фиксируется форма **ЩУПАЛЬЦЫ** с пометой *разговорное*, распределение форм родительного падежа в нем тоже отличается от данных других словарей. Таким образом, НСФ предоставляет возможность быстро получить материал для сравнения из разных словарей. Эта возможность ценна для обучающихся и людей, желающих повысить уровень культуры речи. Так, интересно сравнить формы частотного слова **ТРАКТОР**, встречающегося в орфоэпических словариках школьных учебников².

ТРА́КТОР, тра́ктора, *мн.* тракторá, тракторáм и *допуст.* тра́кторы, тра́ктором. [БОС].

ТРА́КТОР, тра́ктора, *мн.* трактор|á и *устарев.* тра́ктор|ы [БУСРЯ].

ТРА́КТОР, тра́ктора, *мн.* тракторá, тракторóв и тра́кторы, тра́кторов. [ОСРЯ-1, 10].

ТРА́КТОР, тра́ктора, *мн.* тра́кторы, тра́кторов и тракторá, тракторóв [РОС].

ТРА́КТОР, тра́ктора; *мн.* тра́кторы, тра́кторов и тракторá, тракторóв [БТСРЯ].

В двух словарях формы с безударными окончаниями имеют пометы *допустимое* и *устаревшее*, в трех других помет нет, что помогает составить более полное представление о нормативных вариантах в синхронии.

Умение пользоваться словарями необходимо и выпускникам школы. В вариантах для подготовки к ЕГЭ и ОГЭ, размещенных на сайте ФИПИ, также даны задания, связанные с образованием верной формы глаголов, например, формы 1-го лица, *ед. ч.* глагола *выздороветь*, формы 1-го и 3-го лица *ед. ч.* *махать*.

Составители экзаменационных вариантов не приводят список слов, формы которых нужно знать (в отличие от «орфоэпического словника» – списка слов, обладающих вариантной акцентуацией). Школьникам важно уметь находить и интерпретировать информацию о формах слова в словаре в случае затруднений.

МАХА́ТЬ(СЯ), машу́(сь), машет(ся) и махаю́(сь), махает(ся) [РОС].

МАХАТЬ, машу, машешь и (*разг.*) махаю, махаешь [БТСРЯ].

МАХАТЬ, машу́, машешь и (*разг.*) махаю́, махаешь, *деепр.* маха́я и (*реже*) машá [БАС].

МАХАТЬ, машу, машет [БОС].

ВЫ́ЗДОРОВЕТЬ, выздоровею, выздоровеет и (*разг.*) выздоровлю, выздоровит [РОС].

² Например, в словарики учебника «Русский язык. 4 класс» В. П. Канакиной даны равноправные формы *тра́кторы* и *тракторá*.

ВЫЗДОРОВЕТЬ, выздорою, выздороешь; выздоревший [БТСРЯ].

ВЫЗДОРОВЕТЬ, выздорою, выздороешь [БАС].

ВЫЗДОРОВЕ[ТЬ], выздорою, выздороест, выздороеют, *Va u* выздоролю, выздоро[ит], выздороят, *Vb* [БУСРЯ].

В случае с этими глаголами также можно проследить изменения словарных рекомендаций. В РОС формы *маиу́* и *махáю* даны как равноправные, БОС нормативной признает только форму с чередованием, БАС и БТСРЯ у форм *махáю*, *махáет* есть помета *разг.*

Формы глагола *выздоровлю*, *выздоровит* даются с пометой *разг.* в РОС и БУСРЯ, БАС и БТСРЯ не включают этот вариант.

Таким образом, организация словарного материала в НСФ даст пользователям возможность быстро и наглядно сравнить лексикографические данные нескольких словарей, увидеть в одном месте грамматические и акцентуационные варианты в соответствии с запросом, что будет полезно и лингвистам, и неспециалистам.

Литература

Большой академический словарь русского языка / под ред. К. С. Горбачевича. СПб. : Наука, 2004—...

Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М. : АСТ-Пресс, 2017.

Орфоэпический словарь русского языка / под ред. Р. И. Аванесова. М. : Русский язык, 1983.

Орфоэпический словарь русского языка / под ред. Н. А. Еськовой. М. : АСТ, 2015.

Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2017.

Каленчук М. Л. Национальный словарный фонд: новые возможности и перспективы // Русская речь. 2024. № 4. С. 34–41.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2008.

Русский орфографический словарь / под ред. Л. К. Чельцовой, О. Е. Ивановой, В. В. Лопатина, И. В. Нечаевой. М. : Аст-Пресс, 2020.

T. N. Korobeinikova, Candidate of Philology (Moscow)

E. V. Korpechkova (Moscow)

THE NATIONAL LEXICOGRAPHIC DATABASE AS A PLATFORM FOR CROSS-DICTIONARY GRAMMATICAL STUDY

Abstract. The National Dictionary Fund (NDF) is a digital resource that will include information about Russian vocabulary from 33 dictionaries of various types: spelling, orthoepic, explanatory, grammatical, etymological, etc. In the National Dictionary Fund, the forms of words presented in many dictionaries only in the form of endings (*конь*, *-я*, *-и*) will be revealed, and they will be stressed (*конь*, *коня*, *кони*), and grammatical data (gender, number, case, type and transitivity of verbs, etc.) in dictionary entries will be allocated in a separate area, which will allow researchers and students to quickly obtain visual information about the grammatical and accentuation variability of word forms in different lexicographic sources, to see differences in the normative and stylistic markings of grammatical variants.

Keywords: computational lexicography, dictionaries, grammar, grammatical forms, electronic resource.

Е. В. Разумных, кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА КАТЕГОРИЮ ЛИЧНОСТИ / БЕЗЛИЧНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОСТИ В РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается изменение подходов к исследованию категории личности / безличности в русистике в период с XVIII до начала XXI в., который условно делится на два этапа. На первом этапе основными характеристиками исследовательской парадигмы называются отсутствие классификационного различия между рядом структур, влияние идей философской грамматики и сравнительно-исторического подхода, стремление объяснить происхождение безличных оборотов. В рамках второго периода отмечается существенное расширение исследовательских взглядов и возникновение альтернативных концепций, дополняющих векторы традиционной русской грамматики. Среди основных вопросов – соотношение категорий логики и грамматики, инвариантное значение безличных оборотов, интерпретация их сущности с позиций лингвокультурологии и пересечение с другими языковыми категориями. Делается вывод не только о сложности и многогранности языковой категории личности/безличности, но и о полипарадигмальности как о сущностной характеристике русской грамматической традиции.

Ключевые слова: личность, безличность, бессубъектность, бесподлежащность, залоговость.

Русский язык относится к одному из тех языков, где репертуар средств выражения категории личности/безличности отличается большим разнообразием, в связи с чем их изучение в русском языкознании имеет богатую историю, которую можно условно разделить на два периода. В первом из них (XVIII–XIX вв.) данная тема затрагивалась в работах А. А. Барсова, А. Х. Востокова, Н. П. Некрасова, Ф. И. Буслаева, В. И. Классовского, А. В. Попова, А. А. Потебни, Д. Н. Овсянико-Куликовского и многих других ученых-языковедов. Основные тенденции, определяющие содержание исследовательских парадигм того периода, сводятся к следующему.

В наиболее ранних работах основное внимание уделяется так называемым безличным глаголам, однако со временем в поле зрения ученых оказываются целые конструкции и обороты в их синтаксическом окружении. При этом классификационного различия между структурами, известными сегодня как неопределенно- / обобщенно-личные и безличные, не проводится, и все предложения, не укладывающиеся в традиционную двусоставную схему с подлежащим в именительном падеже и указывающие на неопределенное действующее лицо или вообще лишенные такого указания, причисляются к одной большой группе безличных структур.

Рассуждения грамматистов находятся под влиянием как идей всеобщей философской грамматики, так и сравнительно-исторического

подхода, с помощью которого отыскиваются схожие факты в других языках. При сравнении русского языка с западноевропейскими основное внимание обращается на структуры с неопределенно-личным значением, имеющие в своем составе десемантизированные элементы типа *man* (нем.), *on* (фр.). Помимо этого, излюбленными в сравнительных исследованиях оказываются параллели с конструкциями, включающими формальное, дейктическое подлежащее типа *es* (нем.), *il* (фр.), *it* (англ.), которые, указывая на отсутствие действующего субъекта, одновременно сигнализируют о тяготении предложения к двусоставности. Ряд исследователей даже находит в русском языке аналог такого подлежащего – местоимение *оно* (*Оно тепло в избе*), средний род которого становится дополнительным подтверждением отсутствия деятеля за счет отрицания принадлежности к его определенному роду (А. В. Попов, А. А. Потенба).

Исследуя генезис безличных оборотов, исследователи по большей части склоняются к мнению об их происхождении от конструкций с личным значением. При этом возникновение безличных оборотов часто связывается с примитивным мифологическим мышлением первобытного человека, которое могло реализовываться в форме запрета на упоминание неких высших сил, или же с исконным преобладанием субъективного начала в человеческом мышлении, когда все события осознавались как связанные с тем или иным деятелем (напр., *Свет светает* → *Светает*).

В стремлении развести понятия логики и грамматики исследователи обращают внимание на наличие регулярных соответствий между некоторыми личными и безличными конструкциями типа *Я не сплю – Мне не спится* (Ф. И. Буслаев, Д. Н. Овсянко-Куликовский). Высказываются мнения о неправомерности признания в качестве личных предложений только тех, в которых указание на действующий субъект осуществляется за счет подлежащего в именительном падеже (В. И. Классовский). Помимо этого, осознается и условность самого термина «безличность» как грамматической характеристики структуры, а вовсе не отсутствия действующего лица.

Во втором периоде (XX–XXI вв.) комплекс проблем в связи с категорией личности/безличности подвергся дальнейшей разработке. В первой половине XX в. были сформулированы многие положения синтаксической теории и в целом той грамматики, которую сейчас принято называть «традиционной» или «классической». Деление предложений на односоставные и двусоставные было введено А. А. Шахматовым, различение неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций в рамках односоставных предложений закрепилось благодаря А. М. Пешковскому, теория предикативности получила разработку в трудах В. В. Виноградова. Значения неопределенно- и обобщенно-личности были выведены из общего массива конструкций, рассматриваемых как безличные. Понимание безличности стало более узким, а внимание исследователей сосредоточилось главным образом на широком спектре безличных конструкций как наиболее слож-

ном и гибко организованном фрагменте русской грамматики, где становится очевидным взаимопроникновение и взаимообусловленность морфологических и синтаксических категорий [Лекант, 2005, с. 105]. Для второй половины XX в. характерно необычайное разнообразие интерпретационных подходов, возникновение альтернативных точек зрения на рассматриваемое явление и поиск новых способов его системного описания. Основные тенденции исследовательских парадигм в этот период могут быть описаны следующим образом.

1. Решающим фактором в интерпретации аспектов личности/безличности остается взгляд на глобальную проблему соотношения категорий логики и грамматики и, в частности, на выделение и разграничение понятий грамматического и семантического субъекта. Стремление к их четкому разделению прослеживается в подходах с ярко выраженным формально-структурным началом, где признается приоритет формы над содержанием (Е. М. Галкина-Федорук, П. А. Лекант, Н. Ю. Шведова, В. В. Бабайцева, Ю. Т. Долин). Грамматическое значение безличности в предложении во многом определяется по наличию/отсутствию подлежащего в именительном падеже и определенной формы предиката, т. е. конструктивных элементов, отвечающих некоторым формальным требованиям. Представители данного направления зачастую подвергают другие концепции критике за смешение понятий безличности, бессубъектности и бесподлежащности как принадлежащих к разным сферам – логике, психологии, грамматике.

Иной взгляд на аспекты личности/безличности представлен в так называемых функциональных подходах. Вопрос о соотношении логического и грамматического субъекта здесь может решаться иначе – допускается считать определенно-личными и подлежащими те предложения, в которых семантический субъект выражен именем в косвенных падежах (Г. А. Золотова, М. Гиро-Вебер). В сравнении с формально-структурным подходом концепции подобного рода ориентированы не на формальные признаки предложения и его элементов, а на ситуацию реальной действительности, которая получает отражение в синтаксической конструкции. Логико-семантические категории оказываются здесь ведущими, а традиционное понимание личности/безличности в привязке к составу предложения расширяется. В целом же, несмотря на большую или меньшую выраженность в отдельных концепциях то структурного, то функционального начала, можно говорить о том, что в XX в. укрепилась прочная тенденция комплексного рассмотрения аспектов личности/безличности, поскольку применение какого-либо одного принципа для категоризации синтаксических структур является недостаточным.

(2) Высокую актуальность приобретает вопрос об инварианте безличных структур. Если на грамматическом уровне таким инвариантом может быть невозможность сочетания глагольного сказуемого в определенной форме с подлежащим в именительном падеже (хотя и с таким критерием

соглашаются не все исследователи, см., напр., [Павлов, 1998, с. 4]), то выявление семантического инварианта оказывается существенно более сложным, что связано как с широким разнообразием безличных структур в русском языке, так и с присущей им внутренней противоречивостью. Как правило, семантика безличности в разных трактовках связывается со значением неопределенности или неконтролируемости субстанции, от которой исходит действие или признак, в связи с чем последний представляется существующим сам по себе, без привязки к его производителю или носителю. Но и тут оказывается, что такое свойство не является универсальным и может проявляться в разных типах безличных предложений в разной степени, в связи с чем содержание термина «безличность» до сих пор не является однозначно определенным. Взамен старых предлагаются новые термины, напр., «событийность» [Березина, 2018].

(3) Отдельное направление исследований безличных структур сложилось в рамках отраслей лингвокультурологии и этнолингвистики. Здесь категория безличности часто трактуется как особый путь представления говорящим действительности, преломленной через призму его субъективных ощущений. Высказываются мнения о том, что обилие в русском языке безличных структур, в которых события или действия представлены как исходящие от внешних неконтролируемых сил, указывает на особенности национального характера русского человека, а именно – безвольность, пассивность и готовность следовать своей судьбе как предопределенной последовательности жизненных обстоятельств [Вежибская, 1997]. Идеи подобного рода акцентируются за счет сравнения с языками другого морфосинтаксического строя – например, английского, номинативный строй которого якобы свидетельствует об оптимизме и ответственности говорящих за происходящие в их жизни события. Представляется, однако, более правильным рассматривать любые синтаксические конструкции с учетом морфологических особенностей и истории конкретного языка. Среди исследователей, акцентирующих значимость типологических характеристик для межъязыковых различий в способах выражения тех или иных семантических категорий, Т. Б. Алисова, В. Г. Адмони, М. Гиро-Вебер, З. К. Тарланов.

(4) Широта взглядов, характерная для исследований в XX–XXI вв., заставляет исследователей обращать внимание на пересечение категории личности/безличности с другими явлениями языка. Функционально-семантическое поле персональности в концепции А. В. Бондарко находится в тесной связи с полем залоговости, поскольку четкое определение некоторых безличных конструкций как активных или пассивных оказывается невозможным (*Мне не читается; Вечереет*) [Бондарко, 2017, с. 277–278], см. также [Золотова, 2009]. Залоговость является не единственной категорией, обнаруживающей прочные ассоциации с безличностью. Исследования В. П. Неद्याлкова, посвященные типологии результативных конструкций на обширном материале русских диалектов и говоров, де-

монстрируют связь многих типов безличных оборотов с категорией результата [Недялков, Яхонтов, Маслов, 1983].

Таким образом, множественность подходов к исследованию категории личности/безличности в русском языке, наметившаяся в XVIII–XIX вв. и получившая дальнейшее развитие в XX–XXI вв., свидетельствует как о сложности и многообразии рассматриваемого явления, так и о широте и гибкости взглядов исследователей как о сущностной характеристике русской грамматической традиции.

Литература

- Березина О. А. Языковые средства актуализации категории «безличность». Казань : Бук, 2018.
- Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М. : Языки славянской культуры, 2017.
- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Рус. словари, 1997.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Либроком, 2009.
- Лекант П. А. О грамматической форме безличного предложения в русском языке // Проблемы изучения односоставных предложений : монография. М., 2005.
- Недялков В. П., Яхонтов С. Е., Маслов Ю. С. Типология результативных конструкций. Л. : Наука, 1983.
- Павлов В. М. Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке. СПб. : Наука, 1998.

E. V. Razumnykh, Candidate of Philology, Associate Professor (Moscow)

THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE PERSONALITY/IMPERSONALITY CATEGORY AS A REFLECTION OF POLYPARADIGMATILITY IN THE RUSSIAN GRAMMATICAL TRADITION

Abstract. The article gives an overview of changing approaches to the personality/impersonality category in the Russian language over the period of the 18th – early 21st century. The major characteristics of early studies include the absence of any classificatory distinction between some structures, the influence of philosophical grammar and the comparative historical approach, as well as the attempts to explain the origin of the impersonal structures in the language. Later on, the range of research concepts expanded significantly to cover a wide variety of issues, such as the relationship between grammar and logic, the invariant meaning of impersonal structures, interpretation thereof in the context of the so-called national thinking, and intersection with other language categories. It is concluded that the diversity of opinions in what relates to the personality/impersonality category points to its multifaceted nature, but also to a broad spectrum of research paradigms as an essential characteristic of the Russian grammar tradition.

Keywords: personality, impersonality, subjectlessness, passive voice.

А. В. Циммерлинг, доктор филологических наук, профессор

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина;

Институт языкознания РАН, г. Москва

КОНСТРУКЦИИ С ПОДЪЕМОМ АРГУМЕНТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ³

Аннотация. В статье рассматриваются русские конструкции с подъемом аргумента и делается вывод о том, что для описания всех русских предложений с инфинитивными дополнениями достаточно различения двух механизмов перестройки клаузы – контроля и подъема. Канонические предикаты подъема диагностируются по узкой сфере действия и отсутствию характерных для предикатов контроля эффектов матричной клаузы, в том числе – ограничения на одушевленность. Большая часть операторов подъема связана со сложными неглагольными (инфинитивными или связочными) предикатами, синтаксические вершины которых имеют нетипичные для русской грамматики свойства. Наиболее регулярно подъем реализуется в малых клаузах, вводимых предикатами, у которых есть сентенциальная валентность. Для таких предикатов условием приписывания творительного предикативного падежа является подъем субъекта малой клаузы в матричное предложение. Параллели к этому механизму можно усмотреть в субнормативной русской конструкции, где творительный падеж приписывается адъективной вершине поднятым сентенциальным аргументом.

Ключевые слова: подъем, контроль, полипредикация, инфинитивы, малые клаузы, сфера действия, русский язык.

Конструкции с *подъемом* аргумента были впервые выделены в [Postal, 1974] для объяснения случаев, где подлежащее или дополнение матричного предиката не является его семантическим аргументом, а извлекается из зависимой клаузы, ср. англ. *It seems_x [that he_y has left_y] ⇒ He_y seems_x [____y to have left_y]*. Подъемом (raising) называют тип синтаксической связи между клаузами, при котором аргумент зависимого предиката повышается в синтаксической иерархии и перемещается в главную клаузу, занимая в ней позиции подлежащего и дополнения и получая соответствующие этим позициям характеристики (например, морфологический падеж). Хотя соотношение нефинитных и финитных зависимых клауз у предикатов подъема может быть особенностью английского языка, извлечение (в других терминах – аттракция) аргумента зависимой клаузы является распространенной в языках мира стратегией перестройки полипредикатного комплекса. Конструкции сопоставимого типа, где клаузы соединяются через внешне невыраженный и невосстановимый аргумент, называются *синтаксическим контролем* [Rosenbaum, 1967]. При обязательном контроле аргумент одной из клауз (обычно главной), контролирует сокращение кореферентного ему аргумента другой клаузы. Предложения типа рус. *Вася_x хотел [Ø_x пить пиво]* интерпретируются как *Вася_x хотел*

³ Работа написана при поддержке проекта РНФ № 25-18-00222 «Контроль и подъем в языках Евразии», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

[~~Вася~~_x *пить пиво*], но восстановить удаленный аргумент на поверхностно-синтаксическом уровне нельзя.

В формальных моделях для контролируемых клауз постулируется нулевой субъект (большое PRO): это следует из определения контроля и допущения о том, что в любой клаузе есть подлежащая позиция [Landau, 2008]. Прием анализ [Лютикова, 2024], согласно которому в предложениях с подъемом PRO нет, так как они изначально порождаются с внешне выраженным подлежащим, которое затем перемещается в другую клаузу. Тем самым, сходство контроля и подъема состоит в том, что общий синтаксический аргумент двух клауз соответствует разным этапам порождения полипредикатного комплекса, а различие – в том, что при перестройке комплекса данный аргумент либо сокращается (контроль), либо меняет свой синтаксический адрес (подъем).

Типология контроля и подъема была создана М. Полинской и Э. Потсдамом [Polinsky, Potsdam, 2006; Potsdam, Polinsky, 2012]. В их версии, механизмы контроля и подъема действуют в любом направлении – как сверху вниз (от главной клаузы к зависимой), так и снизу вверх. Однако для описания русского языка достаточно двух типов – стандартного контроля (от главной клаузы к зависимой: $\text{Arg}_x \rightarrow [\text{PRO}_x \text{ v} \dots]$), и стандартного подъема (от зависимой клаузы к главной: $\text{Arg}_x \leftarrow [\dots \text{v}_x]$). М. Полинская и Э. Потсдам признали контроль, как и подъем, разновидностью синтаксического перемещения (movement), но для описания русской грамматики это допущение необязательно, а для т. н. косвенного контроля (oblique control), ср. рус. *Учитель_x потребовал от Васи_x [PRO переписать работу самому_y (*самого_y)]*, неудобно [Baykov, Rudnev, 2020].

Возможны два подхода к описанию русских конструкций подъема. Согласно первому, бинарного противопоставления контроля и подъема достаточно для описания всех предложений, где главная и зависимые клаузы соединены через внешне не выраженный аргумент [Лютикова, 2022a; 2022b]. Согласно второму, инфинитивные структуры субъектного контроля и подъема – полюса шкалы, между которыми находятся конструкции, где контролером служит одно из дополнений матричного глагола [Летучий, Виклова, 2020]. Конструкции промежуточной зоны А. Б. Летучий и А. В. Виклова подводят под рубрику Exceptional Case Marking (ECM), когда аргумент предположительно получает падеж без перемещения в главную клаузу, ср. англ. *Tom_x believed [that she_y is innocent] $\Rightarrow$ Tom_x believed [**her_y** to be innocent]*, либо под рубрику предложений со скрытым рестриктором ($[\emptyset_x \dots [\dots \text{Arg}_x]]$), где содержащаяся в зависимой клаузе аргументная переменная связана внешне невыраженным, но присутствующим в логическом представлении предложения указанием на релевантное множество, на котором делается выбор [Minor, 2013]. Ср. рус. *Учитель_x велел_x Оу [трем мальчикам/кому-нибудь_z <из класса_y> остаться]*. В ранних версиях генеративной грамматики предикаты ECM типа

англ. *believe, prove, judge, be tough* + *Inf*, ср. рус. *признать кого-л. кем-л., считать кого-л. кем-л., быть трудным для чего-л.*, рассматривались отдельно от предикатов контроля и подъема, но в современных работах ЕСМ обычно считается разновидностью подъема. Так, английская конструкция с т. н. *tough movement*, ср. англ. *X is tough / easy to deal with*, где *X* является внутренним аргументом вложенного инфинитива, но занимает позицию матричного подлежащего, ранее квалифицировалась как ЕСМ [Chomsky, 1977], но теперь объясняется как подъем [Pesetsky, 2013, с. 163]. В этой связи разумно принять гипотезу, согласно которой инфинитивным структурам с контролем и подъемом соответствуют в русском языке разные группы матричных предикатов.

Доказанные случаи, где одна и та же структура частично соответствует признакам контроля, частично – подъема, встречаются реже, чем это утверждается в литературе. Базовыми свойствами инфинитивов контроля являются ограничения, накладываемые предикатом матричной клаузы, ср. 1) ограничение на одушевленность аргумента, ср. аномальность **Шкафу тоскливо стоять в углу*, 2) невозможность идиоматического прочтения субъектно-предикатных идиом, ср. **Директор запретил жабе душить Васю*, 3) несинонимичность активной и пассивной парафраз даже там, где последняя доступна, ср. *Вася и Катя хотели процитировать Петю* ≠ *?Петя хотел быть процитированным Васей и Катей*. Для конструкций подъема с фазовыми глаголами и предикатами внешней модальности, как показала Е. А. Лютикова, все эти признаки принимают отрицательное значение, ср. *Васю продолжает душить жаба* ‘Вася продолжает испытывать чувство зависти’. Если глагол *должен* интерпретируется как оператор алетической необходимости (EXT), а не как указание на моральный долг *X-а*, активная и пассивная парафразы синонимичны: *Вася (X) должен^{EXT} прооперировать этого пациента (Y) как можно скорей* ≡ *Этот пациент (Y) должен^{EXT} как можно скорей быть прооперирован Васей (X)*. Если же речь идет о деонтической модальности, синонимии нет, и мы имеем дело с контролем: у врача может быть обязательство срочно оперировать экстренного пациента, но отсюда не следует, что у пациента, даже в критическом состоянии, есть обязательство срочно подвергнуться операции.

Для диагностики спорных примеров с глаголами речевой каузации тесты 2) и 3) малополезны. Расширения идиом типа *??запрещать черной кошке пробегать между X-м и Y-м*, равно как их парафразы типа **запрещать вражде/зависти возникать*, аномальны семантически – нельзя разрешать или запрещать неконтролируемые события, а предложения с двумя одушевленными аргументами в контексте глагола речевой каузации не дают стандартного акционального пассива. Предложения (1b) и (2b) являются примерами среднего залога (медиопассива). Они несовместимы с агентивными дополнениями и не соответствуют активным пред-

ложениям (1a), (2a), хотя существительное *подразделение* в (1a-b) обозначает коллектив людей и интерпретируется как одушевленное, поэтому *подразделению* можно нечто *предложить*.

(1a) Генерал (X) предложил кому-нибудь из офицеров (Y) передислоцировать какое-нибудь подразделение (Z) на Марс.

(1b) Генерал (X) предложил какому-нибудь подразделению (Z) передислоцироваться (*офицерами) на Марс.

(2a) Главврач (X) предложил кому-нибудь из докторов (Y) подвергнуть волонтеров (Z) добровольному испытанию.

(2b) Главврач (X) предложил волонтерам (Z) подвергнуться добровольному испытанию (*докторами).

Данный экскурс подтверждает, что из рассмотренных Е. А. Лютиковой предикатов с инфинитивными дополнениями критериям подъема в полной мере удовлетворяет считаное количество глаголов, при этом основные модальные глаголы *может* и *должен* выступают в роли предикатов подъема не во всех употреблениях. Модальные предикативы *надо*, *необходимо*, *можно*, *возможно*, *нельзя*, *невозможно*, *запрещено*, используемые в качестве лексической вершины дативно-предикативной структуры (ДПС), являются предикатами контроля. Конструкция ДПС требует одушевленного субъектного аргумента в дат. п., поэтому не важно, какой вид модальности (modal flavour) выражает тот или иной предикатив, используется ли *можно* в зн. 'имеется возможность' или в зн. 'разрешено' и т. д. В то же время в русском есть четыре класса дативных конструкций подъема: I. независимые дативно-инфинитивные предложения (ДИС), ср. *мне (не) выходить*, *мне не выйти*; II. ДИС с внешней вершиной, ср. *лучше^o бы [эту поломку чинить профессиональному сантехнику] ≡ лучше^o бы, [чтобы эту поломку чинил профессиональный сантехник]*; III. отрицательные модально-экзистенциальные предложения с синтаксическими идиомами, где матричное ударное отрицание *не* сращено с вопросительно-относительным словом (*к*-словом), ср. *(мне) не^oгде спать*, *(мне) не^oкого винить в кризисе*; IV. утвердительные модально-экзистенциальные предложения, где оператор *есть* и *к*-слово остаются в разных клаузах, ср. *(мне) есть, где спать*, *(мне) есть, кого винить в кризисе*.

В формальной русистике имеется консенсус о том, что конструкция I, т. е. независимые предложения ДИС, – свернутая биклаузная структура, возглавляемая нулевым модальным оператором, а дативный аргумент поднимается в матричную клаузу из инфинитивной клаузы [Fleisher, 2006; Митренина, 2017]. Этот анализ подкрепляется доступным наблюдением: неимперативные предложения ДИС допускают в позиции субъекта неодушевленные и событийные имена, ср. *Грузовикам^{NON-ANIM} здесь не проехать*. *Дождю^{EVENT} еще идти и идти* и т. п. Конструкция II – реликт древнерусской грамматики, который сохранился при небольшом числе предикативов, прежде всего, *надо*, *хорошо (бы)*, *лучше (бы)* [Циммерлинг,

2022]. Ограничения на одушевленность нет и здесь, ср. *Шлангам*^{NOM-ANIM}_y *лучше_x бы_x* [*тут не болтаться_y* _____y]. Сходный механизм подъема в главную клаузу представлен в конструкции III, где матричный элемент – экзистенциальное ударное отрицание *нэ* ‘ $\sim \exists x f(x)$ ’ – срачивается с *к*-словом, которое порождается как зависимое инфинитива: (*винить*^o_y → *кого_y*; *спать*^o_y → *где_y*). Однако здесь уже можно говорить о расщеплении конструкции на два подтипа [Zimmerling, 2024]. Синтаксис подъема демонстрируют примеры с неодушевленным аргументом в дат. п., ср. *Стиральной машине*^{NOM-ANIM}_y *тут нэ_xгде_y* [*встать_y где_y* _____y]. При одушевленном экспериенциальном аргументе морфологическое сращение матричного *нэ* с поднятым *к*-словом переосмысливается как предикатив ДПС, и предложение интерпретируется как структура с контролем: *Мне*^{ANIM}_y *тут нэ_xчем_{x/y}* [*гордиться_y чем_y* _____y]. Наконец, в конструкции IV подъема *к*-слова нет, но другие зависимые инфинитива могут передвигаться в матричную клаузу, ср. *Стиральной машине*^{NOM-ANIM}_y *тут есть_x* [*где встать_y* _____y]. *В кризисе_y* *есть_x* [*кого_y обвинить_y* _____y].

Конструкция II, т. е. ДИС с внешней вершиной, при одушевленном аргументе в дат. п. омонимична предложениям ДПС, что дало повод для мнения о том, что в русском языке контроль и подъем являются не механизмами перестройки клаузы, а разными интерпретациями той же синтаксической структуры [Летучий, Виклова, 2020, с. 57]. В самом деле, предложения контроля обычно задают широкую сферу действия (wide scope), когда матричный предикат находится в сфере действия контролируемого аргумента. Так, у примера Ф. В. Байкова *Начальник потребовал от двух сотрудников написать объяснительную* есть только одна приемлемая интерпретация (2 > *потребовал*), предполагающая существование двух конкретных сотрудников, ставших объектом требования, а чтение (**потребовал* > 2) с требованием, обращенным к нереферентным сотрудникам, исключено [Байков, 2020, с. 122]. Наоборот, структуры подъема принципиально допускают узкую сферу действия (narrow scope) [Лютикова, 2022а, с. 32]. Это в полной мере применимо к предложениям ДИС. Рус. *↗Всем тут не ↘выйти* при нейтральной интонации и основном фразовом акценте на инфинитиве *↘выйти* требует чтения (NEG > *↗*) ‘неверно, что все смогут выйти’ = ‘некоторые не смогут выйти’. При рематическом акценте на кванторе *↗↗Всем тут не ↘выйти* передается другое значение (*↗* > NEG) ‘ни один человек не выйдет’, но важно, что структура предложений с подъемом не исключает узкой сферы действия. Применительно к ДИС с внешней вершиной можно сделать более сильное утверждение. Узкая сфера действия задана в них вместе с фиксированной коммуникативной структурой: поднятый аргумент в дат. п. должен занимать место в составе ремы [Циммерлинг, 2020, с. 52].

(3) *Лучше_x бы_x* в воротах играть_y {*↘Саше_y*,} а не какому-нибудь слабому иностранцу; – ДИС, подъем, узкая сфера действия: *Лучше бы* > *Саше*.

‘<Для команды / для говорящего> было бы лучше, если бы в воротах играл *X*, а не *Y*.’

Для предложений ДПС стандартно чтение, при котором аргумент в дат. п. является темой.

(4) {*Саше_x*, с его ростом}, {лучше_x бы_x играть_y в ‘воротах’}; – ДПС, контроль, широкая сфера действия: *Саше* > *лучше бы*.

‘Для самого *X*-а было бы лучше, если бы *X* играл в воротах.’

Подчеркнем, что хотя контраст между (3) и (4) можно объяснить в терминах сферы действия, это разные структуры, а не одна и та же. В (3) *Саше_y* – семантический аргумент инфинитива *играть_y*, что соответствует синтаксису подъема, а в (4) *Саше_x* – аргумент матричного предиката *лучше бы_x*, что соответствует синтаксису контроля.

Модально-экзистенциальные конструкции III и IV имеют уникальные для русской грамматики свойства, что роднит их с английской конструкцией *X is tough/easy to deal with*. Но точного аналога *tough*-конструкции в русском языке нет, безличные предложения типа *книгу легко обсуждать* не имеют диатезы **книга легко/легка обсуждать(ся)*. Это объясняется не столько тем, что предикативы ДПС *кому-л. трудно/легко/удобно делать p* требуют субъекта в дат. п., сколько тем, что русская грамматика запрещает дополнения в прямом падеже: на современном русском, в отличие от древнерусского, нельзя сказать **легко читать книга*. Поэтому для выражения значения ‘быть (не) подходящим объектом для действия *p*’ используются иные средства – средний залог, ср. *Книга легко читается*, предложные группы, ср. *Книга легка для чтения*, иногда – модальные прилагательные, ср. *Книга (не) удобочитаема*.

Последний класс русских конструкций связан с дистрибуцией творительного предикативного падежа. Примем анализ [Лютикова, 2022b], согласно которому малые клаузы (small clauses) с тв. пред. являются структурами подъема в том случае, когда синтаксическая валентность может быть также выражена придаточным. Ср. *Вася_x считается* [_{sc__x} *умным_x / карьеристом_x*], *Соседи_x считали Васю_y* [_{sc__y} *умным_y / карьеристом_y*] ~ *Считается/Соседи_x считали*, [*что Вася_y умный_y/карьерист_y*]. Нетривиальный момент состоит в том, что тв. пред. приписывается в русском языке субъектом клаузы в конфигурации контроля при наличии ненулевой (фонетически выраженной) формы матричного глагола: при нулевой связке невозможно **Вася умным*. Поэтому теория предсказывает, что субъект малой клаузы должен переместиться в главную клаузу, где такой глагол есть, и занять в ней место подлежащего, чтобы приписать тв. пред. своему предикату. Этот прогноз в литературном русском языке выполняется. В субнормативном русском языке XVIII–XXI вв., кроме того, засвидетельствован факультативный механизм приписывания тв. п. адъективной вершине при синтаксическом аргументе. Так как в примерах типа (5) стандартного контролера нет, естественно предположить, что тв.

п. приписывается в силу подъема самого сентенциального аргумента (придаточного или инфинитивного оборота) в вакантную позицию матричного подлежащего.

(5) Ивану стало известным_х, [что мастер и незнакомка полюбили друг друга так крепко, что стали совершенно неразлучны]_х. [Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorpora.ru], 1929–1940 гг.].

Примеры с подъемом сентенциального диалекта представляют особый «диалект» русской грамматики, разрешающий употребление прилагательных в тв. п. вместо беспадежных предикативов, ср. *Ивану стало известно, понятно, ясно, очевидно, что Р* [Циммерлинг, 2018]. Предложения данного типа устойчиво воспроизводятся в течение последних двух веков: в НКРЯ нашлось 66 примеров подъема со *стало известным*, 35 примеров подъема со *стало понятным*, 82 примера подъема при *стало ясным* и 152 примера подъема со *стало очевидным*.

Мы показали, что теория подъема позволяет выделить и непротиворечиво описать класс русских конструкций, имеющих характерные синтаксические и семантические свойства, противопоставляющие их конструкциям контроля. Этот класс включает употребления нескольких фазовых и модальных глаголов, четыре неглагольных или связочных конструкции, три из которых продуктивны, и малые клаузы с творительным предикативным падежом. За рамками статьи осталось три проблемы: 1) сохраняется ли при реализации инфинитивных структур подъема изначальное разделение на главную и зависимую клаузы или же они в ходе деривации подвергаются реструктуризации (опрощению), как предполагается в [Лютикова, 2022a]; 2) каковы общие критерии контроля и подъема в малых клаузах; 3) когда установилось закрепленное в литературном языке распределение структур с контролем и подъемом. Каждый из этих вопросов требует отдельного обсуждения.

Литература

- Байков Ф. В. Косвенный контроль в русском языке // Rhema. Рема. 2020. № 1. С. 106–125.
- Летучий А. Б., Виклова А. В. Подъем и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале поведения местоимений) // Вопросы языкознания. 2020. № 2. С. 31–60.
- Лютикова Е. А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 1: Инфинитивные клаузы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2022a. № 5. С. 27–45.
- Лютикова Е. А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 2: Малые клаузы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2022b. № 6. С. 58–74.
- Лютикова Е. А. Адъективные сказуемые в финитных и нефинитных клаузах // Вопросы языкознания. 2024. № 6. С. 7–31.
- Митренина О. В. Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке как предложная группа // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4 / под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга. М., 2017. С. 64–70.
- Циммерлинг А. В. Два диалекта русской грамматики. Корпусные данные и модель // Computational Linguistics and Intellectual Technologies : Proceedings of the International Conference “Dialogue 2018”. 2018. Issue 17 (24). С. 818–830.
- Циммерлинг А. В. Одушевленность. Русский язык // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2020. Вып. 24. С. 43–56.

Циммерлинг А. В. Дативно-инфинитивные структуры и синтаксические идиомы в русском языке // Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране / ред. С. Коева, Е. Ю. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг. Съпоставително изследване за български и руски. София : Проф. Марин Дринов, 2022. С. 281–300.

Baykov F., Rudnev P. Not all obligatory control is movement // *Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 56. P. 893–906.

Chomsky N. On wh-movement // *Formal Syntax* / eds. P. W. Culicover, T. Wasow, A. Akmajian. N. Y. : Academic Press, 1977. P. 71–132.

Fleisher N. Russian Dative Subjects, Case, and Control. Ms, University of California, 2006.

Landau I. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2008. Vol. 26. P. 877–924.

Minor S. Controlling the hidden restrictor: A puzzle with control in Russian // *Proceedings of the 42nd Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 42)*. Toronto, 2013. P. 29–40.

Pesetsky D. Phasal movements, its diseases and discontents // *Diagnosing Syntax* / eds. Cheng Lisa Lai-Shen, N. Corver. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 123–157.

Polinsky M., Potsdam E. Expanding the scope of control and raising // *Syntax*. 2006. Vol. 9. P. 171–192.

Postal P. On raising. Cambridge, 1974.

Potsdam E., Polinsky M. Backward raising // *Syntax*. 2012. Vol. 15 (1). P. 75–108.

Rosenbaum P. The grammar of English predicate complement constructions. Cambridge, MA : MIT Press, 1967.

Zimmerling A. Microsyntax meets macrosyntax: Russian neg-words revisited // *Russian Linguistics*. 2024. N 1. P. 1–35.

A. V. Zimmerling, Doctor of Philology (Moscow)

RAISING CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN

Abstract. I discuss Russian raising constructions and argue that all Russian constructions with infinitival complements can be explained in terms of just two reordering mechanisms – syntactic control versus raising. Canonic raising predicates license narrow scope readings and lack matrix clause restrictions displayed by control predicates, notably, the animacy condition. Most raising operators are realized in Russian as complex non-verbal (infinitival or copular) predicates: their heads exhibit several non-trivial morphosyntactic and semantic features. In Russian small clauses, raising is attested in its most regular form. With verbs taking sentential complements, the assignment of the predicative instrumental to the small clause nominal / adjectival / participial predicate is conditioned by raising of its subject into the matrix clause. A parallel is furnished by a sub-normative construction rooted in a dialect of XIX–XXI century Russian grammar: the speakers of this dialect license the predicative instrumental case assigned by raised sentential arguments.

Keywords: raising, control, polypredication, infinitives, small clauses, scope, Russian.

Е. В. Бешенкова, кандидат филологических наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова, г. Москва

ПРОЦЕСС «РАСПАДА ГЛАГОЛЬНОСТИ» В СИСТЕМЕ ПРИЧАСТИЙ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ОРФОГРАФИИ

Аннотация. В статье рассматриваются нормативные написания слов, которые, согласно правилам орфографии, определяются грамматической дихотомией «причастие – прилагательное». Задачей нашего исследования было выяснить, в какой степени письмо проявляет эту дихотомию, отражает ли современное состояние письма и его недавнее прошлое ослабление этой дихотомии, «распад глагольности» (в терминах В. В. Виноградова). Разбирается две области письма: 1) написание отрицания НЕ с причастиями и отпричастными прилагательными и 2) написание Н или НН в кратких формах причастий и отглагольных прилагательных на *-(и)ный*.

В области написания НЕ с причастиями и отпричастными прилагательными данные грамотного узуса и словарных нормативных фиксаций показывают, что выбранная дихотомия работает далеко не всегда.

В области выбора Н или НН в кратких формах отпричастных прилагательных написание абсолютного большинства слов определяется другими критериями и противоречит выбранной дихотомии.

Ключевые слова: грамматика письменного текста, письмо, нормативная орфография, дихотомия «причастие – прилагательное», НЕ с отпричастными прилагательными, Н или НН в кратких формах.

На грамматическом противопоставлении «причастие – отглагольное прилагательное» традиционно строятся три правила орфографии: правило о слитном или раздельном написании отрицания *не* с причастием или отглагольным прилагательным (*не штука́туренный*, *прич.* – *нештука́туренный**, *прил.*) и два правила о написании *н* или *нн*: а) в кратких формах отглагольных прилагательных (*возвышенный*; *кр. ф. прич.* -ен, -ена; *кр. ф. прил.* -ен, -енна) или б) причастий на *-ный* и в полных формах от глаголов несовершенного вида *штука́туренный*; *кр. ф.* -ен, -ена, *прич.* – *штука́туренный*, *прил.*). Споры о целесообразности построения орфографического правила на этом грамматическом критерии не утихали со времен создания этих правил. Причина сложности разграничения, как писал В. В. Виноградов, в идущем процессе распада глагольности причастий. «Процесс распада глагольности в системе причастий на *-нный* очень жив и интенсивен в современном русском языке» [Виноградов, 1972, с. 229].

1. О проявлениях процесса распада глагольности причастий в написании отрицания *не* с причастиями и отглагольными прилагательными

Анализ словарного материала и современного грамотного письма показал, что единственный способ создать адекватное словарным нормам и практике грамотного письма орфографическое правило и определить словарную кодификацию – придерживаться самого узкого понимания

причастия. Под причастием мы будем понимать отглагольную атрибутивную форму на *-щий(ся)*, *-(в)ший(ся)*, *-мый*, *-(н)ный*, *-тый*, сохраняющую значение глагольной основы, сочетаемость глагола, выражающую значение прошедшего или настоящего времени, залога, употребленную в контексте, в котором есть или могут быть подставлены глагольные актуализаторы (действие, конкретное время действия, причина, способ действия). При несоответствии этим требованиям приведенные отглагольные формы считаются прилагательными, например: *За неделю накопилось много невыполненных заданий*; *В моем сердце кровоточит незаживающая рана*. Причастия пишутся с отрицанием раздельно, а отпричастные прилагательные либо слитно, либо раздельно. Выбор их написания определяется общими для всех слов правилами и словарными рекомендациями.

К общим правилам относятся, во-первых, неупотребимость без *не*, нестандартные отличия от исходных глаголов по значению, сочетаемости, сфере употребления, пишутся с *не* слитно, напр.: *невидящий взгляд* (**взгляд видит*, **видящий взгляд*), *негаданный*, *нечаянный*; *нераскаянный*, *неудавшийся жених*, *неуверенный шаг*, во-вторых, употребление в «очевидных контекстах» раздельного написания (*отнюдь не...*, *еще не*, *ни разу не*, *никогда не* и др.) или в «очевидных контекстах» слитного написания (*А или неА* и др.). В остальных случаях необходимо обращаться к словарю.

В орфографических словарях даются слова в слитном написании (*незабвенный*) или в раздельном написании (*не впечатляющий*, *не глаженный прич.*), а кроме того, даются слова в слитном написании, но со звездочкой (*неослабевающий**, *неглаженный**, *прил.*), если слово может писаться как слитно, так и раздельно в зависимости от контекста. Однако условия выбора описываются лишь для пар типа *не глаженный*, *прич.* – *неглаженный**, *прил.* Анализ словарных рекомендаций и оценка частотности того или иного написания конкретного прилагательного в грамотном (тексты из книг) узусе позволил выделить те факторы, которые влияют на выбор написания в разных типах отпричастных прилагательных.

1. Прилагательные *-щий(ся)*, *-(в)ший(ся)*, *-тый*, *-нный*, употребленные не в очевидных контекстах, делятся на три типа:

1) пишутся только раздельно, напр.: *не впечатляющий*, *не вопиющий*, *не вопрошающий* (взгляд), *не вьющиеся* (волосы), *не господствующий* (как с дополнениями, так и без дополнений), *не начатый*, *не понятый*, *не вздернутый*, *не вздутый*; *не раздраженный*, *не уязвленный*, *не растрепанный* (*редко вижу ее не растрепанной*);

2) пишутся только слитно, напр.: *незатухающий*, *немеркнущий*, *немигающий*, *ненадлежащий*, *ненастоящий*, *неослабевающий*, *непреходящий*, *непрофилирующий*, *нестареющий*, *неубывающий*, *неумирающий*, *неунывающий*;

3) пишутся слитно при отсутствии дополнений, но раздельно при наличии дополнений, напр.: *неверующий* – *не верующий во что-то*, *недействующий* (сустав) – *яд*, *не действующий на змей*, *пришел в несоответ-*

ствующем виде – пришел в не соответствующем случаю костюме, не-женатый – не женатый на, незанятый – не занятый чем, в чем, неоде-тый – не одетый во что, незапертый – незапертый на что; неадаптиро-ванный (текст, молоко) – не адаптированный к (Если с ребенком никто не играет, то из него вырастет не адаптированный к жизни взрослый), неак-климатизированный – не акклиматизированные к, не настроенный (не настроенный на путешествие, не настроенный ехать), не расположен-ный что-то сделать, к кому-чему (не расположенный откровенничать с попутчиками, не расположенный к душевным беседам).

В. В. Виноградов писал: «Глагольность причастия напрягается, когда приходит в движение присущая соответствующему глаголу система гла-гольного управления» [Виноградов, 1972, с. 229]. Но и при наличии до-полнений в современных книжных текстах многие слова начинают пи-саться вариативно, напр.: *не?поддающийся на что, чему (Неподдающаяся решению проблема заключается в постоянном ухудшении ситуации. – Эту проблему пытаются представить как крайне сложную и не подда-ющуюся обычным способам решения), не?зависящий от (по независящим от меня обстоятельствам – Симметрия есть факт, не зависящий от теорис сокращения).*

Глагольность кратких форм поддерживается не только наличием до-полнений, но и их предикативной позицией. Однако в современном письме значительная часть кратких форм от слов на *-тый* без дополнения также пишется вариативно: *небрит / не брит, немыт / не мыт, неодет / не одет, необжит / не обжит, неразвит / не развит, неумыт / не умыт.*

2. Отглагольные адъективные слова на *-емый, -омый, -имый* в боль-шей мере охвачены процессом перехода причастий в прилагательные: зна-чительная их часть пишется слитно независимо от наличия или отсутствия дополнения, в том числе дополнения с *ни*, напр.: *недоказуемый, незабыва-емый, невозобновимый, неприемлемый и неприемлемый для (юбка, подол которой выше колена, считалась неприемлемым для академии одеянием; Это решение вновь оказалось неприемлемым ни для кого), недостижимый и недостижимый для, ни для кого (Армейцы за тур до финиша стали недости-гаемы ни для одного из соперников), нелюбимый и нелюбимый кем-то (На очереди – нелюбимые электоратом олигархи. Пела, доподлинно чувствуя себя этой отверженной, всеми нелюбимой, леющей обманщицей).* Хотя для некоторых слов остается значимым наличие дополнения с *ни*, напр.: *невос-полнимый (утрата), не восполнимый ничем, чем-либо, незаменимый (со-трудник) – не заменимый никем, кем, чем-либо.*

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что процесс рас-пада глагольности по-разному проявляется в разряде отпричастных (от-глагольных) прилагательных на *-мый* и в остальных разрядах отпричаст-ных прилагательных. Для всех отпричастных прилагательных, кроме слов на *-мый*, справедливо замечание В. В. Виноградова о «напряжении гла-гольности». На письме это «напряжение глагольности» выражается в раз-

дельном написании отрицания *не* с такими прилагательными, как с причастиями. Но необходимо уточнить, что процесс уже затронул и прилагательные с дополнениями. Пока не так много, их можно перечислить в исключениях, но процесс на этом не останавливается. В разряде отричастных слов на *-мый* этот процесс охватил и слова с дополнениями. Даже словосочетания типа *не?любимая мной манная каша*, включенное в справочники по орфографии как пример раздельного написания, встречается преимущественно в слитном написании.

II. О проявлениях распада глагольности в кратких формах отглагольных причастий или прилагательных на *-анный, -янный, -енный, -ённый*

Согласно правилам русской орфографии, написание кратких форм отглагольных слов на *-нный* с одной буквой *н* или с буквосочетанием *нн* перед ненулевым окончанием зависит от грамматического статуса слова: причастие или прилагательное. Однако строгой зависимости написания от грамматической формы лингвисты никогда не признавали. Еще Я. К. Грот писал: «Часто от той или другой формы зависит различие между причастиями и прилагательными. <...> Для начертания прилагательных и причастий с одним или с двумя *н* следует держаться вообще произношения» [Грот, 2010, с. 225–226]. В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова лишь примерно у тридцати отглагольных прилагательных фиксируются краткие формы на *-нна, -о, -ы* (часто с пометой *редк.*), напр.: *воздержанны, воспитанны, восторженны, изысканны, надуманны, наигранны, направлены, начитанны, обдуманны* (шаги, наряды), *обособленны, образованны, озабоченны, озлобленны, преувеличенны, размеренны* (движения), *распущенны, сдержанны, сосредоточенны, умеренны* (требования, скорости), *упитанны, утрированы*, в том числе не соотносимые с глаголом, напр. *ухоженны* и др.

Современные авторы словарей также фиксируют большое число отричастных прилагательных, пишущихся с одной буквой *н* в кратких формах с ненулевым окончанием. Так, И. К. Сазонова, с одной стороны, вводит правило для написания *нн* для «некоторых прилагательных», образованных от страдательных причастий прошедшего времени и обозначающих качество лица или предмета, а с другой стороны, вводит особый тип правила – правило-рекомендацию для написания *н*: «С одним *н* пишутся краткие формы прилагательных, образовавшихся от страдательных причастий прошедшего времени (или по их типу), обозначающих внутреннее состояние, свойство или особенности характера человека, например: *дети растеряны...*» [Сазонова, 1989, с. 443]. В словаре такие единицы имеют пометы «*прич.*» и «также в знач. *прил.*». Введение такой пометы в словаре означает признание словарного написания *н* или *нн* в кратких формах.

Л. П. Калауцкая считает, что противопоставление причастия и прилагательного только в одном типе форм не является системно обоснован-

ным, и задается вопросом, «не становится ли написание двойного и одинарного *н* орфографической самоцелью, не имеющей под собой реального обоснования» [Калакуцкая, 1971, с. 200].

Проведенный анализ современных словарей и грамотного письменного узуса позволил нам создать правило о написании *н* или *nn* в кратких формах отпричастных прилагательных без использования дихотомии «причастие – прилагательное». Главный критерий – ударение в кратких формах отглагольных слов на *-нный*:

1) если ударение падает на суффикс только в форме м. р., пишется одна буква *н* (*хорошо сложен, сложена#*, *-о#*, *-ы#*, *наострѐн*, *наострена#*, *-о#*, *-ы#*);

2) если ударение падает на суффикс во всех формах, пишется *nn* (*уточнѐн*, *уточнѐнна*, *-а*, *-ы*, *непринуждѐн*, *непринуждѐнна*, *-о*, *-ы*);

3) если суффикс безударный во всех кратких формах, пишется *н* (*атрофированы*, *востребованы*, *пресыщена*), кроме 50 слов.

При предложенном подходе описания приходится обращаться к словарю при определении написания только слов с безударным суффиксом или выучить список слов-исключений, большинство из них устойчивы в написании и не вызывают сомнений в выборе *н* или *nn*. При традиционном правиле исключениями является абсолютное большинство слов – более 2 000 слов (*польцѐн* – *польщена#*, *-о#*, *-ы#*, *сложѐн* – *сложена#*, *-о#*, *-ы#*, *обострѐн* – *обострена#*, *-о#*, *-ы#*, *заветренный*, *-ен*, *-ена*, *зарѐванный*, *-ан*, *-ана*, *подержанный*, *-ан*, *-ана* (прич. и прил. ‘не новый’), *взвинчены* (прич. *цены* и прил. *люди*, *нервы*), *замотана* (прич. *замотана в шарф* и прил. ‘уставшая’).

Выводы. Проведенное исследование показало, что процесс распада глагольности в области причастий действительно идет. Он проявляется в выборе слитного или раздельного написания отрицания *не* с отпричастными прилагательными. В группа слов на *-щий(ся)*, *-(в)ший(ся)*, *-тый*, *-(н)ный* этот процесс охватывает и слова с дополнениями, которые ранее устойчиво писались раздельно. В группе слов на *-мый* этот процесс идет еще дальше. В этой группе написание с *не* не зависит от наличия или отсутствия дополнения, в том числе дополнения с *ни*. Можно действительно сказать, что в написании с *не* материально отражается процесс потери глагольных признаков. Однако в области написания *н* или *nn* такого соответствия нет. Сомнения лингвистов, что именно грамматическая дихотомия «причастие – прилагательное» реализуется в написании, подтвердились. Для абсолютного большинства слов написание *н* или *nn* в кратких формах отглагольных атрибутивных форм на *-анный*, *-янный*, *-енный*, *-ѐнный* не определяется их грамматическим статусом.

Литература

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М. : Высшая школа, 1972.

Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Изд. 5-е. М.: Либроком, 2010.

Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М., 1971.

Сазонова И. К. Толково-грамматический словарь русских причастий. М., 1989.

E. V. Beshenkova, Candidate of Philology (Moscow)

THE PROCESS OF "VERBAL DISINTEGRATION" IN THE SYSTEM OF PARTICIPLES AND ITS REFLECTION IN MODERN ORTHOGRAPHY

Abstract. The article examines the standard spellings of words that, according to the rules of spelling, are determined by the grammatical dichotomy "participle – adjective". The objective of our study was to find out to what extent writing manifests this dichotomy, whether the current state of writing and its recent past reflect the weakening of this dichotomy. The article examines two areas of writing: 1) the spelling of negation *не* with participles and participial adjectives and 2) the spelling of *н* or *nn* in short forms with a non-zero ending in participles in *-(н)ный* and the corresponding participial adjectives. In the area of spelling *не* with participles and participial adjectives, the data of literate usage and dictionary normative fixations show that the chosen dichotomy works or does not work depending on the strictness of the definition of the participle. In the strictest definition, it works for all participles, but requires significant clarification for participial adjectives. Concerning *н* or *nn* in short forms the spelling of the absolute majority of words is determined by other criteria and in the absolute majority of cases contradicts the chosen dichotomy.

Keywords: grammar of written text, spelling in real texts, standard spelling, dichotomy "participle – adjective", *не* with participial adjectives, *н* or *nn* in short forms of verbal adjectives.

Е. Г. Борисова, доктор филологических наук, профессор

Московский городской педагогический университет;

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва

ГРАММАТИКА СЛУШАЮЩЕГО: КАТЕГОРИЯ ДЕКОДИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена описанию основных параметров направления, ориентированного на отражение языковых средств в плане потребностей адресата. Предлагаются способы организации сведений, необходимых адресату сообщения для распознавания и понимания сообщения. В частности, основные категории привязываются к этапам восприятия и распознавания сообщения. Подробно рассматриваются языковые средства, которые могут быть объединены в категорию распознавания значения одной единицы (декодирования).

Ключевые слова: деятельностный подход, категории лингвистики слушающего, категория декодирования, лексическая семантика, семантика грамматической категории, имплицитная информация, хеджинг.

Введение

Выдвижение на первый план вопросов функционирования, происходившее в 20-е гг. XX в., позволило обнаружить недостаток информации академических описаний, необходимой для моделирования говорения и письма [Бондарко, 1984].

В отличие от активного речепроизводства, процесс восприятия сообщения довольно долго обеспечивался в основном сведениями о передаваемых значениях, отраженными в системных описаниях грамматики и словаря. Только по мере развития направлений, ориентированных на воздействие на адресата: перлокутивной лингвистики, языка рекламы, языка медиа, понятности сообщения и удобства (юзабилити) интернет-ресурса, воздействия в межличностных коммуникациях – стал ощущаться недостаток информации о том, как происходит восприятие и понимание сообщений. Это заставило обратить гораздо более пристальное внимание на ту сторону языковых единиц, которая обеспечивает рецептивные процессы. Такой подход поставил на повестку дня вопрос о возможности «грамматики» или «лингвистики» слушающего [Борисова, 2015; Норман, 2024].

В данной статье мы попробуем рассмотреть один из вариантов моделирования речевой деятельности, актуальный при восприятии.

1. Составляющие «грамматики слушающего»

Реальное говорение и восприятие представляют собой, в соответствии с данными психологии и психолингвистики, не линейное движение по уровням, а рекурсивное, однако можно привязать описания языковых единиц к уровням речевосприятия. В таком случае мы можем признать наличие в грамматике слушающего следующих категорий. Во-первых, это категория собственно восприятия (распознавание знаков, звуков, переход на уровень фоном). Во-вторых, это «декодирование», категория распознавания актуальных значений лексем и граммем. Далее можно признать особую категорию «ориентации», включающую в себя как средства именной референции, так и маркеры известности упоминаемых событий (подробно она описывается в [Борисова, 2015]). Несомненно, можно выделить категорию сверхфразовых единств и целого текста. И неизбежно следует учитывать изменение эмоционального состояния адресата, сопровождающего процесс понимания.

Таким образом, в процесс понимания вовлечены различные языковые средства. В данной статье мы предпримем попытку описания компонентов категории «декодирования», т. е. определения актуальных значений лексем и граммем в контексте общения.

2. «Декодирование» как категория грамматики слушающего

2.1. Возможность определения значения слова связана с двумя процессами: распознавание значения слова в целом и распознавание значения лексемы (и фраземы) как выведение его из значения входящих в него словообразовательных морфем.

2.2. В категорию декодирования должны войти как классифицирующие граммемы, так и маркеры, влияющие на процесс. К классифицирующим в первую очередь следует отнести лексико-семантические варианты (значения) каждой языковой единицы, причем с учетом всех сторон значения – сигнификативной (понятие), денотативной (экстенционал), коннотативной (ассоциации, оценка, экспрессия).

Наряду с этими общепризнанными компонентами описания лексического значения возможные классифицирующие единицы категории декодирования – это функции и общее значение.

Функция – это то, что составляет основу для деятельности говорящего, обобщенное содержание, которое передается разными словами. С позиции слушающего – это то обобщение, которое может быть достигнуто при понимании сообщения. Данное понятие, очевидно, при описании частиц (функции усиления, причины, выделения обычно описываются в словарях как значения), междометий, союзов [Борисова, 2025], не воспринималось как необходимое лексикографами, описывающими полнозначные слова: предполагается, что разница между значениями слов, зафиксированных в словаре, и той реальностью (точнее, тем смыслом), которая должна быть передана, восстановится слушающим самостоятельно.

Однако важно, что именно наличие некоторой типовой ситуации, которая составит функцию (смысл передаваемого), позволяет говорить о возможности вариативной интерпретации действительности [Баранов, Паршин, 1986].

Общее значение слова – это понятие, которое в целом вызывает споры. Более или менее очевидным представляется его использование по отношению к служебным словам [Борисова, 2025]. Возможно, для описания действий реципиента достаточно ввести понятие выведения актуального значения из зафиксированного в словаре [Кустова, 2004].

Заметим, что сказанное о лексемах может распространяться на грамлеммы – на те, содержанием которых оказываются лексическое (номинативное) значение: число, время, славянские глагольные виды и т. п. Однако тут имеются значительные отличия от лексики, для которой выражение смысла – произвольное решение говорящего. Грамматическая же категория граммем предполагает выражение одного из значений входящих в категорию граммем в обязательном порядке. Отсюда возникает неопределенность при употреблении граммем, в преподавании называемая «трудные случаи»: виды русского глагола, артикли, число существительных при неисчисляемых именах и т. п.

2.3. При выявлении содержания сообщения необходимо учитывать и правила действия, и использование специальных маркеров, которые эти действия направляют: служебные слова разных классов, сводимые к совокупности единиц, называемых дискурсивные слова, дискурсивные маркеры.

Выделенные нами маркеры могут быть отнесены к нескольким группам в зависимости от их роли в процессе понимания отдельных единиц. Во-первых, это уточнение актуального значения (хеджинг), его отличие от других возможных интерпретаций данного словарного значения в контексте сообщения: *именно, прямо* [ССС, 2001]. Ср.:

(1) *За такое следует наказывать. – То есть пожурить? – Нет, именно наказывать, чтобы ребенок осознал и запомнил.*

Заметим, что уточнение значения по своей функции близко по идее безапелляционности, которая реализуется в некоторых значениях частиц *да, же, -таки*:

(2) *Да он же негодяй!*

Далее, это слова (вводные слова, адвербиалы), которые маркируют не точное совпадение отражаемой ситуации, а в результате учета самого важного при отличии в деталях (*в сущности, по сути, в принципе*):

(3) *Он в сущности неплохой человек.*

В таких случаях можно усмотреть сопоставление сигнификата с реальностью, как и в предыдущем. Однако если первая группа показывает сам факт совпадения, то вторая представляет это совпадение менее полным, признается наличие характеристик, противоречащих ему, но не отменяющих возможность такой номинации.

Близкими по функции оказываются и слова, знаменующие «отбрасывание возможностей» (*собственно, вообще-то*):

(4) *Это собственно не само наказание, а только предупреждение.*

И наконец, прямо противоположной оказывается группа, которая подчеркивает заведомое отличие номинации от отражаемой реальности. Интересовавшаяся этими словами Н. Д. Арутюнова назвала маркируемое явление «кажимость» [Семенова, 2009, с. 7], а мы могли бы назвать «приблизительность»: *типа, как бы, вроде, такой* и полнозначные *своеобразный, в чем-то, схожий*.

(5) *Это типа работа не бей лежачего. Вроде того.*

В этом случае проявляется всё то же свойство средств номинации: неточно отражать требуемый замысел (реальность, отраженную в сознании). Но относительно него у говорящего могут быть два желания: показать адресату, что замысел (то, что он должен воспринять) максимально близок к зафиксированному в языке значению, или, напротив, не вполне доверяться словарному значению, а приближаться к нему в основном понимании или заведомо не совпадаты.

Выводы

Для лингвистики слушающего был дан эскиз возможных категорий, куда вошли и те, что были ранее описаны (ориентация), так и одна новая, связанная с определением актуального значения лексемы или грамлеммы в тексте, — декодирование. Категории этой «грамматики слушающего», оформленные как набор единиц, связанных с определенным этапом рецептивной деятельности, позволили выделить ряд явлений, в частности, тех, которые были сведены (опять же в первом приближении) в категорию декодирования, т. е. связанных с распознаванием актуального значения лексических единиц. Описанная в первом приближении категория декодирования подтверждает плодотворность идеи описания языковых единиц с позиции их роли в процессе восприятия и понимания речи, оформленной как последовательное отражение в виде грамматики.

Необходимость описания этих единиц в увязке с деятельностью адресата частично подтвердила, а частично дополнила основные характеристики лексем и граммем с точки зрения их семантики. В частности, были выявлены специальные единицы (дискурсивные маркеры, частицы), обеспечивающие уточнение понимания (хеджинг). Для граммем определены оттенки значения, возникающие вследствие отсутствия необходимости выражения значений граммем (при необходимости выбора грамлеммы).

Таким образом, обращение к понятию лингвистики слушающего позволило не только по-новому взглянуть на некоторые уже известные явления языка, найти им место в системе, отражающей один из видов речевой деятельности, но и дать новые объяснения некоторым известным явлениям.

Литература

Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой информации. М., 1986.

Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984.

Борисова Е. Г. Речевая ориентация как категория рецептивной лингвистики // Социальные и гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 147–151.

Борисова Е. Г. Служебные слова в русской языковой системе: функции и семантика частиц, союзов, вводных слов // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика. 2025. Т. 22, № 2. С. 18–28.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Норман Б. Ю. Грамматика слушающего. М. : Флинта, 2024.

Семенова Т. И. Модус кажимости: между истиной и ложью // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. С. 6–11.

ССС: Словарь служебных слов русского языка / отв. ред.: Е. А. Стародумова. Владивосток : Изд-во ГУП «Примполиграфкомбинат», 2001.

E. G. Borisova, Doctor of Philology (Moscow)

LISTENER GRAMMAR: DECODING CATEGORY

Abstract. The article is devoted to the description of the main parameters of the direction aimed at reflecting the linguistic means in terms of the needs of the addressee. The methods of organizing the information necessary for the recipient of the message to recognize and understand the message are proposed. In particular, the main categories are tied to the stages of perception and comprehension of the message. The linguistic tools that can be combined into the category of recognizing the meaning of a single unit (decoding) are considered in detail.

Keywords: activity-based approach, categories of listener linguistics, decoding category, lexical semantics, semantics of grammatical category, implicit information, hedging.

ОБРАЗОВАНИЕ ОТАДЪЕКТИВНЫХ ИМЕН ЛИЦ: ФОРМАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Одной из актуальных задач деривационных исследований является выявление факторов, определяющих участие или неучастие лексических единиц в словообразовательных процессах. В качестве примера можно привести прилагательные, обозначающие психические характеристики человека: производные, называющие лицо по признаку, образуются не от всех таких адъективов, ср. жадина ← жадный, * ← щедрый, весельчак ← веселый, * ← грустный и т. п. Настоящее исследование направлено на уточнение представлений о деривационных возможностях прилагательного, сложившихся на основе традиционных лексикографических источников. В фокусе внимания соотношение между описанными ранее ограничениями (формальными) и новыми фактами словообразования, фиксируемыми в современном интернет-пространстве. Образования типа *щедряга*, *грустняга*, *хвастливец*, несмотря на отсутствие в словарях, функционируют в языке и реализуют ранее считавшийся заблокированным деривационный потенциал адъективов. Эти данные позволяют поставить под сомнение абсолютность прежде установленных формальных ограничений и пересмотреть их в применении к лексико-семантической группе прилагательных, обозначающих психические характеристики человека.

Ключевые слова: словообразовательные ограничения, деривационный потенциал, формальные ограничения, имя прилагательное, лакуна.

Язык отражает устройство мира не только в лексике, но и в словообразовательных процессах. Универсальные категории человеческого опыта, такие как взрослый и детеныш, признак и его носитель, действие и результат, находят отражение в закономерностях деривации: там, где в мире существует предмет, явление, отношение или процесс, для них нередко возникает и соответствующая номинация.

Однако эта закономерность проявляется не всегда. Даже внутри одних и тех же семантических классов слова по-разному участвуют в деривационных процессах. Например, прилагательные, обозначающие психические характеристики человека, могут образовывать имена лица (*жадный* → *жадина*, *веселый* → *весельчак*), но это свойственно не всем адъективам данного типа (*щедрый* → *, *грустный* → *).

Подобные расхождения вызывают вопросы о том, какие факторы определяют участие / неучастие лексических единиц в словообразовательных процессах.

Проблема несоответствия между ожидаемым и реализованным по-прежнему остается предметом анализа в современных деривационных исследованиях [Лю, Катышев, 2024; Ло, 2024; Цзюань, 2022].

Очевидно, что принадлежность к семантическому классу не гарантирует единообразие деривационного поведения. Среди причин, объясняющих разное участие производящих основ в образовании дериватов,

выделяются семантические, формальные, стилистические, лексические и словообразовательные ограничения [Земская, 1973, с. 196–205].

Утверждается, например, что образованию феминитивов с аффиксом *-ш(а)* типа **босша*, **шефша* мешает такое формальное ограничение, как невозможность суффикса сочетаться с основами, не заканчивающимися на сонорный или *-нт* [Современный русский..., 1989, с. 323].

Важно отметить, что подобные выводы сделаны в эпоху, когда лингвисты опирались преимущественно на материал лексикографических источников, не располагая современными компьютерными инструментами анализа. В настоящее время ситуация изменилась: теперь мы имеем возможность получать другие и в качественном, и в количественном отношении данные, которые позволяют проверить и подтвердить, опровергнуть или уточнить традиционные представления.

Предметом анализа в настоящей статье являются производные прилагательные, обозначающие психические характеристики человека, типа *забывчивый*, *любопытный*, *придурковатый* и т. п. (всего 160 единиц).

На первый взгляд, они не способны мотивировать существительные со значением ‘носитель признака (лицо)’. Действительно, судя по данным Русской грамматики [РГ-80] и Толкового словаря словообразовательных единиц русского языка [Ефремова, 1996], основы на *-чив(ый)*, *-оват(ый)*, *-овит(ый)*, *-тельн(ый)*, *-ск(ий)*, *-ическ(ий)*, *-ащ(ий)*, *-ущ(ий)*, *-т(ый)*, *-ированн(ый)*, *-абельн(ый)* не сочетаются с суффиксами, участвующими в образовании отаждективных имен лиц. Кроме того, в Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова отсутствуют примеры подобных образований.

В логике Е. А. Земской здесь следует говорить о **формальных ограничениях**, налагаемых морфонологией на сочетаемость производящих основ и аффиксов [Земская, 1973].

Однако при более детальном рассмотрении оказывается, что для подобных утверждений недостаточно опираться лишь на сведения словарей и традиционных справочников. Некоторые сочетания морфем, не зафиксированные в этих источниках, могут встречаться в составе неузуальных производных, которые обнаруживаются случайным образом в интернете. Поиск некодифицированных дериватов можно осуществить более системно, если использовать процедуру их моделирования и осуществить проверку их употребительности с использованием поисковых систем интернета.

Такие шаги позволяют, например, обнаружить производные с финалями *-чивец*, *-тельник*, *-овитик*:

(1) *Ведь именно его забывчивость заставляет окружающих смеяться и неизменно удивляться тому, как такой идеальный забывчивец разбудил у них воспоминания и эмоции* (<https://forum.logan.ru/viewtopic.php?p=17940>).

(2) *Обучающая игра-викторина ФИКСИКИ «Космос» станет любимым развлечением маленьких любознательников и поможет провести время с пользой* (<https://www.wildberries.ru/catalog/239484805/detail.aspx>).

(3) *Странно, что у такого башиковитика и рукастика нет маст-хэва в виде болгарки* (<https://rustube.cc/video/lzz9-X1DCf5vqVNGFT4w0Q/>).

Приведенные примеры демонстрируют – вопреки данным словарей – допустимость образования отадективных имен лиц от основ на *-тельн(ый)*, *-чив(ый)* и *-овит(ый)*. Таким образом, традиционные представления о формальных ограничениях требуют пересмотра.

Цель настоящего исследования – уточнить особенности деривационного поведения адективов с опорой на данные интернета, выявить новые закономерности словообразования и предложить корректировки существующих представлений о **формальных ограничениях**.

Для достижения поставленной цели для каждой рассматриваемой основы конструируются сочетания с 28 суффиксами (включая их алломорфы), образующими отадективные имена лиц⁴. Полученные дериваты проверяются на предмет их реального функционирования в современной речи.

Анализ фактической употребимости сконструированных слов показывает, что из 160 прилагательных, имеющих такие основы, только 52 % не участвуют в образовании существительных со значением ‘носитель признака (лицо)’ – 84 единицы. Остальные 76 адективов реализуют свой деривационный потенциал: *работающий* → *работящик*, *дисциплинированный* → *дисциплинированница*, *вороватый* → *вороватыш*, *мозговитый* → *мозговитик*, *доброжелательный* → *доброжелательник*, *вспыльчивый* → *вспыльчивец* и др.

В ходе исследования выявлено 19 типов сочетаемости адективных основ и суффиксов, не зафиксированных в [РГ-80] и [Ефремова, 1996] (табл.).

С наибольшим количеством суффиксов (6 словообразовательных формантов) сочетаются основы на *-чивый*: *вдумчивый* + *-ик-* → *вдумчивик*, *уклончивый* + *-иц(а)* → *уклончивица*, *улыбчивый* + *-ец-* → *улыбчивец*, *отзывчивый* + *-к(а)* → *отзывчивка*, *разговорчивый* + *-ыш-* → *разговорчивыш*, *красноречивый* + *-ист-* → *красноречивист*. Чаще всего производные образуются с помощью аффикса *-ец-* (44,7 % случаев), реже – с помощью *-ыш-* (2,1 %) и *-ист-* (2,1 %) (подробнее см. рис.).

Минимальное количество деривационных формантов обнаружено для основ на *-овитый* и *-ированный*, каждая из которых сочетается с двумя суффиксами: *-овитый* с *-ик-* и *-к(а)* (*домовитый* → *домовитик*, *деловитый* → *деловитка*), а *-ированный* с *-ик-* и *-иц(а)* (*дисциплинированный* → *дисциплинированник*, *дисциплинированный* → *дисциплинированница*).

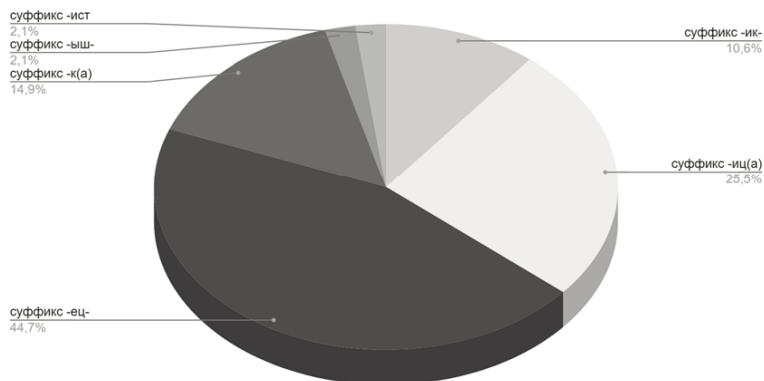
⁴ В рамках более широкой выборки лексико-семантическая группа насчитывает 901 единицу, на основе которых было смоделировано 41 915 потенциальных дериватов [Васильева, Ташлыкова, 2025]. В настоящей работе рассматривается только часть из них.

Таблица

Сочетаемость адъективных основ и суффиксов

	-ик	-иц(а)	-ец	-к(а)	-ун	-ыш	-ист
основа на <i>-оватый</i>	+	-	-	+	-	+	
основа на <i>-овитый</i>	+	-	-	+	-		
основа на <i>-чивый</i>	+	+	+	+	-	+	+
основа на <i>-уций/-яций</i>	+	-	-	+	+	-	
основа на <i>-ированный</i>	+	+	-	-	-	-	
основа на <i>-ский</i>	-	-	-	-	-	-	
основа на <i>-ический</i>	-	-	-	-	-	-	
основа на <i>-абельный</i>	-	-	-	-	-	-	
основа на <i>-тый</i>	-	-	-	-	-	-	
основа на <i>-тельный</i>	+	+	-	-	-	+	

Из десяти типов основ, рассматриваемых в данном исследовании, только четыре – *-ский*, *-ический*, *-абельный* и *-тый* – не взаимодействуют ни с одним из 28 аффиксов (см. подробнее табл. 1).

Рис. Статистика дериватов, образованных от основ на *-чивый*

Следует также отметить, что образованные некодифицированные дериваты встречаются в разном количестве контекстов. Так, существительные *вдумчивик* (*вдумчивый*) и *обидчивец* (*обидчивый*) зафиксированы в единичных контекстах 2024 и 2025 гг. В то же время, например, субстантивы *находчивец* (*находчивый*) и *предприимчивец* (*предприимчивый*) встречаются в 10 и 9 контекстах соответственно, а производное *красноречивец* (*красноречивый*) – в 28, ср.:

(4) *Во время работы над «Доктором Живаго» Борис Пастернак был «вдумчивиком» или «серьёзником»* (<https://proza.ru/2025/01/04/207>).

(5) *Он такой обидчивец, что даже небольшое замечание оскорбляет его* (<https://synonyms.ru/sinonimy/obidchika/>).

(6) *Он – настоящий находчивец, легко справляющийся с трудностями и проблемами, сияющий ярким светом в этом мире* (<https://morningshow.ru/Slova-blagodarnosti-deputatu-ot-glavy-ai02pe/>).

(7) *Великий американский предприимчивец XIX века случайно оказывается в загадочном средневековье, именуемом Камелотом* (<https://chitalkin.com/kniga/tven-yanki-pri-dvore-korolya-artura>).

(8) *Этимися словами блестящий красноречивец хотел сказать, что никогда в жизни он не умирал* (<http://averchenko.lit-info.ru/averchenko/proza/vseobschaya-istoriya/greciya.htm>).

Несмотря на различия в количестве примеров использования производных, все эти случаи являются иллюстрациями фактической реализации деривационного потенциала и позволяют утверждать, что сочетаемость производящих основ и аффиксов в настоящий момент значительно шире, чем это описано в справочной литературе.

Например, суффикс *-ик-*, по данным [РГ-80] и [Ефремова, 1996], встречается в сочетании с основами прилагательных на *-н-*, *-ан-*, *-льн-*, *-аст-*, *-ист-*, *-ат-*, *-ов-* и с основами, не осложненными суффиксами [Ефремова, с. 180; РГ-80, с. 166–167]. В то же время, как показывает проведенный анализ некодифицированных производных, этот же формант может сочетаться с основами на *-оват-*, *-овит-*, *-чив-*, *-уц-*, *-ац-*, *-ированн-*, *-тельн-*. Суффикс *-ыш-*, который, по данным [РГ-80], употребляется преимущественно с непроизводными основами или с основами на *-н-* [РГ-80, с. 172], может использоваться в сочетании с основами на *-оват-* (*хамоватыш*), *-чив-* (*разговорчивыш*), *-тельн-* (*невнимательныш*).

Таким образом, первоначальный тезис о том, что основы на *-чив(ый)*, *-оват(ый)*, *-овит(ый)*, *-тельн(ый)*, *-ск(ий)*, *-ическ(ий)*, *-ац(ий)*, *-уц(ий)*, *-т(ый)*, *-ированн(ый)*, *-абельн(ый)* не сочетаются с суффиксами, участвующими в образовании отадективных имен лиц, сделанный с опорой на анализ справочной литературы и лексикографических источников, требует корректировки.

Результаты исследования некодифицированных дериватов, зафиксированных в интернет-пространстве, позволяют утверждать, что на **сегодняшний день** формальные ограничения на сочетаемость морфем сохраняются только для основ на *-ск(ий)*, *-ическ(ий)*, *-т(ый)*, *-абельн(ый)*. Насколько нам удалось проверить, они не образуют производные ни с одним из 28 исследуемых аффиксов.

Литература

Васильева Е. В., Ташлыкова М. Б. Проблемы исследования словообразовательного потенциала: автоматизированное конструирование гипотетических дериватов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 5. С. 2150–2157.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М. : Русский язык, 1996.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М. : Просвещение, 1973.

Ло Ч. Деривационный потенциал наименований животных в современном русском языке // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1: Филология. 2024. № 4 (131). С. 103–112.

Лю С., Катышев П. А. Факторы реализации деривационного потенциала знаменательных одиночных слов // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2024. № 3. С. 55–59.

РГ-80: Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1982. Т. 1.

Современный русский язык : учеб. для филол. спец. ун-тов / под общ. ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 1989.

Цзюань Д. О словообразовательном потенциале абстрактных имен существительных (тематическое поле «духовный мир человека: сознание, мораль, чувства») // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2022. № 2. С. 77–89.

E. V. Vasileva (Irkutsk)

FORMATION OF PERSON-DENOTING NOUNS FROM ADJECTIVES: FORMAL RESTRICTIONS AND EMPIRICAL REALITY

Abstract. One of the current tasks in derivational research is to identify the factors that determine the participation or non-participation of lexical units in word-formation processes. A case in point is adjectives denoting psychological characteristics of a person: nouns derived from them that refer to individuals by trait are not formed from all such adjectives. Compare *жадина* ← *жадный*, * ← *щедрый*, *весельчак* ← *веселый*, * ← *грустный*. The present study aims to refine the understanding of the derivational potential of adjectives, as previously described in traditional lexicographic sources. It focuses on the relationship between earlier identified constraints (formal ones) and new word-formation data recorded in contemporary internet usage. Formations such as *щедряга*, *грустняга*, *хвастливец*, despite being absent from dictionaries, are functioning in the language and realize derivational potential of adjectives that was previously believed to be blocked. This evidence calls into question the absoluteness of previously established formal constraints and prompts a reconsideration of their applicability to the lexico-semantic group of adjectives denoting psychological characteristics of a person.

Keywords: word-formation restrictions, derivational potential, formal restrictions, adjective, word-formation gap, lacuna.

Г. Р. Гайнутдинова, кандидат филологических наук, доцент
Международная школа Казани, г. Казань

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ В ПРОГРАММЕ МЕЖДУНАРОДНОГО БАКАЛАВРИАТА: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ШКОЛЕ КАЗАНИ

Аннотация. В условиях глобализации образования русский язык приобретает особую значимость как язык международного общения, науки и культуры. В статье обобщается опыт преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в рамках программы международного бакалавриата (ИБ) в Международной школе Казани. Анализируются методические подходы, учебные материалы и стратегии, способствующие эффективному освоению языка учащимися-иностранцами. Особое внимание уделено интеграции межкультурного компонента и развитию коммуникативных навыков в соответствии со стандартами ИБ.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), Международный бакалавриат (ИБ), языковая политика, межкультурная коммуникация, методика преподавания.

Программа Международного бакалавриата (ИБ) является одной из наиболее престижных образовательных систем, ориентированных на развитие критического мышления, межкультурного понимания и академической мобильности. Включение русского языка как иностранного в учебный план ИБ представляет собой важный шаг в популяризации языка и культуры России среди иностранных учащихся. Язык имеет фундаментальное значение для обучения, мышления и общения, вот почему он пронизывает всю учебную программу. В самом деле, все учителя являются учителями языка, постоянно раздвигая границы того, о чем думают учащиеся. Мастерское владение одним или несколькими языками позволяет каждому учащемуся достигнуть их полного лингвистического потенциала.

Изучение дополнительных языков в МYP (Middle year programme) дает учащимся возможность развить понимание и особенности языка и культуры, осознать, что существуют разнообразные способы выражения мысли, эмоций, точки зрения.

Приобретение языка дает возможность размышлять и исследовать культурные перспективы сообщества, в котором находится человек. В процессе обучения ценным является развитие критического мышления, межкультурной осведомленности и развитие международномыслящих и ответственных членов общества. Очень важно предоставить студентам возможность приобрести необходимые навыки мультиграмотности и успешного обращения к различным глобальным контекстам и строить межкультурное понимание.

В среднем звене по курсу Russian Language Acquisition (русский приобретенный язык, RLA) работа ведется по развитию тех навыков, которые студенты освоили во время обучения в PYP (начальное образование). Оно включает в себя

- подходы к обучению ATL навыки (approaches to learning skills – навыки обучения), увеличение уровня сложности в течение программы;
- командные термины МYP (middle years programme – международный бакалавриат), относящиеся к развитию языка.

Международная школа Казани как мультикультурное образовательное пространство сталкивается с рядом вызовов, связанных с преподаванием РКИ: разнородный уровень владения языком, различия в языковых картинах мира учащихся, необходимость адаптации методик к стандартам IB. В данной работе мы делимся практическим опытом преодоления этих трудностей.

Программа IB предполагает изучение языков в контексте развития межкультурной компетенции, где целью является развитие коммуникативных навыков (аудирование, говорение, чтение, письмо); междисциплинарных связей (история, литература, искусство); критического осмысления культурных реалий.

В преподавании RLA в Международной школе Казани применяются:

- 1) коммуникативный метод – моделирование реальных ситуаций общения (диалоги, монологи, дебаты);
- 2) проектное обучение – создание мультимедийных презентаций, видеороликов, исследовательских работ;
- 3) исследование – путем опытов, различных речевых ситуаций студенты получают знания в области лингвокультуры изучаемого языка.

Исходя из уровня владения языком, студент прикрепляется к одной из шести фаз, в расписании в программе Manage Вас они отображаются. В нее можно вносить различные задания, оценки, там же разрабатываются юниты (главы по темам). Необходимо отметить, что некоторые темы (например, изучение сказок, фразеологизмов) требуют дополнительного культурологического комментария. Для этого на уроках используются такие виды деятельности, как сопоставление с родной культурой студента, интерактивные или очные экскурсии, общение с носителями языка.

Анализ успеваемости и обратной связи учащихся показывает, что мотивация к изучению русского языка среди студентов высокая, в быденной жизни они могут применить изученные фразы, конечно, чувствуется повышение интереса к российской культуре.

В Международной школе Казани предусмотрены учебные часы, необходимые для удовлетворения потребностей в освоении языка в рамках программы МYP. В каждом классе предмет русского языка проводится 6 часов в неделю. Каждый курс предусматривает сбалансированное изучение языка и культуры региона, в котором получает образование студент. Эти меры играют ключевую роль при организации познавательно-ориентированного обучения.

Опыт преподавания русского как иностранного в Международной школе Казани демонстрирует, что интеграция русского языка в програм-

му IB способствует не только языковому, но и культурному обмену. Применение современных методик и учет особенностей мультикультурной аудитории позволяют сделать процесс обучения эффективным и увлекательным.

Литература

Международный бакалавриат: языковая политика и стандарты. Женева : IBO, 2020.
Language acquisition guide (for use from September 2020/January 2021). Middle Years Programme.

G. R. Gainutdinova, Candidate of Philology, Associate Professor (Kazan)

RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE INTERNATIONAL BACCALAUREATE PROGRAM: FROM THE EXPERIENCE OF TEACHING AT THE INTERNATIONAL SCHOOL OF KAZAN

Abstract. In the context of the globalization of education, the Russian language is becoming particularly important as the language of international communication, science and culture. The article examines the experience of teaching Russian as a foreign language in the framework of the International Baccalaureate (IB) program at the Kazan International School. The methodological approaches, educational materials and strategies that contribute to the effective language acquisition by foreign students are analyzed. Special attention is paid to the integration of the intercultural component and the development of communication skills in accordance with IBM standards.

Keywords: Russian as a Foreign language (RLA), International Baccalaureate (IB), language policy, intercultural communication, teaching methods.

Е. Н. Геккина, кандидат филологических наук
Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург

К ТИПОЛОГИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ: ФОРМЫ ПРЕМИАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена вариантному словоизменению имен собственных, образующих группу названий премий, или премионимов, в соответствии с принятой автором терминологией. Представлен обзор типовых номинативных моделей, на основе которых образованы названия премий в XIX–XX вв. Рассматриваются экстралингвистические, деривационные, лексические, грамматические и дискурсивные факторы, влияющие на динамику функционально-речевых характеристик номинаций, образованных на основе именной модели, в стандартных для них синтагматических соединениях. На примере названия кинопремии «Оскар» прослеживаются условия и причины двувариантного употребления форм в безапеллятивных (без родового слова «премия») именных и предложно-именных конструкциях. Привлеченный для анализа речевой материал охватывает полувековой период (с 70-х гг. XX в. до наших дней) и располагает к продолжению обсуждения сути и проблематики категорий одушевленности и неодушевленности в современном русском языке, заметно расширяющем состав варьируемых единиц при реализации форм винительного падежа.

Ключевые слова: грамматическая категория, словоизменение, винительный падеж, (не)одушевленные существительные, премионимы.

Проблема типологизации грамматических вариантов имен собственных неизбежно предполагает обращение к общетеоретическому вопросу феноменальной сути вариантности (вариативности) языковых единиц. Для нас особый интерес представляет дихотомия, отмеченная Е. М. Лазуткиной при описании вариативности в системе грамматических норм современного русского литературного языка [Лазуткина, 2014]. В обзоре толкований термина *вариант* автор пишет о том, что разновидности слова или его формы могут быть средством выражения какого-то *категориального значения*, не очевидного для исследователя. «Варианты употребления той или иной грамматической формы могут быть вызваны еще не описанными в лингвистических исследованиях структурными связями внутри языковой системы» [Лазуткина, 2014, с. 224]. Объяснение вариативности лежит в области *поиска функции* того или иного элемента системы [Там же, с. 224].

Грамматическая вариативность ономастической лексики может рассматриваться как проявление «внутреннего» порядка, обуславливающее типологические построения на системно-структурной основе с учетом исторического фактора [Глинкина, 1998], соответственно, как «видоизменения слов, различающиеся грамматическими морфемами, при совпадении грамматического и лексического значения» на синхронном срезе [Немченко, 1998, с. 4]. Однако объектом наблюдений может оказаться и вариативность онимов, в которой находят выражение скрытые, не обнаруженные до сих пор *иные* категориальные признаки, такие динамичные приметы формы, какие мотивируют и поиск неназванных свойств грамматической системы.

Повод рассуждать таким образом появляется при наблюдении за вариативным формообразованием имен собственных в конструкциях, предполагающих реализацию винительного падежа. Как известно, различающееся формообразование в конструкциях с именами в винительном падеже дифференцирует существительные одушевленные и неодушевленные, и новые фиксации варьируемых форм склоняют исследователей к поиску категориальных изменений, семантико-грамматических оснований, особенно при переводе языковой единицы из одного грамматического статуса в другой при развитии семантической структуры и появлении переносных значений [Русакова, 2007; Федосюк, 2016]. Современные номинативные процессы и речевая практика свободного, безапеллятивного употребления онимов служат неиссякаемым источником иллюстраций, свидетельствующих о том, что инновации, как кажется, «открыто» мигрируют из разряда одушевленных существительных в неодушевленные и наоборот, при этом демонстрируют моментальные или постепенные формоприобретения. Если моментальные формоприобретения, как правило, прозрачны по мотивации, то постепенный переход в формообразовании, сопровождающийся колебаниями, может претендовать на сфокусированное исследовательское внимание и стимулировать поиск вероятных обоснований.

Избранный нами материал объединяет номинации премий в разных сферах культурной, социальной и экономической жизни. Под *премией* понимается награда, присуждаемая (обычно на конкурсной основе) за успехи, заслуги в какой-либо сфере деятельности и материально воплощенная в виде денежной суммы и/или ценного предмета. В известной нам ономастической литературе специальный термин, обозначающий наименования премий, не встретился (допускаем, что он существует). В соответствии с традицией, восходящей к отечественному терминообразованию в этом лингвистическом направлении, введем термин *премионим* для обозначения индивидуальных наименований конкретных премий.

В XIX–XX вв., как показывают письменные источники, *премионимы* создаются по типовым структурно-семантическим моделям из фонда когерентного фразообразования – на основе конструкций с прилагательными, числительными, существительными, соединенными со словом *премия* синтаксической связью согласование или управление; ср.: *Демидовская премия; Пушкинская премия; Уваровская премия; Нобелевская премия; Пулитцеровская премия; Государственная премия СССР; Первая премия на Всесоюзном смотре; премия имени Ломоносова; премия имени Мамин-Сибиряка; премия Альфреда Нобеля; премия Адамса; премия Гонкуров; премия Французской академии наук; премия Ленинского комсомола; премия Президиума РАН.*

В XX в., особенно во второй его половине, появляются названия премий, созданные на основе именных конструкций, не согласованных с аппеллятивом *премия*. Это способ номинации в сфере ономастики отнюдь не новый, но для процесса создания наименований премий ранее не характерный. В русском языке номинации, построенные на основе «именной» модели, получают распространение благодаря переводным иноязычным образцам; ср. названия премий в сфере кинематографии: «*Золотой глобус*» (англ. *Golden Globe Award*; с 1944 г.); «*Золотой лев*» (итал. *Leone d'Oro*; с 1949 г.), «*Золотая пальмовая ветвь*» (франц. *Palme d'Or*; с 1955 г.). В СССР по аналогии образуют название «*Золотой теленок*» для премии, учрежденной «Литературной газетой» в 1970 г..

Начиная с 80-х гг. XX в. «именная» модель весьма активно используется при создании *премионимов* на русском языке; ср., в частности: кинематографическая премия «*Ника*» (с 1987 г.), первая российская негосударственная премия в области литературы и искусства «*Триумф*» (с 1992 г.), музыкальная премия «*Овация*» (с 1992 г.), театральная премия «*Золотая маска*» (с 1993 г.), телевизионная премия «*Тэффи*» (с 1994 г.), музыкальная премия «*Золотой граммофон*» (с 1996 г.), премия «*Дебют*» для молодых авторов (с 2000 г.), кинопремия «*Золотой орел*» (с 2002 г.), литературные премии «*Ясная поляна*» (с 2003 г.), «*Большая книга*» (с 2005 г.), «*Просветитель*» (с 2008 г.).

Новый этап эволюции премиальных номинаций получил отражение в «Большом универсальном словаре русского языка», нацеленном на мак-

симально полное представление лексической и грамматической сочетаемости вокабул. В статье *премия* даются примеры сочетаний, построенных по названной модели: *Премия «Триумф» («Золотая маска», «Ника», «Тэффи», «Дебют», «Лучший предприниматель года», «Глобальная энергия»)* [БУС]. Это примечательный лексикографический факт, поскольку, как известно, подобные конструкции с именами собственными не включаются в академические толковые словари. Отечественная традиция словарной фиксации имен собственных связана со специализированными изданиями, в частности с орфографическими словарями и словарями неологизмов. Но в этих словарях *премионимы* представлены ограниченным составом, наиболее распространенными примерами, задача продемонстрировать графическое воплощение всех номинативных моделей или их деривационную динамику объяснимо не ставится.

Между тем интересны не только вокабуляр премионимов и их модельные образцы, но и функционально-речевые характеристики, в первую очередь сочетаемостные связи названий с глагольными и отглагольными именами, наследуемые от апеллятива *премия*. Анализ лексикографических и корпусных данных позволяет выделить две основные кластерные группы сочетаемостных имен, в зависимости от того, какую позицию обозначаемое занимает по отношению к событийному моменту награждения премией ('до / после получения премии').

Группу лексем, маркированных признаком 'до получения премии', составляют, например, сильные тематические глаголы *представить* (*представлять*), *подать* (*подавать*), *выдвинуть* (*выдвигать*), *номинаривать*, указывающие на действие, близкое по интерпретации комплексу 'подать ходатайство о присуждении кому-, чему-либо премии'. Глагольный список дополняют конверсив *претендовать* (*на*), а также стилистические окрашенные лексемы *выставить*, *продвигать*, *отобрать*, *забрать*, *рассчитывать* (*на*), *тянуть* (*на*) и др. В группу входят также отглагольные субстантивы, предметные и отвлеченные имена, сочетающиеся с конструкцией *на премию*: *выдвижение*, *выставление*, *притязание*, *право*, *конкурс*, *состязание*, *кандидат*, *претендент*.

Состав группы лексем, маркированных признаком 'после получения премии', определяют глаголы и их дериваты с семантикой передачи, приобретения: непереходные глаголы *наградить*, *удостоить*, существительное *лауреат* (в значении 'лицо, удостоенное премии за выдающиеся заслуги в области науки, искусства'), тематически сильные переходные глаголы *дать*, *вручить*, *присудить*, *получить*, *взять*.

Эти сочетательные списки собраны по избирательному принципу – в них доминируют лексемы, управляющие предложно-именными и именными конструкциями в форме винительного падежа. Наряду с этим отметим, что в лексикографических изданиях глагол *представить* в сочетании со словом *премия* показан в двух разных конструкциях. В БТС и в переизданном справочнике Д. Э. Розенталя «Управление в русском языке» дано

сочетание *представить к премии* [БТС, 1998; Розенталь, 2003]. В БУС приводится сочетание *представить на премию* (*Книга была представлена на государственную премию*) [БУС]. При обзоре тематического материала устанавливается, что в официально-деловых и публицистических текстах XIX–XX вв. преобладают сочетания *на получение премии* и *на премию*; ср. глагольные и приименные конструкции: (1) *представить / подавать / выдвинуть / предложить на премию*; (2) *выдвижение / выставление / притязание / право / конкурс / состязание / кандидат / претендент на премию*.

Лексемы *номинация*, *номинировать*, *номинироваться*, *номинант*, *номинантка*, *номинатор*, *номинаторский* выделяются как максимально дискурсивно и семантически специализированные. Эти неологизмы 80–90-х гг. XX в. зафиксированы в неографических изданиях, что позволяет реконструировать историю их появления в русском языке. Выпуск «Новое в русской лексике. Словарные материалы-88» включает слово *номинация* с толкованием «Конкурсный раздел на кинофестивале» и стилистической пометой *в проф. речи* [Новое в русской лексике, 1996]. Этимологическая справка отсылает к иноязычному источнику: «От англ. nomination – выдвижение кандидатов». Семантическая инновация иллюстрируется газетной цитатой *Фильм «Покаяние» и его создатели соревновались в шести номинациях и во всех завоевали призы*. Глаголы *номинировать*, *номинироваться*, существительные *номинант*, *номинантка*, *номинатор* и прилагательное *номинаторский* зарегистрированы уже в следующем издании «Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов». В статье помещен объемный иллюстративный материал, свидетельствующий о том, что вокабулы употребляются в сочетании с предложно-именными конструкциями: *номинация*, *номинировать*, *номинироваться*, *номинант* (*на присуждение премии, на премию, на конкурс, на почетный приз*) [Новые слова и значения..., 2014]. Цитаты и речения демонстрируют активное употребление премионимов без предваряющих апеллятивов: *номинироваться на «Оскара» / на «Нику» / на «Овацию»*. В иллюстрациях имя «Оскар» представлено *а*-формой (*номинированный на «Оскара»*); вариантная форма использована при передаче на латинице (*номинирована на Oscar*).

Резюмируем: сразу несколько факторов влияют на судьбу премионимов в современном русском языке. Факторы экстралингвистический и деривационный – появляются новые премии, названия которых создаются по образцу «именной» модели («Овация», «Дебют», «Золотой орел»). Фактор грамматический (синтаксемный) – частотны сочетаемостные модели, компоненты которых предполагают словоизменение по образцам форм винительного падежа (*представить на премию, номинировать на премию, дать премию, получить премию*); компонентные позиции занимают не только общеупотребительные, но и стилистически или экспрессивно окрашенные лексемы (*прочитать премию, тянуть на премию, отхватить премию, шанс на премию*). Факторы лексический и функционально-стилистический – появ-

ляются семантически и дискурсивно сильные лексические единицы, получающие широкое распространение за пределами профессиональной речи (*номинация, номинировать, номинироваться, номинант, номинантка, номинатор, номинаторский*), поддерживающие конструкцию в винительном падеже с предлогом *на* (*номинант / номинация / номинироваться на премию*). Фактор функционально-речевой – премионимы всё чаще употребляются без родового слова *премия* (*получить семь «Оскаров», номинировать на «Золотой глобус», претензия на «Золотого льва», завоевать «Золотого медведя», получить «Золотого Орфея»*).

Очевидно, что действие этих факторов определяет условия, в которых проявляются функционально-грамматические особенности таких премионимов, как *«Оскар»*, *«Сезар»*, *Нобель* (неофициальный вариант номинации *Нобелевская премия*). Эти имена собственные относятся к разряду существительных мужского рода и при употреблении демонстрируют варианты реализации форм винительного падежа: *получить «Оскара» / «Оскар»; номинация на «Сезара» / «Сезар»; дать Нобеля / Нобель*.

При этом графика динамики вариантных форм премионимов в составе именных и предложно-именных конструкций вырисовывается как имеющая вполне определенные контуры процесса постепенного перехода от *а*-форм к формам с нулевым окончанием. Если оперировать терминологией, связанной с квалификацией существительных как имеющих морфологические признаки категории одушевленности и неодушевленности, то допустимо говорить о постепенном переходе премионимов от формообразования по типу одушевленных существительных к формообразованию по типу неодушевленных существительных.

Обратимся к материалам, наглядно иллюстрирующим вариантное формообразование премионима с мировой известностью и значительным премиальным фондом, если под ним понимать количество наград за выдающиеся достижения, врученных почти за столетие (с 1929 г.). Мы имеем в виду название премии американских киноакадемиков *«Оскар»*, которое нашло самое разное речевое воплощение в публицистических и художественных текстах на русском языке. Привлеченные к анализу речевые материалы относятся к полувековому периоду (с 70-х гг. XX в. до настоящего времени). Выборка сформирована с опорой на корпусные данные Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) [Национальный корпус ..., 2024], цитатные выписки из онлайн-копий книжных изданий и из текстов в «Библиотеке лексикографа», собранной А. А. Бурыкиным для составителей толковых словарей в Институте лингвистических исследований РАН. Объем этого сегмента выборки – около 600 словоупотреблений.

Иллюстративный материал XX в. свидетельствует о том, что премионим *«Оскар»* в именных и предложно-именных конструкциях имеет *а*-форму в единственном числе и *ов*-форму во множественном числе (далее в цитатах сохраняется оригинальная графика): *Картина представлена на «Оскара»; Фильм выдвинут на «Оскара»; режиссеры претендуют на*

«Оскара»; *Получила Оскара*; В Голливуде ежегодно «Оскар» дают наилучшим киношникам. Письменные источники также зафиксировали а-форму в официальных сочетаниях *премия Оскара* (*О премии Оскара*, *наверное, слышали многие*), *диплом «Оскара»* (*получить почетный диплом «Оскара»*).

В 90-х гг. XX в. стали появляться конструкции с «нулевой» формой в сочетании с неологизмами *номинировать*, *номинироваться*, *номинация*, *номинант*; ср.: *художника опять номинировали на «Оскар»* («Если», 1998); *Титульная песня Пола Маккартни номинировалась на «Оскар»* («Известия», 1999); *Номинация на «Оскар» – хорошая реклама хорошему режиссеру* («Столица», 1997); *отозвать из списка номинантов на «Оскар»* («Известия», 1995). Эта же форма могла встретиться в сочетании с типовыми для премии лексемами; ср.: *его попытались выдвинуть на «Оскар»* («Известия», 1994); *В Лос-Анжелесе объявлены претенденты на «Оскар» – самую престижную кинематографическую премию в мире* («Труд», 1998); *Депардье выдвинули на «Оскар» по разделу «лучший актер»* («Труд», 1998).

В 2000-х гг. двувариантное употребление форм винительного падежа премионима «Оскар» получает распространение, на что обращают внимание пользователи виртуальных служб русского языка. Склоняется ли премия «Оскар»: *получил «Оскар»* или «Оскара», *номинирован на «Оскар»* или «Оскара»? *Как лучше: Ваша презентация получила «Оскар(а)»? Склонять ли слово «Оскар», если оно употребляется без слова «премия»? Праздновал номинацию на «Оскара» или на «Оскар»? –* такие вопросы были адресованы консультантам сайта «Культура письменной речи» и портала «Грамота.ру» в 2006 и 2007 гг. Внимательные читатели архива справочного бюро «Грамоты.ру» пишут: *В ваших ответах по поводу написания (склонения) кинопремии «Оскар» разнбой. В 2014 г. в «справочной» ленте портала появляются новые сообщения – вопрос Как правильно: получить «Оскар» или «Оскара»? Объясните, пожалуйста и ответ Верны оба варианта: фильм получил «Оскар» и фильм получил «Оскара». Но: фильм получил премию «Оскар».*

Выборка, объединяющая словоупотребления в текстах двух десятилетий XXI в., позволяет проследить за тем, как вариантное склонение онима «Оскар» расширяло свои границы. Регулярная двувариантность характеризует сочетания с глаголами *выдвигать(ся)*, *дать*, *получить*, в то же время а-формы сохранялись в сочетаниях с глаголами *представить (на)*, *претендовать (на)*, *взять* – в них формы с нулевым окончанием стали появляться позднее, в 2010-х гг.

Констатируем: в современной речевой практике закрепляется форма с нулевым окончанием. Об этом можно судить по статистическим показателям сочетаний и по прецедентным фактам редактирования текстов одного и того же автора или даже одного и того же текста, опубликованного в разное время; ср. замены *при выдвижении на «Оскара»* (2006) / *на «Ос-*

кар» (2010); «номинация» на «Оскара» (2005) / номинирован на «Оскар» (2015); в литературных текстах Д. Донцовой встречаются варианты формы *вручать «Оскара»* (2004) и *вручать «Оскар»* (2015).

Вариантное формообразование демонстрируют и тексты, в которых упоминаются премионим «Сезар» (от фр. *César* – Цезарь, по имени французского скульптора Сезара Бальдаччини); ср.: *номинирована на «Цезаря» в категории «лучшая актриса»* (2021). При этом всё чаще появляются формы по типу склонения неодушевленных существительных; ср.: *Иоланда Моро за исполнение главной роли в этом фильме получила «Сезар» как лучшая актриса* (2009); *Почетные «Сезары» получили американская актриса Джулия Робертс и греческо-французский режиссер Константинос Гаврас* (2025).

В художественных текстах в вариантной форме с нулевым окончанием появляется и неофициальная свернутая номинация *Нобель*; ср.: *намеки на Нобель* (2007); *ему завтра дадут «нобель»* (2008). Но вместе с тем в публицистическом и художественном дискурсе по-прежнему преобладает *а*-форма; ср.: *вручить Нобеля* (2009), *дать Нобеля* (2010), *получить Нобеля по литературе* (2022).

Вариантная форма с нулевым окончанием также фиксируется при употреблении премионимов *Букер* и *Антибукер*: *дать Букер* (2001), *получить Антибукер* (2018). Возможно, здесь наблюдается спорадический эффект аналогии, поскольку названия этих двух литературных премий на протяжении трех десятилетий стабильно сохраняют *а*-формы в конструкциях с винительным падежом (ср.: *выдвинуть роман на Букера, номинирование на Букера, получить Антибукера*).

Варьирование падежных форм премионимов по парадигмальным моделям одушевленных и неодушевленных существительных можно рассматривать как повод для продолжения обсуждения «периферийного», по словам М. В. Русаковой [Русакова, 2007], явления, очевидно расширяющего зону действия в современной речи. Собственно, один из основных вопросов, ответ на который предстоит искать, определяется в своих границах таким образом: *тяготеют ли к категории одушевленности или неодушевленности* обсуждаемые языковые единицы или их грамматическое поведение допустимо квалифицировать иным образом?

Литература

БТС: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 1998.

БУС: Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина ; под ред. В. В. Морковкина. М. : Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016.

Глинкина Л. А. Грамматическая вариантность в истории русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Лазуткина Е. М. Вариативность в системе грамматических норм современного русского литературного языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М. : Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН. 2014. Т. 1. С. 223–329.

Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С. О. Савчук, Т. А. Архангельский, А. А. Бонч-Осмоловская, О. В. Дониная, Ю. Н. Кузнецова, О. Н. Ляшевская, Б. В. Орехов, М. В. Подрядчикова // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.

Немченко В. Н. Грамматическая вариативность слова в современном русском языке и литературная норма : учеб. пособие. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1998.

Новое в русской лексике. Словарные материалы-88 / под ред. Е. А. Левашова. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996.

Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов. В 3 т. / под ред. Т. Н. Буцевой, Е. А. Левашова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009–2014. Т. 2. 2014.

Розенталь Д. Э. Управление в русском языке. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/upravlenie-v-russkom-yazyke>.

Русакова М. В. Категория одушевленности/неодушевленности: реализация в речи единиц с переносным значением // Acta Linguistica Petropolitana / Тр. Ин-та лингв. исслед. 2007. Т. 3, № 3. С. 118–153.

Федосюк М. Ю. *Джип подрезал «форда»*, или Существует ли в русском языке грамматическая категория одушевленности/неодушевленности? // Studia z Filologii Polskiej i Słowian-skiej. 2016. Т. 51. С. 72–87.

E. N. Gekkina, Candidate of Philology (Saint-Petersburg)

TO THE TYPOLOGY OF GRAMMATICAL VARIANTS OF PROPER NAMES: FORMS OF AWARD NAMES

Abstract. The article is devoted to the variant inflection of proper names, forming a group of award names, or premionyms, in accordance with the terminology adopted by the author. An overview of typical nominative models is presented, on the basis of which the names of awards in the 19th–20th centuries were formed. Extralinguistic, derivational, lexical, grammatical and discursive factors influencing the dynamics of the functional-speech characteristics of modern nominations formed on the basis of the nominal model in their standard syntagmatic compounds are considered. Using the example of the name of the Oscar film award, the conditions and reasons for the two-variant use of forms in peremptory (without the generic word “award”) nominal and prepositional-nominal constructions are traced. The illustrative speech material used for analysis covers a half-century period (from the 70s of the twentieth century to the present day) and is conducive to continuing the discussion of the essence and problematics of the categories of animateness and inanimateness in the modern Russian language, which noticeably expands the composition of variable units in the implementation of forms of the accusative case.

Keywords: grammatical category, inflection, accusative case, (non)animate nouns, premionyms.

О. И. Глазунова, кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАТЕГОРИИ ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. При разграничении видов имеет смысл опираться не на предельность/непредельность глагольного действия, а на единую или множественную природу его значения. В основе глаголов совершенного вида лежит единичность: количественная (глаголы СВ со значением однократности или временного единства) или качественная (глаголы СВ со значением результата). Глаголы несовершенного вида опираются на множественную природу значений. Непрерывная множественность определяет процессуальные действия; дискретная множественность указывает на многократность разрозненных точечных действий или на разрозненность процессуальных действий, ограниченных отрезками времени.

Разграничение глагольных видов на основе количественных составляющих (единичности для глаголов СВ и множественности для глаголов НСВ), с одной стороны, позволяет проводить исследования на объективной основе, а с другой – дает возможность распределять по видовым группам заложенные в способах глагольного действия качественно-количественные характеристики: фазовые, однократные, многократные, распределительные, результативные.

Ключевые слова: категория глагольного вида, совершенный вид, несовершенный вид, единичность, множественность значений, способы глагольного действия.

Традиционное для академической грамматики разграничение глагольных видов по принципу «ограниченное предельное целостное действие (глаголы совершенного вида), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного предельного целостного действия (глаголы несовершенного вида)» [Русская грамматика, т. 1, 1980, с. 581], крайне уязвимо. Например, если глагол *разлюбить* можно отнести к «ограниченному предельному целостному действию», то глагол *полюбить* попадает под эту категорию лишь частично – в его фазовой составляющей.

В «Русской грамматике» *полюбить* относят к глаголам начинательного способа действия наряду с глаголами *полететь*, *поехать*, *помчаться* [Русская грамматика, т. 1, 1980, с. 595]. Хотя очевидно, что ограничение действия по времени (фиксация его начала) не подразумевает целостного его восприятия, а значит противоречит определению, данному в академической грамматике.

Связь совершенного вида с действием, ограниченным предельным, отмечается практически в каждой работе по данной теме. Е. В. Петрухина пишет: «Существующие в современной лингвистике определения категориальной семантики СВ ('достижение предела', 'завершенность', 'результат', 'смена ситуации', 'возникновение новой ситуации', 'начало новой ситуации', 'целостность') отражают разную интерпретацию одного концепта, имеющего для русского вида категориальный статус, – КОНЦЕПТА ПРЕДЕЛА

КАК ВРЕМЕННОЙ ГРАНИЦЫ ДЕЙСТВИЯ, по отношению к которому определяется категориальная семантика СВ и НСВ» [Петрухина, 2009, с. 113].

При данном подходе нельзя забывать о том, что семантика глаголов несовершенного вида может включать предельную кратность (*проговаривать, рубить, стучать*), а это существенно затрудняет использование предела в качестве критерия разграничения видов.

В современных исследованиях глагольный вид обычно рассматривается на текстовом уровне. В зависимости от контекста и от подходов к его интерпретации глагольные формы квалифицируются по-разному. Как результат – взгляды авторов на категорию вида невозможно свести к единой точке зрения. Более того, перспектива достичь соглашения по этому вопросу воспринимается лингвистами крайне скептически. В. А. Плунгян отмечает, что «типология вида оказывается возможна только в том случае, если сравнивается универсальная семантическая субстанция, а не конкретно-языковые “граммемы”, “признаки”, “инварианты”». Но и в этом случае «проблема семантического инварианта грамматического показателя (даже если считать, что таковой всегда существует) оказывается для типологического исследования практически нерелевантной» [Плунгян, 1998, с. 372–373]. И всё же рискуем.

При разграничении видов глаголов имеет смысл опираться не на ограничение действия пределом, а на единый или множественный характер его протекания. Предел, как и результат, выступает как абстрактно-семантическое понятие, в то время как количественные показатели соотносятся с объективными данными.

Любое действие, выраженное глаголом совершенного вида, не подразумевает множественности осуществления: Он *пришел, написал, построил, рассказал*. Исключением являются контекстуальные варианты использования, например, с наречиями меры: Он *сказал* мне об этом *дважды*. Если глаголы совершенного вида относятся к единичным действиям, которые в силу своей семантики или в контексте могут соотноситься и с результативностью, то глаголы несовершенного вида опираются на представление о множественности, обладающей разными формами протяженности на шкале времени.

Как известно, множество – «это совокупность элементов, которые имеют общие свойства и характеристики» [Боргест, 2023, с. 310]. И эти множества могут быть непрерывными и дискретными. Парная категория «дискретное – непрерывное» является одной из фундаментальных в современной математике и ее приложениях.

Рассмотрим данную оппозицию на примере числовых множеств. «Числовое множество называется дискретным (в топологическом смысле), если в окрестности всякого его элемента есть посторонние элементы (всякий элемент является граничным, или изолированным)». «Числовое множество называется непрерывным (не дискретным), если в окрестности

его любого элемента отсутствуют посторонние элементы (его всякий элемент является внутренним)» [Горбачев, 2016, с. 14].

Воспользуемся этими определениями для интерпретации глагольного действия. *Непрерывность* глагольного действия в этом случае будет означать его непрерывающееся последовательное развитие; *дискретность* глагольного действия предполагает его раздробленность, делимость на отдельные части. Непрерывный и дискретный характер развития определяется самим действием (тем, как оно протекает во времени) и закрепляется в семантике выражающей его лексемы.

Так, глагол несовершенного вида *бросать*, как и глагол *постукивать*, обозначает дискретное множество следующих друг за другом однотипных действий. А значения глаголов *петь*, *звучать* опираются на непрерывную множественность. Каждый звук последовательно вплетается в множество других звуков, которое мы называем пением или музыкой.

В таблице приведена схема видовых различий между глаголами несовершенного и совершенного вида в зависимости от единичной или множественной структуры действий, которые они обозначают.

Таблица

Схема видовых различий между глаголами НСВ и СВ

ЕДИНИЧНОСТЬ (СВ)		МНОЖЕСТВЕННОСТЬ (НСВ)	
//	\\	//	\\
КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ЕДИНИЧНОСТЬ	КАЧЕСТВЕННАЯ ЕДИНИЧНОСТЬ	НЕПРЕРЫВНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ	ДИСКРЕТНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ
Однократность: <i>прыгнуть, встать, бросить, ударить</i>	Результат: <i>полюбить, замерзнуть, простить, списать, прозвучать</i>	Процесс: <i>спать, петь, играть, плыть, звучать</i>	Множественность: <i>постукивать, рубить, толкать, бросать</i>
Временное единство: <i>поговорить, поспать, походить, прогулять, запеть, пойти</i> ¹			Временная раздробленность: <i>поговаривать, прохаживаться, прогуливать, запевать</i>

Прежде всего рассмотрим разницу между глаголами со значением количественной и качественной единичности. В работах по русской грамматике качественная единичность чаще всего трактуется с позиций

¹ В. А. Плуноян относит глаголы с префиксами *по-* и *про-* (типа *постоять*, *простоять*) к *лимитативным перфективам*, обозначающим «вложенность в более протяженный временной интервал» [Плуноян, 1998, с. 379]; М. А. Шелякин глаголы типа *поспать*, *проспать*, *крикнуть*, *провыть* относит к количественно-временному типу предела глагольного действия [Шелякин, 1983, с. 163].

предела – завершающей границы развития глагольного действия: *похвалить, подписать, очистить* и т. д.

По нашему мнению, качественная единичность соотносится не с пределом, а с результатом как «объективно достигнутым состоянием, продуктом процесса или деятельности, направленной на реализацию цели и применяющей для этого определ. средства» [ФЭ, 1964, с. 483]. В отличие от значения однократности (*встать, прыгнуть, махнуть*), результат всегда подразумевает некую внешнюю или внутреннюю деятельность, предшествующую его достижению. Ср.: Он *стукнул* себя по лбу – Он *постучал* в дверь. В первом предложении речь идет о непроизвольном действии, во втором – о целенаправленном действии, которому предшествовала некая цель: войти в дом, встретиться с кем-то и т. д.

Исходя из этого, глаголы «типа *построить, отрезать, сесть* и мн. др.», значение которых В. А. Плунгян квалифицирует как «финальное событие» [Плунгян, 1998, с. 377], распределяются по разным группам. *Построить* относится к результативному действию (результат – построенный объект); *сесть* – к однократному действию. Хотя в контексте глагол *сесть* может соотноситься и с результатом. Ср: он *сел* на стул (единичность) / *сел* в министерское кресло (результат).

Однократность и результативность как показатели способа реализации выраженного глаголом действия зависят от контекста. Результат, который завершает процесс или деятельность (внешнюю или внутреннюю), обозначается глаголом совершенного вида соответствующей семантики или, в случае необходимости, контекстуальными средствами. Глаголы *бросить, встать*, значение которых указывает на однократность (*бросить* камень, *встать* с кровати), могут выражать и результативное действие (*бросить* курить, *встать* на защиту).

Значение непрерывности или дискретности протекания множественного действия может определяться и контекстуальными средствами. В предложении один и тот же глагол несовершенного вида может обозначать процесс: Он *пел*, а мы слушали (непрерывная множественность), или многократное действие: По воскресеньям он *пел* в хоре (дискретная множественность).

Соотносящиеся со множественностью глаголы несовершенного вида способны обозначать процесс как неразрывную последовательность однотипных действий (*идти, читать, говорить*) или последовательность прерывных разрозненных действий (*толкать, плевать, похлопывать, прогуливать*).

Как отмечают исследователи, в древнерусском языке категория вида появилась во второй половине XVI в. [Никифоров, 1952, с. 133]. В то время формирование видовых пар опиралось на стремление разграничить на формальном уровне *процесс* достижения результата и *момент* его достижения [Карцевский, 1962, с. 220; Кукушкина, 1979, с. 25]. Исходя из этого, по мнению С. Карцевского, «функционирование вида сводится к раз-

вертыванию в языке двух встречных тенденций – сведение процесса к его результату и, наоборот, пролонгирование результативного процесса во времени» [Карцевский, 1962, с. 220].

Рассматривая процесс образования видов, Ю. С. Маслов указывает еще на один параметр – на неделимую целостность действия у глаголов совершенного вида. «К началу самостоятельной жизни отдельных славянских языков общее значение совершенного вида уже может быть определено как значение подчеркнутого указания на неделимую целостность действия. Несовершенный вид в эту пору может быть определен как обозначение действия без указания его целостности» [Маслов, 1961, с. 194].

Целостность является фундаментальным понятием классической философии. В значении неразделенности и единства целостность может характеризовать не только значение глагола, но и фазовые составляющие выражаемого им действия. В этом случае речь может идти о целостности временного отрезка, или о временной целостности.

Глаголы *запеть*, *отцвести* выражают целостность начальной или конечной фазы осуществления действия. Глаголы *погулять*, *поговорить* указывают на целостный характер протекания единого во временном отрезке действия. Глаголы *поговаривать*, *прохаживаться*, *прогуливать*, *запевать* обозначают повторяющуюся (разрозненную) временную целостность.

Таким образом, совершенный вид базируется на единичности (однократной, временной или результативной) глагольных значений; несовершенный вид – на непрерывной или дискретной их множественности. Если категория числа определяется единичностью/множественностью производителей действия, то категория вида ориентирована на количественно-качественные составляющие глагольного действия, семантика которого совмещает квантитативные значения с результативными и временными.

Итак, вне контекста глаголы совершенного и несовершенного вида можно распределить по четырем группам в зависимости от того, какие действия они обозначают (см. табл.).

1. *Количественную единичность* выражают глаголы, семантика которых указывает на однократное действие: *прыгнуть*, *стукнуть*, *мигнуть*, *вздрыгнуть*, *крикнуть*, *кинуть*, *булькнуть*, *топнуть*, *хлопнуть*, *блеснуть*, *метнуть*, *толкнуть*, *мякнуть*, *плеснуть*, *щипнуть*, *дернуть*, *шагнуть*, *кашлянуть*, *плеснуть*, *хлестнуть*, *сболтнуть*, *схватить*, *ударить*. Очевидно, что самую большую группу среди них составляют глаголы совершенного вида с суффиксом *-ну-*, к которым примыкают глаголы с семантикой однократного действия.

Некоторые глаголы с суффиксом *-ну-* при присоединении префикса сохраняют значение однократности: *хлебнуть* – *прихлебнуть*, *плюнуть* – *сплюнуть*, *мигнуть* – *подмигнуть*, *дернуть* – *сдернуть*, *кинуть* – *подкинуть*, *кликнуть* – *окликнуть*, *махнуть* – *смахнуть*, *ткнуть* – *воткнуть*, *брызнуть* – *сбрызнуть*, *прыгнуть* – *подпрыгнуть*. У других глаголов со значением однократности префиксы актуализируют значение результа-

тивности: *хлопнуть* – *прихлопнуть*, *махнуть* – *подмахнуть*, *плюнуть* – *переплюнуть*, *шагнуть* – *перешагнуть*, *тряхнуть* – *вытряхнуть*, *швырнуть* – *вышвырнуть*.

В русском языке есть группа глаголов с суффиксом *-ну-*, значение которых в большей степени соотносится не с однократностью, а с результативностью: *исчезнуть*, *достигнуть*, *замерзнуть*, *погрязнуть*, *продрогнуть*, *окрепнуть*. Отличие их от глаголов с тем же суффиксом, но со значением однократности состоит в том, что в формах прошедшего времени суффикс *-ну-* у них утрачивается: *исчез*, *достиг*, *замерз*, *погряз*, *продрог*, *окреп*. Ср., например, формы прошедшего времени глаголов *дрогнуть* со значением однократного действия и *продрогнуть* со значением результативности: *дрогнул* – *продрог*.

Таким образом, в языке значение однократности/результативности верифицируется на формальном уровне – при образовании глагольных форм.

2. *Качественную единичность* выражают глаголы со значением достижения результата в процессе предварительной ментальной или физической деятельности. В эту группу входят глаголы, указывающие на значение результативности в рамках способов глагольного действия: *расхватать*, *пристыдить*, *почистить*, *простить*, *осознать*, *лишить*, *придумать*, *назначить*, *измучить*, *разбогатеть*, *замерзнуть*, *окоченеть*, *покрасить*.

Единичное как категория диалектики, в рамках которой осуществляется познание окружающего мира и качественно-количественных его составляющих, коррелирует с множественностью. Переход от единичности, основанной на однократности, временном единстве или результативности значений, к множественности, основанной на непрерывности или временной повторяемости отдельных действий или процессов, ограниченных временными отрезками, выражается в языке на уровне видовых пар.

3. *Непрерывная множественность* соотносится с глаголами несовершенного вида, которые обозначают линейно развивающиеся неразрывные действия: *скупать*, *учить*, *красить*, *теплеть*, *пламенеть*, *мрачить*, *думать*, *читать*, *писать*. Заложенное в глаголах несовершенного вида множественное значение динамично развивающегося признака противостоит качественно-количественной единичности глаголов совершенного вида, основанной на произвольной (однократной) или результативной природе значений.

4. *Дискретную множественность* выражают глаголы, образованные от глаголов совершенного вида с помощью суффиксов *-а/-я-*, *-ва-*, *-ыва-/ива-*, лексическое значение которых указывает на протекающие во времени разрозненные действия – однократные или обладающие временным единством: *рубить*, *хлопать*, *бросать*, *махать*, *угощать*, *ограждать*, *оскорблять*, *давать*, *открывать*, *подмигивать*, *вздрагивать*, *вытаскивать*, *взвизгивать*, *распугивать*, *перешагивать*.

Глаголы со значением дискретной множественности соотносятся (образуют совершенный вид) со значением однократного действия: *рубить* – ***рубануть***, *давать* – ***дать***, *бросать* – ***бросить***, *хлопать* – ***хлопнуть***, *угощать* – ***угостить***. В то время как глаголы со значением непрерывной множественности соотносятся (образуют совершенный вид) с помощью префиксов со значением результата: *скупать* – ***заскупать***, *учить* – ***выучить***, *крутить* – ***раскрутить***, *чистить* – ***очистить***.

Если лексическое значение префиксальных глаголов совершенного вида подразумевает возможность осуществления повторяющихся однотипных действий, от них в дальнейшем можно образовать глаголы несовершенного вида с дискретным множественным значением: *выучить* – ***выучивать***, *раскрутить* – ***раскручивать***, *отдать* – ***отдавать***, *вздрогнуть* – ***вздрагивать***, *прогулять* – ***прогуливать***.

Таким образом, в системе разграничения видовых пар на основе единичной или множественной природы выражаемых глаголом действий (см. таблицу 1) значение временной раздробленности коррелирует со значением временного единства; значение процесса – со значением результата, а однократность действия противостоит его многократности на категориальном уровне.

Вывод. Разграничение глагольных видов на основе количественных составляющих (единичности для глаголов СВ и множественности для глаголов НСВ), с одной стороны, позволяет проводить исследования на объективной основе, а с другой – дает возможность распределять по видовым группам заложенные в способах глагольного действия качественно-количественные характеристики: фазовые, однократные, многократные, распределительные, результативные.

Литература

- Боргест Н. М. Понятие «множество» в теории и практике проектирования // *Онтология проектирования*. 2023. Т. 13, № 3 (49). С. 306–332.
- Горбачев В. И. Методология математической картины мира в числовых системах общеобразовательного курса алгебры и начала анализа // *Ученые записки Брянского государственного университета: физико-математические науки/биологические науки/ветеринарные науки*. № 1 (2016). Брянск : РИО БГУ, 2016. С. 9–22.
- Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952.
- Карцевский С. Вид // *Вопросы глагольного вида*. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 218–230.
- Кукушкина О. В. Формирование категории вида и видо-временной системы русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
- Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // *Исследования по славянскому языкознанию*. М. : АН СССР, 1961. С. 165–195.
- Петрухина Е. В. Объяснительная теория славянского глагольного вида // *Вестник Московского университета*. Сер. 9, Филология. 2009. № 5. С. 111–127.
- Плунгян В. А. Перфектив, комплектив, пунктив // *Типология вида: проблемы, поиски, решения* / под ред. М. Ю. Чертковой. М. : Языки рус. культуры, 1998. С. 370–381.

ФЭ: Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 3 / гл. ред. Ф. В. Константинов. М. : Советская энциклопедия, 1964.

Шелякин М. А. Категория вида и способы глагольного действия русского глагола (теоретические основы). Таллин : Валгаус, 1983.

O. I. Glazunova, Candidate of Philology, Associate Professor (St. Petersburg)

ON THE QUESTION OF INTERPRETATION OF ASPECT CATEGORY IN RUSSIAN

Abstract. When distinguishing between verb aspects, it makes sense to rely not on the limit of verbal action, but on the single or plural nature of its meaning. Perfect verbs are based on singleness – quantitative (perfect verbs with the meaning of one-time action or temporal unity) or qualitative (perfect verbs with the meaning of result action). Imperfect verbs rely on the multiple nature of their meanings. Continuous multiplicity defines the procedural actions. Discrete multiplicity indicates the multiplicity of disparate one-time actions or processual actions limited by the time intervals. The differentiation of verb aspects on the basis of quantitative components (singleness for the perfect verbs and plurality for the imperfect verbs), on the one hand, allows conducting research on an objective basis. On the other hand, it makes it possible to distribute qualitative and quantitative characteristics inherent in the ways of verb action into species groups: phase actions, single and multiple actions, distributive actions, and result actions.

Keywords: verb aspect category, perfect verbs, imperfect verbs, singleness, multiplicity of meaning, ways of verbal action.

В. К. Голубева, кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный университет, г. Минск

ГЕНИТИВ ПРИ ОТВЛЕЧЕННОМ ИМЕНИ В НАРЕЧНОЙ ФУНКЦИИ

Аннотация. В статье проанализированы семантические типы форм родительного падежа, присоединяемых к отвлеченным именам в адвербиальной функции (типа «подошел с осторожностью *лисы*»). Выделены генитив сравнения, генитив идентификации (реального статуса) и генитив сферы проявления качества. Рассмотрены семантические отношения между объектом и эталоном сравнения в компаративных конструкциях, а также отличия родительного сравнения и идентификации. Исследованы возможности преобразования отвлеченных существительных с генитивами разных типов в наречия.

Ключевые слова: генитив, генитив сравнения, наречие, отвлеченное существительное, грамматическая синонимия.

Типы и функции генитивных форм в русском языке активно привлекают внимание исследователей. В частности, лингвисты изучают, как родительный реализует свои присловные и неприсловные позиции и связи; много пишется и о семантике генитива. Так, в «Русской грамматике 80» отсчет ведется от самых общих значений падежей, и в этой системе координат родительный наделяется субъектным (*Забот хватает*), объектным (*настроить домов*) и определительным (*страна озер*), но не обстоятельно-определительным значениями [Русская грамматика, 1980, § 1168].

Разнообразие семантических оттенков русского генитива, предопределяемых в том числе его связью с главным словом, требует детального и тщательного описания. Не случайно многие работы по изучению родительного посвящены анализу не всей системы значений, а конкретного типа или подтипа генитива (см., например, [Попова, 2020; Гращенков, 2016]).

В данной статье нас будет интересовать родительный присубстантивный. В поле зрения исследователей попадали такие конструкции, как *рука отца* с семантикой генитива ‘субъект обладания’; *бархат кожи* – ‘субъект – носитель свойства’; *закон Ньютона* – ‘производящий, порождающий субъект’; *памятник героя* – ‘принадлежность и назначение’ [Русская грамматика, 1980, § 1168]; *человек слова, человек большого ума, дитя глобализации*, квалифицируемые как сочетания с родительным качественное определение для характеристики личности [Русская грамматика, 1980, § 1168; Леонтьев, 2008; Попова, 2020]; *дети старшего возраста, вдавнины странной округлой формы*, которые в [Гращенков, 2016, с. 445] называются генитивом качества.

Цель нашей работы – анализ семантики генитивных форм при отвлеченном имени, употребленном в наречной функции, например, *подошел с осторожностью лисы, написал с восторженностью молодого поэта* и т. д. В качестве главного слова здесь будут рассматриваться только предложно-падежные формы со структурой «предлог *с/со* + тв. падеж».

В ходе изучения материала нами было выявлено несколько семантических разновидностей генитива в указанной синтаксической позиции. Рассмотрим основные: а) генитив сравнения; б) генитив идентификации; в) генитив сферы проявления качества.

В числе наиболее частотных находится **генитив сравнения**. Как известно, в логической структуре операции сравнения выделяется по крайней мере три элемента: 1) сравниваемый предмет (то, что сравнивается; объект сравнения / первый компарат); 2) признак (аспект) сравнения; 3) стандарт / эталон сравнения (то, с чем сравнивается; второй компарат) [Князев, 2007, с. 184].

Отвлеченное имя, часто являющееся отадективным синтаксическим дериватом, в таких конструкциях обозначает признак, а приименный родительный – стандарт сравнения; объект сравнения часто выражен номинативом. Например, (1), (2):

(1) *Он [Агафонов] подскочил к Тосе, выхватил у нее из рук сушку и бросил ее с меткостью снайпера в открытое окно* (И. Пивоварова. Тройка с минусом или происшествие в 5 «А»).

(2) *Она [старуха] прижала меня в угол с наглостью бывалого животного, в клетку к которому попало чужое и слабое существо, и что-то шепеляво опросила* (В. Конецкий. Начало конца комедии).

Объект сравнения может быть и имплицитным – (3).

(3) *А уж об общем для всех законе в фильме говорится с навязчивостью дикторов программы «Время»* (РБК Daily, 13.03.2009).

По мнению говорящего, с точки зрения характерологии эталон сравнения является для адресата более информативным и выразительным, чем объект сравнения, поскольку актуализирует в сознании носителя языка комплекс устойчивых признаков, с опорой на которые можно нагляднее представить новую, незнакомую ситуацию и ее участников.

Генитив идентификации можно иначе обозначить как **генитив реального статуса**. В отличие от генитива сравнения, такой родительный называет само лицо, к которому отнесен признак отвлеченного существительного, а не проводит сравнение этого лица, существа, предмета с каким-либо другим лицом или предметом. Принадлежность субъекта к определенной группе людей, обозначенной генитивом, служит условием проявления качества, названного отвлеченным субстантивом (4), (5):

(4) *Шаг за шагом, с прозорливостью гениального естествоиспытателя Мичурин проникал в глубокие тайны природы* («Наука и жизнь», 1950).

(5) *Брюсов со стереотипным высокомерием признанного мэтра рекомендовал поэту «поработать над собой»* («Новый журнал», 1961).

Иными словами, если генитив сравнения вводит в текст образный компонент характеристики, то генитив идентификации мотивирует названное свойство субъекта через обозначение его реального статуса, что актуализирует в сознании реципиента набор наиболее присущих данному лицу признаков (скажем, неудивительно, если признанный мэтр окажется высокомерным; гениальность естествоиспытателя проявляется и в его прозорливости).

При генитиве сравнения мы имеем дело с объектом сравнения и его эталоном; конструкции с родительным идентификации также включают две номинации одного референта – первая, как правило, выражена им. пад., может быть нейтральна и денотативно неинформативна (ср. имена собственные *Мичурин*, *Брюсов* в примерах (4) и (5)), а вторая – генитивом, дающим другое название лицу и обозначающим его родовую принадлежность. Различие генитива сравнения и генитива идентификации состоит в характере лексического наполнения первого и второго (генитивного) обозначения референта. Дело в том, что при генитиве сравнения семантический тип обоих обозначений (лицо, живое существо, предмет и т. д.) может совпадать или не совпадать. Так, в (6) реализуется модель соотношения «лицо – лицо», в (7) – «явление природы – живое существо», в (8) – «лицо – живое существо», в (9) – «неодушевленный предмет – явление природы»; в (10) – «лицо – неживой предмет».

(6) <...> *подумал **Волков с той особой дерзостью бывалого бойца**, который только что вышел из боя* (М. Ходаренок. Зенитные ракетные страсти).

(7) *Еще летал дождь, а уже появилась, с неуловимой внезапностью ангела, радуга* (В. В. Набоков. Дар).

(8) <...> они [официальные лица] с настырностью муравьев уже 14 лет после распада СССР собирают доказательства <...> (Комсомольская правда, 16.11.2005).

(9) <...> Ленин в октябре 1918-го <...> находится в идеальной форме политического бойца, чей **организм** вырабатывает адреналин, тестостерон и эндорфины с **щедростью** Ниагарского водопада (Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок).

(10) – Патологоанатом – одна из самых нужных и уважаемых врачебных специальностей, – **со спокойствием** цинкового стола резюмировал **Вася** (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки).

В ситуации сравнения на возможность соположения разных типов компаратов влияет характер признака: так, свойства *дерзость* и *наглость* ограничивают лексический круг объекта и стандарта сравнения номинациями лица или живого существа (однако случаи олицетворения элиминируют это условие); свойство *внезапность* распространяется на самые разные явления, в том числе на процессы в сфере неживых предметов. Кроме того, взаимодействие антропо- и зоономинаций обусловлено концептуализацией животных, выступающих воплощением устойчивых качеств человека, что и позволяет им служить эталоном сравнения для человека.

Условием же реализации генитива идентификации является сохранение одинакового семантического типа обозначений (в основном «лицо – лицо»): вне образного переноса выход за рамки своего типа номинации не осуществляется.

Иногда разграничение генитивов сравнения и идентификации вызывает трудности. Прямое указание на кореферентность первой и второй номинаций, что требуется для родительного реального статуса, в узком контексте содержится крайне редко: **Солженицын** <...> стал заносить исторический материал на специальные карточки. **С методичностью студента физико-математического факультета**, **каковым тогда и был** (Новая газета, 09.12.2018).

В подавляющем большинстве случаев такие экспликации отсутствуют, а семантика и тип генитива могут быть конкретизированы с опорой на целый текст или экстралингвистическую информацию, ср. (11):

(11) – Видите ли, ваше превосходительство, – сказал **Пастухов** с обаятельной **непринужденностью** давнишнего знакомого (К. А. Федин. Первые радости) – для того чтобы установить (не)кореферентность номинаций *Пастухов* и *давнишний знакомый*, необходимо знать сюжет и соотношение героев романа «Первые радости», что позволит определить актуальное значение формы родительного: ‘сказал с непринужденностью, так как приходился адресату знакомым’ (генитив идентификации) или ‘сказал с непринужденностью, как если бы приходился собеседнику давнишним знакомым’ (генитив сравнения).

То же можно сказать и о сочетании с генитивом в (12):

(12) *Андрей Пятницкий, будущий отец Ефрем, привязался к ней [Матушке] с остротой первого страстного чувства* (Н. Б. Черных. Слабые, сильные) – без знания широкого контекста возможны две интерпретации: ‘привязался с остротой, потому что это было первое страстное чувство’ (генитив идентификации) или ‘привязался с остротой, словно это было первое страстное чувство’ (генитив сравнения).

Генитив сферы проявления качества конкретизирует, в каких именно внешних чертах, особенностях поведения субъекта, его ментальных действиях и т. д. находит отражение названное существительным качество – (13), (14):

(13) *[Молодой парижанин] утешает себя подробными рассказами всем приятелям о том, с каким остроумием и великолепием манер он избавился от любовной обузы* (Л. П. Гроссман. Стендаль и Толстой).

(14) *С присущей ему [Захару] обстоятельностью обдумывания и вызревания мыслей и действий, все пытался понять <...>* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Поскольку наше исследование сопряжено с определением области грамматической синонимии предложных групп в адвербиальной функции и наречий, рассмотрим трансформационный потенциал субстантивных форм, распространенных генитивами. Возможности преобразования в направлении «предложно-падежная форма + генитив → наречие» напрямую зависят от семантики родительного падежа.

При анализе трансформаций следует учитывать, во-первых, (не)невозможность ее проведения и, во-вторых (при допустимости преобразования) наличие/отсутствие изменения исходного смысла.

Конструкции с генитивом сравнения иногда могут быть трансформированы в сочетание с наречием, причем без существенных семантических потерь (15). Эквивалентность преобразования «предложно-падежная форма + генитив → наречие сравнения + качественное наречие» обеспечивается наличием в языковой системе наречий сравнения и уподобления, которые при определяемом наречии выражают смысл генитива сравнения. Отметим, что и семантика генитива идентификации в принципе может передаваться такими наречиями, несмотря на название этого адвербиального разряда, ср. (16):

(15) *Ляднов переносил все мучения со стойкостью героя* (В. В. Корсаков. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май–август 1900 г.) – *переносил мучения по-геройски стойко*.

(16) *<...> я, подойдя к самому уху плоского монарха, зашептал с конфиденциальностью заговорщика* (С. Д. Кржижановский. Странствующее «странно») – можно допустить выражение *зашептал заговорщически конфиденциально*.

Препятствием трансформируемости и семантической эквивалентности данного типа преобразований становятся а) неупотребительность в

современном узусе наречия сравнения (17), б) распространение самой формы родительного падежа, т. е. конкретизация генитивного модификатора другими лексемами в функциях приложения, согласуемого определения и др., в результате чего на основе однословой формы родительного возникает генитивный оборот, см. (18) и (19).

(17) *В повороте купе «стоит» с непоколебимостью «Авроры»* (Коммерсант, 18.07.2013) – [?]«стоит» *по-авроровски* непоколебимо.

(18) *Прохоров вдруг широко улыбнулся, подмигнув самому себе, начал устраиваться на стуле с комфортабельностью технорука Петухова* (В. Липатов. И это все о нем).

(19) *С добросовестной внимательностью близорукого человека <...> брал знакомые ноты* (В. П. Катаев. Отец).

В (18) и (19) конструкции *технорука Петрова* и *близорукого человека* не могут быть свернуты в наречия сравнения и уподобления.

Конструкции с генитивом сферы проявления качества часто характеризуются нетрансформируемостью (ср. в (14) **обстоятельно пытался понять*), однако если такое преобразование и проходит, то между исходным членом и трансформом устанавливаются отношения неполной эквивалентности: сочетание с наречием отмечено редукцией смысла, меньшей детализированностью по сравнению с предложно-падежной формой, распространенной родительным падежом (20).

(20) *<...> среди цветистого «комьюнити», члены которого пребывали в постоянном самовозбуждении, с какой-то нездоровой алчностью интеллекта постигая науку общения* (С. Васильева. Триптих с тремя неизвестными) – сочетание *алчно постигая науку общения* возможно, однако за счет синтаксических связей наречия нельзя конкретизировать способ совершения действия, подобрав эквивалент словоформы *интеллекта*. Кроме того, в сочетании с глаголом у наречия *алчно (постигая)* усиливаются интенсифицирующие семы, в то время как в конструкции *с алчностью интеллекта (постигая)* акцент ставится на качестве лица, влияющем на осуществление действия.

Таким образом, каждый из проанализированных типов присубстантивного генитива дифференцирует качество, обозначенное существительным, однако в каждом случае уточнение признака происходит по-разному, с привлечением разных языковых механизмов. Семантический тип генитива непосредственно влияет на трансформационный потенциал распространенной предложно-падежной формы, т. е. на ее способность или неспособность заменяться наречием в тождественном контексте.

Литература

Гращенков П. В. Синтаксическая и семантическая типология генитива: генитив качества как носитель адъективного признака (на материале русского языка) // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / отв. ред. А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова. М. : ЯСК, 2016. С. 444–467.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М. : Языки славянских культур, 2017.

Леонтьев А. П. Формальный анализ атрибутивных именных групп в перспективе конструкций с внешним посессором : дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Попова С. Б. Родительный падеж качественного определения в функции типологической характеристики личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2020. № 2. С. 15–20.

Русская грамматика : в 2 т. / ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1. URL: <https://rusgram.narod.ru>

V. K. Golubeva, Candidate of Philology (Minsk)

GENITIVE WITH ABSTRACT NOUN IN ADVERBIAL FUNCTION

Abstract. The article considers the semantic types of genitive case forms attached to abstract nouns in the adverbial function (such as “*podoshyol s ostorozhnost'yu lisy*” ‘approached with the caution of a fox’). The genitive of comparison, the genitive of identification (real status) and the genitive of the sphere of manifestation of quality are identified. The semantic relations between the object and the standard of comparison in comparative constructions, as well as the differences between genitive comparison and identification, are considered. The possibilities of transforming abstract nouns with genitives of different types into adverbs have been studied.

Keywords: genitive, genitive of comparison, adverb, abstract noun, grammatical synonymy.

Е. Л. Григорьян, кандидат филологических наук, доцент
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

СОГЛАСОВАНИЕ В РОДЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Аннотация. На материале, взятом преимущественно из интернета с привлечением текстов разной степени кодификации, исследуются вариации согласования в роде существительных, обозначающих лицо по профессии (типа *врач*) или иным социальным характеристикам, которые могут относиться к лицам как мужского, так и женского пола, в том числе «смешанное согласование», когда применительно к лицам женского пола форма рода сказуемого и различных определений к тому же существительному не совпадают. Наряду с формальными тенденциями обнаруживается роль семантического фактора в выборе формы мужского или женского рода определений: женский род употребляется в основном в таких контекстах, где речь идет о человеке как об индивидуе, а не как о социальной функции, должностном лице или носителе статуса, что соотносится с денотативным и сигнификативным аспектами слова (*молодой врач / молодая врач*). Кроме того, вероятность женского рода для определения тем выше, чем ближе текст к разговорному стилю и чем ниже класс издания. Определение в форме женского рода также может вносить сниженный или даже уничижительный оттенок.

Ключевые слова: грамматический род, согласование в роде, «смешанное согласование», денотат, референт, сигнификат.

Уже много десятилетий в русистике отмечается специфика большой группы одушевленных существительных мужского рода, которые обозначают лицо по профессии (типа *врач*) или иным социальными характеристиками.

кам и могут обозначать лиц как мужского, так и женского пола, причем согласуемые слова могут принимать формы как мужского, так и женского рода в зависимости от пола упоминаемого лица, при этом формы рода сказуемого (глагола в форме прошедшего времени или сослагательного наклонения) и различных определений к тому же существительному могут не совпадать. Материал для данного исследования взят в основном из интернета: СМИ разного качества, публикуемые документы, а также менее кодифицированные жанры – объявления, комментарии пользователей, петиции, жалобы на коммунальные службы; также привлекаются примеры из телевизионной речи, рекламы, объявлений. Уровень грамотности и речевой культуры авторов не одинаков; кроме того, значительная часть текстов явно создавалась спонтанно, не перечитывалась и не редактировалась, но именно в таком материале «языковые тенденции выступают отчетливее, как бы вырываются наружу» [Гловинская, 1996, с. 238]. Это позволяет выявить и обосновать некоторые предпочтения в выборе грамматического рода и форм согласования.

«Русская грамматика» отмечает для слов данного типа «“смешанные” согласования», «когда род глагола в форме прош. вр. (или сослагат. накл.) соответствует полу названного существительным лица, а форма согласуемого прилагательного указывает на морфологический род этого же существительного: *Будущий филолог из Минска выиграла*» [Русская грамматика, 1980, с. 468]; однако определения в форме женского рода в подобных контекстах встречаются нередко. Определение в женском роде часто оказывается стилистически маркированным, а именно разговорным и часто при этом сниженным (та же маркированность типична и для феминитивов), но это наблюдается не во всех случаях. Часто существительные мужского рода употребляются и там, где можно было бы употребить феминитив, причем стилистически нейтральный (*учитель – учительница, журналист – журналистка*); в некоторых контекстах и применительно к одним и тем же событиям эти два типа номинаций чередуются.

Употребление существительных мужского рода для обозначения лиц женского пола закономерно: как известно, в разных языках, в том числе и в русском, мужской род является немаркированным членом оппозиции; существительное мужского рода рассматриваемого типа обозначает профессию или социальный статус и вообще не указывает на пол: ср. характерное объявление «*Требуются продавцы-мужчины*» (газета «Ва-банк» конца 90-х); «*Студенты первого курса (граждане России мужского пола) должны стать на военный учет*» (объявление в СПбГУ), где потребовалось отдельное указание на мужской пол. Характерно также, что даже при наличии стилистически нейтрального феминитива часто используются номинации мужского рода. В некодифицированной (или не вполне кодифицированной) речи круг лексических единиц, употребляемых таким образом, существенно шире наименований профессий и должностей, что свидетельствует об экспансии данной тенденции (хотя многие примеры

представляются нам не вполне корректными): По их словам, девочка «совершенно нормальная», но имеет проблемы с социализацией – ей сложно общаться с окружающими. В ходе дистанционных занятий **ребенок включала** микрофон... (Рамблер, 2022); Таким образом, все родственники делают почтительные поклоны королеве Елизавете II, однако сама она не должна кланяться никому. Но из этого правила было одно исключение – однажды **монарх сделала поклон** в дань уважения не менее известной королевской особе (МС, 10.01.22); В Ростовскую область прибыла председатель Совета федерации Валентина Матвиенко, у которой запланировано ряд встреч, сообщили в пресс-службе верхней палаты парламента. Вместе с губернатором **гость** ознакомится с объектами промышленной инфраструктуры Таганрога. Также у **нее** запланирована встреча с горожанами (RostovGazeta 10.09.21) – при наличии феминитива **гостя**. Ср. также часто повторяющуюся реплику членов жюри детского телевизионного конкурса «Большие и маленькие»: **Ты большая молодец!**

По-видимому, дело не только в небрежности, приводящей подчас к стилистическому разнобою и явной неряшливости фразы: прослеживаются определенные тенденции. Так, М. И. Сидорова, ссылаясь на И. Г. Милославского, отмечает: «По-видимому, вербальные формы легче, чем адъективные (а адъективные – в именительном падеже легче, чем в косвенных), принимают смысловой род, противоречащий грамматическому» [Сидорова, 2019, с. 62]. А. А. Герасимова отмечает, что «использование атрибутивных модификаторов в женском роде возможно только при выражении соответствующего рода в сказуемом» [Герасимова, 2018, с. 66].

Довольно часто наблюдается разнობой: при одном и том же существительном часть определений в форме женского рода, часть – мужского: Прекрасно разбирается в любви и браке **самая высокопоставленная** в Сан-Франциско **свадебный церемониймейстер** Мэри Фиоре... (Телепрограмма, 20.10.18); По данным столичного СУ СК, задержаны 55-летний учредитель и **24-летняя генеральный директор** (Росбалт, 30.07.22); **Греческий политик, занимавшая** высокий пост в Брюсселе, **брала** взятки от Катара в обмен на влияние в Европарламенте («Новые Известия», 08.12.22).

«Рассогласованным конструкциям» этого типа посвящено исследование [Герасимова, 2018], где данные эксперимента с заданием «вставить пропущенные окончания» (типа *наш_ постоянн_ исполнительн_ директор организовал_*), в котором участвовали 102 респондента, сопоставляются с данными морфологического опросника ИРЯ 1963–64 г. (тогда опрос прошли 3780 человек) и с данными газетного корпуса 1960–70-х гг. Там, где прилагательное вместе с существительным образует единую номинацию – название профессии, должности, звания и т. д. – форма женского рода невозможна, по крайней мере в кодифицированной речи. Это подтверждается и приведенными выше примерами **свадебный церемониймейстер** и **генеральный директор**. Подобные примеры многочисленны:

Главный инфекционист Москвы рассказал, что делать при первых признаках «Омикрона» («Новые Известия», 19.01.22); **Младший министр** по торговой политике и бывшая глава Минобороны Пенни Мордонт стала второй, получив 67 голосов (КП); К депутату гордумы Асбеста Наталье Крыловой в квартиру явилась полиция. Об этом сообщила сама **народный избранник** (URA.ru, 02.05.21).

Ненормативны (или по крайней мере маргинальны, если вообще возможны) сочетания **участковая терапевт*, **главная инфекционист*, **младшая министр* и т. д. Однако стоит отметить, что в реальном узусе такие согласования встречаются и (подобно употреблению многих феминитивов, что упоминалось выше) относятся к более низкому регистру, фамильярному тону и могут вносить уничижительный оттенок: *Попова, новая главная санитарная врач* страны, уже несколько лет учит как жить, а мы всё грешим на Онищенко (20.07.21).

Помимо многочисленных формальных тенденций, в разной степени значимых и разной степени жестких (в спонтанной и некодифицированной речи – вообще не жестких), действуют также определенные семантические и прагматические факторы, которым в литературе уделяется меньшее внимание.

Представляется, что дело не только в нарастании (как считает М. И. Сидорова [2019]) или убыли (как отмечает А. А. Герасимова [2018]) тенденции к семантическому согласованию, но и в характере употребления самого определяемого существительного. Почти во всех случаях есть вариативность, но для многих можно говорить об определенных предпочтениях. Женский род употребляется в основном в таких контекстах, где речь идет о человеке как об индивиде, а не как о социальной функции, должностном лице или носителе статуса. Это различие соотносится с денотативным и сигнификативным аспектами слова. Определение может характеризовать референта (т. е. индивида, обозначенного данным словом в данном случае) или заключенный в данном слове признак. Различие этих двух аспектов можно проиллюстрировать на примере словосочетаний типа *молодая хозяйка*, неоднозначного в этом отношении: определение может характеризовать референта, и тогда оно значит «юная», «молодая по возрасту»; но это же словосочетание может значить «женщина, недавно ставшая хозяйкой», т. е. определение относится к сигнификату слова *хозяйка*; ср. аналогично *прекрасная танцовщица*, что может характеризовать внешность женщины, а может значить, что она прекрасно танцует. Именно различие этих двух аспектов, по нашему мнению, во многих случаях определяет выбор рода определения в словосочетаниях типа *молодой / молодая врач*: это же подтверждается невозможностью (или некорректностью) употребления мужского рода в сочетаниях типа *хорошенькая врач, молоденькая / миловидная врач* и т. п., так как данные определения применимы только к лицу женского пола. Употребление форм женского рода характерно там, где ин-

дивид предстает в своей женской ипостаси, где релевантен гендерный признак, ср. *Романтичная библиотекарь Вера верит в чудо, добро и любовь. Вот только ее личная жизнь не складывается* (Телепрограмма, 13.09.19). «*Романтичный библиотекарь*» – если представить себе такое сочетание в данном контексте, – скорее всего, прочитывалось бы как указание на какой-то тип (разновидность) библиотекаря, а не на особенность личности. Наглядный пример несколько иного плана: *В свое оправдание чернокожая мэр заявила, что поступила подобным образом ради привлечения внимания общества к тому факту, что пресс-служба мэрии «преимущественно белая», к тому же представляет из себя сугубо мужчин* (16.08.21). Определение относится к референту слова *мэр*, конкретной персоне, а не к мэру как должностному лицу, не к должностным и профессиональным качествам мэра; *чернокожий мэр* в данном контексте, по-видимому, невозможно даже в небрежной речи (**чернокожий мэр объявила...*).

Слово мужского рода является названием профессии или должности безотносительно к полу, ср. показательный пример: *Генпрокурор Великобритании готова стать новым премьером* («Свободная пресса», 06.07.22). В данном случае невозможно **новой премьером*, так как слово *премьер* употреблено нереферентно, как название должности, а не как номинация конкретной личности. Ср. вполне возможное (пусть стилистически небезупречное) референтное употребление *Новая премьер объявила*, отсылающее к конкретному лицу женского пола. При различных формах рода определений к одному и тому же существительному нередко (хотя и не во всех случаях) можно видеть различие этих двух типов определений.

А. А. Герасимова отмечает, что по сравнению с данными 50-летней давности частота использования прилагательных (со свободной сочетаемостью) в женском роде (*новая врач*) снизилась. «В то же время увеличилась частотность грамматического предикативного согласования (*врач пришел*)» [Герасимова, 2018, с. 68]. Представляется, что данные такого эксперимента не могут быть приравнены к реально наблюдаемой языковой практике. Подобные эксперименты по сути выявляют рефлексии носителей языка (что тоже важно), осознание нормы, но не реальную речевую практику, которая может с ней расходиться и реально расходится, особенно в спонтанной речи и в низких регистрах.

Литература

Герасимова А. А. Рассогласование по роду в русском языке (экспериментальное исследование) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. № 1. С. 65–71.

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. : Языки русской культуры, 1996. С. 235–304.

Русская грамматика. Т. 1. М. : Наука, 1980.

Сидорова М. И. «Звезда» и «легенда» как слова общего рода: корпусный анализ вариативного согласования // Русский язык в научном освещении. 2019. № 2. С. 57–78.

**GENDER COORDINATION:
SEMANTIC AND PRAGMATIC FACTORS**

Abstract. In Russian, particular groups of nouns display variable gender agreement, the norm not being established or being not rigid. The investigation is based mainly on the data mostly from mass media and less codified genres. Masculine nouns that refer to humans denoting their profession or social state, when referring to females may trigger both masculine and feminine agreement in predicate (verb in the past tense) and attributives (adjectives, pronouns, participles), and there may occur a mismatch in gender agreement in predicate and attributive; and there may be traced particular tendencies in gender selection for attributives. In case of feminine agreement, the attributive characterizes the referent of the noun as an individual, while masculine attributives describe her professional, etc., qualities or social function. On the other hand, there is pragmatic difference: feminine agreement is typically colloquial or even derogative.

Keywords: grammatical gender, gender agreement, mixed agreement, reference, denotation, significatum.

Л. Н. Донина, кандидат филологических наук, доцент
Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО «ПУСТОЙ»
В РУССКИХ ГОВОРАХ**

Аннотация. В статье представлен фрагмент проведенного лингвистического анализа словообразовательного гнезда с вершиной «пуст(ой)» в литературном языке и в русских народных говорах. На конкретных примерах демонстрируются возможности уточнения инварианта семантики слов за счет привлечения материалов диалектного словообразования. Показано, что родственные слова с корнем **пуст-**, как правило, не имеют семы ‘ничем не заполненный’ предмет, но указывают на ‘отсутствие кого-либо или чего-либо ценного, актуального в данный момент, ожидаемого’.

Ключевые слова: семантика, русские народные говоры, словообразовательное гнездо с корнем **пуст-**, концепт, вариативность суффиксов.

Старинное и обширное словообразовательное гнездо с вершиной *пуст(ой)* в Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова представлено 164 лексемами [Тихонов, 2008, с. 851–853]. Гнездо «открывается» прилагательными: *пустой*, *пустенький*, *пустёхонький*, *пустёшенький*, *пустоватый*. Если согласиться с тем, что *пустой* – это ‘такой, в котором ничего нет’, или, по определению Словаря русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, ‘1. Ничем не заполненный, полый внутри, лишенный содержимого’ [Ожегов, Шведова, 2010], то привлекают к себе внимание суффиксы, с помощью которых образуются прилагательные: они подчеркивают субъективную оценку названного корнем качества, степень проявленности этого «ничего нет»: от максимальной интенсивности – *-ёхоньк(ий)*, *-ёшеньк(ий)* до неполноты проявления признака – *-оват(ый)*, хотя, казалось бы, толкование «не заполненный ничем» не предполагает шкалы измерения. Однако эта шкала присутствует и матери-

ально выражена прилагательными с соответствующими суффиксами, причем от каждого из прилагательных образовано и наречие: *пусто*, *пустенько*, *пустёхонько*, *пустёшенько*, *пустовато*, – следовательно, семантика слов словообразовательного гнезда требует уточнения.

Слова с корнем *пуст-* можно охарактеризовать как довольно устойчивую в диахроническом аспекте группу слов, все основные необходимые народу оттенки смыслов уже представлены каждый своей формой, и каждая форма заполнена своим смыслом, «не пуста». Словообразовательное гнездо имеет в своем составе множество имен существительных (*пустое*, *пустота*, *пустяк*, *пустяковина*, *пустышка*, *пустырь*, *пустырёк*, *пустошь*, *пустыня* и др.) с возможностью деривации в обратном направлении, поскольку от некоторых существительных вновь образуются прилагательные, например, от двух последних – *пустошный* и *пустынный*. Меньшим количеством представлены глагольные лексемы (*опустошить* / *опустошать*, *опустошаться*, *пустеть*, *опустеть*, *пустовать* и др.), от которых в свою очередь образованы *опустошение*, *опустошитель* и под. Рассмотрев семантическую эволюцию словообразовательного гнезда, А. А. Соснина утверждает, что гнездо исторически имело две вершины: «Другой семантический центр рассматриваемого гнезда связан с глаголами *пустить* / *пускать* / *пуцать*» [Соснина, 2012, с. 136]. Мы не включаем в рассмотрение слова, относящиеся к этой предполагаемой второй вершине гнезда, поскольку не обнаружили сходства их семантики с *пустой* при анализе контекстов, зафиксированных в русских народных говорах. Однако, опираясь на данные многочисленных словарей, прежде всего исторических, А. А. Соснина показывает, что эти глаголы и их производные по своей семантике были сходны с прилагательным *пустой* и могли быть членами одного гнезда родственных слов: «Глагол *пустить* и его видовые пары *пускать* / *пуцать* связаны семантически с прилагательным и изначально могли иметь значение ‘делать пустым’, а далее, возможно, ‘портить’ и, с другой стороны, ‘освободить место для чего-то’ и, наконец, ‘дать сделать что-то’. Последнее значение стало основным для глагола *пускать*. Таким образом, можно предполагать семантическую, а не только формальную связь между *пустой* и *пускать*» [Там же, с. 137].

Слова с корнем *пуст-* составляют заметную часть 21 тома «Большого академического словаря русского языка» (далее БАС-3). В большинстве случаев они представлены как многозначные, например, у прилагательного *пустой* в качестве первого значения отмечается ‘ничем не заполненный, порожний (оместилище, сосуде)’, всего приводится 4 значения, а с учетом переносных значений – 10. Подобным же образом толкуются *пусто* (1. ‘о полном отсутствии кого-, чего-л.’), *пустота* (1. ‘незаполненность чего-л.’, всего 7 значений) и др. [БАС-3, 2012, с. 527–548]. Проведенный нами небольшой опрос русскоговорящих бакалавров и магистрантов филологического факультета СПбГУ показал однотипное понимание значений слов *пустота* и *пустой* – ‘ничего нет в каком-то про-

странстве' с дополнительными размышлениями о применении слов по отношению к человеку, как, собственно, и в словарях Д. Н. Ушакова, А. П. Евгеньевой (*пустой* 'ничем не заполненный (о каком-н. вместилище)' [Толковый словарь ..., 1939; МАС, 1999]), Т. Ф. Ефремовой ('ничем не заполненный или с ничтожным количеством чего-л.; порожний (о вместилище, сосуде)' [Ефремова, 2006]), С. И. Ожегова (*пустота* 'пустое, ничем не заполненное пространство', также с дополнением о *пустоте* в человеке [Ожегов, Шведова, 2010]) и др. Толкования одного из основных значений в более ранних словарях также включают категорию 'ничего, ничем': *пустой* 'порожний, незанятый, ничего в себе не содержащий' [САР, 2004, т. 4, с. 248]; 'полый' 'порожний, ничем не занятый, простой, свободный' [Даль, 1955, т. 3, с. 903] и др.

Названные источники не проясняют вопроса о том, за счет чего появляется шкала от *пустёшенький* до *пустоватый* при описании пустого места, в котором по определению ничего нет. По-видимому, не всякая пустота стремится к вакууму. Для уточнения семантики лексем потребовался более полный материал, который практически всегда способна предоставить народная речь, поэтому нами был проведена выборка слов изучаемого словообразовательного гнезда по базе данных диалектных словарей с возможностью автоматического поиска, составленной в Словарном секторе ИЛИ РАН.

Предсказуемо в диалектах гнездо более обширно, чем в литературном языке. Отмечается широкое варьирование суффиксов при наименовании важных для народного сознания концептов, большое количество сложных прилагательных и существительных с первой частью *пуст-*. А самое главное – большое количество реальных высказываний с каждым словом, 1) очень конкретных и 2) часто дающих представление об отношении говорящего к предмету высказывания. Логика говорящих на литературном языке тоже может указывать на антропоцентрическую значимость понимания пустоты. Известный пример со стаканом, который *наполовину пуст или наполовину полон*, демонстрирует зависимость выбора ответа от отношения смотрящего. Говоры объясняют, что так бывает при соблюдении дополнительных условий. Так, в примере со стаканом в нем по условиям задачи предположительно находится жидкость, потому что если в нем вместо жидкости окажутся хотя бы три сушеные мухи, вероятно, мы оценим ситуацию словами «полный стакан мух».

Высказывания диалектоносителей четко выявляют ценность для языкового коллектива определенного пространства, времени, места. Несколько однокоренных слов с разнообразными суффиксами называют 'пустое место': *пустыня, пустошь, пустырь*, сущ. ср. р. *пусто, пустарня*. В ряде случаев актуализируется представление о незасеянной земле (*пустак* 'пустырь'; 'возделывавшийся ранее участок земли, оставленный без обработки в течение нескольких лет'; 'незасеянная полоса в поле'; *пустельга, пустовалая земля, пустополе, пустовка* 'невозделанный уча-

сток земли'), а некоторые члены данной лексико-семантической группы содержат в своем значении дополнительное указание на опустевшее, ранее жилое место (*пустка* 'пустошь'; 'пустое, заброшенное жилье') или не заселенное людьми пространство (*пустище* – *Тут же пустище было, людей не было, место пусто*; пример из речи казаков-некрасовцев) [Словарь русских народных говоров] (далее – СРНГ). Участок земли, по ценностной норме, или обработан и засеян, или населен людьми, нарушение отмечается отдельным словом с корнем *пуст-*. Таким образом, в семантике слов данной лексико-семантической группы содержится указание на отсутствие того, что в народной картине мира характерно для освоенного участка земли, ожидаемо, представляется ценным; слово с корнем *пуст-* означает, что пространство «ничем не заполнено».

Вторую показательную группу составляют многочисленные сложные слова с первой частью *пуст-*. *Пустобрюшица*: *Я ей говорю уж тебе б по время давно пора и ребенку быть, а ты никак, все пустобрюшица*; в примере из речи жительницы г. Боровичи Новгородской области маркировано отсутствие того, чему «давно пора быть», с точки зрения ее ожиданий и представлений о ценности деторождения; наличие в «брюхе» чего-либо иного не отменяет для нее возможности применения к женщине наименования с корнем *пуст-*. Номинация *пустобородый* также основана на отсутствии должного и ожидаемого для мужчины – бороды (ср. *безбородый*, то же: *пустодом* и *бездомовой*). Обозначение *пустоволоска* относится к женщине не без волос, а без платка (у В. И. Даля она же – *простоволоска*, ср. *пустоквашиа* и *простоквашиа*); тот же принцип номинации отмечает несоответствие народным представлениям о женском образе, о красоте и скромности. Через 100 лет после В. И. Даля критерий несколько изменился, в Свердловской обл. (1984) *пустоволоской* названа девушка с непричесанными волосами, а затем определение *пустоволосый* стали применять и по отношению к непричесанному мужчине. Десятки существительных и прилагательных, в том числе и сложных, применяются в диалектах для экспрессивной характеристики пустого человека. Выделяются наименования легкомысленного человека, в словах которого нет смысла (ожидаемого от человеческой речи): *пустобяка*, *пустозвон*, *пустобрех* (и *пустобрешливый*), *пустомеля*, *пустобайка*, *пустограй* и др. Интересно, что наименования пустой земли (незасеянной или незаселенной) могут быть и бранными обозначениями пустого человека (*пустак*, *пустельга*), и экспрессивными характеристиками пустых бессодержательных слов и дел, пустяков, вздора, нелепостей (*пустошь* – *молоть пустошь*).

Рассмотренную мотивационную закономерность подтверждают наименования кушаний, первая часть которых содержит корень *пуст-*: *пустовар*, *пустовара*, *пустоваря*, *пустоварка*, *пустоварница*, *пустова*. Каждое блюдо имеет свою рецептуру, варьирующуюся от места к месту, часто это разнообразные мучные и крупяные похлебки, постные каши, редко пустой кипяток, но рассмотренные вместе, слова показывают, что диалекто-

носители, как и других случаях, названием с корнем *пуст-* отмечают недостаток в этих кушаньях чего-то желаемого (наваристости, крупы, мяса).

Таким образом, слово *пуст(ой)* и образованные от него слова в диалектной речи содержит в своем значении местоимение не отрицательное, а неопределенное. Говоря *пустой лес*, *пустой чай*, *пустой огород*, собеседники-диалектоносители понимают, что имеется в виду отсутствие в вещи «кого-, чего-либо» – ценного, актуального в данный момент, ожидаемого. Пустая вещь не обязательно «ничем» не заполнена, просто она заполнена не тем, что соответствует ожидаемой норме. Лес может быть назван *пустым*, потому что в нем мало ягод, которые обычно в изобилии произрастают в то время, когда происходит разговор, но все другие растения в лесу присутствуют, не стоит думать, что лес не наполнен «ничем». В русском литературном языке наблюдается та же картина; значение не всегда фиксируется толковыми словарями, но отмечается: *пустой* ‘1. Не заполненный, не занятый кем-, чем-л. (в соответствии со своим назначением)’ [Кузнецов, 2000]; *пустота* ‘3. Полное отсутствие чего-л., обычно находящегося в чем-л., на чем-л.’ [БАС-3, с. 537–539]. В диалектных формах словообразовательного гнезда продемонстрированное значение выражено явно и ярко, но может быть, по нашим наблюдениям, экстраполировано и на однокоренные слова русского литературного языка. Названным компонентом семантики ‘отсутствие кого-л., чего-л. ценного, того, что должно в этом месте присутствовать в данное время’, можно предположить, определяется *концепт* «пустой». Поскольку «концептуальное... родство замечается у слов общего корня» [Колесов, 2021, с. 232], выявленный смысловой компонент так или иначе присутствует в семантике всех членов рассмотренного словообразовательного гнезда как в русских народных говорах, так и общенациональном языке.

Литература

- БАС-3: Большой академический словарь русского языка. Т. 21 : Прodelать–Пятю. М., СПб. : Наука, 2012. С. 527–548.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955.
- Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Ок. 160 000 слов. Т. 2 : М–П. М. : Астрель – АСТ, 2006.
- Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб. : РПГУ им. А. И. Герцена, 2021.
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000.
- МАС: Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Т. 3 : П–Р. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / 80 000 слов. М. : Инфотех, 2010.
- САР: Словарь Академии Российской 1789–1794 гг. : в 6 т. М., 2004.
- Соснина А. А. Словообразовательное гнездо с корнем *пуст-* в истории русского языка: семантическая эволюция // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 134–138.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. Т. 33 : Протока – Разлука. С. 143–149.
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : более 145 000 слов. В 2 т. Т. 1. 3-е изд., испр. и доп. М. : АСТ: Астрель, 2008.
- Толковый словарь русского языка. Т. 3 : П–Ряшка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939.

L. N. Donina, Candidate of Philology, Associate Professor (St. Petersburg)

WORD-FORMATION NEST WITH A ROOT ПУСТ- IN RUSSIAN DIALECTS

Abstract. The article presents a fragment of the conducted linguistic analysis of a word-formation nest with the verb “пуст(ой)” in literary Russian and in Russian vernacular dialects. Specific examples demonstrate the possibilities of refining the invariant of the semantics of words by using materials from dialectal word formation. It has been shown that related words with the root **пуст-**, as a rule, do not have the seme “an object not filled with anything”, but they indicate the absence of someone or something valuable for this subject, relevant at the moment, expected.

Keywords: semantics, Russian dialects, word-formation family with the root **пуст-**, concept, suffix variability.

А. К. Казкенова, кандидат филологических наук, доцент

Университет Нархоз, г. Алматы

Е. В. Рахилина, доктор филологических наук, профессор

Институт русского языка им. В. В. Виноградова

НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ И КОНСТРУКЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ПОЗИЦИИ В УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ БИЛИНГВОВ

Аннотация. Рассматривается использование глаголов *стоять*, *сидеть* и *лежать* как компонентов глагольных конструкций в учебных текстах казахско-русских билингвов. Внимание к этой теме обусловлено тем, что прогрессив в обоих языках, которыми пользуются билингвы, выражается с помощью глаголов позиции либо в сочетании с конвербом основного глагола (в казахском), либо в сочетании с однотипно оформленным глаголом (в русском языке). Наш материал показывает, что авторы-билингвы в своей русской речи ориентируются либо на образцы казахского языка, употребляя глаголы позиции с деепричастиями, либо на русские конструкции с «двойными глаголами». При этом в первом случае билингвы могут недооценивать функциональные особенности русских деепричастий, а во втором они склонны трансформировать русскую «сериальную» конструкцию в сочинительную.

Ключевые слова: глаголы позиции, грамматикализация, конструкционализация, казахско-русский билингвизм, Русский учебный корпус.

В докладе рассматривается использование глаголов *стоять*, *сидеть* и *лежать* как компонентов глагольных сочетаний в учебных текстах казахско-русских билингвов. Примечательно, что в казахском и русском языках наблюдается совпадение в возможности выражения прогрессива, т. е. «развертывания» действия или состояния [Мельчук, 1998, с. 103], с помощью глаголов позиции, включенных в состав конструкций и подвергающихся сопоставимым преобразованиям (грамматикализации и конструкционализации). Наша задача – показать, как в ситуации такого совпадения билингвы строят свои высказывания, как соответствующие явления отражаются в их письменной речи².

² О грамматикализации нефинитных форм глаголов зрительного восприятия *смотреть*, *глядеть* и *кара-* ‘смотреть’ и ее преломлении в текстах казахско-русских билингвов см. [Казкенова, Рахилина, 2024].

Источник материала – казахский подкорпус Русского учебного корпуса [RLC], созданного в лаборатории по корпусным исследованиям при Школе лингвистики в НИУ ВШЭ. Казахский подкорпус включает в себя около 1000 текстов, написанных на русском языке студентами вузов г. Алматы – выпускниками школ с казахским языком обучения. Из этого корпуса были извлечены глагольные сочетания, гипотетически копирующие конструкции казахского и русского языков, см., соответственно, (1)–(2) и (3)–(4):

(1) *В доме все уже спали и только я сидела, решая тесты.*

(2) *Так мы сидим по вечерам попив чайку.*

(3) *Естественно мой выбор впадает на живое общение потому что лежать и печатать на телефоне это заядло...*

(4) *Стоит А. и поет казахскую песню, а мои братья со своими друзьями сидят, смотрят на него и смеются.*

1. Казахские позиционные глаголы *тұр-* ‘стоять’, *отыр-* ‘сидеть’, *жатыр-* ‘лежать’, помимо обозначения положения объекта в пространстве и выражения значений ‘жить’, ‘находиться’, ‘располагаться’, ‘пребывать’ [КТТС], используются в составе сложного настоящего времени, имеющего следующую структуру: «конверб основного глагола + финитная форма одного из глаголов позиции или глагола *жүр-* ‘ходить’».

Выбор вспомогательного глагола зависит не столько от позы или положения в пространстве (хотя степень десемантизации глагола может варьироваться), сколько от характера действия или состояния, в частности его длительности: так, *тұр-* указывает на действие, совершающееся недолго (в момент речи), *отыр-* и *жатыр-* – длительные действия и состояния (прогрессив), *жүр-* – постоянное или повторяющееся действие/состояние (хабитуалис) [Маманов, 2014; Гращенков, 2015]. Глагол *отыр-* используется только по отношению к одушевленным объектам. Ср. примеры, противопоставленные с помощью вспомогательных глаголов в [КЯ]:

(5) Сауле *шаи-ы-н* *тара-н* *тұр.*
сауле волосы-3.POSS-ACC расчесывать-CVB стоит
‘Сауле свои волосы расчесывает (недолго).’

(6) Сауле *шаи-ы-н* *тара-н* *жатыр.*
сауле волосы-3.POSS-ACC расчесывать-CVB лежит
‘Сауле свои волосы расчесывает (долго).’

Глаголы позиции в таких конструкциях могут также присоединять аффиксы прошедшего и будущего времени, и тогда утрачивается временное значение и остается семантика (не)длительности действия или состояния³.

³ Ср.: «...уместно считать использование конструкций с глаголами позиции в настоящем времени частным случаем их использования как показателей имперфективных значений» [Майсак, 2002, с. 185].

2. Русские глаголы позиции, помимо собственно топологических значений, развивают дополнительную семантику: фиксированность для *сидеть*, функциональность для *стоять* и нефункциональность для *лежать* [Рахилина, 2010, с. 301]. Кроме того, глаголы позиции используются в составе конструкции NP-NOM *сидеть / стоять / лежать* VP [RC], которую можно проиллюстрировать примерами типа *сидит пишет, лежит читает*. Ее значение описывается следующим образом: «конкретное действие, осуществляемое в процессе пребывания в том или ином состоянии» [Шведова, 1960, с. 57]. Конструкции с глаголами позиции, как и другим конструкциям с «двойными глаголами», свойственны «морфологическая однооформленность, общие синтаксические валентности, запрет на повтор служебных морфем в аналитических формах, возможность перестановки самих глаголов и дополнения» [Вайс, 2003, с. 38]. В целом эти конструкции оцениваются как маргинальные [Стойнова, Шлуинский, 2013] и довольно близкие к сочинительным: «При препозиции лексически ограниченного глагола здесь нормальна связь при помощи союзов *и, да*: *лежит и думает, сидит и плачет, ... стоит да смеется*» [РГ, 1980, с. 240]. Тем не менее предлагаются критерии разграничения сериализации и сочинения [Сериализация, 2009].

Глубина семантических преобразований глаголов позиции определяет статус наблюдаемых явлений. Так, в составе рассматриваемой конструкции только глагол *сидеть* уже подвергся заметным семантическим изменениям: *сидит думает* – «вообще говоря, не обязательно сидит, но обязательно “непрерывно”» [Рахилина, 2010, с. 300], а также [Майсак 2002, с. 162]. Иначе говоря, вопреки утверждению из РГ, *сидит думает* – это все-таки уже не то же самое, что *сидит и думает*. Соответственно, «двойные глаголы» в русском языке – это еще не факт грамматикализации (как в казахском), но однозначно факт состоявшейся конструкционализации.

Сходство этих конструкций с казахскими (тюркскими) получает различные оценки. Так, П. В. Гращенков отмечает, что «некоторые употребления глаголов позиции в русском языке напоминают те значения, которые, очевидно, явились отправной точкой грамматикализации значения длительности / одновременности в тюркских языках» [Гращенков, 2015, с. 65]. Напротив, Д. Вайс подчеркивает «полное несовпадение русской и тюркской моделей удвоения как по морфологическому составу, так и по порядку слов и главной функции...» [Вайс, 2003, с. 52].

3. Как можно судить по материалу казахского подкорпуса RLC, авторы-билингвы в своей русской речи следуют одной из двух стратегий при использовании структур с позиционными глаголами: либо ориентируются на образцы казахского языка, в которых глагол позиции употребляется при деепричастии, как в (1)–(2), либо используют «двойные глаголы», ср. (3)–(4).

3.1. Использование модели «деепричастие + глагол позиции» может не только соответствовать действующей в русском языке норме, согласно которой при основном глаголе деепричастие должно обозначать сопутствующее действие / состояние, но и противоречить ей, ср. (7) и (1):

(7) ...*все сидят, уткнувшись в телефон, у всех мало времени сейчас...*

(1) *В доме все уже спали и только я сидела, решая тесты.*

Так, *решать тесты* – вполне самостоятельное занятие, и его «понижение в ранге» в (1) не оправданно. Использование глагола *сидеть* также не поддерживается противопоставлением субъектов по их позиционной ориентации (например, *все лежали, а я сидела*). Выбор этой модели объясняется, только если иметь в виду «казахский» принцип выражения длительности с помощью глагола *отыр-* ‘сидеть’ в составе сериальной конструкции, где конверб – основной лексический компонент (*тест шеш-іп отыр-ды-м: тест решать-CVB сидеть-PST-1SG*). Как кажется, интенции автора в гораздо большей степени здесь бы соответствовала русская конструкция *сидела решала*.

Тем не менее разная степень грамматикализации глаголов позиции часто позволяет и в казахских высказываниях усматривать исходное топологическое значение. Ср. пример (2) *Так мы сидим по вечерам попить чайку* и его казахский прототип (8):

(8) *Мы так каждый вечер пьем чай.*

(8) Біз осылай кеш сайын шай іш-іп отыр-мыз.
мы так вечер каждый раз чай пить-CVB сидеть-1PL
'Мы так каждый вечер пьем чай.'

3.2. Другая стратегия – стратегия «двойных глаголов» – тоже используется в текстах билингвов. Однако довольно часто билингвы склонны вставлять между глаголами союз *и*, ср. (3)–(4), тем самым заменяя «сериальную» конструкцию более понятной и знакомой им сочинительной (что часто допускается и в самом русском языке, ср. выше цитату из РГ). Носители русского языка также регулярно интерпретируют ее в письменных текстах по образцу сочинения, при отсутствии союза *и* ставя запятую, например,

(9) *Но на фотографии этого нет. Стоят, улыбаются.* [НКРЯ: А. Геласимов. Ты можешь (2001)]

Тем не менее, исходя из ослабления позиционной семантики у глагола *сидеть*, в примере (10) можно оценивать союз *и* уже как избыточный:

(10) *Порой бывает что мы сидим и представляем наше будущее, и наши мысли пересекаются в одном направлении.*

⁴ Нестандартная форма деепричастия в (8) соответствует казахскому конвербу на *-(i)п*, который может выражать последовательность или завершенность действий, и, вероятно, поэтому отождествляется с русским деепричастием совершенного вида.

Таким образом, в точке пересечения грамматикализации казахских глаголов позиции и конструкционализации в русском языке билингвы следуют либо модели родного языка, при этом иногда недооценивая функциональные различия между казахскими конвербами и русскими депричастиями, либо используют русскую «сериальную» конструкцию, трансформируя ее в сочинительную.

Литература

- Вайс Д. Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 37–59.
- Гращенко П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М. : Языки славянской культуры, 2015.
- Казкенова А. К., Рахилина Е. В. От глагольных форм – к служебным словам: грамматикализация в русском и казахском языках сквозь призму текстов билингвов // Russian Linguistics. 2024. № 48 (16). С. 1–23.
- КЯ: Казахский язык. Просто о сложном. URL: <http://www.kaz-tili.kz/index.htm>.
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции : дис. ... канд. филол. наук. М. : МГУ, 2002.
- Маманов И. Е. Вспомогательные глаголы в казахском языке (1949) // Қазақ тіл білімінің мәселелері / Құраст.: Ғ. Өнес. Алматы : «Абзал-Ай» баспасы, 2014. 215–314 б.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2 : Морфологические значения. М. ; Вена : Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998.
- НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Изд. центр «Азбуковник», 2010.
- РГ: Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М. : Наука, 1980.
- Сериализация / В. Л. Цуканова, Н. А. Коротаев, А. А. Кибрик, В. И. Подлесская // Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. М. : ЯСК, 2009. С. 249–254.
- Стойнова Н., Шлуинский А. Сериальные глагольные конструкции в русском языке // Конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». 13–14 сентября 2013 г. СПб., 2013.
- Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М. : Изд-во АН СССР, 1960.
- ҚТТС: Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Жалпы редакциясын басқарған Т. Жанұзақов. Алматы : Дайк-Пресс, 2008.
- RC: The Russian Construction. An electronic database of the Russian grammatical constructions. URL: <https://construction.github.io/russian>.
- RLC: Русский учебный корпус. URL: <http://www.web-corpora.net/RLC>.

Условные сокращения

1, 3 – 1-е, 3-е лицо, ACC – винительный падеж, CVB – конверб, NOM – именительный падеж, NP – именная группа, PL – множественное число, POSS – притяжательность, VP – глагольная группа.

A. K. Kazkenova, Candidate of Philology, Associate professor (Almaty)

E. V. Rakhilina, Doctor of Philology, Professor (Moscow)

GRAMMATICALIZATION AND CONSTRUCTIONALIZATION OF POSTURE VERBS IN THE ACADEMIC TEXTS OF BILINGUAL SPEAKERS

Abstract. This paper explores the use of the verbs *stojat'* ('to stand'), *sidet'* ('to sit'), and *ležat'* ('to lie') as components of verbal constructions in academic texts written by Kazakh-Russian bilinguals. The relevance of the topic stems from the fact that the progressive aspect in both languages spoken by these bilinguals is often expressed using posture verbs – either in combination with

a converb (in Kazakh) or with a similarly formed verb (in Russian). Our data show that, in their Russian-language writing, bilingual authors may be influenced by Kazakh patterns, using posture verbs with adverbial participles, or by Russian constructions with “double verbs”. In the first case, bilinguals may misinterpret the functional characteristics of Russian adverbial participles, and in the second, they tend to transform Russian serial constructions into coordinative structures.

Keywords: constructionalization, grammaticalization, Kazakh-Russian bilingualism, posture verbs, progressive.

Е. А. Ким, аспирант

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕМЫ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЗАПИСИ КНИГИ ПРОМЕМОРИЙ

Аннотация. Деловая письменность, являясь одним из отражений литературного языка, во многих исследованиях считается «прагматическим текстом», который изображает культуру делопроизводства, особенности функционального стиля литературного языка, его нормы. Одним из таких видов документов является промемория. Промемории как жанр деловой письменности исключительно XVIII в. становятся объектом для изучения русского языка того времени, когда русский язык формировался, унифицировался, до его нынешнего состояния. Данная работа посвящена исследованию выражения темы в грамматической модели записей промеморий, сохранившихся в Государственном архиве Тюменской области. Материалом для исследования послужили записи в «Книги присланным указомъ и³ главной полицеместерской канцелярии и ис про^чих меств промемориямъ 1757 году». Также внимание уделяется структуре самих записей и их особенностям построения синтаксического строя. Работа представляет интерес для исследователей истории русского языка, специалистов по делопроизводству и всех, кто интересуется развитием культуры делопроизводства России XVIII в.

Ключевые слова: промемория, деловая письменность, делопроизводство, грамматическая модель, синтаксическая структура.

Одним из жанров, или видов, деловых документов XVIII в. является промемория (буквально с латинского ‘для памяти’; приставка *pro-* в латинском языке означает ‘движение вперед, действие в интересах или вместо кого-либо или чего-либо’ [Быков, 2009, с. 25], и *memoria* ‘память’ [Дворецкий, 1976, с. 629]), т. е. памятная записка. В допетровском документообороте имели хождение рукописные документы с самоназванием *память*, при этом, согласно исследованиям А. Н. Качалкина, были белые, заручные, изустные, именные, пересыльные, подписные, вестовые, доимочные, кормовые, купчие и др. памяти [Качалкин, 1988, с. 5]. Судя по этим определениям, они закрепляли на бумаге как межканцелярские отношения, так и отношения человека и государства. Однако промемории призваны были обеспечивать только административную коммуникацию.

Хотя, согласно данным Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorpora.ru], в русских письменных текстах слово *проме-*

мория впервые зафиксировано в 1722 г., известно, что официально в канцелярское делопроизводство промемории введены Именным указом от 28 июня 1723 г., согласно которому коллегиям предписывалось вести переписку промемориями с не подчиненными им, т. е. равноместными в административно-правовой иерархии, канцеляриями, а с подчиненными – указами. Пик частотности в проекции на миллион словоформ, согласно НКРЯ, приходится на 1745 г. Согласно толковому словарю Т. Ф. Ефремовой, промемория – это «официальная бумага, памятная записка о чем-либо» [Ефремова].

В текстовом отношении промемории представляют собой так называемую «матрешку изъяснительности», которая построена следующим образом: I – “предыстория” создания промемории, т. е. информация о предшествующих документах и их содержании; II – информация о реакции адресанта (S) на “предысторию” и спровоцированных ею его действиях; III – цель создания промемории, т. е. предполагаемые субъектом изменения в состоянии и действиях адресата» [Трофимова, 2002, с. 439]. Таким образом «происходит свертывание информации первичного документа, и полученный вторичный текст является своего рода реферативным» [Трофимова, 2002, с. 445].

В настоящем исследовании для анализа были привлечены 175 записей из скорописной «Книги присланнымъ указомъ и² главной полицеместерской канцелярии и ис про¹чих мѣсть промеморіямъ 1757 году», хранящейся в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области [ГБУТО ГА, д. 132, л. 1]. «Книга» представляет собой записи краткого содержания промеморий, присланных с января по декабрь 1757 г. Кроме кратких записей промеморий, в «Книге» содержатся краткие записи семи указов.

Адресантами деловых документов были как государственные, так и духовные учреждения, органы местного самоуправления, а также формирования вооруженных сил. Самым частотным адресантом записей промеморий в «Книге» является Сибирская губернская канцелярия – 89 документов.

Если сама промемория как вид деловых документов представляет собой «полипредикативную конструкцию с маркерами союзной, реже – бессоюзной связи предикативных частей» [Трофимова, 2021, с. 146], то грамматическая модель записи промемории в «Книге <...> промемориям» представляет собой омонимичное односоставному номинативному предложению сочетание, где на первом месте находится самоназвание документа – *промемория*. Далее следует адресант документа. Адресант мог выражаться родительным падежом с предлогом «из» и без него, как в случае с Тобольским ямом: *промемория из Сибирской губернской канцелярии; из канцелярии Тобольского подгородного дистрикта; из Сибирского соляного комиссариата; Тобольского яму.*

Третья позиция в структуре записи – это указание темы входящего документа. Наиболее частотный грамматический способ введения темы – предложно-падежная форма отглагольного существительного с предлогом *о*. Самой частотной темой адресованных в Тобольскую полицмейстерскую контору промеморий является тема *о сыску*, зафиксированная нами 45 раз. Вторая по частотности тема *о присылке* (25 случаев). Прочие темы: *о отставке, о заклеимении, о размножении, о нетребовании, о недопущении, о починении, о уведомлении, о неделании, о перемене, об отводе, о имени предосторожности, о высылке, о приеме, о запрещении(и), о требовании, о искоренении корчемств, о пресечении превратных толкований и суждений, о ступлении войск в земли пруския*.

В единичных случаях свернутый, вторичный (по отношению к входящей в полицмейстерскую контору первичной промемории) текст записи в «Книге» содержит не только номинативный, субстантивный, как в примерах выше, но и указательный, местоименный, тематический компонент *и о прочем* в абсолютном конце записи, имеющей в книге разнесенную по столбцам информацию о дате вхождения и о регистрационном номере входящего документа. В качестве иллюстрации приведем следующую запись из «Книги...»: *месяц март, числа 3, № 7; промемория из сибирской губернской канцелярии для ведома о отбытии господина генерал лейтенанта ковалера губернатора Мятлева в Санкт Питербург и о прочем*.

В отдельных случаях указанию темы предшествует информация о такой коммуникативной цели документа, как информативная, а именно *для ведома*.

Наиболее частотная тема *о сыску* представлена предложно-падежной формой существительного с флексией *-у*. Согласно данным панхронического корпуса НКРЯ, у данной словоформы, имеющей 31 пример в 20 текстах, пик частотности приходится на XVII в. Вариант *о сыске* не был обнаружен ни в одной из записей промеморий. Примечательно, что панхронический корпус НКРЯ содержит только 14 примеров из 13 текстов с 1736 по 1927 г.

Единичными являются варианты записи темы входящих промеморий посредством структуры сложного предложения. Например, структурой сложноподчиненного предложения с придаточной частью, присоединенной союзом *чтоб*: *промемория из сибирской губернской канцелярии о оставке во всех судебных местах **чтоб** золотая и серебряная монета оставалась в казне а медные денги употреблять в расход* [ГБУТО ГА, д. 132, л. 1]. Данная запись содержит структуру союзного сложноподчиненного предложения с однородными придаточными частями. Также единичным случаем структуры бессоюзного сложного предложения является запись от 16 апреля: *промемория из сибирской губернской канцелярии для ведома отосланная женка Анна Калинина в покраже у нарымского курца Елисея Нестерова явилась ныне неподозрительна и до указу отпущена а не бежала* [ГБУТО ГА, д. 132, л. 8]. После темы «для ведома» следует пре-

дикативная часть с однородными сказуемыми, раскрывающая содержание той самой темы, однако пунктуация в записи промемории отсутствует.

Промемория представляет собой уникальный исторический документ, характерный исключительно для XVIII в. Исследование грамматической модели записей промеморий дает возможность узнать, на каком этапе формирования современного синтаксиса находился русский язык в XVIII в., как формировался стиль деловой письменности и живой разговорный язык на протяжении одного столетия.

Сохранившиеся в архивах промемории, зафиксировавшие деловую коммуникацию XVIII в. преимущественно местных гражданских, военных и церковных учреждений, при диахроническом аспекте анализа их лексического состава и особенностей грамматических конструкций помогут изучить административно-правовые взаимоотношения на уровне светской, военной и церковной власти.

Литература

Быков А. А. Анатомия терминов. 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого. М. : НЦ ЭНАС, 2008.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Около 50 000 слов. Изд. 2-е, переработ. и доп. М. : Русский язык, 1976.

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-661. Д. 132. Л. 1–25.

Ефремова Т. Ф. Самый полный толковый словарь русского языка : в 3 т. URL: <https://glosum.ru/index.php?act=dict&dict=T.%20Ефремова>.

Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. 2. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1988.

Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в.: На материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг. : дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2002.

Трофимова О. В. Исследование пунктуации русского документа в формулярном аспекте (на материале тюменских деловых текстов последней трети XVIII в.) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2021. № 70. С. 137–164.

Е. А. Kim (Tyumen)

REPRESENTATION OF THE TOPIC IN THE GRAMMATICAL MODEL OF RECORD IN THE BOOK OF PROMEMORIAS

Abstract. Business correspondence, being one of the reflections of the literary language, is considered in many studies to be a "pragmatic text" that depicts the culture of office work, the features of the functional style of the literary language, and its norms. One of these types of documents is a promemoria. Promemorias as a genre of business correspondence exclusively from the 18th century became an object for studying the Russian language at the time when the Russian language was being formed and unified to its current state. This work is devoted to the study of the expression of the topic in the grammatical model of the promemorias of records preserved in the State Archive of the Tyumen region. The material for the study was the entries in the "Книга присланнымъ указомъ и³ главной полицмейстерской канцелярии и ис про³чих месть промемориямъ 1757 году". Attention is also paid to the structure of the records themselves and their syntactic structure features. The work is of interest to researchers of the history of the Russian language, specialists in the field records management and anyone interested in the development of the culture of records management in Russia of the 18th century.

Keywords: promemoria, business writing, records management, grammatical model, syntactic structure.

М. И. Конюшкевич, доктор филологических наук, профессор
г. Гродно, Республика Беларусь

КОРРЕЛЯЦИЯ ДЕЙКСИСА И УРОВНЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ КАТЕГОРИЗАЦИИ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Анализируется порог перехода однословного дейксиса к аналитическому применительно к языковой экспликации исходных смысловых категорий; отмечается корреляция между исходными дейктическими единицами и грамматической структурой предложения. Дальнейшее членение дейктической системы на пути категоризации языка коррелирует с денотативной структурой предложения, влияющей на грамматикализацию лексики, образование аналитических предлогов, а от них и аналитических союзов как более разветвленной и более сложной дейктической смысловой системы, обеспечивающей непрерывную и более дифференцированную категоризацию мира и языка.

Ключевые слова: дейксис, уровни предложения, категоризация, корреляция, грамматикализация.

В обширной литературе, посвященной дейксису, превалирует узкое понимание дейксиса, сводимое к указанию на участников речевого акта (персональный дейксис), время (темпоральный дейксис), пространство (пространственный дейксис). В таком понимании дейксис представляется как эгоцентрическое ядро – личные и указательные местоимения и наречия типа *сейчас, здесь, тут, там*, – на которое ориентируются участники речевой ситуации и для которого указательная функция является не только ведущей, но и единственной. Как заметно по имеющейся литературе, в основном описание дейксиса и дейктических единиц представлено в коммуникативном аспекте; из работ белорусских лингвистов последнего времени в этом ключе можно назвать [Артемова, 2019].

В широком понимании дейксис – это иерархизованное функционально-семантическое поле, приядерные и периферийные зоны которого организуют дейктические «значения других местоимений, артиклей, значения служебных слов, инвариантные значения частей речи, значения грамматических категорий, а также значения различных средств коммуникативного аспекта высказывания (темы и ремы, вводных слов, обращения, обособления, конверсных конструкций и т. д.)» [Кибрик, <http://www.krugosvet.ru>].

И в таком понимании дейксиса на первый план выходит его когнитивная, категоризирующая функция, на которую направлено внимание Н. Ю. Шведовой в ее книге «Местоимение и смысл» [Шведова, 1998], идеям которой в их развитии был посвящен наш доклад на предшествующем симпозиуме в Нижнем Новгороде [Конюшкевич, 2024]. Для введения читателя в тему и задачи данной статьи позволим себе краткий экскурс в его содержание.

Отправными положениями теории Н. Ю. Шведовой, которые были положены в основу того доклада и от которых мы отталкиваемся и в данной статье, являются определения общей и частных смысловых категорий, в пределах которых местоимения выполняют функцию категоризации мира и языка. **Общая смысловая категория** – ««абстракция, представленная дейктическим означением исходного понятия и его обобщенным смысловым именованием» [Шведова, 1998, с. 33], а **частная смысловая категория** – это «абстракция, представленная одним из подвершинных членений общей категории (одним из ее составляющих) и тем языковым множеством, которое обращено к этому составляющему и его материализует» [Там же]. Например, общая смысловая категория *кто* – существо одушевленное, а частные – лицо (и олицетворенное) и животное.

Общую смысловую категорию Н. Ю. Шведова представляет однословным дейксисом – закрытым списком из 22 «исходов» – вопросительных местоимений *кто, что, чей, какой, каков, когда, где, куда, откуда, отколе, докуда, доколе, поколе, сколько, сколь, насколько, который, как, зачем, почему, отчего, каково*. Смысловой потенциал исходов охватывает самые общие понятия, получающие свои наименования в лексике, в грамматических категориях, включая и категориальные значения всех частей речи вплоть до предикативов (*каково*). О когнитивном механизме местоимений в грамматике частей речи см. в [Виноградов, 2020].

Остановились мы на вопросах: 1) Ограничивается ли список исходов только однословным дейксисом? 2) Существуют ли другие исходы, но выраженные не одним словом, а сочетанием слов? Где и чем закрывается список исходных местоимений?

Если основываться на количестве частей речи, то порог / граница между общей и частными смысловыми категориями обусловлена корреляцией исхода и части речи. Но с когнитивной точки зрения такое деление затрагивает одну из таких поздних категорий, как гиперкатегория обусловленности, включающая пять субкатегорий, две из которых (причина и цель) представлены однословными исходами (*почему / отчего / устар. пошто* и *зачем*, впрочем, и лексических номинаций этих категорий в языке единицы). Остальные две (условие и уступительность) обозначены несколькими вариантами фразеологизированных сочетаний: условие – *при каком условии / с каким условием / на каких условиях* и др., уступительность – *вопреки чему / несмотря на что*, а следствие (в предшествующем докладе мы этой субкатегории не касались) – свободными словосочетаниями, к примеру, *с каким результатом / каков результат / каковы последствия*.

Все пять субкатегорий по своему месту в пространстве гиперкатегории обусловленности равноправны, но их семантический потенциал в представленной Н. Ю. Шведовой местоименной системе явно неравноценен: в перечень исходов вошли только две однословные вершинные категории; следовательно, три оставшиеся как неоднословные априори оказываются подвершинными, что явно не соответствует логике языковой системы.

Представляется, что скорее всего порог между общей и частной смысловыми категориями все-таки должен находиться за пределами целостной гиперкатегории обусловленности. Если допустить, что эра готового дейксиса закончилась до того, как появились три субкатегории обусловленности (а возможно, и какие-то другие категории), и после того, как установился список частей речи, а также допустить, что исходы могут быть выражены и сочетаниями, то и корреляцию исхода с грамматикой следует искать на другом уровне – не на уровне слов (частей речи), а на уровне синтаксиса, т. е. в грамматической структуре предложения.

Действительно, все становится на свои места, когда мы соотнесем исходы с грамматической структурой предложения: за каждым из членов предложения закреплена отдельная общая смысловая категория, выраженная вопросительным местоимением. Исходя из грамматической структуры предложения в список исходных смыслов и выражающих их дейктических средств должны войти не только все 22 однословных исхода, но и исходы остальных видов обстоятельств – неоднословные выражения условия, уступки, следствия, а также обстоятельств способа и образа действия (*каким способом, каким образом*), меры (*в какой мере*) и степени (*в какой степени*). Под вопросом остается местоименный статус обстоятельства места с транзитивным значением: в русском языке дейктиками обозначены место (*где*), старт движения (*откуда*), финиш движения (*куда*). Но отсутствует однословный дейктик для обозначения трассы (транзитива), хотя в русском просторечии и диалектах, а также в белорусском и украинском литературных языках используется местоимение *кудой*. В русском литературном языке ему соответствует сочетание *каким путем*, которое логично тоже отнести к перечню исходов.

Приведенными аналитическими сочетаниями перечень исходов исчерпывается, поскольку именно грамматическая структура предложения является тем порогом, который закрывает список вершинных исходных категорий, независимо от того, однословным или неоднословным является исходный дейктик.

Дальнейшее образование аналитических дейктиков происходит путем подвершинного членения общей смысловой категории на многочисленные частные смысловые категории, и в силу дробности категоризации оно уже выходит за пределы грамматической структуры предложения. Языковая реализация многочисленных частных смыслов эксплицируется сочетаниями исходного местоимения (в нашем случае это местоимение *какой*) со словоформами субстантива, которое обычно имеет общую семантику: *в какую сторону, до каких пределов, по какому праву, на каком основании, каким методом, на какое расстояние, на каком этапе* и т. д.

В структуре повествовательного предложения данные и подобные им субстантивы выступают в строевой функции – в функции предлога, причем наблюдается корреляция вопросительного сочетания и предлога в ответной синтаксеме: *в какую сторону – в сторону леса; до каких пределов – до*

пределов *возможного*; *на каком основании* – *на основании* *закона*; *каким методом* – *методом* *подстановки*; *на какое расстояние* – *на расстояние* *пяти шагов*; *на каком этапе* – *на этапе* *разработки* и т. д. В языке имеется огромный массив лексики, способной в сочетании с местоимением образовывать сочетания, расчленяющие подвершинные смысловые категории на более дифференцированные смыслы.

К примеру, наш произвольный, полученный интроспективно и эмпирически список сочетаний «местоимение *какой* + предложно-падежная форма субстантива с первообразным предлогом» составил 255 единиц, каждая со своим дейктическим значением. Только с предлогом *в* список составил 103 дейктические единицы: *в каком аспекте* / *в какой атмосфере* / *в какой видимости* / *в каком состоянии* / *в каком направлении* / *в какой сумме* / *в каком размере* / *в каком смысле* / *в каком духе* / *в какой период* / *в какой ипостаси* и т. д. Образуемые в ответ предложно-падежные синтаксемы неизосемичны, поскольку предлоги в них – это грамматикализованные субстантивы, а следовательно, синтаксемы структурно и семантически сложнее члена предложения, структура которого ориентирована только на исходы: *в аспекте* *цифровой реальности* / *в атмосфере* *взаимопонимания* / *в сумме* *пяти миллионов* / *в размере* *двух минималок* / *в смысле* *отнять и поделить* / *в духе* *«я не читал, но»* / *в период* *правления Екатерины Второй* / *в ипостаси* *запасного игрока* и под.

Открытие Г. А. Золотовой синтаксемы, изосемичности / неизосемичности слов и предложений, теория функционально-коммуникативного синтаксиса и теория предлога М. В. Всеволодовой, достижения семантического синтаксиса и в целом функциональной грамматики привели к пониманию денотативной структуры предложения, основной единицей которой является типовая ситуация с самыми разным ролевым наполнением участников ситуации. Количество типовых ситуаций исчислимо, но на сегодня их точное количество пока неизвестно, равно как не существует и точного количества денотативных ролей по причине разных их трактовок исследователями. Семантические и функциональные границы между ролями настолько тонкие, что исследователи используют к названию еще и нумерацию, например, Стимул-1 и Стимул-2, Инструментив-1, Инструментив-2, Инструментив-3, а ролей Ситуатив и Финитив даже по четыре.

Неистощимость и неутомимость человеческого разума в познании и категоризации мира в наше время поддерживается скоростями изменений в мире, институционализацией современного общества, динамикой и полисубъектностью коммуникации, научным прогрессом, цифровыми технологиями. Языкознание тоже обрело парадигматическую стереоскопичность – в смене парадигм, в привлечении цифровых и корпусных технологий, во внимании к коммуникации и когнитивным характеристикам языка и его носителя.

Корреляция дейксиса с уровнями предложения еще больше усложняется, когда от предлога образуется союзное средство – союз, скрепа, коннектор, союзное сочетание... – разноречивой терминологией лишь подчеркивает обилие и разнообразие реляций, способных обобщать и обозначать смыслы как отношения между двумя и более сложными смыслами в высказывании. К примеру, союзообразующий потенциал предлога *в плане* в речевой действительности реализован на сегодня парадигмой из следующих союзных средств: *в плане того, что / в плане того, чтоб / в плане того, где / в плане того, в какую из / в плане того, какие / в плане того, какой / в плане того, кому / в плане того, кто / в плане того...ли / в плане того, а какие / в плане того, насколько / в плане того, почему / в плане того, к чему / в плане того, с чем / в плане того, чему... и к чему / в плане того, чтобы ...* – всего 17 скреп (данные [НКРЯ]), но каков этот потенциал в языке в целом, какие разрешения и запреты системы для других союзных соединений с данным предлогом существуют? Например, *в плане того, которая / в плане того, коих / в плане того, зачем / в плане того, почему / в плане того, чьего* и под. Исследователь может моделировать скрепу, а корпусные ресурсы позволяют верифицировать ее речевую реализацию или относить ее к потенциальным ресурсам категоризации в будущем.

В качестве заключения и перспективы. Знаменитая пушкинская фраза *Я думал уж о форме плана и как героя назову* отнюдь не грамматическая ошибка, как считают пуристы. Это абсолютное чутье носителя языка, позволяющее объединить в высказывании именную и предикативную синтаксемы общим предложно-союзным формантом – скрепой *о...и как*, которая подчиняется единому центру – предикату *думал*. И сколько же таких предложно-союзных скреп порождает наша речевая действительность! Вот примечательный образец усложненной скрепы: *Он явно «сходил с ума», не в медицинском смысле, а вот в этом гегелевском, платоновском, или, как говорит народ, в смысле того, что у него «ум за разум стал заходить», ум и суждение перешли нормальные границы суждения и ума...* (В. В. Розанов. На лекции о Достоевском). При всем многообразии подобных объединений такие предложно-союзные форманты высказываний (вплоть до текстов) системны, подчиняются логике, моделируются, и их необходимо изучать.

Литература

- Артемова О. А. Типология дейксиса в семантико-прагматическом аспекте (на материале белорусского и английского языков). Минск : МГЛУ, 2019.
- Виноградов Н. С. Местоименность как когнитивный механизм в грамматической системе языка // Актуальные проблемы современной лингвистики : сб. ст. к 90-летию М. А. Михайлова. Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020.
- Кирик А. А. Дейксис. Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html.

Конюшкевич М. И. Дейксис и реляции на службе категоризации языка // Русская грамматика в динамике : сб. науч. ст. по материалам VIII Междунар. симп. / отв. ред. Е. В. Маринова. Н. Новгород : НГЛУ, 2024. С. 144–148.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М. : Азбуковник, 1998.

M. I. Konyushkevich, Doctor of Philology, Professor (Belarus)

CORRELATION OF DEIXIS AND SENTENCE LEVELS AS A MECHANISM CATEGORISATION AND GRAMMATICALISATION

Abstract. The margin of the transition of one-word deixis to analytical deixis in relation to the linguistic explication of the original semantic categories is analysed; the correlation between the original deictic units and the grammatical structure of the sentence is noted. Further segmentation of the deictic system on the way of language categorisation correlates with the denotative structure of the sentence, influencing the grammaticalisation of the lexicon, the formation of analytic prepositions, and from them the formation of analytic conjunctions as more branched and more complex deictic semantic system, providing continuous and more differentiated categorisation of the world and language.

Keywords: deixis, sentence levels, categorisation, correlation, grammaticalisation.

Н. Б. Кошкарева, доктор филологических наук, профессор

Новосибирский государственный университет,
Институт филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

И. А. Диде, бакалавр

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С МОДАЛЬНО-СРАВНИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ *ТОЧНО*, *СЛОВНО*, *БУДТО* КАК НЕИЗОСЕМИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СОБЫТИЙНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Аннотация. Модально-сравнительные союзы типа «точно» являются неизосемическим средством выражения одной из разновидностей сравнительных отношений, а именно отношений событийной эквивалентности, при которых устанавливается вообразимое сходство в протекании, развертывании двух событий. Сложноподчиненные предложения с этими союзами представляют собой результат редукции эталона сравнения, который подразумевает стандартное положение дел. Отношения сравнения устанавливаются между главной частью и отсутствующим эталоном сравнения, зависимая часть выражает условие по отношению к отсутствующему эталону. Предложения с союзами типа «точно» представляют собой асимметричные построения, в которых эталон сравнения элиминирован в силу своей типичности, стандартизованности, очевидности для говорящего. Поэтому при систематизации сложных предложений они должны рассматриваются на втором ярусе классификации, как усложнение базовой «элементарной» модели сложного предложения, как явление не языка, а речи.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, сравнение, модально-сравнительные союзы, отношения эквивалентности, изосемические и неизосемические средства выражения, событийное и предметное сравнение.

В ряду средств выражения сравнительных отношений в русском языке выделяется группа модально-сравнительных союзов *точно, словно, будто, как будто, как будто бы, как бы, словно бы, словно как, как словно* и др. [Черемисина, 1976, с. 128]. Они являются средством выражения недостоверного сравнения: ситуация, служащая эталоном сравнения, не имеет места в действительности и произвольно конструируется как субъективная интерпретация того, о чем сообщается в главной предикативной единице (ГПЕ). То, о чем говорится в ГПЕ, сравнивается с чем-либо похожим, напоминающим сравниваемое, но при этом только возможным, иногда и вообще не реальным, а лишь воображаемым, даже фантастическим. В этом случае сравнение носит условно-предположительный характер: зависимая часть характеризуется мнимым тождеством с действительностью [Русская грамматика, 1980, с. 602–609], например, *Девушка медленно, **точно** ее подтягивают на канате, подходит к дивану* (Василий Аксенов. Коллеги); *Мужика подергивало, **словно** лихорадка его колотила* (И. С. Тургенев. Записки охотника / Бирюк); *Рыбак Грохотало недвижной глыбой лежал за жарко нагоревшим костром, сотрясая берег храпом, **как будто** из утробы в горло, из горла в утробу перекатывалась якорная цепь качаемого волнами корабля* (В. Астафьев. Последний поклон). То, о чем говорится в ЗПЕ, не имеет места в реальности: лихорадка мужика не колотила, якорная цепь по горлу не перекатывалась, никто девушку на канате не подтягивает.

Материалом для данного исследования послужила выборка примеров из основного корпуса Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) [Национальный корпус ..., 2024].

При описании семантики сравнительных конструкций мы используем термины и понятия, относящиеся к плану содержания языкового знака как двусторонней единицы, выработанные в рамках проекта Института филологии СО РАН по сопоставительному описанию сравнительных конструкций в языках разных систем и опирающиеся на исследование сравнительных конструкций М. И. Черемисиной [Черемисина, 1976].

Отношение сравнения (REL) – это суждение о сходстве или различии компаратов, оно представлено двумя разновидностями: отношение эквивалентности, объединяющее представление о сходстве и подобии (REL.EQU); дифференциальное отношение, предполагающее актуализацию различий при имеющемся сходстве тех или иных признаков (REL.DIFF).

Отношение сравнения устанавливается между двумя релянтами (RLNT1 и RLNT2), каждый из которых репрезентирует пропозицию характеристики в развернутом или в свернутом виде и включает следующие компоненты:

а) субъект: в базовой пропозиции характеристики субъект определяется как дескриптив (DESCR); при сравнении субъекты по отношению друг к другу являются компаратами (CMPR): первый компарат – предмет

сравнения (CMPR1); второй компарат – стандарт, эталон сравнения (CMPR2);

б) предикат: в базовой пропозиции характеристики предикат называется признаком предмета и определяется как квалитатив (QLT); для отношений сравнения существенными являются следующие значения, которые в норме выражаются предикатом: параметр сравнения (PRM) – «свойство» компаратов, представляющее собой основание для их сопоставления; он складывается из совокупности двух признаков: основание параметра (PRM.FUND) – «характеристика», на которую направлено внимание, например, «рост», «цвет», «форма», «ширина», «глубина», «возраст», «внешний вид», «характер» и т. п.; аспект параметра (PRM.ASP) – конкретное «качество», проявление которого оценивается, например, «высокий» / «низкий» / «обычный», «красный» / «синий» / «зеленый», «круглый» / «овальный» / «квадратный» и др.;

– актуализатор (ACT): модальный (ACT.MOD), темпоральный (ACT.TEMP), аспектуальный (ACT.ASP) или пространственный (ACT.LOC);

– EXP – экспонента, обозначающая степень схождения или несхождения [Кошкарева, Плотников, 2023].

Различается два типа сравнения – предметное и событийное. При предметном сравнении отношения схождения или несхождения устанавливаются между двумя предметами на основе общего признака, которым они обладают («рост», «вес», «ум», «красота» и т. п.), например, *Вася высокий, как Петя*. При событийном сравнении отношения устанавливаются также на основе общего признака, который характеризует способ протекания двух событий, например, *Вася бежит быстро, как Петя*.

Таким образом, сравнительные конструкции всегда полипропозитивны, даже если они выражены простым предложением: отношения устанавливаются между двумя пропозициями характеристики, которые приписывают тот или иной признак предмету или событию.

При сравнении событий пропозиция характеристики относится к действию и выражается обстоятельствами образа действия, прототипически – наречиями или наречными сочетаниями, но, как это свойственно сравнительным конструкциям вообще, имеет тенденцию к редукции, например: *Вася делает что-то так же хорошо, как делает что-то Петя* > *Вася делает что-то, как Петя*.

Изосемически отношения эквивалентности передаются при помощи союза *как*, выражающего достоверное сравнение. Семантика релянтов характеризуется полипропозитивностью: в их состав входит развернутая пропозиция, которая в метасемантической записи отражается в виде сочетания местоимения *некто* и дейктического глагола *делать*, в самом общем виде указывающего на процесс, действие или состояние. Эта пропозиция, в свою очередь, выступает в роли субъекта пропозиции характеристики, предикат которой репрезентируется обстоятельствами образа дей-

ствия, в их семантике чаще всего совмещается представление об абстрактном образе действия как основании параметра («так», «таким образом») и конкретизация аспекта параметра, например, *высоко / низко, быстро / медленно, хорошо / плохо* и под.

$$\begin{aligned} & \{[\text{НЕКТО ДЕЛАЕТ}]^{\text{CMPR1/DESCR}}, \text{ТАКИМ ОБРАЗОМ}^{\text{QLT/PRM}}\}_{\text{REL1}} \\ & \text{КАК}^{\text{REL.EQU}} \\ & \{[\text{НЕКТО (ДЕЛАЕТ)}]^{\text{CMPR2/DESCR}}, (\text{ТАКИМ ОБРАЗОМ})^{\text{QLT/PRM}}\}_{\text{REL2}} \end{aligned}$$

Прототипическим способом выражения эквивалентности событий следовало бы, возможно, считать скрепу *таким образом ... каким образом*, в которой значение основания и аспекта параметра разделены и выражаются отдельными словами: лексема *образом* символизирует основание параметра, лексема *таким* – аспект параметра. Однако такие случаи единичны, в Национальном корпусе русского языка обнаружен единственный пример использования такой скрепы, что, конечно, не случайно, учитывая редукцию как основной принцип построения сравнительной конструкции: *В его определении по «делу о мясе для собак госпожи Додж» говорилось, что, «поскольку опекуны обязаны действовать **таким образом, каким образом** действовало бы лицо, находящееся под опекой, если бы оно не находилось под опекой, и поскольку не существует даже самой отдаленной необходимости экономить на миссис Додж и для миссис Додж, ее собаки должны и впредь питаться в том стиле, к которому они уже привыкли»* (М. Г. Стуруа. Будущее без будущего).

Значение событийной эквивалентности может получать изосемическое и неизосемическое выражение.

Изосемическим способом выражения эквивалентности двух событий являются сложноподчиненные предложения со скрепой *как*, в которых параметр сравнения может быть выражен эксплицитно или имплицитно, например, *Он спокойно лежал, **как** может лежать в рогатых васильках поваленная береза* (Юрий Коваль. Русачок-травник) (расчлененное сравнительное предложение с детерминантной связью; параметр выражен наречием *спокойно*):

$$\begin{aligned} & \{[\text{он, лежать}]^{\text{CMPR1}}, \text{спокойно}^{\text{PRM.FUND+PRM.ASP}}, \emptyset^{\text{ACT}}\}_{\text{REL1}} \\ & \text{КАК}^{\text{REL.EQU}} \\ & \{[\text{береза, лежать}]^{\text{CMPR2}}, (\text{спокойно})^{\text{PRM.FUND+PRM.ASP}}, \text{мочь}^{\text{ACT.MOD}}\}_{\text{REL2}} \end{aligned}$$

Ср. также: *А сейчас я поступаю **так, как** обязан, **как** мне велит сердце* (Ирина Муравьева) (нерасчлененное местоименно-соотносительное предложение отождествительного типа; на параметр указывает местоимение *так*); *Он боялся Ирины, **как** мелкий травоядный зверь боится крупного* (В. Токарева) (расчлененное предложение с детерминантой связью сравнительное; параметр не вербализован).

Неизосемическим способом выражения эквивалентных отношений между двумя событиями являются сложноподчиненные предложения с

модально-сравнительными союзами *точно, будто, словно* и др., которые являются результатом осложнения базовой сравнительной семантики дополнительным условным компонентом.

Предложения с этими союзами в классификации В. А. Белошапковой занимают разные места – среди нерасчлененных местоименно-соотностительных фразеологического типа и расчлененных предложений.

Важнейшей особенностью разных типов предложений с модально-сравнительными союзами является лакуна на месте второго релянта, обозначающего стандарт сравнения. Если в предложениях достоверного сравнения с союзом *как* ЗПЕ называет эталонный или окказиональный стандарт сравнения, то в предложениях недостоверного сравнения с модально-сравнительными союзами ЗПЕ не находится в отношениях сравнения с ГПЕ: «Показатели типа *точно*, стоящие перед фразой, означают, что в действительности нет и не предполагается ситуации, для которой эта фраза была бы истинным именем» [Черемисина, 1976, с. 205], ср.:

– изосемический способ выражения: *Возможно, у него не защемило сердце, как щемит оно у нас, когда мы возвращаемся на родину, как, наверное, защемило у дедушки, когда он почти через сорок лет снова увидел Россию* (Анатолий Рыбаков) (ЗПЕ называет эталон сравнения: в первом случае – стандартный, обобщенный, во втором – окказиональный);

– неизосемический способ выражения: *Откровенно болела душа, мучительно ныла, точно жгли ее там медленным огнем* (Василий Шукшин. Калина красная). > *Откровенно болела душа, мучительно ныла, **[как она болела бы и ныла, если бы]** жгли ее там медленным огнем* (ЗПЕ называет гипотетическое условие, которое устанавливается по отношению к подразумеваемой, но словесно не выраженной предикативной единице, обозначающей стандартный эталон сравнения).

М. И. Черемисина определяет такую конструкцию как сравнительно-условную, в которой третьим, промежуточным членом является компаративный образ от главной части (S_1), сдвинутый в нереальное (условно-сослагательное) наклонение: S_1 , точно $S_2 \rightarrow S_1$, как $P(S_1)$ бы, если бы S_2 [Черемисина, 1976, с. 225–226].

В результате редукции стандарта сравнения возникает асимметрия плана выражения и плана содержания: двум единицам плана выражения соответствуют три единицы плана содержания, например, *Она делает резкий выпад корпусом, точно хочет столкнуть Ленку со стула* (Мария Галина. Покрывало для Аваддона). Предметом сравнения в данном высказывании является событие, названное в главной части: *она делает резкий выпад корпусом*. Стандарт – представление об обычном способе совершения подобного действия: *как делают обычно / как сделала бы она*. В силу своей типизированности, такое событие эксплицитно не называется, а только подразумевается. Союзы типа *точно* вводят указание на событие, которое находится в условных отношениях с невыраженным стандартом:

(1) {[она делает резкий выпад корпусом]^{CMPR1} (так)^{PRM.FUND}}]_{ГПЕ}^{REL1}
КАК^{REL.EQU+PRM.FUND}

(2) [(она сделала бы резкий выпад корпусом)^{CMPR2} (так)^{PRM.FUND}}]_Ø^{REL2}

ЕСЛИ БЫ

(3) {она хотела столкнуть Ленку со стула}_{ЗПЕ}

Сравнительные отношения устанавливаются между событием (1) и подразумеваемым событием (2); событие (3) находится в условных отношениях к событию (2).

В исследованиях, посвященных конструкциям с модально-сравнительными союзами, отмечается, что их семантика регулярно осложняется значениями гипотетической причины, ложной мотивировки, псевдоцели, псевдоследствия и т. д. [Черемисина, 1976, с. 207–215; Девятова, 2017, с. 268–288]. М. И. Черемисина называет союз *точно* «ирреализатором» [Черемисина, 1976, с. 213], акцентируя именно условную семантику таких предложений.

Правомерность подобной реконструкции редуцированных единиц подтверждается наличием в русском языке скрепы *как если бы* (при поиске по корпусу точных форм обнаруживается 3287 единиц), например, *Это было похоже на кошмарный сон, как если бы за мной явилась колдунья из страшной сказки* (Фазиль Искандер. Мученики сцены). > Это было похоже на кошмарный сон, **как [это было бы]**, **если бы** за мной явилась колдунья из сказки; *Теперь Кеплер вправе сказать, что постиг Вселенную так, как если бы создал ее собственными руками* (Вячеслав Шевченко):

{Кеплер постиг Вселенную так}_{REL1}

как

{Кеплер постиг бы Вселенную}_{REL2}

если бы

{Кеплер создал Вселенную собственными руками}

Т. А. Колосова называет подобные построения узуальными имплицитными конструкциями, «дублирующими» сложные предложения с контактирующими скрепами, построенными по принципу (2: 3): в плане выражения имеются две эксплицитно выраженные предикативные единицы, им соответствуют три единицы плана содержания. Семантика недостающего звена восполняется на уровне логико-семантических отношений, не представленных никакой формой в данном тексте [Колосова, 2008, с. 66–80]. При разворачивании двухкомпонентной конструкции в трехкомпонентную между предикативной единицей А и «восстанавливаемой» предикативной единицей В наблюдаются отношения семантического тождества. Предикаты этих единиц выражаются глаголами типа акционального *сделать* или экзистенциального *быть*, которые репрезентируют эталонную ситуацию в самом общем виде, но могут различаться грамматически – модально-видовыми характеристиками, например, *Хочу и Вам передать*

мои мысли о самом себе, **как** это я сделал бы, **если бы** Вы были здесь (Н. Н. Пунин. Письма А. Е. Аренс-Пуниной). > Хочу и Вам передать мои мысли о самом себе, **как если бы** Вы были здесь; *Это означало, что Саприн снимал деньги со счетов, как и должно было быть, если бы он честно расплачивался с Вероникой за архив ее покойного мужа, и оставлял эти деньги людям Шоринова там, на месте* (Александра Маринина. За все надо платить). > Это означало, что Саприн снимал деньги со счетов, **как если бы** он честно расплачивался с Вероникой за архив ее покойного мужа...; *В результате лошадь Бола не сломала ногу (**как это должно было случиться**, если бы он поехал по правой дороге)* (Л. В. Кудрявцев. Верный способ). > В результате лошадь Бола не сломала ногу (**как если бы** он поехал по правой дороге).

Трехкомпонентные построения используются в том случае, если необходимо подчеркнуть расхождение между характеристиками сказуемых ГПЕ и ЗПЕ, в частности выразить модальность долженствования или возможности в части, вводимой союзом *как*. Максимальная степень спаянности компонентов наблюдается в скрепе *как будто*, которую можно разложить на составные части «как было бы, будь то».

Структурно-семантические типы расчлененных и нерасчлененных СПП с семантикой событийной эквивалентности различаются по наличию / отсутствию эксплицитно выраженной позиции параметра сравнения.

1) В расчлененных СПП параметр может выражаться обстоятельством образа действия, которое совмещает в своей семантике и основание параметра (по умолчанию, как прототипическое значение обстоятельства образа действия, отвечающего на вопросы *Как? Каким образом?*), и аспект параметра, конкретизируя его благодаря лексическому значению слов в его составе, например, *Ты стоишь возле меня беззласно и безучастно, **точно** ты мне чужая* (И. С. Тургенев. Довольно).

2) В нерасчлененных СПП фразеологического типа основание параметра сравнения выражается местоимением *так* или местоименным сочетанием *таким образом*, указывающими на самое общее основание параметра, аспект параметра при этом не конкретизируется, например, *...он приподнимает и опускает кастрюльку **так, точно** взвешивает ее* (Олег Сон); *...а современное искусство в целом он называл не иначе как жупонической клоунадой, с чем любой из поэтов с готовностью соглашался, поскольку подавалось это всегда **таким образом, точно** для собеседника Касымов делал исключение – его-то к этой клоунаде он не причислял* (Евгений Чижов. Перевод с подстрочника).

При характеристике местоименно-соотносительных предложений в классификации В. А. Белошапковой подчеркивается обязательность позиции антецедента в структуре ГПЕ. Однако во многих случаях местоимение *так* можно опустить, ср.: *Лорн хрипел **так, точно** выпил бочку ледяного пива* (Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты). > Лорн хрипел, **точно** выпил бочку ледяного пива. Местоимение *так* выполняет в данном

случае две функции – указывает на основание параметра и на интенсивность действия: при элиминации *так* из состава ГПЕ представление о том, что действие «хрипел» производилось с большой силой, нивелируется, сообщается лишь о самом факте, степень проявления не уточняется.

Наличие местоимения *так* бывает обусловлено лексическими требованиями сказуемых в составе ГПЕ, которые без обстоятельств образа действия не употребляются в силу особенностей их семантики и, соответственно, требованиями сильно управляющего компонента, например, *Я чувствовал себя так, точно кто-то неожиданно, исподтишка обокрал меня* (С. И. Шуртаков. Кузьминские сады); *И странно – Коровин тоже держался так, точно этой старухи и не было здесь вовсе* (Анатолий Рыбаков. Бронзовая птица); *А для этого надо вести себя так, точно ты один из своих* (Олег Куваев. Территория).

В других случаях обязательность антецедента *так* обусловлена особенностями структуры ГПЕ – повторами, параллелизмом, наличием актуализирующих частиц и под.: *Она бросилась бежать и бежала так, точно за ней гнались с револьвером...* (А. Хованская. Авантюристка); *Маленький ничего не ответил, но дернулся так и так промышдал, точно у него внезапно заболел зуб* (М. А. Булгаков. Белая гвардия); *Но мы народ вообще художественный, мы и живем-то так, точно прозу пишем, а не живем* (Вячеслав Пьецух).

Еще одной причиной наличия *так* в структуре ГПЕ является его рематизация: *И вчерашний день, и нынешнее утро вспомнились так, точно они были десять лет тому назад* (И. А. Бунин. Солнечный удар); – *Машина времени? – спросил Куцапов так, точно речь шла о чем-то обыденном* (Евгений Прошкин. Механика вечности). Обычно при актуальном членении сложного предложения ГПЕ является темой, а ЗПЕ ремой. Вопрос задается от ГПЕ к ЗПЕ: *Как вспомнился вчерашний день и нынешнее утро? Как спросил Куцапов?* Ответом на вопрос служит вся ЗПЕ. Позиция антецедента *так* в структуре ГПЕ дублирует позицию ремы аналогично тому, как при актуализации события в ЗПЕ расчленяются составные союзы типа *потому (,) что, перед тем (,) как* и др. Роль компонента *так* в данном случае можно определить как актуализатор, дублирующий позицию ремы: в структуре тематической по своей природе ГПЕ появляется дефолтная позиция ремы, которая в полном виде выражается зависимой частью.

Ср. также примеры, в которых даже при наличии обстоятельства образа действия в структуре ГПЕ появляется дополнительно и антецедент *так*, подчеркивающий рематизацию ЗПЕ: *Когда она приблизилась к моему столу и я встал и придвинул ей стул, она пристально посмотрела на меня – так, точно чего-то опасалась* (Г. А. Газданов. Судьба Саломеи); *Но я находился в припадке внезапной и бешеной злобы – так, точно этот неизвестный человек воплощал в себе причину той длительной тревоги, которую я испытывал все это время, так, точно виновником этого был именно он* (Г. А. Газданов. Возвращение Будды).

Таким образом, наличие antecedента в структуре ГПЕ часто обусловлено конкретными особенностями высказываний как единиц речи, а не требованиями сравнительной конструкции как единицы языка: представление о типичности параметра сравнения приводит к его закономерной редукции, что более естественно для сравнительных конструкций, чем их экспликация, пусть и таким формальным способом, каким является указательное местоимение *так* и его аналоги.

3) В составе расчлененного СПП позиция параметра может отсутствовать, например: *Глаза горели, **точно** их прожгли каленым железом* (Александр Беляев). > *Глаза горели **так, как они горели бы, если бы** их прожгли каленым железом; Голова пылает, **точно** в нее насыпаны горячие угли* (Артем Веселый. Морозной ночью). > *Голова пылает **так, как она пылала бы, если бы** в нее насыпали горячие угли.*

В подобных высказываниях структура ГПЕ предельно проста и содержит только обозначение самого события (*глаза горели, голова пылает*), в ней нет позиции обстоятельства образа действия, которое указывало бы на параметр, на основании которого производится сравнение двух событий, поскольку параметр мыслится предельно широко и обобщенно («так», «таким образом»). Однако аспект параметра можно реконструировать на основе семантической близости лексем в составе ГПЕ и ЗПЕ, ср.: *глаза горели – их прожгли раскаленным железом; голова пылает – насыпаны горячие угли.* Между компонентами наблюдается семантическая координация, предполагающая близость образного восприятия описываемых событий, без этого сравнение как таковое было бы невозможно, так как оно обязательно предполагает наличие сходства между событиями в том или ином отношении.

В ГПЕ и ЗПЕ могут употребляться синонимические глаголы, например, *И ко всему Кати не было дома, **точно** ее и на свете больше не существует* (А. Н. Толстой); *Грудь у Глеба раздулась, **точно** ее расперло изнутри повышенным давлением* (Алексей Иванов. Комьюнити) (*раздуться* ‘увеличиться в объеме, стать толстым, пухлым, например, от чего-либо положенного или проникшего внутрь’; *распереть* ‘напором заставить расширяться, раздаться, лопнуть’); *За этим таилось, **точно** пряталось в густом тумане, что-то, к чему он не решался приближаться...* (Сергей Шикера) (*таиться* ‘прятаться, скрываться’; *прятаться* ‘скрываться от других в каком-либо месте, стараться стать недоступным взгляду’); *Сердце бьется, **точно** в груди молота стучат* (Г. А. Гершуни. Из недавнего прошлого) (*биться* ‘ударяться обо что-либо или друг о друга, издавая стук’; *стучать* ‘наносить ритмичные удары по чему-либо’).

Между ГПЕ и ЗПЕ могут устанавливаться ассоциативные связи, общность образа формируется на основе устойчивых представлений об обусловленности событий: *Потом собака завизжала и зарычала, **точно** у нее отнимали кость* (Ю. К. Олеша); *Лицо его бледнело, **точно** яркие губы Лидии Ротштейн выпивали всю его жизнь* (Ф. К. Сологуб).

Таким образом, сложноподчиненные сравнительные предложения с семантикой событийной эквивалентности представляют собой единый функционально-семантический класс, объединенный общностью значения и возможностей структурного варьирования. Трудности классификации предложений этого типа и распределение их по разным позициям в структурно-семантической классификации В. А. Белошапковой вызвано тем, что рассматриваемые единицы включают как симметричные, так и асимметричные знаки. При построении общей классификации сложноподчиненных предложений следовало бы на первом уровне отграничить «элементарные» сложные предложения как «симметричные» единицы языка, в которых одной единице плана выражения соответствует одна единица плана содержания, от «неэлементарных» сложных предложений, между планом выражения и планом содержания которых наблюдается асимметрия и количество содержательных элементов больше, чем формальных.

В предложениях со скрепой *как* план выражения и план содержания соответствуют друг другу с поправкой на механизмы редукции и неполноту ЗПЕ, закономерные при сокращении параллельных сравниваемых элементов. Предложения с союзами типа *точно* представляют собой асимметричные построения, в которых эталон сравнения элиминирован в силу своей типичности, стандартизованности, очевидности для говорящего. Поэтому при систематизации сложных предложений они должны рассматриваются на втором ярусе классификации, как усложнение базовой «элементарной» модели сложного предложения, как явление не языка, а речи.

Литература

- Девятова Н. М. Сравнение в динамической системе языка. М. : Либроком, 2017.
Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2008.
Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216.
Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С. О. Савчук, Т. А. Архангельский, А. А. Бонч-Осмоловская, О. В. Донина, Ю. Н. Кузнецова, О. Н. Ляшевская, Б. В. Орехов, М. В. Подрядчикова // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.
Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1976.

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor (Novosibirsk)

I. A. Dide, Bachelor of Philology (Novosibirsk)

COMPLEX SENTENCES WITH MODAL-COMPARATIVE CONJUNCTIONS AS A NON-ISOSEMIC MEANS EXPRESSING EVENT EQUIVALENCE

Abstract. Modal-comparative conjunctions of the type "tochno – exactly" are a non-isodeismic means of expressing one of the varieties of comparative relations, namely, relations of event equivalence, in which an imaginary similarity is established in the course and development of two events. Complex sentences with these conjunctions are the result of the reduction of the standard of comparison, which implies a typical state of affairs. Comparative relations are established between the main part and the absent standard of comparison, the dependent part expresses a condition in relation to the

absent standard. Sentences with conjunctions of the type "tochno – exactly" are asymmetrical constructions in which the standard of comparison is eliminated due to its typicality, standardization, and obviousness for the speaker. Therefore, when systematizing complex sentences, they should be considered at the second tier of classification, as a complication of the basic "elementary" model of a complex sentence, as a phenomenon not of language, but of speech.

Keywords: complex sentence, comparison, modal-comparative conjunctions, equivalence relations, isosemic and non-isosemic means of expression, event and subject comparison.

Г. И. Кустова, доктор филологических наук, доцент

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва

ПЕРЕХОДНЫЕ ТИПЫ РАСПРОСТРАНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ⁵

Аннотация. В статье обсуждаются сложные предложения, в которых придаточное присоединяется относительным пропозициональным местоимением (РК = распространительные конструкции). Наряду с традиционно выделяемыми двумя типами РК: 1) изъяснительными РК, которые соотносятся с изъяснительными предложениями: *В саду было много людей, что мне не нравилось* (ср.: *Мне не нравилось, что в саду много людей*); 2) обстоятельственными РК, которые соотносятся с обстоятельственными предложениями: *Спекулянты начали продавать нефтяные контракты, в результате чего цены на нефть упали* (ср.: *Цены на нефть упали в результате того, что спекулянты начали продавать нефтяные контракты*), – выделяются гибридные группы предложений (переходное звено между изъяснительным и обстоятельственными типами РК) – (а) предложения с каузативными предикатами: *Прибор сломался, чем вызвана необходимость его заменить* VS. *Прибор сломался, из-за чего возникла необходимость его заменить*; (б) предложения с «каузативными» абстрактными существительными: *Мне пришлось потратить много времени на выявление разных типов и форм случайных явлений, итогом чего явилась книга* – и производными предлогами: *Компания вывела имущественные активы, в итоге чего комбинату был причинен ущерб*.

Ключевые слова: сложное предложение, распространительно-присоединительные (относительные) конструкции, изъяснительно-объектные предложения, обстоятельственные предложения.

В литературе выделяется несколько типов сложноподчиненных предложений с относительным подчинением. Достаточно хорошо описаны присубстантивные предложения, где относительное местоимение относится к именной группе (*Дом, который построил Джек*). Данная работа посвящена другому типу, где придаточное присоединяется пропозициональным местоимением (которое соотносится с пропозицией / ситуацией), ср.: *Попугаи разлетелись, что я и предсказывал!* (М. А. Булгаков).

⁵ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 25-18-00222 «Контроль и подъем в языках Евразии», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

В литературе такие предложения трактуются и называются по-разному – распространительные [РГ-80, т. 2], подчинительно-присоединительные [Крючков, Максимов, 1977; Скобликова, 2006 и др.], относительно-распространительные [АГ-70], относительные придаточные с событийно-анафорической связью [Андромонова, 2009] (см. также обзор в [Селюнина, Медведева, 2010]); далее для краткости будет использоваться сокращение РК (распространительная конструкция). В коммуникативном плане важным признаком РК является присоединительность, в частности, для них характерна парцелляция, ср. [Андромонова, 2009, с. 202]: *Акции подешевели. Что вызвало панику на бирже.*

В [РГ-80, т. 2, § 2918–2923] по структуре и значению выделяются два типа распространительных предложений. РК первого типа названы распространительно-изъяснительными (далее – изъяснительные). Они часто рассматриваются как своего рода конверсивы изъяснительных придаточных, которые относятся к матричному предикату с пропозициональной валентностью: *Народу в саду очень много, **что** мне не очень нравилось* (М. А. Кузмин. Дневник) VS. *Мне не очень **нравилось**, **что** народу в саду очень много* (в литературе иногда используется термин «обратное подчинение», ср. [Андромонова, 2009, с. 200; Селюнина, Медведева, 2010, с. 69]).

Обязательным условием образования изъяснительных РК считается наличие в придаточном слова с пропозициональной валентностью (как глагол *нравиться* в приведенном примере), которая формально заполняется пропозициональным местоимением. Если у предиката нет такой валентности, пропозициональное местоимение в придаточном невозможно: *Взошло солнце, *что [= это] осветило лес → которое осветило лес.*

Второй тип – предложения с **обстоятельственной семантикой следствия** (*вследствие чего; в результате чего*), **цели** (*для чего, зачем и*), **времени** (*после чего*).

Хотя обстоятельственные РК противопоставляются изъяснительным, сравнение двух типов РК показывает, что различие между ними не так уж велико: у изъяснительных в придаточном имеется предикат с пропозициональной валентностью, у обстоятельственных такой единицей с пропозициональной валентностью является предлог (разумеется, не любой предлог имеет такую валентность, см. ниже).

Между изъяснительными и обстоятельственными РК существует переходная зона – зона гибридных конструкций. Мы рассмотрим два типа таких конструкций.

(а) РК с каузативными предикатами. Прототипическим ядром изъяснительных РК являются предложения, содержащие предикаты с пропозициональными актантами из основных групп – **речевые** (*сообщить, попросить, признаться* и под.), ср.: *Адамс /.../ в Питер приехал впервые. И был потрясен красотой города, **в чем признался** публике Ледового дворца* (Труд-7, 12.12.2007); **ментальные**, прежде всего фактивные, т. е. предикаты **знания**, ср.: *В шестидесятых* [Сергей Параджанов]

хотел поставить «Гамлета», **о чем я узнал** за обедом в ресторане «Европейской» (Василий Катанян. Прикосновение к идолам); **эмоциональные** (они имеют пропозициональное содержание, но еще включают каузацию), ср.: *Футболисты приходили на мои представления, **чему** я бесконечно **радовался*** (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий). У предикатов перечисленных групп релятивизируется одна позиция – пропозициональный объект.

Кроме прототипических предикатов есть целый ряд непрототипических предикатов, которые используются в гибридных конструкциях. Нестандартной, гибридной группой предикатов являются каузативы: образованные на их базе РК можно считать промежуточным / переходным звеном между изъяснительным и обстоятельственным типами РК.

В этой группе можно выделить две подгруппы – предикаты логических отношений (обоснования, ментальной каузации) и собственно каузативы.

Первая подгруппа – глаголы **логических отношений**: *подтверждаться, определяться, объясняться* и под. В отличие от «классических» предикатов пропозициональной установки, у которых есть личный субъект и пропозициональный объект, эти предикаты имеют не одну, а две пропозициональных валентности – основание и следствие (вывод). Соответственно, у них релятивизируются обе позиции:

*Максимальное загрязнение воздуха отмечается в Кировском районе, **что объясняется** высокой концентрацией промышленных производств* («Лесное хозяйство», 23.12.2003) – релятивизируется результат ('загрязнение воздуха');

*В Кировском районе высокая концентрация промышленных производств, **чем объясняется** загрязнение воздуха* – релятивизируется каузатор ('концентрация промышленности').

Такие предикаты концептуализуют связь между двумя ситуациями Р и Q – в данном случае это «концентрация промышленности» (Р) и «загрязнение воздуха» (Q) – как причинно-следственные отношения и представляют Р как причину (объяснение) Q. Т. е. они репрезентируют причинно-следственные отношения на логическом уровне, однако эти логические отношения являются проекцией причинно-следственных связей между реальными ситуациями.

Вторая подгруппа – собственно **каузативы**. У них не пропозициональные актанты, а событийные (ситуации). Но их тоже два, и релятивизируются обе позиции:

*Металл пребывает в постоянном контакте с кожей, **чем и вызвана** боль* – релятивизируется каузатор ('контакт металла с кожей');

*Пациент испытывает боль, **что вызвано** контактом металла с кожей* – релятивизируется результат ('боль') (в этом случае требуется некоторая перестройка предложения).

(б) РК с «каузативными» абстрактными существительными и производными предложениями. В придаточном встречаются не только глаголы, но и существительные с пропозициональной валентностью. Это мо-

гут быть отглагольные существительные (номинализации), ср.: *Поэтому для вынесения негативного вердикта по «Северному потоку-2» Копенгагену и Стокгольму придется /.../ нарушать собственное законодательство. Или как минимум менять его, **призывы к чему**, кстати, в той же Дании уже звучали* (Парламентская газета, 2017.07.27) = *к чему призывали...* Но нас интересует группа абстрактных существительных – *результат [чего], причина [чего], следствие [чего]* и под., – которые не образованы от глаголов, а только семантически соотносятся с предикатами каузации – они выступают в качестве своего рода супплетивных номинализаций соответствующих каузативов (*вызвать, привести к*), так как однокоренные существительные от этих каузативов (типа *вызов*) имеют другое значение и не употребляются в интересующей нас конструкции. Эти существительные обозначают концептуальные параметры ситуаций и являются базой для образования производных предлогов.

Рассмотрим свойства существительного *результат*. Такие существительные имеют двойственную природу: в одних конструкциях (в позиции подлежащего или дополнения) они выступают как существительное; при этом вторая валентность может иметь статус переменной:

*Таким образом, фактически региональные власти получают возможность сосредоточить всю массовую активность в удобном для них месте, а необходимость собраться где-то еще нужно специально доказывать, **результат чего** вполне предсказуем* (Советник. Адвокаты «Советник» (10.06.2020));

*За обедом он /.../ заметил, что доложит об этом на следующий день государю, **о результате чего** я могу узнать у него после окончания высочайшего завтрака* (П. Г. Курлов. Гибель императорской России) = *узнать, каков результат, чем закончилось.*

В других конструкциях *результат* (в форме твор. п.) входит в состав аналитического предиката *быть / являться / стать результатом [чего-л.]*:

*В Институте до сих пор неисправна вентиляция, **результатом чего является** заболевание ряда сотрудников* («Ленинградский университет», 13.04.1937).

От существительных *результат, причина, следствие* – через ступень адвербиалов – образовались производные предлоги *в результате [чего], по причине [чего], вследствие [чего]* (в простом предложении выражают причину (= ‘из-за Р’), в РК – следствие) и соответствующие союзы *в результате того что, по причине того что, вследствие того что* (присоединяют придаточные причины). Те и другие наследуют от исходного существительного две пропозициональные валентности (и тем самым способность связывать две ситуации) и участвуют в конверсных преобразованиях (подобно РК с каузативными глаголами):

*Поэтому соглашение так и не было подписано, **в результате чего** в отношениях наших двух стран не действовал режим наибольшего благоприятствования в торговле* («Дипломатический вестник», 2004). VS.

Режим наибольшего благоприятствования... не действовал в результате того, что соглашение не было подписано.

В результате того, что уровень моря повысился, часть континента оказалась под водой (Мария Галина. Бард). VS. Уровень моря повысился, в результате чего часть континента оказалась под водой.

Группа существительных-параметров ситуаций пополняется за счет существительных, у которых развиваются «результативные» (причинно-следственные) значения. При этом разные существительные в разной степени приблизились к лексемам типа *результат*.

Существительное *итог* с самого начала имело абстрактную семантику ('сумма'), на базе которой развилось значение 'результат'. Валентность причины у него может заполняться как существительным с ситуативной семантикой (*итог наших усилий*), так и придаточным:

Это количество – итог того, что люди стали чувствовать себя свободнее, ходить без масок (Vesti.ru, 05.06.2020).

В силу этого оно участвует в РК:

– в позиции подлежащего / дополнения:

Конечно, журналистская практика все эти качества развивает, итог чего хорош далеко не всегда (vk (07.10.2014));

– в составе аналитического предиката:

Мне пришлось потратить много времени на выявление разных типов и форм случайных явлений, итогом чего явилась книга «О природе случайности» («Наука и жизнь», 2009).

Существительное *плоды* в исходном значении ('плоды растений') не имело пропозициональной валентности, но приобрело ее в результате семантической эволюции и также употребляется в распространительной конструкции:

– в позиции подлежащего / дополнения:

Однако степень конформизма сограждан Меркель всё же переоценила, плоды чего мы наблюдаем сегодня (Известия, 09.02.2016);

– в составе аналитического предиката – в форме ед. ч.:

В течение нескольких лет Пестель работал над своей программой по свержению царского строя, плодом чего и явился увесистый труд «Русская Правда (Независимая газета, 02.10.1998).

При этом существительные *итог*, *плоды*, будучи синонимами существительных группы *результат*, в разной степени продвинулись в зону производных предлогов. Существительному *итог* соответствует адвербиал *в итоге*. В словарях он фиксируется как наречие [Бурцева, 2005], однако эта гибридная лексема уже функционирует и как предлог, хотя примеры такого употребления в НКРЯ пока немногочисленны и в словарях этот предлог не отражается; при этом *в итоге [чего]* в функции предлога встречается не только в газетном корпусе (современные тексты последних десятилетий), но и в основном корпусе – в текстах 1-й половины XX в.:

Автор как бы отказывается судить о иерархии описываемых предметов и событий, о том, что важно и что не важно, **в итоге чего** получается искажение перспективы (Ю. Н. Тынянов. О «Путешествии в Арзрум», 1936);

Таким образом, подозревают в прокуратуре, УГМК «осуществила вывод имущественных активов БМСК /.../, **в итоге чего** комбинату был причинен имущественный ущерб» (Коммерсант, 28.11.2005).

Лексема плоды не продвинулась по пути адвербиализации: она не употребляется в качестве адвербиала и от нее не образовался (и, возможно, не образуется) производный предлог.

Литература

АГ-70: Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1970.

Андромонова Н. А. Относительное подчинение: функционально-семантический аспект // Учен. за. Казан. гос. ун-та. 2009. Т. 151, кн. 3. С. 199–204.

БТС: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 1998.

Бурцева В. В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М. : Русский язык – Медиа, 2005.

Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М. : Просвещение, 1977.

Лепнев М. Г. Русские производные предлоги. Проблемы семантики. Словарные материалы. СПб., 2010.

РГ-80: Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

Селюнина О. А., Медведева А. Т. К вопросу о сложных предложениях с союзным словом «вмещающего типа» // Вестник ДВГСА. Гуманитарные науки. 2010. № 1/1 (4). С. 66–72.

Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2006.

G. I. Kustova, Doctor of Philology (Moscow)

TRANSITIONAL TYPES OF RELATIVE CONSTRUCTIONS WITH A PROPOSITIONAL PRONOUN

Abstract. The article discusses complex sentences in which the subordinate clause is joined by a relative propositional pronoun (RC = relative constructions). Along with the traditionally distinguished two types of RC: 1) object RCs that are related to object sentences: *V sadu bylo mnogo lyudey, **chto** mne ne nrazilos'* ('There were a lot of people in the garden, which I didn't like'), cf.: *Mne ne nrazilos', chto v sadu mnogo lyudey* ('I didn't like that there were a lot of people in the garden'); 2) adverbial RC, which are related to adverbial sentences: *Spekulyanty nachali prodavat' neftyanye kontrakty, **v rezul'tate chego** tseny na neft' upali* ('Speculators began selling oil contracts, causing oil prices to fall') – cf.: *Tseny na neft' upali **v rezul'tate togo, chto** spekulyanty nachali prodavat' neftyanye kontrakty* ('Oil prices fell as speculators began selling oil contracts'), – hybrid groups of sentences (i. e. a transitional zone between object and adverbial types of RC) are distinguished – (a) sentences with causative predicates: *Pribor slomalsya, **chem** vyzvana neobkhodimost' ego zamenit'* ('The device broke down, which necessitated its replacement') – *Pribor slomalsya, **iz-za chego** voznikla neobkhodimost' ego zamenit'* ('The device broke down, which required its replacement'); (b) sentences with «causative» abstract nouns: *Mne prishlos' potratit' mnogo vremeni na vyavlenie raznykh tipov i form sluchainykh yavlenii, **itogom chego** yavilas' kniga* ('I had to spend a lot of time identifying different types and forms of random phenomena, the result of which was the book') – and derivative prepositions: *Kompaniya vyvela imushchestvennyye aktivy, **v itoge chego** kombinatu byl prichinen usherb* ('The company withdrew property assets, as a result of which the plant suffered damage').

Keywords: complex sentence, relative constructions, object sentences, adverbial sentences.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ (ТРКИ-1)

Аннотация. В статье рассматривается проблема грамматического оформления русской письменной речи китайскими обучающимися. Оценивая уровень владения иностранным языком, следует принимать во внимание ошибки разных уровней (фонетические, лексические, грамматические). Цель данного исследования – выявление частотных и типичных ошибок в спонтанной русской письменной речи носителей китайского языка. Для анализа грамматических ошибок было отобрано 30 письменных работ (количество испытуемых – 15). Были выявлены ошибки, допущенные китайскими студентами при выполнении субтеста «Письмо» (ТРКИ-1). Установлены разновидности грамматических ошибок, представлена их классификация. По результатам анализа, самыми частотными являются ошибки в управлении, в выборе падежа, в образовании личных и временных форм глагола и в употреблении глагольного вида. Обосновываются возможные причины грамматических ошибок, которые допускают китайские обучающиеся, овладевающие русским языком.

Ключевые слова: грамматика, грамматические ошибки, письменная речь, Первый сертификационный уровень, китайские обучающиеся, русский язык.

В настоящее время в научной литературе уделяется большое внимание исследованию ошибок в иноязычной речи [Щелокова, 2018; Grigoryan, Huichun Nin 2023]. По мнению А. А. Залевской, следует признать «важность анализа механизмов ошибки как инструмента научного исследования процессов и механизмов функционирования языка у пользующегося им человека» [Залевская, 2009, с. 6].

С психолингвистической точки зрения, речевая ошибка является сигналом разошедшегося шва в речевом механизме индивида [Леонтьев, 1970, с. 78].

В «Новом словаре методических терминов и понятий» ошибка трактуется как «отклонение от правильного употребления языковых единиц и форм» [Азимов, Щукин, 2009, с. 182].

Т. В. Жеребило называет грамматической ошибкой «вид речевых ошибок, связанных с нарушением закономерностей и правил грамматики: 1) ошибки в образовании форм слов; 2) ошибки в образовании словосочетаний и составлении предложений. <...> К ним относятся морфологические и синтаксические ошибки» [Жеребило, 2010, с. 376].

Среди трудностей, с которыми сталкиваются китайские студенты, изучающие русский язык, овладение русской грамматикой занимает лидирующее место.

Исследователи предлагают разные классификации грамматических ошибок.

Согласно М. Р. Львову, ошибки, связанные «с нарушением закономерностей и правил грамматики», делятся на «ошибки в образовании

форм слов, склонения или спряжения, в образовании сравнительной степени прилагательных, кратких форм прилагательных, в образовании и использовании видовых пар глаголов, причастий, в их употреблении и пр., а также в образовании словосочетаний или предложений» [Львов, 1999, с. 44].

Лю Цянь [2013] разделяет грамматические ошибки китайских студентов-филологов на

1. Словообразовательные ошибки:

1) неправильное употребление приставок (*Он со мной **навсегда** был вежливый*)⁶;

2) неправильный выбор суффикса (*Он очень **заботный** человек*).

2. Нарушение морфологических норм

1) ошибочное образование формы существительного при

– определении родовой характеристики аббревиатур (*Я из КНРа*);

– использовании существительных, называющих географический объект (*Это Токио, которое является столицей Японии*);

– образовании формы им. пад. мн. ч. (*дом – **домы***);

– образовании падежной формы (*Я иду в университете, чтобы учиться*);

2) ошибки в именах прилагательных:

– употребление полных и кратких прилагательных (*Эти джинсы мне **великие**; Она стояла у окна **спокойна***);

– образование сравнительной и превосходной степени (*Она **самая лучшая***);

3) ошибки в употреблении числительных:

– склонение количественных числительных (*Университет находится в **два шага***);

– склонение составных порядковых числительных (*Аня родилась в **две тысяча четвертом** году*);

– употребление собирательных числительных (***Оба** девушки из Китая*);

– собирательные и количественные числительные (*У меня **двое** ребенка*);

– порядковые числительные при обозначении дат (***Девятое** мая я буду смотреть парад по телевизору*);

4) ошибки в образовании и употреблении форм глагола:

– спряжение (*Мы **хочем** ехать*);

– вид (*Я сдала работу, потому что уже **писала** ее*);

– повелительное наклонение (***Вытащайте** папку из сумки!*);

5) действительные и страдательные причастия (*Это книга, **писаемая** Львом Толстым*);

6) деепричастия (***Увидев** афишу, мы захотели посмотреть спектакль*).

3. Нарушение синтаксических норм:

1) ошибки в координации подлежащего и сказуемого (***Начальство уволили** несколько сотрудников; Только часть студентов **сдали** экзамен*);

⁶ Примеры наши. – Л. Х.

- 2) ошибки в управлении (*признаться **любовь***);
- 3) ошибки в построении и употреблении предложений с однородными членами (*Она **красива** и умная*);
- 4) ошибки в построении сложных предложений и косвенной речи (*Антон сказал мне, что **я** поеду в Москву вместо что он поедет...*).

Для исследования грамматических ошибок было отобрано 30 письменных работ китайских студентов (субтест «Письмо», уровень ТРКИ-1). Испытуемые – 15 студентов, изучающих русский язык в вузах КНР. Обучающиеся приняли участие в тестировании в январе 2022 г.

Каждый испытуемый написал по два текста в соответствии с тестовыми заданиями: 1) *Прочитайте текст и письменно изложите все мнения, которые были высказаны по этой проблеме*; 2) *Напишите письмо о русской подруге (русском друге), с которой (с которым) Вы недавно познакомились*.

Объем текста – не менее 20 предложений.

На основе проведенного нами анализа было выявлено 255 грамматических ошибок. Количество ошибок у каждого информанта колебалось от 6 до 30.

Рассмотрим разные типы ошибок:

1. Ошибки в словоизменении существительных, прилагательных и местоимений:

- 1) род (*Я **согласно** с Екатериной*);
- 2) число (*У каждого есть **свои** жизни*);
- 3) падеж (*Мне очень нравится **ее***);

2. Ошибки в словоизменении глагола:

- 1) время (*Мы ходим и **занимались***);
- 2) вид (*Он **будет** показать...*);
- 3) лицо (*Папа, мама **жду** твоего ответа*);
- 4) форма глагола (*Он пока еще не **привыкнуть***);
- 5) плюс-сегментация (*И вы просто **сидитесь** перед экраном...*);
- 6) минус-сегментация (*Я **собираю** познакомить вас с Инной*);
- 7) образование деепричастий (*Он считает, что **планировая** жизнь...*);

3. Синтаксические ошибки:

- 1) согласование (*в **следующей** субботу*);
- 2) управление (*Я согласна с **Ирина***).
4. Лексико-грамматические ошибки (*В воскресенье мы хотим **пойти** на город*);

5. Смешанный тип, где одновременно присутствует два вида нарушений (*Многие люди **планирует**...* – личная форма глагола + число);

6. Ошибки в употреблении предлогов (*Мы долго стоим **за** картиной*).

На рисунке представлено количественное соотношение ошибок разных групп.

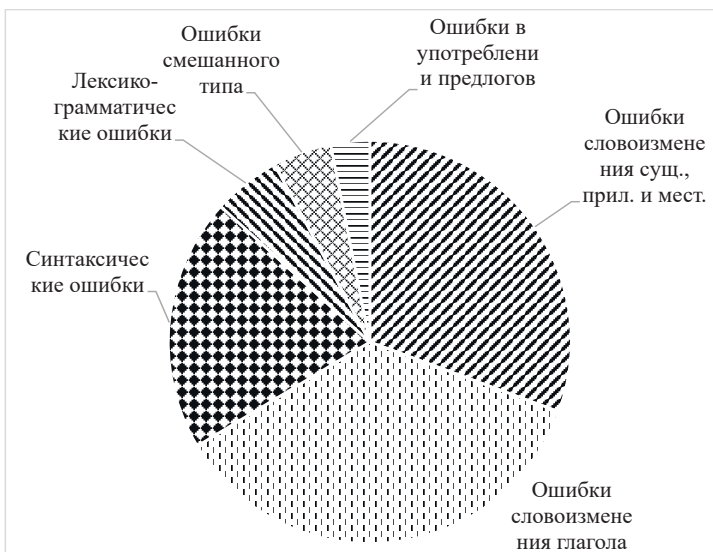

Рис. Распределение грамматических ошибок в спонтанной русской письменной речи китайских обучающихся (ТРКИ-1)

Хотелось бы отметить, что среди грамматических ошибок больше всего оказалось нарушений в управлении, в выборе падежной формы, в образовании личных и временных форм глагола и в употреблении глагольного вида. Очевидно, что частотность ошибок связана с отсутствием данных грамматических категорий в китайском языке, однако в ряде случаев ошибки являются внутриязыковыми. Случаи смешения местоимений *он* и *она* имеют интерференционный характер: в китайском языке эти местоимения не различаются.

Можно сделать вывод, что при обучении китайских студентов русскому языку необходима обильная языковая тренировка. При этом большее внимание должно быть уделено отбору грамматических упражнений, имеющих коммуникативную направленность.

Литература

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : Изд-во ИКАР, 2009.
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010.
- Залевская А. А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 6–20.
- Леонтьев А. А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психолингвистические очерки). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970.
- Львов М. Р. Словарь-справочник по методике преподавания русского языка : пособие для студентов педагогических вузов и колледжей. М. : Академия : Высш. шк., 1999.
- Лю Цянь. Проблема классификации грамматических ошибок в речи китайских студентов-филологов // Преподаватель XXI век. 2013. № 2, ч. 1. С. 195–200.

Щелокова А. А. Преодоление трудностей в обучении русской грамматике китайских студентов // Концепт : научно-методический электронный журнал. 2018. № V2. С. 42–47.

Grigoryan G., Huichun Nin. Chinese students' writing skills: common English grammatical errors // Foreign Languages in Higher Education. 2023. N 1, Vol. 27. С. 94–109.

Li Han, Bachelor student (St. Petersburg)

GRAMMATICAL ERRORS IN RUSSIAN WRITING OF CHINESE STUDENTS (TRFL-1)

Abstract. The article deals with the problem of grammatical design of Russian written speech by Chinese learners. When assessing the level of foreign language proficiency, one should take into account errors of different levels (phonetic, lexical, grammatical). The aim of this study is to identify frequent and typical errors in spontaneous Russian written speech of native Chinese speakers. To analyse grammatical errors, 30 written works were selected (number of informants – 15). The errors made by Chinese students when performing the subtest “Writing” (TRK1-1) were identified. The varieties of grammatical errors were identified and their classification was presented. According to the results of the analysis, the most frequent mistakes are errors in verbal government, in the choice of case, in the formation of personal and temporal forms of the verb and in the use of verb form. Possible causes of grammatical errors made by Chinese learners mastering Russian are substantiated.

Keywords: grammar, grammatical errors, writing, First Certification Level, Chinese learners, Russian language.

Е. В. Маркасова, доктор филологических наук

Пекинский университет, г. Пекин

РУССКИЕ РИТОРИКИ XVII–XVIII ВВ. КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ

Аннотация. Фигура речи представляет собой исторически изменчивую высокочастотную модель соединения языковых элементов, обладающую собственной семантикой и специфическими ограничениями в разных языках. В этом понимании фигуры речи могут считаться конструкциями, имеющими в русском языке различное происхождение и собственные периоды активного использования или консервации. Такой подход позволяет соединить синхронию и диахронию в изучении конструкций и изменить отношение к старым риторикам как к коллекциям заимствованных терминов. Описания фигур речи в риториках XVII–XVIII вв., созданных на начальном этапе формирования отечественного языкознания под влиянием европейской риторической традиции, являются источником информации о межкультурных соответствиях в области передачи семантики грамматическими средствами. Поиск связей между современным состоянием определенной конструкции и ее фиксации в древних риториках должен опираться в первую очередь на образцы ее употребления в риториках, а не на упоминания современных терминов, служащих для ее описания в наше время.

Ключевые слова: фигура речи, русские риторики XVII–XVIII вв., грамматика конструкций, микросинтаксис, языковая типология, история лингвистических идей.

Интенсивное развитие новых лингвистических направлений (корпусной лингвистики, математической лингвистики, грамматики конструкций и др.), сопровождающееся ростом узких специализаций, расширяет пропасть между грамматистами «традиционными» и «не традицион-

ными», между лингвистами-«историками» и лингвистами-«современниками». В этой ситуации важно не утратить связь с историей лингвистической мысли.

Особенно полезными для решения проблем, которыми занимается грамматика, могут быть описания фигур речи в риториках XVII–XVIII вв., созданных на начальном этапе формирования отечественного языкознания. Эти описания имеют прямое отношение к типологическим исследованиям, к диахроническим исследованиям синтаксических конструкций, к изучению грамматики конструкций. Основанием для такого «сопряжения далековатых идей» являются следующие соображения.

1. Современная лингвистика различает «два синтаксиса»: «основной синтаксис языка, включающий относительно небольшое число базовых конструкций, и периферийный, содержащий во много раз большее количество конструкций. Базовые конструкции высокочастотны, неидиоматичны и строятся на основе весьма общих грамматических правил. Каждая из периферийных синтаксических конструкций встречается в текстах значительно реже, чем любая базовая, хотя в целом их частотность весьма высока» [Июмдин, 2006, с. 202]. Именно на основе противопоставления базовых конструкций «периферийным», хотя и в другой терминологии, риторики определяют термин «фигура речи». Фигуры рассматривались как отступления от грамматической нормы, искажение образцовой конструкции, причем статус фигуры означал, что это допустимое нарушение нормы.

2. Ключевым понятием риторики является «фигура речи», в узком смысле понимаемая нами как исторически изменчивая высокочастотная модель соединения языковых элементов, обладающая собственной семантикой и специфическими ограничениями в разных языках. Например, эпимона (иконическая фигура) – повторение имени в разных падежах при едином референте (*Судьба, судьбы, судьбе...*) – невозможна в языках, не имеющих падежей. В русском языке использование полной парадигмы в рамках этой фигуры речи для описания исчерпанности вариантов развития ситуации возможно, но маловероятно в языках с большим количеством падежей (например, в финском или табасаранском). Как и для конструкции, для фигуры речи характерны морфологические ограничения, синтаксические особенности, прагматические функции.

3. Широкое распространение риторик в России начинается в XVII в., т. е. в эпоху становления национальных языков. Все риторики (Риторика Псевдо-Макария (1620); Риторика Михаила Усачева (1699); «Риторическая рука» Стефана Яворского в пер. Ф. Поликарпова (1705); Риторика Феофана Прокоповича (1706); Книга риторского всекраснаго златословия Козьмы Афоноверского (1710); Риторика Софрония Лихуда (1716); Краткое руководство М. В. Ломоносова (1748)) содержат описания фигур речи, опирающиеся на иноязычные источники. Русская риторика получила весь терминологический фонд античных риторик через европейское посредничество (польское, немецкое, французское), но обозначаемые терминами явле-

ния были описаны на материале других языков. Поэтому самым сложным в процессе адаптации иноязычных описаний фигур речи было не определение терминов и даже не поиск русскоязычных эквивалентов (*гипербатон* – *преход речи, преходительное*; *полиптотон* – *многопадежное, гомеотелевтон* – *единокончателное* и пр.), а перевод «прикладов» («экземплюмов») описываемой фигуры [Маркасова, 2024].

Сопоставление исходного и переводного образцов позволяет установить границы возможностей языка-реципиента. Эта идея была впервые высказана в Грамматике Арно и Лансло [Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля, 1990], которая завершалась главой «О фигурах конструкций». Увеличение количества «образцов» и их жанрового разнообразия приводило к росту комментариев к ним. Переводы с латыни и греческого на новые языки вынуждали авторов искать эквиваленты описываемых явлений в других языках, различие грамматических систем привело к расширению взглядов на каждую конкретную фигуру. Так, термин «многопадежие» в русских риториках предполагал, что имеются в виду склоняемые части речи, поэтому применительно к русскому языку этот термин приобретал связь с представлениями о формоизменении имени, а не глагола, не имеющего падежей. Это позволяло рассматривать многопадежие в узком смысле (как фигуру, элементами которой могут быть только именные части речи), но противоречило античным и европейским риторикам.

4. Термины раздела «фигуры речи» в риторике и термины современной грамматики – два разных множества, построенных на разных основаниях. Совпадение терминов (например, анафорическое местоимение в грамматике и в риторике) не означает их синонимии, поскольку для риторики важно было обозначить функцию фигуры, нарушающей грамматическую норму, а для грамматики – описать форму слова, парадигму и контексты. Геминация в лингвистике – удвоение, а в риторике либо удвоение (по данным цюрихского *Corpus Corporum*), либо (в русистике XXI в.) тройной контактный повтор (*тянется дорога, дорога, дорога*). Причем второе значение появилось лишь в конце XX – начале XXI в., и это новое значение вовсе не признак необразованности авторов, а следствие влияния на терминологическую систему живого процесса распространения новой конструкции в художественных текстах [Маркасова, Митрофанова, 2024]. Русские риторы XVII в. такой типа повтора не описывали, хотя он и был возможен в некоторых богослужебных текстах. К нашему времени сложилась и его семантика, и его грамматическое оформление. Это «разновидность микросинтаксических конструкций, а именно, сочинительных конструкций с лексически тождественными частями, характеризующихся нестандартной сочетаемостью в синтагматической цепочке» [Иомдин, 2006, с. 203]. Из этого следует, что в старых риториках нужно искать объекты, которые сейчас входят в понятие микросинтаксиса, а не термины, омонимичные современным.

5. Риторика в описаниях фигур речи идет от семантики, грамматическая форма ей не важна. В грамматике конструкций под конструкцией понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей. Конструкциями считаются языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и содержанием, так что их элементами могут быть и морфемы, и слова» [Лингвистика конструкций, 2010, с. 19]. Это сближает современное понятие **конструкции как «неделимой единицы**, формирующейся под влиянием языковых и культурных факторов» [Лингвистика конструкций, 2010, с. 19], с понятием фигуры речи. Для описания фигуры, как и для описания конструкций, важно следующее: «Все уровни являются взаимосвязанными в том смысле, что никакие элементы или операции не функционируют только на одном из них. Например, нельзя сказать, что данный элемент важен только на синтаксическом уровне, а после того, как заканчивается синтаксическая обработка и начинается, скажем, семантическая, он уже не нужен» [Лингвистика конструкций, 2010, с. 20]. Поэтому, например, при описании тройного контактного повтора нужен анализ частеречного наполнения, семантических групп, морфологических характеристик повторяющихся элементов, количества слогов, типа ударения, синтаксической позиции в рамках предложения, позиции в тексте, а в поэтическом тексте – в строфе.

6. Как современная лингвистика выделяет, например, «конструкции скорости, дистанции, длительности, затруднения деятельности и др. и внутри каждого такого семейства обнаруживается существенное “семейное” сходство» [Лингвистика конструкций, 2010, с. 23], так и среди фигур речи можно выделить семантические группы фигур, обозначающих количество, однообразие, интенсивную работу мысли, застреваемость внимания на определенном объекте, разностороннее восприятие объекта и др. Анализ фигуры речи, как и анализ конструкции, «на различных уровнях происходит не последовательно, а одновременно, и элементы одного из уровней постоянно доступны и могут взаимодействовать с элементами другого уровня» [Лингвистика конструкций, 2010, с. 23].

Примером «семейства» в риторических описаниях могут быть группы фигур, повлиявших на образование в русском языке предикативных конструкций с повтором. Повтор – широкое понятие, для описания которого в риториках используется более тридцати терминов [Historisches ..., 1992; Москвин, 2006]. Тавтологические конструкции могут иметь параллели среди риторических фигур, основанных на семантических отношениях между повторяемыми элементами. Следовательно, описания фигур, в которых эти элементы семантически совпадают (анафора, эпифора, симплока, анадиплосис, редупликация, геминация), мы игнорируем. Критерий семантической неэквивалентности повторяемых элементов позволяет найти образцы фигур, важных для изучения истории предикативных конструкций с повтором. Это *плока (потамест соломон бысть соломон,*

донели же в боголюбии живящие, сиречь потамест бысть премудрый) и антистазис (у безумного господина и слуги, не суть слуги, сиречь заповеди его не слушают) [Усачев, 1699, л. 28об.].

Сопоставление современных данных с описанием фигур речи в риториках позволило выявить влияние готовых образцов на формирование этих конструкций в русском языке и ответить на вопрос, почему начиная с XVII в. указанные типы повторов получают распространение в письменных текстах [Kopotev, Gurin, Markasova, 2024]. Развитие предикативных конструкций с лексическими повторами (PCLRs) оказалось тесно связано с экстралингвистическими причинами (складыванием новых жанров, формированием лингвистического подхода к языку, культурными контактами XVII–XVIII вв.).

7. Как отмечает Е. В. Рахилина, конструкции изменчивы, и «грань между синхронией и диахронией оказывается зыбкой»: «...именно изменчивая природа конструкций как раз и дает возможность языку гибко и плавно изменяться, не теряя связи со своим предшествующим временным срезом» [Лингвистика конструкций, 2010, с. 24]. Если считать фигуры речи разновидностью конструкций, то можно говорить об актуализации одних и угасании других конструкций. Например, синатройзм и гипербатон – конструкции, восстановившиеся в языке в XX в., медитативная геминация (типа *печаль, печаль, печаль*) – конструкция, получившая распространение в лирике с середины XIX в., ораторская геминация (типа *Вставайте! Вставайте! Вставайте!*) – в политической и армейской риторике послереволюционного периода [Свиридов, 2012, с. 114].

Литература

- Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / пер. с фр., коммент. и послесл. Н. Ю. Бокаторовой ; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1990.
- Иомдин Л. Л. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. Междунар. конф. «Диалог-2006». М., 2006. С. 202–206.
- Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М., 2010.
- Маркасова Е. В. Из истории гипербата в русистике // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 82–112.
- Маркасова Е. В., Митрофанова О. А. Геминация (тройной повтор) по корпусным данным // Тр. ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. 2024. Т. 4. С. 41–59.
- Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации : терминологический словарь. М., 2006.
- Свиридов С. В. Формула тройного повтора в трехстопном амфибрахиях // Альманах современной науки и образования. 2012. № 12 (67), ч. 1. С. 111–115.
- Усачев М. Риторика. ОР БАН. Архангельское собр. Д. 481.
- Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Herausgegeben von Gert Ueding / ed. G. Ueding. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1992.
- Kopotev M., Gurin G., Markasova E. Predicative constructions with lexical repetitions in East Slavic languages: Roots and causes // *Constructions with Lexical Repetitions in East Slavic* / ed. by M. Kopotev and K. Kwon. Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton, 2024. P. 35–71.

E. V. Markasova, Doctor of Philology (Beijing)

RUSSIAN RHETORIC OF THE XVII–XVIII CENTURIES AS A SOURCE OF
INFORMATION ABOUT GRAMMATICAL CONSTRUCTIONS

Abstract. The figure of speech is a historically variable, high-frequency model for connecting linguistic elements that has its own semantic meaning and specific limitations in different languages. This understanding of figures of speech allows us to consider them as constructions with different origins in Russian and different periods of active usage or preservation. This approach combines synchrony and diachrony in studying constructions, and changes our attitude towards old rhetoric as a collection of borrowed terms. The descriptions of figures of speeches in the rhetoric of the 17th–18th centuries, created during the initial stages of the formation of Russian linguistics, under the influence of European rhetorical traditions, provide information about interlingual correspondences in terms of how semantics are transmitted through grammatical means. The search for links between the current state of a certain construction and its fixation in ancient rhetoric should be based primarily on patterns of its use in rhetoric, and not on modern terms used to describe it.

Keywords: figure of speech, Russian rhetoric of the XVII–XVIII centuries, grammar of constructions, microsyntax, linguistic typology, history of linguistics.

Е. В. Маринова, доктор филологических наук, доцент

Нижегородский государственный лингвистический университет, г. Нижний Новгород

ВАРИАНТНОСТЬ ФОРМ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА СЛОЖНОСОСТАВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПЕРВЫМ КОМПОНЕНТОМ *РОБОТ*

Аннотация. Рассматриваются вариативные употребления сложносоставных существительных с первым компонентом «робот» в формах винительного падежа. Источник исследования – Национальный корпус русского языка. Варьирование анализируемых единиц является собственно грамматическим, в отличие от лексико-грамматической вариантности многозначных слов типа «разведчик». Варьирующаяся сложносоставная номинация используется с разными окончаниями в формах винительного падежа в одном и том же значении («создать робот-сапер / робота-сапера»). Цель исследования – установить факторы, влияющие на вариативность одушевленности / неодушевленности указанных номинаций. К таким факторам отнесены морфологическая инерция; вариативность слова «робот» как отдельной лексемы; персонификация как общая языковая стратегия в отношении номинации технических устройств; разный характер семантических отношений между частями сложносоставных номинаций, зависящий от одушевленности / неодушевленности второго компонента.

Ключевые слова: одушевленность, русский язык, вариантность, сложносоставные существительные, винительный падеж.

Колебания некоторых русских существительных в форме винительного падежа, обусловленные их неоднозначным отношением к одушевленности / неодушевленности, неоднократно освещались в научной литературе [Ицкович, 1982; Немченко, 1992; Русакова, 2007; Лазуткина, 2014; Конюшкевич, 2024]. В большинстве случаев такие колебания иллюстрируются примерами **многозначных** слов, которые проявляют признаки одушевленного или неодушевленного существительного в зависимости от денотативного значения: *обучаться на разведчика* – *сбить разведчик* (о самолете или дроне); *ловить анчоусов* – *есть анчоусы* (о блюде).

В ХХI в. примеры подобной вариантности – ее можно обозначить как **лексико-грамматическую** – пополнились номинациями из сферы

высоких технологий: *навигатор* (о компьютерной программе, устройстве); *редактор* (об опции в программе Word), *гид* (об аудиогиде) и др. Особый случай грамматической вариантности, на наш взгляд, представляют разные формы винительного падежа слов *робот*, *бот* (<англ. [ro]bot) и *чат-бот*, поскольку их варьирование не связано с полисемией: эти существительные, а также другие номинации, созданные на базе слова *бот* (*промобот*, *Телеграм-бот* и т. д.), используются с разными окончаниями в формах винительного падежа **в одном и том же своем значении**, так же как и составные номинации *голосовой (виртуальный) ассистент*, *гугл-ассистент*, *голосовой помощник*, *цифровой двойник* [Маринова, 2025]. Такой вид вариантности является **собственно грамматическим**, в отличие от предыдущего типа.

Отдельного рассмотрения требуют колебания в винительном падеже как единственного, так и множественного числа **сложносоставных существительных** – двухкомпонентных номинаций, в которых, в отличие от аналитических конструкций типа *шеф-повар*, первое существительное склоняется. Нередко такая вариантность наблюдается даже в пределах одного и того же текста: *Естественная информационная технология имитации символического мышления человека является теоретической базой, позволяющей создавать разумные роботы-антропиды с символическим мышлением... <...> Это позволяет на ее основе создавать разумных роботов-антропидов* (Е. Г. Брындин. Взаимодействие символически мыслящего робота с внешней средой и человеком. Информационные технологии. 28.06.2004).

На примере номинаций с начальным компонентом *робот* (в настоящее время их количество растет, что обусловлено широким внедрением ИИ-технологий во все сферы жизни) мы рассмотрели формы винительного падежа единственного и множественного числа по двум подкорпусам (основному и газетному) Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ; ruscorpora.ru) [Национальный корпус ... , 2024]. Как показывает проведенный анализ, вариантность в формах винительного падежа проявляется независимо от одушевленности (1) – неодушевленности (2) второго существительного в сложносоставном наименовании (ССН). См.:

(1) 1а. *Пожарная команда японского города Иокогама получила новый **робот-спасатель*** (Полтавская виктория 27 июня 1709 года. Наука и жизнь. 2009). – 1б. *Китайцы создали **робота-спасателя*** (Vesti.ru. 07.09.2003);

(2) 2а. *Тогда вооруженные полицейские выломали дверь и обнаружили на полу комнаты **робот-пылесос*** (Россиянин обратился в полицию из-за подгоревшего супа. Lenta.ru. 31.07.2020). – 2б. *Еще 41 % не хотят получить игровую консоль, <...> 28 % – **робота-пылесос*** (Исследование показало, что не стоит дарить на Новый год. РИА Новости. 24.12.2019).

В подавляющем большинстве случаев оба компонента ССН ведут себя одинаково: используются либо как неодушевленные (*отправили **робот-сапер***; *разработали **робот-дезинфектор***; *смонтировали **робот-***

манипулятор, а также 1а, 2а), либо как одушевленные (*осмотрели **роботов-санперов**; заказ на **роботов-дезинфекторов***; [гостями из будущего] называют **роботов-манипуляторов**; см. тж. 1b)⁷, причем одушевленность может п(р)оявиться и у неодушевленного существительного – второго компонента ССН. См.:

(3) *Мама с внуком пойдет в магазин и купит какую-нибудь жуткую игрушку – **робота-трансформера**, например* (Маша Трауб. Не вся la vie. 2008);

(4) *Сразу появилось много желающих играть, и буквально через месяц мы закупили еще три стола, а также ракетки, мячи, **робота-тренажера** и так далее* (Теннисисты спортивного клуба «Елань» стали лучшими в районе. Время Воронежа. 06.11.2015).

С точки зрения нормы, кодифицированной в ортологических словарях (*робот* отмечается как «одуш.»), правильными следует считать формы типа (*создать*) *робота-спасателя* (1b): оба существительных одушевленные, поэтому в винительном падеже они имеют соответствующие окончания. Подчеркнем, что именно такое словоизменение является самым частотным для ССН, второй компонент которых – одушевленное существительное (чаще – личное, реже – наименование животного).

Однако одушевленность таких номинаций противоречит характеру референта (неживой объект), да и истории языка. Обычно если одушевленные существительные используются для обозначения «неживого», они приобретают грамматические признаки неодушевленных, «согласно с логическим понятием о называемых предметах» [Буслаев, 1959, с. 409]. Так, очевидно, и стали возможными формы (*создать*) *робот-спасатель, робот-санпер*. См. также: *Уже на днях в Мурманск из Санкт-Петербурга привезут специальный **робот-водолаз*** (Кольский залив очищают от мусора и затонувших судов. Vesti.ru. 30.06.2016). В [Конюшкевич, 2024, с. 104] приводится в качестве вполне приемлемого, правильного пример *включить **робот-пилот*** (в НКРЯ такую форму мы не обнаружили); при этом отмечается, что неодушевленность второго компонента зависит от значения первого. Действительно, хотя словари единодушно подают слово *робот* как одушевленное, его значение не связано с «живым», что находит отражение и в грамматике: начиная с 1932 г., по данным НКРЯ, слово *робот* (первое употребление в русских текстах фиксируется 1929 годом) встречается и как неодушевленное⁸.

Почему же в подавляющем большинстве случаев для ССН «**робот- + одушевленное существительное**» избирается винительный одушевленный, причем даже если второе существительное обозначает неживой объ-

⁷ Единичный случай – пример 2b, где формы винительного падежа разные (одушевленная и неодушевленная). Не встретились такие несогласованные между собой формы, как (*создали*) **робот-спасателя, *робота-спасатель, *робот-пылесоса*.

⁸ В научной литературе вариантность этого слова впервые отмечена в работах В. А. Ицковича, в частности в [Ицкович, 1982].

ект (*андرويد, киборг, антропoid* ‘искусственно созданный объект, имеющий общие черты с человеком’⁹) или мифологическое существо (*аватар*)? Одна из причин – морфологическая инерция, что хорошо иллюстрирует следующий пример: в статье под заголовком «*Китайцы создали робота-спасателя*» (Vesti.ru. 07.09.2003) слово *робот* использовано как неодушевленное (*Китайские ученые создали **робот**, предназначенный для спасательных работ на море*), однако в самом заголовке форма другая, на что повлияла одушевленность слова *спасатель*. Еще одна причина, скорее, лингвокогнитивного характера. В современную эпоху развитие техники в направлении антропоморфизма становится главным трендом, вследствие чего переосмысливается фундаментальная оппозиция человеческой культуры «человек – машина» [Волков, 2020, с. 745], что находит воплощение в персонифицированных образах техники (см., напр.: *умная колонка Алиса*). Персонификация становится ведущим принципом в номинации человекоподобных технических устройств и программ [Маринова, 2025]. В этом контексте грамматическое поведение слов *робот, андроид, бот* и т. д. («винительный одушевленный») поддерживается аналогичным поведением слов с семой ‘человекоподобное’ (*кукла, марионетка* и под.), одушевленность которых сформировалась ранее.

Кроме того, «превращению» второго компонента из одушевленного в неодушевленное «согласно с логическим понятием о называемых предметах» (*включить робота-пилота – включить робот-пилот*) препятствует тот факт, что в рассматриваемых ССН второе существительное не фразеологизируется в той степени, как например, слово *навигатор* неодуш. (*включить навигатор*) или *дворник* неодуш. (*сменить дворники у машины*), – оно лишь имплицитно выражает идею «выполняющий функции того, кто назван», т. е. играет роль приложения¹⁰, сохраняя первичное лексическое значение, первоначальный смысл личного существительного, и, как приложение, согласуется с предшествующим словом – одушевленным существительным *робот*.

В этом отношении сравним *робот-пилот* (робот, способный управлять самолетом или другим транспортным средством) и *робот-пылесос* (пылесос, предназначенный для автоматической уборки помещений с минимальным участием человека или без него). Референция, отнесенность к родовому понятию оказывается разной; «устройство» ССН с одушевленным и неодушевленным вторым компонентом тоже. В последних главным словом, определяющим семантику номинации в целом, оказывается второй компонент – неодушевленное существительное, а первый компонент *робот-* выполняет роль приложения (ср. *робот-пылесос – роботизированный пылесос*). Поэтому если ССН «*робот-* + одушевленное существи-

⁹ Современное толкование слова дано по: <https://ru.wiktionary.org/wiki>.

¹⁰ О том, что второй компонент в ССН служит «как бы определением к первой части», см.: [Горбачевич, 1989, с. 147].

тельное» чаще всего ведут себя как одушевленные, то ССН *«робот- + неодушевленное существительное»* – как неодушевленные. Ср.: *Во время посещения испытательного полигона в Красноармейске глава правительства осмотрел роботов-разведчиков, роботов-санеров и робот-вертолет* (Путин встретился с боевым роботом-аватаром. Lenta.ru. 20.01.2015).

Для более полного представления об особенностях словоизменения ССН, а также особенностях категории одушевленности планируется рассмотреть ССН, в которых вариативное слово *робот* используется в роли второго компонента.

Литература

- Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. М. : Учпедгиз, 1959.
- Волков В. В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 4. С. 745–759.
- Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М. : Просвещение, 1989.
- Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М. : Наука, 1982.
- Конюшкевич М. И. Категория одушевленности в зеркале функциональной грамматики // Конюшкевич М. И. Избранное. Функциональная грамматика. Реляции. Коммуникация. Гродно : Изд-во ГрГУ им. Янки Купалы, 2024. С. 92–116.
- Лазуткина Е. М. Вариативность в системе грамматических норм современного русского литературного языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 1. С. 223–325.
- Маринова Е. В. Варьирование (не)одушевленности существительных, обозначающих человекоподобные программы // Chinese Journal of Slavic Studies. 2025. № 2.
- Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С. О. Савчук, Т. А. Архангельский, А. А. Бонч-Осмоловская, О. В. Дониная, Ю. Н. Кузнецова, О. Н. Ляшевская, Б. В. Орехов, М. В. Подрядчикова // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.
- Немченко В. Н. Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1998.
- Русакова М. В. Категория одушевленности/неодушевленности: реализация в речи единиц с переносным значением // Acta Linguistica Petropolitana / Тр. Ин-та лингв. исслед. РАН. 2007. Т. 3, № 3. С. 118–153.

E. V. Marina, Doctor of Philology, Associate Professor (Nizhny Novgorod)

VARIATION OF ACCUSATIVE FORMS OF COMPOUND NOUNS WITH THE FIRST COMPONENT *ROBOT*

Abstract. The article considers the variable uses of compound nouns with the first component "robot" in the forms of the accusative case. The source of the research is the National Corpus of the Russian Language. The variation of the analyzed compound nouns is actually grammatical, in contrast to the lexico-grammatical variation of polysemous words such as "razvedchik". Varying compound nominations are used with different endings in the forms of the accusative case in the same meaning ("sozdat' robot-saper/robot-sapera"). The purpose of the study is to establish the factors influencing the variability of animateness / inanimateness of these words. Such factors include: morphological inertia; variability of the word "robot" as a separate lexeme; personification as a general language strategy for the nomination of technical devices; the different nature of semantic relations between parts of composite nominations, depending on the animate / inanimate nature of the second component.

Keywords: animateness, Russian language, variation, compound nouns, accusative.

О. И. Соколова, кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет, г. Владимир

ПЕРЕКРЕЩИВАЮЩАЯСЯ БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫЕ – УТОЧНЯЮЩИЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ»

Аннотация. В статье ставится вопрос о терминологической неточности в обозначении обособленных членов предложения в современной отечественной лингвистической литературе и об отсутствии единой и непротиворечивой системы обособленных членов, поскольку их классификация базируется на разных основаниях. Проанализированы понятия *обособленные*, *полупредикативные* и *уточняющие члены*, отмечено отсутствие единого фундаментального основания традиционного бинарного противопоставления обособленных членов – *полупредикативные* и *уточняющие* (*пояснительные*, *поясняющие*). В результате автор приходит к выводу о необходимости упорядочения системы обособленных членов, поскольку существующая система не учитывает, что все обособляемые члены обладают семантикой добавочного (дополнительного) сообщения, а также обладают долей предикативности, что подтверждается наличием при них экспликаторов темпоральности и модальности; некоторые синтаксические явления могут быть отнесены одновременно к обоим типам обособленных членов (уточняющие и поясняющие определения, обстоятельства).

Ключевые слова: осложненное предложение, обособление, обособленные члены предложения, полупредикативные члены, уточняющие (пояснительные) члены.

В основе терминологии любой области науки лежит *системность*. Все элементы должны быть связаны между собой и встраиваться в иерархию, их наложение, дублирование или пересечение, нечеткость, многозначность недопустимы: «полная определенность значения и устойчивость употребления являются обязательными требованиями к терминам» [Булаховский, 1954, с. 23]. Терминосистема, не соответствующая этим требованиям, не может быть признана устойчивой.

Вопрос о терминологической неточности возникает в связи с существующей традицией представлять *обособленные члены предложения* как бинарную оппозицию, где члены должны быть отнесены либо к *полупредикативным*, либо к *уточняющим* (здесь и далее термин будет использоваться как родовое понятие по отношению к уточняющим и поясняющим членам). Полупредикативные члены «обладают большой информативной нагруженностью», «содержат дополнительное сообщение, сопутствующее сообщению, содержащемуся в распространяемой части предложения, и характеризуются относительной информативной самостоятельностью», уточняющие – «формально зависят от распространяющих членов предложения (исключение – поясняющий оборот с обстоятельственным значением при глаголе-сказуемом) и имеют уточняющий, конкретизирующий характер» [Русская грамматика, 1980, с. 181].

Согласно традиции, идущей от А. М. Пешковского, обособление предполагает интонационную и смысловую выделенность второстепенных

членов предложения [Пешковский, 1956, с. 412–436], другая традиция, идущая от А. Ф. Потебни и А. А. Шахматова, связывает обособление с предикативностью [Потебня, 1958, с. 109; Шахматов, 2001, с. 293–300].

По наблюдению В. И. Фурашова, с точкой зрения которого нельзя не согласиться, «указанное разбиение осуществлено на разных основаниях: полупредикативность понимается как явление конструктивно-синтаксического уровня предложения, а пояснение (уточнение) – как явление логико-синтаксического уровня» [Фурашов, 2010, с. 302].

Обратимся к сфере применения терминов *полупредикативность* и *полупредикативные члены*. Логично предположить, что *полупредикативным* членам должны быть противопоставлены (если учитывать внутреннюю форму слова, легшего в основу термина) структуры с иной долей предикативности, которую нужно каким-то образом исчислить, а не *уточняющие* члены. Так, В. И. Чуглов называет полупредикативные конструкции конструкциями с «неполной предикативностью» [Чуглов, 2015, с. 58].

В практике употребления указанных понятий нет единства. Во-первых, *полупредикативными* называют любые обособленные члены, выделенные по смыслу и интонационно [Грамматика современного русского литературного языка, 1970, с. 643]; «добавочный характер обособленных членов оформляется через полупредикативные отношения» [Валгина, 2003, с. 229 и др.].

Во-вторых, *полупредикативные* члены противопоставляют *уточняющим* («разряд обособленных членов предложения включает два различных по функции типа конструкций: полупредикативные и поясняющие обособленные обороты» [Русская грамматика, 1980, с. 180; см. также: Бабайцева, Максимов, 1987, с. 152; Скобликова, 2012, с. 275 и др.], при этом термин часто употребляется по отношению лишь к обособленным определениям и обстоятельствам, где в качестве строжайшего слова выступает причастие, деепричастие или имя, которые передают сказуемое значение. В «Русской грамматике» 1980 г. указано: «В отличие от полупредикативных оборотов, обособление поясняющего оборота зависит не от грамматической природы его главного слова, а от других факторов» [Русская грамматика, 1980, с. 180].

При выстраивании оппозиции отмечается, что полупредикативные члены обладают семантикой добавочного (дополнительного) сообщения, но нередко лингвисты понятиями «добавочное сообщение», «дополнительная характеристика» определяют и ту, и другую группу обособленных членов [Бабайцева, Максимов, 1987, с. 158; Валгина 2003, с. 242; Современный русский язык, 2007, с. 477; Скобликова, 2012, с. 272 и др.]. Например, в этом и подобных примерах: Где ваша невеста... *то бишь бывшая жена*? (А. Мацанов) – пояснительный член вносит добавочное сообщение, без которого смысл предложения будет иным, поэтому считать указанный признак дифференцирующим нет оснований.

Кроме того, анализ языкового материала показывает, что экспликатеры полупредикативности (соотносительного времени, сопутствующей модальности и персональности) могут иметь и уточняющие члены, и выделительно-ограничительные обороты: *Во времена моей молодости все, кто меня окружал, ну, может, кроме нескольких идиотов или мерзавцев, знали, что за ними какая-то вина, и скрывались* (Л. Улицкая); *Лариса Павловна отворила дверь в свою комнату и вошла, и молодой человек вошел тоже, то есть, вернее, ступил ногою внутрь комнаты* (А. Житинский). Особенно показательны в этом отношении обособление членов со значением пояснения при сказуемом [Соколова, 2019].

Не могут существовать и явления вне системы, поэтому представляется необоснованным исключение из типологии обособленных членов осложняющих оборотов *как прежде, как всегда, как исключение* и под., оборотов *не что иное как* и под., оборотов *с как и* со значением уподобления, которые нередко вообще не осмысляются теоретически, а встречаются лишь в справочниках по орфографии и пунктуации (например, в справочнике под ред. В. В. Лопатина [Правила..., 2009] все они рассмотрены как разновидности сравнительных оборотов).

Неустойчиво и место *сравнительных оборотов*, поскольку они могут быть соотнесены с любыми членами предложения [Прияткина, 1990, с. 87–88; Лекант, 2004, с. 200; Современный русский язык, 2007, с. 476 и др.]. Так, в «Русской грамматике» 1980 г. они рассмотрены в разделе «Союзные конструкции, совмещающие в себе признаки простого и сложного предложения», некоторые из них имеют «потенциальную предикативность» [Русская грамматика, 1980, с. 176], а также как разновидность обособленных обстоятельств [Валгина, 2003, с. 136]. По мнению ряда исследователей, их следует рассматривать как *особое синтаксическое явление* [Лекант, 2004, с. 200; Черемисина, 2020], они являются собой переходный случай между простым и сложным предложением [Синтаксис современного русского языка, с. 200–201].

Нечетко в системе обособленных членов обозначено место парцелированных и присоединительных конструкций / членов [Валгина, 2003, с. 242–244, 259–265; Современный русский язык, 2007, с. 477 и др.].

Неустойчиво место оборотов, чаще всего обозначаемых как *ограничительно-выделительные*, иногда называемых «обособленными словами или группами слов с предлогами *кроме, помимо, сверх, вместо* и под.» [Грамматика русского языка, 1960, с. 657], «обособленными оборотами со словами *кроме, помимо* и др.» [Бабайцева, Максимов, 1987, с. 160], обособленными оборотами со значением включения, исключения, замещения [Валгина, 2003, с. 241] или даже «обособленными дополнениями» [Современный русский язык, 2007, с. 475]. Показательно, что исследователи часто не относят их к полупредикативным [Скобликова, 2004, с. 253; Распопов, Ломов, 1984, с. 263].

Некоторые синтаксические явления могут быть отнесены одновременно к обоим типам обособленных членов, таковы уточняющие и пояснительные определения и обстоятельства. Такие «наложения» встречаются в лингвистической литературе: *Я шел к вам с чистыми побуждениями, с единственным желанием – делать добро* (А. Чехов) – инфинитивы рассматриваются и как разновидность несогласованных определений, и как уточняющие (пояснительные) члены; обособленный (!) поясняющий адъективный оборот «представляет собой словосочетание с главным словом – прилагательным, которое синтаксически зависит от существительного (согласуется с ним), а по смыслу поясняет, уточняет предшествующее ему прилагательное: *Светлые, почти белые волосы прилипли к потному лбу, к ушам, к шее, местами подгорели и порыжели* (С. Залыгин)» и др. примеры [Русская грамматика, 1980, с. 186; Валгина, 2004, с. 243].

Сделанные наблюдения имеют целью показать, что выделение уточняющих членов в качестве особого типа обособленных членов нецелесообразно, поскольку все обособленные члены обладают семантикой добавочного (дополнительного) сообщения; уточняющее значение могут иметь и согласованные, и несогласованные определения, и приложения, и обстоятельства; обособленные члены могут иметь при себе экспликативы полупредикативности. Бинарная оппозиция членов оказывается перекрещивающейся, что нарушает создание стройной системы обособленных членов предложения.

Литература

- Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык : учеб. для студентов пед. ин-тов. М. : Просвещение, 1987. Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация.
- Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М. : Учпедгиз, 1954.
- Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис : учебник. 4-е изд., испр. М. : Высш. шк., 2003.
- Грамматика русского языка. Т. 2 : Синтаксис. М. : АН СССР, 1960.
- Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1970.
- Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 2004.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М. : Учпедгиз, 1958.
- Правила русской орфографии и пунктуации : полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М. : АСТ, 2009.
- Прияткина А. Ф. Синтаксис осложненного предложения : учеб. пособие. М. : Флинта, 2019.
- Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984.
- Русская грамматика. Синтаксис. Т. 2 / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980.
- Синтаксис современного русского языка / под ред. С. В. Вяткиной. СПб. : СПбГУ, 2009.
- Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М. : Флинта, 2012.
- Современный русский язык : учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / под ред. П. А. Леканта. М. : Дрофа, 2007.
- Соколова О. И. Пояснительные члены при глаголе-сказуемом // Семантика языковых единиц в разных типах речи : сб. ст. Междунар. науч. конф. / под науч. ред. Е. Н. Лагузовой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 176–181.
- Фурашов В. И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир : ВГТУ, 2010.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. 1. Учение о предложении и о словосочетаниях. М. : Эдиториал УРСС, 2001.

Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка: сложные сравнительные конструкции с союзом «как» и с модальными союзами. М. : URSS, 2020.

Чуглов В. И. Полупредикативные атрибутивные образования, осложняющие простое предложение // Русский язык в школе. 2015. № 8. С. 56–61.

О. I. Sokolova, Doctor of Philology, Associate Professor (Vladimir)

INTERSECTING BINARY OPPOSITION "SEMPREDICATIVE VS. CLARIFYING TERMS OF A SENTENCE"

Abstract. The article raises the issue of terminological inaccuracy in the designation of isolated members of a sentence in modern Russian linguistic literature and the lack of a unified and consistent system of isolated members, since their classification is based on different grounds. The concepts of isolated, semipredicative and clarifying terms are analyzed, and the absence of a single fundamental basis for the traditional binary opposition of isolated terms – semi-predicative and clarifying (explanatory, explanatory) – is noted. As a result, the author comes to the conclusion that it is necessary to streamline the system of isolated members, since the existing system does not take into account that all isolated members have the semantics of an additional (additional) message, and also have a share of predictivity, which is confirmed by the presence of explicators of temporality and modality; some syntactic phenomena can be attributed simultaneously to both types of isolated members (clarifying and clarifying definitions, circumstances).

Keywords: complicated sentence, separation, isolated members of a sentence, semipredicative members, clarifying (explanatory) members.

Л. Н. Спиридонова, старший преподаватель

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ НАУЧНОГО СТИЛЯ РЕЧИ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ НА ЭТАПЕ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Аннотация. Изучаются особенности изучения частей речи и грамматических категорий иностранными учащимися в период обучения на подготовительном факультете. В частности, актуальность выбранной темы обусловлена языковой спецификой и трудностями на начальных вводно-предметных уроках по научному стилю речи для будущих филологов и лингвистов. Конкретизируются основные темы, семантика слов, задания и те грамматические сложности, с которыми встречаются иностранные обучающиеся, и определяются пути их преодоления. Результаты исследования могут быть использованы при составлении учебных пособий по научному стилю речи, электронных образовательных ресурсов, при создании обобщающих методических работ по РКИ.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, грамматические формы и категории, языковые сложности, довузовская подготовка.

Одну из основных грамматических трудностей для иностранных слушателей, приступающих к изучению научного стиля речи по своему будущему направлению «Филология» или «Лингвистика», представляет усвоение ими правильного понимания и определения частей речи, их грамматических категорий, изменения форм и, безусловно, употребление

в письменной и устной научной речи. Целью данной работы является обзор основных моментов в изучении иностранцами ключевых тем по частям речи, описание возникающих проблем, разработка практических заданий и методов преодоления трудностей понимания терминологии и ее использования. По аналогии с многогранностью и широтой медицинской лексики можно сказать словами методистов-исследователей: «Язык специальности необычайно разнообразен по сферам применения: здесь и строгий язык медицинской науки, и богатый пласт общеупотребительной лексики, и необходимые навыки особенностей коммуникативного поведения в общении с больными разных социальных и возрастных групп» [Алгунова, Сафонова, Аширова, 2018, с. 131]. Язык филологической направленности также включает в себя сложную специальную лексику, профессионально ориентированные компоненты и работу с научными лингвистическими текстами, к примеру, по курсу «Современный русский язык».

Первая часть вводно-предметных уроков по научному стилю речи включает восемь уроков. На последнем, итоговом занятии предполагается контрольный тест по пройденным темам и чтение текста с устными ответами по заданиям. Уроки имеют четкую структуру и выдержаны в рамках единой схемы Grammar: теоретическая и лексико-практическая части. В начале каждого занятия предлагается список коммуникативных интенций, чтобы подготовить к чтению, пониманию и воспроизведению учебных материалов. Для этого используются различные способы семантизации новой лексики: толкование слов, комментарий, перевод, лингвистическая догадка, контекст, осмысление связей с другими словами. К основным понятиям и ключевым темам относятся следующие:

1. Части речи и обобщенное значение.
2. Самостоятельные и служебные части речи.
3. Имя существительное: основные категории.
4. Имя прилагательное: полные и краткие формы.
5. Местоимение: основная характеристика.
6. Глагол: категория лица и числа. Спряжение.
7. Глагол: категории времени и вида.
8. Наречие: основная характеристика.

Частой ошибкой изучающих русский язык, особенно на начальном этапе, является неразличение глаголов, например, *знать*, *мочь*, *уметь*. При изучении категорий времени и вида в глаголах хорошим наглядным материалом являются таблицы, где обозначена разница в употреблении и предупреждение возможных ошибок. Отталкиваясь от этих примеров и таблиц, учащиеся переходят к освоению теоретической базы и лингвистических терминов. Или при изучении служебных частей речи можно остановиться на различиях союзов *и*, *а*, *но*, чтобы на конкретных примерах повторить их употребление, а затем перейти к рассмотрению групп предлогов и частиц.

Запоминание лексики обеспечивается за счет ее повторяемости в специальных упражнениях. Таким примером может служить работа по дифференциации нарицательных и собственных имен существительных.

Прочитайте и выпишите в таблицу имена собственные и имена нарицательные: Деревня Универсиады, мороженое, Россия, улица, Алекс, поликлиника, Борис, остановка, Андрей, метро, Мария Ивановна, площадь, А. С. Пушкин, поэт, «Война и мир», дедушка, «Мурзик», озеро, Нил, грамматика, учебник «Удачи!».

Задания не только опираются на текстовый материал, но и направлены на разностороннее усвоение конкретной научной темы. Они ориентированы на закрепление новой лексики и ее переход в активный лексический запас, а также на овладение основными конструкциями научной речи. С этой целью предложены упражнения, развивающие умение вычленив нужную информацию из текста, вставить необходимый по смыслу предикат, закончить предложение, ответить на вопросы. Как отражено в словаре, активный грамматический минимум – это набор грамматических средств, обязательных для усвоения и обеспечивающих определенный уровень владения продуктивными видами речевой деятельности [Балыхина, 2006, с. 21].

Среди особых трудностей, возникающих при работе с новыми словами или словосочетаниями, можно выделить функционально-стилистическую маркированность лексики. Регулярно на начальных уроках нужно обращать внимание на различия в употреблении нейтральных, разговорных слов и научных понятий. Кроме того, в предложенном ниже задании хорошо остановиться на рассмотрении краткой и полной форм прилагательных. Для более продвинутых групп необходимо показать словообразовательные модели: *хорош*, *плох*, *вкус**Ен*, *интерес**Ен*, *длин**Ен* или *слад**Ок*, *уз**Ок*. Менее сильные учащиеся должны понять основное отличие в образовании и использовании этих форм на некоторых конкретных примерах.

Прочитайте предложения. Найдите слова, которые используются только в научном стиле. Выпишите эти слова.

1. Имена прилагательные дают характеристику предметам с разных сторон:

- по цвету: *черный*, *белый*, *красный*;
- по вкусу: *вкусный*, *сладкий*, *кислый*;
- по качеству: *интересный*, *хороший*, *плохой*;
- по форме: *круглый*, *длинный*, *узкий*;
- по величине: *большой*, *маленький*, *крупный*;
- по состоянию: *старый*, *грустный*, *больной*;
- по возрасту: *старший*, *младший*, *старый*.

2. Форма имени прилагательного в речи зависит от имени существительного.

3. Имена прилагательные употребляются при именах существительных и имеют тот же род, число и падеж, как и имя существительное.

Следует отметить, что предлагаются задания на развитие когнитивных способностей и навыков систематизации. Примерами формулировок могут служить следующие:

- отметьте в тексте имена собственные и нарицательные;
- распределите слова по частям речи, напишите вопросы к ним;
- используя информацию из текста, составьте небольшую памятку о местоимении;
- объясните своему другу, как образуются три формы времени на примере глагола *быть*;
- придумайте примеры с глаголами совершенного и несовершенного вида, задайте вопросы одноклассникам.

Теоретический материал и многие задания построены от простого к сложному: добавляются новые грамматические конструкции и терминологическая лексика. В качестве примера можно рассмотреть текст о признаках существительного. На основе ранее пройденной по русскому языку темы о разделении существительных по родам, учащимся предлагается лексико-теоретический материал, связанный с практическим заданием.

Прочитайте текст и ответьте на вопросы.

У каждой части речи есть свои признаки. Имена существительные могут быть одушевленными (отвечают на вопрос *кто?*) и неодушевленными (отвечают на вопрос *что?*). Имена существительные принадлежат к одному из трех родов: мужскому роду (*стол, санаторий, ключ, дождь*), женскому роду (*книга, Таня, аудитория, ночь*), среднему роду (*озеро, море, здание*).

У имени существительного можно определить род. Для определения рода существительного задаем вопрос: *чей?* Если мы отвечаем: *он мой* – это существительное мужского рода. Если мы задаем вопрос: *чья?* И отвечаем на него: *она моя* – это существительное женского рода. Если к существительному мы задаем вопрос: *чьё?* И отвечаем: *оно моё* – это существительное среднего рода.

В качестве домашнего задания предлагается ответить на вопросы и придумать примеры:

1. Как определить мужской род имен существительных?
2. Как определить женский род имен существительных?
3. Как определить средний род имен существительных?
4. Как определить имена одушевленные и неодушевленные?

Другие более сложные задания предполагают составление плана маленького текста и его пересказ по этому плану, т. е. готовят будущих студентов к воспроизведению текста в устном или письменном формате. Как точно подмечено, именно «сочетание различных видов деятельности, блочная организация меняет формат занятия, его структуру, содержательную емкость» [Евтюгина, 2016, с. 35].

Морфологический материал дается на синтаксической основе в виде сегментов моделей и организован таким образом, чтобы составить представление о некоторых наиболее употребительных способах выражения

характеристики предмета или явления, классификации явления, субъектно-предикативных отношений. Используются задания для отработки навыков владения синонимичными синтаксическими конструкциями. Например, при изучении темы о прилагательных есть задание на выбор синонимичных и антонимичных слов и словосочетаний.

Имена прилагательные имеют антонимы и синонимы. Распределите слова в две колонки: хороший ≠ плохой, интересный ≠ скучный, большой = огромный, узкий ≠ широкий, больной = нездоровый, дешевый = недорогой, больной ≠ здоровый, важный = главный, интересный = занимательный.

Текстовый материал, использованный на учебных занятиях, способствует профессиональной ориентации студентов, так как в нем содержится информация, которая составляет базовые сведения для филологического образования. В учебных текстах и заданиях представлена краткая характеристика частей речи русского языка с целью повторения и закрепления изученного грамматического материала.

Таким образом, в ходе вводно-предметных занятий проводится работа сразу в трех направлениях: формируются языковые навыки, происходит освоение лексико-грамматического минимума по научному стилю речи и закрепляются умения по чтению и анализу научных текстов. Практика показывает, что все грамматические трудности преодолимы, если объединить системно-функциональный подход с различными видами комментирования.

Литература

Алгунова Ю. В., Сафонова А. С., Аширова Г. Методологические подходы в обучении языку специальности иностранных студентов медицинских вузов // Актуальные проблемы изучения и преподавания РКИ в вузе: современные тенденции билингвального образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тверь : ТГУ, 2018. С. 130–136.

Балыхина Т. М., Игнатьева О. П. Словарь терминов и понятий лингводидактической теории ошибки. М. : Изд-во РУДН, 2006.

Евтюгина А. А. Информационные технологии: новые возможности в методике преподавания // Новые информационные технологии в образовании : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2016. С. 33–36.

L. N. Spiridonova, Senior Teacher (Kazan)

GRAMMATICAL DIFFICULTIES IN STUDYING SCIENTIFIC STYLE WITH A FOREIGN LANGUAGE AUDIENCE AT THE PRE-UNIVERSITY LEVEL (FROM THE PRACTICAL EXPERIENCE)

Abstract. In the present paper are revealed the features of learning by foreign students parts of speech and grammatical categories during the study at the preparatory faculty. The relevance of the topic is conditioned by specific and difficulty at the beginning lessons of Scientific Style of Speech for future philologists and linguists. The main themes, words semantic, tasks and grammatical difficulties, that foreign students receive and overcome, are specified by the author. The materials of the paper could be used as a base for study handbooks, electronic educational resources, and methodical manuals for Russian as a Foreign Language.

Keywords: Russian as a foreign language, grammatical forms and categories, language difficulties, pre-university training.

Э. Ф. Файзуллина, кандидат филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ СЛОВЕСНОМ И РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Представлен сравнительный анализ выражения временных категорий глагола в русском словесном и русском жестовом языках. Показано, что в отличие от словесного языка, где время действия закрепляется в морфологической структуре глагола, в русском жестовом языке временные значения реализуются через кинетические и пространственные параметры: направление, скорость, повторяемость движения. Приведены примеры, демонстрирующие функциональное соответствие между двумя системами, а также особенности РЖЯ, такие как использование жестового пространства для обозначения прошлого и будущего. Исследование подтверждает, что русский жестовый язык представляет собой самостоятельную лингвистическую систему, способную точно передавать информацию о времени, несмотря на отсутствие традиционных морфологических форм.

Ключевые слова: русский жестовый язык, грамматические категории, жестовая коммуникация.

Введение. Русский жестовый язык как самостоятельная лингвистическая система развивался в течение длительного исторического периода, главным образом на протяжении XIX–XX вв. Сегодня его функционирование подчиняется строгим языковым законам и выходит за рамки простого невербального общения представителей сообщества глухих. В ходе формирования были выработаны собственные правила РЖЯ, способы выражения лексических и грамматических значений, механизмов передачи информации. В отличие от словесных языков, русский жестовый язык для выражения значений использует зрительно-пространственные и кинетические средства: отсутствие фонем и грамматических окончаний компенсируется движением, пространством, направлением и / или повтором жеста. Однако, несмотря на принципиальные различия, оба языка сопоставимы не только с точки зрения содержания, но и по функциональному назначению. В рамках статьи особое внимание будет уделено глагольной системе, поскольку именно глагол выступает основным носителем временного значения в речевом акте. Сравнение позволит выявить, каким образом разные модальности влияют на организацию грамматических категорий и какие средства используются для передачи одного и того же значения в разных языковых системах.

Результаты и обсуждение. Ориентация действия во времени является одной из ключевых функций глагольной системы в любом языке, будь то устная или жестовая коммуникация. Если в словесном языке категории времени закреплены в форме самого слова (*читал, читаю, буду читать*), то в РЖЯ они вынесены за пределы жеста и реализуются через кинетические и пространственные параметры.

Действие, относящееся к прошлому, может быть обозначено двумя способами:

- использование отдельного временного маркера, такого как жесты «было», «всё», «раньше». Они ставятся после основного глагола и указывают на временной промежуток, в котором происходило событие. Например, в прошедшем времени глагол *рассказать* помимо замедленного исполнения требует дополнительного жеста «давно» / «было»;

- замедление скорости исполнения глагольного жеста в определенной плоскости, например, ближе к телу, что визуально создает эффект законченности и удаленности во времени. Например, если жест «читать» выполняется медленно, с остановкой в конечной точке, он может восприниматься как эквивалент совершенного вида глагола в форме прошедшего времени.

Настоящее время в русском словесном языке выражается через глагольные формы, имеющие специфические морфологические признаки: глаголы изменяются по лицам и числам, что позволяет точно определить субъект действия, например он *читает*, мы *делаем*, она *учится*. Значение настоящего времени может быть усилено словами *сейчас*, *прямо сейчас*, *в данный момент*, но это не является обязательным условием, так как само слово уже содержит временную ориентацию.

В русском жестовом языке настоящее время часто подразумевается по умолчанию, особенно если контекст высказывания связан с текущей ситуацией. Например, если глухой человек показывает жест «читать» один раз, без дополнительных модификаций, это может означать, что действие происходит именно сейчас. Однако допустимы и более точные указания, особенно в сложных или формальных конструкциях:

- если имеется необходимость подчеркнуть актуальность действия, используются жесты типа «сейчас», которые могут быть помещены как до, так и после основного глагола: например, «сейчас + читать» или «читать + сейчас»;

- если делается акцент на самом процессе, что соответствует несовершенному виду в словесном языке, то настоящее время может быть обозначено длительной траекторией движения, которое будет обозначать непрерывающееся действие, происходящее именно в момент общения.

Будущее время в русском словесном языке выражается двумя основными формами: простое будущее время (он *прочитает*) и сложное будущее время (он *будет читать*), где первая форма указывает на завершенность действия, а вторая – на его процесс. В обоих случаях глагол изменяется по лицам и числам, что обеспечивает точную связь между действием и субъектом: я *буду ждать*, вы *пойдете*, мы *сделаем*. Возможно усиление значения будущего времени за счет слов *завтра*, *в ближайшие дни*, при этом глагольная форма остается главным носителем временного значения.

В русском жестовом языке будущее время также может быть передано двумя способами: через отдельный временной маркер или модифи-

кацию самого глагольного жеста. Чаще всего используется жест «буду», «завтра» или «потом», которые устанавливают временную ориентацию высказывания до того, как будет показан сам глагол. Например, последовательность «завтра + читать» означает, что действие произойдет в конкретном будущем: точно завтра. Однако РЖЯ допускает и более тонкое выражение будущего, связанное с направлением движения, например, жест может быть направлен вперед от тела, что символизирует продвижение во времени. Также возможна предварительная подготовка руки, когда перед началом основного жеста показывается движение, предвещающее дальнейшую коммуникацию. Такие приемы позволяют передать не только факт будущности действия, но и степень его определенности или вероятности. Это особенно заметно в сложных предложениях, где необходимо выразить условные или зависимые формы будущего: в таких случаях РЖЯ может использовать жестовые аналоги модальных конструкций, которые передают возможность, необходимость или обещание выполнения действия в будущем.

Особый интерес представляет использование маусинга – звукоими-тирующих элементов, выполняющих семантическую функцию при передаче в том числе и временного значения. Как правило, маусинг применяется молодыми носителями языка. Жестовая цепочка может сопровождаться звуками /МП-МП-МП/, усиливающими значение завершенности действия. Если же событие еще не произошло, жест «еще нет» может сопровождаться маусингом /О-О-О/, четко обозначающим отсутствие действия во времени [Ильичева, Файзуллина, 2024, с. 172]. Конструкция /ЭКЗАМЕН МП-МП-МП/ будет переведена как «Экзамен сдал», а /ЭКЗАМЕН О-О-О/ – «Еще не сдавал». Примечательно, что представители сообщества глухих, используя письменный русский язык, могут включать в текст сообщений звукоподражательные маркеры: «экзамен мп-мп-мп» вместо «экзамен всё». В указанных примерах маусинг выступает как немануальный компонент, который делает смысл высказывания более доступным для восприятия.

Закключение. Сравнение категории времени глагола в русском словесном и русском жестовом языках показывает, что, хотя система времен в РЖЯ организована иначе, чем в устной речи, она выполняет те же функции и отвечает тем же целям – обеспечить точность, ясность и контекстуальную целостность сообщения. Отсюда можно сделать вывод о том, что временные категории являются универсальной чертой языка, независимо от способа его материализации. Вместе с тем стоит отметить, что значение времени в РЖЯ не всегда требует явного указания путем использования конкретного жеста. Вместо грамматических форм кинетические и пространственные параметры жестового языка точно передают, произошло ли это действие, происходит сейчас или произойдет в будущем. Такой подход подтверждает, что язык может быть организован вне

звуковой модальности, сохраняя при этом универсальные функции, присущие всем естественным языкам.

В практике сообщества глухих носители РЖЯ активно используют классификаторы, так называемые жесты-склейки, помогающие определить форму действия, его длительность и временную ориентацию. Например, конструкция /МАМА МАГАЗИН ХЛЕБ КУПИТЬ/ интерпретируется как действие, происходящее в настоящем времени, в случае если нет явного указания на прошедшее или будущее. Если же к данной последовательности добавляются жесты «уже», «всё», «было» – МАМА МАГАЗИН ХЛЕБ КУПИТЬ ВСЁ, значение становится более точным и соответствует завершённому действию в прошлом: «Мама купила хлеб». Конструкция же /МАМА МАГАЗИН ХЛЕБ КУПИТЬ БУДЕТ/ указывает на действие в будущем. Таким образом жестовый язык компенсирует отсутствие флексий и частиц «визуальной грамматикой».

Особенности РЖЯ открывают возможности для пересмотра понимания морфологии вне рамок фонетического канала и позволяют рассмотреть язык как систему, где грамматические значения могут быть выражены через движение, пространство и динамику, а не только через словоформу. Понимание этих механизмов имеет как теоретическое, так и практическое значение: открывает возможности для создания двуязычных программ и разработки технологий автоматического перевода текстов на РЖЯ.

Литература

Ильичева Т. Е., Файзуллина Э. Ф. Возможности взаимодействия глухих/слабослышащих и слышащих людей с использованием современных технологий // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 166–177.

Комарова А. А. Зачем изучать лингвистику РЖЯ // За жестовый язык-2 / сост. А. А. Комарова, В. А. Паленный. М., 2023. С. 92–96.

Комарова А. А. Немного о русском языке и РЖЯ // За жестовый язык-2 / сост. А. А. Комарова, В. А. Паленный. М., 2023. С. 103–107.

Паленный В. А. МГЛУ о жестовой поэзии // За жестовый язык-2 / сост. А. А. Комарова, В. А. Паленный. М., 2023. С. 140–142.

E. F. Fayzullina, Candidate of Philology, Associate Professor (Kazan)

COMPARATIVE STUDY OF TEMPORAL VERB CATEGORIES IN SPOKEN RUSSIAN AND RUSSIAN SIGN LANGUAGE

Abstract. This article presents a comparative analysis of the expression of temporal categories in verbs within spoken Russian and Russian Sign Language (RSL). It demonstrates that, unlike spoken language, where temporal distinctions are encoded morphologically – as evidenced by verb forms such (читал, читаю, буду читать) RSL conveys temporal meaning through kinetic and spatial parameters, including movement direction, speed, and repetition. Examples are provided that illustrate functional parallels between the two systems, as well as distinctive features of RSL, such as the use of signing space to represent past and future reference. The study confirms that Russian Sign Language constitutes an independent linguistic system capable of accurately conveying temporal information, despite the absence of traditional morphological markers.

Keywords: Russian Sign Language, grammatical categories, verb tense, gesture-based communication.

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В статье с использованием полевой модели словообразовательной категории (СК) и на материале преимущественно из русского языка рассматриваются наиболее типичные динамические процессы, характерные для СК как системы формантов с одним и тем же словообразовательным значением (например, агентивности, диминутивности, процессуальности, орудийности и т. д.). К таким процессам относятся конкуренция формантов в рамках одной СК с повышением продуктивности одних единиц и снижением вплоть до полной утраты продуктивности других; субъектификация формантов и ее связь со снижением продуктивности; переход формантов из одной СК в другую в результате семантического сдвига; возникновение новых формантов с тем же самым значением в результате нанизывания и последующего слияния формантов; возникновение новых формантов на основе заимствования, т. е. выделения одних и тех же сегментов в заимствованной лексике; возникновение формантов с новыми словообразовательными значениями, не имевшимися ранее в данном языке и, таким образом, возникновения новых СК.

Ключевые слова: словообразование, деривация, словообразовательная категория, словообразовательное значение, аффикс, морфема, словообразовательный формант, русский язык.

Введение

Настоящая статья продолжает исследование закономерностей функционирования словообразовательной категории (СК) как системы маркеров одного и того же словообразовательного значения, опираясь на результаты предыдущих работ: [Фуфаева, 2017; Фуфаева, 2019; Фуфаева, 2020а; Фуфаева 2020b; Фуфаева, 2024а; Фуфаева, 2024b; Фуфаева, 2025а, Фуфаева, 2025b].

Примером маркеров одного и того же словообразовательного значения могут служить русские форманты агентивности *-ист*, *-ник*, *-щик*, *-арь*, *-тель*, *-ак*, *-ец*, *-овец* и пр., например, в существительных *таксист*, *новостник*, *мойщик*, *писарь*, *деятель*, *рыбак*, *ясновидец*, *омоновец* и пр.

Примером словообразовательного значения, выражаемого разными маркерами, может служить упомянутое значение агентивности, а также многие другие значения, напр., значение женскости у франц. сущ. *editrice*, *hôtesse*, в которых оно выражается суффиксами *-ice*, *-esse*, или значение процессуальности у русских сущ. *рубка*, *вырезание*, *косьба*, *гуглеж*, в которых оно выражается суффиксами *-к(а)*, *-аниџ(е)*, *-б(а)*, *-ѐж*.

В данной работе ставится цель выделить и проиллюстрировать на различных примерах наиболее общие процессы, регулярно происходящие в рамках любой конкретной СК, такие, как, например, конкуренция формантов, семантические и прагматические сдвиги самих формантов, возникновение новых формантов с данным значением из тех или иных типичных источников.

СК представляются в данной работе с помощью полевой модели [Нещименко, Гайдукова, 1994], описывающей СК как структуру, состоящую из ядра, включающего самые продуктивные показатели, и периферии, состоящей из нескольких зон. В рамках полевой модели можно представить все динамические процессы, происходящие внутри СК как системы формантов, а также процессы, действующие больше, чем одну категорию, например, переход форманта из одной СК в другую в случае развития у него семантического сдвига.

Конкуренция словообразовательных формантов

Наиболее распространенным процессом и языковой универсалией в исследуемой сфере представляется конкуренция разных показателей выражения одного и то же словообразовательного значения за обслуживание большего количества производящих основ и различных типов производящих основ. В ходе конкуренции продуктивность одних формантов растет, количество ограничений их продуктивности (фонетических, семантических и пр.) снижается, т. е. они обслуживают все больше разнообразных типов основ. Продуктивность конкурирующих единиц снижается, количество ограничений на их продуктивность растет. Конкуренция отражает также в самом формировании ограничений на продуктивность.

В рамках полевой модели конкуренция формантов описывается как миграция одних единиц из ядра на периферию, иногда до полного исчезновения из структуры, а других – в обратном направлении.

Позиции формантов в конкуренции выявляются при обслуживании ими неологизмов, т. е. образовании новых слов от новых основ. Примером длительной конкуренции в русской СК *Nomina Diminutiva* могут служить отношения между суффиксами *-ик* и *-ок / -ек / -ёк*. Второй на протяжении ряда столетий снижает продуктивность, а первый наращивает, что отражается не только в обслуживании суффиксом *-ик* все широкое фонетического спектра основ, например, *билетик*, ср. древнее *городок*, но и в образовании даже диминутивов на *-ик*, парных уже существовавшим единицам: *годок* – *годик*, *часок* – *часик*, *зубок* – *зубик*, *роток* – *ротик* и пр., где первые компоненты сейчас воспринимаются как более архаичные, а некоторые, напр., *коток*, *гвоздок*, *лобок* ‘лобик’ уже вытеснены. Сейчас *-ок / -ек / -ёк* обслуживает, как правило, только основы на заднеязычные финали [Кукушкина, 2016, с. 243], т. е. фонетические ограничения его продуктивности стали жестче, возможности образовывать диминутивы сузились. Далее, есть признаки его вытеснения уже и в суженной сфере использования; так, диминутивы от неологизмов *блог*, *фейсбук* не только орфографически часто пишутся как *бложик*, *фейсбучик*, но и в косвенных падежах в суффиксе гласных не исчезает: *в бложике*, *в фейсбучике*, что говорит о том, что они образованы именно с помощью *-ик*. Ср. также новое *сырик* при традиционном *сырок*. Таким образом, несмотря на множество старых диминутивов на *-ок*, этот формант все более явно вытесняется на периферию СК *Nomina Diminutiva*. В результате конкурен-

ции вытеснены на периферию СК суффиксы *-ец, -иц(а)*, ср. застывшие *ла-рец, зубец, птица*.

Для некоторых формантов итогом конкуренции становится полная утрата продуктивности; таким является, например, древний маркер процессуальности *-б(а)*, оставшийся только в таких старых существительных, как *резьба, пальба, гульба, стрельба, свадьба, учеба* и пр.

Субъектификация формантов

Под субъектификацией форманта понимается его трансформация из маркера нейтрального словообразовательного значения в средство экспрессивного словообразования и способ выражения субъективно-оценочного отношения к денотату лексемы. Примером такой эволюции служит трансформация русского суффикса *-арь* из нейтрального агентивного маркера (*точить – токарь*) в экспрессивный и / или стилистически сниженный агентивный (*очки – очкарь*, шутовское или пренебрежительное, разговорное, фиксируется с 1930-х, откуда далее *очкарик*) и далее в экспрессивный модификационный, не меняющий лексического значения и частеречной принадлежности производящего слова, добавляющий исключительно субъективное отношение к денотату (*хиппи – хипарь*, разговорное, пренебрежительное, жаргонное). Подробности эволюции см. [Фуфаева, 2025].

Такая трансформация происходит с формантами, вытесненными на периферию СК, являясь одним из следствий конкурентной борьбы.

Форманты, ставшие более редкими, тем самым становятся менее обычными. Неоднократно отмечена связь экспрессивности и необычности, ср. замечание В. К. Харченко: «Экспрессивное в языке выступает как нерегулярное, нетипичное и поэтому необычное, свежее, выразительное» [Харченко, 1976, с. 21]. Аналогично высказывалась Е. М. Галкина-Федорук в статье «Об экспрессивности и эмоциональности в языке» [Галкина-Федорук, 1958].

Субъектификация форманта *-арь* связана с утратой продуктивности в нейтральном словообразовании, возможно, в связи с появлением и активизацией суффиксов *-щик, -льщик, -ист* и пр., прекращением адаптации заимствований по модели на *-арь*, как *секретарь* (из ср. лат. *Secretarius*) в пользу других моделей. Прагматические сдвиги в значениях отдельных слов на *-арь*, например, *штукарь* 'фокусник' → 'мошенник', могли повлечь негативные / иронические коннотации у аффикса. В книге академика В. В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове», написанной в 1930-е гг. [Виноградов, 2001], суффикс упоминается как непродуктивный; при этом примерно тогда же возникает жаргонное экспрессивное *технарь*, вошедшее впоследствии в общенародный язык, затем *блатарь, хипарь, гопарь* и пр.

Переход формантов из других словообразовательных категорий

Словообразовательный формант может развить в результате семантического сдвига новое значение и с ним пополнить периферию другой

СК, где у него может развиваться экспрессивность, возможность выражать оценочность, стилистическая маркированность.

По-видимому, семантический сдвиг форманта становится итогом ряда однотипных семантических сдвигов отдельных образований с этим формантом.

Так, некоторые образования с общеславянским именным суффиксом *-от(a)* (также отмеченным В. В. Виноградовым в упомянутой работе как непродуктивный), с прямым значением отвлеченного качества, ср. *высота, красота, нагота* и пр., развивали переносное значение собирательности ‘некто или нечто с таким качеством, обычно о людях’. Этот сдвиг, по-видимому, происходил с отдельными словами еще на общеславянской стадии, ср. *голота* ‘голытьба’ от *голый*, буквально ‘нагота’, чешский когнат которого *holota* сохранил оба значения.

Аналогичные изменения происходили и в русском языке. Так, слово *мелкота* в XVII–XVIII вв. можно встретить в значениях ‘мелкость’, ‘мелочь’, ‘люди с низким статусом’. *Беднота* исходно обозначало ‘бедность’, встречаясь в этом значении еще в нач. XX в., о «...бедноте многих наших университетов» пишет Д. И. Менделеев в своем труде «Заветные мысли», завершеном в 1905 г. В нынешнем собирательном значении, судя по Национальному корпусу русского языка (ruscorpora.ru) [Национальный корпус ..., 2024], одним из первых его стал употреблять Глеб Успенский во 2-й пол. XIX в. в словосочетаниях типа *столичная беднота, переселенческая беднота*.

Ряд аналогичных сдвигов при однотипной негативной семантике основ, провоцирующей возникновение пренебрежительной окраски, по-видимому, и привел к развитию собирательно-пренебрежительного значения у самого аффикса, когда лексемы стали образовываться сразу с этой семантикой, а не развивать ее в качестве переносной: *Бродяги мы с тобой, – сказал он хмуро и задумчиво. Сволота несчастная... побирушки...* (И. А. Бунин. Весенний вечер (1914)); *Какую комбинацию я могу создать из этой вишивоты, что осталась в моем чемоданчике?* (Венедикт Ерофеев. Москва-Петушки (1970)); *Не было, пожалуй, в городе неформала, который не получал бы от гопоты «для профилактики», но были веселенькие случаи, когда жертвам удавалось сделать длинные ноги или откупиться* (Аргументы и факты, 1995.08.09).

Взрыв продуктивности аффикса, по-видимому, кратковременный и связанный с речевой модой, наблюдается в XXI в., начиная с раннего этапа функционирования соцсетей, когда суффикс активно образует собирательно-пренебрежительные обозначения самых разных групп людей, в основном используемые в интернет-речи: *школота* ‘школьники’, *подписота* ‘подписчики блога’, *либерота* ‘либералы’, *политота* ‘1) политики; 2) политическая тематика, тексты’, *админота* ‘администраторы соцсети’ и пр. Таким образом, суффикс развил как новую семантику, так и новую прагматику.

Нанизывание и слияние словообразовательных формантов

Словообразовательные категории пополняются и за счет генерации новых, не существовавших ранее формантов; как показывает изучение динамики тех или иных СК, типичным механизмом этого служит слияние двух существующих формантов. Предпосылкой слияния последовательности формантов в одно целое служит появление ряда образований, включающих эти последовательности, а часто и вытеснение ими своих производящих слов, которые включают только первый формант. Здесь может иметь место два случая:

а) слияние двух формантов с одним и тем же словообразовательным значением;

б) слияние двух формантов с разными словообразовательными значениями.

В результате слияния первого типа возник, например, русский диминутивный суффикс *-чик* из последовательности диминутивных суффиксов *-ец* + *-ик*. От диминутивов на *-ец*, таких, как *малец*, *стулец*, *лимонец*, *супец* очень часто образовывались диминутивы второй ступени с суффиксом *-ик*, в которых диминутивность была усиленной, более выразительной. С учетом чередований *ц / ч*, *е / о* получались формы *мальчик*, *стульчик*, *лимончик*, *супчик*. Оба типа диминутивов вступали в конкуренцию, и в большинстве случаев диминутивы на *-ец* вытеснялись. Суффикс *-чик* стал восприниматься как единый суффикс диминутивности и использоваться для образований диминутивов напрямую [Фуфаева, 2020b].

В результате слияния второго типа возник, например, суффикс этнонимов женского рода *-анк(а)* / *-янк(а)* из последовательности суффикса этнонимов *-ан-* + *-к(а)*: *китайка*, *чукчанка* и пр. при стандартном образовании этнонимов женского рода на *-к(а)*. Новый аффикс позволил избежать омонимии, провоцируемой суффиксом *-к(а)* (с *китайка*, *гречка* и пр.) и скопления групп согласных в случае основ, кончающихся на группу согласных: *чукча* [Фуфаева, 2025b].

Займствование иноязычных формантов

Система показателей определенного словообразовательного значения может пополняться за счет иноязычных формантов. Примером может служить последовательное заимствование рядом европейских языков, включая русский, показателя агентивности, восходящему к *греч. -istés*, см. рус. *-ист* < фр. *-iste* < лат. *-ista* < греч. *-istés*.

Такие форманты могут не сохранять значение, имевшееся у оригинальных единиц в языке-доноре, меняя и значение, и даже принадлежность к тому или иному классу служебных морфем. Это напрямую вытекает из самого способа заимствования аффиксов, который отличается от способа заимствования лексических единиц. Аффиксы выделяются языковым сознанием говорящих из ряда заимствованных слов, если те воспринимаются носителями языка-реципиента как имеющие одинаковое словообразовательное значение и форму. Ключевым фактором заимство-

вания словообразовательного форманта является то, что в некотором ряду лексем он воспринимается носителями языка-реципиента именно как новый формант с определенным понятным значением.

В XVII–XVIII вв. в русский язык из европейских языков заимствовались многочисленные агентивы, и иногда – образованные от них феминитивы: верхнем. *Doktorsche, Generalsche*, франц. *héroïne, actrice, impératrice* и пр. Сопоставление заимствованного агентива и феминитива позволяет воспринимать сегмент, отличающий феминитив от агентива, как показатель женскости, при этом адаптация этих лексем происходила различно. В случае *императрица* французский суффикс был переосмыслен как русский феминитивный суффикс *-иц(а)*, как в *царица*; далее заимствованные феминитивы с аналогичной структурой адаптируются на *-ица*: *актриса* и пр., причем этот новый суффикс так и не обрел продуктивность. В случае *докторша, генеральша* верхненемецкий суффикс адаптировался как суффикс *-ш(а)*, пополнил русскую СК Nomina Feminativa и стал высокопродуктивным в обслуживании заимствованных основ, ср. *авторша* и пр. [Шанский, 1959, с. 230; Фуфаева, 2020].

Хрестоматийным случаем смены аффиксом значения и принадлежности к классу морфем в языке-реципиенте является англ. и фр. *omnibus* (далее *bus*) из лат. *omnibus*, DatPl от лат. *omnis* ‘каждый’.

Возникновение формантов с новым значением

Появление новых СК обусловлено появлением хотя бы одного форманта с новым значением, таким, которых до сих пор не существовало. Примером может служить сегмент *-бус*, обретший в русском языке значение ‘общественный транспорт’. Еще в начале XIX в. была заимствована упомянутая выше лексема *omnibus*: *Журнал «Фигаро» предлагает нынешним тринадцати кандидатам нанять для сих разъездов один **омнибус**, по шести су на каждого бессмертного* (А. И. Тургенев. Хроника русского (1825–1826)). С заимствованием в начале XX в. лексемы *автобус*, судя по ударению, через польский (при этом восходящей, видимо, к сокращению французского словосочетания *automobile omnibus*), а затем и *троллейбус*, появились предпосылки к восприятию в русском языке *-бус* как словообразовательного форманта; с его помощью в самом русском языке образовалось *электробус* (1940-е). *Аэробус* встречается в дореволюционной прессе: *В Гендоне (в Лондонском графстве) строится большой **аэробус** на 10 пассажиров* (За границей. Телеграммы наших корреспондентов (11.02.1911) // «Русское слово», 1911), но, возможно, было образовано заново в 1970-е.

Заключение

В статье рассмотрены ключевые динамические процессы, характерные для словообразовательных категорий (СК) как систем формантов с общим словообразовательным значением. На материале русского языка показано, что такие процессы, как конкуренция формантов, их субъектификация, переход между категориями, нанизывание и слияние, а также

заимствование иноязычных элементов, играют важную роль в эволюции СК. Особое внимание уделено полевым моделям, которые позволяют наглядно представить структурные изменения внутри категорий, например, миграцию формантов между ядром и периферией. Исследование демонстрирует, что динамика СК тесно связана с семантическими и прагматическими сдвигами, а также с внешними языковыми влияниями. Полученные результаты подчеркивают универсальный характер этих процессов, что открывает перспективы для дальнейшего изучения других словообразовательных категорий в различных языках.

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. М. : Рус. яз., 2001.
- Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию: В. В. Виноградову в день его 60-летия. М. : Изд-во МГУ, 1958. С. 103–124.
- Кукушкина О. В. Морфонология современного русского литературного языка. М. : Издательство Московского университета, 2016.
- Минеева З. И. Активные процессы в деривации неоагентов в современном русском языке (1960–2016 гг.): структурно-семантический и прагматический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород : Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2017.
- Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С. О. Савчук, Т. А. Архангельский, А. А. Бонч-Осмоловская, О. В. Донина, Ю. Н. Кузнецова, О. Н. Ляшевская, Б. В. Орехов, М. В. Подрядчикова // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.
- Нещименко Г. П., Гайдукowa Ю. Ю. К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения словообразования славянских языков. М., 1994. С. 93–125.
- Фуфаева И. В. Образование новых диминутивных суффиксов в старорусском и современном русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы VI Междунар. конгр. исследователей рус. яз. 2019. С. 195–196.
- Фуфаева И. В. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М. : Corpus, 2020a.
- Фуфаева И. В. Метафора малого. Русские диминутивы. М. : Изд. центр РГГУ, 2020b.
- Фуфаева И. В. Семантические переходы словообразовательного значения «уменьшительность» на материале русского языка // Семантические переходы в языках мира : материалы к лингв. форуму. М., 2024a. С. 221–232.
- Фуфаева И. В. Динамические процессы внутри словообразовательных категорий: стеновый доклад // Первый Евразийский конгресс лингвистов. Москва, 9–13 дек. 2024 г. М., 2024b.
- Фуфаева И. В. От рыбака до хиппаря. Субъективизация морфем как разновидность прагматического сдвига // Проблемы семантики и прагматики языковых единиц разных уровней в эпоху больших языковых данных : материалы конф. Калуга, 28–29 июня 2025 г. 2025a. (в печати).
- Фуфаева И. В. Китайка и бразильянка. Возникновение нестандартной модели русских этнонимов женского рода // Вестник РГГУ. 2025b. (в печати).
- Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 21–24.
- Шанский Н. М. О словообразовательных связях и происхождении суффикса -ш-(а) // Вопросы теории и истории языка : сб. в честь проф. Б. А. Ларина. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. С. 228–234.

I. V. Fufaeva, Candidate of Philology (Moscow)

**GENERAL REGULARITIES OF FUNCTIONING
OF WORD-FORMATION CATEGORIES. BASED ON THE MATERIAL
OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

Abstract. The article, using a field model of a word-formation category (WC) and material primarily from the Russian language, examines the most typical dynamic processes characteristic of a WC as a system of formants with the same word-formation meaning (e.g., agentivity, diminutivity, processuality, instrumentality, etc.). Such processes include competition of formants within one WC with an increase in the productivity of some units and a decrease, up to and including a complete loss, of the productivity of others; subjectification of formants and its connection with a decrease in productivity; the transition of formants from one WC to another as a result of a semantic shift; the emergence of new formants with the same meaning as a result of stringing and subsequent merging of formants; the emergence of new formants on the basis of borrowing, that is, the allocation of the same segments in borrowed vocabulary; the emergence of formants with new word-formation meanings that did not previously exist in a given language and, thus, the emergence of new WCs.

Keywords: word formation, derivation, word-formation category, word-formation meaning, affix, morpheme, word-formation formant, Russian language.

СЕКЦИЯ 2

ГРАММАТИКА ДИСКУРСА

Е. Е. Бурова, кандидат филологических наук
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПАУЗАЦИЯ КАК СДЕРЖИВАЮЩИЙ ФАКТОР СИНТАКСИЧЕСКОЙ РЕКУРСИИ

Аннотация. Статья посвящена явлению паузации в контексте действия правил синтаксической рекурсии. Известно, что синтаксическая рекурсия довольно хорошо проявляется в письменном дискурсе. Целью нашего исследования является выявление особенностей проявления синтаксической рекурсии в устном неподготовленном тексте. Материалом исследования служат два глубинных интервью, представляющие собой устный дискурс нарративного типа. Рассматриваемые глубинные интервью характеризуются разной степенью спонтанности порождаемой речи, так как одно из них содержит рассказ-«пластинку», т. е. информацию, часто повторяемую говорящим. Как показал анализ, в тексте, характеризующемся меньшей степенью неподготовленности, паузы оформляют большие по объему отрезки речи, которые являются законченными в информативном отношении полипредикативными конструкциями, включающими в себя несколько пропозиций. Тот факт, что сложные синтаксические конструкции произносятся без пауз, является, по нашему мнению, свидетельством рекурсивности порождаемой речи. В интервью, характеризующемся большей степенью спонтанности, паузы оформляют сегменты, обладающие информативной незавершенностью. Эти отрезки невозможно разделить на несколько полноценных предикативных единиц. Таким образом, паузация препятствует разворачиванию пропозиции и в какой-то степени действию правил синтаксической рекурсии.

Ключевые слова: устный дискурс, синтаксическая рекурсия, пауза, звучащая речь, устный неподготовленный монолог.

Термин **рекурсия**, используемый в математике и программировании, в лингвистической науке ассоциируется со способностью языка порождать вложенные синтаксические структуры. Наглядным примером рекурсии является стихотворение «Дом, который построил Джек» [Гордей, 2011, с. 18]. Таким образом, язык может породить потенциально бесконечное предложение.

Явление синтаксической рекурсии довольно хорошо проявляется в письменном дискурсе. Конструируя предложение, продумывая его структуру, пишущий может легко расширить его с помощью «нанизывания» придаточных: *Петя любит яблоки → Маша знает, что Петя любит яблоки → Миша догадался, что Маша знает, что Петя любит яблоки →*

Миша, который догадался, что Маша знает, что Петя любит яблоки, любит апельсины. Первое предложение становится частью второго, второе – частью третьего и т. д.

В связи с этим представляют интерес особенности проявления синтаксической рекурсии в устном неподготовленном тексте, в ситуации, когда у говорящего нет возможности длительного обдумывания структуры сообщения.

Известно, что устный дискурс, в отличие от письменного, с трудом сегментируется на предложения. Более типичной единицей сегментации здесь является элементарная дискурсивная единица (ЭДЕ), которая выделяется преимущественно на основании коммуникативно-просодических критериев [Рассказы о сновидениях ..., 2009; Коротаев, 2015]. Таким образом, локальная структура устного дискурса представляет собой цепочку следующих друг за другом ЭДЕ.

Мы же, говоря о рекурсии, попытаемся проследить поведение синтаксических структур в контексте явления паузации. Для этого проанализируем свойства отрезков звучащего текста, выделенных паузами. В качестве материала используем тексты двух глубинных интервью, являющихся частью проекта кафедры русского языка и общего языкознания ИГУ «Устная история Иркутска».

Эти интервью, как представляется, отличаются друг от друга степенью неподготовленности речи. Первое (далее – интервью с М. С.), как было показано в [Бурова, Рачёва, Чекмез, 2022], включает в себя рассказ-«пластинку», т. е. сюжет / информацию, часто повторяемую говорящим в различных ситуациях. Степень спонтанности текста, таким образом, снижается, многократно воспроизведенная история способствует большей плавности порождения речи. Второе интервью (далее – интервью с Д. Д.) не характеризуется признаками, связанными с феноменом «пластинки».

Пауза в звучащем тексте играет особую роль. Она является сигналом так называемого просодического шва, т. е. «абстрактного показателя границы между просодическими составляющими, который имеет определенное фонетическое (акустическое) воплощение с возможной вариативностью, а также перцептивные корреляты в виде субъективного ощущения определенной степени автономности смежных слов и групп слов в звучащем тексте» [Кривнова, Князев, Моисеева, 2016, с. 8]. Следует учитывать, что, согласно экспериментальным данным, не любой перерыв в речи воспринимается человеком как физическая пауза. Паузой можно назвать остановку длительностью примерно от 200 миллисекунд (0,2 секунды) [Кривнова, 2007, с. 21]. Именно поэтому при работе с эмпирическим материалом в качестве пауз рассматриваются только те перерывы в порождении текста, которые превышают 0,2 секунды.

Теперь обратимся к анализу свойств сегментов, выделенных паузами.

Вначале приведем примеры из интервью с М. С. в их орфографической и пунктуационной записи. Стоит обратить внимание на то, что у

данного говорящего паузы оформляют большие по объему отрезки речи. Это свидетельствует об отсутствии трудностей при порождении высказывания, о плавности дискурса, что, несомненно, связано с упомянутым выше феноменом «пластинки», который, в свою очередь, указывает на меньшую спонтанность текста.

(1) Закончил, обратно же в эту часть пришел, был командиром стрелковой роты.

(2) Мы переходили линию фронта, у меня пять взводов было.

(3) Вот нам дали отдыхать, и вот в это время меня сфотографировали в газету.

(4) Ну, и потом несколько раз тоже ходили в тыл, выполняли задания. В газетах это у меня вот сохранились. Если хотите, я вам покажу потом газету.

(5) А они говорят: «А о себе почему не рассказываете?». Я говорю: «Обо мне расскажут тогда, когда меня, может быть, не будет».

(6) Я бы вам показал, что действительно мне девяносто.

(7) Если я скажу, что страшно, то значит это я трус буду.

(8) И уже чувствуешь, у тебя осталось две цели.

(9) Уничтожить противника и остаться живым.

(10) Меня из-под Старой Руссы вывезли в Красноярск, я шесть месяцев в госпитале пролежал.

С точки зрения традиционного синтаксиса все приведенные выше сегменты являются законченными в информативном отношении полипредикативными конструкциями, включающими в себя несколько пропозиций. Особенно объемными являются примеры (4) и (5). Если ориентироваться на синтаксические критерии, то сегмент (4) можно разделить на три предложения, одно из которых является сложноподчиненным, состоящим из двух предикативных единиц, а сегмент (5) делится на фрагменты, содержащие прямую речь и косвенную. М. С. оформляет чужую речь и свою речь в прошлом как прямую, используя глагол говорения. В примерах (4), (5), (6), (7) мы имеем дело с вложенными синтаксическими структурами в виде придаточных предложений. Тот факт, что настолько сложные в синтаксическом отношении конструкции произносятся как сплошной текст, без единой паузы, является наиболее показательным, так как здесь с особой отчетливостью проявляется рекурсивность порождаемой говорящим речи.

Иная картина обнаруживается в интервью с Д. Д. Для данного говорящего не характерно произнесение длинных речевых отрезков, паузы в его речи довольно частотны, что приводит к возникновению коротких, часто однословных, сегментов. Тем не менее несколько значительных по продолжительности отрезков в анализируемом тексте обнаружить все же удалось. Приведем примеры.

(1) И в каждой комнате по одному и двое, а у меня было...

(2) Идешь по городу, спросишь – тебе...

- (3) *Мы ее перерабатывали и посылали.*
 (4) *Сделали хорошие посадки, и город начал...*
 (5) *...коротко. А давайте, вопросы задавайте, я Вам расскажу.*
 (6) *Названия, если нужно будет, у меня они дома есть.*
 (7) *...пять лет тому назад построили. Это все начал делать Салацкий, продолжил его Говорин.*
 (8) *...не только людям отдыхать, ходить по улицам там, наслаждаться...*
 (9) *Все идут, всё это праздник, конечно.*
 (10) *Улицы появляются новые, вот и присваивайте им звания это, если нужно.*

Нетрудно заметить, что большинство отрезков обладает информативной незавершенностью: начало сегмента не совпадает с началом синтаксической конструкции (примеры 5,7,8) либо завершение сегмента не совпадает с завершением синтаксической конструкции (примеры 1,2,4). Руководствуясь синтаксическими критериями, мы не сможем разделить такие сегменты на несколько полноценных предикативных единиц. Одна часть обязательно будет неполной. Очевидно, что говорящий в этих случаях испытывает трудности при порождении речи. Паузы здесь замедляют выстраивание возможных вложенных структур, указывают на сложности с осуществлением предикации, конструированием пропозиции. Наличие вложенных синтаксических структур можно наблюдать в примерах (6) и (10). В обоих случаях они представляют собой условные придаточные предложения.

Таким образом, паузация в большинстве приведенных примеров из интервью с Д. Д., которое, по всей видимости, характеризуется большей степенью спонтанности, чем интервью с М. С., препятствует развертыванию пропозиции и в какой-то степени действию правил синтаксической рекурсии.

Литература

- Бурова Е. Е., Рачёва А. А., Чекмез У. Э. Рассказ-«пластинка» vs спонтанный нарратив в свете сопоставительного анализа языковых особенностей // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 5. С. 48–68.
- Гордей А. Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. : в 2 ч. Минск : Белорус. дом печати, 2011. Вып. 5, ч. 1. С. 18–26.
- Коротаев Н. А. Коммуникативно-просодический подход к выявлению элементарных дискурсивных единиц в устном монологическом тексте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог». М. : Изд-во РГГУ, 2015. Вып. 14, т. 1: Основная программа конференции. С. 294–307.
- Кривнова О. Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли»: опыт теоретико-экспериментального исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. Наук : 10.02.19. М., 2007.
- Кривнова О. Ф., Князев С. В., Моисеева Е. В. Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2016. № 4. С. 7–33.

Е. Е. Бурова, Candidate of Philology (Irkutsk)

PAUSING AS A RESTRAINT FACTOR OF SYNTACTIC RECURSION

Abstract. The article examines the phenomenon of pausing in the context of syntactic recursion. Syntactic recursion is well known to manifest itself in written discourse. The aim of our study is to identify the specific manifestations of syntactic recursion in unprepared oral text. The research material consists of two in-depth interviews, representing narrative oral discourse. The in-depth interviews under consideration are characterized by varying degrees of spontaneity, as one of them contains information frequently repeated by the speaker. Analysis has shown that in texts characterized by a lesser degree of unpreparedness, pauses form longer sections of speech, which are complete, polypredicative constructions that include several propositions. The fact that complex syntactic constructions are pronounced without pauses, in our opinion, is evidence of the recursive nature of the speech produced. In interviews, characterized by a greater degree of spontaneity, pauses frame segments that are informationally incomplete. These segments cannot be divided into several fully-fledged predicative units. Thus, pausing hinders the development of a proposition and, to some extent, the operation of the rules of syntactic recursion.

Keywords: oral discourse, syntactic recursion, pause, sounding speech, unprepared oral monologue.

Ю. А. Васильева, кандидат филологических наук, доцент

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭРГОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ Г. АСТРАХАНИ)

Аннотация. Изучаются структурно-семантические модели эргонимов Астрахани. Объектом исследования стали региональные эргонимы, формирующие ономастическое пространство города. В качестве источника материала использовано 120 русскоязычных однословных номинаций, зафиксированных в результате непосредственного наблюдения. Сделаны выводы о реализации такого способа номинации, как онимизация, выделены модели неморфемной и морфемной деривации при образовании названий коммерческих объектов от лексем-апеллятивов. Наиболее продуктивными являются способы аффиксации и сложения основ, с помощью которых образуются оригинальные наименования городских коммерческих объектов. Непродуктивными способами являются функциональная транспозиция фразеологизма и редупликация. Онимизация апеллиатива является самым продуктивным способом структурно-семантической онимизации. Структурно-семантические способы образования эргонимов, основанные на неморфемной и морфемной деривации, порождают модели, отражающие словообразовательные процессы современного русского языка.

Ключевые слова: региональный эргонимикон, вторичная номинация, онимизация апеллиатива, морфемная и неморфемная деривация, аффиксация.

Существует множество номинаций, включающее собственные наименования внутригородских объектов: магазинов, банков, торговых центров, кафе, ресторанов, спортивных и культурных заведений, организаций, фирм

и т. п. Эта система номинаций относится к периферийным разрядам онимов, постоянно пополняется новыми именами собственными, поэтому изучается в конкретное историческое время в том или ином языке, городе. Объектом нашего исследования стали региональные эргонимы, формирующие ономастическое пространство города. Мы сделаем выводы о реализации такого способа номинации, как онимизация, и выделим структурно-семантические модели эргонимов Астрахани. В качестве источника материала было использовано 120 русскоязычных однословных номинаций, зафиксированных в результате непосредственного наблюдения.

Способы словообразования в сфере эргонимии «по-разному востребованы современным языком. Уровень их продуктивности колеблется от единиц до миллионов» [Романова, 2007, с. 213]. Н. В. Подольская выделяет два основных способа образования собственных имен: семантическую и грамматическую онимизацию [Подольская, 1988, с. 92]. К структурно-грамматическим способам относятся морфологический (изменение морфемной структуры производящего слова) и лексико-синтаксический (в форме словосочетаний и предложений). Онимизация апеллятива является самым продуктивным способом структурно-семантической онимизации.

В астраханском эргонимиконе были выделены модели неморфемной и морфемной деривации при образовании номинативных единиц от лексем-апеллятивов. Неморфемная деривация связана с использованием нарицательных существительных и слов других частей речи в начальной форме, т. е. непроемных лексем.

Онимизация имени существительного – способ вторичной номинации, при котором отапеллятивные однословные наименования мотивированы именем существительным в форме им. п. ед. ч.: *кафе «Изба»*, *магазин «Хищник»*, *аптека «Апрель»*, *отель «Щука»* и др. Имена существительные и слова других частей речи, становясь эргонимами, приобретают онимное значение вместо первичного, т. е. переносное лексическое значение на основе ассоциаций, вызываемых апеллятивом.

Трансонимизация в сфере астраханской эргонимии происходит с использованием антропонимов и топонимов. В качестве деривационной базы выступают в основном личные имена. Большинство астраханских эргонимов этой группы имеют в качестве мотивирующей базы женское имя собственное: *трапезная «Аль-Маидат»* (женское имя персидского происхождения), *салоны красоты «Алиса»*, *«Елена»*, *«Сафира»*, *«Ясмينا»*, *«Софья»*, *парикмахерские «Мила»*, *«Милена»*, *«Светлана»*, *аптеки «Надежда»*, *«Татьяна»*, *студия красоты «Николь»* и др. Номинативные модели с мужскими именами встречаются реже и включают предлог «у», отсылая к имени владельца: *закусочная «У Романа»*, *кафе «У Саида»*, *«У Ваню»*, *шашлычные «У Малика»*, *«У Эйваза»*, *столовая «У Петровича»*. На базе известных широкой аудитории антропонимов создаются эргонимы, воспринимаемые в качестве символа: *студия красоты «Клеопатра»*, *спа-клиника «Исида»*, *баня «Емеля»*, *агентство юридических услуг «Фемиды»*.

да», магазин товаров для отдыха и рыбалки «Посейдон», салон красоты «Афродита», магазины «Зевс», «Ной», салон свадебной моды «Феврония», магазин медицинской одежды «Эскулап», студия красоты «Нефертити». Представляется, что номинаторы стремятся персонифицировать именуемый коммерческий объект, а также актуализировать в сознании реципиентов культурные ассоциации, связанные с именем известного человека: кафе «Тарантино», караоке-клуб «Синатра», бар «Чаплин», кафе итальянской кухни «Челентано», массажный салон «Монро», ресторан восточной кухни «Аль-Фараби» (сокращение имени восточного философа и ученого Х в.), гостиница «Гагарин», мебельный салон «Шекспир» и др. Функция таких названий мемориальная, однако не всегда личное имя информирует о номенклатурной специфике названного им объекта. Часто номинаторы рассчитывают только на способность имени вызывать у потенциальных клиентов определенную ассоциацию, эмоциональную реакцию, и мотивированные именами собственными эргонимы становятся пустыми символами.

Названия, мотивирующей базой которых выступают топонимы, также имеют место среди астраханских эргонимов: кафе и рестораны «Майами», «Евразия», «Баку», «Пекин», «Япония», «Шанхай», «Бавария», «Анталья», «Стамбул», «Бристоль», «Дагестан», «Аракс» (река в Закавказье), «Ленкорань», «Маракеш», «Люксембург», «Палермо», «Сен-Тропе», «Африка», «Лондон-Париж», бар «Дублин», караоке-клуб «Чикаго» и др. Эти эргонимы актуализируют ассоциации с известными в социокультурном пространстве городами и странами.

Онимизация субстантивированного прилагательного: центр детского развития «Запятая»; эргонимы «Шашлычная», «Раковарня-Чебуречная», «Хинкальная», «Блинная», «Хлебничная», «Чебуречная», «Букетная» содержат коммерческое обозначение и тип заведения, указываая на ассортимент предлагаемых товаров.

Функциональная транспозиция других частей речи в эргоним. При онимизации слова разных частей речи приобретают грамматические свойства имени, служащего для называния объекта. Процесс онимизации по сути идентичен субстантивации – «переходу в разряд имен существительных других частей речи (прилагательных, глаголов, причастий и др.) вследствие приобретения ими способности непосредственно указывать на предмет (а не только через его признак и т. п.)» [Ахманова, 1966, с. 451].

Онимизация (следовательно, субстантивация) затрагивает разные части речи:

а) имена прилагательные: спортивный комплекс «Звёздный», фото-студия «Цифровой», торговый дом «Канцелярский», магазин детской одежды «Рыжий», детский сад «Невинные», детский центр «Добрый», магазины «Кроваткино», «Коляскино», «Алёнушкино», «Сковородкино»;

б) наречия: столовая «Вкусно», магазины «Вместе», «Отовсюду»;

в) глаголы: пекарни «Выпекай», «Едим», парикмахерская «Стрижём», детский центр «Познавайка» и магазин «Обожжайка» (императив

глагола + суффикс -к- со значением лица); *компания-грузоперевозчик «Отвозим»*;

г) междометия и частицы (звукоподражательные и выражающие эмоции): *магазин детской обуви «Топ-Топ»*, *магазины «Айда»*, *«На-ка»* и т. п.

Функциональная транспозиция фразеологизма: *пирожковая «С пылу с жару»*, *ателье «С иголочки»*. Эти номинации соотносятся с наращениями, так как онимизации подвергаются неразложимые сочетания слов, т. е. «готовые единицы языка, функционально соотносимые со словом» и обладающие «единым грамматическим значением, соотносимым с определенными частями речи» [Русский язык, 1979, с. 382, 379].

При морфемной, или словообразовательной, деривации эргонимы образуются в результате изменения морфемной структуры производящего аппеллятива.

Приведем основные способы образования эргонимов.

Аффиксация. В однословных отапельлятивных эргонимах выявлены единицы с суффиксами со значением уменьшительности: *кафе «Огонёк»*, *ювелирный магазин «Золотко»*, *магазин детских товаров «Солнышко»*, *детские центры «Лингвистёнок»*, *«Букварёнок»*, *центр развития интеллекта «Пифагорка»*, *клининговая компания «Хозяюшка»*, *столовая «Вкусняшка»*, *кафе «Минутка»*, *туристическое агентство «Путёвочка»*, *свадебный салон «Колечко»*, *кондитерская «Карамелька»*, *магазины «Астраханочка»*, *«Домовёнок»*, *базы отдыха «Ивушка»*, *«Дубравушка»*, *«Росинка»*, *«Бережок»*, *«Хуторок»*, *«Волжанка»*, *детский центр «Дракоша»*, *мебельный салон «Калинка»*, *магазин стройматериалов «Саморезов»*. Некоторые эргонимы относятся к числу образованных комбинированным способом (аффиксация + плюрализация): *комиссионный магазин «Менялочки»*, *бар «Котики»*, *столовая «Вкусняшки»*, *магазины «Ангелочки»*, *«Мультишки»*, *зоосалон «Хвостики»*, *учебный центр «Пифагорики»*, *база отдыха «Дубки»*.

Плюрализация (образование эргонима от существительного во мн. ч.): *магазины детских товаров «Непоседы»*, *«Шалуны»*, *база отдыха «Тополя»*, *магазины «Хозтовары»*, *«Продукты»*, *«Котлы»*. Интересным в структурно-семантическом плане представляется название детского бассейна *«Аквапузики»*: *аква* (первая часть сложных слов, обозначающая отнесенность к воде) + *пузики* (множественное число диминутива от лексемы *пузо*). В процессе онимизации аппеллятива номинаторы могут использовать лексемы во множественном числе или с аффиксами, поэтому можно говорить лишь об условной аффиксации в эргонимии.

Сложение основ:

а) словосложение с помощью интерфикса и без него: *баня «Добро-Банька»*, *салон мебели «Кухнистрой»*, *туристическая фирма «Солнцетур»*, *рыболовный центр «Рыбаград»*, *фотосалон «Пандапринт»*, *компания «Быстросервис»*, *зоосалон «КотоПёс»*, *магазины «Добрострой»*, *«Энергомир»*, *«Цифроград»*, *«Техновыгода»*, *фотостудия «Фотоцех»*;

б) словосложение с написанием через дефис: кафе «Волга-стрит», сервисный центр «Копия-плюс», пекарня «Жар-Прожар», магазины «Луч-мастер», «Чай-пей», «Миг-Мебель», «Уют-диво», туристические агентства «Дельта-тур», «Стрекоза-тур», «Море-Горы», кафе «Суши-Рай», спортивный клуб «Быстро-фитнес».

Сегментация, или графический каламбур, – обыгрывание внутренней формы слова за счет графического выделения компонентов лексемы: магазин женской одежды «Мила-Я», фитнес-клуб «ЗаЖим», торговый центр «ОСТРОВский», торговая компания Про100сад, магазин хозяйственных товаров «уДача», экспресс-кафе «Суп-Станция» и др. В ряде эргонимов, содержащих производящий компонент *авто*, последний может выступать и в роли самостоятельного слова, и в роли усеченной основы. Усечение в основном связано с препозицией данного компонента в составе производных единиц. При разложении таких эргонимов до словосочетаний компонент *авто* восстанавливается как прилагательное *автомобильный*: *автомойка* «Автобаня», *автосервисы* «Автодиагноз», «Автокомплекс», «Автоблеск», «АвтоРезиденция». Стилистические особенности некоторых эргонимов позволяют отнести производящий компонент *авто* с разговорным существительным *авто*, т. е. считать его не усечением, а включающие его эргонимы – как созданные способом сложения: *компания по продаже автомобилей из Европы и Азии* «Автовозим» (= *возим авто*). Представленное деление условно, поскольку компоненты сложных слов не всегда обладают необходимой определенностью.

Наложение (соединение слов с конечным усечением): клиника «Эконом-стоматология», бургерная «БурЖуй» («жуй бургер»), гостиница «Приват-отель» (приватный отель), сервисный центр «Ремхолод» (ремонт холодильников), магазины «ГлавСклад» (главный склад), «Русклимат» (русский климат), «Росмебель» (российская мебель), букетная мастерская «Цветочка» (цветы + точка).

При **сращении** образованное слово имеет более одной мотивирующей основы, морфемный состав тождествен исходным словам, и синтаксическая связь между ними сохраняется в структуре эргонима: *ресторан* «ПастаПицца», *магазин* «Стройдвор», *баня* «Виллабания», *кафе японской кухни* «СушиВёсла», *кафе-блинная* «БлинБери», *пекарня* «ХлебБери».

Эллиптирование – сокращение словосочетания до одного слова, в результате чего вместо полного имени в речи функционирует его часть. Например, субстантивированные прилагательные в комплексе с названием типа номинируемого объекта образуют атрибутивное словосочетание, и без него являются грамматически неполными конструкциями: *баня* «Семейная», *гостиницы* «Астраханская» и «Привокзальная», *рюмочная* «Центральная», *ресторан* «Купеческий», *пекарни* «Фамильная», «Любимая», *база отдыха* «Прохладная». К этой группе мы относим названия, мотивированные топонимом, указывающим на местоположение номинируемого объекта, но без лексем «улица», «набережная» и т. п.: *столовая* «На Ца-

реве» (на набережной реки Царев), магазин «На Дзержинке» (на ул. Дзержинского), «На Победе» (на ул. Победы), фотосалон «На Хибинской» (на ул. Хибинской), автомойка «На Нахимова» (на ул. Адмирала Нахимова), база отдыха «На Калиновке» (расположена в пос. Верхнекалиновский, Калиновка – неофициальный топоним). Эти эргонимы можно квалифицировать и как эллиптированные формы, образованные в процессе лексико-синтаксических преобразований.

Редупликация – дублирование основ с целью создания стилистически окрашенного сложного слова: *столовая «Зам-зам», ресторан «Волга-Волга»*.

Таким образом, структурно-семантические способы образования эргонимов, основанные на неморфемной и морфемной деривации, порождают модели, в целом отражающие словообразовательные процессы, характерные для русского языка и для образования онимов в эргонимии. Онимизации подвергаются не только имена существительные, но и другие части речи, приобретающие при этом грамматические свойства имени собственного. Не всегда представляется возможным однозначно говорить об образовании того или иного эргонима аффиксальным способом, поскольку номинатор при выборе однословного названия может использовать готовое слово с аффиксами. Наиболее продуктивными в региональной эргонимии являются способы аффиксации и сложения основ. Меньше всего эргонимов образовано в результате функциональной транспозиции фразеологизма и редупликации.

Литература

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1966.
Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988.
Романова Т. П. Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5. С. 204–214.
Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М. : Сов. энциклопедия, 1979.

Yu. A. Vasileva, Candidate of Philology, Associate Professor (Astrakhan)

STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF REGIONAL ERGONYMS (ON THE EXAMPLE OF ASTRAKHAN)

Abstract. The purpose of the article is to study the structural and semantic models of ergonyms of the city of Astrakhan. The object of the study is regional ergonyms that form the onomastic space of the city. 120 Russian-language one-word nominations, recorded as a result of direct observation, were used as a source of material. Conclusions are drawn about the implementation of such a method of nomination as onymization, and models of non-morphemic and morphemic derivation in the formation of nominative units from lexeme-appellatives are highlighted. The most productive ways are affixation and addition of the basics, which are used to form the original names of urban commercial facilities. Functional transposition of phraseological units and reduplication are unproductive methods. The onymization of the appellative is the most productive way of structural and semantic onymization. Structural and semantic methods of ergonymic formation based on non-morphemic and morphemic derivation generate models that generally reflect the word-formation processes characteristic of the Russian language and for the formation of onyms in ergonymy.

Keywords: regional ergonymicon, secondary nomination, onymization of the appellative, morphemic and non-morphemic derivation, affixation.

Е. В. Галкина, магистрант

Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН, г. Санкт-Петербург

С. В. Краснощекова, кандидат филологических наук

Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ НОВОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ РУССКО-КЫРГЫЗСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ¹¹

Аннотация. Статья посвящена выражению эвиденциальных значений в русскоязычных новостях, созданных в условиях русско-кыргызского двуязычия. Материал составили 1000 новостей из СМИ Кыргызстана и 665 из российской медиасреды. Сравнительный анализ показал, что в обеих выборках используются средства выражения пересказывательности, инференциальности и прямой эвиденциальности; частотное распределение данных типов различается незначительно. Гипотеза о возможном интерференционном влиянии грамматикализованной эвиденциальности кыргызского языка подтвердилась частично: в кыргызских новостях не обнаружено более выраженной тенденции к опущению источника информации, чем в российских. Однако выявлены другие особенности: в кыргызских СМИ более узок спектр авторитетных источников, а также наблюдается стратегия повышения престижа новости при помощи неадекватной ссылки на авторитет. Кроме того, обнаружены языковые особенности, связанные с двуязычием: элементы разговорного стиля в официальных новостях, отклонения от речевого стандарта и единичные кыргызские вкрапления.

Ключевые слова: эвиденциальность, источник информации, авторитетность, двуязычие, русско-кыргызский билингвизм, тексты СМИ.

К области эвиденциальности в языке относятся любые явления, которые так или иначе связаны с обозначением источника сообщаемой информации. Термин *эвиденциальность* толкуется следующим образом: «эксплицитное указание на источник сведений относительно сообщаемой информации» [Жеребило, 2010, с. 462] или «языковая категория, выражающая (лексическими и грамматическими средствами) указание говорящего на свою роль в описываемой им ситуации (видел ли он то, о чем сообщает, своими глазами, или передает информацию с чужих слов, или сообщаемое – результат сделанных им умозаключений, выводов, его догадок, реконструкции по каким-либо косвенным признакам)» [БРЭ, 2017, с. 206]. Принято выделять несколько групп эвиденциальных значений.

Различают, с одной стороны, прямой и непрямой (косвенный), с другой – личный и неличный доступ [Плунгян, 2011, с. 350]. При прямом доступе говорящий наблюдает (наблюдал) ситуацию лично, при косвенном – не имел непосредственного контакта с ней (т. е. узнал о ситуации с чужих слов либо воспринимал ее результат). При личном – получает информацию о ситуации непосредственно (воспринимает ее саму или ее ре-

¹¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 25-18-00938 «Эвиденциальные стратегии в свете корпусных и экспериментальных данных (на материале разнотипных языков)».

зультат), при неличном – опосредованно (от третьих лиц). Пересечение двух противопоставлений позволяет выделить три основные группы эвиденциальных значений: восприятие ситуации непосредственно говорящим (личный прямой доступ), информация о ситуации на основе наблюдаемого результата (личный косвенный доступ), сведения о ситуации, полученные от третьих лиц (неличный косвенный доступ). В языках мира не существует значения, которое описывало бы неличный, но прямой доступ к информации.

Существует также более дробная классификация эвиденциальных значений. Так, в [Постникова, 2020] вслед за [Aikhenvald, 2004, с. 63] перечисляются следующие шесть типов: (а) визуальный – информация, полученная при помощи зрения; (б) сенсорный – информация, полученная при помощи других органов чувств: слуха, обоняния, осязания; (в) инферентивный – вывод о ситуации, полученный на основе ее результата / доказательств, воспринимаемых органами чувств; (г) презумптивный – вывод о ситуации, полученный на основе умозаключений с учетом фоновых знаний говорящего; (д) репортативный – информация, полученная от третьих лиц, которые не упоминаются и (е) квотативный – информация, полученная от третьих лиц, которые прямо называются. Сгруппировав данные типы попарно, получаем уже упомянутые выше три главные группы эвиденциальных значений. В ряде работ эти группы значений рассматриваются как три отдельные категории в составе категории эвиденциальности: (1) прямая эвиденциальность – информация о ситуации, воспринимаемой лично говорящим (визуальный и сенсорный типы); (2) инференциальность / инферентивность – информация о ситуации, полученная на основе умозаключения (инферентивный и презумптивный типы); (3) пересказывательность – информация о ситуации, полученная от третьих лиц (репортативный и квотативный типы) [Козинцева, 2007]. Данная трехчастная структура эвиденциальных значений принимается в настоящем исследовании. Эвиденциальность любого типа тесно связана с эпистемической модальностью: говорящий сообщает об источнике информации и одновременно оценивает ее достоверность. Кроме того, пересказывательность пересекается с категорией авторитетности: при упоминании источника информации говорящий способен сослаться на более или менее авторитетных лиц [Астахова, 2014].

Целью нашей работы является рассмотреть способы выражения эвиденциальности и типы эвиденциальных значений в текстах новостей, функционирующих в ситуации русско-кыргызского двуязычия, а также провести сравнение с текстами, полученными в русскоязычных монологических условиях. Эвиденциальность в новостях широко изучается в настоящее время в первую очередь с точки зрения ее пересечения с другими категориями. Так, было выявлено, что совпадение средств выражения пересказывательности и авторитетности в тексте новости повышает достоверность сообщения, а ссылка на авторитетный источник, сопровождаемый эпистемическими средствами выражения недоверия, свиде-

тельствует о снижении авторитета данного источника [Астахова, 2014]. Эвиденциальные единицы в текстах новостей сопровождаются эпистемическими: автор новости дает свою характеристику обсуждаемой ситуации, оценивая ее с точки зрения достоверности [Пермякова, 2022]. Использование маркеров эвиденциальности позволяет СМИ управлять общественным мнением, оказывая влияние на адресата и снижая или повышая его степень доверия к сообщаемой информации [Страхова, 2016]. Изменяющиеся общественные условия влияют и на способ передачи источника информации в текстах СМИ: эмоционально окрашенные эвиденциальные средства используются в фейковых новостях для убеждения адресата в их достоверности [Сивенкова, 2017; Козловский, 2024]. При том что основным типом эвиденциальности в новостях является пересказывательность, фиксируются и два других типа – прямая эвиденциальность (автор новости передает информацию так, как будто был непосредственным участником ситуации или наблюдал ее своими глазами) и инференциальность (автор новости сообщает о своих умозаклчениях, логических выводах).

Говоря о способах выражения эвиденциальных значений, необходимо различать грамматикализованную и неграмматикализованную эвиденциальность. Существует значительное число языков, в которых эвиденциальность получает регулярное грамматическое выражение: так, «большой эвиденциальный пояс» охватывает ареалы от Балкан до Дальнего Востока и включает в том числе тюркские языки [Плунгян, 2011, с. 340]. Кыргызский язык, относящийся к тюркским, также имеет грамматически выраженную эвиденциальность. Традиционная грамматика различает «определенные» и «неопределенные» глагольные времена: так, определенное прошедшее описывает ситуацию, которую говорящий видел сам (*ал кино көрдү* ‘он смотрел кино <я его видел>’), неопределенное прошедшее – ситуацию, информацию о которой говорящий получил из косвенного источника (*ал кино көрүнтүр* ‘оказывается, он посмотрел кино’). В русском языке эвиденциальность не грамматикализована и выражается либо лексически (пересказывательность: *мол, якобы, по словам / по сообщению и пр.*), либо косвенным образом при помощи порядка слов, интонации, в составе значения какой-либо граммеы и др. (ср. *Вася там не был* и *Васи там не было* [Падуцева, 2013]).

Таким образом, в кыргызском языке существуют особые средства для выражения значений косвенной эвиденциальности, которые интегрированы в словоформу. В русском языке в этих случаях используются эксплицитные лексические средства. В связи с этим мы выдвинули гипотезу, что в условиях русско-кыргызского двуязычия при порождении текстов на русском языке может наблюдаться несоответствие эвиденциального значения и способа его выражения: так, необходимое значение может не получить лексического оформления из-за того, что во втором языке говорящего оно имеет свойство грамматической обязательности, т. е. не может остаться невыраженным.

Материалом настоящего исследования послужили тексты новостей, созданные в условиях русско-кыргызского билингвизма, извлеченные из трех новостных Телеграм-каналов г. Бишкек (Кыргызстан): «Спутник Кыргызстан» (https://t.me/sputnik_kyrgyzstan), «Бишкек сегодня. Новости» (<https://t.me/bishnews>) и «Сейчас. KG» (https://t.me/seychas_kgs). Общее число текстов составило 1050. Для сравнения были привлечены тексты, созданные в русской монолингвальной среде, извлеченные из двух российских новостных Телеграм-каналов: «РИА Новости» (https://t.me/rian_ru) и «РБК. Новости. Главное» (https://t.me/rbc_news), общее число текстов составило 665. Тексты были размечены с учетом использованных в них средств выражения эвиденциальных значений.

Прямая эвиденциальность по форме фиксировалась в тех случаях, если в тексте отсутствовала какая-либо ссылка на источник сообщения, т. е. новость подавалась как самостоятельный факт. Как в кыргызских, так и в российских новостях были обнаружены три разновидности данного типа. 1. Прямое сообщение факта как такового, сопровождаемое видео: ***Помните, вчера писали про взрыв в центре Бишкека? Так вот. Это была гендер пати у футболиста Мищенко и его супруги*** (Сейчас. KG); ***Трое мужиков 24–27 лет вытаскивали оружие из окна авто и пугали прохожих*** (Бишкек сегодня. Новости); ***Садыр Жапаров вчера в Москве поднял с земли наклейку с изображением флага Кыргызстана*** (Спутник Кыргызстан); ***Главе немецкого фонда «Мост мира» Лиане Килинч вручили паспорт гражданина России*** (РИА Новости). 2. Сообщение информации «от первого лица», обычно также сопровождаемое видео, при котором говорящий позиционирует себя как наблюдателя либо «хозяина» информации: ***Чуть не забыл: с 20 мая для движения транспорта закроют участок улицы Льва Толстого, от улицы Калыка Акиева до улицы Логвиненко и участок улицы Московской, от проспекта Молодой Гвардии до улицы Асаналиева. Капремонт*** (Сейчас. KG); ***Если у вас нет окон, то на улице жесть:) Град. Если вы на улице, то я в ваших рядах*** (Бишкек сегодня. Новости); ***Это было завораживающее зрелище*** (Спутник Кыргызстан); ***Майский снег выпал в Ханты-Мансийске, до этого в городе было примерно +17, сегодня температура не поднимается выше нуля, передает корреспондент РИА Новости*** (РИА Новости). 3. Сообщение объективной информация официального (законодательного, административного и т. п.) характера, при том что информация сообщается впервые, отсутствует ссылка на авторитет, новость не сопровождается видео: ***С 1 июня тарифы на отопление и горячую воду могут повыситься на 25 %. Речь идет о тех, кто живет в квартирах и домах площадью менее 80 кв. м*** (Бишкек сегодня. Новости); ***В Ошской области в частном доме незаконно держали молодую львицу. Ей 8 месяцев. Местного жителя оштрафовали на 20 тыс. сомов, а животное временно передали в зоопарк в Оше*** (Спутник Кыргызстан); ***Общественники исключат из школьной программы до 9 класса*** (РИА Новости). В кыргызских новостях сообщения с прямой эви-

денциальностью могут сопровождаться маркерами отношения говорящего: *Всех доставили в милицию для разбирательств. Руководитель строй-компании (непонятно, какой) оштрафован за использование незаконной рабсилы* (Бишкек сегодня. Новости).

Инференциальность отмечается там, где информация подается как полученная путем умозаключения или логического вывода автора на основе его наблюдений или опыта. В обеих группах новостей обычно отмечается базовое умозаключение: *Судя по всему, в центре под ковши экскаватора попали кабели Меги* (Сейчас. КГ); *Землетрясение магнитудой 4.6. Предположительное значение* (Бишкек сегодня. Новости); *Делая то, что они делают, они показывают, кто они такие есть* (Спутник Кыргызстан); *Судя по трансляции, корабль успешно вышел на суборбитальную траекторию, но через полчаса начал бесконтрольно вращаться, после чего подвергся «стремительной незапланированной разборке»* (РИА Новости). В кыргызских новостях примерно в половине случаев инференциальное выражение сопровождается эпистемическим маркером достоверности, чего не отмечается в российских новостях: *Если всё получится, может, и очередь на границе станет чуть короче. Хотя это не точно* (Сейчас. КГ); *Ошо. Вечером концерт. Админ, скорее всего, будет меньше постить сегодня (или совсем нет). Праздник все-таки* (Бишкек сегодня. Новости); *Мне кажется, российская сторона также выразила готовность это сделать* (Спутник Кыргызстан).

Пересказывательность фиксируется там, где эксплицитно выражена ссылка на источник информации. В кыргызских новостях отмечаются ссылки на государственные / административные органы и заявления официальных лиц: *В Минюсте говорят, что анонимные заявления часто подаются людьми, не имеющими отношения к конфликту* (Сейчас. КГ); *Из Бишкека в Ала-Арчу в ближайшее время запустят прямые автобусные маршруты, заявил управляющий делами президента* (Сейчас. КГ). В ряде случаев ссылка на авторитетный источник добавляется к малозначимой новости: *Минсельхоз утверждает, что это креветки* (Бишкек сегодня. Новости). В российских новостях спектр источников отсылки шире: организации без указания названия, законодательные акты и документы, известные лица без указания должности, малоизвестные лица с указанием имени, должности, статуса и пр., печатные издания, СМИ, Интернет-ресурсы и др.: *Rolling Stone: Издание обратило внимание на концерт музыканта в феврале, где он упал на спину в конце шоу* (РИА Новости); *Житель Сахалина рассказал* РИА Новости, что тогда чувствовали и делали спасатели и добровольцы, выбравшиеся на место ЧП (РИА Новости).

Несмотря на наличие в обеих группах новостей всех рассматриваемых типов эвиденциальных значений, их частотное распределение незначительно различается. Соотношение трех типов эвиденциальности в кыргызских и российских новостях приведено в табл. За 100 % принято общее число проанализированных текстов в каждой группе.

Таблица

Типы эвиденциальных значений в кыргызских и российских новостях

	Кыргызские новости	Российские новости
прямая эвиденциальность	234 (22,3 %)	148 (22,3 %)
инференциальность	130 (12,4 %)	53 (8 %)
пересказывательность	686 (65,3 %)	464 (69,7 %)
всего	1050 (100 %)	665 (100 %)

На первом месте в обеих группах находится пересказывательность, на втором – прямая эвиденциальность, на последнем – инференциальность, однако для российских новостей пересказывательность немного более характерна за счет меньшей частотности инференциальности. Прямая эвиденциальность имеет одинаковую частотность в обеих группах. Распределение разновидностей прямой эвиденциальности также одинаково: передача факта без какой-либо ссылки частотнее, чем сообщение информации с маркированием говорящего как автора или с сопровождением видео. Инференциальность более типична для кыргызских новостей, при этом отмечается использование эпистемических маркеров, чего не зафиксировано в российских новостях. Пересказывательность в российских новостях отличается большим разнообразием источников информации.

Таким образом, можно заключить, что предлагаемая нами гипотеза подтвердилась не полностью: не выявлено свидетельств того, что в кыргызских новостях сильнее, чем в российских, выражена тенденция опускать ссылку на источник сообщения, т. е. не обнаружено интерференционного влияния грамматикализованной «заглазности». Однако в кыргызских новостях, с одной стороны, уже спектр авторитетных источников, на которые приводятся ссылки. С другой стороны, в ряде кыргызских новостей зафиксирована своеобразная стратегия с целью повысить статус новостного канала: ссылка на авторитетный источник присваивается новости о малозначимом событии, не находящемся в компетенции упомянутого органа или лица. Кроме того, кыргызские новости имеют следующие отличительные языковые черты: в новостях официальной тематики присутствуют элементы разговорного стиля; отмечаются артефакты функционирования языка в двуязычной среде (отклонения от русского речевого стандарта и смешение кодов, т. е. кыргызские вкрапления длиной в одну словоформу в русскоязычном тексте).

Литература

Астахова Т. Н. Проявление категорий «Эвиденциальность» и «Авторитетность» в текстах немецких СМИ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 71–75.

БРЭ: Большая российская энциклопедия / гл. ред. С. Л. Кравец. М.: БРЭ, 2017. Т. 35.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010.

Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.

Козловский Д. В. Категория «эвиденциальность» как средство передачи фейковой информации в англоязычном медиадискурсе // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15, № 1. С. 49–62.

Падучева Е. В. Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? // *Русский язык в научном освещении*. 2013. № 2 (26). С. 9–29.

Пермякова Т. Н. Репрезентация категории эвиденциальности в современных медиатекстах // *Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования* / под ред. З. Р. Аглеевой, М. Л. Лаптевой, Ю. А. Васильевой. Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, 2022. С. 186–189.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М. : РГГУ, 2011.

Постникова А. Е. Грамматикализация и тип эвиденциальной системы // *Типология морфосинтаксических параметров*. 2020. Т. 3, вып. 2. С. 147–165.

Сивенкова Н. В. Категория эвиденциальности в языке СМИ (на примере болгарских, английских и русских текстов из новостных источников) // *МАГИЯ ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике* / отв. ред. Д. Н. Новиков. М. : МГИМО-Университет, 2017. Т. 1. С. 338–342.

Страхова В. С. Маркеры эвиденциальности в языке СМИ // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2016. № 6 (745). С. 165–174.

Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford : Oxford University Press, 2004.

E. V. Galkina (St. Petersburg)

S. V. Krasnoshchekova, Candidate of Philology (St. Petersburg)

WAYS OF EXPRESSING INFORMATION IN RUSSIAN-LANGUAGE NEWS TEXTS IN A RUSSIAN-KYRGYZ BILINGUAL CONTEXT

Abstract. The article examines the expression of evidential meanings in Russian-language news texts produced in a Russian-Kyrgyz bilingual environment. The data consist of 1,000 news items from Kyrgyzstani media and 665 from monolingual Russian media. A comparative analysis shows that both corpora use strategies of reportativity, inferentiality, and direct evidentiality, with only minor differences in their frequency distributions. The hypothesis regarding potential interference from the grammaticalized evidentiality of the Kyrgyz language was only partially confirmed: Kyrgyzstani news texts do not show a significantly greater tendency to omit the source of information compared to Russian ones. However, other differences were observed: Kyrgyzstani media tend to cite a narrower range of authoritative sources and occasionally attribute minor news events to prominent authorities, apparently to increase the perceived status of the report. In addition, linguistic features linked to bilingualism were identified, including conversational elements in formal news, deviations from Russian speech norms, and isolated Kyrgyz insertions.

Keywords: evidentiality, information source, authority, bilingualism, Russian-Kyrgyz bilingualism, media texts.

Ж. В. Грачева, кандидат филологических наук, доцент
Воронежский государственный университет, г. Воронеж

ДЕФОРМИРОВАННЫЕ АССОЦИАТИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ (ОТ В. В. НАБОКОВА ДО СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЫ)

Аннотация. В статье освещаются ассоциативные процессы, приводящие к порождению особого рода текстовых имплицитных номинаций – спрямлений. Они являются результатом трансформации, порождающей высказывания, в которых форма отождествительно-предметных предложений становится выразителем не свойственного для этих структур содержания. Порождение и функционирование этих явлений рассматриваются в диахроническом ключе: с момента их зарождения в начале XX в. (на материале творчества В. В. Набокова) и в рекламе 20-х гг. XXI в.

Ключевые слова: имплицитные структуры, спрямление, отождествительно-предметные предложения, В. В. Набоков, А. М. Ломов, язык рекламы.

Современная номинативно-прагматическая парадигма ставит перед учеными задачу исследовать языковые процессы с точки зрения двух аспектов: номинативного (как язык называет мир) и прагматического (как он служит человеку).

Номинативный аспект предполагает изучение синтаксических единиц с точки зрения того, как в них отражается окружающий человека мир и фиксируются те или иные типы внеязыковых ситуаций. *Прагматический аспект* позволяет изучать то, как язык служит говорящему и как ему сообщаются дополнительные сведения о ситуации (целевое назначение, эмоциональная окраска, коммуникативная перспектива и т. д.). Исходя из этих двух аспектов, следует изучать *предложение* как абстрактную единицу *языка* и *высказывание* как конкретную материальную единицу *речи*. Об этом пишет, в частности, проф. А. М. Ломов в статьях «Грамматика: содержание и объем понятия» [Ломов, 2023, с. 70–74] и «Русистика сегодня» [Ломов, 2023, с. 103–106]. По мнению ученого, грамматика как наука об общих принципах устройства языковых уровней должна быть четко противопоставлена другой науке – об использовании языка говорящим человеком.

В силу включенности в речевой акт высказывание преобразуется в процессе реализации структуры предложения. Это происходит, в частности, через ситуацию редуцирования или стилистического экспрессивного трансформирования. Реализуясь в высказывании, язык, всегда находящийся в своеобразном поиске наиболее экономных и компактных способов выражения информации, находит особые формы – деформированные структуры. Как правило, они возникают на основе ассоциативного принципа, о котором писал еще А. А. Потебня, заметивший, что по мере упрочения ассоциативной связи между языковыми комплексами и выражаемыми ими идеями наблюдается упрощение, укорачивание звукового комплекса, «сгущение» мысли на более коротком ее отрезке [Попова, Стернин, 2024, с. 64].

Одним из способов реализации синтагматической инновации стали текстовые деформации, построенные на основе реализации ассоциации по смежности, названные А. М. Ломовым *спрямленными* [Ломов, 2004, с. 355]. Они примыкают к языковым единицам, образованным на основе метонимического эллипсиса, однако между ними есть существенные различия. Если метонимические структуры предполагают сокращение высказывания за счет поглощения *одного знака другим*, то в спрямленных предложениях имплицитируются *отношения* между знаками, являющимися элементами предложения – определяемым и определяющим – и одинаково обозначенными существительными в именительном падеже. Невыраженность этих отношений оказывается допустимой, так как они легко вычитываются из семантики существительных. Спрямленные структуры лишь «надевают» форму отождествительно-предметных предложений, так как мыслительная операция сведения неизвестного (видового) к известному (родовому) в этом случае не осуществляется: ...*кавалерия... – марш-марш, – свист ветра, комочки грязи в лицо, атака, атака – така-так подков, анапест полного карьера* («Подвиг») [Набоков, 1990, т. 2, с. 222].

Следует заметить, что в творчестве В. В. Набокова такого рода структуры употребляются крайне редко, как, впрочем, и у большинства писателей начала века. Это связано с тем, что подобные языковые инновации лишь зарождаются в XX в. и поэтому, ввиду их малой употребительности, иносистемности, являются экспрессивными, требуют от читателя со-размышления, со-творчества.

Проследим это на приведенном выше примере. Значение слова *кавалерия* раскрывается через мощный разновекторный ассоциативный ряд: *марш-марш* – команда, определяющая движение и сам ритм движения; создается картина всестороннего зрительного восприятия человека, оказавшегося в атаке: звукового (*свист ветра, така-так подков, анапест полного карьера*), тактильного (тот же *свист ветра* и *комочки грязи в лицо*) и зрительного (мы видим мелькание мира как результат быстрого движения, которое рождается благодаря общим знаниям; более того, вторгнувшийся в текст стихотворный размер не только определяет ритм движения, но и выводит в сферу иных смыслов: сама реальность говорит стихами (а не только стихи говорят о ней). Своеобразным средством выразительности становится и нестандартная постановка знаков препинания. Сразу после слова *кавалерия* следует многоточие и только затем тире (... –), что заставляет сделать внушительную паузу: автор дает возможность выстроить свой ассоциативный ряд, соотносимый со словом, затем все приходит в движение, начало его задается междометием – командой *марш-марш*, – которое выделено с двух сторон тире. А далее – *свист ветра, комочки грязи в лицо, атака, атака* (ощущение мощного движения создается за счет градации однородных членов). Затем – снова тире, отделяющее словосочетание со звукоподражанием *така-так подков* (движение ускоряется) и, наконец, – *анапест полного карьера*. Таким об-

разом, в данном случае пунктуация служит средством передачи физически ощущаемого движения, более того, его перехода в музыку поэзии.

Высказывание может быть построено по типу чередующихся номинативных предложений, которые, ассоциируясь по смежности, создают целостную картину. Например, характеризуют человека по его внешним признакам: *Посмотрите на Катю: очки, длинные волосы, голубые глаза* или описывают окружающую обстановку: *Ночь, улица, фонарь, аптека, бессмысленный и тусклый свет* (А. Блок). Понятно, что в данных случаях смежность предстает как явление иного порядка: она не вторгается в пределы предложения, как это имеет место в спрямленных структурах, а по существу является основой особого художественного приема, который соединяет отдельно взятые предложения. В тексте В. В. Набокова «нанизывание» номинативных предложений используется для воссоздания внешнего облика героя: *...Соня, одетая цыганкой, <...> и Дарвин, одетый англичанином из континентальных романов, – костюм в крупную клетку, тропический шлем с платком сзади для защиты от солнца Помпей, бэдекер под мышкой и ярко-желтые баки* [Набоков, 1990, т. 2, с. 222] (своеобразные ассоциативные безглагольные номинации-«мазки» подобны импрессионистическим живописным).

В высказывании *Зато в его «Осени», – сваленная в канаву среди великолепных кленовых листьев черная портяжная болванка с прорванным боком, – была уже выразительность более чистого качества* [Набоков, 1990, т. 3, с. 53] используется тот же принцип построения, однако предмет-стимулом становится текст («Осень»), ассоциатами – яркие картины-образы; в высказывании *Весь его облик вызывал почему-то такие ассоциации, как, например: департамент, солянка, галоши, снег «Мира Искусства» идет за окном, столп, Столыпин, столоначальник* [Набоков, 1990, т. 3, с. 176] указание на ассоциативность, в отличие от рассмотренных выше случаев, эксплицируется в тексте и усиливается словесной инструментальной, звуковыми повторами. Направление ассоциативного движения репрезентируется через однородные номинации.

Спрямленные высказывания могут деформировать отношения не только между подлежащим и псевдосказуемым, но и между другими членами предложения, в частности, отношения спрямления могут связывать номинативные предложения (как указывалось выше) с сегментированными конструкциями: «...Ты в Париже тоже был?» – «Да, проездом, – небрежно ответил Мартын (день в Париже много лет тому назад, по пути из Биаррица в Берлин, дети с обручами в Тюильрийском саду, игрушечные парусники на воде бассейна, старик, кормящий воробьев, серебристая сквозная башня, склеп Наполеона, где колонны похожи на витые сюкр д'орж)» [Набоков, 1990, т. 2, с. 284]. В этом случае перед нами – ассоциативное описание пейзажа (Париж и зафиксировавшиеся в сознании героя «картинки»-детали). Деформированная сегментированная конструкция используется без субституирующего местоимения: «*День в Па-*

риже» – рема сообщения, а затем – детализация ремы (*дети с обручами в Тюильрийском саду, игрушечные парусники на воде бассейна, старик, кормящий воробьев, серебристая сквозная башня, склеп Наполеона, где колонны похожи на витые сюкр д'орж*).

В другом высказывании *Далее – пустыня Лоб: каменистая равнина: ярусы глинистых обрывов, стеклянисто-соленые лужи; белое пятнышко в сером воздухе: одинокая пьерида Роборовского, уносимая ветром* [Набоков, 1990, т. 3, с. 112] по строению повторяет предыдущее: своеобразная рема (*пустыня Лоб*) и ее конкретизация (*ярусы глинистых обрывов, стеклянисто-соленые лужи; белое пятнышко в сером воздухе: одинокая пьерида Роборовского, уносимая ветром*). Высказывание построено по принципу «матрешки», «одного в другом». Может быть выделено несколько смысловых блоков: первый – с обобщающим смыслом «*пустыня Лоб*» включает в себя два других: «*каменистая равнина*», «*белое пятнышко в сером воздухе*», – которые, в свою очередь, тоже распространяются шестью смысловыми блоками.

Если смотреть на эти высказывания как на особую форму репрезентации именительного представления, являющуюся по своей сути спрямленной, то становится понятным колебание в постановке знаков препинания. А. М. Ломов пишет об этом так: «Неопределенность наших знаний о речевом сегменте находит отражение в характере пунктуационного оформления сегмента. После него ставят точку, многоточие, восклицательный знак, тире или запятую. Не употребляется (в отличие от английской пунктуационной практики) лишь двоеточие, хотя этот знак представляется наиболее предпочтительным» [Ломов, 1994, с. 286]. Рассматривая в этом контексте приведенные выше примеры, можно понять специфику постановки знаков препинания (обратим внимание на небольшое замечание в скобках: (в отличие от английской пунктуационной практики), ведь для В. В. Набокова английская пунктуационная практика была вовсе не чужда, поэтому можем предположить перенос традиции написания из одного языка в другой – русский язык).

Спрямленные структуры, соответствующие форме отождествительно-предметных предложений, у В. В. Набокова пунктуационно оформлены по-разному. Преобладающими знаками являются «запятая-тире (, –): ...*вон эти огни, – Молиньяк?* [Набоков, 1990, т. 2, с. 268]; в некоторых случаях знаки могут отсутствовать: *И она иногда говорила, что ее жизнь только легкий дым сигареты Режи, надушенной амброй* [Набоков, 1990, т. 2, с. 174]).

В высказывании *Обратное превращение Бедлама в Вифлеем, – вот вам Достоевский* [Набоков, 1990, т. 3, с. 66] знак «запятая-тире» (, –) обращает внимание на парадоксальность соотношения определяемого и определяющего и служит средством особой рематизации: заставляет читателя «споткнуться» об алогичность смысла (для прояснения высказывания необходимо помнить и историю непростого отношения В. В. Набоко-

ва к творчеству Ф. М. Достоевского). Как известно, Вифлеем, согласно Библии, – родина царя Давида и место рождения Иисуса Христа, а Бедлам – разговорное «неразбериха», «хаос». Bethlehem (Вифлеем) (англ. Bedlam ['bɛdləm], искаженное от англ. Bethlehem ['bɛθlɪhəm] – Вифлеем) – это английская больница для умалишенных, где жестоко обращались с пациентами, в результате чего название ее стало нарицательным. Таким образом, высказывание В. В. Набокова – это своего рода загадка-аллюзия для посвященных, которую можно трактовать двояко. С одной стороны, Достоевский – это тот, кто делает сакральным беспорядок, хаос, сумасшествие (возводит порок в ранг святости), с другой – это тот, кто поворачивает вспять время, возвращает нас к истинно божественному – к точке рождения Христа. Так В. В. Набоков соединяет несоединимое и создает парадоксальное высказывание, отражая то, что сделала сама жизнь: он косвенно «признаётся» в своей нелюбви к Достоевскому, но не отказывается ему в величии.

Пример *Тут Аполлон – идеал, там Ниобея – печаль* [Набоков, 1990, т. 3, с. 88] содержит аллюзивную отсылку. Расшифровка аллюзий, как и любой интертекстуальной отсылки, предполагает наличие у автора и читателя некоторых общих знаний (порою весьма специфических). Нередко писатели строят аллюзии, апеллируя к текстам, принадлежащим разным источникам познания, что осложняет поиски аллюзивного референта. В рассматриваемом высказывании Набоков-энтомолог и Набоков-поэт, играя на омонимичности названий бабочек и героев мифов, вводит в свои произведения номинации, которые одновременно представляют собой и поэтические аллюзии. Так, в романе «Дар» обыгрывается строка Пушкина («жреца» Аполлона – бога искусств): *Тут Аполлон – идеал, там Ниобея – печаль* [Набоков, 1990, т. 3, с. 88], относящаяся одновременно к бабочкам и – к богам и героям (Аполлон – бог искусств; Ниобея – дочь Тантала, супруга Амфиона Фивского, оскорбила Латону тем, что возгордилась своими 12-ю детьми (Ниобидами), за что последние все были умерщвлены стрелами Аполлона и Артемиды, а сама Ниобея от горя превратилась в скалу): *...и рыжим крылом да перламутром ниобея мелькала над скабиозами прибрежной лужайки, где в первых числах июня* (ср. день рождения Пушкина – 6 июня) *попадался изредка маленький «черный аполлон»* [Набоков, 1990, т. 3, с. 88] (см. также стихотворение В. В. Набокова «Слава»).

Пример *Тут Аполлон – идеал, там Ниобея – печаль* [Набоков, 1990, т. 3, с. 88] перекликается по структуре с другим *Гений – это негр, который во сне видит снег* [Набоков, 1990, т. 3, с. 173]. Цвета «черный» и «белый», овеществленные в «африканской жаре» и русском «снеге», все время «играют» у Набокова: поэтому «черный аполлон» соотносим в рамках «Дара» с Пушкиным – «гением-негром», «который во сне видит снег». Следовательно, аллюзии в тексте образуют своеобразные парадигмы, в которых значение каждого члена определяется его соотношением с другими.

Каждое предложение со спрямленными структурами у В. В. Набокова несет в себе выразительность «чистого качества». Таким образом, языковые ассоциативные эксперименты приводят к рождению деформированных структур, что для В. В. Набокова станет одним из интуитивных путей создания своего стиля.

В начале XX в., как указывалось выше, такого рода языковые эксперименты были редким явлением, в XXI – стали общим местом. Сегодня они широко используются в рекламных слоганах. Псевдосказуемое в такого рода структурах обычно выражает содержательное наполнение подлежащего: *Музыкальный ноябрь в «Гоголе» – это особое настроение и новые имена!* (реклама ресторана «Гоголь»); *Выборы президента США-2024: система, решающие штаты и прогнозы* (Интернет-журнал «Сноб»).

Однако наиболее часто используемая репрезентация смыслов – это актуализация отличительных свойств. Это могут быть

- числовые характеристики: *Наиболее важным для кандидатов является штат Пенсильвания с 19 голосами выборщиков. Мичиган и Джорджия – 16, Северная Каролина – 15, Аризона – 11, Висконсин – 10 и Невада – 6* (Интернет-журнал «Сноб»);

- номинации-актуализации предметов, явлений, лиц: *Воронеж – это «Мое!»*; «Сноб» – *это уникальный круг собеседников, одним из которых можете стать вы* (Интернет-журнал «Сноб»);

- указание на производимые действия: *СушиКи: вкусная доставка* (реклама доставки суши); *Парфюмания – искусство дарить облики* (реклама магазина парфюмерии);

- контаминация-характеризация предметов, их свойств и совершаемых действий-услуг: *Интернет-магазин детской одежды секонд-хенд: брендовые вещи, низкие цены, доставка по всей РБ, скидки и акции* (реклама Интернет-магазина);

- интерпретация-концептуализация: *Можно выделить три типа культуры: КЛАССИКА – бог высший критерий, МОДЕРН – человек мера, ПОСТМОДЕРН – все «истины» лишь ложь субъекта о себе, меры нет, критерий не нужен* (пост в вк Романа Павловского).

В некоторых случаях на ассоциацию по смежности накладывается ассоциация по сходству, тогда процесс ложного отождествления осуществляется через использование метафоры: *Рождественское чудо господина Беккера – ароматное приключение* (реклама новогодних елок с угощением на сцене театра); *Литература – это грифон* (заголовок статьи журнала «Сноб» о Полякове; в статье раскрывается ассоциативный смысл этого заголовка: «...есть крылья – это полет художественной фантазии, есть львиные лапы с когтями – это социально-политическая хватка, есть острый клюв, чтобы отбиваться от идейно-эстетических недругов, есть и гибкий хвост с кисточкой, чтобы вилять перед властью»).

В некоторых случаях избранная форма становится брендовым штампом и заменяется лишь предмет описания, свойства-признаки повторяют-

ся как актуализация устойчивости и постоянства: «Греция» – авторские шашлыки и соусы со всего света (реклама ресторана «Греция»); «Грузия» – авторские шашлыки и соусы со всего света (реклама ресторана «Грузия»); «Гавайи» – авторские шашлыки и соусы со всего света (реклама ресторана «Гавайи»).

Следует заметить, что когда мы имеем дело с рекламой, то довольно часто спрямленная структура, сохраняя свою ассоциативность, распадается, перестает восприниматься как текст. Части такой «конструкции» могут быть разнесены в разные концы рекламной страницы, однако ассоциативность в этом случае не только сохраняется, но и поддерживается визуально – вектором ассоциативного восприятия становится изображение.

Таким образом, в случае создания спрямленной структуры мы имеем дело с имплицитной номинацией. Определенные знаки редуцируются, но означаемое, по образному замечанию А. М. Ломова, «подобно парящей в воздухе улыбке Чеширского кота из “Алисы в стране чудес”, продолжает сохраняться в зоне восприятия, правда, по причинам отнюдь не сказочного свойства: эту сохранность обеспечивают все те разнообразные элементы высказывания, которые, выполняя свои собственные функции, в то же время так или иначе компенсируют редуцированный знак» [Ломов, 1994, с. 65].

Широкое употребление приводит к своего рода «изнашиванию», клишированию языковой структуры, которая перестает быть явлением речи, а становится явлением языка. Этот процесс подобен превращению метафоры из индивидуально-авторской в стертую, бытовую, а значит, языковую, создающую новое значение слова.

Литература

Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: понятийный словарь-справочник. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004.

Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994.

Ломов А. М. Избранные работы. Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2023.

Набоков В. В. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990.

Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание для университетов. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2004.

Шадурский В. В. Поэтика подтекста в прозе В. В. Набокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 1999.

Zh. V. Gracheva, Candidate of Philology, Associate Professor (Voronezh)

DEFORMED ASSOCIATIVE SYNTACTIC STRUCTURES (FROM V. V. NABOKOV TO MODERN ADVERTISING)

Abstract. The article highlights the associative processes that lead to the generation of a special kind of textual implicit nominations – straightens. They are the result of a transformation that generates statements in which the form of identification-subject sentences becomes an expression of content that is not characteristic of these structures. The generation and functioning of these phenomena are considered in a diachronic way: from the moment of their origin in the early twentieth century (based on the work of V. V. Nabokov) to the 20s of the 21st century in modern advertising.

Keywords: implicit structures, straightening, identification-subject sentences, V. V. Nabokov, A. M. Lomov, advertising language.

О. А. Каверина, кандидат филологических наук, доцент

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

В. Ю. Ключникова, кандидат филологических наук, доцент

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

М. В. Новосёлова, кандидат филологических наук, доцент

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСКУРСИОННОГО СТОРИТЕЛЛИНГА

Аннотация. Представлены грамматические особенности экскурсионного сторителлинга. Экскурсионный сторителлинг является инновационным методом репрезентации информации, сочетающим в себе элементы вымысла, фантазирования, мифологизации, сказки. Современный турист ориентирован не только на восприятие фактов, но и на впечатление, которое создают определенные грамматические конструкции. Среди грамматических особенностей экскурсионного нарратива выделяются глаголы действия, глаголы в действительном залоге, глаголы в настоящем времени вместо прошедшего, глаголы в будущем времени, императивные конструкции, вопросительные предложения, использование местоимений 1 и 2 лица, эллиптические конструкции, инверсия, условные предложения, модальные глаголы в сослагательных конструкциях. Данные грамматические конструкции актуализируют дискурсивные стратегии вовлечения, позиционирования, диалогизации, интерактивности и др., обеспечивая более тесную связь между экскурсантами и объектами экскурсии, более полное понимание экскурсионного нарратива.

Ключевые слова: сторителлинг, вовлечение, нарратив, экскурсионный дискурс, грамматические особенности.

Основной задачей экономики впечатлений в индустрии туризма и гостеприимства является формирование положительного туристско-экскурсионного впечатления о месте пребывания. Причина успешности формирования такого впечатления во многом обусловлена материальной средой территории, города или региона, с другой стороны, при отсутствии ярких достопримечательностей города на первый план могут выходить его информационные ресурсы, которые позволяют конструировать экскурсионный дискурс как увлекательную историю, апеллирующую к мифам и легендам. Создание историй, другими словами сторителлинг, позволяет создавать инновационные туристско-экскурсионные продукты [Инновации..., 2020].

Понятие **сторителлинга** (с англ. *storytelling* – рассказывание/написание истории, повествование) пришло в экскурсионную практику из сферы управления персоналом [Armstrong, 1992]. При этом сам термин имеет прямую референцию к филологическим и лингвистическим исследованиям и сближается с понятием повествования.

Так, экскурсионный сторителлинг представляет собой практику использования повествовательных методов для улучшения туристского опыта, в частности, опыта экскурсий. Этот метод погружения в нарратив

включает в себя интерпретацию фактической информации, ее преобразование в истории, которые резонируют с участниками и создают более запоминающуюся и значимую связь с посещаемым местом [Mossberg, 2008].

В широком смысле в туризме сторителлинг рассматривается как продвижения турдестинаций на основе активной эксплуатации нарративной информации – легенд, мифов, преданий, городских историй и рассказов, которые становятся самостоятельными аттракторами, дополняющими или даже заменяющими традиционные объекты туристского интереса, материализующиеся посредством вещественных (сувениры, туристские гиды-путеводители и пр.), образно-знаковых (уличный стрит-арт, иконографические документы, мультимедиаформаты), текстовых, онлайн-овых и иных инструментов для потребления туристами. Появляется понятие «сторителлинговые дестинации» – аттрактивные для туристов объекты, в маркетинговом продвижении которых преобладают технологии сторителлинга [Афанасьев, 2017].

Сторителлинг играет ключевую роль в обогащении опыта путешественника, превращая необработанные факты в привлекательное, запоминающееся и соответствующее запросу клиента повествование. Данный метод проведения экскурсии служит мостом, который эмоционально соединяет туристов с местами, которые они посещают, тем самым способствуя глубокому пониманию культурного и исторического кода того или иного места [Cohen, 1985]. То есть экскурсионный сторителлинг – это не просто перечисление фактов и дат, а погружение слушателей в прошлое, создание эмоциональной связи с объектом или местом через увлекательный рассказ.

Вместо лекции слушателям рассказывают историю, т. е. экскурсовод становится рассказчиком, который ведет группу по сюжету. Слушатель эмоционально вовлекается в повествование. Оно вызывает интерес, сопереживание, удивление, восхищение, а может, и грусть, и вообще различный спектр эмоций. История оживает благодаря персонажам (реальным, собирательным, вымышленным). Структура такой экскурсии будет иметь компоненты истории, а именно завязку, развитие, кульминацию, развязку, мораль или идею. Структурные элементы, равно как и в художественном повествовании, могут быть хронологически расположены от завязки к развязке, или в зависимости от целей повествования поменяться местами.

Детали и образы, метафоры и метонимии добавляют краски повествованию и помогают создать «живые» образы в воображении экскурсантов. Диалог и интерактив – одни из ключевых характеристик экскурсионного сторителлинга. Экскурсовод задает вопросы, предлагает выбрать из нескольких вариантов правильный, использует элементы театрализации и даже вовлекает аудиторию в мини-представления.

Таким образом, преимущества сторителлинга в сравнении с традиционными методами ведения экскурсии очевидны. Среди них высокая вовлеченность слушателей в сюжет истории, лучшее запоминание, более глубокое понимание фактов и причинно-следственных связей, прочная

эмоциональная связь с объектом экскурсии, доступность излагаемой информации и уникальность экскурсионного продукта.

Грамматические особенности экскурсионного сторителлинга – это не просто «правила языка», а специально подобранные конструкции, которые усиливают воздействие истории на слушателей, создают динамику повествования, вовлекают аудиторию и помогают создать образы в воображении экскурсантов.

Глаголы действия и глаголы в активном залоге создают динамизм, помогают развитию сюжета, в отличие от глаголов в пассивном залоге, которые делают речь экскурсовода более формальной и отстраненной. Так, вместо *Было принято решение строить острог* искусный сторителлер скажет *Казачий атаман Иван Галкин открыл в 1630 удобный сухопутный путь из бассейна реки Ангара на реку Лену, ставшей впоследствии главной артерией переправки грузов на север. Это место получило название «Ленский волок». В том же году и в том же месте, откуда начинался Ленский волок на берегу реки Илим, атаман построил зимовье, которое из-за его важного местоположения вскоре превратилось в острог* [[https://ru.ruwiki.ru/wiki/ Илимск](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Илимск)].

Экскурсоводы часто используют глаголы в настоящем времени для описания событий в прошлом. Это как бы стирает грань между прошлым и настоящим, делая события более непосредственными, ощущаемыми здесь и сейчас и повышая вовлеченность аудитории, например, *В 1652 году, за 9 лет до того, как «Яков Похабов основал Иркутск», русские укрепляются на месте впадения реки Иркут в Ангару – строят зимовье на острове Дьячем* [<https://experience.tripster.ru>].

Экскурсионный сторителлинг изобилует глагольными формами в будущем времени, «заманивая» экскурсантов в удивительный мир повествования, вместе с тем привлекая внимание референцией к прошлому. В подобных нарративах экскурсовод применяет дискурсивную стратегию вовлечения, имплицитно пропозицию, содержащую скрытое условие ‘Если вы послушаете меня, я расскажу вам о прошлом, которое знаю только я’, например, *В уютных уголках и старинных кварталах вы погрузитесь в историю городской культуры и быта. Это будет беседа о временах, когда хвостик соболя считали бесценным подарком, а чай ценился дороже золота, когда театр был главным развлечением, фильмы измерялись метрами, а ди-джеями были дирижёры полковых оркестров, когда социальными сетями были газеты и все продукты были экологически чистыми* [<https://experience.tripster.ru>].

Глаголы в повелительном наклонении, императивные конструкции напрямую вовлекают слушателя в процесс воображения и сопереживания, заставляя его совершить мысленное или физическое действие, например, *Окунитесь в атмосферу Байкальской тайги, полную легенд, тайн и сказок!* [<https://baikalski.net>]; *Почувствуйте очарование стиля модерн, вообразите таинственные дворы-колодцы, погрузитесь в легенды о старых*

подземельях и призраках, шпионские страсти и будоражащие воображение истории о кладах – всё это ждет вас на экскурсии! [<https://experience.tripster.ru>].

Вопросительные предложения, в общем, и риторические вопросы, в частности, активизируют слушателей, заставляя их направлять внимание на объект экскурсии. Возможно, аудитория попробует предугадать развитие событий или даже почувствовать себя соучастником, героем истории, например, *Почему одно из первых предприятий города – винокурня и почему город страдал не от летних, а от зимних наводнений? Кем были «каменных дел мастера» и как они изготавливали кирпичи?* [<https://experience.tripster.ru>].

Использование в нарративе местоимений первого и второго лица объединяет рассказчика, слушателей и героев повествования, создает чувство общности, личной связи с историей. Грамматика нарратива реализует дискурсивную стратегию позиционирования, а именно единения, обеспечивая целевой аудитории чувство уверенности и надежности, например, *В путешествии по Тункинскому району вы откроете один из самых живописных уголков Бурятии. Наша экскурсия затрагивает историю, природу и культуру этого удивительного места. Тайны гор и дух бурных рек, сила уникальных источников и величие потухших вулканов, заповедные леса и святыни – мы хотим подарить вам яркий опыт, наполненный гармонией и уважением к окружающему миру; Когда-то этот дом принадлежал крупному купцу-меценату. Я расскажу, как этот человек стал одним из самых известных купцов Иркутской губернии и как алчность его жены едва не стоила ему жизни* [<https://experience.tripster.ru>].

Эллиптические предложения, в которых пропущен один из главных членов предложения, но который легко восстанавливается из контекста, добавляют тексту экскурсии динамичности, лаконичности и экспрессивности, имитируют разговорную речь, например, *Крестовоздвиженская церковь – единственная церковь в Сибири, которая упоминается во всех европейских энциклопедиях. Один из старейших православных храмов Иркутска. Выполнял функции кафедрального собора в 1929–1936 гг. и 1948–1991 гг.* [<https://guidego.ru/excursion/61b188704da84efbbc04735b/>].

Для выделения ключевого слова или создания определенной стилистической окраски экскурсовод-сторителлер может использовать инверсию. Непривычный порядок слов неизбежно привлекает внимание аудитории, создает ритм, усиливает эмоциональную окраску, например, *Кынгырга стекает с гор своим бурным потоком и протекает по живописному ущелью, над которым проходит экотропа. По ней мы и будем гулять* [<https://experience.tripster.ru>].

Условные конструкции и сослагательное наклонение в целом помогают создать яркие метафоры, гипотетические сценарии, которые углубляют понимание реальной ситуации. Такие конструкции позволяют экскурсоводу передавать различные оттенки значения, связанные с нереаль-

ностью, желаемостью, предположением и пр., например, *В окрестностях Аришана, согласно мифам, обитают духи природы, которые защищают места, помогают тем, кто бережлив к окружающей среде. Если люди несут вред природе или не уважают ее, они могут стать жертвами духов; После всех проведенных ритуалов нужно присесть, задать сокровенный вопрос и посмотреть на камень. Если там появится лик богини, значит, она вас услышала, и желание сбудется* [<https://baikaltravel.ru>]; *Какую роль сыграл Иркутск, когда возникла идея искать выход к Америке из Азии? Безусловно, если бы не иркутские купцы, отношения с коренными жителями Америки не сложились бы. А если бы не было интриг и махинаций, кто знает, какова бы была судьба Российско-американской компании* [<https://experience.tripster.ru>].

Еще одной грамматической особенностью предложений в экскурсионном сторителлинге является разделение единой синтаксической конструкции на несколько интонационно и пунктуационно самостоятельных отрезков, т. е. парцелляция. Это усиливает эмоциональный заряд высказывания, выделяет ключевые моменты, создает эффект разговорной речи и, в зависимости от контекста, создает напряжение, например, *Погрузитесь в увлекательное путешествие по исторической Кругобайкальской железной дороге – золотой пряжке на стольном поясе России! Этот удивительный путь вдоль берегов Байкала! Невероятные пейзажи. Уникальное инженерное и историческое наследие* [<https://baikaltrain.ru>].

Итак, использование сторителлинга как инновационного метода в экскурсионной деятельности невозможно переоценить. Современный экскурсант желает не только получить фактологическую информацию об экскурсионном объекте, но и погрузиться в его историю, пережить и почувствовать то, что чувствовали герои экскурсионного нарратива. Эффект вовлеченности, диалогизации, интерактивности и др. актуализируется в особой грамматике экскурсионного сторителлинга.

Литература

- Афанасьев О. Е. Сторителлинг дестинаций как современная технология туризма. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-destinatsiy-kak-sovremennaya-tehnologiya-turizma>.
Гора соболиная. URL: <https://baikalski.net>.
Индивидуальная обзорная экскурсия «Иркутск в параллели веков». URL: <https://guidego.ru/excursion/61b188704da84efbbc04735b>.
Инновации в экскурсионной работе: концепции, технологии, практика / О. Е. Афанасьев, К. В. Агнаева, К. А. Лебедев [и др.]. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2021.
Илимск. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Илимск>.
Необычные истории от местных жителей. URL: <https://experience.tripster.ru>.
Туризм и отдых в республике Бурятия. URL: <https://baikaltravel.ru>.
Armstrong D. G. Managing by Storying Around: A New Method of Leadership. N. Y. : Doubleday, 1992.
Baikal Train. URL: <https://baikaltrain.ru>.
Cohen E. The tourist guide: The origins, structure and dynamics of a role // Annals of Tourism Research. 1985. N 12 (1). P. 5–29.
Mossberg L. Extraordinary experiences through storytelling // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. 2008. N 8 (3). P. 195–210.

O. A. Kaverina, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk)
V. Yu. Klyuchnikova, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk)
M. V. Novosyolova, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk)

GRAMMATICAL PECULIARITIES OF EXCURSION STORYTELLING

Abstract. The article explores the grammatical features of excursion storytelling. Excursion storytelling is an innovative method of representing factual information, combining elements of fiction, fantasy, mythologization, and fairy tales. A modern tourist is focused not on the perception of facts, but on the impression created by certain grammatical constructions. Among the grammatical features of an excursion narrative are action verbs, verbs in the active voice, verbs in the present tense instead of the past, verbs in the future tense, imperative constructions, interrogative sentences, the use of 1st and 2nd person pronouns, elliptical constructions, inversion, conditional sentences, modal verbs in subjunctive constructions. These grammatical constructions actualize discursive strategies of involvement, positioning, dialogization, interactivity, and others, providing a closer connection between excursionists and excursion objects, a more complete understanding of the excursion narrative.

Keywords: storytelling, immersion, narrative, excursion discourse, grammatical peculiarities.

И. М. Кобозева, доктор филологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт языкознания РАН, г. Москва

ОПЫТ ПРОЯСНЕНИЯ «ТЕМНЫХ МЕСТ» В ГРАММАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЧАСТЯМИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ¹²

Аннотация. В статье классификация сложных предложений в «Русской грамматике» (1980), основанная на семантических отношениях между их частями, рассматривается на фоне классификации логико-семантических отношений, разработанной О. Ю. Иньковой для контрастивных исследований, и классификации риторических отношений, используемой в Теории риторических структур для анализа семантической структуры дискурса. Выявляется общее ядро этих классификаций, содержащее 10 типов отношений, имеющих ясную семантическую интерпретацию. Затем рассматриваются четыре выделяемых в «Русской грамматике» типа отношений с неясной интерпретацией, не позволяющей определить наличие того или иного из них между частями сложного предложения: пояснительные, присоединительно-комментирующие; присоединительно-распространительные; факультативно-комментирующие. На примерах из грамматики демонстрируется, что за каждым из этих типов отношений на деле скрываются разные логико-семантические отношения, выделяемые в других классификациях и имеющие ясную логическую природу: отношение между элементом и множеством, частью и целым, отношение конкретизации, обобщения, переформулирования и оценки.

Ключевые слова: сложное предложение, коннектор, логико-семантические отношения, классификация, «Русская грамматика».

¹² Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00528п.

Семантическое поле, покрываемое коннекторами (союзами и союзоподобными языковыми единицами) в любом языке – это поле синтагматических смысловых отношений, ядром которого служат отношения, устанавливаемые между ситуациями (и соответствующими им ментальными конструктами – пропозициями): временные, причинно-следственные и прочие. Это те самые отношения, которые лежат в основе «естественной логики». Чтобы отличить такие отношения от семантических отношений другого типа (например, ролевых отношений между предикатом и его аргументами), будем вслед за О. Ю. Иньковой [Инькова-Манзотти, 2001, с. 15–17] называть их логико-семантическими (ЛСО).

Коннекторы, в частности союзы, по-видимому, появились уже на ранних стадиях развития языков мира. А. Вежбицкая включила коннекторные смыслы ‘потому что’, ‘если’ и ‘как’ (для ЛСО причины, условия и сходства) в набор семантических примитивов, т. е. элементарных понятий, не сводимых к каким-то более простым [Wierzbicka, 1999]. Очевидно, что средства для выражения этих и других ЛСО были востребованы на каком-то этапе развития человеческого сознания. И это несмотря на то, что во многих случаях мы не нуждаемся в экспликации ЛСО между пропозициями, так как легко устанавливаем их исходя из знаний о мире, например, причинно-следственное отношение в (1): *Я разбил любимую мамину чашку. Она расстроилась.*

Это объясняет, почему многие коннекторы, по терминологии [РГ, 1980], имеют «недифференцированное значение», точнее, выражают очень абстрактное ЛСО между пропозициями, например, ЛСО обусловленности без уточнения того, между какого рода сущностями оно имеет место: между ситуациями, между ситуацией и выводом, полученным на ее основе, между пропозицией и высказыванием, которое обусловлено ее истинностью. Такие коннекторы только намекают на конкретное отношение, которое вычисляется благодаря действию множества других лингвистических и экстралингвистических факторов. Если действие этих факторов искусственным путем устранить, мы получим неудобопонимаемое предложение типа (2): *?Груз прибыл по расписанию, и в лесу были волки.* При этом принято считать, что у таких коннекторов не одно, а много значений, распределенных по типам контекстов их употребления. Мы также приняли эту точку зрения и в базе данных РУСКОН (см. о ней в [Кобозева, Сердобольская, Крюкова, 2023]) приписали таким союзам разные значения, выделяемые у них словарями и грамматиками.

По мере усложнения мироустройства потребовались и союзы другого типа, не намекающие на наличие отношения, а непосредственно на него указывающие. Так, из (3) *Несмотря на то, что груз прибыл по расписанию, в лесу были волки,* нам ясно, что ситуация в главной клаузе противоречит ожиданиям, которые связывались с ситуацией в зависимой клаузе.

Итак, в целом коннекторы сами по себе или вместе с другими языковыми средствами облегчают установление смысловых отношений между

предикативными (и не только) единицами текста. Это объясняет постепенное расширение класса этих грамматических маркеров. Их список хотя на каждом синхронном срезе и ограничен, как положено грамматическим единицам, но все же достаточно велик, во всяком случае в языках с давней письменной традицией. Так, в списке союзов и союзоподобных единиц, т. е. коннекторов, в [РГ, 1980] насчитывается более 600.

Поскольку наборы значений у полисемичных коннекторов пересекаются, а в поле коннекторов широко представлена синонимия ЛСВ коннекторов и вариативность их формы, то ясно, что количество ЛСО, требуемых для понимания того, что говорится, меньше, чем количество коннекторов. Этот факт находит отражение в описательных грамматиках в виде семантических классификаций сложных предложений (СП), из которых можно извлечь набор ЛСО и даже их таксономию. Мы выявили такой набор ЛСО из [РГ, 1980] и сопоставили его с расширенным списком «риторических отношений» (РО) Теории риторической структуры (ТРС) [Рассказы о сновидениях ..., 2009, с. 438–440] и классификацией ЛСО О. Ю. Иньковой [Инькова, Манзотти, 2019, с. 72–85], разработанной для сопоставительных исследований, с целью выработать оптимальный набор типов и видов ЛСО для семантической разметки БД РУСКОН. В результате выделилось ядро ЛСО, присутствующее на том или ином уровне во всех рассмотренных классификациях, включая принятую в РУСКОН (см. табл. 1).

Таблица 1

Общая часть классификаций ЛСО

РГ-80	ТРС	Инькова	РУСКОН
Собственно-соединительные	Конъюнкция	Соединительные	Соединение
Сопоставительн.	Сопоставление	Сопоставление	Сопоставление
Противопоставления	Противопоставление	Противопоставл.: - собственно - вопреки ожидан.	Адверсатив: - противительн.
Разделительные	Дизъюнкция	Альтернатива	Дизъюнкция
Условные	Условие	Условие	Условие
Причинные	Причина	Причина	Причина
Следствия	Результат Следование	Следствие	Следствие - результат - умозаключение
Цели	Цель	Цель	Цель
Уступительные	Уступка	Уступка	Адверсатив - уступка
Сравнение	Сравнение	Сравнение	Сравнение

Данные 10 типов (или подклассов) ЛСО совпадают в разных классификациях потому, что имеют ясную интерпретацию, легко распознаются и, как правило, имеют в языке союзы, специализирующиеся на их выражении.

Наиболее трудными для сопоставления и наименее разработанными в грамматическом анализе СП оказались отношения, которые в [РГ, 1980] обозначены так, что ни по названию, ни по их описанию невозможно уловить конкретное содержание отношения: пояснительные; присоединительно-комментирующие; присоединительно-распространительные; факультативно-комментирующие.

Указание на «присоединительность» не информативно, так как все коннекторы что-то присоединяют. В разметке РУСКОН мы временно сохранили этот ярлык, хотя и придали ему более конкретное содержание, чем в [РГ, 1980], о чем будет сказано ниже. Указание на «факультативность» также семантически пусто, поскольку все четыре типа отношений присоединяют клаузу, которая может быть опущена как менее существенная для смысла текста. Указание на «комментирующие», на первый взгляд, кажется более содержательным, хотя речевой жанр комментария семантически весьма разнообразен. Метка «комментарий» могла бы указывать на то, что присоединяемая клауза не содержит информации, относящейся к основному, т. е. к диктальному, пропозициональному содержанию текста, а вводит модусную информацию, например, оценку. Но анализ примеров из [РГ, 1980] показывает, что комментирующими названы отношения, которые связывают клаузы, относящиеся к диктуму предложения-высказывания, иными словами, к предмету речи.

Так, о «факультативно-комментирующих отношениях» (ФКО) сказано: «сообщаемое во второй части подается в виде примечания к сказанному, служит уточняющим пояснением, поправкой к предшествующей части» [РГ, 1980, с. 631]. Напомним, что при этом отдельно существуют «пояснительные отношения».

Все приведенные в грамматике примеры ФКО вводят клаузы, содержание не модальную, а диктальную, информацию. Примеры:

(4) *Кожа акулы используется для полировки дерева; **кроме того**, ею обивают ценные вещи.*

(5) *Мы мерзнем на ходу, на привалах, **даже** за едой никак не согреться.*

(6) *Он не то разговаривает, не то движется, **во всяком случае** это изображение живет.*

При этом можно заметить, что ЛСО между соединяемыми пропозициями не тождественны, о чем свидетельствует невозможность замены одного коннектора другим.

В (4) вторая клауза добавляет новую информацию того же типа, что и первая, о еще одном применении кожи акулы. То есть в множество добавляется новый элемент того же типа. ЛСО добавления элемента в множество имеет ясную логическую природу и выделяется как отдельное ЛСО в разных классификациях (см., например, [Инькова, Манзотти, 2019; Kortmann, 1997]), в том числе в РУСКОН.

В (5) ко второй эллиптической клаузе с пропозициональным содержанием ‘мы мерзнем на привалах’ добавляется третья, не добавляющая новой информации, так как уже известно, что на привале мерзнут, а значит мерзнут и за едой, так как едят, как известно, не на ходу, а на привале. Тем самым вторая клауза специфицирует, конкретизирует сообщенную уже во второй клаузе информацию, уточняя, что сказанное относится и к той фазе привала (к еде), от которой можно было ожидать иного. То есть имеет место ЛСО «фазы» к «процессу», которое можно рассматривать как частный случай ЛСО уточнения, конкретизации. Это ЛСО коррелирует с формулировкой [РГ, 1980] «служит уточняющим пояснением» и фигурирует под разными названиями в других классификациях ЛСО.

В (6) между соединяемыми частями СП наблюдается обратное отношение. Сначала сообщается о конкретных проявлениях жизни (*разговаривает, движется*), а затем добавляется обобщение (*живет*). Это отношение обобщения, которое также выделяется в отдельный тип в других классификациях.

Семантический анализ примеров на «пояснительные отношения», выражаемые, согласно [РГ, 1990] составными союзами *то есть* и *а именно*, также показал, что в них выражены разные ЛСО: конкретизации, переформулирования и оценивания. При этом отношение оценивания выделяется там же в особый класс «присоединительно-комментирующих», иллюстрируемых примерами типа (7) *И она будет драться за тебя, зубами вцепится, не отдаст, и – права*. Среди примеров на «присоединительно-распространительные» отношения (ПРО), усматриваемые только в семантике союза *а*, также возможно встретить ЛСО оценивания. Так, на ПРО приведен пример (8) *Глеб – жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще*, на основе которого легко построить семантически близкий пример: (9) *Глеб – жесток, а это плохо*.

Итак, соотношение четырех типов нечетко определенных и пересекающихся друг с другом типов ЛСО из описательной грамматики [РГ, 1990] с типами ЛСО, выделяемыми в других классификациях, можно представить в виде табл. 2.

Таблица 2

Соотношение типов ЛСО в разных классификациях

РГ-80	ТРС	Инькова	Рускон
Присоединительно-комментирующие	Оценка Интерпретация	–	Присоединение
Присоединительно-распространительн.	Детализация Оценка Интерпретация	Соединительные Сопутствование	Присоединение
Факультативно-комментирующие	Детализация	Генерализация Спецификация Добавление	Обобщение Конкретизация Аддитивность
Пояснительные	Детализация Переформулировка Оценка	Спецификация Поясн. переформулирование	Конкретизация Переформулирование

Таким образом, «темные места» в классификации ЛСО, предлагаемой в [РГ, 1980], могут быть безболезненно устранены путем введения дополнительных типов ЛСО, имеющих ясное логическое содержание. При этом следует идти не от союзов, а от отношений, которые они могут или не могут маркировать. В таком случае большинство союзов окажется союзами «недифференцированного значения». Правильнее было бы сказать, что любой союз имеет свой интерпретационный потенциал, т. е. способность выражать ЛСО тех или иных типов.

Литература

Инькова О., Манзотти Э. Связность текста: мерелогические логико-семантические отношения. М. : ЯСК, 2019.

Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование) : монография. М. : Информэлектрон, 2001.

Кобозева И. М., Сердобольская Н. В., Крюкова А. И. Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты // Вестник Тюменского государственного университета. 2023. № 4. С. 36–47.

Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. М. : ЯСК, 2009.

РГ: Русская грамматика. Т. 2 / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980.

Kortmann B. Adverbial Subordination. A Typology and History of Adverbial Subordinators Based on European Languages. N. Y. : Mouton De Gruyter, 1997.

Wierzbicka A. A semantic basis for linguistic typology // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / под ред. Е. В. Рахилиной, Я. Г. Тестельца. М. : ЯРК, 1999. С. 539–543.

I. M. Kobozeva, Doctor of Philology, Professor (Moscow)

CLARIFYING OBSCURITIES IN GRAMMATICAL CLASSIFICATION OF SEMANTIC RELATIONS BETWEEN THE PARTS OF COMPLEX AND COMPOUND SENTENCES

Abstract. The article considers the classification of semantic relations between the clauses implicitly presented in the classification of complex and compound sentences in “Russian Grammar” (1980), and compares it to the two similar classifications: the classification of logic-semantic relations proposed by Olga Inkova for contrastive studies and the classification of rhetorical relations in Rhetorical Structure Theory for the discourse analysis. We show the common core of these classifications comprising 10 types of relations, having clearcut semantic interpretation. Then we discuss four types of relations introduced without definitions in “Russian Grammar” (1980) that have unclear interpretation making it hard to determine which of them is present between the clauses of a sentence: explanatory, adjoining-commenting, adjoining-expanding, optionally-commenting. Using the illustrative examples from the grammar we demonstrate, that each of these four relation types in fact disguises different semantic relations, defined in other classifications on logical grounds: the relation between an element and a set, between the part and the whole, the relations of specification, generalisation, restatement and evaluation.

Keywords: complex sentence, compound sentence, connective, logic-semantic relations, classification, “Russian grammar-1980”.

Т. Л. Колосовская, магистр лингвистики, аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ПОСЛЕ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА МНЕ ЗДЕСЬ ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО: СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТРУКЦИИ <X – Y-у ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО> В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ¹³

Аннотация. Статья посвящена устойчивому сочетанию *делать нечего*, которое в современном языке приобрело нестандартное значение, не выводимое из семантики его компонентов. Существуют зафиксированный словарями фразеологизм *делать нечего* со значением 'приходится примириться с чем-либо' и синтаксическая конструкция <X-у делать нечего>, выражающая неуместность в данном месте конкретного объекта. На базе этих двух единиц возникает сравнительно-оценочная конструкция <X – Y-у делать нечего>, представляющая особый интерес для настоящего исследования, так как предполагает сопоставление двух объектов и рациональную оценку, основанную на объективном суждении. Данная конструкция синонимична таким единицам, как <X/P – Y *отдыхает>, <X в подметки (не) *годится Y-у>, <куда X-у до Y-а>, <X ни разу не Y> и под. Полученные наблюдения могут быть полезны в лексикографической практике, в практике преподавания, особенно русского языка как иностранного, при теоретическом осмыслении переходных случаев между лексикой и синтаксисом, они способны также пополнить базу Русского Конструктикона.

Ключевые слова: сравнительно-оценочная конструкция, оценка, объект сравнения, эксплицитный и имплицитный признак сравнения.

В теории номинации долгое время господствовало *словоцентристское направление*, и исследовательское внимание больше уделялось словам, чем их сочетаниям или цельным конструкциям. Повседневная речь несколько смещает акценты: «Наличие единой и общеобязательной нормы, касающейся употребления слов, их звукового облика и грамматических форм, их сочетаемости друг с другом <...>, является основным признаком литературного языка» [Шмелев, 2002, с. 653], в то время как в повседневной речи кодифицированная норма отходит на второй план.

В центре настоящего исследования находится *сравнительно-оценочная конструкция* <X – Y-у делать нечего>. Цель работы – описать функционирование конструкции с компонентом *делать нечего* в русском разговорном языке, который является «в некотором смысле минимальной системой национального языка, филогенетически и онтогенетически первичной системой, важнейшей по диапазону общественной и индивидуальной значимости» [Скребнев, 1985, с. 9].

Пользовательский подкорпус исследования включает контексты из устного (УП) и газетного (ГП) подкорпусов Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorpora.ru].

¹³ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Чтобы стать *конструкцией*, сочетание слов должно пройти сложный путь, приобретая определенные характерные черты и становясь единицей, у которой есть «аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова, 2010, с. 19]. Так, в сочетании *делать нечего* компоненты могут иметь прямое значение, и тогда вся единица подразумевает ‘отсутствие какой-либо деятельности, бесполезное времяпрепровождение’, ср.:

(1) [Марианна Г.] *В каком он будет. А то/ мож / приедешь к нам в субботу.* [Оксана О.] *Ну/ может/ и приеду/ если чё/ мне **делать нечего**/ то я/ может/ и заеду тогда к вам;*

(2) *Ну да/ июнь целый сессия/ а потом/ не / не то чтобы **делать нечего**/ ну просто некуда деться вообще летом. Я не хочу в Москве сидеть/ а денег щас у меня вообще не будет/ куда-то там уезжать.*

В устной речи не только слова начинают развивать дополнительные значения, но и словосочетания способны приобретать семантику, которая характерна всей единице, а также утрачивать прямые значения отдельных компонентов внутри этой единицы. В «Учебном фразеологическом словаре» находим словарную статью для устойчивой единицы *делать нечего*: «Разг. Неизм. Приходится примириться с чем-либо (обычно с тем, что есть); а другого выхода нет, иначе поступить нельзя. = **Ничего не поделаешь**. Все знали, что до воды мы дойдём только к сумеркам. **Делать нечего**, оставалось запастись терпением (В. Арсеньев)» [Быстрова, Окунева, Шанский, 1984, с. 76].

Этим значениями единица *делать нечего* не ограничивается. Например, в тексте «Лекции о международном положении» Владимира Высоцкого есть такие строки:

*Плывут у нас по Волге ли, по Каме ли
Таланты – все при шпаге, при плаще, –
Руслан Халилов, мой сосед по камере, –
Там **Мао делать нечего** вообще!* [<https://rupoem.ru/vysotskiy/ya-vam-rebyata-na.aspx>].

Совершенно очевидно, что сочетание *делать нечего*, к которому присоединяется компонент *вообще*, используется не в словарном лексическом значении, расширяя общую семантику. В данном случае наблюдаем за функционированием сравнительно-оценочной конструкции <X – Y-у делать нечего>, о которой речь пойдет ниже.

Сперва стоит отметить, что чаще в контекстах устного и газетного подкорпусов НКРЯ встречается незафиксированная словарями конструкция <X-у делать нечего>. Она включает в состав компонент X в Д. п., а также выражает оценку *ненужности в отношении конкретного объекта по ряду признаков (причин)*, ср.:

(3) «Если будет выстроен новый зал филармонии, тогда будем рассуждать по-другому. Хотя мое мнение таково, что **церкви (X)** в детском парке, рядом с дворцом пионеров, **делать нечего**», – добавила она.

При этом признак, на основе которого дается оценка, нередко представлен в контексте эксплицитно, например, через конструкцию с существительным в Тв. п. и предлогом с (в примерах 4–5 подчеркнуто), поэтому можно уточнить схему конструкции <Х-у делать нечего (Z)>, в которой глагол и местоимение могут меняться позициями, ср.:

(4) *Софья Гаврилова и Алексей Корси, изготавливая слепки (то есть отражения и тени) реальности в виде фотографии и скульптуры, явно не собираются переходить на темную сторону мироздания. Напротив, они стремятся к свету истины и крепко держат тень в руках, нисколько не боясь теней истории искусства. Так что человеку в сером, обменявшему, как известно, тень Петера Шлемиля на волшебный кошелек (Х), тут **нечего делать** с его теневой экономикой (Z);*

(5) *Сезон у меня не складывается. Скажу честно, на этапах Кубка мира мне (Х) с такими результатами и самочувствием (Z) просто **нечего делать**. Меня приглашали в сборную на этап в Антхолц. Но я решила – не стоит туда ехать, чтобы занимать 80-е места. Это не мой уровень.*

Кроме того, зачастую в конструкцию включается единица, которая конкретизирует, где именно неуместен объект Х (в примерах 6–8 подчеркнуто), ср.:

(6) *По словам Пашикова, Кошечкину (Х) на чемпионате мира «в общем-то нечего делать», потому что основными вратарями сборной России являются Илья Брызгалов и Семен Варламов. Пашиков назвал Кошечкина «спорной фигурой» и отметил, что его появление в составе негативно повлияло (Z) на настрой остальных игроков;*

(7) [Глазычев (Ю. Никулин, муж, 44, 1921)] *Вперёд [Дуговец (Л. Кмит, муж, 57, 1908)] К твоему сведению/ там / где работал мой Дон/ другой собаке (Х) **делать нечего**;*

(8) *Покупка квартиры в Москве с целью получить выгоду исключительно от сдачи в аренду – затея изначально провальная. Только на то, чтобы выйти в ноль, при бесперебойной аренде и без больших проблем со съёмщиками в общем случае потребуется более 15 лет (и это без расходов на ремонт и без учета амортизации). Если, разумеется, речь идет о долгосрочной аренде без всякого криминала и почасовой оплаты. Одним словом, частнику с улицы (Х) **в этом бизнесе делать нечего**, если нет лишнего жилья.*

Такой тип конструкции включает в себя оценку, ср.: «Оценка – это термин, демонстрирующий в широком смысле отношение, позицию, точку зрения или мнение говорящего, пишущего о суждениях, которые он сам и создает» (в оригинале: «Evaluation is the broad cover term for the expression of the speaker or writer's attitude or stance towards, viewpoint on, or feeling about the entities or propositions that he or she is talking about») (перевод мой – Т. К.) [Evaluation ..., 2000, с. 5], т. е. с помощью оценки автор выражает свое личное отношение к сообщаемой информации, демонстрирует свою точку зрения.

Как только в коммуникативной ситуации появляется еще один объект сравнения, возникает разновидность устойчивой единицы – сравнительно-оценочная конструкция <X – Y-у *делать нечего*>, ср.:

(9) *И кто же в этой борьбе победил? Новый Уренгой? – В последние годы у снегоходчиков появилась своеобразная поговорка: если приехал **Новый Уренгой** (X), то **другим** (Y) в борьбе за золото **делать нечего** – «Ямбург» и «Факел» имеют очень солидную базу и хороших гонщиков. Но пришло время и другим командам бросить вызов. В прошлом году это сделал Денис Рязанцев из Ярославля.*

В контексте можно наблюдать за компонентами, которые, находясь в близком окружении конструкции, помогают слушателю или читателю понять, какую оценку дают объектам, как в примерах 10–11, ср.:

(10) *И откровенно неэстетично выглядела поза «верблюда, пьющего воду», на протяжении практически всего боя демонстрированная Поветкиным. Ходок **Поветкин** разочаровал очень сильно, против **братьев Кличко** (X) **ему** (Y) **делать нечего**, считаю что его даже Чисора (X) разобрал бы, плох Поветкин, очень плох, нужно искать более подходящую кандидатуру, Поветкин сегодня вышел в расход;*

(11) *Конечно, до **западной эстрады** нам никогда не дотянуться. Мы сильно уступаем в качестве аранжировок, не говоря уже об уровне вокала – тут **нашим** (Y) просто **делать нечего** рядом с **их звездами** (X).*

В лингвистике выделяют два типа оценки: эмоциональную, основанную на субъективном суждении, и рациональную, основанную на объективном суждении [Вольф, 2002, с. 22]. Последняя опирается на стереотип, существующий в общественном сознании. Наличие таких сочетаний, как *разочаровал очень сильно, очень плох* в контексте (10) и *уступаем в качестве, не говоря об уровне вокала* в контексте (11), лишь укрепляют превосходство X над объектом Y – *Поветкиным* и *звездами российской эстрады*. Кроме того, в примерах наблюдаем наличие синонимичных конструкций, которые дают оценку объекту: *X разобрал бы Y, Y вышел в расход* в примере (9), *Y-у не дотянуться до X-а* в примере (10).

Как и любая другая синтаксическая конструкция, рассматриваемая способна расширяться за счет дополнительных служебных слов (12) или же включать несколько объектов сравнения в позициях X или Y (13), ср.:

(12) *Помните «Ласковый май»? Его создатель Андрей Разин – величайший аферист, **даже Ване Шаповалову, продюсеру «Тату»** (Y), **рядом с ним** (X) **делать нечего**;*

(13) *Михалкову, лично скорректировавшему сценарий, виднее. **Олегу Меньшикову в роли Фандорина** (Y₁) и **Константину Хабенскому, играющему Грина** (Y₂), **рядом с Михалковым – Пожарским** (X) **делать нечего**. Меньшикову, конечно, труднее, он вынужден часто и долго находиться в кадре вместе с художественным руководителем, сохраняя фирменное фандоринское спокойствие. Что видимо причиняет замечательному актеру, тоже виртуозу лицевой мимики, невероятные профессиональные страдания.*

Примечательно, что среди примеров встретились случаи, в которых объект сравнения встраивается в конструкцию благодаря предложно-падежной форме, включающей предлог *после* и объект X в Р. п. Так, можно говорить о варианте конструкции с более жестко фиксированными объектами <после X-а Y-у делать нечего>, ср.:

(14) *Появление консерватора-общественника в интеллектуальной «колыбели либералов» наделало гораздо больше шума, чем программный доклад Алексея Кудрина. Но отсутствие радикализма повышает кудринские шансы стать главным российским реформатором после 2018 года. – После вас (X) Алексею Леонидовичу Кудрину (Y) в социальном вопросе делать нечего;*

(15) *Очевидцы описывают случай, когда на вечере поэзии в Доме литераторов Пастернак должен был выступать после Васильева. Павел читал «Стихи в честь Натальи» и был встречен такими оациями, что Борис Леонидович, выйдя на сцену, вдруг объявил: «Ну, после Павла Васильева (X) мне (Y) здесь делать нечего!», повернулся и ушел.*

Как уже отмечалось, в ходе исследования были найдены примеры, в которых глаголу *делать* предшествует местоимение *нечего*. Важно отметить, что сравнительно-оценочной конструкции среди этих контекстов обнаружено не было. При такой позиции закрепленных единиц встретилась только конструкция <X делать нечего (Z)>.

Предложенные наблюдения могут быть полезны в лексикографической практике, при теоретическом осмыслении переходных случаев между лексикой и синтаксисом, они способны также пополнить базу Русского Конструктикона.

Литература

- Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь русского языка : пособие для учащихся нац. школ. Л. : Просвещение, 1984.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС, 2002.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new>.
- Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / под ред. Е. В. Рахилиной. М. : Азбуковник, 2010. С. 18–79.
- Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985.
- Шмелев Д. Н. Литературный язык и язык художественной литературы // Избранные труды по русскому языку. М. : Языки славян. культуры, 2002. С. 653–672.
- Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse / eds. S. Hunston, G. Thompson. Oxford : Oxford University Press, 2000.

T. L. Kolosovskaya, Master of Linguistics, Postgraduate Student (St. Petersburg)

POSLE PAVLA VASIL'EVICHA MNE ZDES' DELAT' NECHEGO: THE FORMATION OF THE <X – Y-u DELAT' NECHEGO> IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH

Abstract. The article is devoted to the stable combination **delat' necheho**, which has acquired a non-standard meaning in a modern language that can't be deduced from the semantics of its components. There is a phraseological unit **delat' necheho** fixed in dictionaries with the meaning of "you have to come to terms with something" and the syntactic construction <X-u delat' necheho>, expressing the inappropriateness of a particular object in a given place. The comparative-evaluative con-

struction <X – Y-у делать нечего> arises on the basis of these two units, which is of particular interest to this study, since it involves comparing two objects and a rational assessment based on an objective judgment. This construction is synonymous with such units as <X/P – Y *отдыхает>, <X в подметки (не) *годится Y-у>, <куда X-у до Y-а>, <X ни разу не Y> and under. Russian observations can be useful in lexicographic practice, in teaching, especially Russian as a foreign language, in the theoretical understanding of transitional cases between vocabulary and syntax, they can also replenish the base of the Russian Constructicon.

Keywords: comparative evaluation construction, evaluation, objects of comparison, explicit and implicit signs of comparison.

Ю. М. Кувшинская, кандидат филологических наук
НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва

РАЗВИТИЕ НЕЗАВИСИМОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СОЮЗАМИ «ХОТЯ» И «ПОТОМУ ЧТО»: ФУНКЦИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО СООБЩЕНИЯ

Аннотация. Работа посвящена независимому употреблению предложений с союзами, которые принято считать подчинительными (*потому что, хотя*). Такие случаи широко распространены в современной письменной речи, что подтверждается данными Национального корпуса русского языка. Отсутствие экспрессии не позволяет отнести эти примеры к парцелляции; при этом в исследованиях по парцелляции, как и в работах о союзах, отмечается устойчивость подобных употреблений в современной русской речи. Наблюдения над корпусным материалом показывают, что такие употребления встречаются в определенных контекстных условиях. В статье рассматривается один из типов контекста, в которых предложения с союзами «хотя» и «потому что» употребляются независимо – такой, в котором эти предложения выражают дополнительную по отношению к теме фрагмента информацию. Обсуждаются пути формирования такого типа употребления.

Ключевые слова: русская грамматика, синтаксические варианты, союзы, дискурс, парцелляция, «потому что», «хотя».

В современной русской письменной речи встречается самостоятельное употребление предложения с подчинительными союзами (*потому что, так как, хотя, что, чтобы, который* и др.), при этом союз оформляет отношения предложения с другими предложениями текста, но не присоединяет придаточную часть к главной части сложноподчиненного предложения.

(1) *Я считаю, что усиление наших позиций на этом пространстве – очень важная задача. **Потому что** мы имеем в этом регионе особые интересы – это и зона наших экономических интересов, и зона интересов нашей национальной безопасности...* (Коммерсант, 20.03.2003).

В литературе такие случаи описаны как случаи парцелляции, т. е. как прием экспрессивного синтаксиса [Ванников, 1990; Ванников, 2009; Иванчикова, 1968, с. 279; Сковородников, 1980, с. 86; Пинегина, 2005, с. 4; Цумарев, 2003, с. 7]. В то же время в ряде работ было показано, что отделение части сложного предложения далеко не всегда связано с выра-

жением экспрессии; оно может быть вызвано необходимостью логического выделения [Цумарев, 2003, с. 7], перераспределения информации [Сковородников, 1980, с. 90], необходимостью «разгрузки» длинного предложения [Сковородников, 1980; Иванчикова, 1968, с. 278, 284]. Более того, Е. А. Иванчикова уже в конце 1960-х гг. отмечала, что неэкспрессивные «парцеллированные» употребления «узакониваются» литературным языком и признаком этого «служит уже частично наметившаяся их постепенная стилистическая нейтрализация и шаблонизация» [Иванчикова, 1968, с. 297].

Исследователи отмечали, что сложноподчиненные предложения с обстоятельственными придаточными особенно легко парцеллируются по причине слабой семантической связи между придаточным и главным предложением [Иванчикова, 1968]. С этим согласуется и позиция авторов теории риторической структуры, которые рассматривают отношения между частями в СПП с сентенциальным обстоятельством не как грамматические (сочинение и подчинение), а как дискурсивные (т. е. текстовые) [Matthiessen, Thompson, 1988; Пекелис, 2015].

Данная работа посвящена независимому употреблению предложений с союзами *потому что* и *хотя*.

Предложения, вводимые причинным союзом *потому что*, в современной русской речи весьма часто оформляются не как придаточные, а как самостоятельные [Кувшинская, 2023а, 2023б, 2024; Лю, Титкова, 2016]. Примечательно, что среди предложений с причинными союзами наиболее часто употребляются независимо именно предложения с союзом *потому что* [Саунина, 2024].

Что касается предложений с уступительным союзом *хотя*, то об очевидном закреплении в современной письменной речи независимого употребления предложений с союзом *хотя* писала А. Ф. Прияткина. Исследуя русскую речь второй половины XX – начала XXI в., она указывала, что отделение точкой придаточных с союзом *хотя* от главного предложения может давать текст, а не парцелляцию как таковую, поскольку этот союз, как и некоторые другие, близок к частице (очевидно, выражает модальные значения и приобретает функции дискурсивного слова. – Ю. К.) [Прияткина, 2007, с. 325].

Иначе говоря, независимое употребление предложений с союзами *потому что* и *хотя* представляет собой очевидный факт современной русской речи. При этом меняется функция союзов, которые приобретают свойства дискурсивных слов [Кувшинская, 2023а; Саунина, 2024; Прияткина, 2007, с. 325].

В связи с этим перед исследователями встает ряд задач: описать условия, при которых предложения с этими союзами употребляются как независимые; выявить ограничения таких употреблений; исследовать изменения функций союзов; выявить ход и причины развития такого употребления предложений с прежде подчинительными союзами.

В этой работе мы попытаемся ответить на вопрос о формировании одного из наиболее характерных типов независимого употребления предложений с союзами *потому что* и *хотя*.

Материалом для исследования послужили данные Основного и Газетного корпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorpora.ru] за 2000–2025 гг.:

- Предложения с начальным союзом *потому что* – 220 примеров с расширенным контекстом;

- Предложения с начальным союзом *хотя*, вводящим не придаточное, а независимое предложение, в том числе случаи, когда союз стоит в начале главной части сложноподчиненного предложения с другими придаточными – 300 примеров с расширенным контекстом.

В предшествующих работах, посвященных предложениям с союзом *потому что* [Кувшинская, 2023а, 2023б; Лю, Титкова, 2016], было показано, что употребление этих предложений как независимых обусловлено особенностями развития темы в тексте. Были установлены условия употребления таких предложений, наиболее частотными из которых оказались следующие:

1. Предшествующее предложение имеет выделенную ремю – контрастную, эмфатическую (выражается оценкой, отрицанием, противопоставлением, сравнением и т. п., имеет место верификативное высказывание):

(2) *В то время, когда Александр Александрович у нас работал, они с Мейерхольдом просто враждовали... **Потому что** Мейерхольд требовал искать новое искусство, а Блок был против всяких исканий и так нам прямо и говорил...* (Владимир Рецептер. Ностальгия по Японии).

2. Предложение с союзом *потому что* вводит дополнительную, добавочную информацию с точки зрения развития темы, которая не получает дальнейшего развития в тексте. Этот тип контекста встречается реже, чем первый, но тоже характерен для случаев независимого употребления предложений с *потому что*:

(3) *От ХПН. Хронической почечной недостаточности. Вместо того чтобы госпитализироваться на очередной сеанс гемодиализа, он пошел на работу. **Потому что** сложный случай, и никому больше в руки несчастный, измученный лейкозом ребенок не давался. Вернулся с температурой сорок, лег на кровать и умер* (Татьяна Соломатина. Мой одесский язык).

В дальнейшем в ходе микродиахронического исследования удалось установить источник и ход формирования первого типа контекстов. Это разговорные вопросо-ответные диалогические структуры, включающие в себя вопрос о причинах одного из участников и ответную реплику, начинающуюся с «потому что» (*Почему? – Потому что...*) [Кувшинская, 2024]. С течением времени такой вопросо-ответный диалог, предполагающий иллюкутивное вынуждение ответа о причинах [Баранов, Крейдлин,

1992, с. 86–87], видимо, трансформировался в монологическую речь (вероятно, через конструкцию риторического вопроса типа объективизации [Культура ..., 2004, с. 265]), затем, видимо, вопрос перешел в имплицитную форму, а ответ, начинающийся с *потому что*, стал самостоятельным высказыванием, которое иллокутивно вынуждается предшествующим предложением. Иначе говоря, оценка, отрицание, противопоставление, контраст, верификативное высказывание в предшествующем контексте иллокутивно вынуждают к объяснению причин, которое дается в форме предложения *потому что*. Отметим, что связь рассматриваемых употреблений с разговорным диалогом отражает общую зависимость самостоятельного употребления предложений с подчинительными союзами в письменных текстах от устной разговорной речи: такие употребления свойственны опубликованным интервью, обнаруживаются в цитатах или в текстах, использующих стратегии устной разговорной речи в полемических целях (колонки, комментарии, блоги) [Кувшинская, 2023а, 2023б, 2024; Лю, Титкова, 2016].

Таким образом, было обнаружено, что источником самостоятельного употребления предложений с союзом *потому что* в большинстве контекстов, видимо, является не парцелляция, а другие речевые структуры.

В данной работе мы рассмотрим второй тип контекстов – такой, в котором независимое употребление предложения с подчинительным союзом обусловлено необходимостью выразить уточнение, пояснение, кратко рассмотреть побочную тему. Рассмотрим подробнее пример (3).

Темой первых трех предложений, в том числе неполных, здесь является герой (назван подлежащим, в первых двух предложениях – опущенным). Предложение с *потому что* вводит другую тему – больного ребенка и его болезни. Соответствующие номинации оказываются в тематической части каждой предикации, входящей в сложное предложение (в первой части они опущены). В последнем предложении автор возвращается к прежней теме – герою рассказа. Отступление от основной темы в предложении с союзом *потому что* необходимо для пояснения действий героя, тема больного ребенка не продолжается.

При этом предложение с союзом *потому что* не может быть присоединено к предыдущему без нарушения логики развития темы, иначе внимание переключается на тему сложного предложения – предикацию с союзом *потому что*, и дальнейшее возвращение к общей теме фрагмента оказывается затруднительным:

(3а) ...Вместо того чтобы госпитализироваться на очередной сеанс гемодиализа, он пошел на работу, **потому что** сложный случай, и никому больше в руки несчастный, измученный лейкозом ребенок не давался. Вернулся с температурой сорок, лег на кровать и умер.

Очевидно, в таких контекстах самостоятельное употребление предложения с *потому что* является определенной стратегией и обусловлено дополнительным статусом высказывания относительно главной темы

фрагмента. Иначе говоря, тут проявляется «стратегия вставки»: «Вставка – это временное отклонение от маршрута изложения, выполнение некоторого побочного хода, и затем возврат к исходному маршруту» [Кибрик, Подлесская, 2009, с. 140]. Эта стратегия была выделена в устном дискурсе, однако она нередко применяется и в письменной речи, особенно имитирующей устную (как в (2)) или основанной на исходном устном сообщении.

Если для предложений с *потому что* такой тип контекстов не самый частый, то для предложений с *хотя* он чрезвычайно характерен: подобные контексты составляют 81 % предложений с союзом *хотя* в выборке из НКРЯ, как из Газетного, так и Основного корпуса.

(4) *И они молча, тупо шли вперед и вперед, строго по компасу. Он – метров на десять позади, как и подобает сильнейшему. Хотя на самом деле сильнейшим он не был: часа полтора назад напомнил о себе старый перелом левой голени и тайком от Мариш Антуан приволакивал ногу. Она вспомнила оставленную в машине холщовую сумку с лимонами и апельсинами. Как сладко в лютую жару очистить пахучую маслянистую кожуру апельсина и вонзить зубы в сочную, освежающую мякоть!*

Как и в примерах с *потому что*, присоединение к предшествующему предложению нарушает логику развития темы:

(4а) *И они молча, тупо шли вперед и вперед, строго по компасу. Он – метров на десять позади, как и подобает сильнейшему, хотя на самом деле сильнейшим он не был: часа полтора назад напомнил о себе старый перелом левой голени и тайком от Мариш Антуан приволакивал ногу. Она вспомнила оставленную в машине холщовую сумку с лимонами и апельсинами.*

Контекст оговорки, комментария, содержащего возражение, не отменяющее, но корректирующее сказанное ранее, соответствует семантике союза *хотя*, который «вводит валентность “препятствия” – ситуации X, которая должна была помешать наступлению Y, но не смогла» [Апресян, Пекелис, 2012]. Более того, для выражения оговорок в языке сформировались специальные конструкции с союзом *хотя*: *хотя надо уточнить, что; хотя справедливости ради отметим, что; хотя стоит отметить, что*).

Тема, вводимая предложением *хотя*, может распространяться на несколько предложений или даже разрастаться до целого фрагмента, абзаца, так что вставка трансформируется во фрагмент с новой темой, союз маркирует переход к новой теме (о маркерах поворота темы см. [Van Dijk, 1982]). Разрастание вставки встречается и в контекстах с союзом *потому что*.

Как сформировался такой тип контекста? Представляется, что именно этот тип употреблений возник в результате парцелляции сложноподчиненных предложений с придаточными причины и уступки, однако не экспрессивной и не «конструктивной», а парцелляции как приема организации дополнительного сообщения, комментирующего предшествующее (базовую часть).

Парцелляцию обычно не относят к числу приемов, выражающих значение добавочного сообщения. Однако возможность его выражения у парцеллированных конструкций есть. Важнейшей функцией парцелляции исследователи считают создание нового рематического центра, отдельного высказывания [Ванников, 2009; Иванчикова, 1968, с. 279; Сковородников, 1980, с. 86; Пинегина, 2005, с. 4; Каркошко, 2011, с. 3; Цумарев, 2003, с. 7], т. е. повышение коммуникативного статуса отдельного сообщения, которое, при сохранении семантической связи с базовой частью, может выражать комментарий к предшествующему (базовому) высказыванию. Эффект «комментария», «дополнения», введение побочной темы для пояснения сказанного ранее виден и в случае парцелляции в простом предложении:

(5) *Процесс пошел. Вспять?* [Граудина, Ширяев, 2004, с. 269].

При этом новая тема, вводимая парцеллятом (с точки зрения актуального членения – рема высказывания), не предполагает продолжения в следующих предложениях, в отличие от новой, актуальной информации, содержащейся в самостоятельном предложении, в том числе сложноподчиненном. Тем самым парцеллят действительно оказывается удобной формой для введения короткого комментария к предшествующему предложению, оговорки, пояснения – в конструктивно-семантическом отношении, вставки.

Таким образом, есть основания полагать, что источником возникновения такого типа контекста, в котором предложения с союзами *потому что* и *хотя* вводят дополнительное с точки зрения развития темы в тексте сообщение, вставку-комментарий, уточнение, оговорку, стала парцелляция, которая, однако, выступила не как экспрессивный прием, а как прием формирования дополнительного сообщения, связанного с предшествующим.

В результате можно говорить о том, что независимое употребление предложений с союзами *хотя* и *потому что*, ставшее весьма частотным в современной русской речи, является итогом долговременного развития речевых структур, изначально разговорных, однако вошедших в письменную монологическую речь и предназначенных для оформления развития темы в тексте наиболее удобным для говорящего или пишущего способом.

Литература

Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2012. URL: http://rusgram.ru/new/chapter/label/Подчинительные_союзы.

Ванников Ю. В. Парцелляция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Иванчикова Е. А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. С. 277–301.

Каркошко О. П. Парцелляция: структура, семантика, функция: на материале русского и немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2011.

Кибрик А. А., Подлесская В. И. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК, 2009.

Кувшинская Ю. М. Предложения с союзом «потому что» как независимые высказывания в современном устном дискурсе // Язык и методы его описания – 2023. Аспекты коммуникативной деятельности и проблемы их лингвистического описания: теория, практика, преподавание : материалы Междунар. конф. 3–4 октября 2023 г., РГГУ. М., 2023а.

Кувшинская Ю. М. Предложения с союзом «потому что» как независимые высказывания в современном устном дискурсе // Русская грамматика: константы, контексты, перспективы : материалы VII Междунар. науч. симп., 10–14 окт. 2023 г., г. Тюмень. Тюмень, 2023б.

Кувшинская Ю. М. Развитие независимого употребления предложений с союзом «потому что» в VIII–XXI веках: от речевых структур к имплицитным смыслам : доклад на VIII Междунар. науч. симпозиуме «Русская грамматика в динамике». 9–13 окт. 2024 г., г. Нижний Новгород.

Культура русской речи : учебник для студентов высших учебных заведений / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М. : Норма, 2008.

Лю Ч., Титкова С. И. Можно ли начинать предложение с *потому что*? (К вопросу об особенностях употребления и написания союза *потому что*) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. № 2 (90). 2016. С. 36–45.

Пекелис О. Е. Причинные придаточные // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2015. URL: http://rusgram.ru/Причинные_придаточные.

Пинегина Я. Н. Парцеллированные конструкции и их коммуникативно-прагматические функции в современных медиатекстах : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005.

Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2007.

Саунина А. А. Парцелляция в предложениях с причинными союзами: семантика и функции союза : курсовая работа студентки 2-го курса образоват. программы «Фундаментальная и компьютерная лингвистика». М. : НИУ ВШЭ, 2024.

Сквородников А. П. О функциях парцелляции в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. М. : Наш язык, 1980. Вып. 5. С. 86–91.

Цумарев А. Э. Парцелляция в современной газетной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

Matthiessen C/ M. I. M., Thompson S/ A. The structure of discourse and “subordination” // Clause combining in grammar and discourse / eds. J. Haiman, S. A. Thompson. Amsterdam : Benjamins, 1988. P. 275–329.

Van Dijk T. A. Episodes as units of discourse analysis // Analysing discourse: Text and Talk / ed. D. Tannen. Washington, D. C. : Georgetown University Press, 1982.

Y. M. Kuvshinskaya, Candidate of Philology (Moscow)

DEVELOPMENT OF THE INDEPENDENT USE OF SENTENCES WITH THE CONJUNCTIONS “ALTHOUGH” AND “BECAUSE”: THE FUNCTION OF AN ADDITIONAL MESSAGE

Abstract. The paper deals with the independent use of sentences with conjunctions, which are considered to be subordinate (*because*, *although*). Such cases are widespread in modern Russian written speech, which is confirmed by the data of the National Corpus of the Russian Language. The lack of expression does not allow these examples to be attributed to parcelling; major researchers of parcelling, as well as some researchers of conjunctions, have noted the persistence of such uses in Russian speech. Observations of the corpus data show that such uses occur in certain contextual conditions. The article examines one of the types of contexts in which sentences with the conjunctions “although” and “because” are used independently – one in which these sentences express additional information in relation to the topic of the fragment. The ways of forming such usage are discussed.

Keywords: Russian grammar, syntactic variants, conjunctions, discourse, parcelling, “because”, “although”.

И. А. Кузнецов, кандидат филологических наук, доцент

Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева, г. Москва

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОТВЕТНОЙ РЕПЛИКЕ: ГРАММАТИКА И ПРАГМАТИКА ФАТИЧЕСКИХ ДИАЛОГОВ В РУССКОЙ РЕЧИ

Аннотация. Рассматриваются особенности употребления вопросительных конструкций в ответных репликах в составе вопросно-ответных диалогических единств, реализующих разнообразные модели фатической коммуникации. Материалом исследования является массив контекстов, извлеченных из основного корпуса в Национальном корпусе русского языка. Использована методика корпусно-дискурсивного анализа. Показано, что модели ответа «вопросом на вопрос» в русском диалогическом дискурсе имеют разнообразные дискурсивные функции в плане специфики речевой актуализации категории иллюкутивной вынужденности в фатическом речевом взаимодействии, в частности, участвуют в реализации коммуникативных стратегий уточнения интенций инициатора диалога, внеязыковой обстановки, а также референциальной отнесенности и / или семантики вербальных компонентов исходного вопроса. Также выявлена роль ответных реплик вопросительного характера в моделях речевого воздействия, в оформлении метаязыковой рамки диалога и в дискурсивной актуализации имплицитных компонентов в речевом взаимодействии коммуникантов. Делается вывод о существенной прагматической и дискурсивной нагруженности моделей ответа «вопросом на вопрос» в протекании диалогического дискурса.

Ключевые слова: вопросительное предложение, ответная реплика, вопросно-ответное диалогическое единство, фатическая коммуникация, корпусно-дискурсивный анализ, русская речь.

В работе представлены новые результаты продолжающегося исследования грамматики и прагматики фатического диалога в русской речи [Кузнецов, 2004]. Фатическая коммуникация, вслед за Р. О. Якобсоном, трактуется как речевое взаимодействие, направленное на установление контакта как проявление межличностных взаимоотношений коммуникантов в ущерб информативной стороне диалога [Якобсон, 1975]. В наших исследованиях принято широкое понимание фатических диалогов: в их число также включаются и случаи так называемого условно-фатического речевого общения, в котором так или иначе имеет место добавочная информация об условиях ведения диалога, об отношениях коммуникантов друг к другу или к ситуации в целом наряду с информативным компонентом [Кузнецов, 2020]. В области исследовательского внимания находятся диалогические единства как минимальные единицы речевого взаимодействия [Баранов, Крейдлин, 1992]. Прототипической, образцовой разновидностью диалогических единств являются вопросно-ответные диалогические единства, которые и являются непосредственным предметом исследования. Использована методика комплексного когнитивно-дискурсивного анализа [Новые тенденции, 2016; Радбиль, Помазов, 2020], адаптированная к изучению корпусных данных [Кузнецов, 2020; Русский язык, 2021]. Материалом исследования является массив контекстов, из-

влеченных из основного корпуса в Национальном корпусе русского языка [ruscorpora.ru].

Мы подробнее остановимся лишь на южной, достаточно распространенной группе вопросно-ответных единств, в которых реализована речевая стратегия ответа «вопросом на вопрос». Употребление вопросительных конструкций в составе ответных реплик имеет разнообразные коммуникативные функции, в которых по-особому выражается базовая для диалога категория «иллокутивного вынуждения» [Баранов, Крейдлин, 1992] и специфически реализуется прагматическая связность реплик в диалоге [Падучева, 1982].

Так, в фатическом речевом взаимодействии посредством ответа «вопросом на вопрос» может быть реализована коммуникативная модель переспроса, посредством которой участники коммуникации решают самые разные задачи уточнения интенций инициатора диалога, характера внеязыковой обстановки, а также референциальной отнесенности и / или семантики вербальных компонентов исходного вопроса.

Например, может уточняться содержание рематического компонента вопроса: «*А как же рыбки?*» спрашиваю. // – «**Рыбки?**» – // «Ну да, твой аквариум» (Светлана Скарлош. Заложник навсегда // «Русский репортер», 2014); «*В министерстве очень поддерживают пьесу Ибрагимбекова, не хотите почитать?*» // «**Ибрагимбекова?**» // – «Ибрагимбекова» (Сергей Юрский. Вспышки. Заключительная глава книги // «Октябрь», 2001); *Пару лет назад Зоя Богуславская на «Поэтории» спросила: «Знаешь, сколько раз мы с Андреем встречали Новый год у вас?»* // – «**Сколько?**» // – «**Четырнадцать**» (И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский).

Могут уточняться сами исходные логические основания вопроса говорящего или особенности его видения обсуждаемой ситуации: *Они сидели напротив, и через какое-то время одна спросила: «Вы, наверное, профессор?»* // – «**Почему?**» // – «*А вот все пишете, работаете, мы и решили, что Вы ученый...*» (С. Г. Боровиков. В русском жанре – 43 // «Волга», 2012); – «*Как же ломали? – спросил я. – Резали автогеном?*» // – «**Зачем?** – удивился мужичок. – *Стена держится на шурупах, отвинтить их – раз плюнуть*» (М. С. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей).

Также может уточняться предлагаемый инициатором диалога образ действия или его способ: *Она же:* // – *Валь, пойдем в Ялту?* // – **Пешком?** // – *А?* // – *Может прямо ко гробу Господню – до Ялты шесть километров* (Н. С. Работнов. Дневник).

Близки к рассмотренным выше модели запроса на дополнение недостающей информации, при реализации которых в исходном вопросе не называется компонент, подлежащий расшифровке, объяснению, дефиниции и под.: «... *Знаете, как переводится ее имя?*» // – «**Ромашка?**» // – «*Мария Сергеевна, – укоризненно протянул он, – Маргаритка, Маргариточка моя*» (Елена Топильская. Помни о смерти (memento mori)); *Смот-*

рит и спрашивает: «И часто вы так?» // – «Что?» // – «Ну... обнимае-тесь?» (Александр Лебедев. Львиная женская доля // «Семейный доктор», 15.11.2003); Поговорили они, и переводчик вернулся ко мне. // «Не да-ди?» // – «Что?» // – «Зонтик» (Нонна Мордюкова. Казачка).

Также частотны речевые модели уточнения референциальной отнесенности именных групп в составе исходного вопроса, например, экстенсionales, т. е. объема понятия: *А. Генис «Довлатов и окрестности»: анекдот. Сидит эстонец, ловит рыбу. Подходит к нему товарищ и говорит: «Слышал, Я-ан, русские в ко-осмос полетели?» // – «Все?» – не оборачиваясь, спрашивает Ян* (Л. А. Данилкин. Юрий Гагарин).

Возможно и уточнение интенсionales, т. е. содержания понятия: *На днях говорил об этом с Лялей Ковальской: «Вот ты педагогом работа-ла – ты чувствовала это?» // – «Одиночество?» // – «Да» (Любовь Кабо. Повесть о Борисе Беклешове); «...А страх... Вы знаете, что это та-кое?» // – «Что?» // – «Страх – это боязнь утраты» (Руслан Киреев. Четвертая осень).*

Однако более многочисленны указанные модели в функции уточне-ния конкретной референции к одному лицу: *И вот я слышу, как первый подходит ко второму и говорит негромко: «Этот опять пришел. К сеструхе, что ли?» // – «Петрович?» // – «Ага» (Владимир Маканин. Ан-деграунд, или герой нашего времени); *Проходит п лет, немного, два-дцать-двадцать пять: «Слышал, Збарский умер?» // – «Лёвка?!» // – «Да нет, отец его» (Анатолий Найман. Славный конец бесславных поколе-ний); – *Можно видеть Розенко? // – Какого Розенко? // – Заведующе-го! // – Никакого Розенко у нас нет* (К. И. Чуковский. Дневник).**

Наибольшим фатическим потенциалом обладают модели ответа «во-просом на вопрос» в ситуации уточнения самих исходных интенций спрашивающего: *Председатель спросил весело: Он знал ее уже почти полгода перед тем, как осмелился позвонить и спросить с ходу: «По-едешь со мною в Крым?..» // – «Это что – приказ?» – отвечала она со смехом (С. А. Самсонов. Аномалия Камлаева); «С собой забирать прие-хали?» // – «Отпустите?» // – «Дак я не держу, хоть сейчас же увози-те» (Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой).*

В таких случаях иногда в вопросительной конструкции в ответной реплике прямо эксплицируется запрос на уточнение мотивации инициа-тора диалога, его исходной коммуникативной установки: – *Мама, – пере-била ее Кира. – Все это замечательно... А что ты думаешь по этому по-воду?* // – *Ты хочешь знать мое мнение?* – уточнила мать (Ирина Без-ладнова. Такая женщина // «Звезда», 2001); – *Можно я спущусь к тебе?* // *Зачем ты спрашиваешь? Неужели ты ничего не замечаешь?* (Елена Ли-тинская. Тревожное лето // «Ковчег», 2012).

Аналогичным образом в ответной реплике может быть актуализован запрос на уточнение внеязыковой обстановки, конситуации: *Киянов спро-сил: «Помнишь, ты просил снять фамилию с пьесы, а деньги посылать*

Татьяне?» // – «**Когда?** – хрипел Тетерин. – Не помню...» (Ю. В. Трифонов. *Время и место*); «...Но боже мой, когда это кончится?» // – «**Что – когда?**» // – «Ну, это...» (Василий Белов. *Воспитание по доктору Споку*); «– ...Это ты, – спрашиваю, – прокатил матом того дядьку, что лез на боковую **полку?**» // – «**Когда?**» // – «Да еще в Москве, на вокзале» (А. Б. Гребнев. *Дневник*).

Часто анализируемые модели употребляются в метаязыковой функции, что, собственно, и переводит их в разряд фатических. Так, в наших работах мы рассматривали феномен «отзеркаливания», когда в ответной реплике с разными установками повторяется какой-либо компонент реплики вопросительной [Кузнецов, 2020], например: *Сват говорит: «Знаешь **чего?**»* // – «**Чего?**» // – «А давай ногами менять. Я тебе свою окороченную, ты мне свою длинную. Мы потому тихо идем, что ноги разные у обоих» (Василий Белов. *Бухтины вологодские завиральные*).

Согласно нашим наблюдениям, подобные модели «отзеркаливания» часто используются в игровых моделях употребления языка: *...в дверь постучали и вошел русский... мой московский знакомый Щ... и с порога спросил, русский ли я. Несколько опешив от столь буквальной материализации моих образов, я успел ему ответить, что да. Он с сомнением покачал головой: «А **почему?**»* // – «**Что – почему?**» – удивился я. // «Почему ты русский?» // – «По крови», – ответил я, начиная злиться (Андрей Битов. *После уроков*).

Также большую роль играют рассмотренные модели в актуализации имплицитных компонентов диалога, реализуя коммуникативные стратегии намека, умолчания и под., например, «– Это молдавский коньяк, – угадал он. – Он не так сладок, как армянский или грузинский». Потом мне пояснил: «С профессионалами надо показать свое профессиональное знание. А знаешь, как я угадал?» // – «**Как?**» // – Но тут он перевел разговор (М. С. Харитонов. *Стенография конца века. Из дневниковых записей*); «– ...Как, тот самый?» // – «**Какой это – тот самый?**» // – «Ну, который “Сирано”». // «– Тот, тот», – буркнул я ревниво. // «– Ой, что ж вы меня не познакомили? И потом – как это вы так с ним говорили?» – «**Как – так?**» – «Ну так как-то...» (Юлий Даниэль. *Письма из заключения*).

В целом проанализированный материал позволяет сделать вывод о существенной прагматической и дискурсивной нагруженности моделей ответа «вопросом на вопрос» в протекании диалогического дискурса, об их значительном воздейственном потенциале.

Литература

Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 8–17.

Кузнецов И. А. Национально обусловленные модели фатической диалогической вопросно-ответной коммуникации в современной русской речи : дис. ... канд. филол. Наук : 10.02.01. Н. Новгород, 2020.

Кузнецов И. А. Грамматика и прагматика диалога в фатической коммуникации на русском языке // Русская грамматика в динамике : сб. науч. ст. по материалам VIII Междунар. симп. Нижний Новгород, 9–13 окт. 2024 г. / отв. ред. Е. В. Маринова. Н. Новгород : НГЛУ, 2024. С. 149–153.

Новые тенденции в русском языке начала XXI века : монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М. : ФЛИНТА; Наука, 2016.

Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 41, № 4. С. 305–313.

Радбиль Т. Б., Помазов А. И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 140–153.

Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты : монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М. : Флинта, 2021.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. : пер. с англ., фр., нем., чеш., польск. и болг. яз. / сост. М. Я. Полякова ; под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. М. : Прогресс, 1975. С. 190–230.

I. A. Kuznetsov, Candidate of Philology, Associate Professor (Moscow)

INTERROGATIVE SENTENCES IN A RESPONSE REPLICA: GRAMMAR AND PRAGMATICS OF PHATIC DIALOGUES IN RUSSIAN SPEECH

Abstract. The article examines the specifics of using interrogative constructions in response replicas as part of question-and-answer adjacency pairs implementing various models of phatic communication. The material of the study is a set of contexts extracted from the main corpus in the Russian National Corpus. The method of corpus-discourse analysis was used. It is shown that the models of answering “with a question to a question” in Russian dialogical discourse have various discursive functions in terms of the specifics of speech actualization of the category of illocutionary compulsion in phatic speech interaction, in particular, they participate in the implementation of communicative strategies for clarifying the intentions of the initiator of the dialogue, the extra-linguistic environment, as well as the referential attribution and/or semantics of the verbal components of the original question. The role of interrogative responses in speech impact models, in the design of the meta-linguistic framework of dialogue and in the discursive actualization of implicit components in the speech interaction of communicants is also revealed. A conclusion is made about the significant pragmatic and discursive loading of the response models “with a question to a question” in the course of dialogic discourse.

Keywords: interrogative sentence, response replica, question-answer adjacency pair, phatic communication, corpus-discursive analysis, Russian speech.

Л. В. Кузнецова, кандидат филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет, г. Иркутск
Е. В. Иванова, кандидат филологических наук
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье парламентские дебаты рассматриваются как профессиональный политический дискурс между равными по статусу партнерами. Отмечается, что участвующие в дебатах политики составляют профессиональную группу, их отличает «служебное» поведение и использование политического дискурса. Авторы указывают на жанровые характеристики, свойственные парламентским дебатам, выделяют их инвариантные свойства. Выявляются лексические и грамматические средства выражения политических убеждений и идеологии, используемые для реализации скрытого воздействия и манипулирования сознанием слушающего.

Ключевые слова: политический дискурс, парламентарии, инвариантное свойство, парламентские дебаты, лексические особенности, грамматические особенности.

Изучение политической коммуникации и политического дискурса изначально началось в рамках исследования взаимодействия дискурса и власти в русле критического анализа дискурса; его целью является анализ неявных, скрытых отношений дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке. В дальнейшем исследование политического дискурса получило более широкое развитие. В настоящее время политический дискурс представляет собой сложное многомерное образование, жанровое пространство которого состоит из многочисленных жанров, образующих сеть множественных пересечений [Шейгал, 2004, с. 232].

На сегодняшний момент политическая коммуникация является неотъемлемой частью функционирования современного общества, а парламентские дебаты, как прототипический жанр политической коммуникации, составляющий основу политической деятельности, имеет большую политическую и общественную значимость. Важной темой изучения парламентских дебатов является анализ лексико-грамматического состава парламентского дискурса с целью выявления механизмов языковых приемов, используемых политиками, для формирования общественного мнения, манипуляции информацией и создания определенного образа себя и других.

Парламентские дебаты как жанр политического дискурса начал привлекать внимание исследователей сравнительно недавно. Нам представляется интересным рассмотреть жанровые характеристики, свойственные парламентским дебатам в целом.

В теоретической литературе детальное исследование сущности парламентских дебатов провел Т. ван Дейк. Он определяет данный жанр как «частное проявление глобальной политической деятельности по законодательству, управлению и контролю над правительством. Такие дебаты

включают выступления членов парламента и правительства, которые прагматически функционируют с целью представления и легитимации правительственных решений и проектов, поддерживающих правительство или оппозиционных ему» [Дейк, 2013, с. 228]. Парламентские дебаты представляют собой жестко структурированный политический дискурс, где организованно чередуются выступления политиков. Каждый выступающий выполняет определенную политическую роль, говорит по определенной теме и высказывается «за» или «против» ряда обсуждаемых проблем. Главной целью таких выступлений является легитимация принимаемых решений. Характерная особенность парламентского дискурса состоит в том, что речи парламентариев предназначены для протоколов, т. е. они подробно записываются и представляют собой официальные записи (Hansard), поэтому в них исключаются спонтанные формы взаимодействия, такие как наложение речи одного говорящего на речь другого, поправки, незавершенные предложения [Дейк, 2013].

Т. ван Дейк подчеркивает, что парламентские дебаты представляют собой «тип дискурсов, в основу которых положено убеждение. В рамках данных дискурсов члены парламента принимают политические позиции и роли, выражают свои мнения и атакуют своих оппонентов» [Дейк, 2013, с. 220]. В парламентских дебатах дискурс парламентариев изобилует оценочными суждениями, основанными на нормах, ценностях, их политических убеждениях и идеологии, которые они используют для конструирования индивидуальных моделей (видений) текущей ситуации, имеющих стратегический характер, с целью повлиять на процесс политических решений. Основной стратегией аргументативных ходов является положительная (позитивная) саморепрезентация и отрицательная (негативная) репрезентация других (в качестве других могут выступать члены оппозиционных партий, защищающих противоположную точку зрения) [Дейк, 2013]. Роли и идентичности участников определенной коммуникативной ситуации индексируются местоимениями «мы», «они», ритуальными обращениями «мой уважаемый друг», которые представляют собой стратегии включения и исключения участников коммуникации в определенные группы. Этого эффекта они достигают, используя дискурсивную поляризацию «мы vs они», лексические, синтаксические, звуковые, визуальные, риторические средства, с помощью которых они подчеркивают или нивелируют определенные значения [Дейк, 2013, с. 223].

Итак, парламентские дебаты являются публичными и официальными; их организация жестко контролируется. На наш взгляд, с лингвистической точки зрения дискурс политиков, участвующих в парламентских дебатах, объединяет общее жанровое (инвариантное) свойство – это разговорная деловая деятельность данной профессиональной группы.

В деловой коммуникации важен процесс взаимодействия деловых партнеров, направленный на организацию и оптимизацию того или иного

вида предметной деятельности; эта деятельность осуществляется в трех основных формах: монологической, диалогической и полилогической. Поскольку предметом общения в деловой коммуникации является деятельность (дело), следовательно партнер по общению выступает как личность, значимая для Другого [Панфилова, 2001, с. 15–16].

Парламентские дебаты не только носят деловой характер, также в коммуникации особое значение имеет сотрудничество и стремление к сближению целей и выработка в них равных партнерских отношений. Наличие равных, партнерских отношений между коммуникантами также является инвариантным свойством парламентских дебатов.

Деловой профессионализм политиков чрезвычайно важен, так как парламентские дебаты служат «источником передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует между различными элементами политической системы, а также между политической и социальной системами» [Шварценберг, 1992, с. 174].

В связи с этим политический дискурс, производимый во время политических дебатов, можно рассматривать как профессиональный дискурс, т. е. как специальность или необходимый атрибут специальности. Согласно Т. Г. Винокур, к профессионалам относят и более и менее образованных носителей языка самых разных специальностей и занятий – руководителей предприятий и учреждений, работников торговли, органов правосудия и милиции, хозяйственных работников и пр., которым свойственно присутствие на рабочем месте в определенное время, в связи с чем такое поведение квалифицируется как «служебное» [Винокур, 1993, с. 118].

Парламентариев отличает особое «служебное» поведение и профессиональный политический дискурс. Участвующие в дебатах политики составляют профессиональную группу, локализованную в пространстве. Дискурс политиков, присутствующих на рабочем месте – в парламенте, организован в форме полилога. Парламентские дебаты представляют собой профессиональную коммуникацию, организованную в формате полилога, что позволяет каждому из участников переходить из статуса адресанта в статус адресата и наоборот. Этот факт является еще одним важным инвариантным свойством данного жанра политических дебатов.

С целью выявления лексических и грамматических особенностей парламентской коммуникации мы проанализировали дискурс англоговорящих политиков, обсуждающих проблемы, связанные с компанией Thames Water (заседание от 3 июня 2025 г., опубликованное на официальном сайте Hansard). Данная британская компания оказывает услуги по водоснабжению, водоотведению и очистке сточных вод в Лондоне и близлежащих графствах южной Англии.

К лексическим особенностям проанализированных дебатов следует отнести в первую очередь использование конвенциональных языковых средств выражения вежливости. Это клишированные лексические едини-

цы институционально закреплённых форм вежливости в обращении друг к другу. Парламентарии используют уважительные формы обращения друг к другу: Почтенный Джентльмен (*the hon. Gentleman*), Почтенная Леди (*the hon. Lady*), Достопочтенный Джентльмен (*the right hon. Gentleman*), Достопочтенная Леди (*the right hon. Lady*). Также используется обращение к коллегам по названию избирательного округа, который они представляют: Почтенный Член парламента от... (*hon. Friend the Member for Witney*), а к министрам – по названию занимаемых ими постов: Министр по вопросам охраны окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства (*the Secretary of State for Environment, Food and Rural Affairs*). Если политики обращаются к соратникам по партии, они употребляют выражения Мой достопочтенный / почтенный друг (*my right / hon. Friend*). Депутаты обращаются к Спикеру, используя конвенциональную вежливую форму обращения Мистер Спикер (*Mr. Speaker*).

Еще одной характерной чертой парламентского дискурса на лексическом уровне является использование политических клише, фразеологизмов и тропов.

Например, употребляемая в обращении участников друг к другу лексическая единица *Member* (и ее варианты: *Members*, *MPs*) служит средством номинации институциональных агентов социального взаимодействия – членов парламента (*I thank the hon. Member for his question. As a neighbouring MP, the Secretary of State will know the level of outrage in my constituency at the continuous failures of Thames Water*).

Анализ примера подтверждает использования специализированной клишированной лексики. Участники парламентских дебатов используют особый набор лексических средств, входящих в лексикон политиков (*bill; manifesto; to pass legislation; shareholders; constituents; bill payers' investment; interim report; Tory*), а также клишированных фраз (*on his behalf; can be assured that; should this be required; I am happy to give the hon. Member that reassurance. Thank you, Mr Speaker, for granting this urgent question*).

В целом парламентарии используют формальную лексику и термины, относящиеся к финансовой или юридической сфере (*equity raise; financial resilience; in due course; eventualities; launched; solvency; recapitalisation transaction; accountability; market-led solution*), стилистически сниженная лексика не употребляется. Тем не менее, в парламентских дебатах часто встречаются фразовые глаголы, традиционно относящиеся к разговорной лексике (*pull out; set out; talk oneself out of; pile up; strip out; bringing sb in; let down; make up*). В редких случаях используются фразеологизмы (*fed up to the back teeth; to get a grip*). Таким образом, речь парламентариев становится более живой и менее формализованной.

К грамматическим особенностям парламентского дискурса в первую очередь следует отнести использование вопросительных предложений для прямого обращения друг к другу (*Will the Secretary of State ensure that those who were responsible for making dreadful decisions rightly bear the cost*

instead? Is it not right for the company now to go into special administration, and to emerge from administration as a public interest company? So I ask my right hon. Friend again: when will the Government stop fiddling, put Thames Water into special administration, strip out the debt, and begin the job of re-turning our water system – not just Thames Water – to public ownership?). Вопросы являются основными языковыми средствами развития полилога; они носят параллельный характер, поскольку адресованы одному адресанту от разных участников.

Следует отметить, что вопросы часто имеют характер нападок, когда оппонент критикует парламентария, порой даже не обращаясь к нему самому, а используя местоимение третьего лица единственного числа *he*. (*The Secretary of State referred to the Cunliffe report, which we will of course look at very carefully, but can he confirm – this recalls yesterday's shambolic defence review announcement – that there is no funding for this latest review, and that it will do nothing to resolve the immediate issue of Thames Water's solvency, which he has mishandled, just as he has mishandled the family farm tax, the fishing industry and the sustainable farming incentive?*). Таким образом, политик стремится навязать всем свое мнение, указать на несостоятельность министра.

В свою очередь парламентарий, защищаясь от нападок, переходит в контрнаступление. Он использует клише, предполагающие вежливость (*I am grateful to*), для того, чтобы ввести скрытые оскорбления (*I am grateful to the shadow Secretary of State for making it clear to the House that she does not understand the principles of private sector investment, and neither is it particularly clever to stand at the Opposition Dispatch Box and make up figures to attack*). Данным высказыванием парламентарий атакует и оскорбляет оппонента, указывая, что депутат не разбирается в обсуждаемом вопросе.

Другой грамматической особенностью парламентского дискурса является использование модальных глаголов, часто в значении просьбы (*May I begin by correcting the Secretary of State? Can my right hon. Friend say whether one of his options is preparing for that eventuality?*), предположения (*He may have had a chance today to look at the interim report, on which Sir Jon Cunliffe is inviting comments ahead of the final report in about a month*), долженствования (*I think it is time we put this company out of its misery, but we must do so in a way that does not bring the debts it has run up on to the taxpayer or the bill payers*), возможности (*I am bound to say, if only they could do the same thing with the Chagos islands deal. It cannot pay its debts and it cannot meet its legal obligations to Ofwat, the state and its customers*).

Речевые акты директивы, с помощью которых спикер требует соблюдения порядка и фиксирует свою институциональную роль, на языковом уровне выражены императивными предложениями (*Order*).

Обсуждая проблемы, связанные с компанией Thames Water, министр по вопросам охраны окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства Стивен Рид постоянно подчеркивает, что проблемы начались при

прошлом правительстве, когда у власти была консервативная партия. В своей речи и в ответах на вопросы он использует стратегию отрицательной репрезентации других (*I share the hon. Gentlemen's anger that the public have been left to pay the price of Tory failure over 14 years. The hon. Gentleman points with a graphic example to what happens when we face the scale of regulatory failure that developed untroubled under the previous Government*). Пытаясь убедить коллег в правильности своих действий, Стивен Рид прибегает к положительной самопрезентации, противопоставляя свою лейбористскую партию оппозиционной партии (*One of the first things I did when I was appointed Secretary of State was get the water company chief execs into my office, seven days after the election. I got them to commit to ringfencing customers' money that is earmarked for investment, so that it can never again be diverted to pay bonuses and dividends in the way that it was under the previous Conservative Government*).

Таким образом, во время парламентских прений политики прибегают к использованию тех лексических и грамматических средств, которые помогают им убедить друг друга в правильности своей точки зрения или даже навязать свое мнение, атакуя оппонента. Такие лингвистические приемы используются для выражения своих политических убеждений, реализации скрытого воздействия и манипулирования сознанием слушающего.

Литература

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М. : Наука, 1993.

Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзина, А. М. Аматова. М. : Либроком, 2013.

Кузнецова Л. В. Прагматическая ситуация принятия решения в политической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.10. Красноярск, 2016.

Панфилова А. П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. СПб. : Знание : ИВЭСЭП, 2001.

Шварценберг Р. Ж. Политическая социология. В 3 ч. М., 1992. Ч. 1.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004.

Thames Water. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2025-06-03/debates/F4189110-6F74-4C84-B2B4-7F5A3B632235/ThamesWater>.

L. V. Kuznetsova, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk)

E. V. Ivanova, Candidate of Philology (Irkutsk)

THE POLITICAL DISCOURSE OF PARLIAMENTARY DEBATES: LEXICO-GRAMMATICAL ASPECT

Abstract. The article considers parliamentary debates as a professional political discourse between partners of equal status. It is noted that the politicians participating in the debate form a professional group, they are distinguished by their 'official' behavior and the use of political discourse. The authors point to the genre characteristics peculiar to parliamentary debates, highlight their invariant properties. The lexical and grammatical means of expressing political beliefs and ideology are revealed, which are used to implement hidden influences and manipulate the listener's consciousness.

Keywords: political discourse, parliamentarians, invariant property, parliamentary debates, lexical features, grammatical features.

ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР *НАДО СКАЗАТЬ* КАК УСИЛИТЕЛЬ ИЛЛОКУТИВНОЙ СИЛЫ АССЕРТИВА ПРИ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОТИВОРЕЧИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу прагматической функции дискурсивного маркера *надо сказать* в ассертиве на материале устного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Выявлено, что дискурсивный маркер *надо сказать* функционирует в ассертиве для укрепления уверенности говорящего в достоверности сообщаемой новой информации, особенно в условиях противоречия между новой информацией и старой, при этом последняя может объективироваться как предположение, знание или мнение. Установлено, что с точки зрения теории релевантности данный дискурсивный маркер служит сигналом метапрагматического сознания говорящего, он используется для отведения потенциального сомнения собеседников и обоснованного убеждения его в достоверности переданной информации.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, *надо сказать*, ассертив, теория релевантности.

Введение

В теории релевантности закономерность коммуникации заключается в поиске контекстуального эффекта, что рождается во взаимодействии новой информации и старой. Ассертив определяется как речевой акт, нацеленный на расширение фонда знаний у слушающего, и от иллокутивной силы ассертива как одного из главных способов передачи новой информации зависит успешность коммуникации. Согласно теории речевого акта [Серль, 1986], иллокутивная сила ассертива связана с выраженной уверенностью говорящего в достоверности содержания высказывания, именно в этом заключается механизм функционирования дискурсивного маркера (далее – ДМ) *надо сказать*. На основе предварительного анализа материала выявлено, что употреблению ДМ *надо сказать* типичны контексты, содержащие противоречие между новой информацией и старой, т. е. он используется как усилитель иллокутивной силы ассертива при информационном противоречии.

Следует отметить, что *надо сказать* не является собственно ДМ, а находится в переходной зоне, предлагаемой Е. Ю. Викторовой [Викторова, 2014, с. 13]. Его вводное употребление уже зафиксировано в «Большом универсальном словаре русского языка», но существуют примеры, в которых *надо сказать* употребляется в роли сказуемого, и такие примеры были исключены из рассмотрения. В результате получаются 194 примера, в том числе эксплицитное противоречие содержат более 40 примеров, что выделяется как отдельная группа, ведь иногда трудно определить роль ДМ в связи с его полифункциональностью. Наше исследование может быть полезным в лексикографическом описании.

Анализ и результат

Контексты информационного противоречия разделяются в основном на следующие типы:

1. Новая информация может противоречить предположениям, сделанным собеседниками на основе старой информации, данной говорящим в ходе коммуникации:

Наталя Георгиевна М. : *И там это тоже какие-то сложности вызывало / и я поняла / что всё / я дальше там не могу / потому что это болото какое-то. Преподаватели были прекрасные / **надо сказать** / да / и французский они давали отлично / но...* (Воспоминание об учебе в университете и работе).

В этом примере говорящий предвидит противоречие между предположениями слушающего о том, что «болото» составляют преподаватели, и информацией, эксплицированной далее: «болото в студенческой части».

2. Новая информация может противоречить существующим общим мнениям или фактам, к которым собеседники относятся с «молчаливым согласием». Они могут быть выражены говорящим:

1) Иомдин Б.: *Первое / что приходит в голову многим и что появилось по-видимому первым здесь / это музыкальный центр. Музыкальный центр / **надо сказать** / практически ни в одном словаре специально не отмечается...* (Б. Иомдин. Доклад на конференции «Диалог 2013»);

2) Константин Михайлович Долгов: *И поэтому обстановка была / в общем / довольно такая нервная / **надо сказать**. Хотя в это время уже начинался период такой оттепели в целом* (К. М. Долгов, М. С. Найдёнкин. Беседа с К. М. Долговым. Запись М. С. Найдёнкина);

3) Алеми: *Франция / **надо сказать** / очень здорово отставала от вашей страны лет на пятьдесят / да еще от многих стран мира в сфере политики. Это страна Французской революции / это страна прав человека* (Беседа о женском вопросе в эфире радиостанции «Эхо Москвы»).

3. Новая информация может противоречить мнению собеседников (2, 4), или тех, кто процитирован собеседниками (1, 3):

1) Слушательница 4: *Ну / и чуть-чуть еще по поводу нашего родного государства / которое тоже загоняет в неврозы / если почитать сейчас прессу / то это приблизительно то же самое / что в сталинские времена...*

Людмила Петрановская: *Ну / религиозный невроз в России вообще / **надо сказать** / очень сильно преувеличен* (Людмила Петрановская: «Любой тоталитарный режим первым делом разрушает семью»).

Информация, предоставляемая говорящим в этом примере, противоречит мнениям прессы, процитированным слушающим.

2) Лопатин: *То есть хвоици и папоротники / это / конечно / каменноугольный период / то есть / скажем так / на 200 / на 150 / ну / на 100 миллионов лет древнее.*

Алифанов: *Но хвоици и папоротники / надо сказать / и сейчас существуют* (Беседа о проблемах палеобиологии, НТВ, «Гордон»).

В этом примере новая информация явно противоречит мнению слушающего.

3) – *Горнунг пишет, что это разное, потому что судьба исторически так сложилась.*

– *Что значит – Горнунг говорит разное. Судьба разная. Но только я бы сказал так: ... А теперь, когда говорят фонологически разные, тут вообще, **надо сказать**, очень много предрассудков, исторических* (В. Н. Сидоров. Работа комиссии по реформе русской орфографии. Доклад на ученом совете ИРЯ АН СССР).

В данном примере новая информация дается в виде опровержения мнения Горнунга и определения его как исторического предрассудка.

4) Саша (Валерий Приемыхов): *А Вера / **надо сказать**... далеко не подарок...* (Динара Асанова, Виктор Аристов. Жена ушла, к/ф).

В этом примере новая информация дается в виде отрицательной оценки, что в самом деле подвергается опровержению слушающего – «Вот этого я не позволю. Этого я те не прощу».

Заключение

На основе анализа установлено, что для вводного употребления *надо сказать* типичны контексты, содержащие противоречие между новой информацией и старой. ДМ служит сигналом метапрагматического сознания говорящего, который предвидит возможное сомнение от собеседников. Говорящий использует ДМ для того, чтобы новая информация победила старую и была воспринята собеседником, выражая относительно высокую степень уверенности в достоверности предлагаемой информации посредством реализации модального значения ‘надо’, что из-за ограничения объема не рассматривается в данной статье.

Литература

Викторова Е. Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 10–15.

Викторова Е. Ю. Функционирование дискурсивов-регулятивов в печатных и звучащих русскоязычных СМИ // Медиалингвистика. 2017. № 1 (16). С. 123–132.

Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка: около 30 000 наиболее употребительных слов. М.: Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС, 2016.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

Сытько А. В. Деонтическое высказывание: семантические характеристики и прагматический потенциал (на материале русского и немецкого языков). Минск : МГЛУ, 2023.

Searle J. R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge : Cambridge University Press, 1979.

Sperber D., Wilson D. Relevance Communication and Cognition. 2nd ed. Padstow, Cornwall : T. J. Press Ltd, 1996.

Li Yuechuan, graduate student (Beijing, China)

THE DISCOURSE MARKER 'NADO SKAZAT' AS A REINFORCER OF THE ILLOCUTIONARY FORCE OF THE ASSERTIVE IN CASES OF INFORMATIONAL CONTRADICTION

Abstract. This article focuses on the analysis of the pragmatic function of the discourse marker 'nado skazat' in assertive speech acts, based on data from the spoken subcorpus of the Russian National Corpus. It is revealed that the discourse marker 'nado skazat' functions in assertives to strengthen the speaker's confidence in the reliability of the new information being communicated, especially in contexts where there is a contradiction between new and old information. The latter may be conceptualized as assumptions, knowledge, or opinions. According to relevance theory, this discourse marker serves as a signal of the speaker's metapragmatic awareness, used to preempt potential doubt on the part of the interlocutor and to justify the credibility of the conveyed information.

Keywords: discourse marker, 'nado skazat', assertive, relevance theory.

Е. А. Петренко, кандидат филологических наук

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Е. С. Першина, аспирант

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

ДИСКУРСИВНЫЕ И ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ В «СЛОВЕ О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» ИЛАРИОНА КИЕВСКОГО

Аннотация. Статья посвящена изучению частиц в тексте «Слова о законе и Благодати» (СоЗиБ). Актуальность исследования обусловлена малой степенью изученности служебных слов в диахроническом аспекте. Цель работы – описать функции частиц как языковых средств, обладающих дискурсивным и текстовым потенциалом, употребленных в тексте СоЗиБ. Методология исследования обусловлена коммуникативно-прагматическим подходом к изучению древних текстов. В связи с этим отмечается, что СоЗиБ является компонентом средневекового религиозного дискурса, а также реконструируется коммуникативно-прагматическая структура рассматриваемого текста. Далее описывается, как частицы участвуют в реализации прагматических задач автора, организуют пространство текста и дискурса. Устанавливается, что анализируемые единицы воплощают коммуникативные установки автора на разных уровнях языка: лексическом, синтаксическом, морфолого-синтаксическом и текстовом. Делаются выводы, что дискурсивная природа частиц проявляется в способности маркировать авторскую коммуникативную тактику и стратегию и церковно-религиозный дискурс в целом, а текстовые функции – в участии частиц в процессе текстообразования. Заключается, что изучаемые частицы можно квалифицировать, с одной стороны, как текстовые скрепы, а с другой – как дискурсивные слова.

Ключевые слова: частицы, древнерусская проповедь, средневековый книжный религиозный дискурс, коммуникативная стратегия, текстовые скрепы, дискурсивные слова.

На сегодняшний день проблема изучения и описания служебных слов и в частности частиц в диахроническом аспекте считается одной из наименее исследованных. Немногочисленные научные работы последних лет, посвященные частицам в древних памятниках письменности разных периодов развития русского языка [Угро, 2015; Шокотько, 2018; Василье-

ва, Петренко, 2021; Корчагина, 2022; Птенцова, 2023; Колобродова, 2024 и др.], на наш взгляд, являются лишь подступом к решению обозначенной проблемы.

Традиционно под частицами понимаются «классы незначительных слов, основная функция которых – вносить дополнительные оттенки в значение других слов и выражать различные отношения говорящего (субъекта оценки) к содержанию высказывания в целом или к какой-то его части, а также к другому субъекту – адресату, собеседнику» [Виноградов, 1986, с. 544; Стародумова, 2002, с. 4]. Иначе говоря, частицы можно считать прежде всего, как пишет Е. А. Стародумова, коммуникативно-прагматическими знаками [Стародумова, 2002, с. 3–4]. Указанный факт позволяет нам выдвинуть гипотезу о продуктивности коммуникативно-прагматического анализа частиц, функционирующих в древнерусском произведении. Таким образом мы сможем выявить и описать семантику и прагматику данных служебных слов в диахроническом аспекте, определить их роль в дискурсивной организации древнего текста и, следовательно, установить экстралингвистические особенности произведения, влияющие на его создание, более глубоко осмыслить древний книжный памятник и, вероятно, узнать больше о мышлении древнерусского писателя, его картине мира как человека эпохи Средневековья.

В связи с вышесказанным объектом нашего исследования являются частицы, функционирующие в тексте древнерусского проповедника Илариона Киевского «Слово о законе и благодати» (далее – СоЗиБ), которое создано в середине XI в., принадлежит средневековой древнеславянской проповеднической традиции.

Предмет – дискурсивные и текстовые особенности частиц (их функции), встречающихся в тексте Илариона Киевского.

Цель работы заключается в описании частиц *УБО*, *ЖЕ*, *БО*, *ТИ* как языковых средств, обладающих дискурсивным и текстовым потенциалом, употребленных древнерусским проповедником в тексте СоЗиБ.

На наш взгляд, специфика древних русских текстов состоит в том, что они функционируют как компоненты средневекового русского книжного религиозного дискурса. Последний представляет собой, как мы склонны считать вслед за Н. С. Ковалевым, мегатекст – «систему древнерусских книжных текстов, объединенных на уровне их смысловых доминант оценочными концептами христианской культуры <...>, а на коммуникативно-прагматическом уровне – направленностью текста на реализацию оценочного потенциала информации в определенной группе адресатов» [Ковалёв, 2001, с. 6]. Организующий центр данного дискурса – Священное Писание, а общая глобальная стратегия (макростратегия) авторов, порождающих в результате дискурсивной (коммуникативно-речевой) деятельности речевое произведение, – оказать религиозно-нравственное воздействие на мировоззрение и поведение слушателя посредством внуше-

ния ему определенной максимы христианского вероучения – проповедальная макростратегия.

Оригинальное древнерусское произведение митрополита Илариона Киевского СоЗиБ XI в. можно отнести к обозначенному корпусу текстов. В нем автор функционирует как «глашатай» вечных истин, проповедник-наставник [Кузнецов, 2009, с. 16]. Адресат его произведений – человек, воспринимающий максимы христианского вероучения, ему необходимо растолковать библейский текст, наставить его на истинный путь [Там же]. Коммуникативно-прагматическая задача Илариона, как субъекта средневекового церковно-религиозного православно-христианского дискурса, – **проповедь** христианства и его величия посредством экзегезы, толкования смысла противопоставления Ветхого и Нового Завета, иудейства и христианского учения. В связи с этим можно реконструировать следующую коммуникативно-прагматическую структуру текста СоЗиБ: коммуникативная стратегия – **проповедальная**, реализуется с помощью коммуникативных тактик **толкования** (основная, связанная с экзегезой иудейства и христианства) и **восхваления** (дополнительная, связанная с прославлением Иисуса Христа и князя Владимира). Тактика **толкования**, как ведущая, текстообразующая и обуславливающая идейно-смысловую и композиционную целостность произведения, воплощается в тексте совокупностью разноуровневых языковых средств и риторических приемов, формирующих антитезу Закона и Благодати.

Большая часть проповеди митрополита Илариона строится на риторическом противопоставлении, а именно на антитезе Закона и Благодати, человеческого и божественного. Частицы активно участвуют в маркировании членов такого противопоставления, реализованного на разных языковых уровнях. При этом важно отметить, что указанные единицы в большей степени функционируют и как независимые единицы, и комплексно – в сочетании с другими словами: знаменательными («*то сихъ же*») или служебными («*яко же и*»), маркируя ту или иную коммуникативную стратегию, организуя пространство текста и дискурса. Рассмотрим более подробно участие частиц в языковой реализации тактики толкования.

Относительно первого – лексического – уровня можно сказать, что в данном случае формируется антонимическое противопоставление, а именно частица **ЖЕ** выступает как актуализатор второго члена антонимической пары:

*Нъ оправдѣ прежде плѣмя Авраамле скрижальми и законом, послѣжде **ЖЕ** сыномъ своимъ вся языки спасе Евангелиемъ и крещениемъ (...).*

Подобным образом используется книжником и частица **ТИ**, которая участвует в развернутом антонимическом противопоставлении, в том числе и с использованием символов:

Прѣжде законъ, ТИ потомъ благодѣть, прежде стѣнь, ТИ по томъ истина. Образъ же закону и благодѣти Агарь и Сарра, работнаа Агарь и свободнаа Сарра, работнаа прѣжде, ТИ по томъ свободнаа.

На втором – морфолого-синтаксическом – уровне оформляется параллелизм грамматических форм времени (форм аориста) в повествовательном фрагменте, построенном как цепное нанизывание («аористное гнездо»):

Послуша Авраамъ рѣчи Саррины и въльзе къ рабѣ еѣ Агарѣ. // Послуша ЖЕ и Богъ яже от благодѣти словесъ и сѣниде на Синаи.

Характеризуя третий уровень – синтаксический, можно отметить, что в данном случае образуется синтаксическое противопоставление – параллелизм временных конструкций в повествовании:

1) с дательным самостоятельным:

[(...) стару сущу Аврааму и Саррѣ, явися Богъ Аврааму, сѣдящу ему прѣд дверьми кушкѣ его въ полудне у дуба Мамвѣриискааго.] // [Вѣку ЖЕ сему къ концу приближающуся посѣтитъ Господь человѣческааго рода и сѣниде съ небесе, въ утробу Дѣвици въходя.];

2) с временным придаточным в сложноподчиненном предложении:

[И яко отдоися отроча Исаакъ и укрѣпѣ, сѣтвори Авраамъ гоститву велику, егда отдоися Исаакъ сынъ его (...)] // [Егда ЖЕ уже отдоися и укрѣпѣ и явися благодать Божиа всѣмъ человѣкомъ въ Иорданѣстѣи рѣцѣ, сѣтвори Богъ гоститву и пиръ великъ (...)].

В обоих случаях частица ЖЕ маркирует второй член оппозиции при нулевом маркировании первого члена.

На следующем уровне – уровне текста – противопоставляются текстовые блоки. В числе них, во-первых, реализующие антитезу концептов «человеческое» ↔ «божественное» в информативно-описательных и информативно-повествовательных фрагментах:

[Яко Авраамъ УБО от уности своеи Сарру имѣ жену си, а не рабу,] ↔ [и Богъ УБО прѣжде вѣкъ изволи и умысли сына своего въ миръ послати и тѣмъ благодѣти явитися]. // [Сарра ЖЕ не раждааше, понеже бѣ неплоды (...)] ↔ [Безвѣстнаа ЖЕ и таинаа прѣмудрости Божии утаена бяху ангелъ и человѣкъ (...)].

Здесь мы наблюдаем параллелизм текстовых блоков, противопоставляющих ипостаси: «человеческое» (Авраамъ и Сарра) и «божественное» (Богъ и Благодать). При этом смена частиц УБО – ЖЕ фиксирует и смену субъектов внутри ипостаси: Авраамъ – Сарра и Богъ – Благодать.

Во-вторых, противопоставляются блоки, реализующие антитезу концептов «иудейство» ↔ «христианство» во фрагментах с рассуждением:

[Иудѣи БО при свѣшити законнѣи дѣлааху свое оправдание,] ↔ [христиани ЖЕ при благодѣтънѣи солнѣи свое спасение зиждють (...)] // [Въ иудѣихъ БО оправдание,] ↔ [въ христианыхъ ЖЕ спасение (...)] // [Иудѣи БО о земльных веселяхуся,] ↔ [христиани ЖЕ о сущихъ на небесѣхъ] // [И тоже оправдание иудѣиско скупо бѣ зависти

ради, не БО ся простирааше въ ины языки, нъ токмо въ Иудеи единою бѣ]↔[Христианыхъ ЖЕ спасение благо и щедро простираяся на вся края земли].

Частицы распределяются между членами оппозиции: БО маркирует текстовый блок, связанный с концептом «иудейство», ЖЕ последовательно выступает в текстовых блоках, раскрывающих смысл концепта «христианство».

Вне риторического противопоставления, однако, как средство реализации тактики толкования, частицы выступают в качестве средства текстового введения аргументации тезиса в виде цитаты из Священного Писания:

- *Елико БО рече евангелистъ (...)*
- *Яко ЖЕ Господь глаголааше (...)*
- *Лѣпо бѣ благодати и истинѣ на новы люди въсиати // Не въливають БО по словеси Господню вина новааго учения тѣмъна въ мѣхы вѣтхы, обетшавшии в иудѣиствѣ, аще ли, то просядутся мѣси и вино прольется.*

Кроме описанных случаев текстового функционирования частиц, следует указать на употребление их в составе комплексных единиц, выступающих в виде текстовых скреп: *по сихъ ЖЕ* – функция организации последовательности повествования; *къ сему ЖЕ* – функция усиления аргументации; *яко ЖЕ и есть / бысть* – функция переключения планов с исторического на идейно-концептуальный.

Таким образом, можно сделать вывод, что дискурсивные и текстовые функции взаимосвязаны и взаимообусловлены. Дискурсивная природа частиц проявляется в способности маркировать авторскую коммуникативную тактику и стратегию и церковно-религиозный дискурс в целом. Текстовые функции проявляются в участии частиц в процессе текстообразования: с одной стороны, на идейно-содержательном уровне, с другой – на уровне связности.

В СоЗиБ Илариона Киевского частицы могут быть представлены как средства многофункциональные, реализующиеся на разных уровнях текста – самостоятельно или в комплексе. С одной стороны, мы можем классифицировать их в качестве «специальных средств текстовой связи, что выражают отношения между высказываниями», присоединяют коммуникативные блоки, т. е. определить их как текстовые скрепы [Прияткина, 2007, с. 93]. С другой стороны, можно утверждать, что рассматриваемые единицы, наряду с функцией обеспечения связности текста, способны выражать процесс взаимодействия говорящего и слушающего, эксплицировать их позиции (что особенно важно для древнего текста, известного своим стремлением нивелировать автора): то, как он интерпретирует факты, оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т. п. Наконец, это единицы, которые управляют процессом общения: выражают истинностные и этические оценки, presupпозиции, мне-

ния, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего и говорящих друг с другом [Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993, с. 7]. Такое функционирование позволяет считать их дискурсивными словами [Дискурсивные слова русского языка, 2003, с. 9].

Литература

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Васильева А. О., Петренко Е. А. Участие частицы *же* в синтаксической организации древнерусского текста (на примере «Сказания о Дракуле») // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 95-летию д-ра филол. наук, проф. А. Ф. Прияткиной. Владивосток, 2021. С. 71–75.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. : Высшая школа, 1986.

Владимирова Л. А. О синтаксической функции частицы *же* (на материале Мстиславова евангелия 1115–1117 гг.). URL: <https://ruslang.ru/doc/lingistoch/1982/09-vladimirova.pdf>.

Ковалев Н. С. Древнерусский летописный текст: принципы образования и факторы эволюции (на материале ГВЛ). Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001.

Колобродова Е. А. Филиация значений слова *только* / *только* в древнерусском языке: местоименное наречие количества – фокусная частица – союз // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. № 1. С. 109–124.

Корчагина А. Ю. Динамика средств выражения модальности в древнерусском повествовательном тексте (на примере «Повести о битве на Липице» (XIII век) и «Повести о стоянии на Угре» (XV век)) // Слово в зеркале истории языка : сб. ст. V Абрамовских научных чтений. Набережные Челны. № 3. 2022. С. 9–13.

Кузнецов И. В. Риторические стратегии литературного дискурса (на материале русской словесности XI–XIX вв.) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.

Петренко Е. А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и языковые средства их реализации в «Повести о Варлааме и Иосафе» : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2011.

Петренко Е. А., Васильева А. О. Особенности функционирования слова *же* в древнерусском тексте (на примере «Сказания о Дракуле») // От синтаксиса слова к синтаксису текста. Сборник статей к 80-летию Е. А. Стародумовой. Владивосток, 2021. С. 132–138.

Прияткина А. Ф., Стародумова Е. А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 134–141.

Прияткина А. Ф. Об отличии союза от др. связующих слов // Русский язык в школе. 1977. № 4. С. 102–106.

Прияткина А. Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 334–344.

Птенцова А. В. *Отъ идетъ до конечнаго свода*: семантика служебных слов *ати* (*ать*) и *оти* (*оть*) в оригинальных древнерусских памятниках (на материале национального корпуса русского языка) // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2023. № 2. С. 30–43.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988.

СоЗиБ: Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Электронные издания ИРЛИ РАН. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868#_ednref156.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. СПб. : Издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1893. URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij>.

Стародумова Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М. : Рус. яз., 1994.

Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М. : Высш. шк., 1972.

Угро А. В. Особенности функционирования *убо* в произведениях Ивана Грозного (на примере первого послания Андрею Курбскому) // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР : материалы Междунар. форума. 2016. С. 306–308.

Угро А. В. Особенности функционирования *убо* в реализации проповедальной стратегии древнерусского книжника // Время науки. Научный журнал студентов, магистрантов, аспирантов. 2015. № 3. С. 2–10.

Шокотько Л. Е. Служебные слова (частицы и союзы) в русском языке XVII века (на материале «Жития протопопа Аввакума») // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Сер.: Филология. История. 2018. № 2. С. 49–56.

E. A. Petrenko, Candidate of Philology (Vladivostok)

E. S. Pershina, postgraduate student (Vladivostok)

DISCOURSE AND TEXTUAL FUNCTIONS OF PARTICLES IN THE SERMON ON LAW AND GRACE BY HILARION OF KIEV

Abstract. The article is devoted to the particles in The Sermon on Law and Grace by Hilarion of Kyiv. The purpose is to describe the functions of these particles as linguistic means with discourse and textual potential. The text is considered as a component of medieval religious discourse. In this respect, the communicative-pragmatic structure of the text is reconstructed. The way how the particles implement the author's pragmatic tasks, organize the text and discourse is described. It is established that these units realise the author's communicative purpose on lexical, syntactic, morphological-syntactic and textual levels differently. It is inferred that particles have the property of revealing the author's communicative strategies and tactics as well as religious discourse as a whole. Moreover, they fulfil a textual function as elements of text formation. It is concluded that the particles can be characterized as both textual clips and discourse markers.

Keywords: particles, Old Russian language, Old-Russian sermon, medieval religious discourse, discourse marker, text clip.

Т. И. Попова, кандидат филологических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
НИУ «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург
А. Е. Иголкина, студентка 2 курса
НИУ «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург

ХОЧЕШЬ НЕ ХОЧЕШЬ, А НАДО: **ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНВАРИАНТНЫХ СТРУКТУР** **УСТОЙЧИВЫХ НЕОДНОСЛОВНЫХ ЕДИНИЦ¹⁴**

Аннотация. Рассматриваются особенности описания устойчивых неоднословных единиц (УНЕ) устной повседневной речи в рамках Грамматики конструкций (СхG). Исследование опирается на результаты экспертной разметки УНЕ в корпусе «Один речевой день», в рамках которой было выделено 370 конструкций, сгруппированных в 78 инвариантов. Особое внимание уделяется конструкции с формой **Х не Х**, для которой выявлены две семантически различающиеся реализации – выражение необходимости действия вопреки обстоятельствам и выражение сомнения или неуверенности. Это ставит под вопрос универсальность инвариантного подхода и требует переосмысления принципов обобщения в описании конструкций как единиц устного дискурса. Делается вывод о необходимости баланса между формализацией структуры и прагматической интерпретацией в контексте повседневной коммуникации.

Ключевые слова: устный дискурс, устойчивые неоднословные единицы, корпус, конструкции, грамматика конструкций.

Введение

Теория Грамматики конструкций (СхG) [Fillmore, 1988; Fillmore, Kay, 1992] значительно повлияла на способ описания языковых структур, поскольку отсутствие четких границ между словарем и грамматикой, вложенное в характеристику данного подхода, приводит к тому, что «конструкции не могут быть отнесены к какому-то фиксированному языковому уровню» [Жукова, 2021, с. 6].

В результате рождается идея инвентаризации конструкций как основных структурных единиц языка [Рахилина, Кузнецова, 2010], и для разных языков стали создаваться лингвистически аннотированные базы данных таких единиц. Для русского языка подобной базой стал «Русский Конструктикон» [constructicon.ruscorpora.ru]. Как отмечают исследователи, «параллельно с этим в современной лингвистике активизировалось и множество более частных проектов, начиная от “Прагматикона” как базы дискурсивных формул (ДФ) русского языка [pragmaticon.ruscorpora.ru] и заканчивая своего рода “точечными” исследованиями, посвященными конкретным конструкциям или группам конструкций» [Богданова-Бегларян, Попова, 2025].

¹⁴ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Так, в рамках работы Школы коллоквиалистики в Санкт-Петербурге с 2022 г. реализуется проект, основная задача которого описать состав устойчивых неоднословных единиц (УНЕ) устной повседневной речи.

Анализ проводится на материале корпуса «Один речевой день» (ОРД) [ord.spbu.ru] (см. о нем: [The ORD ..., 2009; Русский язык..., 2016]). В рамках проекта по разметке УНЕ был использован подкорпус ОРД в объеме 1 млн. словоформ, где в результате было обнаружено более 8 тыс. УНЕ.

Типология УНЕ содержит 8 основных классов, среди которых выделены и конструкции (КС). Помимо конструкций, в классификации есть фразеологизированные, нефразеологизированные и окказиональные коллокации, формы-идиомы, прецедентные тексты и их элементы, неоднословные прагматические маркеры и речевые формулы, максимально близкие ДФ в структуре «Прагматикона» (подробнее о данной типологии и ее количественных характеристиках см. [Multiword Units ..., 2024]).

Для настоящего исследования были отобраны 370 единиц (666 употреблений), которым в рамках ручной экспертной разметки был присвоен статус конструкций (КС). Дальнейший анализ аннотированного материала предполагает выделение инвариантных структур, которые будут определять грамматическое и лексическое своеобразие каждой КС, что соответствует подходу, принятому в теории CxG.

Результаты классификации

Для 370 конструкций, обнаруженных в корпусе, было выделено 78 инвариантов. Для каждой из них выделены переменные, обозначенные как X и Y (или X2, если в конструкции есть повторяющиеся элементы). Для слотов описаны их грамматические характеристики с помощью морфологического маркирования с использованием стандартных лингвистических аббревиатур (пример: N.SG.NOM). Ниже представлен фрагмент рабочей таблицы (табл.), которая послужила своего рода базой данных для настоящего исследования.

Таблица

Классификация УНЕ класса КС

Инвариант	Вариант	X	Критерии X	Y/X2	Критерии Y/X2	Источник	Контекст	Класс 2
(*...) X (Y-a) знает	черт его знает	черт	N.SG.NOM	его	PRON.SG.ACC	ОРД	чёрт его знает/правильно?	РФ
	бог его знает	бог	N.SG.NOM	его	PRON.SG.ACC	ОРД	бог его знает, где они сейчас	

Таким образом, для выделения инварианта требовалось рассмотреть парадигму схожих конструкций, вычленив повторяющиеся элементы и обозначить их как переменные, затем посмотреть, есть ли дополнительные компоненты, чтобы учесть их при составлении формулы, и, наконец,

записать тот вид инварианта, который релевантен для всех вариантов, относящихся к нему.

В инвариантной формуле встречаются также условные обозначения, которые позволяют зафиксировать некоторые особенности функционирования КС в устной повседневной речи:

- перед словом – компонент КС может выступать в разных грамматических формах (<копать / копал / копали под X>) или с разными личными местоимениями (<(ты / вы) (что) X (что ли)>); в рамках одной конструкции возможно несколько таких вариативных компонентов, ср.: <*иди (*ты) в/на X / к X-у>;

- (*...) – компонент КС не обязателен и вариативен: <(*...) что за X> (да / ну что за ерунда!) (см. подробнее в [Богданова-Бегларян, Попова, 2025, с. 5]).

По результатам работы с базой данных КС удалось обнаружить единицы, которые встречаются среди данных УНЕ чаще остальных. Так, среди всех 370 вариантов КС наиболее частотные *дело в том что* (44), *такое ощущение что* (17) и *бог с ним* (10). Стоит отметить, что первая КС относится к инварианту *X (не) в том (что)*, для которого было обнаружено всего 10 вариантов, из них самый частотный (44) – *дело в том что*.

Отметим другие КС, которые отличаются разнообразием вариантов. На первом месте *X Y-ка знает*, например, (...)*Бог его знает* (26 вариантов, 44 вхождения), на втором – (...)*X с Y-ком*, например, *ну и черт с ним* (18 вариантов, 35 вхождений), на третьем – **иди (*ты) в / на / к X*, например, *да пошел он на фиг* (16 вариантов, 21 вхождение).

Отдельно хочется отметить инвариант для КС по типу *проверяй не проверяй, тебе не тебе* – (*...) *X не X* (18 вариантов, каждый из которых встретился по одному разу), так как реализации данной структуры в устной речи значительно отличаются друг от друга по значению, что нарушает некоторые принципы Грамматики конструкций.

В таком случае встает вопрос о степени обобщения, которая должна применяться для описания инвариантов реализаций КС в устном дискурсе.

Инвариантная структура конструкций: проблема обобщения

Итак, анализ инвариантных структур УНЕ класса КС показал, что в некоторых случаях формализация подхода описания конструкций вынуждает однотипно описывать разные с точки зрения их функциональной специфики единицы устной речи. В таком случае особенно остро встает вопрос о том, насколько подход Грамматики конструкций соотносится с аспектом прагматики, который является ведущим в устной коммуникации.

Рассмотрим примеры употребления КС (*...) *X не X*:

- (1) *маразм не маразм / надо давить эту самую...*
- (2) *есть русский такой еще этот пряник / не пряник.*

В обоих случаях на месте *X* стоит существительное мужского рода в единственном числе и именительном падеже, т. е. грамматические показатели совпадают. Тем не менее очевидно, что перед нами две разные конструкции, которые вряд ли могут быть вариантами одного инварианта, так как они употребляются в разных ситуациях.

В первом примере (1) представлена ситуация, когда, несмотря на какое-то обстоятельство, следует совершить определенное действие, единица *надо* также работает на формирование такой семантики высказывания. В структуре высказывания заложено противопоставление: между его частями вполне уместно было бы использовать союз *а* или *но* (*маразм не маразм / а надо ...*). Важная деталь – наличие второй клаузы после конструкции, которая может вводиться союзом или же задавать подобное значение и при бессоюзной связи.

В данном варианте конструкция *X не X* маркирует некий нежелательный исход ситуации, вопреки мнению, желанию или позиции говорящего. Подчеркивается, кроме того, безрезультативность действия, которое может реализоваться в *X* (*крути не крути, плачь не плачь* и др.). Можно сказать, что степень значимости обстоятельства, события, мнения, оценки (*X*) сводится к незначительной.

У конструкции *X не X*, реализованной во втором контексте (2), другая роль: конструкция *X не X* служит для выражения неуверенности говорящего. Ср.:

(3) *вот / что(:) там (...) чек не чек / мы всё это (э) аннулировали / но на всякий случай / чтобы как бы есл... наберите пожалуйста нас / наберите меня / скажите / что вот люди заехали / чтоб я знала //*

(4) *вот(:) и(:) сказали так / что вот непонятно что под ней жидкость если она жидкость () на... натуральная в смысле своя такая / то она еще может так сказать уйти и тогда это прилипнет обратно / а если нет то тогда нужно будет вот () будут там лазерные не лазерные ну(:) в общем посмотрим //*

(5) *все друг на друга такие он / он // смотрят типа от тебя не от тебя //*

(6) *не знаю / ехать не ехать.*

В примерах (3)–(5) видно, что УНЕ данной структуры часто используются, когда говорящий не может вспомнить нужное слово или подобрать подходящее название для того, о чем он говорит, из-за чего и отрицает слово, выражая этим самым свою неуверенность.

В случаях, когда на месте существительного оказывается глагол (6), сомнения возникают относительно целесообразности выполнения самого действия.

О сомнениях и затруднениях при выборе номинации или принятии решения говорят также и другие дискурсивные элементы (в контекстах подчеркнуты): маркеры хезитации (3), маркеры-аппроксиматоры, или маркеры приблизительной номинации (4), (5).

Итак, два варианта одного инварианта КС, рассмотренные выше, поразному реализуются в речи, что нельзя игнорировать.

Видимо, следует отделить две конструкции друг от друга, чтобы обозначить разницу между значениями, однако встает вопрос: как это отразится на инварианте.

Одним из вариантов фиксации полифункциональности конструкции может стать признание омонимичных инвариантов КС, т. е. при описании обнаруженных УНЕ в корпусе ОРД в формате словаря следовало бы создать две словарных статьи для КС с инвариантной структурой *X не X*:

X не X¹

Вопреки мнению, оценке, желанию, выраженному через X, какое-то обстоятельство всё равно должно произойти: *Хочешь не хочешь, а нужно будет сходить в магазин.*

X не X²

Выражение неуверенности, сомнения говорящего относительно сообщаемого в X или относительно необходимости выполнения действия X (если X выражен глаголом): *Я вчера видела у нее эту, сумку не сумку, блестящую такую.*

Другой способ фиксации отличия реализации конструкций со схожей структурой заключается в изменении самой формулы инварианта, точнее в ее расширении.

Для каждой из конструкций можно конкретизировать формулу, чтобы разница в значении была видна уже на этапе рассмотрения этой схемы. Например, для конструкции *X не X* в первом значении можно трансформировать формулу в *X не X, (а / но) Cl*, которая акцентирует внимание на наличии противопоставления, следующего в контексте за УНЕ (согласно принципам разметки Русского Конструктикона). Тогда можно оставить изначальную формулу *X не X* для второго значения конструкции.

Однако для продолжения анализа конструкций и их инвариантов необходимо решить еще целый ряд концептуальных вопросов. Например, остается неясно, в каких случаях разница между КС с одинаковой структурой инварианта при различной семантике в рамках реализации считается основательной для разграничения инварианта на два омонимичных, а когда такие конструкции могут сосуществовать.

Вывод

Таким образом, фиксация большого объема данных с помощью формул позволяет лучше классифицировать материал, однако схематичное изображение единиц устной речи оказывается всегда лишено смысловой детализации, что искажает их актуальное употребление в повседневном общении. Данное исследование направлено на адаптацию подходов к описанию словарного состава устной речи с учетом формальных особенностей теории Грамматики конструкций, применяемой в Русском Конструктиконе (Москва), и подхода к описанию прагматического аспекта

устойчивых неоднословных единиц, который реализуется в работах представителей Школы коллоквиалистики (Санкт-Петербург).

Литература

Богданова-Бегларян Н. В., Попова Т. И. Конструкции устной спонтанной речи: опыт систематизации на современном корпусном материале // Коммуникативные исследования. 2025. № 1. С. 37–53.

Жукова С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка в диахроническом аспекте (на материале XVIII–XXI веков) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Один речевой день. Звуковой корпус русской повседневной речи. URL: <https://ord.spbu.ru>.

Прагматикон. Электронная база данных русских дискурсивных формул. URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru>.

Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций. М. : Азбуковник, 2010. С. 18–79.

Русский Конструктикон. Электронная база данных русских грамматических конструкций. URL: <https://constructicon.ruscorpora.ru>.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах : коллективная монография / ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб. : ЛАЙКА, 2016.

The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation / A. Asinovsky, N. Bogdanova, M. Rusakova, A. Ryko, S. Stepanova, T. Sherstinova // Text, Speech and Dialogue: Proceedings of the 12th International Conference TSD 2009 / ed. by V. Matoušek, P. Mautner. Berlin ; Heidelberg : Springer, 2009. LNAI. Vol. 5729. P. 250–257.

Multword Units in Russian Everyday Speech: Empirical Classification and Corpus-Based Studies / N. V. Bogdanova-Beglarian, O. V. Blinova, M. V. Khokhlova, T. Y. Sherstinova, T. I. Popova // Speech and Computer: 26th International Conference SPECOM 2024: Proceedings / eds. A. Karpov, V. Deliċ. Cham : Springer, 2025. Pt. I. P. 187–200. (Lecture Notes in Computer Science; Vol. 15299).

Fillmore Ch. J. The Mechanisms of “Construction Grammar” // Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1988. Vol. 14. P. 35–55.

Fillmore Ch. J., Kay P. Construction Grammar Course Book. Berkeley : University of California, 1992.

Т. И. Popova (Saint Petersburg)

А. Е. Igolkina (Saint Petersburg)

KHOCHESH' NE KHOCHESH', A NADO: THE PROBLEM OF DEFINING INVARIANT STRUCTURES OF STABLE MULTIWORD UNITS

Abstract. The article explores the specifics of describing stable multiword units (SMU) in everyday spoken discourse within the framework of Construction Grammar (CxG). The study is based on expert annotation of SMU in the "One Day of Speech" corpus, which resulted in the identification of 370 constructions grouped into 78 invariants. Particular attention is paid to the **X ne X** structure, for which two semantically distinct realizations were identified: the expression of necessity in spite of circumstances and the expression of doubt or uncertainty. This challenges the universality of the invariant-based approach and calls for a reconsideration of generalization principles in the description of constructions as units of spoken discourse. The article concludes with the need to balance structural formalization and pragmatic interpretation in the context of spontaneous speech.

Keywords: spoken discourse, stable multiword units, corpus, constructions, Construction Grammar.

КЛИШЕ В СФЕРЕ ОСМОТРОВ, ЛЕЧЕНИЯ И ПРОЦЕДУР: МЕДИЦИНСКИЕ ТЕРМИНЫ, ТЕРМИНОИДЫ, СЛЕНГИЗМЫ

Аннотация. В статье рассматривается конкуренция профессиональных терминов и возникающих в актуальном медицинском дискурсе народно-разговорных терминоидов. Исследование выполнено корпусным методом на материале Национального корпуса русского языка. Объектом рассмотрения стали высокочастотные клише, характерные для диалога врача и пациента в ключевых коммуникативных ситуациях, предметом же их нормативность / ненормативность, стилистическая окраска и отношение к профессиональной или обыденной речи. Были определены нормативные обозначения врачебного осмотра, принятия пациентами препаратов и процедур, инъекций и профилактических прививок. Результаты показали, что профессиональные клише имеют долгую историю употребления, в то время как просторечные варианты – явление 2000-х, вирусно распространяющееся благодаря соцсетям и массмедиа, которые обуславливают превращение народно-медицинского просторечия в элемент общего медицинского жаргона.

Ключевые слова: медицинский дискурс, коммуникация врача и пациента, термины, терминоиды, специальное и обыденное знание, корпусное исследование.

Коммуникация врача и пациента, столкновение профессиональной и непрофессиональной языковой личности – один из наиболее исследуемых аспектов медицинского дискурса [Богатикова, Мишланова, Филиппова, 2014; Голев, Шпильная, 2012; Ельцова, 2017; Северская, 2025]. Особый интерес к нему вызван трансформацией специализированного знания в обыденное, что проявляется в возникновении особых разговорных клише и народно-медицинских терминоидов, а также в схематизме некоторых речевых ходов [Карасик, 2002, с. 239], которые со временем могут получать статус узуальных. Некоторые из них, а именно распространившиеся в последнее время клишированные обороты *осмотр врача*, *пропить курс X*, *проколоть X*, *(по)ставить укол / прививку* и стали объектом корпусного исследования на материале Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorpora.ru], в ходе которого оценивались их соответствие норме, специализированность / обыденность употребления, динамика вхождения в узус.

1. Выражение *осмотр врача* (с вариантом *осмотр специалиста*, в совокупности 350 контекстов употребления), характерное для дискурса диагностики и часто встречающееся в медицинских картах, пациентам кажется грамматически неясным, так как по нормам сочетаемости, родительный падеж чаще указывает на объект действия: *осмотр пациента / руки пациента*. В этой логике клише обозначает *осмотр*, которому подвергся сам *врач*, а не пациент. И ее придерживаются специалисты «Грамоты.ру», однозначно выбирая творительный падеж:

Вопрос. *Здравствуйте! Как правильно: осмотр врачом анестезиологом или осмотр врача анестезиолога?*

Ответ. *Верно: осмотр врачом-анестезиологом.*

Между тем у родительного падежа субъектное значение есть [Русская грамматика, 1980, с. 481], ср.: *решение консилиума (консилиум решил)* – форма указывает на деятеля, активно проявляющего себя. Таким образом, *осмотр врача (специалиста)* правомерно замещает субъектно-предикатные конструкции *врач произвел осмотр* или *врач осмотрел больного*.

Генитивная конструкция *осмотр врача* вошла в узус еще в XIX в.: *осмотр врача обнаружил ... перелом ребра* (М. А. Корф. Записки. 1838–1852); сохранилась в XX в.: *это был всего-навсего поверхностный осмотр врача* (В. Н. Гельфанд. Дневники. 1941–1943), *любой сотрудник МИДа перед заграникомандировкой проходит ... осмотр врача-психиатра* (Независимая газета. 15.10.1996); *перешла в XXI в.: должен быть осмотр врача, который на приеме еще посмотрит вашу медкарту и спросит про хронические заболевания* (Парламентская газета. 08.07.2021). Широко распространен и вариант *осмотр специалиста X* (*хирурга, невролога, офтальмолога* и др.). Клише с родительным субъектным используется и в записях в медицинских картах и книжках, указывающих на осмотр как состоявшееся событие: *ничего не надо кроме печати осмотра...* (Telegram Cyprus

Конкурирует с этим клише предложно-падежная конструкция с родительным деятеля: *осмотр у врача (специалиста X): неловко чувствуешь себя на осмотре у врача: точно на экзамене, стой, руки по швам, быстро отвечай на вопросы...* (Ф. Кнорре. Шорох сухих листьев); всего в НКРЯ зарегистрировано около 300 подобных примеров, в которых, однако, главным деятелем оказывается пациент, который *проходит* *осмотр*, а не врач, который его *проводит*. Активность врача обозначается творительным деятеля (14 употреблений): *10 минут отводится на осмотр врачом перед прививкой* (Vesti.ru. 05.12.2020).

Отметим и вариант *врачебный осмотр* (115 примеров в НКРЯ), известный с XIX в. и вошедший в широкое употребление еще в начале XX в.: *Вчера в городском воинском присутствии производился врачебный осмотр призванных из запаса прапорщиков и врачей* («Московский листок». 17.06.1904), и дошедший до нас: *Врачебный осмотр и измерение температуры тела проводили после прививки ежедневно в течение 5 дней* («Вопросы вирусологии». 05.08.2002). В этом случае определением акцентируются не действия врача или пациента, а отношение процедуры к врачебной сфере. Отношения врача и пациента, таким образом, не персонализируются.

Клише *осмотр врача (специалиста)* встречается в профессиональном медицинском дискурсе, в том числе и в специализированных медиа, а потому может быть признано нормативным, тогда как вариант *осмотр у врача (специалиста)*, скорее, относится к обыденному дискурсу пациентов.

2. Что касается встречающихся в дискурсе лечения и рекомендаций клише *пропить (препарат X)* и *проколоть (препарат X)*, то в НКРЯ представлено в основном «пациентское» словоупотребление, однако Т. Г. Карымшакова приводит несколько примеров и из профессиональной речи [Карымшакова, 2015, с. 171–172]. В устах врача *пропить, проколоть* звучит как «категорический императив» пройти весь курс назначенного лечения до конца. Соответственно, в НКРЯ преобладает (70 контекстов) клише *пропить / проколоть курс препарата X: Хорошо пропить курс витаминов, БАД, адаптогенов типа элеутерококка... («100 % здоровья»). Абсцесс вскрыли в клинике, а затем ... прокололи курс антибиотиков! проколола курс мозгопомогающего, это очень печально* (Livejournal. 2022) и т. д. Встречаются и употребления без отсылки к курсовому приему (*пропить ноотроп, проколоть хондропротектор*), в том числе – в профессиональном дискурсе, транслируемом медиа. Контексты при этом отражают разговорную речь врачей и пациентов, следовательно, клише *пропить / проколоть X* нельзя определить как терминологическое (ср. *пройти курс диспансеризации, предварительных исследований, лечения, процедур*) и нормативное. Это медицинский сленгизм, встречающийся как в специальной, так и в обыденной речи.

3. К дискурсу лечения и рекомендаций относятся вошедшие в моду клише *ставить укол* и *ставить прививку*. Если в 2008 г. специалисты «Грамоты.ру» однозначно советовали *делать уколы* и *прививки*, то с 2014 г. появляется уточнение: «*Ставить укол, ставить прививку* – профессионализм, характерный для речи медиков. Общеупотребительно и стилистически нейтрально по-прежнему *делать укол, делать прививку*» [<https://gramota.ru/spravka/vopros/295603#question>]. Медики использование оборота отрицают, однако примеры его проникновения в профессиональную речь есть [Карымшакова, 2015, с. 170–171, 174]. Заметим, что так говорит медперсонал 2000-х. А испокон веков *уколы* и *прививки* *делали*, о чем свидетельствуют, например, писатели-врачи – В. В. Вересаев, А. П. Чехов, М. А. Булгаков, а также дневниковые записи [Северская, 2025, с. 381].

Сервис НКРЯ «Портрет слова» дает представление о частотности коллокаций для слов *укол* и *прививка*.

Интересно, что наиболее часто в Основном корпусе встречаются эмоционально окрашенные глаголы, образующие коллокации со словом *укол*: *вкатить* (ipm 8,07), *всадить* (6,65), *вколоть* (6,3). Немного им уступают глаголы *сделать* (6,18) и *делать* (5,87), в совокупности, однако, выводя на первый план клише *(с)делать укол*. Примерно такое же соотношение глаголов-коллокатов отражает «портрет» *укола* и в Газетном корпусе.

В корпусе Социальные сети выделяются 95 контекстов с глаголом *делать*: *Я умею делать уколы, я не боюсь крови, я умею сбивать температуру, звонить врачу и понимать, что он говорит* (Livejournal. 2013), и лишь 22 контекста с глаголом *ставить*: *Всегда, когда ставят укол, прошу предупредить меня, когда начнут* (VK. 24.05.2016).

Что касается «портрета» *прививки*, то в Основном корпусе на первом месте оказываются коллокации с глаголом *делать* (5,85) – с момента изобретения вакцинации: *Врачи обходят жилища мелких ремесленников, делают прививку оспы детям и дезинфицируют помещения* (Русское слово. 06.02.1902); и до наших дней: *Никто не имеет права без вашего согласия осматривать ребенка, брать у него какие-либо анализы, делать ему прививки или давать лекарства* (О. Кашубина. Как болел бы врач). На втором месте коллокации со *сделать* (4,6). Реже, но довольно часто встречаются сочетания с *получать* (2,51) и *получить* (2,46), которые можно расценивать как терминологические – они встречаются в речи профессионалов: *Россияне получили 143,69 млн прививок, полностью вакцинировано 44,4 % жителей страны* (Ведомости. 26.12.2021). Коллокации с глаголом *ставить* (2,26) – на восьмом месте из десяти.

В Газетных корпусах, отражающих словоупотребление 2000-х, картина иная: лидируют коллокации со *сделать* (7,76) и *делать* (7,17), сразу вслед за ними со *ставить* (6,03) и *поставить* (5,95). Терминологическое клише *получить прививку* также встречается в медиа, и имеет даже более высокий, чем в Основном корпусе, индекс частотности (4,12).

В подкорпусе Социальные сети зарегистрировано 184 употребления коллокации *делать прививку* и 70 контекстов со *ставить прививку*.

Итак, нормативными как для профессионального, так и для обывательского медицинского дискурса остаются клише *делать укол* и *делать прививку*, пока выигрывающие у коллокаций со *ставить*. Однако имеющийся «гандикап» неуклонно сокращается под влиянием массмедиа и социальных сетей, просторечный «терминоид», возникший и вошедший в речевую моду в начале 2000-х, превращается в жаргонный неологизм, возникший по аналогии со *ставить горчичники, банки, клизмы, капельницы*, и осваиваемый как пациентами, так и медперсоналом.

Можно, таким образом, констатировать конкуренцию профессиональных терминов: *осмотр врача, пройти курс (лечения препаратом), получить препарат / процедуру, (с)делать укол / прививку*, и терминоидов, встречающихся в обывательской речи пациентов и имеющих разговорный, если не просторечный стилистический оттенок: *осмотр у врача, пропить / проколоть препарат, (по)ставить укол / прививку*. Профессиональные клише имеют долгую историю и употребляются с XIX в., тогда как просторечные варианты возникают и вирусно распространяются лишь в 2000-е гг., переходя из пациентского просторечия в общемедицинский жаргон.

Литература

Богатикова Е. П., Мишланова С. Л., Филиппова А. А. Особенности представления специального знания в медицинском дискурсе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3. С. 215–217.

Голев Н. Д., Шпилина Н. Н. Обыденная медицинская коммуникация (виды дискурсивных практик) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1. С. 128–137. Грамота.ру : справочно-информационный портал. URL: <https://gramota.ru>.

Ельцова Л. Ф. Медицинский сленг как компонент языка медицины // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77), ч. 2. С. 65–68.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена,

Карымшакова Т. Г. Лингвистические технологии речевого воздействия в медицинском дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2015.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Русская грамматика : в 2 т. Т. 1. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980.

Северская О. И. Грамматика осмотров, лечения и процедур // Коммуникативные исследования. 2025. Т. 12, № 2. С. 375–386.

O. I. Severskaya, Candidate of Philology (Moscow)

EXAMINATIONS, TREATMENT, AND PROCEDURES CLICHES: MEDICAL TERMS, TERMINOIDS, SLANG

Abstract. This article examines the competition between professional terms and colloquial terminologies emerging in current medical discourse. The study was conducted using a corpus-based method and the National Corpus of the Russian Language. The object of study was high-frequency clichés characteristic of doctor-patient dialogue in key communicative situations, their normative/non-normative nature, stylistic connotation, and their relationship to professional or everyday speech. Standard designations for medical examinations, patient administration of medications and procedures, injections, and prophylactic vaccinations were identified. The results showed that professional clichés have a long history of use, while colloquial variants are a phenomenon of the 2000s, spreading virally thanks to social media and mass media, which have led to the transformation of folk medical vernacular into common medical jargon.

Keywords: medical discourse, doctor-patient communication, terms, terminoid systems, specialized and everyday knowledge, corpus research.

Е. Ф. Серебренникова, доктор филологических наук, профессор
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ГРАММАТИКА ДИСКУРСА: ОПЕРАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме разработки теории грамматики дискурса с точки зрения процесса структурирования смысла в траектории реализации дискурса, понимаемой как дискурсивизация, в установочно-предпосылочном, предметно-познавательном и методологическом планах. Уточняются факторы актуальности данной проблемы. Обосновывается необходимость интегрирования трансфазового, порождающего конструктивного, интерпретативного и идентификационного подходов. На уровне целостной траектории дискурсивизации выделяется единица анализа грамматики дискурса в виде операции высказывания, включающая механизм дискурсивного мышления и ресурсные средства реализации. Уточняются типы операций: конститутивные операции высказывания о дискурсном топике, к которым относятся субъективизация, референциальная, структурная, контекстуальная концептуализация; лингвопрагматические операции, к которым относятся операции, отражающие интенциональность и финализацию высказывания; операции, структурирующие стратегичность, аргументацию и валидацию позиции, а также операции, определяющие качественные характеристики дискурса и его тональность. Раскрываются операции аксиологизации и аттрактивизации дискурса.

Ключевые слова: грамматика дискурса, дискурсивное мышление, операции высказывания.

Если под «грамматикой» понимать внутренний строй, образуемый грамматическими категориями в их системном соотношении и поэтому составляющий ресурсную настройку языка как формата знания на кодирование «речемыслия» / «речечувствования» – высказывания, то следует признать безусловную важность постановки вопроса о грамматике дискурса как феноменологии языка, объективированного в тексте. Предшествующее целеполагание по отношению к грамматике дискурса состояло в основном в определении семантики грамматических категорий в координатах дискурса, т. е. на первое место выдвигалось исследование языковых категорий в речи, в контексте. Подход к грамматике дискурса определяется самым подходом к дискурсу как деятельной феноменологии языка, единицей которого является целенаправленное высказывание-сообщение; субъектность порождения и межсубъектное пространство реализации; процессуальный интерпретативный характер. С развитием теории дискурса ставится вопрос не об атомарном, отдельном рассмотрении грамматики и дискурса, но об их интегрированном рассмотрении в реальности деятельного функционирования «языка в человеке и человека в языке» как способа познания и коммуникации. Актуальность проблематики «грамматики дискурса» определяется несколькими факторами. Практически произошедшим можно считать парадигмальный поворот в лингвистике в сторону когнитивно-коммуникативной трактовки природы

языка, признании не только антропоморфной, но и антропогенной онтологии языка. Антропогенность связана с толкованием субъектноцентричности высказывания – единицы дискурса, идентифицирующей дискурсивную личность и учитывающей 1) гетерогенность самого понятия субъекта (рационально-эмоционального Когито) в ипостасях наблюдателя, концептуатора, субъекта формулирования осмысляемого, локутора [Диско, 1984] в его деятельной роли в интерсубъектном диалогическом измерении коммуникации; 2) интерпретативный конструктивный характер дискурсивной формации в контексте ее порождения в целостной финализированной траектории от интенциональности (замысла, установки, точки зрения, намерения) через стратегичность, аргументативность к дестинации – вкладу в новое состояние коммуникативной ситуации, порождению не просто смысла, но «живого» знания / действия в управлении социальными практиками. Отсюда поэтому особую важность приобретает необходимость развития теории грамматики дискурса с точки зрения возможного интегрирования уже имеющихся подходов, разработанных в русле семиотики, когнитивной лингвистики и дискурсологии, грамматики текста и / или выделения наиболее перспективных подходов; определения факторов и механизмов, влияющих на структурирование высказывания / дискурса; определения аналитического терминологического аппарата.

Произошедший поворот не отменяет достигнутого уровня и багажа системного, уровнево структурированного знания о феномене языка и его грамматике, но нацеливает на переосмысление подхода к структурированию дискурса в заданной парадигмальной рамке в установочно-предпосылочном, предметно-познавательном и методологическом планах. В ряду имеющихся подходов к такому переосмыслению отметим следующие:

- ономасиологический трансфразовый подход к реализации смысла, объединяющий целую совокупность синтаксических структур в их лексико-морфологической (и фонетической) воплощенности в тексте;

- порождающий эмергентный подход, согласно которому динамическая процессуальная реальность языка основана на принципе дуальности мышления (бинарности пропозиции, бинарности порождающих трансформаций, бинарности отношения «вклад – опора» как концептуальной схемы высказывания, бинарности мыслительных векторов, направленных навстречу друг другу из оппозитивных когнитивных областей как механизма порождения грамматической структуры в момент их «перехвата мыслью мыслящей» (термин Г. Гийома); при этом выделяется сам момент «перехвата» – осуществления мысли как «третье», промежуточное звено, за которым стоит фундаментальная бинарная структура мышления);

- когнитивный подход, объясняющий феноменологию, структуру высказывания / дискурса в терминах лингвокогнитивных процессов, казуируемых видением ситуации субъектом с опорой на структуры опыта –

«идеализированные модели» знания (в терминах Дж. Лакоффа) в когнитивной системе человека, частью которых является язык;

– концептуально-конструктивный [Степанов, 1995], интерпретативный [Демьянков, 1994] подход, объясняющий феноменологию дискурса, его типологических и видовых характеристик не «особой» грамматикой и «особой» лексикой, но его осуществлением в матрице идеологически, мировоззренчески, аксиологически осмысляемого концепта, вокруг которого он организован;

– эпистемологический «идентификационный» подход, связывающий сам способ формулирования содержания в дискурсивной формации с ограничениями, накладываемыми «архивом знания» (М. Фуко) и той эпистемой – стилем мышления, которая присуща данному моменту эволюции культуры. Уточним понятие «архива» – постоянным, проходящим сквозь время, системным упорядочиванием опыта – категоризацией, «снятием» и трансфером особо значимых (ценностных) смыслов в континууме семиозиса и лингвокультуры. Например, явно к современному дискурсу будем относить дискурсивные формации, в которых формулируются смыслы «*когнитивная неопределенность*», «*мультимодальность речи*», «*прокачать навыки*», «*агрессировать*» и т. д., хотя сами феномены существуют издавна.

К числу наиболее продуктивных следует отнести лингвопрагматический подход к дискурсу, в котором достаточно полно разработан аналитический терминологический аппарат. Единицей анализа является речевой акт, значимость которого определяется не описательно-пропозициональным содержанием предложения / высказывания, а иллюкативной силой воздействия. Перечисленные подходы имеют безусловную методологическую значимость в настоящее время и могут применяться наряду с другими подходами по принципу дополнительности и, возможно, иерархичности в практике анализа грамматики дискурса.

Дальнейшие попытки углубить анализ дискурса и осмыслить грамматику дискурса с точки зрения факторов, условий и способов структурирования высказывания / дискурса в целостности «послания», адресованного смысла / действия, с необходимостью связаны с уровнем целостной холистической модели дискурсивизации (а не анализа уже реализованного текста / дискурса) с учетом его когнитивной природы. Продуктивным в этом плане является обращение к понятию «дискурсивного мышления» и дискурсивных операций высказывания. Понятие «дискурсивное мышление» используется по отношению к оперативному состоянию мышления (интеллекту) в интенциональном сознании *Когито* в горизонте его ожидания и ограничениях, накладываемых на продуцируемую формацию структурами знания и механизмами познания в момент смыслового прохода, пробега (в терминах Б. Потье) под влиянием контекстных факторов. Понятие «дискурсивное мышление» формируется при рассмотрении языка как важнейшей когнитивной системы человека, основой которой явля-

ются механизмы, процедуры, операции, модели, настройки, способы реализации лингвокогнитивных процессов, задействованные в осуществлении мысли, воли, эмоций человека в русле динамического, коммуникативно-деятельного конструктивного подхода к дискурсу. В центре внимания оказывается не дискурс как реализованный феномен, а дискурсивизация как процесс в его операциональной, каузативной, финализированной траектории порождения «нового», живого знания / видения мира в матрице от интенциональности через стратегичность и аргументацию к дестинации. Трактовка понятия «дискурс» посредством обращения к его истоку – дискурсивному мышлению – возвращает его к основаниям, внутренней форме слова – латинского *discorso*, что отражает языковую категоризацию языкомыслия или, по-другому, речемыслительной деятельности как «разбегания мысли в разных направлениях», рефлексии, раздумья, модуляций, преобразований, сличения, соединения и разделения, столкновения, прерывистости, перевода или интегрирования «ментальных пространств» (в терминах Ж. Фоконье), т. е. диалогового размышления субъекта во всей сложности данного понятия. Каузативно-интерпретативная и финализированная (и телеологическая) трактовка данного понятия позволяет сфокусировать внимание на единице анализа структурирования высказывания – дискурсивной операции.

Концепт «операции» и ее сущностные характеристики в методологическом плане отграничивают понятие способа структурирования высказывания в следующем виде. Операция есть интенционально-волевой перевод (проецирование) дискурсивного мышления в сферу определенной цели / результата на основе определенного когнитивного механизма вкупе с системой средств ресурсного языкового знания [Серебренникова, 2021]. Речь идет в данном случае о динамике «грамматики смысла» как дискурсивизации, ее воплощения в реализации траектории дискурса. В этой связи оправданным можно считать выделение нескольких видов дискурсивных операций, настройка которых носит интерпретативный характер, а способ взаимодействия имеет вид параметров-измерений дискурсивного мышления. Это прежде всего конститутивные операции высказывания о дискурсном топике, связанные с субъективацией человека говорящего и процессами восприятия и концептуализации / категоризации: референциальная концептуализация, актантно-структурная и контекстуальная концептуализация, локализация во времени и пространстве, модализация, аспектуализация и многие другие, отмеченные, в частности, в [Charaudeau, 1992]. Выделяются также лингвопрагматические операции, нацеленные на преобразование ситуации, к которым отнесем операции, отражающие интенциональность и финализацию. Следует выделить также операции, структурирующие стратегичность, аргументацию и валидацию позиции. В частности, при дискурсивизации проблемно осмысляемого дискурсного топика речь идет об операциях проблемизации, вопрошания, генерализации, концептуального вывода. На уровне целостной траектории дискурсивизации

необходимым представляется выделение операций, придающих некоторое качественное своеобразие, а также тональность дискурсу. К данному ряду отнесем, в частности, операции аксиологизации и аттрактивизации.

Аксиологизация [Серебренникова, 2024], придающая интенсифицирующий «валоризирующий» или «девалоризирующий» характер дискурсивизации, включает в себя операции оценивания, влияющие на принятие решения интерпретатором на основе механизма возведения (эксплицитного или имплицитного) к общей, частной, количественной, качественной, гомеостатической или прототипической оценке [Баранов, 1989]. Аксиологизация достигается также операциями перевода дискурсного топика в пространство между возможными модусами означивания, т. е. в пространство между реальным и желаемым, реальным и должным, реальным и кажущимся [Садовникова, 2021]. В качестве ресурсных средств языка в данном случае частотны различного уровня «аксиологемы» – знаки аксиологических систем языка [Казыдуб, 2009].

Аттрактивизация придает, соответственно, интенсифицирующее качество аттрактивности дискурсу. Обоснование и способ реализации данной операции находим в концепции синергетического подхода к неравновесным системам, в том числе к языку, а также в теории тенсивности дискурса [Греймас, 2007]. Аттрактивизация порождается механизмом аттракции – прерывания семантической когерентности мышления в горизонте ожидания и перевода дискурсивного мышления в своеобразную сферу бифуркации, необходимости логического выбора при осмыслении неожиданного, нового, необычного. Интерпретатор вовлекается в дискурсивное коммуникативное событие за счет пересечения границы «нормальное – ненормальное» и порождения видения ее концептуально новой. Конструируется своего рода загадка, когнитивный диссонанс-«квест», требующий разрешения. Аттрактор, структура дискурса и операциональное средство создает область упорядочения когнитивной неопределенности и инициирует осмысление в рамках семантики данной структуры. В работе А. А. Орсоевой [Орсоева, 2021] выведены следующие конкретные механизмы аттракции и средства аттрактивизации медийного текста / дискурса: конструирование перформативности путем квази-диалогичности (*Ты прекрасен, когда участвуешь в выборах!*); единого мы-пространства (*Никто кроме нас!*), квестива (*Ехать ли нам на Олимпиаду?*), аллюзии, языковой игры, людических аномалий. Одним из основных средств аттрактивизации является конструирование абсурда, сопоставления несопоставимых понятий или парадоксального высказывания (*Вчера наступило внезапно*). Таким образом, операциональный подход к грамматике дискурса позволяет опираться в анализе структурирования операционального процесса смыслообразования на конкретные механизмы и ресурсные языковые средства структуры, придающие качество событийности – искомой отличительной чертой «погруженного в жизнь» текста / дискурса.

Литература

- Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–91.
- Греймас А. Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души : пер. с фр. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
- Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
- Казыдуб Н. Н. Аксиологические системы в языке и речи // Вестник ИГЛУ. 2009. № 29. С. 132–137.
- Орсоева А. А. Способы достижения аттрактивности дискурса коммуникативного события : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2021.
- Садовникова О. Н. Аксиологические стратегии дискурса об инновациях (на материале русского и китайского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2021.
- Серебренникова Е. Ф. Лингвоаксиологические операции: в пространстве между миром реальным и мирами дискурсивного позиционирования // Динамика и статика в познании реальности языка : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 10–29.
- Серебренникова Е. Ф. Аксиологизация дискурса: к проблеме отграничения понятия и проекции на анализ медийного дискурса // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. Т. 2, № 50. С. 118–129.
- Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности. Язык и наука конца XX века. М. : РГГУ, 1995.
- Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris : Hachette, 1992.
- Ducrot O. Le Dire et le dit. Paris : Edition de Minuit, 1984.

E. F. Serebrennikova, Doctor of Philology, Professor (Irkutsk)

GRAMMAR OF DISCOURSE: UTTERANCE OPERATIONS

Abstract. The article considers the problem of developing a theory of discourse grammar from the point of view of the process of structuring meaning in the trajectory of discourse implementation, understood as discursivization, in terms of orientation, premise, subject-cognitive and methodological plans. The factors of the urgency of this problem are being clarified. The necessity of integrating transphrasal, generative constructive, interpretive and identification approaches is substantiated. At the level of the holistic trajectory of discursivization, a unit of analysis of the grammar of discourse is distinguished in the form of an utterance operation, which includes a mechanism of discursive thinking and resource means of implementation. The types of operations are distinguished: constitutive operations of a statement about a discursive topic, which include subjectivation, referential, structural, contextual conceptualization; linguistic and pragmatic operations, which include operations reflecting the intentionality and finalization; operations that structure strategy, argumentation, and validation of a position, as well as operations that determine the qualitative characteristics of a discourse and its tonality. The operations of axiologization and attractivization of discourse are revealed.

Keywords: grammar of discourse, discursive thinking, utterance operations.

Т. И. Стексова, доктор филологических наук, профессор
Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

Т. В. Шмелева, доктор филологических наук, профессор
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ МЕТАДИСКУРСИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Аннотация. Статья посвящена грамматике дискурса. Авторы предлагают рассмотреть некоторые синтаксические конструкции с помощью дискурсивной оптики, которая позволяет увидеть и объяснить семантические различия в группе сложноподчиненных предложений одного и того же структурного типа. Так, традиционно понимаемые определительные и отождествительные сложноподчиненные предложения могут быть метамаркерами, выражать метадискурсивную семантику при определенном условии: наличии глагола речи в придаточной части. При этом дискурс может быть охарактеризован через субъектов дискурсивной практики, через сферы, которые могут быть обозначены вербально или имплицитно. В отличие от названных типов предложений, дискурсивная привязка в изъяснительных сложных предложениях содержится во всей главной предикативной единице, которая выражает модусное значение авторизации и одновременно может быть метадискурсивным показателем.

Ключевые слова: русский язык, грамматика дискурса, метамаркеры, метадискурсивные показатели, сложное предложение.

Плодотворность рассмотрения синтаксических явлений в дискурсивной оптике продемонстрирована анализом изъяснительных предложений, предпринятом в монографии [Стексова, Шмелева, 2022]. Продолжение наблюдений над сложным предложением в рамках такого подхода выявляет иные типы предложений и иные типы реализуемой ими дискурсивности.

В настоящей работе рассматриваются сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры местоименной техники. Одни из них обозначаются в классификациях сложного предложения как **определи- тельные**: в их главной части находится существительное, к которому с помощью местоимений *который*, *чей* и под. присоединяется придаточное, содержащее информацию о референте субстантива, например, *Врач нада- вал мне множество **советов**, **которые** я пропустил мимо ушей* [Грамма- тика, 1970, с. 699]. Другие предложения технически держатся на двух ме- стоимениях: одно из них находится в главной части – *то*, *всё*, другое в придаточной – *что* в разных падежах; такие предложения именуются **отождествительными**: общий актант двух пропозиций, обозначенный двумя местоимениями, отождествляет эти две пропозиции, как случает ***Тот, кто** шел впереди, молчал* [Там же, с. 685].

Каждый из этих типов предложений располагает значительным кругом связующих средств и семантических разновидностей, описанных в грамматике. При этом их общее видится в том, что семантически и кон- структивно значимым оказывается один из элементов главной пропози-

ции, к которому и присоединяется придаточная часть, вводя в предложение информацию об этом элементе; по характеру этой информации среди определительных различают выделительные, качественные и распространительные [Там же, с. 697–700], а близкими к ним из отождествительных признаются предложения, построенные с опорой на местоимения-существительные, тогда как вообще к этой технике связи привлекаются все местоимения – *так / как, такой / какой, там / где* и т. д.

Мы обратили внимание только на такие предложения этого типа, которые включают придаточное с глаголом речи в качестве предиката. Характерный пример такого предложения – знаменитая ленинская фраза *Революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась* [Душенко, 2006, с. 254]. Общий смысл этого предложения – сообщение о совершившейся революции; при этом «придаточное определительное», как его квалифицируют в школе, информации об этом событии не содержит, но сообщает, что о нем говорили большевики. Иначе говоря, обращаясь к семантике этого предложения, нельзя не заметить разноплановость смысла составляющих его пропозиций: если первая обращена к миру политических событий и ее введение в предложение можно считать коммуникацией, то вторая – относится к метакоммуникации, или коммуникации по поводу общения, как она квалифицируется во множестве лингвистических работ, напр., [Романовский, 2015; Шмелева, 2021; Гринева, 2022]. Это значит, что придаточное можно назвать **метамаркером**: оно содержит информацию об обсуждении революции в партийной печати большевиков, их выступлениях. Обращаясь к современным понятиям, легко вывести, что имеется в виду дискурс большевиков – массив текстов, в которых представлена их картина мира, какой она была в 1917 г., задачи их деятельности, прогнозы. Следовательно, такого типа предложения могут быть интерпретированы как **предложения с метадискурсивной семантикой**.

Располагая небольшой коллекцией предложений такого типа, сформированной из материалов Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru] и актуальных медиа, можно охарактеризовать их. При этом основной интерес состоит в том, чтобы показать дискурсивную природу таких предложений и способы обозначения дискурса, к которому оказывается привязанными события главного предложения.

Итак, дискурсивную природу таких предложений обеспечивает использование глаголов речи как обозначение дискурсивной практики – *говорить*, как в контрольном примере, *писать, предупреждать, прочить* и др.:

(1) *То, о чем говорили и писали первые недели нового года почти все СМИ Дальнего Востока, все-таки случилось* (Д. Володин. Рыбакам надоело правительство // «Ежедневные новости», Владивосток, 2003.01.14);

(2) *Происходило то, о чем меня предупреждали монахи* (В. А. Марушин. По реке Белой к жемчужине Урала – пещере Шульган-Таш, 2016).

Что касается конкретного дискурса, к которому оказывается привязанным событие главной пропозиции, то он характеризуется прежде всего через субъекты дискурсивной практики, как в контрольном примере – *большевики, монахи* в (2); иногда в характеристику входит и указание на время дискурсивной практики, как в примере:

(3) *Вот это, мне кажется, страшно так же, как страшно и восстание масс, то, о чем предупреждали мыслители XX века, иногда предупреждали пророчески, а иногда уже испытав опыт хотя бы революции 1905 года* (Б. Любимов. Три главные темы в жизни – Церковь, литература и театр, 2015).

Второй способ характеристики дискурса – через формируемую им сферу, например, медиасферу, через именование институций, как в примере:

(4) *Это то, о чем писали газеты, шумело Центральное телевидение* (Д. Ахметова. Барнаул охвачен ужасом // Независимая газета, 19.10.2000).

Другие сферы – политики, искусства, религии, образования – располагают собственными возможностями проявления в рамках таких предложений. Разумеется, дискурсивная сфера может быть обозначена имплицитно, так, как в примере:

(5) *Как отмечают политологи, Денис Паслер, которому не раз прочили отставку, оказался на хорошем счету у главы государства* (Коммерсант. 28.03.2025).

Общее содержание предложения – о должности губернатора – однозначно указывает, что речь идет о сфере региональной политики, где и прочили отставку обсуждаемому лицу.

Выразить привязку к дискурсу содержания событийной пропозиции можно не только с помощью рассмотренных предложений. Вполне подходят для этого и **изъяснительные**, например:

(6) *Вся история Западного христианства в этом пункте, – и об этом замечательно писали русские писатели, и лучшие всех – Достоевский, – утверждает, что человек не любит свободы и боится свободы, а свободы и ответственности в области веры, существенной и последней свободы, он особенно боится* (Иоанн Мейендорф. Православное свидетельство в современном мире, 1992).

(7) *Религия утверждает, что человек есть высшее, особое существо, отличное от всего животного мира, что он сотворен Богом, как «образ и подобие Божие»; и та же религия в своем учении о грехопадении добавляет, что человек позднее (по тем или иным причинам) «пал», т. е. потерял чистоту своего божественного образа и смешался с миром низшей природы, подчинился ему* (С. Л. Франк. Религия и наука, 1929).

Однако очевидно, что в изъяснительных предложениях речь идет о дискурсивной привязке всего содержания главной пропозиции, тогда как определительные – только его элемента, даже если он обозначен местоимением *всё*. И, что весьма важно, коммуникативный вес метапропозиции оказывается меньшим, чем модусной в изъяснительном предложении,

значит, дифференциация семантики и противопоставление контента и метакоммуникации ощущается более существенно.

Итак, для грамматики дискурса кажется существенным, что в рамках сложноподчиненного предложения сформировался тип предложений, которые характеризуются метадискурсивностью: они служат маркерами дискурса, соотносят с ним события, обозначенные главной частью предложения. Семантические возможности этого типа сложноподчиненных предложений не ограничиваются метадискурсивностью, они реализуют свою метакоммуникативность иначе, и это заслуживает отдельного рассмотрения.

Литература

Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1970.

Гринева М. С. Метакоммуникативные маркеры кооперативной тональности в терапевтическом дискурсе // Научные труды Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского : материалы докл. Сер.: Гуманитарные науки. Калуга, 2022. С. 134–141.

Душенко К. Словарь современных цитат. 4-е изд., испр. и доп. М. : Эксмо, 2006.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Романтовский А. В. Метакоммуникативные индексы в дискурсе интернет-комментариев // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 3. 2015. С. 141–149.

Стексова Т. И., Шмелева Т. В. Русское изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве : монография. СПб. : Дмитрий Буланин, 2022.

Шмелева Т. В. Метакоммуникация в социальных сетях // Социальные сети: комплексный лингвистический анализ : в 2 т. Кемерово, 2021. Т. 1. С. 52–61.

T. I. Steksova, Doctor of Philology, Professor (Novosibirsk)

T. V. Shmeleva, Doctor of Philology, Professor (Veliky Novgorod)

COMPLEX SENTENCES OF METADISCURSIVE SEMANTICS

Abstract. The article is devoted to the grammar of discourse. The authors propose to consider some syntactic constructions using discursive optics, which allows us to see and explain semantic differences in a group of complex sentences of the same structural type. Thus, traditionally understood attributive and identifying complex sentences can be metamarkers, express metadiscursive semantics under a certain condition: the presence of a verb of speech in the subordinate clause. In this case, the discourse can be characterized through the subjects of discursive practice, through the name of through spheres that can be designated verbally or implicitly. Unlike the above types of sentences, the discursive binding in explanatory complex sentences is contained in the entire main predicative unit, which expresses the modal meaning of authorization and can simultaneously be a metadiscursive indicator.

Keywords: Russian language, grammar of discourse, metamarkers, metadiscursive indicators, complex sentence.

Н. Л. Федотова, доктор педагогических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

В. А. Щербакова, магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КОММЕРЧЕСКОЙ ПЕЧАТНОЙ И ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЕ

Аннотация. Обсуждается проблема выбора разновидностей простых предложений для создания рекламных текстов на русском языке. Динамично развивающийся рекламный дискурс позволяет фиксировать изменения, происходящие в синтаксической организации текста. Материалом исследования послужили 40 текстов (печатная / наружная реклама и видеореклама), которые были отобраны методом случайной выборки. Проведен структурный и семантический анализ используемых простых предложений. Контексты анализировались с позиций экспрессивного синтаксиса. Установлено влияние синтаксических структур на эффективность рекламного текста. Выявлено, что авторы рекламных текстов отдают предпочтение определенно-личным предложениям, в которых указываются действия либо производителя товара, либо покупателя. Подтверждено, что синтаксические конструкции наряду с лексико-грамматическими средствами и средствами выразительности используются для реализации основных функций рекламы – информативной, коммуникативной и воздействующей.

Ключевые слова: синтаксис, простые предложения, семантика, коммерческая печатная реклама, телевизионная реклама, русский язык.

Рекламное сообщение представляет собой комбинацию лингвистического и экстралингвистического элементов, «лексико-синтаксическое единство, дополненное изобразительным рядом, где синтаксические приемы и процессы создают особые стилистические эффекты за счет экспрессивности» [Кайрамбаева, 2012, с. 128].

При создании любого вида рекламы авторы прибегают к приемам экспрессивного синтаксиса, где построение текстов ориентировано на выразительность устной речи.

Рассмотрим конструкции простого предложения, наиболее употребительные в коммерческой печатной и телевизионной рекламе. Нами было проанализировано 40 рекламных текстов (20 – печатная реклама и 20 – видеореклама). Общее количество простых предложений – 97 (в печатной рекламе – 31, в видеорекламе – 66).

В отобранных текстах рекламы широко распространены простые односоставные предложения:

1) *номинативные (назывные) предложения* (14,43 %). В рекламном тексте такие предложения отражают бытийность [Валгина, 2003, с. 173], при этом с целью создания положительного впечатления о товаре не могут содержать отрицание.

Почти во всех рекламных сообщениях можно встретить «*именительный представления*» («*именительный темы*»), который некоторые исследователи относят к специфической разновидности номинативных предложений [Жеребило, 2010, с. 129]. В таких предложениях главный член выражен существительным в им. п. и служит для того, чтобы у реципиента возникло определенное представление о товаре. Обычно за «именительным тема» следует предложение, которое тематически связано с ним [Розенталь, 1976, с. 79]. Например, *Чудо. Йогурт + сок. Попробуйте сочное чудо!* (наружная реклама продукции «Чудо»). Название продукта служит триггером для формирования образа рекламируемого товара. Первое предложение «*Чудо*» является заголовком на баннере.

В телевизионной рекламе именительные представления почти всегда используются перед финальным слоганом: *PIKADOR. Неожиданно пикантный кетчуп* (видеореклама кетчупа определенной марки); *Магнат. Твои правила удовольствия* (видеореклама мороженого).

Через синтаксическую изоляцию именительного темы происходит выделение основного элемента рекламы, что повышает его узнаваемость. Таким образом обозначается главный компонент и подчеркивается смысловая доминанта, расположенная перед слоганом. Кроме того, в видеоформате такой прием позволяет сократить длительность ролика. Мнемонический прием упрощает усвоение информации реципиентом;

2) *определенно-личные предложения* (20,61 %). Например, *За низкими ценами ничего не прячем* (печатная реклама Tele2). Конструкция содержит гиперболу абсолютного отрицания (*ничего не прячем*) для того, чтобы вызвать доверие потребителей.

Зачастую в рекламных сообщениях встречаются определенно-личные предложения, в которых используются глаголы повелительного наклонения ед. или мн. ч., имеющие значение ‘призыв к действию’: *Не дай себе засохнуть!* (телевизионная реклама напитка «Спрайт»). Такая конструкция создает эффект неформального общения и означает ‘вкус к жизни появляется благодаря «Спрайту»’.

В рекламе *Ищите уникальные наборы в корнерах MotiTime по всему городу или на сайте motitime.ru* (печатная реклама монопроизводителя десерта дайфуку моти) используется глагол во 2-м л., мн. ч., предложение осложнено однородными обстоятельствами места (*в корнерах по городу, на сайте*), которые соединены союзом *или*. Интертекстуальность выражена с помощью гипертекста (*motitime.ru*), что характерно для современного рекламного дискурса;

3) *безличные предложения* (8,24 %). В предложении *Всегда хочется смартфон поновее* (наружная реклама «Forward Leasing») сказуемое выражено безличным глаголом *хочется*. Для подчеркивания качества товара используется характерная для разговорной речи сравнительная степень прилагательного (*поновее*), которая выступает в роли опреде-

ления. Также предложение содержит инверсию с акцентом на обстоятельстве времени *всегда*.

Предложения с модально-предикативными словами (*нужно, необходимо, должно* и др.) отличаются лаконичностью и высокой степенью экспрессии [Валгина, 2003]. Например, *Наконец-то можно забыть о боли на годы!* (печатная реклама «Ультра Клиники»). В конструкции используется составное глагольное сказуемое, состоящее из предикатива (*можно*) и инфинитива (*забыть*). Пример содержит наречие *наконец-то*, которое придает эмоциональность высказыванию, выражает состояние завершенности после продолжительного ожидания, подчеркивает значимость этого события для говорящего. Помимо этого, в высказывании имеется темпоральный маркер *на годы*, который гиперболизирует продолжительность результата рекламируемой услуги.

Обратимся к другому примеру безличного предложения: *За нами не заржавеет* (печатная реклама ножей из нержавеющей стали, супермаркет «Перекресток»).

В первом предложении подлежащее отсутствует, а предикативная основа *не заржавеет* состоит из глагола сов. вида, наст. вр., 3 л., ед. ч. В выражении *за нами не заржавеет* соединяются прямое значение глагола *ржаветь* (коррозия металлических изделий) и метафора (высокое качество продукта). Автор текста прибегает к языковой игре: химический процесс сравнивается с характеристиками товара. Безличное предложение позволяет выделить продукт на фоне аналогичных, предлагаемых конкурентами;

4) *неполные предложения* (20,61 %). Например, для рекламной кампании производственного комплекса «Северсталь» создатели использовали фотографии простых рабочих и сотрудников, чтобы привлечь внимание тех, кто ищет работу: *Разные люди. Один характер* (наружная реклама). Функция текста – сравнить представителей разных профессий и объединить их в одну команду. Копирайтеры обратились к такому средству выразительности, как оксюморон, чтобы противопоставить множественность субъекта и единство признака. Такое построение обеспечивает легкое запоминание слоганов. Кроме того, с помощью парцелляции осуществляется интонационное расчленение текста на два самостоятельных отрезка.

В другом примере *Вам подарок! Зарегистрируйся и получи подарочный сертификат 500 рублей на покупку серебряных украшений* (печатная реклама «585 Золотой») первое предложение односоставное, использована вежливая форма обращения (личное местоимение *вам*). В конструкции опущен глагол, благодаря чему высказывание становится лаконичным, но одновременно емким. В результате создается эффект персонализации, и у адресата формируется представление о личной выгоде.

Среди простых двусоставных предложений (30,92 %) наиболее употребительны следующие виды:

1) с грамматической основой «подлежащее + сказуемое, выраженное глаголом». В наружной рекламе йогуртов Valio *«Мы ничего не добавляем!*

Вы ничего не прибавляете!» сопоставлены взаимодействующие субъекты, обозначенные местоимениями *мы* (производитель) и *вы* (покупатель). Оба предложения – двусоставные, распространенные, с прямым дополнением *ничего*. Адресность в таком сообщении (*вы*) подчеркивает диалогичность текста, его направленность на покупателя. Используются параллелизм синтаксических структур, синонимы *добавлять* и *прибавлять*, двойное отрицание *ничего не*. Такие языковые средства позволяют сохранить смысловое единство информации, которую хотел донести автор: отсутствие скрытых действий и опровержение стереотипов;

2) с грамматической основой «подлежащее + сказуемое, выраженное существительным». Например, *Каждый день – день защиты от солнца. ANTHELIOS* (печатная реклама «La Roche Posay»). Автор слогана отсылает к названиям знаменательных дат (*День защиты детей, День защитника Отечества*), подчеркивая тем самым значимость солнцезащитного антивозрастного крема для решения возможных проблем с кожей в любой солнечный день.

Предложения с вводно-модальными словами выступают показателями персуазивности (достоверности или недостоверности сообщаемого) или выполняющими роль метатекстовых слов создают в тексте ситуацию размышления. Например, *Наш город, кажется, влюбился...* (видеореклама автомобиля LADA Kalina).

В осложненных простых предложениях наличествуют следующие элементы: «обращения, однородные члены предложения, обособленные члены предложения, вводные, вставные и присоединительные конструкции» [Варганова, Володина, 2019].

Обращения помогают достичь эмоционального сопереживания и установить «дружеский» контакт [Селеменова, 2018, с. 113]. В рекламном видеоролике *Друзья, нам всем иногда так не хватает романтики* (реклама оператора мобильной связи «Мегафон») обращение *Друзья* создает атмосферу непринужденности и свидетельствует о стремлении говорящего к доверительным отношениям, что типично для рекламных текстов. Сближение автора с аудиторией подчеркивается и тем, что используются местоимения 1 л., мн. ч. (*нам*). В ряде случаев указывается социальный или гендерный статус потребителя, например, в рекламе, распространяемой в преддверии 8 марта: *Мужчины, включайте фантазию* (телевизионная реклама «Озон»). В рекламных текстах может быть и персонифицированный подход. В 2024 г. популярными стали обращения, в которых использованы имена собственные, причем предпочтительными оказались короткие имена (*Дима, Саша* и т. д.): *Ваня, корзина подождет. Заходи на Яндекс Путешествия и вези ее в отпуск* (наружная реклама «Яндекс Путешествия»).

Однородные члены предложения используются для реализации интенции повлиять на формирование мнения о товаре или услуге, представив их разные качества. Часто в рекламе можно встретить однородные

подлежащие, сказуемые, дополнения, определения, которые подчеркивают все возможные выгоды приобретения продукта. Например, *Квартиры с отделкой, мебелью и техникой* (наружная реклама строительной компании «Самолет»). Односоставное назывное предложение осложнено однородными несогласованными определениями (существительными в тв. п.), которые описывают достоинства предлагаемого жилья и все удобства, гарантируемые застройщиком: у покупателя не будет проблем с ремонтом и приобретением бытовой техники.

В проанализированных примерах отсутствуют инфинитивные предложения, и только 1 неопределенно-личное предложение: *В Стародворье всегда так делают* (видеореклама продукции «Стародворье»).

Сравнение синтаксических структур в двух видах рекламы показало, что большее количество и разнообразие видов простых предложений можно обнаружить в видеорекламе, что, на наш взгляд, обусловлено возможностью предоставлять информацию как визуалам, так и аудиалам. Преобладают односоставные предложения (определенно-личные и номинативные), благодаря чему отражается стремление автора при минимальном наборе языковых средств представить максимально полное описание рекламируемого товара / услуги и побудить покупателя к их приобретению.

Выбор тех или иных синтаксических конструкций во многом зависит от специфики товара или услуги, о которых необходимо рассказать потребителю. Однако копирайтеры стараются найти наиболее приемлемый формат представления и выбирают те средства, которые отличаются большей лаконичностью, выразительностью и особым интонационным оформлением. Независимо от вида рекламы именно синтаксическая организация рекламного сообщения способствует реализации ключевых функций рекламы.

Литература

Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2003.

Вартанова Н. Г., Володина М. С. Особенности синтаксиса рекламных текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 7. С. 238–242.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010.

Кайрамбаева А. Ж. Синтаксические приемы как экспрессивные средства рекламного дискурса (на материале наружной рекламы г. Павлодара) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 127–132.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985.

Селеменова О. А. Роль синтаксических единиц и средств в создании эффектов рекламы // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 3 (29). С. 111–119.

N. L. Fedotova, Doctor of Pedagogy, Professor (St. Petersburg)

V. A. Shcherbakova, Master student (St. Petersburg)

SEMANTIC FEATURES OF SYNTACTIC DESIGN OF COMMERCIAL PRINT AND TELEVISION ADVERTISEMENTS

Abstract. The article discusses the problem of choosing varieties of simple sentences for creating advertising texts in Russian. The dynamically developing advertising discourse allows us to record the changes occurring in the syntactic organisation of the text. The material of the study was 40 texts (print/outdoor advertising and video advertising), which were selected by random sampling. Structural and semantic analysis of the simple sentences used was carried out. Contexts were analysed from the perspective of expressive syntax. The influence of syntactic structures on the effectiveness of the advertising text was established. It is revealed that the authors of advertising texts give preference to definite-personal sentences, in which the actions of either the producer of goods or the buyer are indicated. It is confirmed that syntactic constructions along with lexical and grammatical means and expressive means are used to realise the main functions of advertising – informative, communicative and influencing ones.

Keywords: syntax, syntactic structures, semantics, commercial print advertising, television advertising, Russian language.

У. Э. Чекмез, старший преподаватель
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОВМЕСТНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ В УСТНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КОНСТРУКТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Рассматриваются совместные построения, возникающие в устном полилоге, с точки зрения их синтаксической и просодической структуры с учетом особенностей адресации. Описываются диагностические признаки, позволяющие выявить совместное построение в структуре дискурса, учитывающие в первую очередь конструктивные особенности частей совместного построения. Наблюдения за процессом построения дискурса и реализацией адресации как внутри совместного построения, так и после него дают основания для выделения двух типов совместных построений: совместных построений, составляющих одно вокальное действие, и совместных построений, реализующих два вокальных действия, что позволяет более детально описать структуру устного дискурса диалогического типа.

Ключевые слова: устный дискурс, диалог, совместное построение, когезия, адресация.

Структура диалогического дискурса предопределяется участием в его построении двух или нескольких речевых субъектов. Типичной для диалогического дискурса является ситуация, в которой «каждый собеседник порождает синтаксически, просодически и прагматически целостное высказывание, выступая от своего лица и реализуя собственную интенцию, зачастую отличную от интенции собеседника» [Чекмез, 2025, с. 204]. Самостоятельность речевых действий коммуникантов проявляется в том числе в адресации, которую можно условно описать как «адресант адресату». Связь высказываний собеседников в диалогическом дискурсе, как правило, формируется на уровне тематики, так как эти высказывания преимущественно касаются одного предмета обсуждения.

При этом в устном диалогическом дискурсе обнаруживаются такие последовательности вокальных единиц (под **вокальными единицами** в данном случае понимаются «отдельные элементарные дискурсивные единицы или группы элементарных дискурсивных единиц, реализующиеся в пределах временного отрезка, границы которого ориентированы относительно точки перехода коммуникативной инициативы» [Чекмез, 2025, с. 10]), порождаемые двумя или несколькими собеседниками, которые оказываются связаны не только тематически, но и синтаксически, образуя единую структуру (табл. 1).

Таблица 1

Фрагмент записи ЛС и НВ 3

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	ЛС	НВ
28	00:15.94	00:18.10		рябина прошлый год \хорошо
29	00:18.13	00:18.91		плодоносила
30	00:18.93	00:20.76	она как-то-о через \год	нынче не \так

Такого рода последовательности именуются **совместными построениями** (см. [Гренобль, 2008; Коротаев, 2021]).

Сформулируем более отчетливо диагностические признаки совместных построений, опора на которые позволяет отличить их от типичного для диалогического дискурса обмена самостоятельными вокальными единицами.

Фрагмент дискурса S является совместным построением, если и только если он состоит из двух частей S1 (первая часть) и S2 (вторая часть), которые порождаются разными говорящими, при этом

S2 следует за полной или частичной вербализацией S1;

S2 обнаруживает семантическую и синтаксическую спаянность с S1 и образует с ним единую синтагму;

S2 связана с S1 риторическими отношениями или отношениями, аналогичными реализующимся в рамках клаузы;

S2 не содержит маркеров, сигнализирующих о том, что оно является реакцией говорящего на S1;

S1 и S2 связаны общей темой и направлены одному адресату, отличному от собеседников, породивших высказывания S1 и S2, либо говорящий выступает одновременно в роли адресата и адресанта при порождении S2.

С опорой на перечисленные выше диагностические признаки из исследовательского корпуса [<https://research-it-isu.github.io/research-corpus/>], основанного на записях устных интервью для проекта «Русские говоры Прибайкалья: синхрония и диахрония», было извлечено 50 совместных построений. Стоит отметить, что наибольшее число совместных построений (39, что составляет 78 % от общего числа совместных построений)

встретилось во фрагментах интервью, в которых одновременно участвовали два информанта и три-четыре интервьюера, следовательно, структура адресации в данных интервью изначально отличалась от прототипической: и речь информантов, и речь интервьюеров была обращена к коллективному адресату. Адресатов, участвовавших в разговоре, условно можно разделить на прямых и косвенных. Под **прямыми адресатами** в данном случае понимаются лица, для которых информация, заключенная в речевой партии собеседника, является новой, а под **косвенными адресатами** – лица, для которых информация, заключенная в речевой партии собеседника, является частью их с говорящим общей апперцепционной базы. Очевидно, что такая архитектура коммуникативной ситуации располагает к появлению совместных построений, хотя и не является единственно возможной, о чем свидетельствуют зафиксированные в рамках исследовательского корпуса совместные построения, где S1 порождает информант, а S2 – интервьюер (22 % от общего числа совместных построений).

Совместные построения, порождаемые основным говорящим и косвенным адресатом, в структуре дискурса можно интерпретировать как одно вокальное действие, совершенное единым речевым субъектом и направленное к коллективному прямому адресату. Именно такую организацию диалогического дискурса можно наблюдать в следующем фрагменте.

Совместному построению, представленному в табл. 2, предшествует рассказ НВ об урожае ягоды. Подлежащее в обеих частях совместного построения материально не выражено, однако очевидно, что НВ и ЛС выступают в качестве единого субъекта описываемых событий и единого субъекта речи. ЛС встраивает свою вербализацию, используя сочинительный союз *и* и риторические отношения следования для формирования семантико-синтаксической связи S1 и S2, и обращает ее прямому адресату.

Таблица 2

Фрагмент записи ЛС и НВ 3

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	ЛС	МБ	НВ	ОЛ
93	01:00.84	01:01.79			а /смородину-у	
94	01:01.79	01:03.73			и с трех кустов (0.25) два ведра \сняли	
95	01:04.17	01:04.53		мцм		
96	01:04.53	01:06.39	% и ни одной \ягоды не ста- ли /варить			
97	01:06.39					
98	01:06.70	01:06.92	/ничего			
99		01:07.08				/почему

Важным также оказывается просодическое оформление частей совместного построения: если рассматривать тональные конфигурации S1 и S2 (рис. 1), то в обеих частях совместного построения на ударном слове предиката, выступающего акцентоносителем, наблюдается повышение тона, что позволяет заключить, что второй говорящий согласует просодическое оформление своей элементарной дискурсивной единицы с просодическим оформлением предшествующей элементарной дискурсивной единицы собеседника.

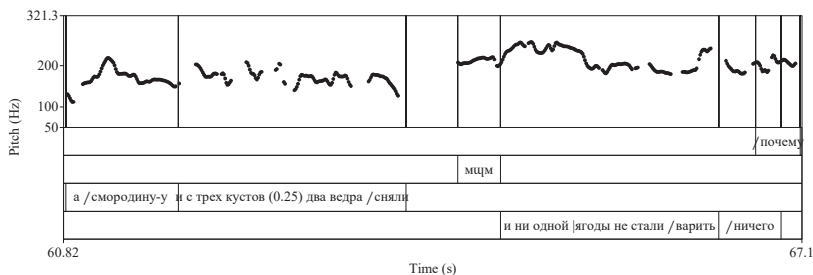

Рис. 1

Такое синтаксическое и просодическое оформление свидетельствует о том, что ЛС уподобляет ключевые характеристики S2 характеристикам S1, и, следовательно, представляет их как одно вокальное действие. В таком случае совместное построение ЛС и НВ можно интерпретировать как модифицированный вариант реализации самостоятельной вокальной единицы, которая формирует типичную реактивную связь уже с вокальной единицей ОЛ (*почему*).

Как кажется, другой интерпретации требуют совместные построения, в которых вторую часть порождает прямой адресат (табл. 3).

В данном фрагменте совместное построение именной клаузы можно наблюдать в строках 499–500. Вокальная единица Т выступает в качестве ответа на запрос МБ и ОЛ, однако в процессе построения этой единицы у Т возникают затруднения, о чем свидетельствуют синтаксическая незавершенность элементарной дискурсивной единицы в строке 499 (притяжательное местоимение *своя* в данном случае имеет нереализованную пассивную синтаксическую валентность), довольно продолжительная абсолютная пауза (0,8 сек.) и отсутствие тонального акцента на притяжательном местоимении. Отсутствие тонального акцента обусловлено законами фразовой акцентуации, в соответствии с которыми выделительный акцент в бинарной группе Adj + NP принимает на себя существительное [Кодзасов, 2009, с. 75].

Таблица 3

Фрагмент записи ВИ

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	ВИ	МБ	ОЛ	Т
491	07:06.25					ещё /неправильно посаженный наверное да
492	07:07.48	07:08.06	не поса- дил /правильно			
493	07:08.18	07:08.81		а это вот например как \неправильно посаженный		
494	07:08.85	07:09.65			а /садить это зна- чит	
495	07:09.65	07:09.76		это значит что-о	/что зна- чит	
496	07:09.79	07:10.16				
497		07:10.51				
498	07:10.60	07:11.86				там садят / по-своему
499	07:11.88	07:12.42				своя %
500	07:13.20	07:13.65		% /наука		
501	07:13.93		да мы его раньше садили \как			там наука \ своя-я
502	07:13.93					
503	07:15.05	07:15.24	это не то что сейчас его \вытягивают	ну /да ещё бы \но		
504		07:15.37				
505	07:15.37	07:16.06				
506		07:17.00				

Перечисленные выше сигналы затруднения основного говорящего выступают триггером для появления S2, которая заполняет пустой слот существительным *наука*, способным выступать в качестве вершины именной группы. Характеристики вербальной составляющей S2 в этом фрагменте задаются притяжательным местоимением, именно оно обеспечивает возможность проекции частеречной принадлежности следующего компонента синтагмы и его грамматических свойств. Отметим, что во второй части на словоформе *наука* реализуется тональный акцент, что свидетельствует также о возможности проекции просодии в рамках клаузы (рис. 2).

Несмотря на то что именная клауза *своя наука* образует единую синтагму как на синтаксическом, так и на просодическом уровне, ее невозможно признать единым вокальным действием вследствие того, что за совместным построением следует вокальная единица Т *там наука своя-я*, с помощью которой Т осуществляет принятие предложенного МБ варианта завершения, следовательно, вокальная единица *наука* воспринимается Т как самостоятельное вокальное действие, требующее реакции. Иными словами, несмотря на наличие синтаксической и просодической спаянности S1 и S2, их необходимо интерпретировать как самостоятельные вокальные действия.

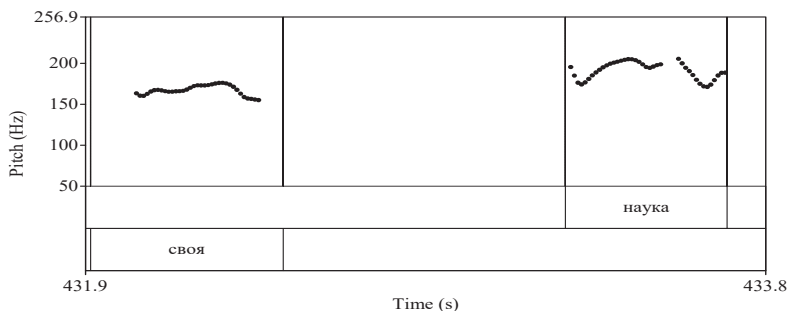

Рис. 2

Таким образом, совместное построение может представлять собой одно вокальное действие, формируя реактивные связи со следующей вокальной единицей, порожденной прямым адресатом, либо представлять собой отдельные вокальные действия, формирующие единую конструкцию, которую основной говорящий, порождающий S1, должен оценить как приемлемую или неприемлемую для дальнейшего развития дискурса.

Литература

- Гренобль Л. А. Синтаксис и совместное построение реплики в русском диалоге // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 25–36.
- Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М. : Языки славян. культур, 2009.
- Коротаев Н. А. Совместное построение в диалоге: опыт первичной корпусной разметки // Слово и жест: Гришинские чтения. 2021. С. 18–21.
- Чекмез У. Э. Организация устного дискурса в рамках диалогического взаимодействия : дис. ... канд. филол. наук. 2025.

U. E. Chekmez, Senior Lecturer (Irkutsk)

JOINT CONSTRUCTION AS A RESULT AND PROCESS: ONE CONSTRUCTION – ONE ACTION?

Abstract. The article considers the joint constructions that arise in the oral polylogue from the point of view of their syntactic and prosodic structure, taking into account the peculiarities of addressing. The design features of each part of the joint construction are described, based on them we can find a joint construction in the structure of the discourse. Observations of the process of constructing a discourse and the implementation of addressing both within and after the joint construction give grounds to distinguish two types of joint constructions: joint constructions that make up one vocal action, and joint constructions that implement two vocal actions, which allows us to describe in more detail the structure of oral dialogical discourse.

Keywords: oral discourse, dialogue, joint construction, cohesion, addressing.

Е. Б. Шавалиева, кандидат филологических наук
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ГРАММАТИКА РАЗГОВОРНОГО МЕТАДИСКУРСА: СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Аннотация. Метадискурс в беседе представляет собой сообщения, отличные с точки зрения референциальной соотнесенности от так называемого фактуального дискурса. В то время как последний имеет в качестве референтов объекты мира, внешнего по отношению к участникам разговора, метасообщения выражают смыслы, касающиеся самих говорящих субъектов, их беседы и их отношений. В данной статье рассматривается синтаксический уровень актуализации метадискурса, а именно его представленность в беседе в виде полноценных, эксплицитно оформленных пропозиций. Проанализирован пример, демонстрирующий отличие синтаксического уровня реализации метадискурса от фонетико-акустического (конвенциональных и неконвенциональных сигналов-вокализаций) и лексического (в основном, междометий). Делается вывод, что объективация метадискурса на синтаксическом уровне, т. е. в виде пропозициональных высказываний, позволяет отграничивать его от фактуальной составляющей разговорного дискурса.

Ключевые слова: разговорный дискурс, метадискурс, фактуальный дискурс, синтаксический уровень, метасмысл, метасообщение.

Если рассматривать разговорный дискурс с точки зрения его референциальной отнесенности, то можно обнаружить два вида смыслов: фактуальные, описывающие положение вещей во внешнем (по отношению к говорящим) мире, и метасмыслы, которые служат для обмена информацией о протекании самой беседы и состоянии отношений ее субъектов – состоянии возникающем, стабильном, меняющемся и т. д. В данной статье мы рассмотрим, как реализуется такой метадискурс на синтаксическом уровне. Синтаксический уровень реализации метадискурса отличается от фонетико-акустического и лексического тем, что метасмыслы на нем передаются в виде эксплицитно оформленных на языковом уровне пропозиций.

В метадискурсе, производимом посредством синтаксических средств, говорящий использует высказывания, которые ясно передают его отношение к теме дискурса и собеседнику. Так, в следующем телефонном разговоре на английском языке говорящий В недостаточно ясно передает при помощи фонетико-акустических средств собеседнику А метасмысл о том, что он внимательно слушает его. Этих средств оказывается недостаточно, и говорящий В эксплицитно выражает необходимый метасмысл с помощью метавысказывания (*I'm listening*), а в конце разговора он также показывает свое отношение к обсуждаемой теме (загруженности собеседника на работе), выражая сочувствие к собеседнику в метавысказывании (*I'm sorry*).

1 A: *um, it's been um (1.0) wel- this was a uh incredibly busy week probably the busiest one I've had here yet [this] uh year*

2 B: [*mmm*]

3 A: *um had these two presentations, a midterm, and a uh (.) assignment*

4 B: *[mhm]*

5 A: *[due] um (0.5) it's been a relaxing weekend though thus far*

6 B: *mhm*

7 A: *huh?*

8 B: *uh yeah I'm listening eh hh hh*

9 A: *umm (.) emotionally (.) it's been oh-kay (0.5) Friday was not very good*

10 B: *I'm sorry (TBE).*

В этом разговоре говорящий А описывает, чем он занимался и как себя чувствовал в течение предыдущей недели. Он продуцирует несколько репликовых единиц (строки 1, 3, 5). На протяжении его речи собеседник В несколько раз производит сигналы подтверждения своего понимания: в строке 2 – *mmm*, в строках 4 и 6 – *mhm*. Эти сигналы служат свидетельством того, что он, во-первых, правильно, с его точки зрения, интерпретирует обращенное к нему высказывание, распознавая смыслы составляющих его слов, и, во-вторых, что он воспринимает данное высказывание именно как расширенное, требующее от него соответствующего, продолженного периода внимания. Эти сигналы несут в себе импликацию «Пожалуйста, продолжай, я внимательно слушаю». Но поскольку упомянутых не прямых свидетельств успешного понимания оказывается недостаточно, говорящий В предоставляет также и прямое свидетельство такового в рамках побочного – чисто метадискурсивного – обмена, инициируемого говорящим А (*huh?* – *uh yeah I'm listening*). Междометие *huh*, произнесенное с вопросительной интонацией, приобретает метасмысл свернутого вопроса («Ты внимателен к тому, что я говорю?»). Говорящий В в ответ эксплицитно вербализует метасмысл, подразумеваемый обращенным к нему вопросом (*yeah I'm listening*).

В данном примере также присутствует большое количество hesitant-маркеров, или слов-заполнителей, *um* и *uh* (строки 1, 3, 5, 9), и пауз. Наблюдается коррекция в форме замены одного фрагмента другим (строка 1 – *it's been <...> this was*), а также используется междометие *well* (строка 1 – *wel-*), в данном контексте свидетельствующее о том, что говорящий «консультируется с собой», ищет более подходящую формулировку, рассматривая разные варианты [Clark, 1996, p. 273].

Синтаксические средства форматирования метадискурса, как и фонетико-акустические и лексические, направлены на достижение понимания между участниками относительно достаточного внимания адресата к обращенному к нему поведению адресанта; идентификации им высказывания адресанта; его интерпретации; рассмотрения им вариантов ответной реакции. Поэтому адресаты (в отличие от, например, присутствующих, но не участвующих в разговоре) с неослабевающим вниманием следят за дискурсом и постоянно демонстрируют собеседнику меру успешности / неуспешности своего участия во взаимодействии.

Возникает вопрос, каким образом при форматировании метадискурса говорящие оценивают степень успешности взаимодействия. Негативного свидетельства – отсутствия заявлений о неуспешности понимания со стороны адресата – часто бывает недостаточно, так как адресат, о чем свидетельствует анализируемый пример, может не осознавать имеющуюся проблему: он может не осознавать, что он чего-либо не услышал, не понял или понял неправильно. Самостоятельно участники не всегда могут определить, насколько успешно они взаимодействуют. С помощью метадискурса происходит тонкая и постоянная координация говорящих, совместное отслеживание процесса понимания посредством запроса, представления и подтверждения позитивных свидетельств того, что участники слушают, распознают и понимают обращенные к ним высказывания, а также правильно на них реагируют.

На основе анализа всего корпуса наших примеров мы выделили синтаксические средства управления беседой, маркирующие переход от дискурса к метадискурсу в ее линейном развертывании [Шавалиева, 2018]. Например, это средства, указывающие на

- слушание (*I'm listening; Sorry, I wasn't really listening*);
- прямое или косвенное управление поведением собеседника в разговоре (*Listen; Ok, everyone, listen up!; Now listen very carefully; Look; Look here; Won't you listen to reason?; You haven't been listening to a word I've said!; You need to listen to me!; I wanted to talk to you. Will you be very angry if I say something to you; Are you telling me...?; Don't tell me...; Promise you won't tell; Promise not to tell on me; Could you tell me...?; Come on, tell me; Tell me all; I beg you to tell me; Answer the question; What is it you want to say?; What have you got to tell me?; Say what you mean; Don't mince your words, tell us what you really think; I want a straight answer; Stop asking me...; I was joking; Shut up; Stop being so melodramatic; Be reasonable; Be serious; Just between us girls; You're being stupid; Don't be silly; How dare you speak to me like that?; Is it necessary to shout?; You should be ashamed*);
- управление темой разговора (*Stop it; Drop the subject; Drop it; Let's change the subject; Let's move on; We can talk about it later; I have a question to you; There's something I have to tell you; I want to say something to you; I'll tell you what...; There's nothing to tell; I don't want to talk about this with you; Do you want to hear something interesting?*);
- интерпретацию говорящим хода протекания беседы, ее содержания, поведения – своего или слушающего (*You're making me self-conscious; Are you being deliberately vague?; Are you being funny?; Are you talking to me?; You're joking!; You're being a bit melodramatic; So...that's a no?; Is that a promise?; Are you trying to say...?; What are you doing? Threatening me?; Are you saying that to try and make me feel better?; What makes you say that?; I'm not exaggerating a bit; I'm not threatening you, I'm warning you; I'm serious. I mean it; I'm sorry to hear that; It's kind of you to*

say so; Why did you ask all those pointless questions?; Your mind is so narrow. You're so narrow, so predictable; You're always quick enough to find fault; Why are you always trying me out?;

- выражение понимания / непонимания (*I see what you mean; What are you talking about?; What's so funny?;*
- выражение эмоционального состояния (*I tell you; I'm telling you; I can tell you; Tell me another!; You're telling me!; You don't say!;*

Кроме синтаксических средств управления ходом беседы, формирование метадискурса осуществляется высказываниями, выражающими метазнание о межличностных отношениях между говорящими, проявляющихся в данной беседе. В первую очередь к ним относятся средства установления контакта.

Таким образом, в отличие от фонетико-акустических и лексических средств выражения метасмыслов (которые говорящие понимают благодаря своей интерпретирующей активности, а исследователь выводит на основе процедуры инференции), синтаксические средства объективации метасмыслов – сообщений о ходе беседы и отношениях говорящих – можно формально отграничить от синтаксических средств форматирования фактуального дискурса – сообщений о внешнем мире.

Литература

Шавалиева Е. Б. Параметры форматирования разговорного метадискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Иркутск, 2018.

Clark H. H. Using Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.

E. B. Shavaliyeva, Candidate of Philology (Irkutsk)

GRAMMAR OF CONVERSATIONAL META-DISOURSE: SYNTACTIC LEVEL

Abstract. Meta-discourse in conversation represents messages that differ from the so-called factual discourse in terms of referential correlation. While the latter has as referents objects of the world external to the participants in the conversation, meta-messages express meanings concerning the speaking subjects themselves, their conversations and their relationships. This article examines the syntactic level of actualization of meta-discourse, namely, its representation in conversation in the form of full-fledged, explicitly formulated propositions. An example is analyzed that demonstrates the difference between the syntactic level of meta-discourse implementation from the phonetic-acoustic (conventional and non-conventional vocalization signals) and the lexical (mainly interjections). It is concluded that the objectification of meta-discourse at the syntactic level, that is, in the form of propositional statements, makes it possible to distinguish it from the factual component of conversational discourse.

Keywords: conversational discourse, metadiscourse, factual discourse, syntactic level, metamessage, metacommunication.

ОБРАЗОВАНИЕ МАРКЕРОВ-КСЕНОПОКАЗАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ: ПУТИ ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИИ¹⁵

Аннотация. Рассматриваются особенности грамматикализации и прагматикализации единиц, ставших в результате прагматическими маркерами-ксенопоказателями (ПМК). ПМК – это особые единицы устной речи, вводящие в дискурс чужую (в широком смысле) речь. Наряду со «словарными» частицами **мол, де, дескать**, материалы устных корпусов позволяют выявить и другие единицы, не описанные пока словарями и грамматиками. В статье представлены пути прагматикализации маркеров **видишь ли / видите ли, знаешь, типа того что, вроде того что, такой**. Разная частереченая природа описанных единиц становится причиной особенностей протекания процессов прагматикализации и грамматикализации для каждого ПМК. Наличие на одном временном срезе как новых прагматических маркеров, так и полноценных лексико-грамматических единиц, указывает на то, что эти языковые процессы происходят буквально на наших глазах.

Ключевые слова: коллоквиалистика, устная речь, маркеры-ксенопоказатели, прагматические маркеры, прагматикализация.

Изучение особенностей устной и спонтанной речи уже давно находится в центре внимания исследователей. Наряду с особенностями фонетики, лексики и синтаксиса, рассматриваются целые классы новых единиц, специфичных для устного дискурса. Такими единицами являются *прагматические маркеры* (ПМ). ПМ употребляются говорящим по большей части неосознанно, на уровне речевого автоматизма, они практически лишены как лексического, так и грамматического значения и выполняют в дискурсе лишь те или иные функции [Богданова-Бегларян, 2021]. Появление ПМ в устной речи является результатом двух активных процессов – *грамматикализации* и *прагматикализации*.

Одной из функций ПМ является ввод в повествование чужой речи (ЧР), функция *ксенопоказателя*. Термин «ксенопоказатель» был введен Н. Д. Арутюновой для маркирования в речи присутствия Другого [Арутюнова, 2000, с. 437]. Широкое понимание ЧР позволяет включать в нее и свою собственную речь, сказанную ранее или только еще планируемую, и собственные или чужие мысли, а также интерпретацию поведения и даже молчания другого человека [Левонтина, 2010, с. 284; Bogdanova-Beglarian, Ryko, 2022].

На материале ряда устных корпусов русской речи удалось составить словник прагматических маркеров-ксенопоказателей, насчитывающий более 20 единиц. Настоящее исследование посвящено описанию особен-

¹⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке СПбГУ (шифр проекта 124032900006-1).

ностей прагматикализации маркеров маркеров *видишь ли / видите ли, знаешь, типа того что, вроде того что, такой*.

ПМК *видишь ли / видите ли* происходит от контактного глагола. Функцию показателя чужой речи у *видите ли* отмечают разные исследователи (см., например, [Левонтина, 2022, с. 146–149; Маслова, 2016; Сурина, 2017; Прагматические маркеры..., 2021]). В ходе процессов грамматикализации и прагматикализации определенные формы этого глагола претерпевают изменения. Отмечают и употребление формы *видишь ли* в качестве вводного слова. В устной речи эта единица начинает выполнять функцию метакommункатива – помогает говорящему осмысливать сказанное и устанавливать и поддерживать контакт с собеседником [ПМ, 2021, с. 30, 80]. Одной из реализаций этой функции становится функция привлечения внимания собеседника к высказыванию – эмфатическая функция. Представляется, что функция ксенопоказателя «соседствует» с функцией метакommункатива, ср:

1) *У меня автомойка своя / «Монтана». Он мне начал говорить / чтоб я быстрее доедал / а то он свою машину / **видите ли** / поедет мыть / и чтобы именно я ему мыл / понимаете?* (МУРКО)

В примере (1) *видите ли* встраивается в структуру ЧР и явно маркирует возмущение говорящего.

Похожий путь изменения проходит другой маркер глагольного происхождения – *знаешь*. Уже академические источники отмечают особенность формы *знаешь* (см., например, «2 л. наст вр. *знаешь (знаете)* в знач. вводн. сл. употребляется с целью обратить внимание собеседника на предмет разговора» [МАС, т. 1, с. 617]), а в исследованиях прагматизированной формы *знаешь* выделяют ряд функций, среди которых метакommункативная и разграничительная функции [ПМ, с. 180–182]. Функция ксенопоказателя может быть рассмотрена в качестве разновидности разграничительной функции, так как *знаешь* употребляется в качестве маркера старта ЧР, ср:

2) *И (:) Наталья_Георгиевна% мне (э) всё говорила / **знаешь** / их тогда никто не обойдет на (:) этапе потсавки / я говорю ну чего-то я этого не поняла/ так лихо обходили *Н/ что вот если...* (ОРД)

Изменение статуса исследуемых единиц может быть представлено в виде шкалы переходности для каждого маркера (рис. 1, 2).

Рис. 1. Шкала переходности ПМК *видишь ли / видите ли*

Рис. 2. Шкала переходности ПМК *знаешь*

ПМК *типа* и *вроде* происходят от частиц (отметим, что академические источники дают широкое лексикографическое описание этих единиц, отмечая их функционирование не только в качестве частиц) [МАС, т. 1, с. 227; МАС, т. 4, с. 365]. В этих случаях прагматикализации часто предшествует процесс конъюнкционализации, так как маркеры *типа* и *вроде* в функции ксенопоказателя либо тесно соседствуют с союзным средством, либо берут на себя его функции, ср:

3) придут на вторые 45 минут... скажут *типа* блин службу опять нас сняли второй раз поставили старых (ОРД);

4) и тут з... звонок в дверь / и Вольдемар% заходит / *типа того что* кто такая ? (ОРД);

5) вот один из них спросил таким / *К *П так / это просто со странным немножко (...) отношением и взглядом / *П а зачем ? *П ну *вроде того что* их интересует только живая / (...) музыка // живой фольклор (ОРД).

Важно отметить, что в отличие от маркера *типа*, который функционирует в качестве ПМК как самостоятельно (см. пример (3), так и в своей более расширенной форме (пример (4)) единица *вроде* практически не употребляется в качестве ПМК без расширителя. Представляется, что расширенная форма употребления является «крайней точкой» шкалы изменений для маркеров *типа* и *вроде* (рис. 3–4).

Рис. 3. Шкала переходности ПМК *типа того что*

Рис. 4. Шкала переходности ПМК *вроде того что*

6) я *такая* / о-о/ вы приехали // а у вас завтра занятия будут? / они *такие* / будут / я говорю / да-а / не повезло мне // (ОРД).

ПМК *такой* имеет местоименную природу. Академические словари, по-разному классифицируя эту единицу, наделяют ее одинаковым набором функций. Так, для *такой* наряду с чисто указательной функцией характерно выражение сильной степени проявления свойства, качества или оценки предмета [МАС, т. 4, с. 334]. Представляется, что именно местоименная природа позволяет этой единице приобрести функции ПМК, с сопутствующей ему семей изобразительности, ср (шкала переходности *такой* представлена на рис. 5).

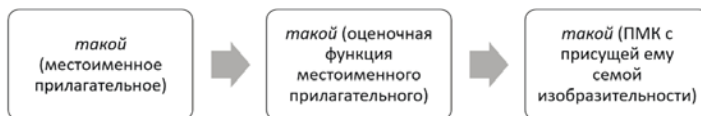

Рис. 5. Шкала переходности ПМК *такой*

Важно отметить, что маркер *такой* в ходе процессов прагматикализации не до конца теряет свои грамматические признаки, что нехарактерно для большинства прагматических маркеров. Так, наличие «грамматических атавизмов» и наличие семы изобразительности выделяются в качестве особенностей прагматикализации единицы *такой*.

Анализ путей прагматикализации пяти маркеров-ксенопоказателей показывает, что арсенал этих функциональных единиц в современной русской речи пополняется единицами разной частеречной природы. Сама функция ксенопоказателя часто не является единственной или основной для прагматикализованной единицы. Отслеживание особенностей изменения и формирования новых ПМК относится к перспективам настоящего исследования.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* // Язык о языке : сб. ст. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 437–452.
- Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи : словарь-монография. СПб. : Нестор-История, 2021. С. 5–52.
- ОРД: Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день». URL: <https://ord.spbu.ru>.
- Левонтина И. Б. Частицы речи : монография. М. : ИЦ «Азбуковник», 2022.
- Левонтина И. Б. Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». М. : РГГУ, 2010. Вып. 9 (16). С. 284–289.
- Маслова Е. Р. Всё ли мы знаем о слове «знаете»? // Материалы XIV Междунар. науч. конф. молодых филологов. Таллин : Ин-т славян. языков и культур Таллин. ун-та, 2014. С. 240–250.
- МУРКО: Мультимедийный русский корпус Национального корпуса русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/murco>.
- ПМ: Прагматические маркеры русской повседневной речи : словарь-монография. СПб. : Нестор-История, 2021.
- МАС: Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М. : Рус. яз., 1985–1988.

Сурина А. П. Маркеры ренарратива в разных типах устной речи : дис. ... маг. лингв. СПб., 2017.

Bogdanova-Beglarian N. V., Ryko A. I. Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL) // Синергия языков и культур 2021: междисциплинарные исследования : сб. ст. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2022. С. 80–89.

E. Ya. Shkliaruk (St. Petersburg)

**FORMATION OF MARKERS-XENOID INDICATORS
IN MODERN RUSSIAN SPEECH:
WAYS OF PRAGMATICALIZATION**

Abstract. The article examines the features of grammaticalization and pragmaticization of units, which as a result became pragmatic xenomarkers (XM). XMs are special units of oral speech that introduce someone else's (in the broad sense) speech into discourse. Along with "dictionary" particles, they say, materials from oral corpora make it possible to identify other units that have not yet been described by dictionaries and grammars. The article presents the ways of pragmaticalization of the markers *viziyush li/vidi li*, *zushi*, *tvogo chto*, *tvogo chto*, *tvogo chto*, *tvogo chto*. The different part-of-speech nature of the described units becomes the reason for the peculiarities of the processes of pragmaticalization and grammaticalization for each PMX. The presence of both new pragmatic markers and full-fledged lexical-harmonic units at the same time slice indicates that these active language processes are happening under our very eyes.

Keywords: oral discourse, pragmatic marker, xeno-marker, someone else's speech, pragmaticization.

СЕКЦИЯ 3

ГРАММАТИКА

ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

М. А. Кирина

НИУ «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ:
ДИНАМИКА ЧАСТЕРЕЧНЫХ РАСПРЕДЕЛЕНИЙ
В РУССКОМ РАССКАЗЕ XX ВЕКА¹⁶

Аннотация. Представлены результаты пилотного исследования, направленного на описание дистрибуции частей речи в синхронии и диахронии на материале русской прозы малой формы. Рассматриваются изменения морфологического состава художественных текстов (на уровне грамматических классов) на протяжении XX в. в соответствии с 9 историко-культурными периодами. Материалом исследования выступает выборка из 943 рассказов суммарным объемом более 3 млн словоупотреблений. Результаты анализа позволяют говорить о грамматическом единстве русского рассказа, а также некоторой системности использования языковых и стилистических средств в контексте рассматриваемой литературной эпохи.

Ключевые слова: части речи, частеречная дистрибуция, диахрония, грамматика художественного текста, русский рассказ, морфологическая разметка, квантитативный анализ.

Художественный текст на протяжении многих десятилетий становился предметом научных исследований разной теоретической и методологической направленности. Язык и стиль литературного произведения, а также особенности их реализации, продиктованные как эпохальными и историко-культурными изменениями, так и индивидуальным выбором писателя, привлекали внимание и литературоведов, и лингвистов [Шмелев, 1958]. Представляется, что художественный текст характеризуется «грамматическим единством», которое проявляется при выборе языковых средств как парадигматически, так и синтагматически [Сидорова, 2001]. Кроме того, отмечается, что фикциональный мир в прозаическом тексте «вырастает... из лексико-грамматических средств» [Там же]. Однако

¹⁶ Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

остается открытым вопрос: насколько выраженно в некоей литературно-художественной системе проявляется вариативность, обусловленная, с одной стороны, историко-культурным и социальным контекстом создания отдельного произведения, а с другой – уникальными языковыми предположениями автора?

В этой статье представлены результаты пилотного исследования, направленного на анализ частеречной дистрибуции в русской прозе малой формы в синхронии и диахронии. Изучение морфологического состава текстов жанра рассказа ранее предпринималось в [Завьялова, Шерстинова, 2022; Шерстинова, Завьялова, 2022] на основе выборки из Корпуса русского рассказа 1900–1930 гг. [Корпус русского рассказа ... ; О принципах ... , 2018; Sherstinova, Martynenko, 2020], состоящей из рассказов 300 русских писателей суммарным объемом около 1 млн словоупотреблений. Продолжая предыдущие исследования, настоящая работа имеет целью проследить морфологические изменения¹⁷ на материале расширенного Корпуса русского рассказа XX в. – разрабатываемого на текущий момент цифрового филологического ресурса [Шерстинова, Кирина, Хлусова, 2023].

В экспериментальную выборку вошли 943 рассказа, а общий объем составил 3700957 словоупотреблений (что практически в 4 раза больше подкорпуса, использовавшегося в предыдущем исследовании). На каждый год в среднем пришлось по 9 рассказов со средним размером подвыборки 37009,57 с/у ($\sigma = 14712,97$); средняя длина рассказа составила 3924,66 с/у ($\sigma = 3679,96$). Каждый рассказ был токенизирован, лемматизирован и морфологически аннотирован с помощью MyStem [MyStem 3.1...]¹⁸. Разметка выполнена в соответствии со следующими грамматическими классами: *существительное* (S), *глагол* (V), *прилагательное* (A), *наречие* (ADV), *предлог* (PR), *союз* (CONJ), *частица* (PART), *местоимение-существительное* (SPRO), *местоимение-прилагательное* (APRO), *местоименное наречие* (ADVPRO), *числительное* (NUM), *междометие* (INTJ), *числительное-прилагательное* (ANUM), *компози́т* (COM). Кроме того, была добавлена категория *другое* (NaN), в которую вошли те случаи, когда морфоанализатору не удалось определить часть речи. Такое отмечалось преимущественно для слов на иностранных языках (например, на французском *nous, sommes, les, moines*; на немецком *Wirklich, ein, sehr, starker*; на английском *Russian, vodka* и др.), а также для русскоязычных слов, содержавших ошибки и опечатки (как намеренные, «авторские», так и не замеченные на этапе корректуры).

Как видно из рис. 1, наиболее частотными являются существительные, глаголы и предлоги (что соответствует ранговым представлениям

¹⁷ Прослеживаются на уровне частеречных классов, грамматические категории внутри каждой части речи на данном этапе отдельно не рассматриваются ввиду значительного количества случаев альтернативных разборов, что требует дополнительной экспертной проверки.

¹⁸ Выбор именно этого морфоанализатора обусловлен тем, что программа MyStem позволяет провести быстрое и качественное морфологическое аннотирование большой выборки текстов.

грамматических классов, полученным на материале Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [Статистика корпуса...]. Следующими оказываются союзы, местоимения-существительные, прилагательные, наречия, частицы, местоимения-прилагательные, числительные и др., что, вероятно, является характерным именно для грамматического пространства художественного текста (ср. с общеязыковыми данными НКРЯ: прилагательное → союз → местоимение-существительное → местоимение-прилагательное → частица → наречие → местоимение-наречие → числительное [Статистика корпуса...]).

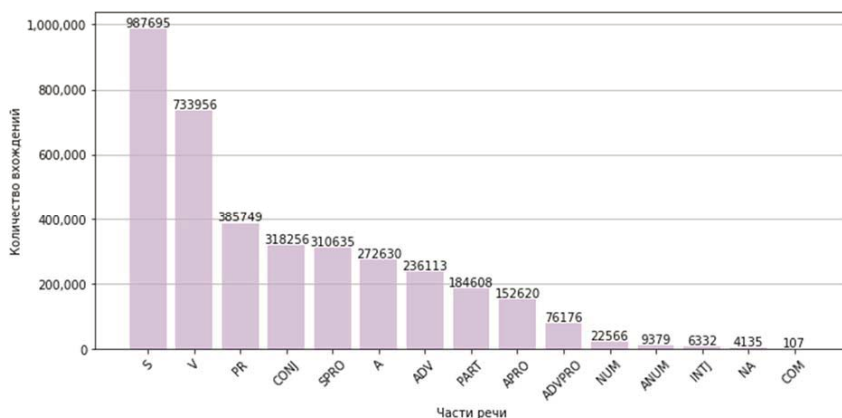

Рис. 1. Распределение частей речи (абсолютные значения)

В динамике, как следует из рис. 2, ранговые представления частей речи остаются прежними, т. е. можно говорить об их условной закреплённости. Стоит отметить «лексический спад» в период с 1940 по 1960 г., потенциально указывающий, однако, скорее на особенности текстов этого периода, чем на изменения в «грамматическом ландшафте» исследуемой эпохи.

Далее полученные распределения были сгруппированы в соответствии с 9 историко-культурными периодами, предложенными с учетом специфики рассматриваемого материала в [Кирина, Лукьянчикова, 2024]: 1) 1900–1917 – последние десятилетия Российской империи, дореволюционный период и революции; 2) 1918–1922 – период Гражданской войны; 3) 1923–1940 – довоенный период; 4) 1941–1945 – Великая Отечественная война; 5) 1946–1952 – послевоенный период (до конца правления И. В. Сталина); 6) 1953–1963 – «хрущевская оттепель»; 7) 1964–1985 – эпоха «застоя» (до XXVII съезда КПСС); 8) 1986–1991 – «перестройка»; 9) 1992–2000 – становление и развитие Российской Федерации.

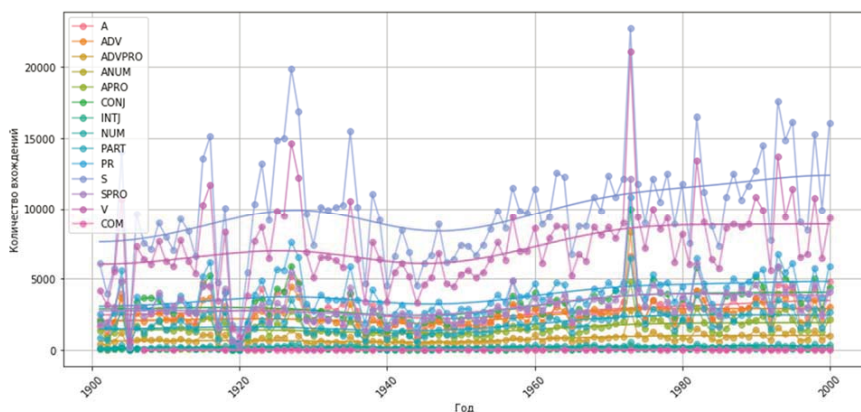

Рис. 2. Распределение частей речи в динамике (абсолютные значения)

Таблица

Распределение частей речи по периодам (относительная частота, %)

Часть речи	Временной период								
	1901– 1917	1918– 1922	1923– 1940	1941– 1945	1946– 1952	1953– 1963	1964– 1985	1986– 1991	1992– 2000
Существительное (S)	24,86	25,85	29,37	27,42	27,34	26,94	25,58	25,79	27,31
Глагол (V)	19,73	19,73	19,86	20,72	20,44	20,12	19,96	19,72	18,95
Предлог (PR)	9,97	9,83	10,87	10,50	10,60	10,58	10,31	10,49	10,42
Союз (CONJ)	9,32	9,28	7,72	8,10	7,96	8,36	8,89	8,94	8,68
Местоимение- существительное (SPRO)	8,90	8,69	7,19	8,11	8,41	8,55	8,98	8,60	8,09
Прилагательное (A)	7,96	7,40	8,08	7,22	6,81	7,07	6,66	7,05	7,79
Наречие (ADV)	6,66	6,47	5,92	6,51	6,66	6,38	6,58	6,37	6,15
Частица (PART)	4,86	5,15	4,32	4,22	4,83	4,98	5,46	5,38	5,15
Местоимение- прилагательное (APRO)	4,58	4,36	3,71	4,17	4,02	3,84	4,23	4,22	4,13
Местоименное наречие (ADVPRO)	2,04	2,07	1,73	1,89	1,93	2,04	2,25	2,24	2,18
Числительное (NUM)	0,51	0,62	0,63	0,65	0,54	0,65	0,62	0,67	0,62
Междометие (INTJ)	0,22	0,19	0,21	0,08	0,15	0,13	0,16	0,16	0,13
Числительное- прилагательное (ANUM)	0,19	0,23	0,24	0,31	0,26	0,30	0,27	0,26	0,26
Другое (NaN)	0,19	0,14	0,16	0,11	0,06	0,06	0,05	0,10	0,15
Композит (COM)	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00

Некоторые наблюдаемые изменения в относительных значениях, представленных в таблице, хоть и обнаруживают характерное снижение в военный и послевоенный периоды (например, существительные «стабилизируются» только в 1960-е), но не являются статистически значимыми

(критерий χ^2 , $p\text{-value} > 0.05$). Таким образом, несмотря на исторические потрясения и стилистическое многообразие, частеречные характеристики русского рассказа XX в. демонстрируют относительную устойчивость, что представляется новым свидетельством в подтверждение гипотезы о существовании единой литературно-художественной системы рассматриваемой эпохи [Шерстинова, Завьялова, 2022].

Проведенный анализ позволил выявить стремление грамматики художественного текста к инвариантности (что согласуется с наблюдениями, сделанными в отношении русского рассказа в [Шерстинова, Завьялова, 2022]). Вероятно, более «тонкие» принципы функционирования могут отмечаться, если проследивать также и изменения грамматических категорий внутри частей речи, что на данном этапе реализовано не было и представляется важной задачей для последующих исследований. Кроме того, кажется интересным рассмотреть, насколько выявленные особенности характерны для прозаических текстов, в частности выполненных именно в жанре рассказа, а также сравнить грамматические принципы создания художественных произведений с некоторым дискурсом, взятым как нейтральный (например, нехудожественные тексты из НКРЯ).

Литература

Завьялова И., Шерстинова Т. Ю. О морфологических различиях в текстах русской малой прозы 1900–1930 гг. // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 2(50). С. 176–204.

Кирина М. А., Лукьянчикова А. С. Голос эпохи: лингвостатистические показатели прямой речи в русском рассказе XX века // Восьмая Калининградская школа по гуманитарной информатике : сб. докл. Калининград, 12–14 дек. 2024 г. Калининград : Балтийский федер. ун-т им. И. Канта, 2024. С. 69–73.

О принципах создания корпуса русского рассказа первой трети XX века / Г. Я. Мартыненко, Т. Ю. Шерстинова, Т. И. Попова, А. Г. Мельник, Е. В. Замирайлова // Тр. XV Международ. конф. по компьют. и когнитив. лингвистике «TEL 2018». Казань, 2018. С. 180–197.

Сидорова М. Ю. Грамматическое единство художественного текста : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.

Статистика корпуса // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/stats>.

Шерстинова Т. Ю., Завьялова И. Динамика дистрибуции частеречных и грамматических категорий в русском рассказе 1900–1930 гг. // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов / отв. ред.: Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2022.

Шерстинова Т. Ю., Кирина М. А., Хлусова Я. К. Корпус русского рассказа как база для проведения социолингвистических исследований русской литературы // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 25–28 сент. 2023 г. / отв. ред.: М. А. Лаптева. Красноярск, 2023. С. 200–211.

Шмелев Д. Об анализе языка художественного произведения // Вопросы литературы. 1958. № 7. С. 109–128.

MyStem 3.1 = морфологический парсер. URL: <https://yandex.ru/dev/mystem>.

Sherstinova T., Martynenko G. Linguistic and Stylistic Parameters for the Study of Literary Language in the Corpus of Russian Short Stories of the First Third of the 20th Century // R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics, Proc. of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019). CEUR Workshop Proceedings, 2020. P. 105–120.

**GRAMMATICAL LANDSCAPE OF PROSE FICTION: DYNAMICS
OF PART-OF-SPEECH DISTRIBUTIONS IN THE RUSSIAN SHORT
STORIES OF THE 20TH CENTURY**

Abstract. This article presents the results of a pilot study aimed at describing the distribution of parts of speech in synchrony and diachrony based on the material of Russian short prose fiction. It examines changes in the morphological composition of literary texts (at the level of grammatical classes) throughout the 20th century in accordance with 9 historical and cultural periods. The study is based on a sample of 943 short stories with a total size of over 3 million word usages. The results of the analysis allow us to suggest the grammatical unity of the Russian short story, as well as a certain systematic use of linguistic and stylistic means in the context of the literary epoch under consideration.

Keywords: parts of speech, part-of-speech distribution, diachrony, grammar of fiction text, Russian short story, morphological annotation, quantitative analysis.

Л. Б. Крюкова, кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный университет, г. Томск

**СИНЕСТЕТИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В ПОЭЗИИ СИМВОЛИСТОВ:
ДИСКУРСИВНЫЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Аннотация. Рассматриваются типы синестетических сочетаний, представленные в поэтических текстах. В поэзии символизма метафорическое моделирование восприятия на основе синестезии получило теоретическое обоснование и наиболее яркое практическое применение. В результате структурно-семантического анализа выявлено, что наиболее распространенными являются двухкомпонентные синестетические конструкции, моделируемые на основе определительных и предикативных отношений. Среди многокомпонентных образований преобладают сложные синестетизмы с «творительным метаморфозы».

Ключевые слова: синестезия, символизм, поэтический текст, синтаксические отношения.

Синестезия как психический, лингвистический и культурный феномен постоянно находится в фокусе внимания исследователей, принадлежащих к различным научным школам. С опорой на труды зарубежных и российских исследователей Л. П. Прокофьева определяет синестезию как системный механизм, в основе которого лежит «процесс эмоционального обобщения, проявляющийся на семантическом уровне в общности эмоционально-оценочных свойств объектов разной модальности» [Прокофьева, 2010, с. 9]. Обеспечивая связь между разными типами перцепции, синестезия становится основой для формирования оригинальных образов. Синестетизмы, представленные на разных уровнях художественного текста, функционируют в качестве изобразительно-выразительных средств и свидетельствуют о «метафорическом кодировании смыслов» [Забияко, 2003].

Синестезия, являясь одним из основных отличительных свойств поэтического мировоззрения, определяется как базовый принцип художественной культуры Серебряного века. Именно в поэзии символизма мета-

форическое моделирование восприятия на основе синестезии получило теоретическое обоснование и наиболее яркое практическое применение [Блинов, 1980; Кожевникова, 1986; Абдуллин, 1999; Галеев, 1999; Сатретдинова, 2012; Свистова, 2012; Двизова, 2014; Макарова, 2021 и др.].

Целью предлагаемой статьи является анализ синтаксической структуры синестетических сочетаний, представленных в поэтических текстах символистов. В фокусе внимания синестетические конструкции (синестезизмы), моделируемые на основе различных типов синтаксических отношений (предикативных, определительных, объектных, обстоятельственных).

В контексте лингвистического исследования проблем художественной перцептивности и, в частности, феномена синестезии считаем возможным использование понятия «поэтический дискурс символизма» [Ханзен-Лёве, 1999; Федотова, 2020; Руднев, 2025 и др.]. Основным приемом художественной изобразительности в рассматриваемом типе дискурса является символ. В процессе определения собственных ощущений и переживаний при формулировке своего отношения к «объекту» символисты намеренно использовали различные варианты иносказания. «Для символиста действительность – это только трамплин для прыжка в неизвестное. В символическом творчестве органически сливаются два содержания: скрытая отвлеченность, мыслимое подобие и явное конкретное изображение» [Львов-Рогачевский, 1925, стб. 774]. В докладе «О современном состоянии русского символизма» А. А. Блок связывает символизм с определенным типом мировоззрения: «противопоставление видимому миру миров иных» [Блок, 1910].

Синестезия определяется как характерный признак «новой поэзии», в системе которой было оправдано «синкретическое слияние чувств» [Блинов, 1980, с. 119]. В поэтических текстах репрезентирована идея соединения и взаимопроникновения явлений друг в друга: *В солнце звуки и мечты, / Ароматы и цветы / Все слились в согласный хор, / Все сплелись в один узор* (К. Д. Бальмонт «Аромат солнца»); *Чтоб лучи, звуки, запахи, краски – красивы / Стали все, всем, везде, или – соком отрав* (В. Я. Брюсов «Невозвратность»); *Он цвет и звук проверил осязаньем, / Он взвесил свет, измерил бег луча* (М. А. Волошин «Космо»). И. И. Блинов в статье о синестезии в поэзии русских символистов отмечает, что поэты в зависимости от своего мироощущения и психологического склада сводят «в единый образ природу, которая воплощается в звуках, красках, запахах и т. д., и свое переживание для того, чтобы полнее выразить затем свои чувства и адекватно передать их другому» [Блинов, 1980, с. 120].

Среди значительного количества классификаций синестетических сочетаний выделяются три основные группы: структурные, семантические, стилистические и различные варианты их совмещения. Так как синестезия характеризует прежде всего метафорическое мышление и в плане выражения является основой тропа [Галеев, 1999], то в современных исследованиях доминируют стилистические классификации. Напри-

мер, Е. Э. Разлогова и П. В. Ярошенко [Разлогова, Ярошенко, 2022], рассматривая стилистические средства выражения синестезии в тексте, определяют в качестве базовых метафоры и сравнения. Авторы анализируют примеры сенсорной метонимии, нарративного эллипсиса, гипаллагы, оксюморона, а также отмечают, что синестезия может «органично встраиваться в более крупные, покрывающие структуры (антитеза, хиазм)» [Разлогова, Ярошенко, 2022, с. 80].

В семантических классификациях, в соответствии со значением главного слова в составе синестетизма, может фиксироваться один доминирующий признак: зрительный (фотизмы) – *липкий сумрак*; слуховой (фонизмы) – *шершавая песня*; обонятельный (одоризмы) – *оранжевый запах*; осязательный (тактилизмы) – *фиолетовая слякоть*; эмоциональные (эмотивы) – *золотая радость* [Макарова, 2021, с. 32], но чаще указывается два основания (означаемое и его характеристики) – зрительно-звуковые, зрительно-ольфакторные, тактильно-звуковые и др. [Блинов, 1980; Абдуллин, 1996; Двизова, 2014; Корячанкова, Крюкова, Хизниченко, 2016 и др.].

В семантических и стилистических классификациях в качестве дополнительных выделяют и структурные характеристики (в этом случае деление включает несколько уровней [Двизова, 2014, с. 208–213]). Традиционно выделяют двухкомпонентные и многокомпонентные синестетические конструкции (сложные синестетические метафоры). Анализ поэтических текстов символистов показал, что дальнейшее деление также может быть проведено по формальному основанию. Например, классификация двухкомпонентных синестетических сочетаний по типу синтаксических отношений между компонентами:

– $N_1 + V_f$ (предикативные): *Свет и тень звенят в апреле* (В. Я. Брюсов «Апрель»); *И позвякивали миги, / И звенела влага в сердце* (А. А. Блок «Под масками»); *Цвет рябины алым стал, / Песнь поет лучу* (К. Д. Бальмонт «Веселая осень»);

– $N_1 + Adj$ (предикативные): *Так хрупок шум твоих волос* (В. Я. Брюсов «После дождя»); *Вот крестики встали, вот звезды мелькнули, / Как мягок сквозистый их свет* (К. Д. Бальмонт «Снежинки»); *Я причиняю всем терзания, / Но светел мой свободный смех* (К. Д. Бальмонт «Далеким близким») и др.

– $N_{1/6} + Adj_{1/6}$ (определительные): *Немая синь озер, их вод густых* (К. Д. Бальмонт «В синем храме»); *Вдруг погаснет тихий свет, – / И вздохну ему в ответ* (В. Я. Брюсов «Фабричная»); *То змея червонным свистом / Развивается, из легких трав – / В лицо!* (А. Белый «Вы – зори, зори! Ясно огневые...»); *Луна алмазит стекла, / Прохладный свет лия* (Андрей Белый. «Старинный дом»); *Там, где были тихие, мягкие тени – / Желтые полосы вечерних фонарей* (А. А. Блок «По городу бегал черный человек...»);

– $N_{1/6} + N_{2/6}$ (определяющие): *На светлом пламени Эллады / Зажженный – ваших песен свет!* (В. Я. Брюсов «К армянам»); *Пляшите, уличных огней / На скользких плитах иглы света!* (Андрей Белый «Отчаянье»); *Между скал, под влагой мглы, / Просыпаются орлы* (К. Д. Бальмонт «Чары месяца»);

– $V_f + N_{2/6}$ (объектные): *Звени огнем, – стакан к стакану! Смотри из пытки на меня!* (В. Я. Брюсов «В ресторане»); *Небо взывает: «Воскреси», / Миру лазурью звеня* (В. Я. Брюсов «Благовесть весеннего утра»); *Задумчивый мир напоило немеркнущим светом / великое солнце в печали янтарно-закатной* (Андрей Белый «Усмиранный»); *Застуденеет светом даль, – / Негреющим, бесстрастным светом* (Андрей Белый «Прошлому»);

– $V_f + Adv$ (обстоятельственные): *Это – солнце ароматно / Во мне поет. Я весь в его красе* (К. Д. Бальмонт «Что со мной?»); *Синие линии леса / Немо темнеют в закат* (А. Белый «Асе»); *Чаши бледные кувшинок / Тихо светят меж тростинок* (В. Я. Брюсов «Утренняя тишь»); *Лесной ручей поет, не зная почему, / Но он светло журчит и нарушает тьму* (К. Д. Бальмонт «Лесной ручей поет, не зная почему...»).

Среди двухкомпонентных синестетических сочетаний встречаются общезыковые, в первую очередь, речь идет о модели $N_{1/6} + Adj_{1/6}$ (определяющие отношения): *серебряный звон, сладкий голос, холодный цвет / свет, жгучий взгляд, острый запах* и др. В остальных группах преобладают поэтические (характерные для отечественной литературной традиции или отдельного направления) и индивидуально-авторские синестетические конструкции.

Классифицировать многокомпонентные синестетические конструкции по формальному признаку достаточно сложно: *О! как впились и плоть прожгли / Шаги, шаги декабрьской тьмы* (А. А. Блок «Шаги») – тактильно-звуковая синестезия (метафора) *впились шаги* ($N_1 + V_f$), зрительно-звуковая синестезия (олицетворение) *шаги тьмы* ($N_1 + N_2$). Оптимальным в данном случае видится совмещение формального и стилистического оснований. Например, в одной из стилистических классификаций [Сатретдинова, 2012] выделяется группа сложных синестетизмов, включающих «творительный метаморфозы». Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «в творительном метаморфозы как бы исчезает основной субъект, а сохраняется его «оборотень», метаморфоза «показывает, демонстрирует “превращенный” мир» [Арутюнова, 1990, с. 29–31]. Данный тип синестетических сочетаний широко представлен в поэтическом творчестве символистов. Выявленные примеры чаще всего имеют трехкомпонентную или четырехкомпонентную структуру:

– $N_1 + V_f + N_5$: *Предвестьем дышит тишина. / Всё будто старый окрик слышен* (А. Белый «Прошлому»);

– $(N_1) + V_f + N_5 + Q$: *Жизнь вокруг свистит ледяной метелью, / День к дню жмет горло, как тесьма* (В. Я. Брюсов «Крестят нас огненной купелью...»); *Лоб твой влажен вкусом соли, – / Всех мелодий – вдоволь,*

вдоволь! (В. Я. Брюсов «Апрель»); *Всё дышит ленивым / И белым размером / Весны* (А. А. Блок. «На перекрестке...»); *Шуришит глухая степь сухим быльем и рожью, / Вся млеет травами, вся дышит душной мглой* (М. А. Волошин «Гроза»).

В первой группе «перцептивным центром» является субъект действия (восприятия, состояния). «Инструмент», представленный грамматической формой Тв. п., может не обладать собственной перцептивными характеристиками. Во вторую (многочисленную) группу входят конструкции, в которых на первый план выходит не субъект (носитель состояния), а именно «инструмент», у которого появляется квалификативный признак. В подобных структурах возможны «наслоения» нескольких межсенсорных ассоциаций: *Солнце светит звонами, / Листьями зелеными, / Дышит вешним пеньем птиц, / Дышит смехом юных лиц* (К. Д. Бальмонт «Аромат солнца») – в заключительной фразе репрезентировано три типа ощущений: слух (звук) – зрение – осязание.

Исследователи феномена синестезии в поэзии Серебряного века постоянно подчеркивают, что тенденции к сближению различных смысловых сфер приобретают достаточно сложные формы, которые в свою очередь являются «многослойными» как в плане выражения, так и в плане содержания [Блинов, 1980; Абдуллин, 1999; Кожевникова, 1986; Сатретдинова, 2012; Свистова, 2012; Двизова 2014 и др.]: *Тишь бледных брызгов, отзвук лунный / И хрупкий шум твоих волос* (В. Я. Брюсов «После дождя»); *Терпкой влагой душно веет с Нила, / В жгучей сини Феб недвижно стал* (В. Я. Брюсов «Цезарь Клеопатре») и др.

Особое место в творчестве символистов занимает «вторичная» (эмоциональная) синестезия. Эмоции и чувства могут звучать: *Я услышал безжизненный голос тоски* (А. А. Блок. «Ночь грозой бушевала, и молний огни...»); *Мелодией одной звучат печаль и радость* (А. А. Блок «Нет, никогда моей, и ты ничей не будешь...»); светить: *Не фонарь, – любовь светила, / Звезды сыпала светло* (В. Я. Брюсов «Это было? Неужели?...»); окрашиваться в различные цвета: *Двигутся лиц вереницы, / Вновь / Странно задеты тоской изумрудной / Первых теней...* (В. Я. Брюсов «К согражданам») и др. В большинстве приведенных примеров средством выражения синестезии становится комбинированное словосочетание, в котором вершиной является предикативный компонент. Данный факт свидетельствует о значимости синестетического компонента в процессе текстообразования.

Рассматривая примеры синестетизмов в идиостиле того или иного автора, исследователи обычно актуализируют семантический и стилистический аспекты [Блинов, 1980; Абдуллин, 1999; Двизова, 2014; Корычанкова, 2016 и др.]. При этом в «семантические группы» регулярно попадают различные типы синтаксических конструкций. Например, в стихотворениях А. А. Блока частотны синестетизмы, в которых в качестве субъекта воздействия выступают лексические единицы *взгляд, взор, глаза*. По

структуре и типу синтаксических отношений данные сочетания можно разделить на 3 основные группы:

– $N_1 + V_f$ (предикативные): *В пустую грудь один, один **проникнет** **взгляд**, / **Вопьется** жадный **взгляд**...* («Черная кровь»); *Чтоб **черный** **взор** блаженной Галлы, / Проснувшись, камня **не прожес*** («Равенна»);

– $N_1 + V_{imp}$ (предикативные): ***Пронзай** меня, / Крылатый **взор**, / Из-лою **снежного огня**!* («Сердце предано метели»);

– $V_f + N_5$ (субъектные): ***Обжес** ее столь жарким **взглядом**, / Что чуть не **сжес** мой керосин* («Скользили мы путем трамвайным...»); *Завела, **сковала взорами** / И рукою обняла* («Обреченный»).

Таким образом, фрагментарный анализ структуры синестетических сочетаний позволяет говорить о том, что в поэтическом дискурсе символизма представлен широкий спектр двухкомпонентных синестетических конструкций, среди которых преобладают словосочетания, моделируемые на основе предикативных и определительных отношений, что характерно для русской языковой картины мира в целом. Среди многокомпонентных образований наиболее распространенными являются сложные синестезмы с «творительным метаморфозы». Данная модель позволяет актуализировать несколько межсенсорных ассоциаций за счет включения дополнительных квалификативных признаков.

Литература

Абдуллин И. Р. «Звуки светят, а краски поют» («Цветной слух» в поэзии К. Бальмонта) // День и Ночь. 1999. № 5–6. С. 221–222.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
Блинов И. И. Синестезия в поэзии русских символистов // Проблема комплексности изучения художественного творчества. Казань: Изд-во КГУ, 1980. С. 119–124.

Блок А. О современном состоянии русского символизма (По поводу доклада В. И. Иванова). URL: <https://blok.lit-info.ru/blok/kritika/o-sostoyanii-russkogo-simvolizma.htm>.

Галеев Б. М. Синестезия – чудо поэтического мышления // Научный Татарстан. 1999. № 3. С. 19–23.

Двизова А. В. Ситуация чувственного восприятия и способы ее языковой репрезентации в поэзии Б. Л. Пастернака: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014.

Забияко А. А. Синестезия: метаморфозы художественной образности. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003.

Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала 20 века. М.: Наука, 1986.

Корычанкова С., Крюкова Л., Хизниченко А. Поэтическая картина мира, сквозь призму категории перцептивности. Брно: MUNI PRESS, 2016.

Львов-Рогачевский В. Символизм // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л.: Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2: П–Я. Стб. 774–786.

Макарова О. В. Вкусная синестетическая метафора в художественном тексте // Вестник Калмыцкого ун-та. 2021. № 2 (50). С. 29–35.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Прокофьева Л. П. Синестезия в современной научной парадигме // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2010. Т. 10, № 1. С. 3–10.

Разлогова Е. Э., Ярошенко П. В. Языковая синестезия сквозь призму стилистических фигур // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 66–84.

Руднев Ю. Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка. 2025. URL: <http://belb.info/obmen/Rudnev.htm>.

Сатретдинова А. Х. Синестезия как основной стилеобразующий элемент поэтического текста серебряного века // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 392–395.

Свистова А. К. Синестезийная метафоризация как способ развития полисемии: на материале русской и немецкой поэзии XIX–XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.

Федотова С. В. Картография методологических подходов к феномену русского символизма (на примере творчества Вяч. Иванова) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 4. С. 38–64.

Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Бромерло, А. Ц. Масевича, А. Е. Барзаха. СПб. : Акад. проект, 1999.

L. B. Kryukova, Candidate of Philology, Associate Professor (Tomsk)

SYNESTHETIC COMBINATIONS IN SYMBOLIST POETRY: DISCURSIVE AND GRAMMATICAL ASPECTS

Abstract. The article examines the types of synesthetic combinations presented in poetic texts. In the poetry of symbolism, the metaphorical modeling of perception based on synesthesia has received theoretical justification and found its most vivid practical application. A structural-semantic analysis revealed that the most common synesthetic constructions are two-component ones, modeled on attributive and predicative relations. Complex synesthetic constructions with "instrumental case of metamorphosis" predominate among multi-component formations.

Keywords: synesthesia, symbolism, poetic text, syntactic relations.

Е. Ю. Куницына, доктор филологических наук, профессор

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ЗЕРКАЛЕ МОРФОЛОГИИ: РУССКИЕ УМЕНЬШИТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ КАК ЕДИНИЦЫ ПЕРЕВОДА

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода как инстанции «герменевтического разговора» и опыта переживания, характер которых обуславливают, помимо прочего, морфологические аспекты межязыковой асимметрии, определяющие алгоритм (ре-)конструирования художественного образа. В фокусе внимания предстанет уменьшительно-ласкательный суффикс **-к** русского языка, выступающий аксиологическим оператором, носителем аффективной семантики и позиционируемый в качестве особой морфологической единицы: как единицы, обнаруживаемой в переводе на русский язык, и как единицы русского оригинала, значение которой подлежит передаче в переводе на английский. Показательный случай межкультурного диалога в указанном контексте являют собой «Антоний и Клеопатра» У. Шекспира и стихотворение А. Ахматовой «Клеопатра». Картину закономерностей и превратностей прочтения истории любви римского триумвира и египетской царицы, запечатленных в русских переводах английского драматурга и английских переводах русского поэта, дополняет нетривиальная картина уменьшительных суффиксов в переводах М. Беккер, И. Комаровой и С. Таска романа Дж. Фаулза «Любовница / Женщина французского лейтенанта». Имеющиеся наблюдения и заданные методологические ориентиры подтверждают перспективность дальнейших исследований феноменологии перевода сквозь призму морфологии и ее аксиологических операторов, включая эмотивные суффиксы.

Ключевые слова: художественный перевод, феноменологическое тождество, морфология, уменьшительный суффикс, аффективная семантика, аксиологический оператор.

Эпистемологическим ориентиром в художественном переводе является феноменологическое тождество, переживаемое «как событие во внутреннем времени его (переводчика)» [Воскобойник, 2004, с. 168]. Автор когнитивной теории перевода апеллирует к феноменологии Э. Гуссерля, который определяет тождество, отождествление как «всеобъемлющий синтез в форме непрерывного сознания внутреннего времени» [Гуссерль, 2002, с. 373] и указывает на интенциональность сознания как «сознания-о» [Гуссерль, 1991, с. 13]. Предмет сознания, пишет философ, «заклучен в нем самом как смысл, т. е. как *интенциональный результат* синтетической работы сознания» [Гуссерль, 2006] (курсив авт. – Е. К.). «Сознание-о» есть интенциональное переживание, реальность которого есть внутреннее время его. Сознание тождества охватывает упорядоченные во времени «переживания в виде отдельных восприятий, воспоминаний, ожиданий, оценок» и «становится возможным именно благодаря синтезу» [Там же]. Из этих положений закономерно следует идентифицирование феноменологического тождества перевода с интенцией «соответствовать переживанию» [Воскобойник, 2004, с. 168].

Доминанту феноменологического тождества составляет герменевтика. Добавим герменевтический штрих Х.-Г. Гадамера к гуссерлевскому феноменологическому переживанию. Переживание «конституируется в памяти» как «значимое содержание, которым обладает опыт того, кто нечто пережил» и «подразумевает нечто незабываемое и незамещаемое, основополагающим образом неисчерпаемое в аспекте познающего определения своего значения» [Гадамер, 1988, с. 111]. Размышления о переводе Х.-Г. Гадамер начинает с обращения к «герменевтически проясненному сознанию», в котором, говорит философ, «гораздо больше правды, ибо в рефлексии оно включает и самое себя. Его истина поэтому есть истина перевода. Приоритет последнего основан на его способности превращать чужое в свое собственное, не просто критически преодолевая чужое или некритически его воспроизводя, а истолковывая чужое в своих понятиях и в своем горизонте и тем самым по-новому демонстрируя его значимость» [Гадамер, 1991, с. 71]. О литературно-художественном диалоге *чужой–свой* и пойдет речь далее.

Перевод есть истолкование и, как всякое истолкование, пишет Х.-Г. Гадамер, означает «переосвещение (Überhellung), попытку представить нечто в новом свете» [Гадамер, 1988, с. 447, 449]. Иноязычность, подчеркивает философ, «есть предельный случай общей герменевтической сложности: чуждости и ее преодоления» [Там же, с. 450]. Вызовы переосвещения связаны с проблемой межъязыковой асимметрии, что, в свою очередь, выносит на повестку дня другой методологически важный вопрос, восходящий к особой категории переводоведения – единице пере-

вода. По определению В. Н. Комиссарова, единица перевода – это «1. Минимальная единица текста оригинала, которая переводится как единое целое, в том смысле, что ей можно отыскать соответствие в переводе, но нельзя обнаружить в переводе единиц ПЯ (переводящего языка. – *прим. ред.*), воспроизводящих значение составных частей данной единицы, если таковые у нее имеются. 2. Единица эквивалентности. 3. Единица переводческого процесса» [Комиссаров, 1990, с. 246]. Первое и третье значения в совокупности делают возможным рассмотрение в качестве единицы перевода (далее – ЕП) единицы любого языкового уровня, включая морфемы [Ревзин, Розенцвейг, 1964; Алексеева, 2008; Раренко, 2010]. Здесь важно подчеркнуть, что, как справедливо отмечали И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг, ЕП зависит от «той пары языков, которые участвуют в переводе» [Ревзин, Розенцвейг, 1964, с. 117], ибо то, что является такой единицей при переводе в рамках одной языковой пары, может не быть таковой при переводе в рамках другой. По мнению ученых, возможно выделение в качестве ЕП отдельной морфемы, что «происходит, например, в том случае, когда морфема выражает значение модальности и ставится в соответствие <...> отдельному отрезку текста в ПЯ» [Там же]. Единице перевода отдельное внимание уделяет Я. И. Рецкер в своей монографии, и параграф «О так называемой “единице перевода”» ученый заканчивает, настаивая, что единицей перевода «должно быть единство не менее предложения» [Рецкер, 2004, с. 27, 32]. Логично вспомнить в этой связи единицу ориентирования, обозначающую «фазу осмысления некой “порции” исходного текста, необходимую для принятия решения» [Гарбовский, 2004, с. 259]. В своей работе мы будем исходить из методологической сложности понятия единицы перевода, претендующей на двойной онтологический статус: как единицы перевода *per se*, обнаруживаемой в русском переводе, не имеющей прямого «соответствия» в исходном тексте (далее – ИТ) и значение которой «семантически перераспределено» (термин Н. К. Гарбовского [2004, с. 424]) между другими знаками ИТ, и как единицы русского оригинала, значение которой подлежит передаче в переводе на английский язык.

Сравнительный анализ оригиналов и переводов художественных произведений и отчетливо обозначившаяся морфологическая закономерность в переводе на русский язык с его многообразием уменьшительных суффиксов и выполняемых ими функций послужили стимулом для рассмотрения проблемы. Правомочность интереса к этой категории языковых единиц поддерживают семиотические преимущества суффиксов как они сформулированы И. А. Мельчуком: экономичность и легкость для восприятия [Mel'čuk, 2006, p. 307]. В продолжение стоит отметить, что непреходящий интерес ученых к эмотивным суффиксам, в том числе диминутивам, неопровержимо свидетельствует об актуальности темы в ее внутриязыковом и межъязыковом измерениях (см., напр., [Шаховский, 2008; Бессонова, Ососкова, 2024; Есакова, Леоненкова, 2020; Меркулова,

2023; Volkova, 1987 / 2011; al-Ghazalli, 2012; Batulina, 2021; Sitchinava, 2015; Stankiewicz, 1954 / 2015; Tueller, 2023]). Данная статья преследует цель лишний раз подтвердить актуальность изучения аффективной семантики (NB: аффективный = эмоционально-экспрессивный [Апресян, 1995; Вольф, 1985]) в кросс-культурной перспективе и продемонстрировать морфологические нюансы художественного перевода-интерпретации-истолкования-переосвещения, ищущего феноменологического тождества с подлинником.

Поучительный случай контрастного переосвещения представляют собой переводы трагедии У. Шекспира «Антоний и Клеопатра». Внимание привлекает причина одного переперевода. Ознакомившись с переводом Б. Пастернака, М. Донской примет решение предложить свой, а на страницах сборника «Мастерство перевода» (1974 г.) выступит с его аргументацией. М. Донской полемизирует с Б. Пастернаком, сторонником, что называется, «трезвого бесстрастия», в интерпретации и непосредственной характеристике которого великая трагедия оказалась не чем иным, как «романом кутилы и обольстительницы» [Донской, 1975]. Такая концепция предопределила то, например, что Б. Пастернак на протяжении всей трагедии нарочито избегает слова *любовь*, заменяя его словами *страсть*, *чары*, или даже просто *это* (для сравнения: шекспировские *affection* и *doting* (от глагола *dote*), означающие первое – *ласку*, *привязанность*, *любовь*, второе – *любить без памяти*, *до безумия*, Пастернак переводит как *нежности* и *сумасбродство*, соответственно). Борис Леонидович полностью игнорирует тему любви в знаменитой сцене первой встречи Антония и Клеопатры (II, 2). М. Донской, напротив, старается показать читателю трагедию великой любви «гордой, вольнолюбивой женщины, мечтающей видеть великой нищую и разоренную свою страну» [Донской, 1975], царицей которой обещает сделать ее Антоний, отчего ее любовь к нему разгорается еще сильнее. По нашим подсчетам, слово *любовь* и его дериваты в переводе М. Донского встречаются 42 раза против 8 у Б. Пастернака [Куницына, 2011].

В ходе анализа переводческого дискурса М. Донского внимание привлек весьма любопытный факт, обнаруженный нами в переводческом дискурсе переводчика, поэта, литературоведа, критика В. Рогова, разворачивающемся в его статье «Заметки на полях русского Шекспира», где автор обращается к анализу перевода одного слова из этой трагедии. Рогов, вспоминая о грехах переводчика и возлагая на теорию перевода «простительность» смысловых ошибок, сетует: «Но, к сожалению, бывали в истории перевода примеры, когда неверно осмысленная частность вела переводчика к неверному осмыслению целого» и предлагает посмотреть, «как одно из грандиознейших созданий мировой литературы – “Антоний и Клеопатра” – было неверно осмыслено из-за неправильно понятого слова. Да, из-за одного слова!» [Рогов, 1973, с. 244]. Слово, перевод которого повлиял на восприятие целого образов Антония и Клеопатры и, как след-

ствие, трагедии в целом, – *serpent*. Тоскуя в разлуке с любимым, Клеопатра гадает, чем он сейчас занят. Быть может, думает она, *He's speaking now, / Or murmuring «Where's my serpent of old Nile?» / For so he calls me* (I, 5). Семь русских переводчиков единодушно перевели это слово как *зме́йка* (милая – С. Юрьев; нильская – А. Соколовский, Н. Минский и О. Чюмина, А. Радлова, Б. Пастернак). В «черный список» критика попадает и М. Донской с его *египетской змейкой*. Действительно, В. Рогов прав, английское *serpent* (обычно, большая змея, змей; хитрый, коварный человек, предатель; тж. змий-искуситель, дьявол (см. ниже)) едва ли можно перевести русским *зме́йка*, тем более, если учесть, что, как подчеркивал С. Ф. Гончаренко, «<...> поэтический контекст ... не снимает ... словарную полисемантическую ... вокабулы, а напротив – усиливает ее, так что всякое слово в стихе одновременно означает все, что за ним закреплено в лексиконе и сверх того еще массу окказиональных смысловых обертонов» [Гончаренко, 1999, с. 111].

Вернемся к коллизии. «Если Клеопатра – “змий” (мудрый змий, змий-искуситель, дракон), – рассуждает В. Рогов, – то такое могучее фантастическое существо способно сломить даже очень сильного противника. А если Антоний поддался чарам какой-то тривиальной “змейки” <...>, то, значит, он человек слабовольный и неразборчивый. Если “венец и пурпур триумвира” он “променял на поцелуй” змия – это одно, а если на поцелуй змейки, то совсем другое, и монументальная, титаническая трагедия превращается в ординарный “роман кутилы и оболъстительницы”. <...> Неверно переведено только одно слово – и перед нами другая Клеопатра, а следовательно, и другой Антоний ... одна шестерня задевает другую, и весь строй трагедии оказывается искаженным! А все потому, что *serpent* Шекспира, слово “высокого штиля”, оказалось подмененным “змежкой” из рышковского фарса!», – восклицает Рогов [1973, с. 246]. Прошу прощения за подробную цитату, но в ней заключена диалектика взаимодействия части и целого. Критик, прочно стоящий на герменевтических позициях, осуществляет набрасывание смысла, апеллируя к месту части, т. е. характеристики Клеопатры, в целом «малопривлекательной», как он ее называет, «традиции, установленной в русской поэзии приблизительно со времен Бенедиктова», суть которой заключается в том, что «все женские стати непременно должны описываться уменьшительными: лобик, глазки, щечки, губки и т. д., – иными словами, по этим канонам женщина не должна вызывать к жизни никакой другой интонации, кроме однообразного сюсюканья» [Там же, с. 247].

Судя по всему, М. Донской, при всей убедительности и последовательности в своей интерпретации трагедии, в трактовке образа Клеопатры, от которой зависит и трактовка образа Антония, «попался на крючок» (словами Клеопатры об Антонии (II, 5, пер. М. Донского)), поддался очарованию героини и своим переводом также невольно способствовал укреплению целостного образа Клеопатры как оболъстительницы. Поис-

тине, «часть становится больше целого» [Воскобойник, 2004, с. 166], но М. Донской менее виновен, чем его обвиняют, поскольку его переводческому решению есть рациональное объяснение: так, а не иначе, переживается сущность ИТ во внутреннем времени его, это тот самый интенциональный результат синтетической работы сознания переводчика – и оправдание. В свете его концепции трагедии избранное им соответствие – *змея* – вовсе не вступает в противоречие с образами Антония и Клеопатры. Напротив, переводчик по-прежнему верен себе, своей идее, верен целому всего произведения: «Антоний и Клеопатра» – трагедия великой любви. А любовь – это и тоска, и грусть, и нежность, что и слышим мы в словах героя и героини, а вовсе не сюсюканье или кокетство. Более того, иронично-ласковая *змея* не так уж проста, невинна: маленькая змея опасна (см. определение *asp* ниже). Недаром Клеопатра расспрашивает крестьянина о *ласковой змее* (ср.: *the pretty worm of Nilus*), желая убедиться, что та убивает, не причиняя боли: *kills and pains not* (V, 2): *без боли дарит смерть* (М. Донской).

Римская трагедия послужила источником вдохновения и для русских поэтов: А. С. Пушкин («Клеопатра», «Египетские ночи»), В. Брюсов («Египетские ночи» (обработка и окончание поэмы А. Пушкина)), А. Блок («Клеопатра»). Особенным выступает стихотворение «Клеопатра» Анны Ахматовой, которое венчают пронзительные строки: «*И черную змейку, как будто прощальную жалость, / На смуглую грудь равнодушной рукой положить*». *Змея* Ахматовой в высшей степени органична: в пятом акте трагедии Шекспира Клеопатра получает корзину с *asps* (*asp* – a small venomous snake of Egypt [Webster]), *маленькими змеями* → *змеями*, которых она (и следом ее прислужница Хармиана) прикладывает к своей груди. Как можно было ожидать, в переводе на английский язык этот слово-образ транслируется по-разному. Из пяти имеющихся в открытом доступе переводов [<https://ruverses.com/anna-akhmatova/cleopatra/5305/>] *змея* переводится один раз как *serpent* (A. Z. Foreman), три – как *snake* (A. S. Kline, D. M. Thomas, A. Finch and G. L. Kline) и один – как *viper* (J. Hemschemeyer) (ср. *viper*: a common Eurasian venomous snake (*Vipera berus*) that attains a length of about two feet (0.6 meter), varies in color from red, brown, or gray with dark markings to black, and is usually not fatal to humans [Webster]). Позволим себе два комментария. С учетом последнего факта, упоминаемого в определении Уэбстера (см. т.ж. [Encyclopedia Britannica]) – «не представляет смертельной опасности для человека» – переводческое решение Дж. Хемсмейер ослабляет иллюкутивную силу исходного речевого акта. Обращает на себя внимание выбор А. З. Формана – *serpent* (1. a: noxious creature that creeps, hisses, or stings; b: snake; 2. devil; 3. a treacherous person [Webster]), возвращающее читателя к лейтмотив-образу героини как коварной искустельницы, но диссонирующее со сценой, изображенной Анной Андреевной, которая в ее прочтении тождественна феноменологически и позитивистски шекспировской фи-

нальной сцене. Для сравнения и достоверности и большей наглядности ради, заметим, что в стихотворении «Клеопатра» А. Блока «*Она раскинулась лениво – / Навек забыть, навек уснуть... / Змея легко, неторопливо / Ей жалит восковую грудь*» змея передается в переводах как *serpent* (A. Kneller) и *snake* (A. Wachtel, I. Kutik and M. Denner) [<https://ruverses.com/alexander-blok/cleopatra/1514/>]. Несомненно, что своим выбором в пользу *serpent* переводчики Ахматовой и Блока (A. Z. Foreman, A. Kneller) стремились сказать-показать читателю большее, библейски масштабное.

Возвращаясь к суффиксам как аксиологическим операторам (термин Е. М. Вольф [Вольф, 1985]), эмотивным маркерам аффекта и тезису нашего исследования, отметим, что правомерность рассмотрения уменьшительного суффикса как морфологической единицы русского перевода подтверждают наблюдения в области художественной прозы. Неординарную картину являют переводы романа Дж. Фаулза «*The French Lieutenant's Woman*» (Женщина французского лейтенанта (пер. С. Таска); Любовница французского лейтенанта (пер. М. Беккер и И. Комаровой)), отмеченные массивным функционированием уменьшительных, преимущественно ласкательных, суффиксов. По предварительным данным, в обоих переводах насчитывается не менее 100 интересующих нас дериватов, в основном имена существительные, реже – прилагательные. В качестве примера приведем переводческие решения с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов, которые практически совпадут у И. Комаровой и С. Таска и которые могут быть смело признаны как феноменологически оправданные при переводе описания плачущего ребенка: *Seeing how **small** she was he realized words were useless. He bent over her and gently patted her head. Hot **small fingers** seized his... contorted face... **small arms**... Holding the **small body** on his knees... She was one of those pudgy-faced Victorian children with **little black beads for eyes**; an endearing **little turnip** with black hair* (Ch. 41) / *И только разглядев ребенка, понял, что слова бесполезны – девочка была слишком мала. Он наклонился над ней и осторожно погладил по **головке**. В руку ему вцепились крохотные, горячие **пальчики**; ...маленькое мучительно искаженное **личико**... младенец потянулся **ручонками**... прижав к себе **легонькое** ребячье **тельце**... **спинку**... Это был типичный викторианский младенец, с пухлыми **щечками** и черными **глазками-пуговками**... трогательное круглолицее существо с **хохолком** темных волос на макушке (И. Комарова) / Перед ним была такая кроха, когда слова бессильны. Горячие **пальчики** вцепились в его пальцы... Сморщенный **ротик**... **Ручки** потянулись... Такой викторианский ребенок с пухлым **личиком** и черными **глазками-пуговками**, **чудопренка** с черными волосами (С. Таск). В контексте одновременной тревоги и умиления героя уменьшительной ласкательности подвергнутся и слова, обозначающие элементы одежды и мебели (*кроватька* (И. Комарова), *рубашонка, кроватька* (С. Таск)). В довершение, анализируя свой опыт пе-*

реживания настоящего в сравнении с экзистенциалистским опытом в трактовке Сартра и думая о *small being he held on his knees* / *маленькое существо у него на коленях* (И. Комарова) / *комочек у него на коленях* (С. Таск), Чарльз с оптимизмом и надеждой посмотрит на свое будущее. Уместно добавить, что аналогичная картина оригинала и указанных переводов с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов наблюдается в предпоследней главе романа в сцене, где Чарльз знакомится с дочкой Сары, своей дочкой: *пухленькая, личико, нетвердые ножки, пальчики, ручки* (И. Комарова), *волосики, пухленькие ручки, нетвердые ножки, личико* (С. Таск).

Принципиальный интерес представляют решения переводчиков в сценах с описанием внешности героинь романа: Эрнестины, невесты главного героя, и Сары, любовницы французского лейтенанта, ставшей возлюбленной Чарльза. Приведем фрагмент об Эрнестине, версии перевода которого также феноменологически тождественны подлиннику: *Delicate, fragile, arched eyebrows were then the fashion. ... current taste, which veered between pretty little almost lipless mouth and childish cupid's bows* (Ch. 16) / *Тогда были в моде тонкие, еле заметные изогнутые брови ... общепринятому вкусу, колебавшемуся между хорошеньким, почти беззубым ротиком и инфантильным луком Купидона* (И. Комарова) / *Тогда были в моде изящные тонкие выгнутые бровки ... тогдашней моде, выбиравшей между маленьким ротиком почти без губ и детским ртом из двух разнонаправленных дужек, каждая как лук Купидона* (С. Таск). Ничего подобного не происходит при переводе описания внешности Сары у И. Комаровой, а вот С. Таск в этом эпизоде «грешит», наделяя Сару личиком: «У нее было хорошей лепки совершенно женственное личико», что диссонирует и с целым образом главной героини, и с тем, как другие его детали предстают на этом участке дискурса: рот, глаза, брови, губы. Самое время вспомнить мнение В. Рогова по поводу описания женских статей уменьшительными формами (см. выше). Справедливости ради, в отношении Эрнестины и Мэри, ее служанки (*молоденькая, хорошенькая, хохотушка*), переводческие решения с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов феноменологически верны, «легитимны».

Завершит наш аффективно-семантический экскурс в феноменологию перевода еще один примечательный морфологический «кейс» межкультурной асимметрии. Его выбор обусловлен, как нам это видится, солидарностью с упомянутым реальным автором, критиком В. Роговым, которая проблескивает в словах вымышленного персонажа – сэра Роберта Смитсона, дяди Чарльза. Вызвав племянника для уведомления его о своем намерении жениться, сэр Роберт признается ему в чувствах к своей избраннице: *She's a lively sort of woman, Charles. Not one of your damned niminy-piminy modern misses* (Ch. 26) / *Она очень энергичная женщина, Чарльз. Не то что эти ваши чертовы новомодные жеманницы* (И. Комарова) / *Она такая живая. Не то что манерные современные*

дамочки (С. Таск). Уменьшительный, только теперь знаменующий не ласкательность, а уничижительность, суффикс, в котором кристаллизуется семантика аффекта, фигурирует в переводе С. Таска – *дамочки*. Переводческое решение И. Комаровой – *жеманницы* – тоже феноменологически тождественно исходному словосочетанию *piminy-piminy misses* и актуализирует отрицательную оценочную коннотацию, усилителями которой выступают *damned modern* в оригинале и *чертовы новомодные* в переводе. Важно заметить также, что оба перевода единодушно и, главное, конгениально подлиннику, демонстрируют реализацию осложненной, фактически тройственной, иллюкутивной функции ассертив-декларатив-экспрессив, репрезентирующей характер переживания и служащей условием достижения феноменологического тождества.

Подведем итог изложенному цитатой Х-Г. Гадамера: «Повсюду, где мир испытывается нами, где происходит преодоление чуждости, где совершается усвоение, усмотрение, постижение, где устраняется незнание и незнакомство, повсюду совершается герменевтический процесс собирания мира в слово и в общее сознание» [Гадамер, 1991, с. 14]. В заключение остается подчеркнуть, что понимание и толкование текста средствами языка перевода – это, словами М. Фуко [2012], особая «археология знания», характеризующая отношение между носителем вести, т. е. интерпретатором, переводчиком, и вестью, т. е. текстом. Категорический императив этого отношения – добраться, доискаться до глубин драгоценного смысла, выраженного на языке оригинала, и воспроизвести его на языке перевода, следуя интенции соответствовать переживанию, предопределяющей феноменологическое тождество. Уменьшительн(о-ласкательн)ый суффикс – аффективная морфологическая единица перевода, транслирующая эмоциональное состояние говорящего, описываемое автором исходного текста иными средствами (эмотивными лексемами, метафорами, ФЕ). Аффективная морфема является действенным средством иллюкутивной семантики, выступающим своего рода бустером экспрессива или, в других случаях, экспрессив-бустером. Диминутивы как маркеры аффекта являются достоянием перевода на языки с развитой и активно функционирующей системой уменьшительных суффиксов, которые служат особым инструментом переосвещения. В качестве дополнения, не меньший интерес представляют и аугментативы. Есть все основания утверждать, что осмысление феноменологии перевода в зеркале морфологии и ее аксиологических операторов открывает перспективы дальнейших исследований и обещает новые открытия.

Литература

- Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. М. : Междунар. отношения, 2008.
Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М. : Языки рус. культуры : Вост. лит. РАН, 1995.
Бессонова О. Л., Ососкова А. С. Декодирование оценочной семантики английских диминутивных и аугментативных наименований лица // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27, № 1. С. 75–88.
Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985.

- Воскобойник Г. Д. Тожество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Лингвистика. Вып. 499. 2004.
- Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.
- Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика: науч.-теорет. сб. М.: МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 107–122.
- Гуссерль Э. Картезианские размышления. М.: Наука, 2006. URL: https://royallib.com/book/gusserl_edmund/kartezianske_razmishleniya.html.
- Гуссерль Э. Феноменология // Логос. 1991. № 1. С. 12–21.
- Донской М. Шекспир для русской сцены // Мастерство перевода 1974. Сб. 10. М.: Сов. писатель, 1975. С. 187–228.
- Есакова М. Н., Леоненкова Е. Д. Русские диминутивы как особые единицы перевода // Вестник Моск. ун-та. Сер. 22: Теория перевода. 2020. № 3. С. 75–90.
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990.
- Куницына Е. Ю. Лингвистические основы лодической теории художественного перевода: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Иркутск, 2011.
- Меркулова И. А. Аугментативы как суффиксальные формы русских существительных // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 114–125.
- Паренко М. Б. Единица перевода // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): терминолог. слов.-справ. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinita-perevoda/viewer>.
- Резвин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М.: Высш. шк., 1964.
- Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. М.: Р. Валент, 2004.
- Рогов В. Заметки на полях русского Шекспира // Мастерство перевода. Сб. 9. М.: Сов. писатель, 1973. С. 231–250.
- Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2012.
- Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ, 2008.
- al-Ghazalli M. F. Diminutives in Arabic-to-English translation // Babel. International Journal of Translation. 2012. N 58(4). P. 395–407. URL: https://www.researchgate.net/publication/263106846_Diminutives_in_Arabic-to-English_Translation.
- Batulina A. Semantics and Pragmatics of Diminutives in the Modern Russian Language // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. P. 34–41.
- Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com>.
- Mel'čuk I. Aspects of the Theory of Morphology. Berlin, N. Y.: Mouton de Gruyter, 2006.
- Sitchinava D. Closing suffix patterns in Russian. URL: https://ruslang.ru/doc/sitchinava/sitchinava-2015-closing_suffixes.pdf.
- Stankiewicz E. Expressive Derivation of Substantives in Contemporary Russian and Polish // Word. 1957. N 10:4. P. 457–468. Routledge, 2015. <https://doi.org/10.1080/00437956.1954.11659541>
- Tueller I. The Meaning and Productivity of English Diminutive Affixes. URL: https://schwa.byu.edu/files/2023/04/Winter2023_IsabelTueller.pdf.
- Volkova B. Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1987. Published online on 7 November 2011.
- Webster's Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.

E. Yu. Kunitsyna, Doctor of Philology, Professor (Irkutsk)

PHENOMENOLOGY OF LITERARY TRANSLATION REFLECTED IN MORPHOLOGY: RUSSIAN DIMINUTIVE SUFFIXES AS UNITS OF TRANSLATION

Abstract. The paper addresses the issue of translation as interpretation, “a hermeneutical conversation” and phenomenological experience. Morphological aspects of interlingual asymmetry, namely, emotive suffixes, determining in particular the algorithm of relaying of the literary image, will be considered. The Russian diminutive suffix *-k* as an axiological exponent, an exponent of affective semantics is put into focus and presented as a special morphological unit functioning as a unit

of translation per se found in the Russian translation and as a unit of the Russian source text the meaning of which is to be rendered in the English translation. The case in point is the intercultural dialogue exemplified by William Shakespeare's *Antony and Cleopatra* and Anna Akhmatova's *Cleopatra* as a highlighting of Shakespeare's tragedy. In the given morphological context, the paper follows regularities and "vicissitudes" of understanding of the story of love between the Roman triumvir and the Queen of Egypt manifested in the Russian translations of the English play and English translations of the Russian poem. A graphic illustration of diminutives as units of Russian translation serving to ensure phenomenological identity is presented by Russian translations of the novel *The French Lieutenant's Woman* by J. Fowles done by M. Becker and I. Komarova, and S. Task. The observations made and results obtained indicate that further research into phenomenology of translation as reflected in morphology and its axiological exponents including diminutives is needed.

Keywords: literary translation, phenomenological identity, morphology, diminutive suffix, affective semantics, axiological exponent.

Е. В. Купчик, доктор филологических наук, доцент

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

ГЕНИТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А. ГОРОДНИЦКОГО: МИР ПРИРОДЫ

Аннотация. Рассматриваются генитивные метафорические конструкции в поэтических текстах А. Городницкого (на материале словаря образов поэта), используемые автором при описании природного мира – земного, водного, воздушного пространства, флоры и фауны, явлений и состояний природы и т. д. Дается характеристика субъектной и объектной областей генитивных метафор в аспекте их лексико-семантического наполнения, выявляются основания сопоставления субъекта и объекта. Определяются метафорические модели, реализациями которых являются генитивные метафоры. Анализируются способы распространения метафор посредством определений, относящихся к компонентам генитивных конструкций. Выявляются особенности функционирования генитивных метафор в составе развернутых метафорических описаний, их роль в структурировании фрагментов картины образного мира поэта. Рассматриваются проявления поэтической индивидуальности А. Городницкого в создании генитивных конструкций.

Ключевые слова: генитивная метафора, субъект сопоставления, объект сопоставления, поэтический текст, А. Городницкий.

Генитивные метафорические конструкции, в составе которых выделяются главный (форма им. п. сущ.) и зависимый (род. п.) компоненты, обозначающие соответственно объект и субъект уподобления, представляют собой особый тип конструкций, занимающий промежуточное положение между «классическими» метафорами и сравнениями, что дает исследователям основание рассматривать их как метафоры-сравнения (В. П. Григорьев, Ю. И. Левин, В. П. Москвин). Сочетание компактной, краткой формы с содержательной глубиной обуславливает значимость роли в художественном произведении генитивной метафоры, получившей, по наблюдениям В. П. Григорьева, «бурное распространение» в современной поэзии [Григорьев, 1979, с. 215].

В произведениях А. М. Городницкого, поэта и ученого, одного из основоположников жанра авторской песни, нами выявлены многочислен-

ные метафоры, сравнения и другие средства языка, посредством которых создается картина образного мира. «Словарь поэтических образов Александра Городницкого» [СПОАГ, 2006] включает свыше 3300 компаративных тропов, отличающихся разнообразием в плане как семантики, так и грамматического устройства. Реализации метафорических моделей, относящиеся практически ко всем элементам мира природы и человека, находят воплощение в грамматических структурах разного вида и объема. Важное место среди данных конструкций принадлежит генитивным метафорам, количество которых в разделе «Мир природы» превышает 230 единиц – 10 % от количества образных единиц данного раздела [СПОАГ, 2006, с. 8–54].

Субъекты сопоставления, выраженные формой род. п. существительного, относятся к широкому кругу реалий природного мира. Генитивные метафоры маркируют практически все природное пространство – земное (рельеф, растительный мир и т. д.), водное, воздушное, явления и состояния природы и др. В роли данных компонентов генитивной конструкции чаще всего выступают обозначения природных объектов, принадлежащих растительному миру (19 % от общего количества генитивных метафор), водному пространству (18 %), проявлениям лучистой энергии (17,5 %), воздушному пространству (16 %), явлениям и состояниям природы (14 %), земному пространству (12 %).

В субъектную область генитивной метафоры входят, как правило, обозначения реалий природы, образы которых занимают важное место в поэтическом мире А. Городницкого. К числу наиболее часто упоминаемых относятся растения, вода, земля, свет, воздух, явления и состояния природы.

Объекты сопоставления, обозначенные формой им. п. (или другой, при склонении) относятся главным образом к вещественному миру: это предметы (12 %), тело (10 %), ткань, изделия из ткани (8 %), вещество (7 %), свет (5 %). Природные реалии уподобляются предметам разного рода – от оружия до деталей оснастки судна и вещей бытового назначения, домашнего обихода: *штыки травы, тетива ночи, паруса туч, мяч солнца, тарелки льда* и др.

Объектам природы присущи части тела, органы: *ребра гор, рука пролива, лысина Земли, нервная система растений, тела звезд* и др.

Практически все реалии мира природы в генитивных метафорах А. Городницкого уподобляются ткани, а также изделиям из нее: *ткань дорог, вельвет бутонов, покров синевы, занавес дождя* и др.

Одним из важнейших объектов сопоставления в генитивных конструкциях поэта являются вещества: *фарфор атоллов, стекло каналов, ржавчина листьев, накипь облаков*. Наиболее часто автор использует сопоставление с металлами, которым уподобляются главным образом листва и светила, например, *серебро листьев, бронза листа, золото пиесницы, бронза лунной полосы, медь солнца* и др.

Свет в качестве объекта сопоставления упоминается в метафорах, субъектами которых являются небесные и земные источники света, например, *созвездия огней, огонек звезды, свечи звезд, вспышки чаек*.

Помимо обозначений конкретных реалий природного мира в объектную область генитивных метафор включаются в опредмеченном виде именованная движения и звучания: *рукоплесканье волн, пляска огня, бег метели, топот бури, гаммы турбин, пришептыванье ивы* и др.

Форма генитивной конструкции позволяет автору воплотить значимые для картины его поэтического мира метафорические модели: вода – существо, вода – тело, вода – предмет, вода – вещество, вода – информация; воздух – ткань, воздух – вещество; светило – существо, светило – свет; земля – существо, земля – тело, земля – ткань; растение – человек, растение – ткань, растение – вещество, растение – предмет; явления природы – существо, явления природы – предмет, явления природы – ткань, явления природы – тело.

Субъекты сопоставления в генитивных метафорах получают характеристику по нескольким признакам – главным образом физическим параметрам (форме, размеру, текстуре): *листок тучи, поля льда, штыки травы, жгут месяца* и т. д.

В произведениях А. Городницкого генитивные метафоры в составе синтаксических конструкций лишь в единичных случаях представлены двусловными словосочетаниями без какого-либо распространения, что наблюдается, например, в номинативных и эллиптических предложениях типа *Серые тучи и облака мех*, а также в развернутых метафорических описаниях, в которых данные метафоры обозначают детали общей картины. Например, в стихотворении «Скажи, Улисс, о чем поют сирены...» развертывается образ *неодолимого зова* морской стихии, представленного в виде всеограшающей волны, объекты воздействия которой обозначены генитивными метафорами: *...изогнувшись хищно и горбато, Фарфор атоллов, акварель лагун Крушит волна, рожденная когда-то На противоположном берегу* [СПОАГ, 2006, с. 16]. В большинстве же случаев генитивная конструкция распространяется за счет определений, относящихся как к главному, так и к зависимому компонентам метафоры. Широкое использование при существительных определений, характеризующих признаки, качества, свойства предмета, является важной особенностью индивидуального стиля А. Городницкого.

Объект сравнения в генитивных метафорах получает многочисленные и разнообразные характеристики:

- по цвету: *Земли коричневое лоно, гор синеватые глыбы, Над синим огнем океана, неба зеленая твердь, берез багряный чад*;
- наличие или отсутствие света: *Над океана сияющей лентой, чаек слепящие вспышки, тучи сумеречный дым, кленов сумрачное пламя*;
- звуку: *кричащие негативы чаек, сквозь самума свистящий ад*;
- форме: *Земли округлые бока*;
- размеру: *листьев лилипутские флаги, рябины тоненький скелет*;

- материалу: к базальтовым клыкам Охотоморья, крыльев пернатые кливера, стеклянный рисунок погибших кораллов;
- степени целостности: льда битые тарелки, мироздания распавшиеся звенья;
- степени твердости, прочности: вязкая ткань дорог, туч непрочные сплетенья;
- тяжести: звезд тяжелые плоды, тяжеловесный занавес дождя;
- температуре: прохладные леса травы, копилка раскаленная пустыни, облаков холодный дым;
- расположению в пространстве: каналов скрещенные сабли;
- скорости: Минуты зыби медленные глыбы, Земли медлительный ковчег, В стремительном жерле реки;
- вкусу: океана соленое небо;
- характеру: чужих морей пригубив злые вина, ветра неистовый рупор;
- местонахождению: звезд подводные рубины;
- времени: над полуденным настоем травы, ежевечерняя осень заката.

В некоторых случаях генитивная метафора дополняется двумя и более определениями. Например, в «Гемофилии» рвы неопознанных захоронений получают следующую характеристику: *Поросище щеткой обильной и рыжей травы* [СПОАГ, 2006, с. 40]; известное словосочетание «ветер перемен» осмысливается следующим образом: *Этот ветер перемен, Пыльный, мусорный и вязкий!* [СПОАГ, 2006, с. 48].

Большинство данных характеристик свойственно и субъектам сопоставления: *моря синего трава, парка темного собор, язвы обнажившихся полей, рядом снегового экрана, весенней воды настоек* и др. В определениях при субъекте проявляется и характерное для А. Городницкого внимание к месту расположения реалии: *под берестою северного неба, атлантических волн паутина, дождик василеостровских линий* и др.

В ряде случаев определения снабжаются одновременно и субъект, и объект сопоставления. Одно из определений, как правило, отражает характеристику предмета по цвету, другое – по месту расположения, звучанию и т. д.: *Вифлеемской звезды незатушенной Голубой астероид; Черных стай монашеских вороних Шумный гарнизон; Ночного неба звездное око; Лесных полян золототканый штоф; Рассветных красок розовые перья.*

Генитивные метафоры неоднократно включаются поэтом в метафорические описания разного объема. Лаконичность и емкость таких метафор в сочетании с иными метафорами и сравнениями позволяет автору создавать в краткой форме выразительные образы взаимодействующих между собой реалий природы. Это, например, вода, агрессивная или спокойная: *И трещат, как орехи, борта На зеленых зубах океана; Здесь волн неторопливые страницы Листает утихающий прибой*; ветер, оседлавший волну: *Ветер опутивший ногу в стремя Крутой волны*; снег, скрывающий водные объекты: *И родники таятся, как кинжалы, Под голубы-*

ми тогами зимы; ...каналов скрещенные сабли Прячет в белые ножны зима. В подобных описаниях встречается как эксплицитное, так и имплицитное выражение сходства: в первом случае обозначение одной реалии заменяется названием другой реалии или сопоставления с ним, во втором – приписывание одному объекту свойств (принадлежности) другого объекта – ср. *червь тоски* – *зубы тоски* (тоска, таким образом, уподобляется зверю) [Петрова, 2017, с. 272–273].

Генитивная метафора играет важную роль в передаче индивидуального-авторского образного представления о мире и человеке – как это показано, например, в исследовании Т. В. Лапутиной, посвященном индивидуальным метафорам М. Цветаевой [Лапутина, 2011]. Генитивные метафоры А. Городницкого нередко отличаются свежестью, новизной образов. Таковы, например, метафоры, в объектную область которых включены обозначения реалий, не окруженных традиционным поэтическим ореолом, например, некоторые части живого организма, продукты питания, предметы быта: *сухожилия корней*, *утроба тайги*, *солнца розовый пудинг*, *облака лимонный леденец*, *копилка раскаленная пустыни* (в которую падает *огненный пятак*); уподобление существа физическому явлению: *вспышки чаек* и др.

Индивидуальные метафоры А. Городницкого нередко несут важную смысловую и эмоциональную нагрузку. Например, в стихотворении «Когда я в разлуке про Питер родной вспоминаю...», посвященном судьбе Петербурга как города с больным сердцем, каналы предстают шунтами: *...помогают проток истлевающим венам Гранитных каналов пульсирующие шунты* [СПОАГ, 2006, с. 20]. В «Как удержать мне тебя, подруга?...» посредством генитивных метафор поэт передает загадочность и непостижимость будущего: «Что нам сулит над поникшей чащей Непостижимая для веков Тайная клинопись стай летящих В свитке обугленных облаков?» [СПОАГ, 2006, с. 26].

Литература

Григорьев В. П. Метафоры-сравнения // Григорьев В. П. Поэтика слова. М. : Наука, 1979. С. 200–250.

Лапутина Т. В. Индивидуальная метафора в поэтическом тексте М. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

Петрова З. Ю. Метафоры и сравнения: формальные способы выражения сходства // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 4 (14). С. 270–282.

СПОАГ: Словарь поэтических образов Александра Городницкого / Е. В. Купчик. Тюмень : Мандр и Ка, 2006.

E. V. Kupchik, Doctor of Philology, Associate Professor (Tyumen)

GENITIVE METAPHORS IN A. GORODNITSKY'S POETIC TEXTS: THE NATURAL WORLD

Abstract. The article examines the genitive metaphorical constructions in A. Gorodnitsky's poetic texts (based on the material of the poet's dictionary of images) used by the author when describing the natural world – terrestrial, aquatic, air space, flora and fauna, phenomena and states of nature, etc. The subject and object areas of genitive metaphors are characterized in terms of their lex-

ical and semantic content, the grounds for comparison are revealed. Metaphorical models are defined, the implementations of which are genitive metaphors. The ways of spreading metaphors through definitions related to the components of genitive constructions are analyzed. The article reveals the peculiarities of the functioning of genitive metaphors in the composition of detailed metaphorical descriptions, their role in structuring fragments of the picture of the poet's figurative world. The article considers the manifestations of A. Gorodnitsky's poetic individuality in the creation of genitive constructions.

Keywords: genitive metaphor, the subject of the comparison, the object of the comparison, poetic text, A. Gorodnitsky.

И. Н. Левина, кандидат филологических наук, доцент

Российский государственный университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РАКУРСЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИДИОСТИЛЯ (К ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ М. АЙЗЕНБЕРГА)

Аннотация. Проблема описания синтаксических особенностей идиостиля рассматривается на материале поэтического дискурса М. Айзенберга. В качестве инструмента анализа используются лексико-синтаксические модели типа [СКАЗАТЬ₁], (ЧТОБЫ...), [ВЫЛЕТЕТЬ_{3S/n} ИЗ ГОЛОВЫ], (ЧТО...)]^{разг.}, создающие возможность представления изъяснительного предложения в нескольких аспектах: структурном (грамматическом), коммуникативном, семантическом и прагматическом, что позволяет выявлять информацию, связанную с предпочтениями языковой личности. Анализ состава показывает, что в дискурсе М. Айзенберга доминируют модели, содержащие контактные слова со значением ментальности; характерны стилистически нейтральные модели; стилистика разговорности вводится конструкциями фразеологизированного типа, такими как [ТОЛЬКО И РАЗГОВОРА], (ЧТО...)]^{разг.}, [КТО Б ДОГАДАЛСЯ], (ЧТО...)]^{разг.}. Для идиостиля М. Айзенберга значимые категории, актуализирующие модус, – персонализация (лицо) и отрицание. Специфичностью отмечены презентации модального субъекта: 1) «неперсонифицированный субъект» (анонимный собеседник), формирующийся за счет использования вариаций моделей с императивной формой глагола, 2) «олицетворенный субъект», реализующийся в результате использования антропоморфной метафоры. Эти, имеющие регулярный характер, средства и стратегии, а также проявления категории негации, которая является важным компонентом стилистики М. Айзенберга в целом, можно отнести к его стилевым чертам.

Ключевые слова: идиостиль, поэтический дискурс, синтаксис, сложноподчиненное изъяснительное предложение, лексико-синтаксическая модель, М. Айзенберг.

В ракурсе формирования идиостиля рассматривается основное средство *категории изъяснительности* – сложноподчиненное изъяснительное предложение. Его природа связана с речевым представлением информации об интеллектуальной и психической жизни личности: восприятии, эмоциях, речи, мысли, волеизъявлении, оценке бытия. Презентация и функциональная нагрузка средств изъяснительности во многом определяются особенностями дискурсов, соотносимых с функциональными стилями [Стексова, Шмелева, 2022]. Специфика, безусловно, есть и у художественного дискурса, причем у прозы и поэзии наблюдаются суще-

ственные отличия. Сравнение количественных данных показывает, что изъяснительные предложения в поэтическом дискурсе встречаются в 2 раза реже, его изучение, однако, представляет исследовательский интерес, поскольку отмечаются как в структурной реализации, так и на уровне текстовых эффектов явления, не характерные для других дискурсов (см. подробнее в [Левина, 2020]). Обращение к творчеству Михаила Айзенберга, прекрасного русского поэта конца XX – начала XXI вв., дает возможность не только выявить индивидуальные речевые особенности в выборе лексико-синтаксических моделей и стратегии их использования, но и продемонстрировать лексикографический потенциал самой распространенной синтаксической структуры СПП в русском языке.

Исследование проводилось на основе сформированного в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorpora.ru] пользовательского поэтического подкорпуса «Михаил Айзенберг» объемом 565 текстов (35 064 слова), его хронологические рамки охватывают последние 50 лет (1971–2024).

Выявить интуитивно ощущаемые особенности стиля помогает использование в качестве инструмента анализа понятия лексико-синтаксической модели изъяснительного предложения (ЛС-модели). Наличие в структурах [ЗАЯВЛЯТЬ₂], (ЧТО...), [СКАЗАТЬ₁], (ЧТОБЫ...), [ВЫЛЕТЕТЬ_{3S/N} ИЗ ГОЛОВЫ], (ЧТО...) |разг. и подобных [Ильenko, Левина, 2008] лексического компонента (контактного [Ильenko, 1973], или опорного [Грамматика, 1970] слова) определяет возможность описания изъяснительных СПП не только в структурном (формально-грамматическом), но и в других аспектах: коммуникативном, смысловом (семантическом) и прагматическом [Левина, 2013].

Современный поэтический дискурс отличается стабильностью состава ЛС-моделей СПП изъяснительного типа, в нем используются преимущественно высокочастотные нейтральные модели, однако на этом фоне следует отметить привнесение стилистики разговорности. Так, например, в текстах О. Г. Чухонцева встречаются следующие вариации соответствующих моделей: *порасскажи, что; с мыслишкой, что; у В. А. Сосноры – почувяв, что*. Показательно, что обогащение репертуара ЛС-моделей у М. Айзенберга осуществляется за счет использования конструкций фразеологизированного типа, например, [ТОЛЬКО И РАЗГОВОРА], (ЧТО...) |разг.; [КТО Ж НЕ ЗНАЕТ], (ЧТО...) |разг.; [КТО Б ДОГАДАЛСЯ], (ЧТО...) |разг.; [СПАСИБО], (ЧТО...) |разг.; случаи использования разговорных вариантов лексемы, как и фразеологизмов данной окраски в позиции опорных слов единичны: [УВИДАТЬ], (ЧТО...) |разг.; [СГОРАТЬ СО СТЫДА], (ЧТО...) |разг.

Приведем несколько иллюстрирующих примеров: *Кто б догадался в том году, // что началась игра без правил* («Одна заметная сосна...»); *Только и разговора, // что облетят не скоро, // сколько бы ни летали // сколько бы ни шумели // ветхие их шинели, // легкие их медали* («Ходит,

перепоясан...»); *Разглядеть не удастся* (птицу – И. Л.), // *но спасибо, что не ворон* («Между листьями невидим...»).

Интересно проследить образование окказиональной модели изъяснительного СПП [ВПИСАТЬ В АКТИВ], (ЧТО...) ^[разг.], в результате которого формируется ее стилистическая окраска. У лексемы *актив* (имеющей пометы книжного характера: *спец.* в [СОШ] и *бухг.* в [МАС]) отмечается переносное значение, формирующее идиому в сочетании с глаголом *записать*, что зафиксировано в словаре: «АКТИВ², -а, м. Часть баланса предприятия, учреждения и т. п., включающая все виды материальных ценностей (денежные средства и товары, долговые обязательства); *противоп.* пассив (*бухг.*). || *перен.* Успехи, достижения, преимущества и т. п. кого-л. *Записать что-л. себе в активе*» [МАС]. Модель образована с изменением синтагматики слова-существительного, что и оказывает влияние на ее стилистику: *Залетная птица печенку когтит, // но, как говорится, **впишите в актив**, // что жизнь продолжается ради // пометки в отдельной тетради* («Вместительный шорох присутственных мест...»).

Семантический анализ показывает, что в дискурсе М. Айзенберга доминируют модели, содержащие контактные слова со значением ментальности, их употребление превосходит в несколько раз лексемы всех остальных тематических групп.

Значимую информацию о пристрастиях языковой личности дают вариации модели, демонстрирующие грамматическую форму контактного слова. В текстах М. Айзенберга они представлены разнообразно (ср.: *знаю / знали / знает / узнав, что; замечаешь / замечаем / замечалось, что* и т. п.), однако с точки зрения частоты употребления нельзя не отметить активное использование 1) безличных форм глаголов и категории состояния: *замечалось, что; казалось, что; похоже, что; покажется, что; получается, что; видно, что* и др.; 2) повелительной формы глагола 2 лица: *не забывай, что; не говори, что; скажи, чтобы; представь, что; прости, что; сделай вид, что; полюбите, что* и др.

Ключ к толкованию данных феноменов, определение их места в стиле и значимости для языковой личности дает обращение к семантико-прагматическому анализу.

При семантическом подходе к описанию синтаксической структуры исходят из того, что предложение связано с определенной ситуацией, «является ее логической картиной» [Витгенштейн, 1994, с. 21]. Семантическая структура изъяснительных предложений обычно передается формулами типа «X думает, что Р», где X – обозначение субъектного распространителя (модального субъекта, по Ш. Балли), а «что Р» – объектного распространителя (диктума, по Ш. Балли; пропозиции); контактное слово выступает в качестве припропозитивного предиката (модального глагола, по Ш. Балли). Учет особенностей презентации этих компонентов, а также информации, вводимой операторами актуализационных категорий модуса,

организующих модусную рамку пропозиции [Шмелева, 1996, с. 9], позволяет дать более точное представление об индивидуальной картине мира.

Для стилистики М. Айзенберга наиболее важными категориями модуса являются категории персонализации и отрицания.

В центре рассмотрения категории **персонализации** классификация субъектов; для прикладного аспекта анализа актуально и достаточно разграничение «Я-субъекта», «НЕ-Я-субъекта» и «Нуль-субъекта». (Понятие «синтаксический нуль» дает возможность учитывать активно используемые в русском языке неопределенно-личные и безличные конструкции.) Для стилистики М. Айзенберга, как уже упоминалось выше, актуально использование в качестве контактных слов категории состояния, безличных форм и глаголов, на базе которых формируются безличные предложения – таким образом актуализируется представление о том, что осуществление действия происходит независимо от субъекта: *Только в зрачках уже стеклянеял мираж. // Молодой еще, а казалось, что моложавый* («Мы состояли как бы в одном ЛИТО...»); *Видно, что не гимнастки* («Девки идут как Бирнамский лес...»); *Замечалось, что походка, хоть и шаткая, быстра* («Продолжалась жизнь без правил, спор за половину дня...»).

Оператор «НЕ-Я-субъект», который (в форме 2 лица) соотносится с собеседником или (в форме 3 лица) с лицом или предметом, не являющимся говорящим или собеседником, интересен такими воплощениями в стилистике М. Айзенберга, как **«неперсонифицированный субъект»** и **«олицетворенный субъект»**.

Неперсонифицированный, «анонимный», собеседник «формируется» использованием вариаций ЛС-моделей с императивной формой глагола при отсутствии в текстах произведений каких-либо номинаций или других сведений, проясняющих образ. Однако общность ситуации и иницированное говорящим подключение к участию в ней предполагают его положительный статус: *Ты прости, что не смог // отойти от Покровки-Солянки, // что последней московской шарманке // я до смерти попал на зубок* («Как бушлатников, темных лицом...»); *Тень дорожку пересекла. // Эй, скажи, чтобы уходила* («Днем с окном...»); *Эта наживка и так велика – // не говори, что тебе не хватило* («Тыльная копоть, походная грязь...»); *Представь, что ты дерево под дождем. // (А ведь так, наверно, и есть) // Представь, что это и есть // ночная печальная правда* («Жизнь души. Душа сотрясается как листва...»).

«Олицетворенный субъект» [Арутюнова, 1998] обусловлен учетом такого фактора, как референция. Как показывает семантический анализ выборки, расширение референтного состава субъекта модуса можно отнести к идиостилевым чертам поэтики М. Айзенберга. Если как стилевая черта лирики М. Айзенберга А. Степановой была отмечена антропоморфная метафора, служащая созданию «образа эмоции», спецификой которой является «приписывание эмоции признаков, которые часто связаны не с категорией телесности (хотя есть и такие примеры: *жалость не двужиль-*

на; *здоровеет злость*), а с человеческой деятельностью в определенной социально-культурной среде» [Степанова, 2021, с. 392], то в СПП антропоморфная метафора выполняет несколько иную функцию.

В ЛС-моделях неместоименные лексемы антропоморфной природы – *заявитель, человек, семьянин, девушка* – встречаются редко, в роли модусного субъекта выступают имена неантропоморфной природы – абстрактные понятия, вещества, состояния окружающей среды и др.: *земля, песок, свет (ночной), блеск (волос), одышка (природы), зрение, мысль, вина, упрек, встреча, жизнь*. Им приписывается способность испытывать эмоции, являться субъектом восприятия, волеизъявления, но чаще всего речемыслительной (вплоть до философской) деятельности: *Жизнь приняла, что ей легко // над крайним приподняться кругом // и убежать, как молоко* («Один и сам себе не равен...»); *И во сне боролся с твоим лицом // обращенный ко мне упрек, // что не вхож я в твой беззащитный сон, // что никто его не берег* («И во сне боролся с твоим лицом...»); *Только бы зрение не воскресало // и не надеялось, что перебесится // гулкая скука* («Окрики с тыла. Пустыня вокзала...»); *<...> пересаженный в камень забудет песок, // что песок* («У того, кто умеет клевать наугад...»).

Модели, включающие модусный оператор **отрицания**, являются значимой для М. Айзенберга разновидностью регулярных реализаций ЛС-моделей; см. *(не) говорю, что; (не) говори, что; (не) забывай, что; (не) замечаем, что; (не) знали, что; (не) объявив, что; (не) сказать, что; (не) верю, что; (не) беда, (не) суть, что; (не) тайна, что* и др.: *Не навек, не навечно, не верю, что век // тем и кончится* («Не на памяти блудной – на чем? на другом...»); *Будто не замечаем, что в голове дыра* (Дикий барин: «Сам себе дикий барин...»); *Но до сих пор глазам не верит // и ждет, что правда не кривеет, // что есть простор, а не подвох* («День даже путаней, чем сон...»); *Только бы зрение не воскресало // и не надеялось, что перебесится // гулкая скука* («Окрики с тыла. Пустыня вокзала...»).

Наличие модусного оператора отрицания отмечается при контактных словах тематических групп знания, недостоверного знания, реже – восприятия, речи.

{Neg} **верить**: *век тем и кончится*;

{Neg} **надеяться**: *перебесится гулкая скука*;

{Neg} **замечать**: *в голове дыра; нет в седоке линии сердца на правой руке*;

{Neg} **знать**: *живые // там запаяны часы*;

{Neg} **узнать**: *этот звон // нам показывал дорогу*.

По всей вероятности, категория негации является важным компонентом стилистики М. Айзенберга в целом, реализуя различные функции, см., например, организацию неоднозначного смысла по схеме «отрицание отрицания» на фоне культурем «поклониться в пояс» и «линия сердца»: *Кто-то, увидите, в пояс поклонится, // не замечая, что нет в седоке // линии сердца на правой руке* (Обоз: «Всякий по-своему чем-то хорош...»).

Существенным оказывается не только состав модусов, сопряженных с негацией. Анализ базы данных позволяет установить, по отношению к каким пропозициям тот или другой модусный предикат был использован.

Стоит обратить внимание на придаточные изъяснительных СПП, пропозиции которых включают показатели отрицания. В представленном ниже реестре отражено заполнение позиции объектного распространителя (придаточного предложения) при глаголах тематических групп знания, недостоверного знания, речи, восприятия и т. д., не сопряженных с показателями негации:

*она [мысль] **не** молнии сестра*
*она [встреча] разлуке **не** помеха*
*правда **не** кривеет*
*есть простор, а **не** подвох*
*и ты **не** судья, // и она [Земля] **не** судима*
*к душе **не** пристанет // налетающая спорынья*
*первым от хвоста ему теперь назваться **не** мешало б*
***не** вхож я в твой беззащитный сон*
***никто** его [сон] **не** берёт*
*все это **ни к чему***
***не** вечер*

С точки зрения конкретного наполнения структуры предложения, здесь следует отметить последовательное использование абстрактной лексики (*душа, правда, разлука* и др.), актуализирующей обсуждение информации интеллектуального и нравственного характера, афористичный характер большей части высказываний, парадоксальность отдельных примеров (*она [встреча] разлуке **не** помеха*).

Интегрируя полученные данные, можно констатировать, что фиксация особенностей, проявляющихся как в составе ЛС-моделей с учетом системного варьирования, так и в стратегиях их использования в тексте, можно ставить вопрос об их содержательности для описываемой языковой личности.

Для поэтической речи М. Айзенберга значимы следующие явления: формирование разговорности за счет использования ЛС-моделей фразеологизированного типа; активное использование вариаций моделей с контактными словами в форме императива и безличных форм глагола. Значимые категории, актуализирующие модус, – персонализация и отрицание. Специфичностью отмечены презентации модального субъекта: 1) «неперсонифицированный субъект» (анонимный собеседник), формирующийся за счет использования вариаций моделей с императивной формой глагола, 2) «олицетворенный субъект», реализующийся в результате использования антропонимической метафоры.

Эти, имеющие регулярный характер, средства и стратегии, а также проявления категории негации, которая является важным компонентом стилистики М. Айзенберга в целом, можно отнести к его стилевым чертам.

Для полного понимания роли изъяснительности в идиостиле М. Айзенберга сделанные наблюдения и обусловленные ими выводы необходимо дополнить анализом составляющих конкуренцию сложно-подчиненному предложению средств – предложениям с вводным компонентом данной семантики и бессоюзно-изъяснительных.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки рус. культуры, 1998.
Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М. : Гнозис, 1994.
Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1970.
Ильенко С. Г. О лингвистических основах школьного курса синтаксиса // Обучение русскому языку в 7–8 классах. М., 1973. С. 6–36.
Ильенко С. Г., Левина И. Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: модели сложноподчиненного предложения. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.
Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.
Левина И. Н. Словарное описание идиолекта М. В. Ломоносова на синтаксическом уровне: изъяснительное предложение // Филологическое наследие М. В. Ломоносова. СПб. : Нестор-История, 2013. С. 317–360.
Левина И. Н. Изъяснительные конструкции в русском поэтическом дискурсе XXI века: тенденции использования // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2020. N 2 (1) P. 4–15. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0215-2020-2-1-4-15>
МАС: Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.
Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
СОШ: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стер. М. : АЗЪ, 1996.
Стекова Т. И., Шмелева Т. В. Русское изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве. СПб. : Дмитрий Буланин, 2022.
Степанова А. Н. Парадоксальность репрезентации эмоций как черта идиостиля М. Айзенберга // Актуальные проблемы филологии. 2021. № 22. С. 387–392.
Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Текст лекций. 2-е изд. Красноярск, 1996.

I. N. Levina, Candidate of Philology, Associate Professor (Saint Petersburg)

EXPLANATORY SPS FROM THE PERSPECTIVE OF THE SYNTACTIC DESCRIPTION OF AN IDIOSYNCRASY (TO THE LINGUISTIC PERSONALITY OF M. EISENBERG)

Abstract. The problem of describing the syntactic features of idiosyncrasy is considered based on the material of M. Eisenberg's poetic discourse. Lexico-syntactic models such as [СКАЗАТЬ], (ЧТОБЫ...), [ВЫЛЕТЕТЬ_{3S/n} ИЗ ГОЛОВЫ], (ЧТО...)]^{разг.}, are used as an analysis tool.^[разг.], creating the possibility of presenting an explanatory sentence in several aspects: structural (grammatical), communicative, semantic and pragmatic, which makes it possible to identify information related to the preferences of a linguistic personality. The analysis of the composition shows that M. Eisenberg's discourse is dominated by models containing contact words with the meaning of mentality; stylistically neutral models are characteristic; the stylistics of colloquialism is introduced by phraseologized constructions such as [ТОЛЬКО И РАЗГОВОРА], (ЧТО...)]^{разг.}, [КТО Б ДОГАДАЛСЯ], (ЧТО...)]^{разг.}. For M. Eisenberg's idiosyncrasy, the significant categories actualizing the mode are personalization and negation. The presentations of the modal subject are marked by specificity: 1) “non-personalized subject” (anonymous interlocutor), formed through the use of variations of models with the imperative form of the verb, 2) “personified subject”, realized as a result of the use of an anthroponomical metaphor. These regular means and strategies, as well as manifestations of the negation category, which is an important component of M. Eisenberg's style in general, can be attributed to his stylistic features.

Keywords: idiotype, poetic discourse, syntax, complex explanatory sentence, lexico-syntactic model, M. Eisenberg.

А. А. Мамедов, кандидат филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

МЕСТОИМЕНИЕ *ТЫ* В ЛИРИКЕ С. А. ЕСЕНИНА: РЕФЕРЕНЦИЯ И РОЛЬ В СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА

Аннотация. На материале контекстов с местоимением *ты* обсуждается проблема референции языковых единиц в художественном тексте. Предлагается подход, в соответствии с которым под референтом понимается фрагмент художественного мира текста – лицо или предмет. Выявляются антецеденты местоимения *ты* в стихотворениях С. А. Есенина и рассматриваются адресаты лирического героя, среди которых встречаются лица и не-лица. Установлено, что в группе обозначений лиц чаще всего употребляются номинации поэтов, самого лирического героя, его возлюбленной, матери и сестры. Среди не-лиц выделяются следующие: животные, растения, родное пространство, абстрактные предметы. Последняя подгруппа наиболее разнообразна с точки зрения использованных поэтом номинаций. Проведенный анализ позволяет определить личную сферу говорящего и коммуникативную структуру художественного мира лирики С. А. Есенина.

Ключевые слова: личные местоимения, референция, художественный мир, адресат, лирический герой, С. А. Есенин.

Местоимение *ты* количественно выделяется на фоне других личных местоимений в поэзии С. А. Есенина: согласно данным «Словаря языка Есенина» Г. И. Шипулиной, оно встречается 812 раз, уступая по частотности *я* (1933), но значительно превосходя *мы* (459) и *вы* (308) [Шипулина, 2013].

Как отмечают грамматик и словари, личное местоимение *ты* обозначает «единичное лицо <...> собеседника» [Русская грамматика, 1980, т. 1, § 1277]; ‘1. Употребляется при обращении к одному лицу (обычно близкому, а также в грубоватом, фамильярном обращении)’ [МАС]. Как отмечает И. Н. Левина со ссылкой на М. Бубера, «в поэзии, в отличие от других сфер коммуникации, адресант принципиально ориентирован на диалог не только с лицами, но и с предметами и явлениями окружающего мира» [Левина, 2020, с. 9].

Е. В. Падучева относит *ты* к «словам-эгоцентрикам» [Падучева, 1996, с. 258], т. е. к таким, семантика которых предполагает говорящего. Известно, что в художественном тексте имеет место неканоническая речевая ситуация (по Е. В. Падучевой), вторичный дейксис (по Ю. Д. Апресяну). В таком случае аналогом говорящего выступает автор, которого мы предлагаем рассматривать в трех аспектах: 1) лирический герой, принадлежащий миру художественного текста, (2) концептированный автор, воплощающий сознание (3) биографического автора [Мамедов, 2022].

Е. В. Падучева в ставшей классической работе «Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)» [Падучева, 1985] понимает под референцией соотне-

сение языкового знака с внеязыковой действительностью. О. Г. Ревзина по поводу референции в связи с лирикой пишет следующее: «Стихотворное высказывание не имеет первичного референциального соотношения с внеязыковым миром» [Ревзина, 1998, с. 21]; «Любое конкретное событие, вербализованное в стихотворной форме, тотчас утрачивает статус объекта конкретной референциальной соотношенности. Загадка и парадокс референции в стихотворной форме речи состоит в том, что, не имея первичной соотношенности с внеязыковым миром, стихотворный текст наделен способностью к потенциально неограниченным множественным внеязыковым соотношениям» [Там же, с. 25]. Несмотря на это, мы предлагаем рассматривать референт как фрагмент художественного мира текста, соотнося в случае с материалом данного исследования местоимение *ты* с обозначаемым им лицом или предметом и имея в виду, что «отдельные элементы отраженной действительности соединяются друг с другом в этом внутреннем мире в некоей определенной системе, художественном единстве» [Лихачев, 1968, с. 74]. Как кажется, такое соотношение позволит понять специфику лирического героя (или персонажа) в художественном мире.

И. Ю. Гранева, развивая подход Е. В. Падучевой, составляет «лексикографические портреты» местоимений *я*, *ты*, *мы* и *вы* [Гранева, 2022]. В рамках этого исследования последовательно описываются типы референциальных статусов каждого местоимения; например, «нереферентные употребления личных местоимений связаны с отсутствием отсылки к непосредственному участнику речевой ситуации, когда мы можем говорить о вытеснении собственно дейктической функции функцией номинативной» [Там же, с. 105]. Однако в случае с анализом материала из поэтического текста мы сталкиваемся со следующей особенностью: на предыдущем этапе исследования (в связи с изучением контекстов с местоимением *мы*) был сделан вывод о непрозрачности референциального статуса этого местоимения, т. е. о невозможности однозначного определения «второго долевого участника» (по Б. Ю. Норману), вследствие включенности местоимения в сложный метафорический контекст, что позволяет говорить о синкретизме восприятия как об особом свойстве авторского сознания [Мамедов, 2022].

Подобные контексты обнаруживаются и в рассматриваемом материале с местоимением *ты*: *Мир таинственный, мир мой древний, / Ты, как ветер, затих и присел* («Мир таинственный, мир мой древний...», 1911); *Грустная песня, ты – русская боль* («Черная, потом пропахшая выть...», 1914); *Эх ты, молодость, буйная молодость, / Золотая сорвиголова!* («Несказанное, синее, нежное...», 1925).

Таким образом, не сосредоточиваясь на определении референциального статуса местоимения *ты*, цель анализа мы видим в выявлении антецедентов местоимения *ты* и создании типологии адресатов лирического героя для определения субъектной структуры художественного мира лирики С. А. Есенина.

Материал составляют 237 словоупотреблений местоимения *ты*, извлеченных из всех стихотворений поэта, которые были включены им в прижизненное собрание сочинений (они приведены в первом томе Полного собрания сочинений С. А. Есенина [Есенин, 1995–2002]). Кроме этого источника, использовался «Словарь языка Есенина» Г. И. Шипулиной [Шипулина, 2013], а также «Словарь языка русской поэзии XX века» [СЯРП] и поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru].

Как уже отмечалось выше, говорящий внутри художественного мира представлен либо как персонаж, либо как лирический герой. Контекстов, в которых говорящим является персонаж, – 9, что составляет только 4 % от общего числа. Например: *Вышел парень, поклонился кучерявой головой: / «**Ты** прощай ли, моя радость, я женюсь на другой». / «Ой **ты**, парень синеглазый, не в обиду я скажу, / **Я** пришла тебе сказать: за другого выхожу»* («Хороша была Танюша, краше не было в селе...», 1911).

Среди них есть 5 контекстов, в которых адресатом выступает лирический герой: *Если крикнет рать святая: «Кинь **ты** Русь, живи в раю!»* («Гой ты, Русь, моя родная...», 1914).

Основной массив материала (96 %) – контексты, в которых субъектом речи является лирический герой. Среди его адресатов выделяются лица (143) и не-лица (85). Как предложила (устно) И. М. Кобозева, описание этих адресатов продуктивно осуществить, опираясь на понятие *личная сфера говорящего*, введенное Ю. Д. Апресяном: «В эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально: некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании» [Апресян, 1995, с. 446–447].

Лица в нашем материале представлены следующими группами.

1. Возлюбленная: *Гелія, (паршивая) сука, Шага, Шаганэ*. Всего обнаружено 73 случая, 36 из которых относится к «Персидским мотивам»: ***Ты** сказала, что Саади / Целовал лишь только в грудь. / Подожди **ты**, Бога ради, / Обучусь когда-нибудь! / **Ты** пропела: «За Ефратом / Розы лучшие смертных дев»* («Ты сказала, что Саади...», 1924).

2. Родственники: *мать* (18) и *сестра* (14), например: *Я вспомнил тебя, дорогую, / Моя одряхлевшая мать. / Как прежде ходя на пригорок, Костыль свой сжимая в руке, / **Ты** смотришь на лунный опорок, / Плывающий по сонной реке. <...> Потом **ты** идешь до погоста <...> **Ты** все же глаза живые / Печально не подымай. / Довольно скорбеть! Довольно! / И время тебе подсмотреть, / Что яблоне тоже больно / Терять своих листьев медь* («Заря окликает другую...», 1925).

3. Поэты: Ключев (6), Пушкин (3), Сергей Есенин (3), сочинитель (бедный). Например: *Скучно мне с тобой, Сергей Есенин, / Подымаешь глаза...* («Проплясал, проплакал дождь весенний...», 1917).

4. Некоторые другие лица: Бог, (земной неизвестный) брат, друг (5), путник (2), смертный (2), (бедная) странница (2), чайханщик (3), ямщик (2). Например: *Успокойся, смертный, и не требуй / Правды той, что не нужна тебе* («Жизнь – обман с чарующей тоскою...», 1925).

5. Сам лирический герой – как поэт: *Быть поэтом – значит петь раздольно, / Чтобы было для тебя известней* («Быть поэтом – это значит то же...», 1925), во множестве подобных ситуаций: *Ты целуешь, а губы как жесть* («Ты прохладой меня не мучай...», 1923) или обозначенный метонимически (через обращение к сердцу или голове (2 раза)).

Класс не-лиц описывается бóльшим количеством номинаций, демонстрирующих разнообразие адресатов лирического героя, что соотносится с тезисом И. Н. Левиной о «постоянном расширении референтного состава субъекта модуса» в поэзии [Левина, 2020, с. 9]. В данном случае нелица можно распределить на четыре группы.

1. Животные: Джим (8), зверь (4), пес (4). Например: *Рад послушать я песню былую, / Но не лай ты! Не лай! Не лай! / Хочешь, пес, я тебя поцелую / За пробужденный в сердце май? / Поцелую, прижмусь к тебе телом / И как друга введу тебя в дом...* («Сукин сын», 1924).

2. Растения: береза, березка (2), липа, солома, черемуха. Например: *Эх, береза русская! / Путь-дорога узкая. / Эту милую как сон / Лишь для той, в кого влюблен, / Удержи ты ветками, / Как руками меткими* («Виджу сон. Дорога черная...», 1925).

3. Родное пространство: *выть* (родимая; черная потом пропахшая), дом (3), земля, край (9) (родимый / родной), мир, родина, Россия, Русь (4), сторона (6), отчий дом (4); родные природные объекты (село родимое, темна роца и пеньки). Основанием для такого обозначения этой группы является то, что среди адресатов встречаются и пространственные объекты, не маркированные никак (дорога (4)), или осознаваемые лирическим героем как другие (Баку, Персия (5)) или даже как чужеродные (город); ср.: *Город, город, ты в схватке жестокой / Окрестил нас как падаль и мразь* («Мир таинственный, мир мой древний...», 1911).

4. Абстрактные предметы: боль, (черная) гибель (2), гладь, день, (бродяжий) дух, душа, (отшумевшая) жизнь, звезда (моя), молодость, муза (2), племя смердящих снов и дум, (голубая) прохлада, радость (2), что пришло процвести и умереть, участь. Например: *Будь же ты вовек благословенно, / Что пришло процвести и умереть* («Не жалею, не зову, не плачу...», 1921).

Как видно, личная сфера лирического героя включает большое количество разнообразных адресатов (лиц и не-лиц).

Подводя итог, можно заключить, что анализ контекстного окружения местоимения *ты* в лирике С. А. Есенина позволяет, во-первых, теоре-

тически осмыслить феномен референции на материале поэтического текста, а во-вторых, в результате выявления антецедентов этого местоимения установить адресатов лирического героя, т. е. определить коммуникативную структуру художественного мира лирики С. А. Есенина.

Литература

Апресян Ю. Д. Личная сфера говорящего // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки рус. культуры, 1995. С. 445–448.

Гранева И. Ю. Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка («Лексикографические портреты» местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ). Н. Новгород : Нижегород. госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2022.

Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. / гл. ред. Ю. Л. Прокушев. М. : Наука : Голос, 1995–2002.

Левина И. Н. Изъяснительные конструкции в русском поэтическом дискурсе XXI века: тенденции использования // Journal of applied linguistics and lexicography. 2020. Vol. 2, N 1. С. 4–15.

Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.

Мамедов А. А. Автор в художественном тексте: лингвистический аспект. «Маленькие» поэмы Сергея Есенина. СПб. : Нестор-История, 2022.

МАС: Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.

Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М. : Наука, 1985.

Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М. : Языки рус. культуры, 1996.

Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. М., 1998.

Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980–1982.

СЯРП: Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1–9 / отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. М., 2001–2022.

Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Наречие. Баку : Мутарджим, 2013.

A. A. Mamedov, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk)

THE PRONOUN *ty* IN S. A. ESENNIN'S LYRICS: REFERENCE AND ROLE IN CREATION OF POETIC WORLD

Abstract. The paper discusses the problem of reference of language units in poetic texts on the material of the contexts with the pronoun *ty*. We propose the approach that implies understanding of a referent as a fragment of poetic world – a person or an object. The antecedents of the pronoun *ty* in S. A. Esenin's verses are being identified and addressees of its persona, including persons and non-persons, are being analyzed. It has been stated that among the names of persons the names of poets are the most frequent ones along with the names of the persona himself, of his lover, mother and sister. Among non-persons the following names are remarkable: animals, plants, homeland and abstract entities. The types of nomination in the last subgroup are the most manifold. The undertaken analysis allows defining the speaker's personal sphere and communicative structure of S. A. Esenin's poetic world.

Keywords: personal pronouns, reference, poetic world, addressee, persona, S. A. Esenin.

И. А. Мартянова, доктор филологических наук, профессор
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург

СИНТАКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ¹⁹

Аннотация. Обращение к синтаксическому своеобразию современной русской прозы мотивировано недостаточностью грамматического подхода к новым языковым явлениям, очевидным разрывом между культурологическими, литературоведческими и лингвистическими исследованиями. Рассматривается функционирование синтаксических единиц в отечественной прозе конца XX – начала XXI в., пунктуационно-графическая аранжировка высказывания и текста. Особое внимание уделяется многокомпонентному сложному высказыванию как индикатору стиля современных прозаиков. Актуальные синтаксические процессы анализируются в языковом, речевом и текстовом аспектах, что позволяет интерпретировать особенности стилей ряда авторов (Е. Водолазкина, О. Кучкиной, В. Пелевина, Л. Петрушевской, Д. Рубиной, Т. Толстой, В. Маканина, В. Тучкова, А. Матвеевой). В языковом аспекте охарактеризованы некоторые изменения в сфере сложного предложения. В речевом аспекте рассмотрено влияние устно-разговорной стихии и тенденции визуализации на литературную норму, взаимодействие монологической и диалогической речи. В текстовом аспекте подчеркнута роль современной русской прозы в становлении новых синтаксических явлений.

Ключевые слова: синтаксис, текст, стиль, современная русская проза, пунктуационно-графическая аранжировка.

Несмотря на то что наблюдения о языковом своеобразии современной прозы присутствуют в филологических исследованиях, в целом очевиден разрыв между ее литературоведческой и лингвистической интерпретациями. Литературоведы, как правило, отталкиваются от набора ее принципов: неомифологизм, игра на границе между вымыслом и реальностью, иерархия текстов в тексте, приоритет стиля над сюжетом, уничтожение фабулы, нарушение связности текста, не отражение, а моделирование собственной реальности и др. [Руднев, 1997, с. 237–241]. Лингвисты же обращают внимание прежде всего на лексическую составляющую современного текста и его категориальную природу [Бабенко, 2019 и др.], при этом вне поля зрения большинства русистов остается его синтаксическое своеобразие.

Занимаясь его выявлением, необходимо учитывать аспекты диахронии и синхронии, литературной нормы, дифференцировать общезыковые факторы и тенденции синтаксического развития. Очевидно, что его интерпретация не может быть сугубо грамматической. Для ее эффективности необходим выход в социальную и культурную проблематику, но при этом тенденции синтаксического развития не стоит интерпретировать как непосредственное отражение тенденций социокультурных.

¹⁹ Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 79-ВГ).

Охарактеризуем некоторые актуальные синтаксические процессы в языковом, речевом и текстовом аспектах. Сегодня синтаксисты не видят непреодолимой границы не только между простым и сложным предложением, но и между сложным предложением и текстом. Границы сложносочиненного предложения размываются текстовыми взаимоотношениями его частей, актуализированными абзачным членением:

Наконец явился молодой долговязый официант, с готовностью выхватил из кармашка фартука блокнот с карандашом...

...и Калдман не без удовольствия перешел на немецкий, домашний свой, родной – от матери и бабуки – язык (Д. Рубина «Русская канарейка»).

Не рассматривая специально вопрос о графическом бессоюзии, напомним, что в его составе сосуществуют новые типы собственно бессоюзных сложных предложений, синтаксические синонимы сложноподчиненных и сложносочиненных предложений, сложноедейктические предложения, а также текстовые явления [Ильenko, 2009, с. 304–319], одно из которых представлено в следующем примере: *Поздно было оправдываться или нападать, девушка Соня из Красноярска бросилась вниз по лестнице, каблучки застучали...* (О. Кучкина «Этаж, или И сомкнулись воды»).

Современная русская проза испытывает мощнейшее влияние устно-разговорной стихии. Текст, воспринимаемый визуально, парадоксальным образом изображает ее комплексом интонационных, лексических, морфологических, синтаксических, пунктуационно-графических средств. Для интерпретации изменений, происходящих в способах передачи речевой полифонии, необходимо учитывать влияние синтаксического строя других языков, прежде всего английского. Оно находит отражение в разнообразных синтаксических неправильностях, появление которых мотивировано также стремлением авторов заставить работать аномалии текста.

В ряду разнообразных способов изображения чужой речи конструкция с прямой речью демонстрирует изменение своей организации и ее пунктуационно-графической аранжировки: *«Придиралась она и к другим работам Репина – зачем усаживать ее в буковую качалку?»* (А. Матвеева «Картинные девушки»). Слова автора и собственно прямая речь могут представать в форме вставной конструкции: *Как много, как бесконечно много может провалиться (объяснял ей старый Арсеньич) – уйти в зазор меж двух слов* (В. Маканин «Удавшийся рассказ о любви»); *Я встречала ее в спертom воздухе кинотеатра (снимите шляпу, бабуля! ничего же не видно!)* (Т. Толстая «Милая Шура»).

Стимулы отказа от традиционного представления диалога могут быть самыми разными: напряженная субъективированность или, напротив, подчеркнутая объективированность речи, доминирование наблюдаемого над слышимым, модально-временные сдвиги и др. Современная текстовая репрезентация диалога предполагает переосмысление его модели, самой конвенции его развертывания в ситуации непосредственного контакта говорящих. Чужая речь, входя в состав *диалогемы*, понимаемой как

«текстовое сопряжение собственно диалогической речи персонажей и монологической речи повествователя» [Ильенко, 2009, с. 333], не может не испытывать ее влияния. Чужая (и другая) речь своеобразно взаимодействует с речью повествователя: *Мама спрашивала в полиции, долго ли он так лежал (выяснилось – долго), спрашивала, за что его убили (ни за что), как будто, если бы за что-то, стало бы легче, потом кричала, что всю эту солдатню расстреляла бы своими руками, а полицейские молча на нее смотрели* (Е. Водолазкин «Авиатор»).

Появляются новые способы пунктуационно-графической аранжировки диалога, который предстает как форма общения с чужим, другим, иным и / или с самим собой: *Никакого билета у меня нет, оскалив зубы в злоеющей усмешке, отозвался режиссер, лечу в белый свет, как в копеечку. Настолько срочно надо, спросил Андрей. А вам не надо, вопросом на вопрос ответил режиссер* (О. Кучкина «Этаж, или И сомкнулись воды»).

Изображение чужой речи связано с тенденцией озвучивания текста, обусловлено стремлением преодолеть «молчание» бумаги, но «когда пунктуация, казалось бы, “озвучивает” текст, на самом деле часто это лишь иллюзия, рассчитанная на зрительное восприятие» [Акимова, 1990, с. 57]: *Богомол общался не словами, а как-то иначе, но Лена все понимала.*

«Я здесь работаю, – ответила она. – Жду клиентов».

«????» (В. Пелевин «Прощальные песни...»).

Синтаксические инновации привлекают исследовательское внимание преимущественно в том случае, когда приобретают вид пунктуационного казуса. При этом в интерпретации нуждается не столько пунктуация, сколько пунктуационно-графическая аранжировка современной прозы, если учитывать тенденции ее озвучивания и визуализации в произведениях Д. Рубиной, Т. Толстой, А. Матвеевой, В. Пелевина, В. Сорокина, А. Королева. «Молчание бумаги» преодолевается в том числе варьированием отступов, шрифтов, их размера, использованием прописных или строчных букв для ироничной актуализации несобственно-авторской речи и передачи ее интонации: *Но, к несчастью, мама всегда в курсе Событий Культурной Жизни и обо всем имеет Мнение. <...> Она твердо знает, Как Делаются Дела. Этот умеет правильно Себя Подать, тот сочетает Нужные Знакомства со Знанием Вкусов Публики, у третьего – Американский Паспорт* (Фигль-Мигль «Ты так любишь эти фильмы»).

Современная проза, безусловно, стимулирует развитие синтаксических явлений. Так, в осложненном предложении смысловой критерий однородности все чаще разьедается текстовыми аномалиями, создавая эффект напряженности между традиционным пониманием однородности сказуемых и их ролью в качестве предикативных центров частей сложного предложения [Ильенко, 2009, с. 240–243], отрефлексированной авторами.

Невозможно также обойти вниманием развитие вставных компонентов вследствие их участия не только в делимитации, но и в интеграции текста. Включение вставных компонентов увеличивает объем высказыва-

ния, создавая иллюзию его неограниченного, подобно гипертексту, развертывания. С их помощью выражается в том числе современная языковая рефлексия: *Таких сидело на бортике человек десять-пятнадцать. Чего-то в жизни не угадавшие (не нашедшие)* (В. Маканин «Удавшийся рассказ о любви»).

Занимаясь пунктуационно-графической аранжировкой современной прозы, необходимо пересмотреть отношение к многокомпонентным сложным высказываниям (МСВ), противоречащим, казалось бы, ведущей аналитической тенденции синтаксического развития. В современной прозе в виде МСВ нередко предстают целый текст или его значительная часть, что создает дополнительную функциональную и рецептивную нагрузку. Подобные образования программируются автором и воспринимаются читателем как одна из текстовых доминант. Между тем они нередко воспринимаются как синтаксическая аномалия. Так, рассказ В. Пелевина «Водонапорная башня», равный одному МСВ, был охарактеризован как синтаксический нонсенс [Акимова, 2006, с. 25], являясь, скорее, не нонсенсом, а парадоксом пунктуационно-графической аранжировки текста.

Если для лингвиста пунктуационное оформление высказывания является далеко не главным показателем его предложенческой сущности (особенно в случае так называемого графического бессоюзия), то для массового читателя знаки конца действительно определяют границу предложения. МСВ априорно затрудняют восприятие текста, аномалии развертывания которого создают имплицитное ощущение бессмысленности существования в рассказах В. Пелевина «Водонапорная башня» и «Один вог». Попытка вместить если не целую жизнь, то ее огромную часть в одно МСВ провоцирует оценку существования персонажа как выморочного, сериального. В рассказе В. Тучкова «Тот свет» имитация демонстрации фильма также осуществляется в результате сборки предикативных единиц в одном МСВ. Тем самым автор стремится не только остановить мгновение, но и раздвинуть его рамки, передать особую плотность бытия. Возникает парадокс уменьшения объема текста при увеличении объема квазипредложения. Используя МСВ, современные прозаики нарушают читательские ожидания, конструируя в тексте континуальную картину мира, но подразумевая при этом трагическую невозможность организации хаоса.

Сближение предложения и текста – не частная стилевая черта, а симптоматичный показатель развития отечественной прозы. Усложнение синтаксиса создается конвергенцией инноваций, которыми отмечены произведения авторов, демонстрирующих трагикомическую дисгармонию миро- и самовосприятия.

Литература

- Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М. : Высш. шк., 1990.
Акимова Г. Н. «Водонапорная башня» В. Пелевина – синтаксический нонсенс? // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 25–29.

- Бабенко Н. Г. Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна. М. : Либроком, 2019.
- Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2009.
- Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М. : Аграф, 1997.

I. A. Martianova, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg)

SYNTACTIC ORIGINALITY OF MODERN RUSSIAN PROSE

Abstract. The appeal to the syntactic originality of modern Russian prose is motivated by the lack of a grammatical approach to new linguistic phenomena, the obvious gap between cultural, literary and linguistic studies. The article examines the functioning of syntactic units in Russian prose of the late XX – early XXI centuries, as well as the punctuation and graphic arrangement of utterances and texts. Special attention is paid to the multicomponent complex utterance as an indicator of the style of modern prose writers. Actual syntactic processes are analyzed in linguistic, speech and textual aspects, which makes it possible to interpret the features of the styles of a number of authors (E. Vodolazkin, O. Kuchkina, V. Pelevin, L. Petrushevskaya, D. Rubina, T. Tolstaya, V. Makanin, V. Turchkov, A. Matveeva). In the linguistic aspect, some changes in the sphere of complex sentences are described. In the speech aspect, the influence of the oral-conversational element and visualization trends on the literary norm, the interaction of monologue and dialogic speech are considered. The role of modern Russian prose in the formation of new syntactic phenomena is emphasized in the textual aspect.

Keywords: syntax, text, style, modern Russian prose, punctuation and graphic arrangement.

Н. С. Милянчук, кандидат филологических наук

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Е. Н. Пугачева

Владивостокский государственный университет, г. Владивосток

ПАНОРАМНОСТЬ ПЕЙЗАЖА ВО ВЛАДИВОСТОКСКОМ ТЕКСТЕ: КОММУНИКАТИВНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье уточняется понятие владивостокского текста, обосновывается категория семантической доминанты как одного из содержательных признаков локального свертхтекста, играющих ключевую роль в формировании его самобытного содержания и способных выполнять дифференцирующе-идентифицирующую функцию при определении его топосной принадлежности. В качестве одной из семантических доминант владивостокского текста выдвигается панорамность изображения городского пространства, рассматривается языковая репрезентация данной категории. Анализ выполнен в русле теории коммуникативной грамматики на материале текстов одного из ярких представителей русской литературы дальневосточной эмиграции М. В. Щербакова. Выявляются и систематизируются лексические и грамматические средства создания изобразительного эффекта общего плана в рамках репродуктивного коммуникативного регистра. Демонстрируется коммуникативно-грамматический анализ одного из пейзажных фрагментов, типичных для владивостокского текста и отражающих его своеобразие.

Ключевые слова: грамматика локального свертхтекста, владивостокский текст, семантическая доминанта, панорамность изображения, пейзаж, репродуктивный регистр, общий план изображения.

Характерной тенденцией современной гуманитаристики является усиление внимания к историко-культурной ценности отдельных регионов, «нестоличных» территорий, в том числе весьма отдаленных от центра России. В филологической науке это выразилось в становлении особого направления, охватывающего разноаспектные исследования локальных текстов – текстов, содержательная и эстетическая значимость которых определяется привязанностью к конкретной географической точке: городу, местности, краю, региону. Частным примером такого текста можно считать владивостокский текст, под которым мы понимаем не любой текст о Владивостоке, а текст (или тематически связанную совокупность текстов – свертхтекст [Меднис, 2003]), имеющий специфическую семантическую и коммуникативно-грамматическую структуру, которая отражает характерные черты Владивостока как ментально освоенного, культурно обусловленного пространства. Как и любой локальный текст, владивостокский текст обладает комплексом признаков, который отличает его от других локальных текстов. Мы рассматриваем эти признаки как семантические доминанты текста – элементы содержательной структуры, которые системно реализуются разноуровневыми языковыми единицами на всем пространстве текста и играют ключевую роль в формировании его концептуального содержания.

Одной из семантических доминант владивостокского текста является панорамность изображения. Анализ реализации этой доминанты был проведен на материале произведений одного из выдающихся представителей русской литературы дальневосточной эмиграции Михаила Васильевича Щербакова (1890–1956) – автора ряда художественных и публицистических текстов о Владивостоке, воплотивших яркий и самобытный образ этого уникального города [Щербаков, 2011].

Панорамность изображения в текстах о Владивостоке проявляется в том, что городское пространство, как правило, представлено в них масштабно – как вид, открывающийся субъекту повествования, когда он находится в точке, возвышающейся над наблюдаемым / изображаемым. Ср. словарное толкование лексемы *панорама* ‘широкий вид какой-л. местности, открывающийся с высоты, с возвышенности’ [Большой толковый словарь русского языка, 1998]. В качестве текстового сигнала такой точки обзора может выступать лексема, обозначающая природный объект, с актуальной или потенциальной семой ‘высота’ – *сопка, обрыв, перевал, взгорье, край ската, берег* (*А выйдешь за калитку – и в двух шагах уже морской берег в густых травах и кровавом шиповнике по топкому песку, откуда виден темный мыс, густо посыпанный мелкими дачными огоньками, видна гористая даль по ту сторону залива, над которой еще долго после заката не тухнет под тяжелыми тучами огненно-лиловая зарева щель* [Щербаков, 2011, с. 245]) – или указание на объект, специально созданный людьми для обзора (*У недавно отстроенного собора он пересек мостовую и свернул с тротуара влево, на посыпанную*

желтым песочком площадку, вознесенную высоко над бухтой, где на граните памятника адмиралу Невельскому, под российским черным орлом, распростершим крылья, горделиво значилось золотом: «Где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен!» [Щербаков, 2011, с. 180].

Во владивостокском тексте панорамность является характерной чертой городского пейзажа, который представляет активное взаимодействие цивилизации и природы. Рассматривая коммуникативно-синтаксическую природу элементов структуры художественного произведения, М. Ю. Сидорова относит пейзаж к репродуктивно-описательному виду текстов (наряду с интерьером, портретом, описанием предмета) и считает, что пейзаж в описательной разновидности репродуктивного регистра «непременно оказывается “видом”, “видимым” субъектом-перцептором, организованным относительно его наблюдательного пункта, неподвижного или перемещающегося, модифицированного возможным “поднятием” ракурса над человеческим измерением и эффектами восприятия» [Сидорова, 2000, с. 248].

В пространстве художественного текста функционирование репродуктивного регистра заключается в «воспроизведении, репродуцировании средствами языка фрагментов, картин, событий действительности как непосредственно воспринимаемых органами чувств говорящего, наблюдателя, локализованных в едином с ним хронотопе (реально или в воображении)» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 402–403].

Коммуникативно-грамматические особенности литературного пейзажа заключаются в его окрашенности эмоцией субъекта-перцептора, пейзаж «перемежается его мыслями» [Сидорова, 2000, с. 46], «ставится /.../ в ментально-перцептивную модусную рамку» [Сидорова, 2000, с. 47]. С позицией субъекта-перцептора (наблюдателя) связано изменение величины пространственных планов: общего плана на крупный план и обратно. Под общим планом в данном случае подразумевается такое изображение, в котором содержатся признаки того, что наблюдатель находится на большом расстоянии от «наблюдаемого пространства», а под крупным – изображение близко расположенного к наблюдателю объекта. Смена планов в тексте фактически представляет собой изменение расстояния между наблюдателем и наблюдаемым и сопровождается переходом «физически зримого пространства в умоглядное, передачей зрительных и слуховых эффектов, связанных с расстоянием до наблюдаемого предмета» [Сидорова, 2000, с. 47]. Именно фигура наблюдателя обеспечивает единство репродуктивно-описательного фрагмента и его связь с событийной линией.

Очевидно, что именно «общий план» соотносится с панорамностью пейзажного изображения. Анализ нашего материала показал, что эффект общего плана изображения создается за счет реализации двух параметров: пространственное расположение наблюдателя по отношению к наблюдаемому: в отличие от крупного плана, когда наблюдатель находится в непо-

средственной близости к объекту наблюдения, общий план характеризуется тем, что наблюдатель находится, во-первых, на большом расстоянии от объекта наблюдения и, во-вторых, на возвышении;

2) количество объектов, попадающих в поле зрения наблюдателя: при крупном плане изображения наблюдатель и читатель «видят» один объект, тогда как при общем – в поле зрения попадает множество объектов.

В качестве вербальных показателей того, что наблюдатель находится на большом расстоянии от наблюдаемого, могут выступать следующие языковые средства:

1) названия крупных элементов ландшафта, которые целиком могут обозреваться только с определенного расстояния: *бухта, залив, лагуна, мыс, сопки, скалы, остров, дамба* и др.;

2) лексема *даль* и ее словообразовательные дериваты: *даль, вдали, далекий, далеко*;

3) лексические средства, включающие сему 'обширное видимое пространство': *горизонт, простор, пространство*;

4) лексические показатели расположения на расстоянии: *противоположный берег; стоящий на отлете домик*;

5) местоименные единицы, указывающие на удаленность от говорящего: *по ту сторону залива; там дымил «Сторож»; там цвета скользят; там пылала заревая щель; тот берег*.

О том, что наблюдатель находится на возвышении, сигнализируют такие единицы, как

оминания объектов, выделяющихся из окружающего пространства высотой, которые представляют точку обзора: *сопка, обрыв, перевал, взгорье, край скала, берег, склон, дамба*;

лексика с семой 'высота': *вверху; внизу; возвышаясь; высоко*;

окативные предположно-падежные конструкции, представляющие расположение наблюдаемых объектов относительно друг друга, которое можно зафиксировать только с высоты: *по всему чернильному простору Золотого Рога подмигивали – переговаривались огоньки фонарей; выходившей окнами в просторы бухты; высоко торчавший над городом дом; замкнутый в горном кольце город; дубняк по плешистым скалам* и под.;

онструкции с пространственными наречиями и наречными сочетаниями: *там, вверху и между геометрическими утесами домов, пылала заревая щель; напротив, у Чуркина мыса, скользила яхточка; по немощенной улочке, глубоко вынудой в горе, – среди которых особую роль в создании эффекта панорамности пейзажа играют наречные единицы со значением полного охвата обозреваемого пространства: кругом по сопкам различались пятна бетонных фортов*;

окативные конструкции с прилагательными, также указывающими на широкий охват обозреваемого пространства: *по всем окрестным складам и фортам; по тем окрестным сопкам*;

араллельные синтаксические конструкции, подчеркивающие композицию

наблюдаемого: *Слева полого вытянулся Чуркин мыс с детскими кирпичиками домиков и дубняком по плешистым скалам; справа – мыс Басаргин запустил в океан свою голую, обглоданную солеными ветрами лапу; в двух шагах уже морской берег /.../, откуда виден темный мыс, густо посыпанный мелкими дачными огоньками, видна гористая даль по ту сторону залива* – в зафиксированных примерах параллелизм поддерживается лексическим повтором;

лаголы движения, отражающие динамику взаимодействия элементов ландшафта: *скользила, наклоняясь к воде, яхточка; тянул через залив туман, наполнив бухту; переливался через паранеты; неся к закату по улице; свиваясь и развиваясь в водовороты; выперли пасхами, куличами, шишами; потянулись с юга на морскую лагуну; просторно расстился рейд;*

8) деминутивныи словообразовательные дериваты номинаций элементов ландшафта: *городок, яхточка, домики, огоньки, маячок, улочка*, – которые, указывая на уменьшение размеров объекта, как бы отдаляют его от наблюдателя, точнее, сигнализируют о том, что объект наблюдается с высоты;

етафорические номинации, указывающие на маленький размер наблюдаемых объектов: *игрушечные домики; детские кирпичики домиков; кубики домиков; бело-сахарный маячок; геометрические утесы домов; вдавшаяся серпом дамба; тянул на веревочке* и др.;

етафорические номинации, создающие эффект «вид сверху» за счет указаний на визуальные параметры наблюдаемых объектов, например, их геометрическую форму, внушительные размеры, обилие мелких деталей: *вдавшаяся в море тонким серпом дамба; конические сопки, посыпанные белыми кубиками домиков; пятна фортвов; туши военных кораблей; кружевные краны; геометрические утесы домов; лес голых мачт; зубастые вершины сопков; лежит миштым пирогом; городок, прилипший ласточкиными гнездами к обрывам сопков; тонкая нитка Токаревской кошки; замкнут в горном кольце*.

Реализация такого параметра общего плана изображения, как множество предметов в поле зрения наблюдателя, осуществляется с помощью регулярного употребления следующих языковых средств:

рамматических форм множественного числа: *сопки, форты, военные корабли, краны, стены длинных казарм, тучи, причалы и пристани, мачты парусников, обрывы сопков, утесы, вершины* и мн. др., например,

24-го октября мы в последний раз видели его конические сопки, посыпанные белыми кубиками домиков, и вдавшуюся в море тонким серпом дамбу Токаревского маяка [Щербаков, 2011, с. 330];

Кругом по желтым срывистым сопкам смутно различались пятна бетонных фортвов [Щербаков, 2011, с. 180];

ексические показатели множественности: *многочисленные причалы и пристани; масса* (о людях), например,

Мы подошли к пристани Подножья и через полчаса увидели ползущее с горы по дороге облако пыли, сквозь которое **серела грязная масса солдатских шинелей и полушубков** [Щербаков, 2011, с. 325];

интаксическая конструкция ряд, представляющая перечень объектов, находящихся в поле зрения наблюдателя: **на подъездных путях, на прилежавших улицах, в товарных вагонах, на самых пристанях** – всюду, всюду кишмя кишела лохматая казачья толпа;

естоименные единицы, указывающие на широкий охват обозреваемых объектов: **всё это выросло; над всем городом; над всем Амурским заливом; по всему чернильному простору; по ту сторону залива; по тем окрестным сопкам и под.**

Все выделенные параметры активно взаимодействуют в текстовом пространстве, придавая пейзажному изображению семантическую и коммуникативно-прагматическую цельность. Продемонстрируем это на примере анализа панорамного пейзажа Владивостока из рассказа М. Щербакова «Кадет Сева»:

Вы бывали во Владивостоке? Помните, как он замкнут в горном кольце, этот странный, не русский город?

Слева полого вытянулся Чуркин мыс с детскими кирпичиками домиков и дубняком по плешистым скалам; справа – мыс Басаргин запустил в океан свою голую, обглоданную солеными ветрами лапу, из которой выплыл далеко в море бело-сахарный маячок на тонкой изогнутой нитке Токаревской кошки: ветер с берега, вот его и отнесло.

А в самом замке кольца лежит миштым зеленым пирогом Русский Остров. Владивосток желт и сер, а остров совсем зеленый. Внутри же всего круга Золотой Рог, глубокая бухта. Там уже все цвета радуги скользят, играют, плещутся и затухают на воде.

И в этот городок, прилипший ласточкиными гнездами к обрывам сопок, которые выперли то насхами, то куличами, то просто шишами какими-то, – сколько людей, сколько пламенных надежд лилось в него в двадцатых годах из агонизировавшей России, из ошетинившейся зеленохвойной Сибири, из благодатного Крыма, с Кавказа, из Туркестана, через волнистые барханы Гоби, через жженные Монгольские степи и даже окружным путем – по морицинистым лазурным зеркалам тропических морей!.. [Щербаков, 2011, с. 243].

В приведенном фрагменте панорамность достигается, во-первых, указанием на наличие крупных ландшафтных объектов (*горное кольцо, мыс, скалы, океан, остров, обрывы сопки*), которые можно увидеть целиком только находясь на определенном расстоянии от наблюдаемого, и во-вторых, указанием на наличие множества более мелких объектов (*маячок, кирпичики домиков, ласточкины гнезда – о домах*), что создает эффект «вид с высоты». Эффект наблюдаемой панорамы усилен метафорами *лежит в замке кольца; замкнут в горном кольце*. Ощущение масштабности наблюдаемого пространства достигается употреблением конструкций с

пространственными наречиями (*внутри, там*) и метафор *запустил в океан голую, обглоданную ветрами лапу; лежит миштым зеленым пирогом*, которые усиливают визуальный эффект и позволяют автору воссоздать в воображении читателя панораму города на берегу моря. Композиционную цельность изображению придает синтаксический параллелизм: *слева полого вытянулся Чуркин мыс; справа – мыс Басаргин запустил в океан свою лапу*. Глаголы движения *вытянулся, запустил, выплыл, скользят, играют, плещутся*, используемые автором, как будто раздвигают границы изображаемого и создают эффект обширности наблюдаемого пространства. Местоимение *весь* в составе конструкции *внутри же всего круга Золотой Рог* указывает на широкий охват обозреваемых объектов. Метафорические выражения *детские кирпичики домиков* и *бело-сахарный маячок* с участием деминутивов визуально уменьшают наблюдаемые объекты в размерах («дома как игрушечные», «маяк как кусочек сахара»), как бы отдаляя их от наблюдателя. Эффект общего плана, охватывающего множество наблюдаемых объектов, создается за счет активности грамматических форм множественного числа (*детские кирпичики домиков; плешистые скалы*) и с помощью синтаксической конструкции ряд: *обрываю сопки, которые выперли то насхами, то куличами, то просто шишами*. Глагольный ряд *все цвета радуги скользят, играют, плещутся и затухают на воде* создает ощущение эстетического удовольствия от созерцания морской глади Золотого Рога.

Таким образом за счет целенаправленного использования разноречивых языковых средств в тексте воссоздается панорамное изображение города, которое отражает не только объективные особенности его ландшафта, но и своеобразие эмоционально-психологического восприятия окружающего пространства.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 1998.

Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2003.

Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М. : Центр М, 2000.

Щербаков М. В. Одиссей без Итаки. Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы / сост., комм. и вступит. ст. А. Колесова. Владивосток : Рубеж, 2011.

N. S. Milianchuk, Candidate of Philology (Vladivostok)

E. N. Pugacheva (Vladivostok)

PANORAMIC LANDSCAPE IN THE VLADIVOSTOK TEXT: COMMUNICATIVE-GRAMMATICAL ASPECT

Abstract. The article specifies the concept of the Vladivostok text, substantiates the category of semantic dominant as one of the substantive features of the local supertext, playing a key role in the formation of its original content and capable of performing a differentiating and identifying func-

tion in determining its topos affiliation. Panoramic image of urban space is put forward as one of the semantic dominants of the Vladivostok text, and the linguistic representation of this category is considered. The analysis is carried out in line with the theory of communicative grammar on the material of the texts of one of the prominent representatives of Russian literature of the Far Eastern emigration, M. V. Shcherbakov. The lexical and grammatical means of creating a general pictorial effect within the reproductive communicative register are identified and systematized. A communicative-grammatical analysis of one of the landscape fragments, typical for the Vladivostok text and reflecting its uniqueness, is demonstrated.

Keywords: grammar of local supertext, Vladivostok text, semantic dominant, panoramic image, landscape, reproductive register, general image plan.

Н. А. Николина, кандидат филологических наук, профессор

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

З. Ю. Петрова, кандидат филологических наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва

Н. А. Фатеева, доктор филологических наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва

НЕСТАНДАРТНЫЕ ПРЕДИКАТИВЫ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ: СЕМАНТИКА И УПОТРЕБЛЕНИЕ

Аннотация. В работе рассматривается функционирование предикативов состояния в поэтических и прозаических текстах XX–XXI вв. Особое внимание уделено нестандартным предикативам, которые активно используются в художественной речи и регулярно пополняются новообразованиями, в том числе окказиональными. Показано, что в художественных текстах расширяется сфера употребления наречий, которые регулярно выступают в функции предиката в нетипичных для них позициях, при этом снимаются ограничения, характерные для функционирования предикативов в общеязыковом употреблении. Предикативы, характеризующие состояние внешнего мира, развивают в художественной речи способность обозначать внутреннее состояние субъекта. Делается вывод, что расширение класса предикативов связано с процессом транспозиции (перехода из одной части речи в другую) и преобразованием семантики мотивирующих слов, в частности с их метафоризацией и персонификацией.

Ключевые слова: предикатив, семантика состояния, художественная речь, окказионализм, транспозиция, метафоризация.

В русской грамматике существуют разные точки зрения на класс морфологически неизменяемых слов, обозначающих состояние лица, природы, окружающей среды: они определяются то как слова категории состояния, то как предикативные наречия (см. [Русская грамматика, 1980]. Далее – «РГ-80»). Авторы «РГ-80» выделяют три типа «предикативных наречий», составляющих грамматическую основу безличных предложений: а) слова, называющие бессубъектное внешнее состояние: *росисто, сумрачно, тихо, шумно, морозно, красиво*; б) и бессубъектное, и субъектное состояние: *далеко, близко, холодно, плохо, свежо, тяжело, го-*

рячо, холодно, скучно, жутко, грустно, весело, тревожно, уныло, одиноко, светло, темно, уютно, свободно, пусто; в) только субъектное состояние: *жалко, несладко, больно, приятно, легко, трудно, страшно* и т. д.

С конца XX в. в русистике для данного класса слов утвердился термин «предикатив», который будет использоваться и в нашей работе. Предикативы представляют собой продуктивный и активно развивающийся в современном русском языке класс слов, который постоянно пополняется новообразованиями, при этом встречается «большое количество редких предикативов, или, иначе говоря, маргинальных или окказиональных предикативных конструкций с субъектным дативом» [Бонч-Осмоловская, 2009, с. 158, 180]. Нестандартные предикативы широко представлены в разных подсистемах языка, прежде всего в жаргонах и разговорной речи (см., в частности, примеры в работе [Минеева, Николаев, 2024]: *Ковидно на душе; Нам коронуторно на сердце; Мне стало кринжово после просмотра этого фильма*).

Функционирование нестандартных предикативов особенно характерно для художественной речи. Активному использованию предикативов в ней способствуют присущие им семантические признаки: статичность, временная дискретность, «инактивность субъекта», ориентированность на субъект, «перцептивность» [Матханова, 2008, с. 273].

Цель нашей работы – рассмотреть семантику и особенности употребления предикативов в художественной речи XX–XXI вв. Материалом для исследования служат поэтические и прозаические тексты этого периода, в том числе контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorpora.ru]. В художественных текстах состав предикативов значительно расширяется по сравнению с общезыковым употреблением. Этот факт отмечается в работах, посвященных окказиональному использованию предикативов в разные временные периоды развития поэтического языка (в поэзии Серебряного века в [Свистунова, 2009; Никульцева, 2010], в современной поэзии и прозе в [Николина, 2010]).

В общезыковом употреблении наблюдаются семантические ограничения употребления предикативов: «значения внутреннего состояния, связанные с одушевленным субъектом, обслуживаются в русском языке лексико-синтаксической группировкой предикативов типа *стыдно, грустно, тошно*, пополнение которой за счет слов, описывающих свойства внешней среды – *солнечно, знойно* – или постоянные характеристики объектов – *злойный, бешеный*, – невозможно или затруднено» [Циммерлинг, 2017, с. 21]. В художественной же речи предикативы, обозначающие состояния внешней среды, начинают обозначать состояние субъекта. При этом такие предикативы метафоризируются, например, «*Всем будет весело и солнечно, Осветит лица милосердьё...*» (И. Северянин), «*И в душе его звездно от дум и страстей*» (Н. Гумилев), «*С тобою мне сладко и знойно*» (А. Ахматова), «*Страшно пусть и одиноко, / пусть пустынно и*

постыло – / только бы без чувства локтя, / без дыхания в затылок» (Т. Кибиров), «*Пасмурно до глубины души*» (Е. Некрасова).

Предикативы, имеющие общую основу с прилагательными, выражающими устойчивые характеристики, в художественной речи могут, в отличие от стандартного общезыкового употребления, приобретать значение состояния. Они могут указывать а) на свойства характера субъекта, б) физические свойства и способности, в) социальные характеристики, г) возраст. Ср.:

а) «*Ветрено. Холодно. **Вольно**. <...> Я отстрадал – и доволю!*» (Д. Самойлов), «*И стало радостно, просто, **бодро***» (Я. Смеляков), «*Мне кажется, нам было бы с тобой Так **нежно**, так остро, так нестерпимо...*» (С. Парнок), «*В сердце – **нежно**, безнадежно*» (К. Бальмонт), «*Так **гордо**, так радостно стало обоим*» (Н. Дементьев), «*Нам радостно. Нам **гордо**. Нам светло*» (И. Северянин);

б) «*Господи, хватит с меня. Хлопотно и **недужно** день изо дня*» (Б. Слуцкий), «*Было весело и **пьяно**, а теперь я не такой, за четыре океана улетел мой покой*» (Б. Корнилов), «*Ему вдруг стало очень <...> **сонно***» (М. Галина);

в) «*Как светло здесь и как **бесприютно**, Отдыхает усталое тело...*» (А. Ахматова), «*О, Боже, отчего нам так **бездомно**? Зачем так много нищих и сирот?*» (Е. Кузьмина-Караваева), «*И это только мне **бездомно***» (В. Соснора);

г) «*Сегодня **молодо** и грустно И радостно, как никогда*» (В. Нарбут), «*Было солоно, ветрено, **молодо***» (Б. Кенжеев).

Некоторые предикативы представляют другие семантические классы, в результате в тексте возникает новый образный смысл высказывания. В качестве примера можно привести слово *вечно*, связанное с философским понятием «вечность» и в то же время осознаваемое как внутреннее состояние лирического субъекта. Такое употребление может повторяться у разных поэтов, становясь уже явлением поэтического языка: «*С тобою, как в лесу – Насыщенно и **вечно***» (Д. Майзельс), «*Макс, до чего мне **вечно** Было в твоей груди!*» (М. Цветаева), «*Но отчего так **вечно** мне / над закругленным мирозданьем?*» (С. Петров), «*Как широко на набережных мне, / как холодно и **ветрено** и вечно*» (И. Бродский).

В ряде употреблений предикативы, выражающие оценку внешнего мира, проецируются на состояние субъекта, при этом развивается значение причастности лирического героя к миру: «*А тебе **красиво** у озера?*» (Н. Азарова).

Характерная особенность художественной речи – употребление обозначений неодушевленных реалий в роли Экспериенцера дативно-предикативных конструкций со значением состояния, например, «*Ветер шепчет, шепчет грустно чье-то имя мне. Звездам **бесприютно** в черной вышине*» (В. Брюсов), «*блестит Юпитер. Звездам **жарко***» (Д. Хармс), «*Земля, земля волнуется, И катятся, как волны, Чернеющие улицы, – Им,*

ветреницам, **холодно**» (Б. Пастернак), «**Жарко** городу этим летом, / **душно** городу этим годом» (Н. Асеев), «Как **молодо** панельным плитам И воробьям задорно-сытым!» (Н. Клюев), «Как **жарко** этим стенам – от рук твоих и плеч!» (Ю. Карабчиевский 1967), «За фанерными палатками, / за плотиной у пруда / вижу, морищится вода. Что-то **кисло** ей, **не-сладко** ей» (М. Айзенберг 2004), «А земле **полусонно, тесно, темно и сыро**» (О. Яковлева).

В художественном тексте, помимо стандартного способа обозначения субъекта дативом, роль Экспериенцера может выражаться словами *душа, сердце* для характеристики психоэмоциональных состояний: «**Легко и вольно** сердцу моему, И ветер, пролетая, листья нежит» (З. Гиппиус), «И стало сердцу **пламенно и больно**» (Т. Щепкина-Куперник), «Сердцу весело и **просторно**, / мрак шарахается к дверям» (Г. Семенов). Эти лексемы указывают на лирического субъекта. В этой же функции могут выступать предложно-падежные формы *в душе (на душе), в сердце (на сердце), в голове, в уме, в мозгах, в памяти* и др.: «А в душе так **пустынно**» (С. Липкин), «Стал мигать обвал сознания: Вот, казалось, озарятся Даже те углы рассудка, Где теперь **светло** как днем!» (Б. Пастернак), «Задумался, / заволновался, / бросил кровать, // в мозгах / **темно**, / как на дне штолен» (В. Маяковский), «Мне снится тихое село Неподалеку от Кавказа. Доселе в памяти **светло**» (С. Гандлевский).

В художественной речи регулярно появляются окказиональные предикативы. Их употребление отмечается уже в литературе XIX в.: «Так было мне, мои друзья, И **кюхельбекерно**, и тошно» (А. Пушкин), «Ночью встаю, **месячно**» (А. Грибоедов). Их использование активизируется в текстах XX–начала XXI вв. В эту группу вовлекаются предикативы, образованные не только от слов с качественной семантикой, но и от относительных прилагательных: «Было **жарко**, почти **сорокаградусно**» (Д. Благова), «В сарафанах было бы **зимно**» (Л. Щиголь).

Некоторые предикативы-новообразования создаются с разными видами нарушений закономерностей словообразовательной системы. Это может быть пропуск звена словообразовательной цепи, образование на базе фразеологизма, мотивация словом с цветовой семантикой. Например, в стихотворении В. Высоцкого употребляется предикатив *бермудно*, которое соотносится со словосочетанием *Бермудский треугольник* и обозначает эмоциональное состояние: «<...> Нам **бермуторно** на сердце И бермудно на душе!» В стихотворении В. Костельмана используется предикатив *муслимно*, который соотносится с именем существительным: «Так **муслимно** на душе, хоть иди в супермарше За моченым черносливом на пропитанном корже...». Предикатив *дамоклов* в стихотворении И. Сиды мотивируется фразеологизмом *дамоклов меч*: «**Дамоклово** в воздухе слева». В стихотворении Н. Делаланд наряду с узуальными предикативами используется ряд нестандартных предикативов состояния, при этом слово *светло-желто* образуется от цветowego прилагательного: «мне холодно

светло и далеко / весенне и объемно светло-желто, / воздушно и на взлете напряженно / потом легко / мне медленно и плавно и еще / довольно долго для одной улыбки / но можно плакать и ползут улитки / гурьбой со щек / мне правильно так и должно идти / лететь и плыть лежать и продолжаться / понять смеяться больше не сражаться / совсем простить».

В работе М. Эпштейна «Грамматическое творчество в речи и языке: от аномалии к норме» отмечается, что категория состояния может и должна развиваться за счет потенциального включения в себя «всех качественных наречий, если они приобретают функцию сказуемого» [Эпштейн, 2009, с. 36]. Именно этот процесс наблюдается в художественной речи XX – начала XXI в. Многие нестандартные предикативы приобретают в ней устойчивый характер и регулярно повторяются в текстах разных авторов. С одной стороны, состав предикативов пополняется окказиональными образованиями, с другой стороны, в художественных текстах последовательно расширяется сфера употребления наречий, которые выступают в функции предиката в нетипичных для них позициях. Расширение класса предикативов связано с процессом транспозиции и преобразованием семантики мотивирующих слов, в частности с метафоризацией и персонификацией.

Литература

Бонч-Осмоловская А. А. Дативные субъектные конструкции с предикативами на -о / -е // Корпусные исследования по русской грамматике. М. : Пробел, 2009. С. 157–183.

Минеева З. И., Николаев А. А. Новые предикативы: образование, семантика, употребление // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 14–20.

Матханова И. П. Категориальные ситуации с семантикой нерезультативного состояния в русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. СПб., 2008. С. 268–287.

Николина Н. А. Тенденции употребления предикативов состояния в современной речи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 650–652.

Никульцева В. В. К вопросу об образовании слов категории состояния (на примере неологизмов Игоря Северянина раннего периода творчества) // Lingua mobilis. № 7 (26), 2010. С. 7–9.

Русская грамматика. АН СССР. Т. 1. М. : Наука, 1982. URL: <https://rusgram.narod.ru/1645-1668.html>.

Свистунова М. С. Окказиональное использование предикативов с семантикой состояния в поэзии Серебряного века // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. М. : Институт славяноведения РАН, 2009. С. 450–458.

Циммерлинг А. В. Внутри и снаружи: к типологии предикатов состояния // Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке. М. : Издательский Дом ЯСК, 2017. С. 17–41.

Эпштейн М. Н. Грамматическое творчество в речи и языке: от аномалии к норме // Язык как медиатор между знанием и искусством. М., 2009. С. 31–38.

N. A. Nikolina, Candidate of Philology, Professor (Moscow)

Z. Yu. Petrova, Candidate of Philology (Moscow)

N. A. Fateeva, Doctor of Philology (Moscow)

NON-STANDARD PREDICATIVES IN THE LANGUAGE OF RUSSIAN LITERATURE: SEMANTICS AND USE

Abstract. The article considers the functioning of predicatives in poetic and prose texts of the 20th–21st centuries. Particular attention is paid to non-standard predicatives that are actively used in literary speech and are regularly supplemented with new formations, including occasional ones. It is shown that in literary texts the scope of use of adverbs that regularly act as predicates in positions that are atypical for them is expanding, while the restrictions characteristic of the functioning of predicatives in general language use are removed. Predicatives characterizing the state of the external world develop the ability to designate the internal state of the subject in literary speech. It is concluded that the expansion of the class of predicatives is associated with the process of transposition (transition from one part of speech to another) and the transformation of the semantics of motivating words, in particular with their metaphorization and personification.

Keywords: predicative, semantics of state, language of literature, occasionalism, transposition, metaphorization.

Н. В. Патроева, доктор филологических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск

ИНТРОДУКТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С БЫТИЙНЫМ ГЛАГОЛОМ В РОЛИ ЛИРИЧЕСКИХ ЗАЧИНОВ

Аннотация. Структурно-смысловая организация первых строк не может не отражать особенностей идиостиля и жанровой специфики произведения. У каждого талантливого писателя есть в запасе свой менее или более устойчивый, излюбленный тип организации макроконтекста, в том числе зачина стихотворной миниатюры или прозаической строфы, тесно связанный с художественным методом познания мира, мироощущением и психологическим складом автора. В лирическом дискурсе для бытийного предложения подчеркивается яркое модальное значение реальной экзистенции какого-либо предмета, не позволяющее представить тот же самый процесс как ирреальный, так что предложение в лирическом контексте, как правило, существенно сужает свои парадигматические возможности. Интонация экзистенциальных зачинов, как правило, констатирующая, приглашающая читателя к совместному размышлению по поводу бытия некоего вдруг открывшегося поэту явления. Экзистенциальные зачины в лирическом роде, содержащие, как правило, панхронический по своему грамматическому значению предикат и абстрактный субъект бытия, демонстрируют прагматическую установку поэта на выражение неких общих представлений о мироустройстве, поэтическое философствование о жизни и человеке, макро- и микрокосмосе.

Ключевые слова: лирические интродукции, бытийные зачины, хронотоп стихотворения, ритм и синтаксис, типология лирических начал и концовок.

Первая строка, репрезентирующая произведение во внешнем мире, играет важную роль в процессе декодирования художественного целого внешним адресатом: «Первая строка произведения задает жанр, размер, ритм, тему и очень часто отношение автора ко всему стихотворению» [Арнольд, 1978, с. 28], поэтому очевидно, что «относительная важность первой строки в поэзии выше, чем в прозе» [Там же].

В качестве объекта специального рассмотрения были выбраны первые строки, включающие бытийный глагол в форме настоящего времени.

В русской синтаксической системе «сообщения о человеке – его личности, внешности, физическом состоянии, внутренних переживаниях... отношениях к другим людям и происходящих в его жизни событиях – обычно строятся по бытийной синтаксической модели» [Арутюнова, 1983, с. 142], поэтому можно предположить достаточно высокую активность инициальных предложений экзистенциального типа в самом субъективном литературном роде – лирике.

«Общим местом» при характеристике поэтического хронотопа со времен А. А. Потебни стало утверждение о том, что лирика – это «презенс» переживания внутреннего субъекта. Входящий в зачин глагол *ЕСТЬ*, относящийся к изображающим мир в состоянии некой данности и статики несюжетным процессным предикатам, обычно имеет семантику настоящего неактуального (повторяющегося и постоянного) и идеально подходит для характеристики присущих всему роду человеческому ментальных состояний, выражения неких сентенций, общих суждений о жизни, всевременных процессов:

- *Во всяком роде есть безумцы и буяны...* (И. Дмитриев)
- *Есть граница между ночью и утром...* (Р. Рождественский)
- *На каждый звук есть эхо на земле...* (А. Тарковский)

Единичны репрезентации иного рода, когда форма *ЕСТЬ* получает грамматическое значение настоящего актуального или настоящего расширенного:

- *Есть еще вино в глубокой чашке...* (Н. Гумилев);
- *Есть у тебя еще отец и мать...* (М. Цветаева);
- *Нет погоды над Диксоном. Есть метель.*
Ветер есть. И снег. А погоды нет (Р. Рождественский).

Иногда значение всевременности существования предмета затухает также соседством экзистенциальных глаголов в иных темпоральных формах и сдвигает семантику *ЕСТЬ* в зону актуальности – соответствия моменту речи: *Будет луна. Есть уже немножко. А вот и полная повисла в воздухе...* (В. Маяковский).

Однако контекст и сущность описываемого опять-таки свидетельствуют об обычности «необычного» состояния души, о циклической повторяемости происходящего в мире и потому вечности бытия, так что и в этих маргинальных словоупотреблениях за основным смыслом «Существует здесь и сейчас» скрывается «мерцающая» в подтексте сема повторяющегося, типичного процесса:

- Все, все мое, что есть и прежде было...* (А. Фет);
- Мой друг, есть радость и любовь,*
Есть все, что будет вновь и вновь... (К. Бальмонт);
- Когда я думаю, как много есть вселенных,*
Как много было их и будет вновь... (К. Бальмонт);
- Есть времена, есть дни, когда*
Ворвется в сердце ветер снежный... (А. Блок).

Поэт представляет существование в мире описываемого явления как несомненное, видимое, слышимое или же безошибочно угадываемое, прорицаемое интуитивно, постигаемое божественным озарением:

Есть бытие; но именем каким

Его назвать? Ни сон оно, ни бденье... (Е. Баратынский);

Все снится: дочь есть у меня... (И. Бунин);

О, вы ее не знаете! В ней есть

Умение обуздывать порывы... (Д. Самойлов).

Поэт по праву пророческого дара утверждает существование явлений не наблюдаемых, рационально не доказуемых (*Пять чувств – дорога лжи. Но есть восторг экстаза, Когда нам истина сама собой видна...* (К. Бальмонт)), а только интуитивно угадываемых и находящихся в столь же неоднозначно толкуемом хронотопе. Адресат может лишь поверить в реальность бытия принципиально не верифицируемых объектов лирической медитации, на чем настаивает поэт: *Есть, есть гармония живая...* (К. Случевский).

Экзистенциальные зачины мелодически обычно констатирующие. Подчеркнуто эмоциональные вопросительные медитативные и риторические зачины редки, но они не только диалогизируют лирический текст, но являются знаками сомнений лирического героя в возможности существования желаемого:

До первой звезды есть ли звезды еще? (М. Цветаева);

Есть ли счастье на свете сильнее любви? (М. Лохвицкая).

Предикат *ЕСТЬ*, вводящий утвердительное (ассерторическое) значение, иногда сопровождается частицей *ДА* как сигналом диалогизации дискурса:

Да, есть, конечно, скачок в моем мышлении... (К. Случевский);

Да, в нашей жизни есть кумир единый –

То лицемерие; пред искренностью – страх! (В. Брюсов).

Однако идея существования какого-либо явления способна в поэтическом высказывании соседствовать и со знаками отрицательной модальности (негативными частицами и приставками), подчеркивающими недоступность, недостижимость, «несказанность», странность называемого объекта или же «неправильность», дисгармоничность, парадоксальность мироустройства:

Есть в земном творении

Облики незримые,

Глазу незаметные... (К. Случевский);

Есть в литографиях забытых мастеров

Неуязвимое, но явное дыханье... (Г. Иванов);

Нет, есть во мне прекрасное, но стыдно

Его назвать перед самим собой... (В. Ходасевич).

Бытийные конструкции с тесно взаимодействующими знаками негации и ассерции не только усиливают присущую лирике неопределенность субъекта существования, но и подчеркивают неоднозначность, множе-

ственность поэтической референции. Не случайно поэтому, что сообщение о реальности бытия некоего феномена иногда совмещается в инициальном высказывании с показателями субъективной гипотетической модальности:

Есть рыбы, говорят, которые летают! (И. Дмитриев);

Есть счастье у нас, поверьте... (З. Гиппиус);

Как будто есть, как будто нет...

Умру наверно, а воскресну ли? (З. Гиппиус);

или категории неопределенности:

Есть некий час, в ночи, всемирного молчания... (Ф. Тютчев);

Есть что-то знакомое, близкое мне... (В. Кюхельбекер);

Есть старая песня, печальная песня одна... (А. Григорьев);

В душах есть все, что есть в небе, и много иного... (К. Бальмонт).

Результаты сплошной выборки из Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru] свидетельствуют о росте числа бытийных зачинов в направлении к «Серебряному веку» русской литературы: зачины с предикатом *ЕСТЬ* в поэтических произведениях малых жанров, относящихся к XVIII столетию, представлены всего 5 репрезентациями (2 – Дмитриев, 1 – Хемницер, 1 – Богданович, 1 – Кантемир); на протяжении XIX в. количество подобных инициальных образований резко возрастает (107 случаев – 27 авторов), поэзия XX столетия демонстрирует еще более высокую их активность (131 пример – 28 авторов).

Литература

Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 24–27.

Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М. : Русский язык, 1983.

N. V. Patroeva, Doctor of Philology, Professor (Petrosavodsk)

INTRODUCTIVE SENTENCES WITH AN EXISTENT VERB AS LYRICAL BEGINNINGS

Abstract. The structural and semantic organization of the first lines cannot but reflect the idiosyncrasy and genre specifics of the work. Every talented writer has his own more or less stable, favorite type of macrocontext organization, including the beginning of a poetic miniature or prose stanza, closely connected with the artistic method of cognition of the world, the worldview and psychological makeup of the author. In lyrical discourse, the vivid modal meaning of the real existence of some object is emphasized for the existential sentence, which does not allow the same process to be presented as unreal, so that the sentence in the lyrical context, as a rule, significantly narrows its paradigmatic possibilities. The intonation of existential beginnings, as a rule, is ascertaining, inviting the reader to joint reflection on the existence of some phenomenon suddenly revealed to the poet. Existential beginnings in the lyrical genre, containing, as a rule, a predicate that is panchronic in its grammatical meaning and an abstract subject of being, demonstrate the poet's pragmatic attitude to expressing certain general ideas about the structure of the world, poetic philosophizing about life and man, macro- and microcosm.

Keywords: lyrical introductions, existential beginnings, chronotope of a poem, rhythm and syntax, typology of lyrical beginnings and endings.

С. Г. Рябова, кандидат филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С КОМПОНЕНТОМ «РЖАВЧИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: УЗУАЛЬНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ

Аннотация. В настоящей статье анализируются грамматические конструкции с компонентом *ржавчина* как элемент синтаксической организации художественного текста. Рассматриваются особенности их грамматической структуры, синтаксических отношений элементов, синтаксической позиции компонента *ржавчина*. Анализируемые единицы характеризуются с точки зрения признаков узуального (частота обращения, грамматически обусловленные отношения компонента *ржавчина* в конструкции, узнаваемость) и индивидуально-авторского (не соответствуют общепринятой позиции и синтаксической роли компонента *ржавчина* в конструкции, единичные случаи употребления). Грамматические конструкции в художественном тексте анализируются как явление семантико-грамматического порядка. Лексема *ржавчина* существует в языковой картине мира как знак определенной семантики, в авторском тексте воплощается его ментальный образ. Активность анализируемых единиц доказана корпусными данными. Установлены факты поддержания традиции в тех структурах, где компонент *ржавчина* выступает в функции главного члена предложения, а также в структуре субстантивных, атрибутивных сочетаний. Индивидуальное раскрывается в тех грамматических структурах, где компонент *ржавчина* занимает не свойственную для него синтаксическую позицию: в вокативных предложениях, в ряде экспрессивных синтаксических конструкций.

Ключевые слова: грамматические конструкции с компонентом *ржавчина*, художественный текст, семантико-грамматический аспект, узуальное, индивидуальное (окказиональное).

Введение. Обладать своим языком – значит иметь определенный замкнутый набор значимых единиц и правил их соединения, которые позволяют передавать некоторые сообщения [Лотман, 1970, с. 29]. Обращение к мысли Ю. Лотмана не случайно. В 70-е гг. прошлого века им было сформулировано важное положение о связи естественного языка с художественным текстом, который создается как уникальный, как знак особого содержания. Созданный текст отражает некоторую модель его (авторского) сознания, при этом базируется на универсальности языка. Художественный текст собирается из типовых элементов, поэтому читается с опорой на привычные для носителя языка правила. Одновременно с этим процессом протекает и противоположный: инвариантные единицы текста, попадая в художественное пространство, выступают не только как конвенциональные, но и как иконические (образные). Таким образом, в художественном тексте сложно разграничить план содержания и план выражения знака, что обычно не вызывает затруднения, если мы говорим о грамматике. Автор «навязывает» читателю образ мысли, модель миропереживания, однако читатель должен в этом нуждаться и должен быть к этому подготовлен [Лотман, 1970, с. 35].

В лингвистике существует положение о «грамматике говорящего» и «грамматике слушающего» [Якобсон, 1961]. Своеобразным продолжением такого подхода в отечественной науке можно считать работы профессора А. Н. Колмогорова и его учеников, направленные на исследование особенностей художественной коммуникации. Речь идет о совпадении или пересечении множества элементов, которые составляют код автора и код читателя. Это новое для науки советского периода лингвостатистическое направление выявило возможные разнообразия энтропии художественного содержания, с одной стороны, и ограничения, которые создаются самой языковой системой – с другой [Лотман, 1970, с. 37].

Во второй половине XX в. Г. А. Золотова разрабатывает коммуникативную грамматику, которая дает исследователю возможность «извлечь из языковой формы ее гуманитарное содержание» [Коммуникативная грамматика ... , 1998, с. 477], тем самым позволяет иначе оценить художественный эффект, который «коренится в грамматических значениях и структурах» [Там же]. Проблема значения элементов художественного текста, оценка его целостности остается актуальной, несмотря на значительные достижения в области компьютерных коммуникационных технологий.

Анализ. Слово как единица лексики и синтаксема как единица синтаксической структуры, в которой актуализируются разные стороны его значения, является объектом нашего исследования. Анализируются грамматические конструкции с компонентом *ржавчина* в художественном тексте. Предпринята попытка описать узуальное, т. е. чаще всего встречающееся (*sens usuel*), значение, соответствующее общепринятому употреблению, и индивидуальное, или окказиональное (*occasional* ‘случайный’), не соответствующее общепринятому употреблению, обусловленное специфическим контекстом [Марузо, 2004].

Материалом исследования послужила картотека употребления указанных конструкций в художественных текстах (347 примеров употребления в текстах XVIII–XXI вв.), извлеченная из Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru].

Узуальное можно обнаружить там, где коммуникативная направленность грамматических конструкций опирается на правило. Именно в художественном тексте обнаруживается единство формы, содержания языковых единиц и замысла автора. Очевидна устремленность лингвистических исследований на выявление и описание языковых средств, которые наиболее эффективно передают мысль человека, порождающего текст.

Целесообразно обратиться к лексикографическому описанию ключевого слова. *Ржавчина* 1. Красно-бурый налет на железе, образующийся вследствие окисления и ведущий к разрушению металла, след от такого налета. 2. Бурая пленка на болотной воде. 3. (спец.) Бурое пятно на растениях в месте, где развиваются споры грибов. (перен.) Что-то разъедающее, мучающее, конец какого-то процесса. Существительное *ржавчина* является производным от диалектного *ржа*, *ржавец*, является производя-

щим к *ржавление, ржавость* [Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов, 2011].

В языковом сознании носителя языка фиксируются следующие компоненты значения: ‘бурый налет, разрушающий металл’, ‘пленка, пятно, продукт, хорошо различимый, нездорового происхождения’. Металл воспринимается как нечто крепкое, твердое, с трудом поддающееся разрушению. Лексикографическое описание фиксирует обыденное сознание человека, поэтому связь имени и глагола «навязана» словарем: *ржавчина образуется, развивается, разрушает, легко обнаруживается, разъедает*. Компонент ‘мучащее’ может быть соотнесен только с человеком, формируется еще один компонент семантики – ‘губительное действие на человека, причинение страдания’. Рассмотрим грамматические конструкции с компонентом *ржавчина*, учитывая их семантико-грамматические особенности в художественном пространстве текста.

Итак, выявленные примеры целесообразно разделить на две группы.

I группа – конструкции, которые обнаруживают признаки узуальности: не выходят за рамки общепринятых грамматических правил, не нарушают норму, являются способом выражения мысли для большинства носителей языка, поэтому восприятие значений, выраженных в подобной форме, не требует дополнительных когнитивных усилий.

II группа – конструкции, которые обнаруживают признаки окказионального (индивидуального) употребления: не соответствуют общепринятым правилам группировки слов, могут быть нарушены привычные синтаксические связи и отношения; восприятие и осмысление подобных конструкций требует от читателя обращения к целому тексту, при котором открываются не свойственные отдельным компонентам высказывания значения, не зафиксированные словарем, трудно устанавливаемые. Ценность подобных языковых фактов в художественном тексте в смысловых «импульсах и семантических обертонах», возникающих в структуре текста, имеющих открытое значение [Новиков, 2001, с. 197].

Среди примеров I группы преобладающими являются глагольные конструкции: *ржавчина изъела, появилась, возникла, поела, проела, добила, обглодала, сдалась, выглядит, портит, пробивается, возьмет, тронула, расползается, расползлась, прижилась, покрыла, вылезла, не видна, нарастает, тронула, шуришит, уничтожает, горит, коснулась, легла, натекла, кричит, снедает* (обнаружено 67 примеров).

Такой пространственный список глаголов, с которыми грамматически координируется существительное *ржавчина*, открывает перед говорящим значительные возможности. Глаголы каузации в сочетании с именем *ржавчина* определяют изменения в предметах, реакцию или действия лиц, явлений, качество чего-либо. Обратимся к примерам.

1. ...от Василь Ивановича не съел тебя со стены, аж всего *ржавчина съела* (А. К. Толстой. Царь Федор Иоаннович, 1864–1868);

2. *Хохряковъ былъ до крайности желчное, болѣзненное созданіе, но у него была широкая кость, львиная голова, покрытая густыми черными волосами, – всѣ признаки, что онъ созданъ былъ изъ желѣза, которое **перелъ ржавчина*** (А. К. Шеллер-Михайлов. Жизнь Шупова, его родных и знакомых, 1865);

3. *Гордость униженная ест человека, как **ржавчина железо ест*** (Е. А. Салиас. Аракчеевский подкидыш, 1889);

4. *На душу от этих прений **садится** какая-то копотъ, **ржавчина*** (М. Горький. Мещане, 1901);

5. *На земле и червь точит, и **ржавчина ест**, и воры крадут, а припасайте себе богатство небесное* (Л. Н. Толстой. Путь жизни, 1910);

6. *А я человек привычный, меня **ржавчина не берет*** (Б. Горбатов. Солдатский труд, 1944);

7. *Страшный ты человек, Иванище, во всякую погоду бежит твоя стружечка, и никакая **ржавчина к тебе не пристаёт*** (Л. М. Леонов. Русский лес, 1950–1953);

8. *...слишком сильно его **обглодала ржавчина*** (М. Ясинская. Стеклозное сердце, 2015);

9. ***Ржавчина пучила крылья**, коробка гремела колотухой ночного сторожа, а резина блестела, словно лысина новобранца* (А. Михайлов. Капкан для одинокого волка, 2001).

Глагол-предикат осложняет семантику предложения, организующая роль глагола в высказывании очевидна. Однако воздействующий эффект зависит в том числе и от отношений взаимообусловленности с именем, его семантической полнотой и емкостью. Синтаксические возможности существительного *ржавчина* разнообразны: оно выступает в роли главного члена предложения, зависимого компонента словосочетания с семантикой предметности как материального, так и чувственного планов (видимое пятно, пленка и чувство, состояние человека). Следует отметить, что в конструкциях с глаголами *есть* / *съесть* и их производными, *крыть* / *покрыть* актуализируется прямое значение лексемы ('бурый налет, разрушающий металл'). Подобные конструкции утратили образный характер, воспринимаются как привычные, узуальные.

Конструкции с глаголами *брать* / *взять*; *глодать* / *обглодать*, *пучить* сохраняют образность, употребляются в предложениях со значением 'отношение к субъекту речи, выраженному личным местоимением' (*ржавчина меня не берет, к тебе не пристаёт* и под.). Примеры употребления подобных конструкций в произведениях разных лет (XIX–XXI вв.) подчеркивают их устойчивый характер.

Выражение *копотъ, ржавчина садится на душу* выходит за рамки естественной речи, это иллюстрация особого миропереживания, взгляда на природно-предметные явления. *Садиться* может *пыль* (семантика глагола как действия, зрительно воспринимаемого). Переносные значения, по словарю А. П. Евгеньевой, предполагают также следующие: 'приниматься

за дело'; 'приземляться'; 'опускаться'; 'укорачиваться'; 'терять силу'; 'получать наказание'; 'уходить за горизонт' [Словарь русского языка, 1999]. М. Горький нарушает синтаксические связи глагола *садиться*, установленные традицией: см. *На душу от этих прений садится какая-то копоть, ржавчина*. Индивидуально-авторская группировка слов, с одной стороны, учитывает существующую модель *садиться на что?*, с другой – в качестве объекта выбирается абстрактное существительное (на душу), умозрительно представляемое. Семантическая коннотация всей грамматической конструкции не может быть точно истолкована, автор полагается на опыт читателя, его образное мышление. Отнести данное выражение к случаям окказионального включения не было бы правильным, однако имеющаяся в языке модель неожиданно в авторском тексте наполняется смыслом, который, во-первых, сложно точно сформулировать, во-вторых, не зафиксирован в словарях.

Глагольная конструкция *далее чего? не пошла* не отличается оригинальными синтаксическими отношениями. Однако группировка лексики – пример необычных синтагматических отношений: *Дальше кожи ржавчина не пошла, потому что засол хороший* (Л. Я. Гинзбург. Записные книжки, 1920–1943). Очевидно, рецепция глагольной метафоры (*ржавчина не пошла, не разъела, не проела*) можно оценить, если читатель вовлечен в исторический контекст записок Л. Я. Гинзбург.

К узуальным грамматическим конструкциям, реализующим образные (переносные) значениям компонентов, можно отнести также и конструкции «прилагательное + *ржавчина*». Многочисленное обращение к атрибутивным конструкциям (более 60 примеров разных лет употребления) свидетельствует об их устойчивом характере, однако сочетаемость слов подчеркивает семантико-синтаксический эффект авторского высказывания. Авторы «Русской грамматики» обращают внимание на «важность компонентов лексической семантики при характеристике синтаксических связей таких структур» [Русская грамматика, 1980, с. 12].

1. *Желтые лоскутки солнца, блеклая ржавчина сосновых стволов и пестрые, цветные лужайки* (А. Грин. Тайна леса, 1910);

2. *Но женщины – вообще очаровательные существа – не знают жизни; для такой лужи нужна выдумка и легкая ржавчина анархизма* (А. Грин. Лужа Бородатой Свины, 1912);

3. *И с каждым взмахом быстреи у Неретина руки, сгонялась с мышц усталая ржавчина, и мысль – перелетная птица – бежала далеко вперед* (А. Фадеев, 1923);

4. *...и ничто: ни хворь, ни контра белая не смогла нас с тобой свалить, а – подточила, вишь, ползучая ржавчина* (Л. М. Леонов. Вор, 1927);

5. *Сие пристрастие к богатству, серебролюбая ржавчина, когда уже въелась в сердце, то как мы можем надеяться сочинять стихи* (В. Г. Тредиакowski, 1752). Здесь серебролюбая ржавчина в значении 'стяжательство'.

Образный характер раскрывается в других сочетаниях: *любовная ржавчина, въедливая, упорная, колючая, застарелая, ржавчина сегодняшних проблем, разъедающая ржавчина пошлости, внутренняя ржавчина его тела* и др.

Неопределенная семантика слова *ржавчина* реализуется в сочетаниях с местоимениями (*какая-то ржавчина, вся эта ржавчина, та еще ржавчина*), получивших разговорную стилистическую коннотацию.

Следует обратить внимание на цвет ржавчины в авторском контексте: он не всегда совпадает с общепринятым (*солнечная, лиловая, зеленая, янтарная, ржавчина сирени, что синее ночи, ржавчина волны*).

К грамматическим конструкциям, не выходящим за рамки легко узнаваемых, можно также отнести модель субстантивного сочетания *ржавчина чего?* (*ржавчина мысли, расплаты, души, тела, проблем, денег, роскоши*). Таких примеров обнаружено более 30. Сочетания *ржавчина души* и *душевная ржавчина* по количеству значительно превосходят иные.

1. *Быть может, ржавчина привычки до того пронзила мое сердце, что я боюсь...* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки, 1857);

2. *...казалось, что проступила болезнь, внутренняя ржавчина его тела* (Я. Жемойте. Аисты, 2002);

3. *Разъедающая ржавчина отчуждения коснулась парней, начала свою медленную разрушительную работу* (В. Астафьев. Царь-рыба, 1974).

Субстантивные конструкции, осложненные определяющим компонентом, усиливают эмоциональное впечатление: семантика изъязна, болезненного состояния человека разрастается до семантики полного распада личности, ее целостности, страдание носит глубинный характер.

Группа II включает примеры конструкций, в которых лексема *ржавчина* выступает в не свойственной для нее синтаксической роли и занимает синтаксическую позицию, которую сложно отнести к общепринятым. Речь идет о вокативных предложениях с оценочным (примеры 1–2) характером и предложениях с обращением (примеры 3–4). Формой выражения является именительный падеж лексемы *ржавчина* (всего обнаружено 4). Мы относим их к индивидуально-авторским.

1. *И самое большое, на что он отваживался, когда уж совсем невтерпёж становился зуд жены, ронял два-три слова: А-а, отстань, ржавчина* (Ф. Абрамов. Последняя охота, 1962);

2. *Да отвяжись ты от меня, ржавчина!* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы, 1931);

3. *Ржавчина!* – строго рявкнул на него бас величественной наружности и с целой охапкой кудрявых волос на голове (Скиталец (С. Г. Петров). Октава, 1900). Здесь *Ржавчина* – имя собственное (здесь же: *пьяный Ржавчина стоял перед столом и управлял хором*);

4. *Ужасных мук ужасный стон. А здесь – о, ржавчина и цвель! Мне в каждом зипуне мерещится Дантон* (В. Хлебников, 1917).

К примерам окказионального употребления можно отнести конструкции, в которых анализируемая лексема выступает в роли именной части составного именного сказуемого (выявлено 4). Нулевая связка выражает модально-временное значение, одним из компонентов семантики всей конструкции является значение бытия-существования / наличия.

1. *Часто являлся к нам поджарый, преострый студентик; походка – с подергом, а в голове – **ржавчина*** (А. Белый. Начало века, 1930);

2. *А вы не люди...вы – **ржавчина!*** (М. Горький. На дне, 1902);

3. *Забвение – не пыль, а скорее **ржавчина*** (Л. А. Левицкий. Дневник, 1997).

Возможный ассоциативный ряд отличается разнообразием: отрицательный компонент семантики поддерживается параллелизмом: походка – с подергом, голова – с изъяном. Ментальный образ ржавчины формируется предикативностью: память ржавеет так же, как металл подвергается коррозии, – наступает забвение. Если пыль поддается действию извне, изъян легко устраняется, то ржавчина обладает свойством особой прочности, разрушения чего-либо, т. е. – ассоциативно – то, что необратимо.

Единичным примером является парцеллированная конструкция, относится к экспрессивным, основана на прерывании синтагматической цепочки: *Вон там двор колхоза – рухлядь одна. **Ржавчина**. А здесь всё бурьяном заросло* (Е. З. Кармазин. У последней черты, 2006). Еще один пример использования экспрессивной синтаксической организации (цепочка номинативов): *Проселок кончился. **Болото... Трясина... Ржавчина... Тупик*** (Г. Я. Горбовский. Мертвая деревня, 1960).

Индивидуально-авторской, запоминающейся является структура контекстуальной антонимии *маленькая ржавчина рождает большое недоверие* (автор А. Ставров, 2002) – аллюзия на известную фразу *маленькая ложь рождает большое недоверие*, а также *злая ржавчина съедает любое золото* (автор Ш. Камилов, 1974).

Выводы. Грамматические конструкции следует рассматривать как явление семантико-грамматического порядка, в котором значение отдельного слова может отступать, так как именно в конструкции нередко реализуются элементы вторичного (ассоциативного) значения, неожиданные, выходящие за рамки системы. Лексема *ржавчина* существует в языковой картине мира как знак определенной семантики, в авторском тексте воплощается его ментальный образ, который зависит от авторской группировки языкового материала.

Грамматические конструкции с компонентом *ржавчина* используются в следующих аспектах: узуальном, в качестве главного члена предложения наряду с глаголом, в структуре субстантивных, атрибутивных сочетаний; семантика изъяна, разрушения целостности личности, ее ценностных установок имеет устойчивый характер. Автор художественного текста выходит за рамки системы или использует ее неявные возможности. Так актуализируется индивидуальное, раскрывается в тех граммати-

ческих структурах, где компонент *ржавчина* занимает не свойственную для него синтаксическую позицию: в вокативных предложениях с отрицательным оценочным значением, в предложениях, осложненных обращением, а также в ряде экспрессивных синтаксических конструкций.

Литература

- Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М. : Азбуковник, 2008.
- Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970.
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.
- Новиков Л. А. Избранные труды. Т. 2. Эстетические аспекты языка. М. : Изд-во РУДН, 2001.
- Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М. : Наука, 1980–1982.
- Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011.
- Якобсон Р. Грамматика поэзии и поэзия грамматики // Poetics. Poetica. Поэтика. I. Warszawa, 1961. С. 397–417.

S. G Ryabova, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk)

GRAMMATICAL CONSTRUCTIONS WITH THE “RUST” COMPONENT IN A LITERARY TEXT: THE USUAL AND THE INDIVIDUAL

Abstract. This article analyzes grammatical constructions with the ‘rust’ component as an element of the syntactic organization of a literary text. The features of their grammatical structure, syntactic relations of elements, and the syntactic position of the ‘rust’ component are considered. The analyzed units are characterized in terms of the features of the usual (frequency of use, grammatically determined relationships of the component ‘rust’ in the construction, recognition) and the individual-authorial (do not correspond to the generally accepted position and syntactic role of the component ‘rust’ in the construction, isolated cases of use). Grammatical constructions in a literary text are analyzed as a phenomenon of semantic and grammatical order. The activity of the analyzed units is proved by corpus data. The facts of maintaining tradition have been established in those structures where the component ‘rust’ acts as a subject, in the structure of substantive, attributive combinations. The individual is revealed in those grammatical structures where the ‘rust’ component occupies a syntactic position that is not peculiar to it in vocative sentences, as well as in a number of expressive syntactic constructions.

Keywords: grammatical constructions with the ‘rust’ component, artistic text, usual, individual (occasional), semantic-grammatical aspect.

Н. Д. Стрельникова, кандидат филологических наук
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ», г. Санкт-Петербург

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В ПРОЗЕ ЕВГЕНИИ НЕКРАСОВОЙ

Аннотация. Рассматриваются тексты современной российской писательницы Евгении Некрасовой с лингвистической точки зрения. В основе уникального авторского стиля наблюдается сочетание использования потенциальных ресурсов русского языка и обращение к жанровым особенностям отечественного фольклора. На основе известных грамматических моделей автор изобретает неологизмы, позволяющие добиться компрессии в передаче информации. Яркий авторский язык позволяет адекватно описать современную реальность и отразить актуальные проблемы времени. На многочисленных примерах из текстов Е. Некрасовой раскрываются приемы и методы создания новых слов благодаря возможностям словообразования, среди которых наиболее перспективными являются приставочный, бессуффиксный, суффиксальный способы, переход из одной части речи в другую, использование перифразов, лексико-грамматические повторы, языковая игра и др. Экспериментаторская проза своевременна и открывает новые возможности запечатлеть переходный язык эпохи XXI в.

Ключевые слова: современная русская проза, Е. Некрасова, неологизмы, языковая игра, словообразование, фольклор.

Характерными чертами русского языка новейшего периода, т. е. конца XX – первой четверти XXI в., является активное расширение его лексического состава путем не только заимствования, но и создания неологизмов по известным грамматическим моделям, позволяющим образовывать новые лексемы с помощью существующих языковых средств. С другой стороны, язык стремится к экономии средств выражения при достаточной информативности.

Современная языковая ситуация способствует творчеству, лингвистическим экспериментам и языковой игре. За последние тридцать лет появилось много молодых интересных авторов, ищущих свой стиль в многоголосии разноликой отечественной литературы. Прежде всего, это Алексей Сальников, Ксения Букша, Александра Николаенко, Вера Богданова, Ася Володина и пр. Однако даже среди этой экспериментаторской, новаторской во многом прозы выделяется голос Евгении Некрасовой, творчество которой критики и рецензенты сравнивают с творчеством таких значимых писателей, как Андрей Платонов, Алексей Ремизов, Людмила Петрушевская, ее прозу относят к направлению «магический реализм» [Пучкова, 2021; Осипова, 2020]. «У Некрасовой есть стиль, она любит фольклор и литературу модернизма (так и напрашиваются аналогии с “Мелким бесом”, хотя заглавная Калечина-Малечина – художественное порождение Алексея Ремизова), она остро чувствует запросы времени, его болевые точки, наконец, она пытается написать русский вариант “Над пропастью во ржи”, что достойно всяческой поддержки» [Подлубнова, 2018].

Павел Басинский, председатель жюри премии «Лицей», резюмирует: «Ее прозу определяют как новый магический реализм + фольклор + эксперимент. Традиции Платонова, Кафки отчасти <...> Мамлеева, влияние Сорокина <...> Очень яркий, “авторский” язык» [Лицей, 2017, с. 13].

Итак, Евгения Некрасова (род. в 1985 г.) – молодой, яркий и уже достаточно известный автор, российская писательница и сценаристка. Появившись сравнительно недавно, около 10 лет назад, она успешно дебютировала. Ее роман со странным для современного читателя названием «Калечина-Малечина» (2018) вошел во все шорт-листы, нигде не победив, между тем в 2018 г. книга вышла отдельным изданием в редакции Елены Шубиной. Уже в 2020 г. по роману был поставлен спектакль в Центре имени Вс. Мейерхольда (Москва) и в Новосибирске (Мастерская Крикливого и Панкова).

Родом из Астраханской области, Некрасова родилась в городе Капустин Яр, ныне Знаменск, затем Евгения Игоревна переехала в Подмосковье, где в Подольском районе прошли ее отрочество и юность.

Начало литературной деятельности датируется 2011 г., когда она начала писать прозу и сценарии. Печаталась, начиная с журналов «Урал» (2014, № 4) и «Волга» (2016, № 7–8; 2017, № 5–6), в толстых литературных журналах – «Знамя» (2015, № 1; 2016 № 3), «Новый мир» (2017, № 1). Занималась рекламой, работала копирайтером. С 2008 по 2012 гг. жила вне России – Манчестер, Ливерпуль, Лондон, Афины, затем вернулась, окончила сценарный факультет в Московской школе нового кино в 2016 г., преподавала, писала сценарии.

В 2017 г. она получила вторую литературную премию «Лицей» имени Александра Пушкина для молодых писателей и поэтов за сборник прозы «Несчастливая Москва». В том же году в редакции Елены Шубиной вышел сборник [Лицей, 2017]. Через год в той же редакции выходит роман «Калечина-Малечина», а затем сборники «Сестромам. О тех, кто будет маяться» (2019), «Домовая любовь» (2021; 2023), «Золотинка: Рассказы и поэмы о женщинах, медведях и магических существах» (2023), наконец, еще один роман – «Кожа» (2021).

Рассмотрим индивидуальный стиль экспериментаторской прозы Евгении Некрасовой с лингвистической точки зрения. В рамках статьи вынужденно остановимся лишь на нескольких, но принципиально важных авторских приемах, креативных методах, фантазийных находках. Начнем с морфологии.

1. Образование новых слов с помощью приставочного способа.

Присоединение приставок к глаголам, с которыми они ранее не использовались или не обрели еще достаточно широкого функционирования, однако сама модель является продуктивной. Таким образом, образуются дериваты, приносящие новые смысловые оттенки.

Например, существует глагол *сговориться*. Некрасова пишет через запятую: «Сконтактились, сговорились» [Некрасова, 2019, с. 239]. Там

же: «*Не сжениат, не сошьют!*» [Некрасова, 2019, с. 239]. Автор «играет» с приставками, «примеряет» их к разным корням. «*Ангелина Ивановна пришаркивала на место вины и перевытирала или перестряпывала, не тратя сил на обиды*» [Некрасова, 2019, с. 130]. В русском языке есть глаголы *перестирывать* *перестирать*, *переставлять* – *переставить* и пр., но не *перевытирать*, тем более не *перестряпывать*. Между тем, в контексте рассказа, когда героиня стара и слепа, и домашние *покрикивают* на нее, появление таких новаторских глаголов кажется уместным. Экономнее, а современный язык стремится к экономии средств, передать информацию через приставку *пере-* одним словом, чем произносить более громоздкие и сложные словосочетания типа *заново вытирать* или *приготовить новую еду*. В этой связи несколько архаичный древнерусский глагол *стряпать* применительно к очень старой женщине стилистически более точен, чем нейтральный, широко употребляемый *готовить*.

Глаголы движения с приставками более чем разнообразно представлены в прозе Некрасовой, например, *пришаркивать* [Некрасова, 2019, с. 130], *уковылять* [Некрасова, 2019, с. 126], *похрустеть*: «*Катя скатилась и похрустела к дому по новому снегу*» [Некрасова, 2024, с. 57]. Возвращаясь к первому примеру, предположим, что, выбирая между привычным *старуха пришла, шаркая ногами*, и предложенным автором глаголом, вторая модель окажется предпочтительнее.

Пожалуй, наиболее частотным аффиксом в некрасовской лаборатории создания новых слов служит приставка *с-* / *со-*. Приведем несколько примеров. «*Оказывались в аду соупреков и соспоров*» [Некрасова, 2019, с. 126]; *сомука, сомученица* [Некрасова, 2019, с. 126]; «*Дикие размежеванные соприкосновения, сожития, соденежья, сосолья, сосмотрения*» [Некрасова, 2019, с. 125]. И снова любопытно заметить: бытующее в языке существительное *соприкосновения*, открывающее ряд однородных членов, при помощи которых Некрасова диагностирует совместное сосуществование *чужих родных* [Некрасова, 2019, с. 125] в большинстве, с ее точки зрения, российских семей, продолжают глаголы, являющиеся авторским изобретением. Она буквально нанизывает их друг на друга. Каждый следующий усиливает эффект отчуждения при формальном якобы *вместе*, обозначаемым приставкой совместного действия *со-*: «*Ненужное, нелогичное, неодушевленное “СО”, как недописанная формула углекислого газа*» [Некрасова, 2019, с. 125]. Для дискурса автора характерно также обилие одушевленных существительных, присутствующих во всех книгах, образованных по одному образцу, начиная с первого романа «Калечина-Малечина», где появляется *сопарточник* [Некрасова, 2024, с. 68].

Прием сопоставления двух и более глаголов рядом, первый из которых употребим, а другой / другие вводятся в современный русский язык автором, без прибегания к курсиву, характерному, например, для текстов А. С. Пушкина. Так, вслед за *выругался* Е. Некрасова создает маркирован-

ный окказионализм: «... *выругался, а потом выулыбнулся от такой короткой и приятной связи...*» [Некрасова, 2019, с. 192].

2. Сложение основ, ведущее к образованию нового слова:

внукомузыка [Некрасова, 2019, с. 124] – окказионализм Некрасовой, буквально обозначающий музыку, которую слушает внук, но он слушает ее постоянно, так что оба слова-понятия в сознании героини рассказа сливаются воедино;

учительницезавр [Некрасова, 2024, с. 36] – этим неологизмом Некрасова наделила классную руководительницу Кати, ученицы третьего класса, в романе «Калечина-Малечина»;

квартирай – это название первого рассказа из сборника «Домовая любовь». Квартира-рай, рай в квартире или квартирный рай, т. е. представление, мечта героини рассказа Зины об идеальном жилище;

наконец, *сестромам*: «*Не сестра – мама. Сестромам какой-то. Такая страта любви*» [Некрасова, 2019, с. 89]. Этот необычный неологизм, причем мужского рода, дал название рассказу и всему сборнику в целом. уффиксальный способ образования глаголов от существительных и прилагательных.

Расширение ряда однокоренных слов конструированием глаголов от известных существительных, в основном, заимствованных: *дефицитствовать, дизайнерить, оранжереить, панорамить*. «*В первые годы в Москве она дизайнерила...*» [Некрасова, 2023, с. 14], т. е. работала дизайнером. Существительное *дефицит* управляется глаголами *быть, испытывать*: *быть в дефиците, испытывать дефицит*. Некрасова сокращает словосочетание до одного слова: «...*очень дорогие и совсем новые тачки дефицитствовали*» [Некрасова, 2019, с. 11]. Прилагательное *оранжерейный*, т. е. *разводимый в оранжерее*, создающей особые условия, среду для развития, превращается с легкой руки автора в глагол *оранжереить*. «*Оранжереил свою коллекцию – она росла, перегораживала вход в комнату*» [Некрасова, 2019, с. 123]. Существительное *панорама* также в тексте Некрасовой получает однокоренной глагол: «*Поначалу город панорамился как и вчера...*» [Без очереди, 2021, с. 461]. Подобные образования касаются не только заимствованных слов. Рассказывая о пикнике в лесу, автор пишет: «*Никли от скуки друг с другом, но часовали в чаще с комарами*» [Некрасова, 2019, с. 125]. Даже не хочется объяснять-расшифровывать, насколько объемно и точно значение слова при лаконизме формы, при этом нет семантического противоречия, выдуманный неологизм логично вписывается в систему языка, ибо существуют и *ночевать*, и реже употребляемое *дневать*. Вспоминается и слово из донского диалекта *вечерять* из романа М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Писательница не останавливается на достигнутом, постоянно расширяя сферу для лингвистического экспериментирования. Сложное двухкорневое *водопад* преобразовывается в *водопаднуть* [Некрасова, 2019, с. 16], а мем *Да ладно* трансформируется в *даладничать*: «*Папа улыбался*

и даладничал» [Некрасова, 2019, с. 107]. Если можно *интегрировать*, то почему бы нельзя *косинусить*? «Анечка маялась уравнивать, интегрировать, косинусить» [Некрасова, 2019, с. 90].

В последнем на сегодняшний день сборнике рассказов «Золотинка» полет фантазии автора добрался до сферы истории и искусства: сформировались глаголы *византийничать* и *монолизит*: «Младшая сестра очень старалась дома, византийничала, чтобы ей доставалось больше хорошего внимания...» [Некрасова, 2023, с. 153]; «...монолизит всем с фотографии, светит желтыми волосами» [Некрасова, 2023, с. 153].

зыковая игра с частями речи и расширение ряда однокоренных слов.

Например, от фамилии Потапов образуется *Новопотапова* [Некрасова, 2019, с. 126], его, Потапова, жена, а изменение ее жизни в связи с замужеством обозначается как *опотапилась* [Некрасова, 2019, с. 127]. По той же модели в другом рассказе встречаем *омосковилась* [Некрасова, 2023, с. 10].

Другой способ, выдуманный и опробованный Некрасовой, касается наречий-неологизмов, образованных от прилагательных. Приведем два примера: «... *Лара принцессово поднялась и отнесла тетрадь...*» [Некрасова, 2024, с. 70]; «*Сухие ноги Павлова, следуя привычному маршруту, прямоугольно обошли стоянку*» [Некрасова, 2019, с. 14].

бразование индивидуально-авторских субстантиватов.

В примере ниже приведено субстантивированное прилагательное: «*Все горочные, кроме Кати, попрощались с Катенькой*» [Некрасова, 2024, с. 55]. Речь здесь идет о детях, катающихся зимой с горки. ессуффиксный способ словообразования при создании неологизмов.

Ограничимся здесь тремя наиболее показательными примерами. «*Земля позорилась повсюду неприкрытой коричневой*» [Некрасова, 2019, с. 239]; «...*прошли в ржавую нутрь ее тела и не обнаружили ничего*» [Без очереди, 2021, с. 454]. *Коричнева* от *коричневый, коричневеть*; *нутрь* – от *внутренний, внутри*. Еще более любопытный случай: «*Катя лягнулась. Кикимора проигнорировала Катин ляг...*» [Некрасова, 2024, с. 170].

На уровне синтаксиса наблюдается следующее.

7. Активное применение описательных оборотов, перифразов, т. е. переход от управления (сущ. + сущ. в тв. пад.) к согласованию (прилаг. / причастие в нужном падеже). Примеры: «...*она повернется домой и пойдет туда по бессобачьей, в обход, дороге...*» [Некрасова, 2024, с. 67], *длиннопальцевые руки* [Некрасова, 2019, с. 22]. Также встречаются разговорные конструкции типа *старозинин дом* [Некрасова, 2023, с. 12] в значении *дом, в котором Зина жила раньше*.

8. Наконец, использование фольклора и его элементов в качестве инструмента описания повседневности и ее особой атмосферы – фольклор как «попытка характеризовать какую-либо эпоху <...> ключ к повседневности» [Кобеляцкая, 2021], как объясняет свой метод писательница в интервью. Прежде всего, постоянное обращение к стилистической фигуре

лексического повтора, служащего не только средством усиления выразительности, но и необходимым звеном в создании ритма, усиливающее эмоциональное воздействие на читателя. Примеры бесконечны. Приведем несколько: *дул-дул, шептал-шептал, юлила-юлила, всё-всё-всё, всегда-всегда, тут-тут-тут* и многие др. По фольклорному образцу *путь-дорога* тексты Некрасовой также изобилуют примерами: *позвонить-написать, ходил-бродил, жгло-пожевывало* и пр. Кроме того, писательница использует готовые фольклорные формулы – фразеологизмы, например, «...*схватил своими щупальцами Катин дневник и был таков*» [Некрасова, 2024, с. 37], присказки, прибаутки, песенки, заговоры, обращается и к другим фольклорным жанрам, но это является материалом другого исследования.

Анализируя тексты Е. Некрасовой, можно, и для этого существуют веские основания, порассуждать и об орнаментальной прозе, и о прозе ритмической. Любопытно в этой связи заметить, как писательница виртуозно использует звукопись. Фонетические созвучия, игра слов, ассонансы и аллитерации – все можно найти и услышать в прозе Евгении Некрасовой. Трудно удержаться от цитирования: «...*обсуждал аранжировки. Оранжереил свою коллекцию...*» [Некрасова, 2019, с. 123]; «*Старуха жила долго, старуха жила долгом...*» [Некрасова, 2019, с. 130]; *Ангелина и ангел* [Некрасова, 2019, с. 130].

Невозможно не привести хотя бы пару цитат, подтверждающих, что Некрасову можно считать последовательницей Андрея Платонова: «*Набивались усталыми судьбами...*» [Некрасова, 2019, с. 245], в рейсовый автобус после работы в небольшом среднерусском городке; «*Серо-прозрачные лица людей, не счастливые, а никогда не знавшие, как подвинуть мышцами кожу для того, чтобы выразить собой счастье*» [Некрасова, 2019, с. 249].

Рамки статьи не позволяют продолжить аргументацию, заставляя остановиться, но полагаем, что изложенного достаточно, чтобы констатировать появление талантливого автора, смелого экспериментатора в изобретении нового языка, в том числе, в создании неологизмов на основе имеющихся в языке грамматических конструкций.

Литература

Кобеляцкая М. «Классно быть писателем в России – про все не написано». Евгения Некрасова – о «Калечине-Малечине», повседневной бездне и счастливом человеке. URL: <https://www.pravmir.ru/klassno-byt-pisatelem-v-rossii-pro-vse-ne-napisano-evgeniya-nekrasova-o-kalechine-malechine-povsednevnoj-bezdne-i-schastlivom-cheloveke>.

Лицей 2017. Первый выпуск / предисл. Янг Сока, В. Григорьева, П. Басинского. М. : Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017.

Некрасова Е. И. Домовая любовь. М. : АСТ : Ред. Елены Шубиной, 2023.

Некрасова Е. И. Золотинка: Рассказы и поэмы о женщинах, медведях и магических существах. М. : АСТ : Ред. Елены Шубиной, 2023.

Некрасова Е. И. Калечина-Малечина: роман. М. : АСТ : Ред. Елены Шубиной, 2024.

Некрасова Е. И. Сестромам. О тех, кто будет маяться. М. : АСТ : Ред. Елены Шубиной, 2019.

Некрасова Е. Сила мечты // Без очереди. Сцены советской жизни в рассказах современных писателей. М. : АСТ, 2021. С. 451–464.

Осипова О. И. Магический реализм сквозь призму художественного конфликта // Научный диалог. 2020. № 11. С. 254–268.

Поддубнова Ю. Катя катится-колошматится // Октябрь. 2018. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2018/10/katya-katitsya-koloshmaticsya.html>.

Пучкова А. В. Магический реализм в сборнике Евгении Некрасовой «Сестромам» как способ осмысления бытовой действительности // Архивариус. 2021. № 6 (60).

Сафронова Е. Кикимора и учительницезавр. Травля в школе как источник вдохновения // Учительская газета. 2018. 18 сент. (№ 38). URL: <https://ug.ru/kikimora-i-uchitelniczezavrtavlya-v-shkole-kak-istochnik-vdohnoveniya>.

N. D. Strelnikova, Candidate of Philology (St. Petersburg)

WORD-FORMATION MODELS IN THE PROSE OF EVGENIA NEKRASOVA

Abstract. The article examines the texts of the modern Russian writer Evgenia Nekrasova from a linguistic point of view. The unique author's style is based on a combination of using the potential resources of the Russian language and appealing to the genre features of Russian folklore. Based on well-known grammatical models, the author invents neologisms that make it possible to achieve compression in the transmission of information. The author's vivid language makes it possible to adequately describe modern reality and reflect the current problems of the time. Using numerous examples from Nekrasova's texts, techniques and methods of creating new words are revealed due to the possibilities of word formation, among which the most promising are prefix, suffixless, suffixing methods, the transition from one part of speech to another, the use of periphrases, lexicogrammatical repetitions, language play, etc. Experimental prose is timely and opens up new opportunities to capture the transitional language of the 21st century.

Keywords: modern Russian prose, Nekrasova, neologisms, language play, word formation, folklore.

О. В. Трофимова, доктор филологических наук, профессор

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Ю. С. Фитина, аспирантка

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЧУЖОЙ РЕЧИ В РОМАНЕ А. Г. БИТОВА «ПУШКИНСКИЙ ДОМ»

Аннотация. В статье предлагается краткий анализ творчества А. Г. Битова отечественными и зарубежными исследователями, описываются синтаксические формы чужой речи в художественном произведении, которые используются А. Г. Битовым в его романе «Пушкинский дом», выявляются наиболее распространенные способы передачи чужой речи (прямая, косвенная, несобственно-прямая), их формально-грамматические особенности и функции в тексте, также отмечается множественность субъектов речи в романе, что является характерной чертой постмодернистской прозы в целом и романа А. Г. Битова «Пушкинский дом» в частности, выдвигается предположение о восприятии читателем текста романа, основанное на анализе вышеперечисленных факторов.

Ключевые слова: чужая речь, синтаксис, прямая речь, косвенная речь, несобственно-прямая речь.

Чужая речь в художественном произведении – сложный текстовый феномен, в лингвистическом отношении связанный, в частности, с разнообразием оформляющих ее синтаксических структур, которые зависят от коммуникативных интенций автора. Чужая речь – объект исследования М. М. Бахтина, Л. А. Соколовой, В. Шмидта и мн. др. Так, М. М. Бахтин рассматривал чужую речь через призму концепции диалога. По его мнению, чужое высказывание способствует кристаллизации своего – в качестве ответной реплики другому и / или себе как другому [Бахтин, 1963]. Л. А. Соколова изучала речь автора персонажа, речь несобственно-авторскую в литературоведческом аспекте [цит. по: Зорина, 2011], Г. М. Чумаков, в монографии «Синтаксис конструкций с чужой речью», исследуя чужую речь как системное явление, выделял пять типов чужой речи: прямую, косвенную, тематическую, несобственно-прямую и свободную прямую [Чумаков, 1975]. В «Русской грамматике», где выделяется три традиционных способа передачи чужой речи: прямая, косвенная и несобственно-прямая – описание чужой речи предваряется положением: «Сам факт воспроизведения чужой речи предполагает наличие авторского плана, т. е. плана говорящего лица (рассказчика, автора), на фоне которого чужая речь только и может быть выделена» [Русская грамматика, 1980].

По мнению исследователей, особый интерес представляет рассмотрение способов передачи чужой речи на материале текстов литературы постмодернизма. О том, что синтаксис постмодернистской прозы представляет особый интерес, пишут и культурологи: «Обновление языка в модернистской прозе происходит прежде всего за счет обновления и работы над син-

таксическими конструкциями; не над словом, а над предложением. Это стиль потока сознания, который одновременно является и усложнением, и обеднением синтаксиса...» [Руднев, 1999, с. 241]. Переключение субъектных речевых планов в тексте может иметь грамматические, лексические, пунктуационные показатели и / или быть маркировано сменой точки зрения на идеологическом уровне. Показатели разных уровней могут быть по-разному вербализованы в тексте, но могут и отсутствовать.

Одним из ярких примеров постмодернистских произведений считается роман А. Г. Битова «Пушкинский дом» [Битов, 1963]. По словам А. О. Абагановой, «Пушкинский дом» можно назвать «основной книгой А. Битова потому, что это первое крупное эпическое произведение, в котором намечается новое постмодернистское художественное видение мира» [Абаганова, 2013, с. 111]. М. Ж. Нуридинова, характеризуя особенности романа, говорит: «В текст “Пушкинского дома” активно включаются ассоциации и цитаты из русской литературы XIX и XX вв. Они существуют наравне с авторским текстом. Цитаты в романе представляют русскую культуру от Пушкина до Блока и Бахтина. Автор-рассказчик в тексте часто заменяется, а иногда и просто заменяется на другие голоса. Текст становится интертекстом. Писатель использует в романе много эпиграфов, имен из русских классиков. Но всегда со смещением акцентов или прямо пародийно» [Нуридинова, 2022, с. 35].

В романе «Пушкинский дом» на формально-грамматическом уровне представлены три традиционно выделяемые синтаксические формы чужой речи.

1. Прямая речь (ПР) в структуре бессоюзного сложного предложения. Это может быть как внешняя речь, и автор в этом случае выступает как рассказчик, например: «Радостный такой и возбужденный, Лева машет ей руками и кричит: “Фаина! Эй, Фаина!”» (с. 135), – так и речь внутренняя, доступная для читательского восприятия именно благодаря авторскому «знанию» о состоянии персонажа, однако о наличии внешних признаков эмоционального состояния героя, видимых и повествователю, свидетельствуют ремарки «авторской речи». Приведем два примера: «“Уже четырнадцать лет!” – *растрогался* Лева» (с. 133); «“Неужели она... от меня?.. – *с ужасом подумал* Лева. – Боже, как страшно. Когда?..”» (с. 136). Подобные конструкции, характерные для романа, перемежаются с теми, которые вводятся авторскими ремарками, включающими косвенную речь: «“На каком пальце ты его носишь?” – *спросил* Лева, вдруг *собразив*, что этого-то он *не помнит...*» (с. 101).

2. Косвенная речь (КР) в виде изъяснительной части сложноподчиненного предложения (одна из последних работ на тему [Ванько, 2015]): авторский план, существуя отдельно от плана чужой внешней речи, в то же время синтаксически подчиняет себе последний, как правило, лексемами с семантикой говорения, например: «Он *рассказал*, что в институте бывали случаи, когда студенты не выдерживали и уходили, и что атмосфера была

напряженной» (с. 201); «Фаине, в общем сильно его жалевшей, сказал, что не может никого видеть и хочет остаться один» (с. 106).

Приведенные примеры интересны тем, что конструкцией косвенной речи передается не только диктумная, тематическая основа цитируемой чужой прямой речи, но и модусная ее составляющая, связанная с передачей внутрисинтаксической модальности (*не выдерживали, не может, хочет*), оценочности (*напряженной, сильно жалевшей*), которая обычно выражается в формате несобственно-прямой речи.

3. Несобственно-прямая речь (НПР): авторский план «слит» с планом чужой речи. Не имеющая типизированной синтаксической формы, эта чужая речь, включенная в авторское повествование, ведется от лица автора, или рассказчика, но не от лица персонажа, хотя передает его речь с присущими ей особенностями и при этом не выделяется на фоне авторской речи. В романе такая речь частотна и представлена разными грамматическими формами, в частности: «А то, что вестей от деда не было, – тоже могло быть как угодно плохо, но уже не для деда – а для них: *мало ли, как он там и что он там...*». Пример интересен тем, что в нем присутствуют также КР, вводимая союзом *что*, и авторские оценочные комментарии, маркируемые сменой синтаксического лица (*для них*).

В романе НПР присутствует также в «классической», открытой, экспрессивной форме, например, как эмоционально окрашенные или вопросительные постпозитивные части бессоюзных предложений: «Лева чуть не плакал: *что сделали с человеком!* Но сдержался, заговорил о другом, сильно издалека» (с. 46); «Отец – это и было само время. *Отец, папа, культ – какие еще есть синонимы?..*» (с. 30).

В конструкциях этого типа в тексте граница между авторской речью и НПР выражена знаками препинания. Повествователь принимает на себя функции всезнающего автора и в формате речи косвенной выражает субъективную (персонажа) оценку происходящего: «Лева представил себе, войдя в образ, как *тошно и унижительно* было дяде Мите от самого себя, когда он сейчас врал, что спешит (*впервые!* – как же он перепугался, бедняга...), когда он избегал Левиного взгляда и лепетал что-то...» (с. 29).

Автор в маске повествователя (хотя этот аспект требует дополнительных исследований, но пока условно остановимся на таком выражении). Напомним, что в структуре романа есть отдельные напечатанные курсивом главы – от самого автора А. Г. Битова) играет большую роль в романе «Пушкинский дом» и часто становится свидетелем или даже участником событий. Через его речь не только передаются оценочные суждения, но и посредством вставных конструкций раскрываются значимые для понимания главного героя Левы, но скрытые от внешнего наблюдателя знания и предположения (восприятие которых требует читательских пресуппозиций, общих с авторскими), в частности: «В младенчестве, правда (*Лева был зачат в “роковом” году*), случились с ним...» (с. 10).

Вставные конструкции типа «Он внимательно (Леве почудилась “доброта”) взглянул на вошедших» (с. 34) – еще один из синтаксических способов, посредством которых «перекидывается мостик» к чужой (чаще внутренней) речи, но изучение их наполнения и функционирования является важным аспектом продолжения исследования.

В структуре романа А. Битова «Пушкинский дом» значимо не только сопоставление разных речевых планов повествователя – повествование ведется главным героем от 1-го лица (герой показан сквозь призму взгляда на самого себя) или анонимным рассказчиком от 3-го лица, но и непersonифицированное (авторское?) *мы*, функционирующее как во фрагментах «(*Курсив мой. – А. Б.*)», так и в речи повествователя. В случае последнего в текст включаются также внутренние монологи главного героя в формате несобственно-прямой речи. Такая множественность субъектов речи в романе усложняет его синтаксическую структуру и провоцирует либо возрастающий интерес читателя к разгадке текста, в частности принадлежности текстового фрагмента определенному субъекту речи, либо читательскую «усталость» от перемежающихся речевых планов произведения и отказ от дальнейшего трудного чтения.

Литература

Абаганова А. О. Модест Одоевцев герой-знак романа А. Битова «Пушкинский дом» // Язык и культура. 2013. № 6. С. 111–116.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Сов. писатель, 1963.

Битов А. Г. Пушкинский дом. М., 1964.

Ванько Т. Р. Учет специфики авторской речи при изучении функционирования синтаксических единиц // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 28 (739). С. 120–127.

Зорина Е. С. Чужая речь и речь автора в современном художественном тексте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2011. № 4. С. 134–139.

Нуридинова М. Ж. Постмодернистичность романа А. Битова «Пушкинский дом» // Ученый XXI века. 2022. № 2 (83). С. 34–37.

Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М. : Аграф, 1999.

Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. Синтаксис. М. : Наука, 1980.

Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев : Вища школа, 1975.

O. V. Trofimova, Doctor of Philology, Professor (Tyumen)

Y. S. Fitina, postgraduate student (Tyumen)

SYNTACTIC FORMS OF INTRODUCING REPORTED SPEECH IN A. G. BITOV'S NOVEL "PUSHKIN HOUSE"

Abstract. The article offers a brief analysis of A. G. Bitov's work by domestic and foreign researchers, describes the syntactic forms of reported speech, which are used by A. G. Bitov in his novel "Pushkin's House", reveals the most common ways of transmitting reported speech (direct, indirect, free indirect speech), their formal-grammatical features and functions in the text, also noted the plurality of subjects of speech in the novel, which is a specific feature of postmodernist prose in general and the novel by A. G. Bitov "Pushkin's House" in particular, gives a suggestion about the reader's perception of the novel's text based on the analysis of the previous information.

Keywords: syntax, reported speech, direct speech, indirect speech, free indirect speech.

Л. Л. Шестакова, доктор филологических наук, доцент
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва

А. С. Кулева, кандидат филологических наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ В СВОДНОМ СЛОВАРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Рассматриваются вопросы грамматического описания лексики в сводном «Словаре языка русской поэзии XX века». Словарь основан на материале произведений десяти выдающихся поэтов Серебряного века (И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, М. Кузмина, В. Хлебникова и др.), представляет собой конкорданс комментирующего типа. Жанровая специфика Словаря определяет его нацеленность на фиксацию не стандартных грамматических проявлений лексем, а тех грамматических особенностей, которые обнаруживаются в словоупотреблении выбранных поэтов. В качестве основных маркеров таких особенностей выступают в Словаре пометы, соотносимые с разными грамматическими категориями. Примеры словарных статей демонстрируют в исследовании состав таких помет, способы их подачи и др. Особое внимание уделено частотной в Словаре помете *субст.*, отражающей распространенность явления субстантивации в поэтическом языке Серебряного века.

Ключевые слова: авторская лексикография, поэтическая грамматика, комментирующий конкорданс, словник, словарная статья, грамматическая помета.

Вопрос о введении грамматической информации и использовании соответствующих помет решается составителями авторских словарей по-разному. Объем и характер грамматических сведений в таком словаре зависят от его типа и жанра, основной целеустановки, адресата и др. факторов [Шестакова, 2011]. Объяснительные авторские словари (толковые, глоссарии) по своему грамматическому аппарату приближаются к общезыковым объяснительным словарям, регистрирующие словари и справочники (авторские частотные словари, словоуказатели, конкордансы) в своем традиционном виде не предполагают грамматической составляющей. Промежуточное положение занимают словари, сочетающие в себе черты авторских словарей разных жанров (или словари смешанных жанров). В них грамматическая информация рассматривается обычно не как обязательное сопровождение каждого описываемого слова, а как часть дополнительных сведений, важных для правильного восприятия отдельной единицы в авторском употреблении.

Сводный многотомный «Словарь языка русской поэзии XX века» [СЯРП] создается в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Идея Словаря принадлежит В. П. Григорьеву, известному специалисту по творчеству Велимира Хлебникова, одному из создателей поэтической лексикографии как частного направления авторской лексикографии.

СЯРП – это словарь поэтического языка конкретной эпохи. В его основе лежит «свод» произведений десяти авторов – крупнейших русских поэтов, творивших преимущественно в эпоху Серебряного века: Аннен-

ского (в Словаре и здесь в примерах – Анн), Ахматовой (Ахм), Блока (АБ), Есенина (Ес), Кузмина (Куз), Мандельштама (ОМ), Маяковского (М), Пастернака (П), Хлебникова (Хл) и Цветаевой (Цв). В Словаре представлена вся лексика, встретившаяся в выбранных источниках. Это отражает не только лексико-семантическую полноту поэтического языка эпохи, но и его грамматическое разнообразие.

СЯРП является авторским словарем смешанного жанра, определяемым как комментирующий конкорданс: при его общей конкордансной основе в словарные статьи вводятся при необходимости комментарии собственно лингвистического, а также энциклопедического, историко-культурного характера. Словарь, таким образом, не ставит перед собой задачи полного, многостороннего описания (включая полное грамматическое) каждой заголовочной единицы. Он нацелен на другое – на фиксацию, пояснение тех особенностей в употреблении слова (в том числе отклонений от стандарта), которые обнаруживаются в текстах выбранных поэтов и на которые целесообразно обратить внимание читателя. Причем иногда речь может идти не об особенностях, а о необходимости разграничить сходные явления. Сказанное в большой степени касается грамматической характеристики лексики в Словаре и, соответственно, выбора для этого грамматических помет.

Поскольку в СЯРП грамматические пометы используются избирательно (берутся те, которые необходимы в конкретных случаях), общий список грамматических помет отличается от некоего теоретически полного списка. Эти пометы вводятся в факультативные зоны статьи: преимущественно в многофункциональную зону значения, следующую за заголовочным словом и относящуюся непосредственно к нему, но могут также заполнять зону комментариев к отдельным контекстам.

Приведем примеры словарных статей с разными способами подачи грамматической информации (здесь и далее объемные статьи даются в сокращении):

ХВОЯ [хво́я и разг. хвой; *тж. мн. хво́и*] ...

ХОЛОДНО [*тж. в знач. сказ.; см. тж. ХЛАДНО*] ...

ХОЛОДНЫЙ [*ж. тв. ед. холо́дной и холо́дною; ... см. тж. ХЛАДНЫЙ*] ...

ХОЛОП [*устар.; тж. презр.; род. мн. холо́пей П915*] В дверях, над Невой, на часах, гайдуками, Века пожирая, стояли Шпалеры бессонниц в горячечном гаме Рубанков, снастей и пицалей. // И знали: не будет приема. Ни мамок, Ни дядек, ни бар, ни холопей. Пока у него на чертежный подрамок Надеты таежные топи. [*здесь: род. мн.; устар.*] П915 (I,68); ...

ХРАНЕНЬЕ [*только: дат. мн. хране́ням*] ... И, раменье убрав огнем осенним И пламенем – брусы оконных рам, Закат бросался к полкам и храненьям И как бы убывал по номерам. П925-31 (I,368)

ХРУПТ [*прост.; суш. от глг. хруптеть* (есть, раскусывая или разгрызая что-л. с хрустом)] ... Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба И с хруптом мысленно кусаю огурцы, За ровной гладью вздрогнувшее небо Выводит облако из стойла под уздцы. *Ес916 (I,224)*

ЦАРЬ [*ц. и Ц.; тж в назв.; зват. Царю Ес917; тж тот, кто безраздельно владеет чем-л.; тот, кто является первым, лучшим; тж в сочет.: всея Руси ц.; тж в сочет.: Ц. Небесный (Бог), Ц. Иудейский (Иисус Христос), Ц. Щедрот (о царе Соломоне) ...*]

СЯРП включает в себя разные типы заголовочных единиц, причем в самостоятельные словарные статьи выносятся не только омонимы, но и отдельные грамматические формы: краткие формы прилагательных, прилагательные в простой сравнительной и превосходной степени; причастия полные и краткие; деепричастия; в отдельных статьях, как правило, описываются субстантивированные формы, а также отмечаемые в произведениях словоформы окказионального характера. Такой подход основан на представлении о большей самостоятельности некоторых грамматических форм слов в художественном языке (особенно в поэтическом) по сравнению с общелитературным (см. [Григорьев, 1965, с. 78]). Ср. статьи:

РАЗИНЯ [*суш.; разг.*] «Дайте нам новые формы!» – / несется вопль по вещам. / Нет дураков, / ждя, что выйдет из уст его, / стоять перед «маэстрами» толпой разинь. / Товарищи, / дайте новое искусство – / такое, / чтобы выволочь республику из грязи. *М921 (95);* И вот идет подвыпивший р.. Кабак как в половодье унесло. По лбу его, как по галош резине, Проволоклось раздолий помело. *П925-31 (I,340)*

РАЗИНЯ [*деепр.; разг.*] И, долбя и колупая Лыдины старого пласта, Спит и ломом бьет по сини, Рты колоколов р., Размечтавшийся в уныньи Звон великого поста. *П926-27 (I,330);* Уступами террас Из выющихся глициний Я мерил ваш рассказ И слушал, рот р.. *П936 (II,16.2)*

УЖЕ [*сравн. ст. прил. УЗКИЙ*] ...

УЖЕ [*нареч. и част.; см. тж УЖ, УЖЬ*] ...

УМАЛЕННЫЙ [*прич. от умалить (устар. уменьшить)*] Пастбищем миль умаленный, Ты закрываешь глаза: Как штиль плодоносен! Как наливается тишь! Гнется в плодах спелый залив, Олово с солью! *П917 (I,517.2)*

ХВАТОК [*кр. ф. прил. хваткий; разг.*] В чернобылье перелесиц С кистенем засяду я. // У реки под косогором Не бросай, рыбак, блесну, По дороге темным бором Не считай, купец, казну! // Руки цепки, руки хватки, Не за зря зовусь ухват: Загребу парчу и кадки, Золотой сниму халат. *НАР Ес917 (I,299)*

ХЛЯБАЯ [*прост.; деепр. от хлябать (шататься, болтаться)*] О, человек, забудь смирение! Туда, где, старой осью х., Чуть поборая маслом трение И мертвых точек перебой, – Одно, одно! – созвездье слабое В волненьи борется с судьбой ... *Хл911-13 (439).*

Одна из востребованных помет в СЯРП – это помета *субст.* За использованием этой пометы стоит одна из важных целей Словаря – фиксация субстантивированных единиц.

Материал СЯРП, представляющий, кроме прочих литературных направлений, и русский символизм, подтверждает мнение о распространенности явления субстантивации в поэтическом языке Серебряного века. В то же время он обнаруживает не только весьма значительный массив субстантивированных единиц, но и их разнообразие по типу мотивирующих слов (обычно исследователи говорят о субстантивированных прилагательных), наличие таких единиц в разном объеме у разных поэтов. По нашим наблюдениям, здесь, кроме Блока, выделяются Маяковский, Цветаева, Кузмин, хотя в употреблении отдельных слов на первый план могут выдвигаться другие авторы (например, в статье к субstantиву *спасибо* представлены три примера из Хлебникова, по два – из Цветаевой и Пастернака).

В основном задача маркирования субstantивов решается путем введения помет в зону значения. В соотносимых словарных статьях это, как правило, парные пометы, например, *прил. / субст. прил., прич. / субст. прич., нареч./субст. нареч.:*

ПЕШИЙ [*прил.*] – **ПЕШИЙ** [*субст. прил.*]

РАТНЫЙ [*прил.*] – **РАТНЫЙ** [*субст. прил.*]

ПИШУЩИЙ [*прич.*] – **ПИШУЩИЙ** [*субст. прич.*]

СЕГОДНЯ [*нареч.*] – **СЕГОДНЯ** [*субст. нареч.*].

Наречные примеры интересны тем, что идентификации субstantивов служат нередко стоящие при них определения, ср.:

ПРЕЖДЕ [*нареч.; тж в сочет.: п. всего, п. чем (союз)*] ...

ПРЕЖДЕ [«п.»; *субст. нареч.*] Граждане! / Сегодня рушится тысячелетнее «Прежде». / Сегодня пересматривается миров основа. / Сегодня / до последней пуговицы в одежде / жизнь переделаем снова. М917 (65)

РЯДОМ [*нареч.; тж р. с кем-, чем-л. в знач. предлога*] ...

РЯДОМ [*субст. нареч.*] Последняя дружба, Последнее рядом, Грудь с грудью... // – В последнюю оторопь взгляда Рай вбросившая, // Под фатой песнопенной... [обращ. к Н. А. Нолле-Коган] Цв921 (II,72.2).

Поэтический язык дает обширный материал для анализа словоупотребления конкретной эпохи, в том числе в сопоставлении с нормой. Важно, что именно художественная речь нередко оказывается своего рода «резервуаром», сохраняющим различные грамматические реликты или потенциальные возможности, позволяющие более полно рассматривать грамматическую систему языка в ее динамике [Плунгян, 2011]. Следует отметить также, что важным этапом работы над словарем поэтического языка на данном этапе выступает корпусный анализ. Обращение к данным Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru] (прежде всего к данным поэтического подкорпуса в сопоставлении с основным) позволяет более объективно оценивать поэтическое словоупотребление, его ча-

стотность или уникальность, специфику и динамику функционирования, что дает возможность более точно оформлять грамматические сведения, включаемые в словарную статью. Такая информация может представлять собой и результат специального филологического исследования, и отправную точку для дальнейших разысканий.

Таким образом, грамматическая составляющая сводного словаря поэтического языка может представлять интерес как в практическом, так и в теоретическом аспекте.

Литература

Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии. Проспект. Образцы словарных статей. М. : Наука, 1965.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М. : РГГУ, 2011.

СЯРП: Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1–9 / сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.), В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева М. : Языки славян. культуры, 2001–2022.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М. : Языки славянских культур, 2011.

L. L. Shestakova, Doctor of Philology, Associate Professor (Moscow)

A. S. Kuleva, Candidate of Philology (Moscow)

GRAMMATICAL CHARACTERISTICS OF VOCABULARY IN THE COMPOSITE DICTIONARY OF THE POETIC LANGUAGE

Abstract. The article considers the issues of grammatical description of vocabulary in the composite “Dictionary of the language of Russian poetry (20th century)”. The dictionary is based on the works of ten outstanding poets of the Silver Age (I. Annensky, A. Akhmatova, A. Blok, M. Kuzmin, V. Khlebnikov, and others), and is a commenting concordance. The genre specificity of the dictionary determines its focus on fixing not the standard grammatical manifestations of lexemes, but those grammatical features that are found in the usage of the selected poets. The main markers of such features in the dictionary are labels related to different grammatical categories. The examples of dictionary entries given in the article demonstrate the composition of such labels, the ways they are presented, etc. Special attention is paid to the label “subst.”, reflecting the prevalence of the phenomenon of substantiation in the poetic language of the Silver Age.

Keywords: author lexicography, poetic grammar, commenting concordance, vocabulary, dictionary entry, grammar label.

**«МАЛЕНЬКИЕ СЛОВА»
НА СЛУЖБЕ У ГРАММАТИКИ**

Н. А. Аксарина, кандидат филологических наук, доцент

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Л. В. Басова, кандидат филологических наук, доцент

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

**СЕМАНТИЗАЦИЯ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПРЕДЛОГА В АСПЕКТЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XX–XXI ВЕКОВ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности грамматического обособления, семантики и функционирования предлога *в аспекте*. Сравнительно недавнее, согласно данным Национального корпуса русского языка (с 1908 г.), обособление единицы *в аспекте* в предложной функции, низкая частотность, несистемность фиксации в словарях и расхождения в дефинициях свидетельствуют о том, что ее семантическое развитие только начинается. Наследуя большинство сем мотивирующего имени, предлог *в аспекте* вступает в широкие синонимические отношения с различными предлогами – как производными, так и первообразными – и, как показывают примеры его употребления в Национальном корпусе русского языка, обнаруживает потенциал полисеманта.

Ключевые слова: отыменный предлог, производный предлог, семантический потенциал, полисемант, гипосемантизация.

Последние десятилетия в лингвистике наблюдается активное исследование предложных единиц [Всеволодова, 2011; Комарова, 2015; Куныгина, 2012; Шиганова, 2001 и др.]. Очевидно, что в современном русском языке увеличивается их количество [Виноградова, 2017]. Единицы этого класса находятся в разной степени грамматикализации [Виноградова, 2016; Шереметьева, 2011]. Толковые словари и словари служебных слов отнюдь не всегда объективно отражают их лексический и грамматический потенциал [Виноградова, Клобукова, 2022]. На наш взгляд, необходимо изучение как функционально-грамматического, так и семантического потенциала этих слов.

Отыменный предлог *в аспекте* на сегодняшний день не подвергается комплексному лингвистическому исследованию, однако, будучи одной из самых «молодых» и неопределенных в грамматическом и лексико-

семантическом отношении предложных единиц современного русского языка, представляет собой интересный объект изучения.

Единица *в аспекте* в предложной функции фиксируется словарями только с конца XX в., причем несистемно. Так, в толковых словарях XX–XXI вв. в словарной статье существительного *аспект* единица *в аспекте* в функции предлога представлена в следующих источниках:

1) в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой:

АСПЕКТ-а, м. (*книжн.*). Точка зрения, взгляд на что-н. $\diamond$ **В аспекте** чего, в зн. предлога с род. п. – то же, что в свете чего. *В аспекте новых данных.* <...> [Толковый словарь русского языка, 1999, с. 37];

2) в «Большом словаре русского языка» С. А. Кузнецова:

АСПЕКТ, -а; м. *чего и с опр. Книжн.* Та или иная сторона предмета, явления, понятия; точка зрения, взгляд на что-л. *Рассмотреть законопроект в двух аспектах: экономической и политической жизни. Разнообразные аспекты творчества писателя. Гносеологические и социальные аспекты изучения языка.* $\triangleleft$ **В аспекте** чего, в зн. предлога. В соответствии с чем-л., с точки зрения чего-л. *Пересмотреть решение в аспекте новых данных.* <...> [Большой словарь русского языка, 2000, с. 49].

Такие академические лексикографические источники, как «Словарь современного русского литературного языка» в 17 т. (Т. 1, 1948), «Словарь русского языка» в 4 т. под ред. А. П. Евгеньевой (Т. 1, 1985), «Современный толковый словарь русского языка» в 3 т. Т. Ф. Ефремовой (2006) предложной функции единицы *в аспекте* не отражают. В то же время пример, иллюстрирующий значение 1 существительного *аспект* в первом источнике, соответствует примерам предложного употребления единицы *в аспекте* в словарях С. И. Ожегова и С. А. Кузнецова – ср.:

Аспект, а, м. 1. Особая точка зрения, с которой освещаются факты, явления, вопросы и т. п. *Вы можете продолжать, если согласитесь свою идею изложить в аспекте гносеологии, то есть науки о границах познания.* Пришвин, Кашеева цепь <...>. 2. *Устар. Астрон.* Положение планет, созвездий в отношении к солнцу или друг другу (с точки зрения наблюдателя) [Т. 1, ст. 204].

Из современных словарей служебной лексики русского языка предлог *в аспекте* фиксируется только в «Словаре наречий и служебных слов русского языка» В. В. Бурцевой [Словарь наречий и служебных слов русского языка, 2000] и описывается через частичные синонимы:

В аспекте чего, предлог с род. п. В соответствии с чем-н., с точки зрения чего-н. *В аспекте новых данных нужно пересмотреть наши решения* [с. 53].

В «Толковом словаре сочетаний, эквивалентных слову» Р. П. Рогожниковой [Рогожникова, 2003] и в «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т. Ф. Ефремовой [Ефремова, 2001] и др. предлог *в аспекте* не описывается.

Таким образом, в немногих лексикографических источниках, отражающих предлог *в аспекте*, он описывается как однозначный предлог родительного падежа, синонимические дефиниции которого, несмотря на практически абсолютное сходство иллюстрирующих примеров (*пересмотреть в аспекте новых данных*), все же различаются: как ближайшие синонимы предлога *в аспекте* в одних источниках указаны предлоги *с точки зрения* и *в соответствии с*, а в других – предлог *в свете*, толкования которых в тех же источниках не идентичны.

В то же время анализ примеров употребления этого предлога в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorpora.ru] (основной подкорпус, 164 текста) позволяет заключить, что 1) из 281 примера реализации единицы *в аспекте* 214 отражают ее в предложной функции, 2) синонимические связи и, следовательно, семантическое варьирование предлога *в аспекте* в речевой практике значительно разнообразнее того, что представлено в лексикографических источниках.

Первый случай предложного употребления *в аспекте* относится лишь к 1908 г. (все более ранние употребления – с 1830 г. – явно именные):

Блестящим молодым ученым он приезжал к Маше; его книга «Мир в аспекте трагической красоты» сильно шумела; в ней через край была напряженно-радостная любовь к жизни (В. В. Вересаев. К жизни).

В приведенном контексте предложная единица *в аспекте* выражает отношения между двумя объектами – предлог вводит правый компонент имя (отвлеченное существительное в Р. п. *красоты*) в словосочетание в качестве управляемого слова. Левый компонент (слово *мир*) находится в постпозиции по отношению к предложно-падежному комплексу. В данном примере предлог *в аспекте* выражает одно из своих основных грамматических значений – объектное. В данном случае предлог *в аспекте* используется для указания на черту, особенность, выделяемую говорящим, на способ восприятия, точку зрения, аспект рассмотрения, освоения, понимания чего-либо и семантически сближается с предлогом *с точки зрения*. При этом в контексте особо актуализируются унаследованные от основного значения мотивирующего существительного *аспект* семы «точка зрения на что-либо», «взгляд на что-либо» в экспликации и семы «способ восприятия» и «особое, отличное от другого» в импlications.

Наследуя значительное количество сем мотивирующего имени, предлог *в аспекте* вступает в отношения частичной синонимии с обширным кругом других производных предложных единиц: *с точки зрения*, *со стороны*, *с позиции*, *в свете*, *в качестве*, *в отношении к*, *с учетом*, *в соответствии с*, *посредством*, *в условиях*. Этим определяется разнообразие и неустойчивость, неполная оформленность его семантических функций. Представим их в таблице с опорой на примеры НКРЯ – в порядке уменьшения частоты реализаций (таб.).

Таблица

Семантические функции предлога *в аспекте*

Семантическая функция	Частичные синонимы	Пример употребления	Актуализированные семы мотивирующего существительного
Указание на черту, особенность, выделяемую говорящим, на способ восприятия, точку зрения, аспект рассмотрения, освоения, понимания чего-либо	<i>С точки зрения, с позиции, со стороны</i>	Рассмотрение литературной речи в аспекте социально-локальной окрашенности показало, что речь носителей литературного языка в его устной форме находится в различных отношениях с литературной языковой нормой и вне-литературными (например, областными) речевыми средствами, обнаруживая зависимость от целого ряда территориальных и социальных факторов [НКРЯ].	«точка зрения на что-либо», «взгляд на что-либо» (экспл.), «способ восприятия» и «особое, отличное от другого» (импл.)
Указание на факт, обстоятельство или условие, в соответствии с которым происходит, осуществляется что-либо	<i>В соответствии с</i>	Более того, трудовая дискриминация может быть квалифицирована и в аспекте ст. 136 УК РФ – нарушения равноправия граждан [НКРЯ].	«сторона чего-либо», «связь с чем-либо», «факт», «явление» (экспл.), «обстоятельства, условия чего-либо» (импл.)
Указание на факт, обстоятельство или условие, с учетом которого, принимая во внимание которое происходит, осуществляется что-либо	<i>С учетом, в свете</i>	Любопытно проследить вплотную историческую волю народа, тем паче любопытную в аспекте людоедства и заката Европейской культуры [НКРЯ].	«факт», «явление», «связь с чем-либо» (экспл.), «обстоятельства, условия чего-либо» (импл.)
Указание на то, что имеет отношение к чему-либо, касается чего-либо	<i>В отношении, относительно</i>	Но в аспекте эволюционной биологии Ю. Чайковский с ним не согласен, и по этому вопросу еж на его (Чайковского) стороне [НКРЯ].	«связь с чем-либо» (экспл.), «положение относительно чего-либо», «отношение к чему-либо» (импл.)
Указание на функцию, роль кого- или чего-либо	<i>В качестве</i>	И Творец мира воспринимается в аспекте великого художника [НКРЯ].	«свойство, качество», «функция, назначение» (импл.)
Указание на форму проявления, реализации чего-либо	<i>В виде</i>	И в отце выступали черты математика; но страшными они не казались мне; общественное мнение нашей квартиры производило быструю дезинфекцию, под действием которой все истинно математическое выступало в аспекте чудачества; было раз навсегда установлено [НКРЯ].	«свойство, качество», «форма проявления» (импл.)

Семантическая функция	Частичные синонимы	Пример употребления	Актуализированные семы мотивирующего существительного
Указание на способ или средство осуществления действия	<i>Посредством, через</i>	Поскольку в произведении все без остатка существует только для того, чтобы выражать идеи, отражать жизнь в аспекте идеи, в нем просто нечего изучать, усваивать и т. п. отдельно от идей, т. е. истолкования [НКРЯ].	«способ действия» (экспл.), «направление» (импл.)

Кроме того, обнаруживается значительное количество примеров, допускающих неединственное толкование значения предлога *в аспекте* – например,

Как бесплоден становится этот протест в аспекте исторического беспристрастия! [НКРЯ] (контекст позволяет усмотреть здесь как семантику указания как на черту, особенность, выделяемую говорящим, на способ восприятия, точку зрения, так и на факт, обстоятельство или условие, с учетом которого, принимая во внимание которое происходит, осуществляется что-либо; частичные синонимы – предлоги *с точки зрения* и *с учетом* соответственно);

Достоинство фильма также и в том, что Коллонтай раскрывает в нем и в аспекте личных чувств [НКРЯ] (в данном случае одинаково возможна семантика указания на черту, особенность, выделяемую говорящим, на способ восприятия, точку зрения и семантика указания на способ или средство осуществления действия – синонимично *с точки зрения* и *посредством* соответственно).

В ХХI в., с одной стороны, наблюдается сужение диапазона семантического варьирования употреблений предлога *в аспекте*, с другой стороны, растет количество употреблений, в которых *в аспекте* функционально сближается с первообразными предлогами.

Так, регулярны употребления предлога *в аспекте* в значении указания на область, сферу проявления, реализации чего-либо, близкие к первообразному предлогу *в*, – например,

Старость не должна обижаться, что у большинства молодежи, как и в людях еще не старых, она отражается в аспекте доживания или еще в добавление к этому – в аспекте приживания, если она не имеет самостоятельной базы материальной и живет при ком-нибудь [НКРЯ] (ср.: *отражается в доживании <...> в приживании*);

Если сознание отождествляет себя с бесконечной рекою жизни в аспекте ее вечно меняющихся форм и проявлений, то его уделом становится конечность, или смерть, ибо каждая форма обречена на распад и уничтожение [НКРЯ] (ср.: *рекою жизни в ее вечно меняющихся формах*).

Считаем, что в примерах подобного рода обнаруживается явная коммуникативная избыточность исследуемого предлога, его объективная ненужность для выражения требуемого значения.

Подобным образом предлог *в аспекте* сближается с первообразными предложениями *при* (в значении указания на условие, ситуацию) и *по* (в значении указания на направление, вид деятельности) – например:

Значит, в аспекте нападения я должен надеяться на одного себя... [НКРЯ] (ср.: *при нападении / в случае нападения я должен...*);

Недавно мы приступили к совместной работе с лингвистами в аспекте сопоставления генетических расстояний с языковым распределением [НКРЯ] (ср.: *к совместной работе над сопоставлением...*).

Примечательно, что с последней четверти XX в. растет количество употреблений предлога *в аспекте* с семантикой указания на черту, особенность, выделяемую говорящим, на способ восприятия, точку зрения (именно эту семантику отражают современные лексикографические источники), тогда как употребление этого предлога в иных семантических функциях становится единичным. Кроме того, с конца XX в. увеличивается количество грамматически необоснованных употреблений конструкций с предлогом *в аспекте* в случаях, требующих конструкций иного типа, – например,

Сумган-Кутук был обнаружен геологической партией А. И. Олли и Р. Э. Алксне совсем, в общем-то, недавно – в 1960 году. Даже удивительно для такой огромной пещеры, вход в которую не мог не привлечь внимания местных жителей. Видимо, эту дату следует понимать в аспекте спелеологического открытия. Только через пять лет после Олли первые исследователи ступили на дно пропасти [НКРЯ]

В данном случае конструкция с предлогом *в аспекте* замещает оборот со значением «как, в качестве» – ср.: *Видимо, эту дату следует понимать как дату (подлинную / реальную дату) спелеологического открытия*. Вероятно, в этом и других подобных случаях проявляется усиливающая тенденция к речевой экономии.

Грамматическую неустойчивость, незавершенность перехода единицы *в аспекте* в предлог показывают контексты, в которых наблюдается однородность конструкций с именным употреблением и употреблением в предложной функции:

Он писал: «Человек впервые реально понял, что он житель планеты и может – должен – мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но и в планетном аспекте» [НКРЯ] (здесь предложное употребление близко к *с точки зрения, с позиции*).

Все указанное – наряду с низкой динамикой употребления (всего 214 случаев более чем за столетие) – свидетельствует о том, что семантическое развитие единицы *в аспекте* в предложной функции только начинается.

Таким образом, предлог *в аспекте* обнаруживает потенциал полисеманта: в разных условиях особо актуализируются различные дифференциальные семы, определяющие вариативность его значения (употребления). Разнообразие и даже избыточность отношений частичной синони-

мии этого предлога (как и многих других) дает основания говорить о его частичной гипосемантизации: сознание носителей языка отчасти игнорирует семы, унаследованные от мотивирующего имени, в результате чего семный состав единицы упрощается и предлог приобретает более широкую – почти произвольную – семантическую валентность.

Литература

- Всеволодова М. В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2011. № 3. С. 103–136.
- Виноградова Е. Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25–50.
- Виноградова Е. Н. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 56–74.
- Виноградова Е. Н., Клобукова Л. П. Грамматика русского предлога: теоретические аспекты // Русистика. 2022. № 1. С. 84–100.
- Большой толковый словарь русского языка: А–Я / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000.
- Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М. : Рус. яз., 2001. 863 с.
- Комарова А. М. Еще раз о статусе предлога // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 6 (69). С. 147–151.
- Куныгина О. В. О лексическом и грамматическом значении служебных слов: теоретический аспект // Гуманитарные исследования. Язык. Коммуникация. 2012. № 4 (44). С. 63–67.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Рогожникова Р. П. Толковый словарь словосочетаний, эквивалентных слову. М. : ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003.
- Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В. В. Бурцева. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. яз. Медиа; Дрофа, 2010.
- Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1.
- Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999.
- Шереметьева Е. С. Проблемы лексикографического представления предложных новообразований // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 133–142.
- Шиганова Г. А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск : Изд-во Челябин. гос. пед. ун-та, 2001.

N. A. Axarina, Candidate of Philology, Associate Professor (Tyumen)

L. V. Basova, Candidate of Philology, Associate Professor (Tyumen)

SEMANTIZATION AND SEMANTIC POTENTIAL OF THE PREPOSITION IN ASPECT IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 20TH AND 21ST CENTURIES

Abstract. The article examines the features of grammatical isolation, semantics and functioning of the preposition “v aspekte” (“in aspect”). According to the National Russian Corpus data (since 1908), the relatively recent isolation of the unit “v aspekte” in the prepositional function, low frequency, non-systematic recording in dictionaries and discrepancies in definitions indicate that its semantic development is just beginning. Inheriting most of the semes of the motivating name, the preposition «v aspekte» enters into broad synonymous relations with various prepositions – both derivative and primitive – and, as examples of its use in the National Russian Corpus show, reveals the potential of a polysemantic.

Keywords: denominal preposition, derivative preposition, semantic potential, polysemantic preposition, hyposemantization.

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРЕДИКАТИВНОГО СОГЛАСОВАНИЯ СЛОВ С КОЛИЧЕСТВЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ

Аннотация. Статья посвящена особенностям предикативного согласования слов с семантикой неопределенно большого количества. В рамках работы был создан и исследован корпус, основанный на текстах, не подвергавшихся редакторской правке, размещенных на литературном портале «Проза.ру». Для исследования были выбраны разные по грамматическим характеристикам и допускающие различные варианты согласования кванторы, в том числе относительно редко встречающиеся в русском языке: *большинство*, *множество*, *прорва*, *куча*, *масса*, *уйма*. Корпусный анализ позволил расширить знания о вариативности типов предикативного согласования с именными конструкциями, возглавляемыми существительными с семантикой неопределенно большого количества, показать присутствие в современном русском языке стратегии предикативного согласования в единственном числе среднем роде с подлежащими, возглавляемыми квантификаторами женского рода. Результаты регрессионного анализа позволили уточнить на новых данных влияние различных факторов, чтобы определить, какие из них и в какой мере релевантны для предикативного согласования в современной русской речи.

Ключевые слова: предикативное согласование, корпусный подход, кванторы, именная группа.

В предложениях с подлежащим, выраженным количественно-именным словосочетанием, наблюдается существенная вариативность при предикативном согласовании, о чем свидетельствует большое число научных работ, посвященных такого рода исследованиям [напр., Кувшинская, 2019; Лабунская, 2011; Рогачёва, 2014; Сидорова, 2018 и др.]. Сказуемое при этом может быть согласованно как грамматически, так и по смыслу.

В то время как особенности предикативного согласования со счетными оборотами, возглавляемыми числительными, в русском языке описаны довольно подробно, вопросы предикативного согласования с именными группами, возглавляемыми существительными-квантификаторами неопределенно-большого количества, заслуживают более пристального исследования.

Одним из способов выражения семы «множество» является использование генитивных конструкций, состоящих из существительного с количественным значением (вершина именной группы) и существительного в родительном падеже множественном числе (зависимое слово именной группы) (*куча людей*, *множество студентов*, *лавина снега*). В составе генитивной конструкции эти слова приобретают количественное значение и становятся квантификаторами неопределенно большого количества [Дубровская, 2013, с. 58].

Целью данного исследования является изучение особенностей предикативного согласования с именными конструкциями, возглавляемыми существительными со значением неопределенно большого количества. В качестве таких существительных-квантификаторов были выбраны слова *большинство, множество, уйма, масса, куча, прорва*.

В настоящее время одним из актуальных методов лингвистики стало применение корпусов текстов, в том числе в синтаксических исследованиях. Особенно ценным корпусный подход оказывается при изучении нестандартных, вариативных явлений. В работах, посвященных предикативному согласованию с именными группами, возглавляемыми существительными с количественным значением, авторами чаще всего используются Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorpora.ru] [напр., Добрушина, Сидорова, 2019, с. 22; Кувшинская, 2013; 2015; 2017; 2019], корпус русского языка RuTenTen [RuTenTen] [напр., Aksenova, 2022, с. 1] и др.

Несмотря на широкое использование НКРЯ, ряд исследователей подчеркивает существенную особенность, которую необходимо учитывать при попытке обобщения полученных на основе НКРЯ выводов: работы, основанные на примерах из НКРЯ, анализируют тексты, значительная часть которых подверглась правке корректорами, которые в своей работе использовали справочную литературу. При этом рекомендации в справочниках нередко имеют неоднозначный характер, в результате чего итог может быть слабо связан как с нормой, так и с реальным узусом [Сидорова, 2018, с. 231].

Помимо готовых корпусов русского языка ценным ресурсом для лингвистических исследований являются «виртуальные библиотеки». Сами по себе электронные библиотеки не являются корпусами текстов, но могут служить основой для составления корпусов при проведении лингвистических исследований. Преимуществом текстов, размещаемых в ряде таких библиотек, является отсутствие редакторской правки перед публикацией, что предоставляет исследователям возможность изучения текстов, приближенных к живой речи.

Учитывая вышесказанное, в рамках исследования был создан и исследован корпус, основанный на текстах, не подвергавшихся редакторской правке. На первом этапе с помощью программных методов на основе данных литературного портала «Проза.ру» [Проза.ру] была создана база, представляющая из себя случайную выборку из 3,8 млн текстов, опубликованных с 2010 по 2021 г. Такой большой размер выборки текстов был обусловлен необходимостью обеспечить достаточные для последующего статистического анализа объемы подвыборок с такими словами, как *уйма* и *прорва*, которые не являются частотными. Далее из этих текстов были извлечены 1757 предложений с подлежащими, выраженными именными группами, возглавляемыми выбранными словами *большинство, множество, уйма, масса, куча, прорва*.

После этого была осуществлена разметка этих предложений с учетом факторов, выделенных в итоге проведенного анализа научной литературы и включавших такие факторы, как число и тип сказуемого, одушевленность зависимого слова именной группы; тип зависимого слова именной группы; наличие однородных сказуемых и подлежащих; наличие однородных зависимых слов в именной группе подлежащего; позиция сказуемого по отношению к подлежащему; наличие согласованного определения.

Первичный анализ полученной выборки показал, что все слова, кроме слова *большинство*, демонстрируют большой процент согласования во множественном числе. Наиболее ярко эта тенденция выражена для слов *прорва* и *масса*. Также было выявлено, что слова *куча*, *масса* и *уйма*, кроме грамматического и семантического вариантов согласования, демонстрируют еще один вариант согласования – в ед. ч. ср. р. В дальнейшем этот вариант согласования будет упоминаться в работе как ошибочная попытка грамматического согласования.

В числе статистических методов, используемых в лингвистике для анализа данных, всё большее распространение получает регрессионный анализ. Зависимая переменная в лингвистике часто является не непрерывной величиной, а категориальной – бинарной или имеющей несколько дискретных значений (упорядоченных или неупорядоченных). В этом случае для моделирования вероятности наступления того или иного события используют не линейные вероятностные модели, а логит-подход и пробит-подход [Шандор, 2009, с. 10]. Для интерпретации полученных результатов может использоваться подход, связанный с анализом предельных эффектов.

В качестве зависимой переменной при проведении полученных корпусных данных были выбраны число и род сказуемого. В зависимости от количества вариантов согласования, которые демонстрирует каждый из квантификаторов, зависимая переменная принимает два (*большинство*, *множество*, *прорва*) или три (*масса*, *куча*, *уйма*) возможных значения. В соответствии с этим для построения регрессионных моделей были выбраны либо биномиальная логистическая модель, либо мультиномиальная логистическая модель.

Список объясняющих переменных (регрессоров) приведен в табл. 1.

В итоге было построено 6 логистических регрессий, результаты оценки средних предельных эффектов которых приведены в табл. 2 и 3.

Как показывают результаты оценки моделей, одушевленность значимо повышает согласование во множественном числе для слов *большинство*, *масса* и *уйма*. Прямой порядок слов в предложении значимо повышает согласование во множественном числе для всех рассмотренных слов. Наиболее сильно эффект прямого порядка слов наблюдается в предложениях со словами *большинство*, *множество* и *куча*. Тип сказуемого оказался значим при выборе числа сказуемого только в предложениях со словами *множество* и *уйма*.

Таблица 1

Описание переменных

название переменной	описание переменной	принимаемые значения и их кодировка
num_pred	число и род предиката (зависимая переменная)	множественное – 0 единственное (верное) – 1 единственное (ошибочное) – 2
anim	одушевленность зависимого слова именной группы	неодушевленное – 0 одушевленное – 1
type_pred	тип сказуемого	составное именное сказуемое – 0 простое глагольное сказуемое – 1 составное глагольное сказуемое – 2
type_subj	тип зависимого слова в подлежащем	причастие – 0 существительное – 1
homo_pred	наличие однородного сказуемого	отсутствие – 0 наличие – 1
homo_subj	наличие однородного подлежащего	отсутствие – 0 наличие – 1
homo_depend	наличие однородных зависимых слов	отсутствие – 0 наличие – 1
order	порядок сказуемого и подлежащего	инверсия – 0 прямой – 1
agreed	наличие согласованного определения	нет – 0 к именной группе – 1 к зависимому слову именной группы – 2

Таблица 2

Оценки средних предельных эффектов логистических регрессионных моделей для слов *большинство, множество, прорва, масса*

название объясняющей переменной	бол-во	множ-во	прорва	масса		
	ед. ч.	ед. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	ед. ошиб.
одушевленность	-0,137***	-0,027	-0,037	0,105***	-0,057	-0,047
порядок слов	-0,334***	-0,291***	-0,119**	0,099**	-0,093*	-0,006
1. тип предиката ПГС	0,080	-0,093*	-0,003	-0,066	0,055	0,011
2. тип предиката СГС	-0,038	-0,142		-0,038	0,081	-0,042
тип подлежащего	0,034					
наличие однородных подлежащих		-0,260***				
наличие однородных сказуемых	-0,083	-0,091	-0,056	0,123	0,520	-0,643
наличие однородных зависимых слов	-0,125	-0,001	-0,08*	0,020	0,010	-0,006
1. согласованное определение к ИГ	0,297***		-0,015	-0,071*	0,138***	-0,066***
2. согласованное определение к зависимому слову ИГ	-0,097	-0,036		-0,144***	0,210***	-0,066***

Таблица 3

Оценки средних предельных эффектов логистических регрессионных моделей
для слов *куча* и *уйма*

название объясняющей переменной	куча			уйма		
	мн. ч.	ед. ч.	ед. ошиб.	мн. ч.	ед. ч.	ед. ошиб.
одушевленность	0,059	0,004	-0,062	0,097***	-0,064	-0,032
порядок слов	0,217***	-0,036	-0,181**	0,141***	-0,059	-0,082
1. тип предиката ПГС	-0,058	0,135	-0,077	-0,011	0,113	-0,101
2. тип предиката СГС	0,025	-0,308	0,283	-0,081**	0,144	-0,063
наличие однородных подлежащих	0,251***	-0,369***	0,118**	0,190***	0,062	-0,252
наличие однородных сказуемых	0,346	0,822	-1,169	-0,650	0,511	0,140
наличие однородных зависимых слов	0,156**	-0,183*	0,027	-0,144	-0,011	0,055
1. согласованное определение к ИГ	0,006	0,089	-0,095**	-0,080***	0,223***	-0,144**
2. согласованное определение к зависимому слову ИГ	0,149	-0,181	-0,130***	-0,062***	-0,036	0,097

Наличие однородных подлежащих значимо увеличивает вероятность выбора множественной формы сказуемого в предложениях со словами *множество*, *куча* и *уйма*. Наличие однородных сказуемых оказалось незначимо во всех регрессионных моделях с разными словами в качестве вершины именной группы подлежащего. Наличие однородных зависимых слов в именной группе подлежащего значимо увеличивает вероятность выбора множественного числа сказуемого в предложениях со словами *прорва* и *куча*.

Определение, относящееся ко всей именной группе, значимо увеличивает вероятность согласования сказуемого в единственном числе в предложениях со словами *большинство* (на 29,7 %), *масса* (на 13,8 %) и *уйма* (на 22,3 %) по сравнению с предложениями, в которых отсутствует согласованное определение. Определение, относящееся к зависимому слову именной группы подлежащего, значимо увеличивает вероятность согласования в единственном числе в предложениях со словом *масса* (на 21 %) и *уйма* по сравнению с предложениями, в которых отсутствует согласованное определение.

Необходимо отметить, что фактор наличия согласованного определения при подлежащем значимо снижает вероятность выбора единственного числа сказуемого и рода, не совпадающего с родом вершины именной группы, т. е. ошибочного согласования. Этот эффект наблюдается для всех трех подвыборок предложений со словами *масса*, *куча* и *уйма*, в которых были зафиксированы варианты такого ошибочного согласования. Кроме того, в предложениях со словом *куча* вероятность ошибочного со-

гласования значимо снижается в случае прямого порядка главных членов предложения (на 18,1 %) по сравнению с предложениями с инверсией, а также в случае отсутствия однородных подлежащих (на 11,8 %) по сравнению с предложениями с однородными подлежащими.

Проведенный корпусный анализ позволил уточнить на новых данных воздействие указанных ранее исследователями факторов, влияющих на выбор формы предикативного согласования с именными конструкциями, возглавляемыми существительными с семантикой неопределенно большого количества. При этом удалось подтвердить важность этих факторов на материале текстов, не подвергавшихся редакторской правке, для ранее не изучавшихся именных конструкций, возглавляемых существительными *куча, масса, уйма, прорва*. Было также показано присутствие в современном русском языке стратегии предикативного согласования в единственном числе среднем роде с подлежащими, возглавляемыми квантификаторами женского рода.

Литература

Добрушина Е. Р. Число предиката в конструкциях типа «те / все, кто пришел / пришли» и падеж вершины – корпусное исследование // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3, Филология. 2019. № 59. С. 22–35.

Дубровская В. В. Класс квантификаторов в когнитивной лингвистике // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2013. № 22. С. 51–61.

Кувшинская Ю. М. О коммуникативной обусловленности предикативного согласования с именными группами со значением неопределенного количества в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. Т. 11, № 2. С. 659–687.

Кувшинская Ю. М. Предикативное согласование со словами «ряд», «половина», «часть», «множество» в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 189–215.

Кувшинская Ю. М. Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным именной группой с количественным значением (по данным НКРЯ за 2000–2010 гг.) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2(26). С. 112–150.

Лабунская Т. Ю. К вопросу о согласовании сказуемого с количественно-именным подлежащим // Вопросы культуры речи. М., 2011. С. 235–239.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Проза.ру. URL: <https://proza.ru>.

Рогачева Е. С. Проблема выбора формы числа глагола-сказуемого в процессе его согласования с количественно-именными словосочетаниями // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2–1(32). С. 149–152.

Сидорова М. И. Проблемы вариативности согласования числа сказуемого со счетным оборотом // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2018. № 28. С. 231–233.

Шандор З. Эконометрический ликбез: ограниченные зависимые переменные. Мультиномиальные модели дискретного выбора // Квантиль. 2009. № 7. С. 9–19.

Aksenova A. Subject-verb Agreement in Constructions with Quantifiers in Russian // Poljamyj Vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies. 2021. N 24. С. 1–12.

RuTenTen. URL: <https://sensefreq.ruslang.ru/w/RuTenTen%20%28adjectives%29>.

**CORPUS ANALYSIS OF FEATURES OF THE PREDICATIVE AGREEMENT
OF WORDS MEANING AN INDEFINITELY LARGE QUANTITY**

Abstract. This article is devoted to the features of predicative agreement of words with the semantics of an indefinitely large quantity. As part of the work, a corpus based on edited texts from the literary portal "Prose.ru". Quantifiers that differ in grammatical characteristics and allow for various types of agreement were selected for the study, including those that are relatively rare in the Russian language: *bol'shinstvo*, *mnozhestvo*, *prorva*, *kucha*, *massa*, *ujma*. Corpus analysis has made it possible to expand knowledge about the variability of types of predicative matching with nominal constructions headed by nouns with the semantics of an indefinite number, to show the presence in modern Russian of a strategy of predicative matching in the singular of the neuter gender with subjects headed by feminine quantifiers. The results of the regression analysis allowed us to study more closely the influence of various factors on the new data in order to determine which of them and to what extent are important for predicative agreement in modern Russian speech.

Keywords: predicative agreement, corpus approach, quantifiers, noun phrase.

А. Н. Бертякова, кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный геологоразведочный университет
им. С. Орджоникидзе, г. Москва

**ДЕАРХАИЗАЦИЯ ПРЕДЛОГА МЕЖ
В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза о деархаизации в современном дискурсе древнерусского предлога *меж* (-и, -у). В ретроспективном анализе параллельного функционирования этого предлога и старославянского *между* (-оу) визуализируется изменение «литературно-языкового идеала».

Ключевые слова: предлог, деархаизация, дискурс, система языка, речевая деятельность.

Исходный тезис данной статьи – «Движение есть способ существования материи, следовательно, нечто большее, чем просто ее свойство. Не существует и никогда не могло существовать материи без движения» [Маркс, Энгельс, 1961, с. 631–632].

Демонстрацией этого тезиса будет служить предлог *между*. История предложного параллелизма этого предлога, начавшаяся с периода активного заимствования старославянизмов, позволяет ярко представить язык как движущуюся, изменяющуюся во времени и пространстве субстанцию.

Норма любого языка в идеале должна быть устойчивой и определенной. «Присмотримся поближе к основным чертам этого литературно-языкового идеала, – пишет А. М. Пешковский. – Первой и самой замечательной чертой является его поразительный консерватизм, равного которому мы не встречаем ни в какой другой области духа. Из всех идеалов это единственный, который лежит целиком позади» [Пешковский, 1959, с. 55].

В то же время, еще в первой половине XIX в. Вильгем фон Гумбольдт в знаменитой работе «О различии строения человеческих языков и

его влиянии на духовное развитие человечества» указывает на изменчивый характер языка: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее, – пишет он. – Даже его фиксация посредством письма представляет собой далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*)...» [Гумбольдт В. фон, 1984, с. 62].

Фердинанд де Соссюр, развивая идею развития языка, впервые формулирует идею о нем как системе знаков, существующей непосредственно в речи, а не в наблюдении: «...язык только определенная часть, правда – важнейшая, речевой деятельности. Он – с одной стороны, социальный продукт речевой способности, с другой стороны – совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц» [Соссюр Ф. де, 2025, с. 23].

Подвижность и изменчивость системы языка определяется ее выходом и входом в коммуникацию (речевую деятельность) носителей языка.

В коммуникации (в речевой деятельности) единицей адаптации новой нормы становится вариационный знак.

Вариационность в нашем понимании связана с представлением о языковой единице как формальной разновидности языкового знака, не обладающей или утратившей **в определенный исторический период развития языка** способность маркировать речевую ситуацию, с сопутствующими ей семантическими нюансами. О понятии *вариационность* см.: [Бертякова, 2021, с. 148].

Примером нейтрализации маркируемых параллельными языковыми единицами семантических нюансов в определенный период развития языка может служить предлог *между*.

Очевидно, этимологически обусловленная синкретичная пространственно-объектная семантика этого предлога послужила внутренним толчком борьбы исконно русского предлога *меж (-и, -у)* с характерным для него родительным падежом и пространственной семантикой и старославянского *между(-оу)* с характерным для него творительным падежом и объектной семантикой. См.: [Фасмер, 2009, с. 591–592]. Результат этой борьбы – нейтрализация падежной дифференциации: *меж (-и, -у)*, наряду с родительным активно употребляется с творительным падежом, *между(-оу)* наряду с творительным активно употребляется с родительным падежом [Словарь русского языка XI–XVII, 1982, с. 74–75].

К XVIII в. происходит полная нейтрализация позиции стилистической доминанты древнерусского *меж (-и, -у)* и как результат деактуализация пространственной семантики предлога *между*. В словаре русского языка XVIII в. возможность функционирования предлога в позиции наречия со значением «в середине, посреди» сопровождается пометой «редко» [Словарь русского языка XVIII века, 2001, с. 115].

В период становления современного русского языка вновь возникает стилистическая определенность этой предложной параллели. Однако позицию доминанты занимает *между (меж)* с творительным, тем самым прогнозируя актуальность объектной семантики. *Между (меж)* с родительным становится единицей, ограниченной в употреблении поэтическим языком поэтических и прозаических художественных произведений.

Фонетически редуцированная форма древнерусского *межи (-у)* – *меж* у носителя современного русского литературного языка скорее мыслится как фонетически редуцированная вариация предлога *между* с творительным и родительным падежами, участвующая в фонетико-ритмическом оформлении речи.

Между (меж) с творительным, проецируя семантическую идею релевантности объектной дифференциации, органично функционирует в контекстах с пространственно-объектной, временной и объектной семантикой.

Между (меж) с родительным, проецируя семантическую идею нерелевантности объектной дифференциации, ограничен в своем функционировании контекстами с пространственно-объектной семантикой (в лексикографических источниках употребление в контекстах с временной и объектной семантикой маркируется как устаревшее [Бертякова, 2015, с. 28]).

Предложно-падежная форма с родительным в поэтическом контексте подвергается лексикализации, приобретая свойство эстетического знака с характерной для него не стандартной (общепринятой), а особой художественной формой, являющейся средством реализации поэтической функции языка. Ср. пример:

Поэзия – другая форма связи

меж звуками, меж муками, меж знаками,
чем музыка

(Е. Ф. Сабуров. «Поэзия – другая форма связи...»).

Установившаяся норма употребления *между (меж)* с творительным и *между (меж)* с родительным в современном дискурсе вновь колеблется.

Так, в современных СМИ (актуальном пространстве определения правильного и неправильного в языке) мы можем наблюдать процесс деархаизации предлога *меж (-и)* с характерным для него родительным падежом. Довольно частотно употребление *меж* с родительным в обычном практическом языке с ведущей коммуникативной функцией. Ср. примеры:

Юрий Языков, хозяин «Агрокома», ведет машину по дороге меж двух полей, вспаханного под зябь и минного (Ольга Мусафирова. Около «ноля». Репортаж из школы, в которой учатся дети, «разделенные» линией противостояния между Украиной и «ДНР» // Новая газета, 08.09.2017);

...«Лада» и не думала останавливаться – на скорости проскочила меж двух машин и сбила 57-летнюю женщину и ее 36-летнюю дочь (Пьяный ульяновец сбил беременную женщину и ее мать на переходе // Vesti.ru, 20.02.2020);

*Едим хорошо, вы должны вырасти большими и круглыми, – начкон Ирина Крицкая ходит **меж** кобыл, осматривает, все ли хорошо себя чувствуют («Товарищи лошади! Вы должны расти большими и круглыми»). Как фермер спасает породу донских лошадей, оказавшуюся на грани исчезновения // Новая газета, 11.01.2018) и др.*

Активно **меж** с родительным используется и в метафоричной образной речи. Ср. примеры:

*...Успешно вылавировав **меж** штормов геополитических рисков осени 2018 года, Минфин РФ успешно разместил новый выпуск еврооблигаций», – сказал господин Соловьев (Инвесторы из Британии купили 55 % выпуска евробондов Минфина России // Коммерсант, 28.11.2018);*

*Что изменило 26 марта? Протекла ли лояльность **меж** пальцев власти? Или осталась в их кулаке? (Конец долгого 14-го года // Новая газета, 03.04.2017);*

*Благодаря акустике Александринского театра слова звонко разнеслись до галерки, почти полный свет в зрительном зале позволил рассмотреть волнение публики в вечерних платьях, дополненное истерическими хлопками одного из зрителей, посреди спектакля отправившегося **меж** кресел по ногам, как он громко сообщил, в Мариинский театр (С фестиваля Dance Open выходили меж кресел, по ногам // Ведомости, 2017.04.26) и др.*

Совершенно неожиданным оказываются случаи употребления фонетической вариации древнерусского предлога **межи** – **межу**. В газетном подкорпусе в разделе «центральные СМИ» приводится 22 примера с этой фонетической интерпретацией предлога **между**. Так же, как и **между** с творительным **межу** с творительным употребляется в контекстах с объектной семантикой. Хотя встречаются и единичные случаи с пространственной и временной семантикой. См. примеры:

*Кубок конфедераций откроется 17 июня матчем **межу** сборными России и Новой Зеландии в Санкт-Петербурге (В Казани опровергли заполнение стадиона на матчи Кубка конфедераций бюджетниками // lenta.ru, 17.06.2017);*

*В перерыве воскресного матча чемпионата России **межу** «Динамо» и «Спартак», проходившего на стадионе «Арена Химки», болельщик «Спартак» вышел на футбольное поле, приблизился к трибуне с болельщиками «Динамо» и начал что-то кричать в их адрес, сопровождая выкрики провоцирующими жестами (Виталий Мутко: я не хотел бы, чтобы Дерунец работал в футболе // Vesti.ru, 27.10.2015);*

*В свою очередь, добавил Нургалиев, между правоохранительными органами двух стран осуществляется взаимный обмен сведениями об организациях, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность **межу** Россией и Арменией (Нургалиев нашел криминал в отношениях РФ и Армении // Lenta.ru, 28.06.2006);*

Шотландия намерена провести референдум между осенью 2018 года и весной 2019 года (Шотландия направила в правительство Великобритании запрос о проведении референдума // Коммерсант, 31.03.2017) и др.

Верифицирует процесс деархаизации древнерусского *меж* (-и, -у) и актуализация пространственной семантики, маркируемой этим древнерусским предлогом. Свидетельством тому частотность употребления *между* в современном дискурсивном пространстве в позиции наречия.

Так, в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru] отмечается 88 примеров употребления между в позиции наречия, основном подкорпусе – 148. См. примеры:

В получившейся карте военных действий ватерлинии проходят как бы между, а географические и временные координаты, в которых существует авторское альтер-эго, сознательно указываются напрямую (Отправиться на войну. О книге, по которой можно восстанавливать время, и поколения, аннексирующем территории // Новая газета, 17.10.2018);

Между Патрушев допустил внесения изменений в военную доктрину России (В военную доктрину России могут внести изменения // Московский комсомолец, 22.11.2019);

Какое-то время я болтался между, моста там не было, он появится позднее, но, видимо, был какой-то брод (Леонид Никитинский. Хроно-топ и реновация. Взгляд на пятиэтажки с метафизической точки зрения // Новая газета, 22.05.2017) и др.

Таким образом, анализ функционирования предлога *между* в современном дискурсе и в ретроспективном его функционировании в предположенной параллели позволяет визуализировать определяемую Вильгельмом фон Гумбольдтом сущность языка как нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее, а также наблюдаемую в ходе его развития цикличность, характерную для всех природных процессов.

Литература

Бертякова А. Н. Вариационность языковой единицы как маркер ее стилистической неопределенности // Наследие Петровской эпохи в современной русской паремиологии (в сопоставлении с европейской). Кострома: Костромской государственный университет, 2021. С. 145–151.

Бертякова А. Н. Вопрос архаизации предлога *между* с родительным падежом // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 т. 2015. Т. 5. С. 39–44.

Бертякова А. Н. Синкретичная семантика предлога *между* // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 5. С. 27–32.

Большой академический словарь русского языка. М., СПб., 2008. Т. 10.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2008.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–297.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20: Анти-Дюринг; Диалектика природы.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

- Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М. : Русский язык, 1987.
- Пешковский А. М. Избранные труды. М. : Учпедгиз, 1959.
- Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984. Т. 2: К–О.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М. : Наука, 1982.
- Словарь русского языка XVIII века. Вып. 12. СПб. : Наука, 2001.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М. : Издательство Юрайт, 2025.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. 4-е изд., стер. Т. 2. М. : АСТ, 2009.

A. N. Bertyakova, Candidate of Philology, Associate Professor (Moscow)

DEARCHAIZATION OF THE PREPOSITION *МЕЖ* IN MODERN DISCOURSE

Abstract. The article puts forward a hypothesis about dearchaization of the Old Russian preposition *mez(-i)* in modern discourse. In a retrospective analysis of the parallel functioning of this preposition and the Old Slavonic *mezhdū(-ou)*, a change in the “literary-linguistic ideal” is visualized.

Keywords: preposition, dearchaization, discourse, language system, speech activity.

Н. В. Богданова-Бегларян, доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ГРАММАТИЧЕСКАЯ «ПРЕДЫСТОРИЯ» ПРАГМАТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ²⁰

Аннотация. В статье с грамматической точки зрения рассматривается класс прагматических маркеров (ПМ) как особых функциональных единиц устного дискурса, отличающихся полной или частичной утратой грамматического значения. Обычно этому сопутствует ослабление или утрата еще и лексического значения, что выводит эти единицы за рамки привычных слов и привлекает внимание к их функциям в речи (прагматическому значению). Ставшие результатом процесса прагматикализации, подобные единицы все же сохраняют «память о своих корнях», что, с одной стороны, позволяет их систематизировать в целях научного описания не только прагматически, но и грамматически, а с другой стороны, усложняет и само такое описание, и даже просто вычленение ПМ в тексте, чему активно «мешает» их омонимия с грамматическими прототипами. Такая омонимия «разрешается» лишь в контексте и фактически делает невозможным автоматическое аннотирование корпусного материала, а также порождает множество проблем в практике преподавания русского языка как иностранного или практике перевода русских художественных текстов, содержащих ПМ в речи персонажей, на другие языки.

Ключевые слова: устный дискурс, корпусный подход, прагматический маркер, прагматикализация, грамматический «прототип».

²⁰ Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ (проект 124032900006-1).

Введение

Прагматические маркеры (ПМ) – это особый класс функциональных единиц, которые встречаются в речи всех говорящих, отличаются высокой частотностью и употребляются неосознанно, на уровне *речевого автоматизма*. Источником «рождения» ПМ служат полноценные языковые единицы, которые подвергаются процессу *прагматикализации* и в результате практически утрачивают свое исходное лексическое и / или грамматическое значение и приобретают прагматическое, т. е. выполняют в дискурсе только определенные функции: хезитацию, рефлекссию, самокоррекцию и под. [Прагматические маркеры, 2021].

Помимо функциональной типологии, ПМ устного дискурса поддаются еще и некоторой грамматической систематизации по частеречной принадлежности той исходной лексико-грамматической единицы, которая и стала прототипом ПМ. Наблюдения показали, что таким прототипом может стать любая часть речи – лексема или словоформа, попавшая под действие процесса прагматикализации. Предлагаемая грамматическая систематизация ПМ построена на материале устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [ruscorpora.ru], корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстовая» (САТ) и корпуса русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) [ord.spbu.ru]. Все примеры в статье атрибутированы с указанием корпуса-источника. Об особенностях представления материала ОРД см.: [Русский язык повседневного общения ..., 2016, с. 242–243].

Отглагольные прагматические маркеры

Глагол и *глагольные формы* стали прототипом целого ряда метакоммуникативов (контактных глаголов), таких как *знаешь*, *понимаешь*, *представляешь* / *представь*, *глянь*, *смотри*, *слушай* и под. Глагольного же происхождения и очень частотные в повседневной речи, особенно в диалоге, маркеры-ксенопоказатели *говорит*, *говорю*, *говоришь* и под. Как правило, они реализуются в своих редуцированных формах *грю*, *грит*, *гришь*. К группе глагольных ПМ относятся и метакоммуникативы *(я) думаю (что)* и *(я) не знаю*, хезитатив и разграничитель *значит*, а также рефлексив *скажем* в разных структурных вариантах. Все метакоммуникативы этой группы, а также рефлексив *скажем* до прагматикализации прошли еще этап грамматикизации, выступая в статусе вводных слов.

Связаны с глаголом и другие прагматические маркеры, происходящие из вводных конструкций: *так сказать*, *как говорится* и *что называется*. Статус ПМ приписывается им в тех случаях, когда они употребляются немотивированно, утрачивая при этом значение вводности:

1) *и(:) / в связи с этим вопрос / так сказать к Марине Дробышевой% / которая вот клубный секретарь* (ОРД);

2) *Вот тут-то / как говорится / я и очень сильно-сильно удивился / что я живу в Колпинском районе и что в шести километрах от моего дома находится то знаменитое место / а я и знать не знаю* (УП);

3) *Э... я был обыкновенным а... парнем / росшим в военном городке / что называется* (УП).

Такие употребления хорошо демонстрируют, что конструкции, предназначенные для ввода в устную речь устойчивой или в каком-то отношении нетривиальной единицы (стилистически сниженной, прецедентной, идиоматической, окказиональной, не соответствующей общему регистру речи и т. п.), часто не выполняют в повседневной речи своей прямой функции, используются говорящим исключительно «для красного словца» и в результате пополняют ряд ПМ. Их можно объединить в дополнительный, не вошедший в общую функциональную типологию, класс ПМ-декоративов (в рабочем обиходе – «*никчемутивов*») [Богданова-Бегларян, 2019б], которые пока отнесены к хезитативам [Прагматические маркеры ..., 2021]. Впрочем, основной функцией данных ПМ является все же функция рефлексива, весьма близкая к значению вводности.

Обнаружились и такие употребления этих маркеров (прежде всего *так сказать*), которые можно квалифицировать как полноценные хезитативы (как правило, в ярко выраженном хезитативном контексте):

4) *это вот (э-э) / так сказать / (м-м) и есть те самые объекты* (ОРД).

Встретилось и довольно редкое употребление выражения *так сказать* в роли маркера-ксенопоказателя, вводящего в повествование чужую речь (здесь и далее в контекстах подчеркнута):

5) *ну или надо посмотреть где арен... в аренду парики сдают / ну там же не будет **так сказать** ой нам надо всего на десять минут дайте нам его / за сто рублей и они скажут идите в ж-ж*пу может быть* (ОРД).

Видно, таким образом, что группа отглагольных ПМ довольно обширна и отличается несомненным функциональным разнообразием [Богданова-Бегларян, 2019].

Отсубстантивные прагматические маркеры

От словоформ *существительного* ведут свое происхождение такие ПМ, как *в принципе*, *в смысле*, *по идее*, также прошедшие сначала этап грамматикализации:

6) *тут / тут сложнее гораздо / @ да // @ потому что / значит / я вот вот э-э вот эти / ну **в принципе** / значит / ну / п... по моим / понятиям значит / я же не отличу так скажем / таджика от узбека что называется* (ОРД);

7) *нам надо сюда товару завезти / и(:) (...) а так тут () сто лет эта / ну / **в смысле** / аптека / поэтому люди уже знают эту аптеку* (ОРД);

8) *Там дом надо вообще сносить / по идее* (УП).

По примерам видно, что и эти «бывшие» вводные слова (результат предшествующей грамматикализации существительного) прагматизируются в основном в явном хезитативном контексте, хотя возможны и их употребления в функции финального маркера и рефлексива (8).

К существительному восходит (снова через этап грамматикализации) и группа структурных реализаций ПМ *типа*: *типа / типа того / типа того что*, выступающих, в частности, в роли ксенопоказателей:

9) и спросил / ну **типа** умеешь вообще кататься или нет ? сидела за рулем ? (ОРД);

10) после того / как твоя мама сказала / что я / мать-деспот / типа того / я говорю / думаю / что у тебя есть шансы всё наладить (УП);

11) и тут же этот () вот этот () бухгалтер там / ну **типа того что блин / (...)** и рожать будешь / *П в Испании\$! *П а отдыхать будем / на Канарах\$ блин ! (ОРД).

Видно, что к функции передачи чужой речи в употреблениях данных маркеров добавляется еще и некоторая неуверенность говорящего в том, насколько точно он передает эту чужую речь. Иными словами, эти ПМ определенно полифункциональны (ксенопоказатель + аппроксиматор).

«Бывшее» значимое существительное можно обнаружить и в структуре ПМ-заместителя (*и*) *все дела*:

12) ходила я гулять к Петро... / к Петропа... /// к Петропавловской /// крепости // забыла как это называется надо пройтись по музеям // *С и ходила я / ну там же эта река Нева **типа / все дела** *С (САТ);

13) А потом просто мама через пару дней приходит со всем этим добром / шоколадка **все дела** / «Ну / как там паспорт наш?» (УП).

Прагматические маркеры адъективного происхождения

К группе адъективных ПМ можно отнести маркер *в общем*, выступающий в этом качестве прежде всего как хезитатив и разграничитель:

14) ну **в общем** короче / (м...м) каков наш / языковой день // так скажем / да ? (ОРД);

15) И что некоторое время ты тоже являешься этой... как ее... ой / этой... княжухой... нет / ну... **в общем** / женой князя (УП).

Очевидно, что и эта единица до прагматикализации прошла этап грамматикализации.

Прагматические маркеры нумерального происхождения

Пожалуй, единственным прагматическим маркером, восходящим к числительным, является ПМ *пятое-десятое*, прошедший этап грамматикализации и выступающий в речи в роли заместителя:

16) Это организация / которая выдает всякие стипендии на изучение немецкого языка там / **то-сё / пятое-десятое** (УП);

17) там был такой Никита%... вот такой друг который за мной ухлестывал / и он (к т...) не то что типа Страхов% был но у него там длинная история короче / мне лень рассказывать / и он тоже там за

мной ухлестывал и появлялся ... и так и сяк и так подкатывал **и пятое и десятое** ... (ОРД).

Видно, что этот маркер часто употребляется в «связке» с другими такими же заместителями, и прежде всего – заместителями части ряда перечисления.

Прагматические маркеры местоименного происхождения

Едва ли не бо́льшая часть русских ПМ (сопоставимы с ними по пространенности разве что отглагольные ПМ) – имеют местоименное происхождение. По выражению В. И. Подлесской, это «лексикализованные конструкции с местоименным компонентом» [Подлесская, 2013, с. 634]: *это, это самое, как его (ее, их), всё, всё такое, всякое такое, то и другое* и под. Выступают они в устной речи в самых разных функциях, среди которых преобладают хезитативная (в первую очередь благодаря ПМ *как его (ее, их), это, это самое, как это*) и заместительная (кроме упомянутых выше, это еще маркер *то-сё*):

18) *интересно вот этот хочу(:) на дач... на Дунае\$ в... а я никогда не смотрел / сколько стоит примерно вот **этот** / (...) **как его** / сруб // вот(?)* (ОРД);

19) *сейчас она как тебе / **как это** / за руку хав-хав* (ОРД);

20) *На речку они тянули / смотрю уже время полдвенадцатого / мы пока дойдем / пока **то-сё**...* (УП).

Возможны, впрочем, и другие функции «местоименных» ПМ: например, рефлексив (21)–(22) или ксенопоказатель (23):

21) *Так этот / Кульгаев **или как его**...* (УП);

22) *вот эти / как их ? лямблии ? **или как это** ?* (ОРД);

23) *я вчера их встречаю / на улице / ну в «Пятерочку»\$ / я шла как раз в магазин / а был вечер / полдесятого // я **такая** / о-о / вы приехали // а у вас завтра занятия будут ? / они **такие** / будут / я говорю / да-а / не повезло мне* (ОРД).

Адвербиальные прагматические маркеры

Достаточно обширна и группа адвербиальных ПМ, также выступающих в устном дискурсе в самых разных функциях, ср. примеры с комментариями:

24) *Я... час... я еду до универа / но я поменьше еду. Час это вот если везде очень долго ждать. Так мне вообще минут сорок **ваще**... пятьдесят хватает... Казалось бы / да?* (УП);

* *хезитатив* – редуцированный вариант наречия *вообще*; переходу в класс ПМ предшествовала грамматикализация, в результате которой наречие стало употребляться как элемент вводного словосочетания *вообще говоря*; именно утрата глагольного компонента способствовала утрате и лексико-грамматического значения и дальнейшему переходу в ПМ;

25) *то есть а я (э...э) вот (э...э) то есть вот я () у нас(?) достаточно недоверчиво *Н / жестко в некоторых моментах / да вот ? там*

бывает там / **так далее** (а) / *В ну (...) со мной / как бы () как говорится / намного легче в том плане / что я могу поворчать / но я всё равно это сделаю // *П то есть я (...) то есть я никуда не уйду / то есть я / *В может и ответу / да ? *В как-нибудь / но потом я всё равно это сделаю / то есть **и так далее** (б) **и так далее** (в) // вот // но / *В (э...э) у меня нету такой как бы / (э...э) то есть я очень доверчивая (ОРД);

* три употребления маркера-заместителя членов ряда перечисления (б)–(в) или всего этого ряда (а); союз и при этом может отсутствовать (а), маркер может дублироваться (б)–(в), а вся конструкция может вводиться незакономерным в данной ситуации пояснительным союзом *то есть* (б)–(в);

26) *и основной учебник остается это Обухова\$ // детская психология **или там** возрастная психология* (ОРД);

* *хезитатив + аппроксиматор*; ПМ образовался из сочетания союза *или* и разговорной частицы *там*, имеющей значение ‘например’, не зафиксированной в этом значении ни в одном словаре и ставшей результатом грамматикализации наречия *там*;

27) *И вот когда месили торф этот и стали грузить в вагон / ну и **короче** / там получился ЧП / что **короче** она этот... ну / **короче** / у нее... она... Думали / что будет бездетная* (УП);

* три *хезитатива*; образованы от формы сравнительной степени наречия *коротко*; прагматикализации и в этом случае предшествовал процесс грамматикализации, в результате чего образовалось вводное словосочетание *короче говоря*; далее произошла утрата глагольного компонента, единица подверглась прагматикализации, и появился один из очень частотных прагматических маркеров русской устной речи *короче*;

28) *(а) так это что / я должен выйти в... в это вот / (э-э) выйти // **щас-щас-щас** // ну подожди* (ОРД);

* *хезитатив*; редуцированная и амплифицированная форма наречия *сейчас*; без редупликации в роли ПМ практически не встречается;

29) *в этом **собственно** (...) как сказать / в этом ... *П загадка России* (ОРД);

* *хезитатив*; как правило, в явном хезитативном контексте; прагматикализации подверглась форма, прошедшая этап грамматикализации – функционирование в роли вводного словосочетания *собственно говоря*; утрате значения сопутствовала и утрата глагольного компонента;

30) *ну **так** может быть уже / вот сейчас и поменять?* (ОРД);

* *стартовый*, а также *ритмообразующий* маркер;

31) *а-а *П э судья на Колю% **так** / тиш(;) ! *П вы не на базаре* (ОРД);

* *ксенопоказатель*; из трех словарных значений слова *так* – наречие, частица и союз [Словарь русского языка, 1988, с. 332–334] – прагматикализации подверглось только наречие; получившийся в результате маркер-ксенопоказатель реализует в данном контексте дополнительное значение *изобразительности*: употребляя его, говорящий имеет в виду,

что передаваемая им фраза была сказана каким-то определенным («говорящим») образом;

32) *он меня выдергивал можно сказать // <...> ну давай- давай вот очень хо... если ты в Питере\$ ну да приедь **там** да-да на полчасака **там** да-да **туда-сюда** (ОРД);*

** хезитатив + ксенопоказатель там и маркер-заместитель туда-сюда;*

33) *когда / идет дождь / и на лужах пузырьки / большие / это значит говорит о том что дождь будет идти еще долго-долго // **что еще** // когда мы / там про костер что-то было / про костер (САТ);*

** хезитатив + метакоммуникатив + навигатор по тексту; данный полифункциональный ПМ вербализует процесс припоминания говорящим слова или выражения и реализуется как вопросительно-риторическая конструкция, помогающая продвинуть монолог или реплику вперед;*

34) *носик закапайте / *П вчера / просто вчера вечером / не успела подойти *Н // *Н @ *Н // из носа / прозрачные выделения / **или как ?** (ОРД);*

** рефлексив; в данном контексте доктор в разговоре с пациентом предполагает, по какой причине тот просит **закапать** ему носик, – и рефлексировывает с помощью ПМ на высказанное им же предположение (**прозрачные выделения**).*

Из примеров хорошо видно функциональное разнообразие адвербиальных ПМ, а также полифункциональность большинства из них.

Прагматические маркеры, происходящие из частиц (партикулярные)

Частицы также довольно часто становятся прототипом того или иного ПМ, и именно к частицам относит многие из ПМ традиционная грамматика. Частицы эти весьма разнообразны, ср.:

35) *бабка / **вон там вот вон там вот** идите туда-то (ОРД);*

** дейктическая функция, реализованная рядом указательных компонентов; здесь можно говорить о дублировании дейктического маркера **вот (...)** **вот**, который занимает в списке ПМ особое место, поскольку существует исключительно как структурная модель, которая каждый раз заполняется новой указательной единицей: **вот так вот, вот такой вот, вот отсюда вот** и т. д. Какой-то единственной базовой (стандартной) формы этот маркер попросту не имеет. Ни словари, ни грамматики русского языка не выделяют эту конструкцию как самостоятельную единицу, хотя она является весьма распространенной в устном дискурсе;*

36) *Многие из них шарлатаны. И кстати Мессинг пишет / что **вот** / я значит знаю [нрзб] **Которые там с ним работают / помощников / это хорошо разработанная система вопросов / ответов / все это легко объяснить** (УП) (* ксенопоказатель);*

37) *э-э естественно там / э-э за три недели отдыха это барчик выбираешь там / бутылочку коньяка это / всегда с удовольствием // **вот** (САТ);*

* *финальный* маркер; в этой функции слово *вот* фиксирует конец фразы или текста, обычно составляя отдельную синтагму;

38) *можно почувствовать самому☺ и не просто в виде туриста а в виде человека который / э-э в качестве человека который там работает / э-э и как бы живет наверно // **вот так вот** // страна изумительная потому что они другие // они по-другому мыслят (САТ);*

* *дейктический* ПМ *вот* (...) *вот*, включающий на этот раз в качестве переменного слота указательное наречие *так*; в данном контексте этот маркер выполняет еще и функцию *навигатора* по тексту;

39) *так // **вроде** всё я взяла // *П *Н на всякий случай взять ? (ОРД);*

* *маркер-аппроксиматор*, показывающий неуверенность говорящего в сказанном/сделанном. В научной литературе единица *вроде* рассматривается как *омокомплекс*, объединяющий ряд функциональных омонимов: (1) *(в)роде* – предложно-падежная форма, прошедшая этап грамматикализации и послужившая источником других омонимов; в современном языке практически вышла из употребления; (2) *вроде* – производный предлог; (3) *вроде* – частица (наиболее частотный из омонимов); (4) *вроде* – часть формирующегося союза *вроде (бы) как, вроде (того) как* [Семенова, 2000]. О прагматикализации можно говорить, по-видимому, только для частицы *вроде*.

40) *По вооружению / когда наши начали поставки в Индию / заключать договора / Америке это не понравилось / она начала на Россию наезжать / что **вроде того** зачем вы это делаете (УП);*

* компонент *ксенопоказателя*; в функции *ксенопоказателя* способны выступать все три структурных варианта данного ПМ: *вроде – вроде того – вроде того что*;

41) *да / вот шестерка / которая... / была ... / **да** (ОРД);*

* *стартовый* ПМ и маркер-*метакоммуникатив* в монологе зубного врача;

42) *как бы () *В по... ну посмотреть / чтобы не давило (ОРД);*

* в приведенном употреблении реализованы сразу три функции, составляющих характеристику данного ПМ: *аппроксиматор*, *хезитатив* и *стартовый* маркер;

43) *вот // а у меня *П родители прошарили эту тему // они как ? они сделали по документам () **якобы официально развелись** *П хотя живут вместе // *П папа прописал к себе () сестру а мама меня (ОРД);*

* *ксенопоказатель* и *аппроксиматор* одновременно; отнесение этого слова к классу *ксенопоказателей* достаточно спорно, хотя и вполне вероятно, тогда как выражение неуверенности говорящего в передаваемых словах представляется несомненным.

Приведенные примеры показывают, что с классом частиц у русских ПМ сохранились, пожалуй, наиболее тесные отношения.

Амплифицированные единицы в роли ПМ

Особую группу в классе ПМ составляют *амплифицированные единицы*, образованные на базе разных частей речи. Отличительным их признаком является неоднократность, повторяемость; функции при этом могут быть весьма различными, ср.:

44) *сплавляли (...) наверно (...) да () да-да-да # по воде плывешь куда угодно / да ?* (ОРД) (*метакоммуникатив*; *да* чаще всего становится основной амплификации);

45) *когда вот @ ты понимаешь @ когда вот это планирование было / всё знаешь что всё-всё это будет зарплата тэ-тэ-тэ / и всё это знаешь вот как бы / человек ждал / ждал / а потом е... а потом раз / он-он-он / и ты понимаешь / что ничего такое () / оказывается не происходит* (ОРД) (*маркеры-заместители перечисления*);

46) *и она как на нас налетела ! вот там ты-ты-ты-ты-ты-ты / да мы алкаши там / ну что-то там такое / я не помню* (ОРД) (*маркер-заместитель начала чужой речи*);

47) *что у нас там дальше идет ? (а-а) *В та(:)к / так-так-так-так // Дзержинск\$ // от вас было (м-м) ... тридцать один тридцать пять* (ОРД) (*хезитатив*).

В примерах (45)–(46) основой амплификации стала не часть речи, а слово, которое можно квалифицировать, скорее, как звукоподражание, что только подчеркивает богатую лексико-грамматическую «палитру» единиц, ставших прототипами ПМ.

Заключение

Предложенная грамматическая «предыстория» русских прагматических маркеров расширяет наши представления об активных процессах, наблюдаемых в устном дискурсе, и помогает прояснить пути эволюции многих языковых единиц.

Литература

Богданова-Бегларян Н. В. Глаголы в устной речи: путь от лексемы к прагматеме (от значения к функции) // Acta Linguistica Petropolitana : тр. Ин-та лингвистических исследований / гл. ред. Е. В. Головкин. Т. 15, ч. 3. I. Актуальные проблемы изучения русского глагола / ред. М. Д. Воейкова, Е. Г. Сосновцева; II. Varia. СПб. : ИЛИ РАН, 2019. С. 113–133.

Богданова-Бегларян Н. В. *Король делает свита*: о дополнительных условиях прагматизации языковых единиц в повседневной речи // Труды междунар. конф. «Корпусная лингвистика-2019» / В. П. Захаров (отв. ред.). СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019б. С. 317–324.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpora.ru>.

Один речевой день. Звуковой корпус русской повседневной речи. URL: <https://ord.spbu.ru>.

Подлесская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог» (2013). Вып. 12 (19). В 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М. : РГТУ, 2013. С. 631–643.

Прагматические маркеры русской повседневной речи : словарь-монография / сост., отв. ред. и авт. предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб. : Нестор-История, 2021.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / под ред. Н. В. Богдановой-Бегларян. СПб. : ЛАЙКА, 2016.

Семенова О. В. Морфологический статус и синтаксические функции слова «вроде» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.

Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. С–Я. Изд. 2-е, испр. и доп. / гл. ред. А. П. Евгеньев. М. : Русский язык, 1988.

Шерстинова Т. Ю. О повторах дискурсивных слов в повседневной речевой коммуникации (на материале русского языка) // Proceedings of the 45th International Philological Conference (IPC 2016). Vol. 122. Ser. Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR) / eds. S. Monakhov, I. Vasilyeva, M. Khokhlova. Atlantis Press. P. 480–483.

N. V. Bogdanova-Beglarian (St. Petersburg)

GRAMMATICAL “BACKGROUND” OF PRAGMATIC MARKERS OF RUSSIAN EVERYDAY SPEECH

Abstract. The article examines the class of pragmatic markers (PM) from a grammatical point of view as special functional units of oral discourse, characterized by a complete or partial loss of grammatical meaning. This is usually accompanied by a weakening or loss of lexical meaning, which takes these units beyond the scope of familiar words and draws attention to their functions in speech (pragmatic meaning). Having become the result of the pragmatization process, such units still retain the “memory of their roots”, which, on the one hand, allows them to be systematized for the purposes of scientific description not only pragmatically, but also grammatically, and, on the other hand, complicates both such a description itself and even just the isolation of PM in the text, which is actively “hindered” by their homonymy with grammatical prototypes. Such homonymy is “allowed” only in context and actually makes automatic annotation of corpus material impossible, and also generates many problems in the practice of teaching Russian as a foreign language or the practice of translating Russian literary texts containing PM in the speech of characters into other languages.

Keywords: oral discourse, corpus approach, pragmatic marker, pragmatization, grammatical “prototype”.

Н. В. Кузнецова, кандидат филологических наук, доцент
Тюменский государственный университет, г. Тюмень
О. В. Почтарёва, кандидат филологических наук, доцент
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

«ТАК-ТО ДА, А ТАК – НЕТ»: К ОПИСАНИЮ КОННЕКТОРА А ТАК / ТАК-ТО...А

Аннотация. Анализируются единицы А ТАК / ТАК-ТО...А, не отмеченные ни в одном из современных словарей и справочников. Они выступают в качестве коннекторов, выражающих заместительные отношения между ситуациями или употребляющихся в инферентивном значении. Рассматриваются синтаксические свойства этих коннекторов и типы их значений. Установлено, что коннектор А ТАК может быть маркером генерализации, если он используется для противопоставления единичной детали и общей оценки ситуации. Другой тип его значения – противопоставление реальной ситуации и ирреальной, состоящей из двух компонентов. Единица А ТАК-ТО, ТАК-ТО...А / НО / ТОЛЬКО рассматривается как вариант коннектора А ТАК, играющего роль только маркера генерализации, который противопоставляет общую оценку ситуации и ограничивающую ее единичную деталь.

Ключевые слова: коннектор, заместительные отношения, семантика, служебное слово, синтаксис.

Предпримем попытку сделать краткое описание коннектора А ТАК и его модификаций А ТАК-ТО, ТАК-ТО...А / НО / ТОЛЬКО по схеме, предложенной составителями базы «Рускон» [ruscon.iling-ran.ru]. Заметим, что в этой базе искомая единица представлена только в качестве квазикоррелята единицы ЕСЛИ БЫ... (А / НО) (ТО / ТАК), выражающей заместительные отношения, тогда как, по нашим наблюдениям, искомым коннектор часто функционирует самостоятельно.

Первый пункт – отражение в словарях, справочниках и академической грамматике – придется пропустить, так как описываемый коннектор не упомянут в толковых словарях русского языка [Словарь русского языка – Большой толковый словарь ..., 2004; Ожегов, Шведова, 2006]²¹, в специальных словарях («Словарь служебных слов русского языка» [2001], «Объяснительный словарь» [Морковкин, 2003], «Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову» [Рогожникова, 2003]), в русской «Грамматике-80» [Русская грамматика, 1980]²². Среди исследований, посвященных связующим средствам в сложном предложении и тексте, коннектор *а так* упоминается лишь в монографии М. В. Ляпон, где ему посвящено несколько строк в главе о средствах выражения противительности, в разделе

²¹ При том, что вообще в статьях, толкующих слово *так*, приводится много устойчивых сочетаний. Например, в словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой их более 30: *и так, за так, не так чтобы, так-сяк, как бы не так* и мн. др.

²² Появление «относительно полного» списка в несколько сотен связующих единиц, приведенного в этой грамматике, было «важным шагом вперед в изучении проблемы скреп» [Черемисина, Колосова, 1987, с. 124]. Однако единица *а так* в этот список не вошла.

о релятиве *только*. Указывается, что участие *только* в составе этой части факультативно» [Ляпон, 1986, с. 161]. В качестве единственного примера приводится фрагмент из воспоминаний Н. Павлович – слова матери А. А. Блока о сыне: *Он только одного беспокойства мне не доставил – на аэропланах не летал. А так – я вечно за него боялась*. Между тем А ТАК является частотным в русской речи: в основном корпусе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorpora.ru] обнаружено более 2 тыс. примеров его употребления, в устном корпусе – около 1000 примеров. Модификации менее частотны, но всё же нередко встречаются в русской речи.

Примеры употребления. Посмотрим на контексты:

Самое удивительное, что я никак не могу написать его словесный портрет. (...) что-то возвышенное, интеллигентное замечалось во всей его повадке. А так – ни одной заметной черты: рост средний, глаза никакие, нос обыкновенный, рот обыкновенный, подбородок обыкновенный (В. Катаев, 1975–1977);

Тетка осталась с младенцем. Хорошо, что Угаров не был ее мужем. Иначе бы тетку сослали. А так – сослали его жену и детей (С. Довлатов. Наши).

Анализируемый коннектор употребляется с полными финитными клаузами, причем заметное количество представленных контекстов содержат именную часть сказуемого и нулевую связку. Также невозможно не заметить довольно много примеров со словами ДА и НЕТ. Не случайно такое употребление мы вынесли в заголовок нашего доклада. Подобное использование обыгрывается, например, в известном анекдоте: *«Моя подруга очень любит лягушек. Нет, совсем не в том смысле, как в анекдоте: «Любите ли вы помидоры?» «Есть люблю, а так – нет»* («Homes & Gardens», 2004).

Синтаксические свойства единицы А ТАК

Позиция в клаузе исключительно начальная.

Порядок клауз – постпозиция.

Вообще зимой красивее в лесу. Летом лес зависим от освещения, а так он зеленый («Наш современник», 2004).

Допустимость в независимой позиции (парцелляция) – да.

Среди всех примеров больше половины содержат А ТАК, начинающее собой независимое предложение, например:

Ты ведь брякаешь по привычке. А так ты ведь добрая. Только неверную установку на жизнь взяла (В. Черных. Москва слезам не верит);

И хорошо, что никому ничего про себя не известно заранее. Если бы знали, воевать бы не смогли. А так каждый надеется (Г. Бакланов. Навски девятнадцатилетние).

Иногда присоединяемая коннектором часть состоит только из него и сопровождается многоточием, например:

– Если бы пираты не разрушили систему видеорынка, производство сериалов было бы, наверное, даже выгодным. А так... («Известия», 2001)

Коннектор двухкомпонентный, причем его элементы неразрывны, т. е. он семантически не композиционален: при опущении частей меняется значение.

Семантический модуль

Обратимся к анализу отношений между ситуациями в тексте, выражаемых коннектором А ТАК. М. В. Ляпон в главе об уступительных значениях в тексте, приводя единственный пример употребления сочетания А ТАК, указывает, что «релятивом *а так*» оформляется противопоставление частного и общего, исключения и нормы: «Вторая часть таких построений представляет обычное положение дел (общее правило), первая часть содержит ограничивающую это правило информацию» [Ляпон, 1986, с. 161]. В таком определении зафиксировано заместительное значение коннектора.

Наши наблюдения показывают, что для коннектора А ТАК действительно характерно это значение – противопоставление части и общего – т. е. использование его в функции маркера генерализации:

Я включаю радио и отслушиваю все хиты, все самые последние направления, потому что мне просто это необходимо знать для работы, для того, чтобы делать аранжировки, выбирать манеру исполнения, использовать какие-то сегодняшние ходы. А так я люблю классическую музыку – Шопена, Рахманинова, Листа, Гайдна («Семья», 2000).

Часто противопоставляются отдельные факты: частное и общее, причем это общее нередко заключает в себе оценку:

*Его слегка **шатнуло** из стороны в сторону. – Немного **штормит**. Боков попытался растянуть в улыбке бескровные серые, как табачный пепел, губы. – **А так хорошо**. Не то слово, как хорошо (А. Троицкий. Удар из прошлого).*

Сначала перечисляются детали, а потом объявляется об их незначимости для общей оценки ситуации. Такой пример может быть охарактеризован как инферентивный, т. е. его смысл разворачивается примерно так: *«Штормит, а если не принимать это во внимание, то хорошо!».

Еще один пример:

*В итоге, три четверти мизерного тиража осело в кладовке между пылесосом и бельевого корзиной. **Кое-что раздарил по мелочи**, а так – лежат мертвым грузом (С. Гандлевский, 2002).*

Но есть и другие примеры: в них противопоставляется не частное и общее, а реальная ситуация и ирреальная, состоящая из двух частей. Ср:

*Не знаю, как у меня **сложилась бы судьба, останься я в спорте**. А так я раскланялся при полной любви к себе зрителей, слушая, как со всех сторон говорят, что я рано покидаю лед (Н. Бестемьянова, 2000–2001);*

Удар-р-р-р! Сильнейший маэ-гери. Будь дверь похлипче – получилась бы. А так она гулко задрожала – но и Ломакин «скамертонил», в голове задребезжало (Андрей Измайлов. Трюкач).

В таких случаях общая ситуация может быть заменена на слово НЕТ. Сырость же шла оказывается оттого, что здесь, в чужом дворе было очень темно, солнце даже не могло упасть, если **только** в сильную полдневную жару – **а так нет** (Б. Минаев. Детство Левы).

Обратим внимание, при использовании слова НЕТ общая ситуация, как правило, названа в предтексте, а сочетание А ТАК НЕТ, повторно называющее эту ситуацию, подчеркивает противопоставление. Еще один пример:

.. Давид Яковлевич, я не чувствую себя евреем. Я только по паспорту еврей, а так нет. Да я и не люблю евреев, мне даже обидно, что я еврей (В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами).

Мы уже отмечали, что коннектор А ТАК может сопровождаться многоточием, представляя собой единственную часть клаузы. Это происходит чаще всего в том случае, когда реальная ситуация противопоставляется ирреальной:

– Скажите, с ним действительно никак невозможно увидеться? – *Если бы вы были прокурором или начальником тюрьмы, то могли бы видеться с ним ежедневно*, – ответила старуха. – **А так...** – она печально покачала головой (А. Р. Беляев. Чудесное око);

– *Чтобы потом слушать твои крики? На фиг не надо. Если бы ты позаботился о болящем товарище и заранее пригласил бы соответствующий персонал, пусть даже и мед...* **А так...** – Стас махнул рукой и сел на табурет (Н. Леонов, А. Макаев. Эхо дефолта).

После А ТАК..., представляющего единственную часть клаузы (с многоточием), обычно идет описание движения персонажа: говорящий как бы отказывается от вербального продолжения высказывания, заменяя его невербальным компонентом коммуникации типа *махнул рукой, пожал плечами, вздохнул* и т. п.

Кратко охарактеризуем другой коннектор – А ТАК-ТО, ТАК-ТО...А / НО / ТОЛЬКО, который также не упомянут в словарях и справочниках. По сравнению с А ТАК он гораздо менее частотен и употребляется исключительно в разговорной речи или в стилизованных контекстах. Например: *Да я прям не знаю... Он мне все мозги запудрил с этим морем. Я уж и не знаю, как теперь... Вроде так-то охота, а у самой душа в пятки уходит – боюсь* (Василий Шукшин. Печки-лавочки). Попробуем изменить порядок частей предложения с ТАК-ТО, А: *«Боюсь, душа в пятки уходит, а так охота [на море]»*.

Установленное нами семантическое тождество единиц ТАК-ТО...А / НО / ТОЛЬКО и А ТАК(-ТО), проявляющееся при экспериментальной перестановке частей подобных предложений, позволяет считать эти единицы вариантами одного коннектора.

Интересно, что выражение ТАК-ТО ДА... считается уральским регионализмом. Сравним название школы ораторского искусства и актерского мастерства в Перми: ТАК-ТО ДА SCHOOL [<https://www.kommersant.ru/doc/5117033>]. Или замечание пользователя живого журнала (запись от 5 июня 2012 г.): «...чувак приезжал из какого-то другого города, из Владика что ли, и сказал, что у нас в Тюмени есть выражение, которое мы очень часто произносим, как нигде в других городах. это выражение – ну так-то да...» [<https://fandorinaliza.livejournal.com/169101.html>].

Кратко охарактеризуем синтаксические свойства коннектора ТАК-ТО...А / НО / ТОЛЬКО.

Позиция в клаузе – далеко не всегда начальная, часто фиксируется «вакернагелевская» позиция.

Порядок клауз – препозиция, например:

Они **так-то** чай всё без сахара пьют / **а** вот в добавочку-то... (Разговор на кухне, 2005).

Использование в независимом положении – не зафиксировано.

Основная часть коннектора состоит из единицы ТАК-ТО, а вторая может быть представлена квазикоррелятами А, НО, ТОЛЬКО. Пример:

Я голосовал за Жириновского в то время. **Так-то** он человек немного взбалмошный / **но** очень уж резкий и может сказать в глаза правду (Беседа с социологом на общественно-политические темы, 2003);

И стены у них не обоями обклеены / а покрашены / с рисунками. То есть **так-то** однородно выкрашены / **только** кое-где в качестве декоративных элементов рисунки такие интересные (Праздный разговор. Из материалов Ульяновского университета, 2006).

Квазикоррелят при ТАК-ТО, по нашим наблюдениям, обязателен. Однако так как в устной речи частотны «оборванные фразы», вторая часть может не проговариваться. Сравним случай, когда квазикоррелят заговорящего произносит, задавая уточняющий вопрос, его собеседник: № 0: Игорь / Вы каких людей... № 4: Я не знаю / я тоже согласен с мужчиной насчет Кеннеди. Больше я / в принципе / **так-то** особо ни к кому особо отношения нет. № 0: **Только** Кеннеди? № 4: Ну / да (Беседа с социологом на общественно-политические темы, 2003).

Семантика коннектора ТАК-ТО...А / НО / ТОЛЬКО также замещающая, но только в том случае, если противопоставляются частное и общее, однако порядок частей конструкции, по сравнению с А ТАК, противоположный: вначале названа общая ситуация, а затем – какая-то деталь, которая ее ограничивает. Сравним: То есть, вот мальчики дружат, тусуются, слушают музыку, начинают пить водку, прячутся от родителей, ходят на дискотеки, сами чего-то придумывают про жизнь, про мужскую дружбу, про то, что, мол, навсегда, а потом вдруг, хоп, появляется девочка. Непонятно все это. То есть, **так-то** вроде бы все понятно. Вроде все так и должно быть – ну, там, мальчики-девочки. Это все

хорошо. *Но почему-то никогда нормально не складывается* (А. Геласимов. Ты можешь).

Для противопоставления реальной и ирреальной ситуации коннектор ТАК-ТО...А / НО /ТОЛЬКО, по нашим наблюдениям, не используется.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2004.

Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М. : Наука, 1986.

Морковкин В. В. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Около 1200 единиц. М. : АСТ, 2003.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006.

Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: Около 1500 устойчивых сочетаний русского языка. М. : Астрель : АСТ, 2003.

Рускон – база коннекторов русского языка. URL: <https://ruscon.iling-ran.ru>.

Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1980.

Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.

Словарь служебных слов русского языка / отв. ред.: А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова. Владивосток, 2001.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.

N. V. Kuznetsova, Candidate of Philology, Associate Professor (Tyumen)

O. V. Pochtareva, Candidate of Philology, Associate Professor (Tyumen)

«ТАК-ТО ДА, А ТАК – НЕТ»: TO THE DESCRIPTION OF THE CONNECTOR *A TAK / TAK-TO...A*

Abstract. The paper analyzes the units *A TAK / TAK-TO...A*, which are not noted in any of the modern dictionaries and reference books. They act as connectors expressing substitutive relations between situations or used in an inferential meaning. The syntactic properties of these connectors and the types of their meanings are considered. It has been established that the connector *A TAK* can be a marker of generalization if it is used to contrast a single detail and a general assessment of the situation. Another type of its meaning is the contrast of a real situation and an unreal one consisting of two components. The unit *A TAK-TO, TAK-TO...A / NO / TOLYKO* is considered as a variant of the connector *A TAK*, playing the role of only a marker of generalization, which contrasts the general assessment of the situation and a single detail limiting it.

Keywords: connector, syntactic substitution, semantics, linking word, syntax.

ТЕНДЕНЦИИ В УПОТРЕБЛЕНИИ ПРЕДЛОГОВ: ОШИБКА, КРЕАТИВ ИЛИ НОРМА СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования отдельных предлогов, сочетающихся в русской разговорной речи с начальной формой глагола: «на + инфинитив» типа *на подумать* (с целевым или атрибутивным значением) и «про + инфинитив» типа *про сделать* (со значением характеристики предмета речи). Данные структуры не получили однозначной семантико-грамматической квалификации, однако выделяются случаи сочетаемости предлогов с определенными семантическими группами глагольных слов и употребление их в конкретной синтаксической роли. Отмечаются примеры фразеологизации предложно-падежных форм за счет приобретения ими признаков устойчивости и семантико-синтаксической неразложимости. Этот процесс затрагивает в том числе и сочетание предлога *в* с формой предложного падежа имен существительных (*в ресурсе, в потоке, в моменте*).

Ключевые слова: предлог, предложно-падежная форма, разговорная речь, грамматическая норма, семантика.

В последнее десятилетие большой объем коммуникативных контактов приходится на виртуальную сферу, где язык подвергается значительному, но далеко не всегда положительному влиянию так называемых интернет-трендов, к которым относится и использование искусственного интеллекта, и увлечение компьютерными играми и др. Границы между виртуальным и реальным коммуникативными пространствами становятся подвижными, а в речепотреблении появляются слова, выражения и целые конструкции, неоднозначно трактуемые с грамматической точки зрения.

В настоящей статье хотелось бы остановиться на рассмотрении отдельных предложно-падежных конструкций, которые, на наш взгляд, вошли в русскую разговорную речь, но не получили своей семантико-грамматической квалификации.

Так, хрестоматийная мысль о том, что предлог *в* в русском языке управляет именной группой, неожиданно подвергается сомнению, когда в разговорной речи мы слышим столь непривычное сочетание *на подумать*, имеющее достаточно широкое распространение: *Это вам «на подумать»*. *Предлагаю задачу «на подумать»*. *Мне рекомендовали фильм «на подумать»*. *«Темы на подумать» случаются и пр.*

Обратившись к коммуникативному интернет-пространству, обнаруживаем, что данное сочетание уже используется как имя собственное, поскольку является названием плейлиста на RUTUBE [rutube.ru], в котором представлены видео с мыслями и идеями блогеров о карьере, бизнесе, саморазвитии. Кроме того, в мессенджере Телеграм [t.me] создан канал «На подумать», автор которого делится с подписчиками подобными размышлениями. На сайте «Стихи.ру» [stihi.ru] размещено стихотворение с таким же названием.

Заметим, что семантика выражения *на подумать* толкуется путем подбора целого ряда синонимических предложно-падежных конструкций, не нарушающих, в отличие от названной, грамматических норм русского языка: *на размышление / для размышления (ий)*, *на обдумывание / для обдумывания*, т. е. предлог *на* используется при обозначении цели, к которой направлено действие, либо указывает на целевое назначение предмета. Данное значение характерно для него в целом ряде словосочетаний и соответственно – ситуаций: *пропуск на вход, разрешение на проезд, подарок на праздник; сдать на проверку, предложить на выбор, принести на осмотр* и др.

В то же время предлог в рассматриваемой нами конструкции *на подумать* не выражает синтаксическую связь некоторого слова и инфинитива. При этом, вопреки мнению ряда исследователей о десемантизации предлогов, присоединяющих зависимое слово (например, Ю. Д. Апресяна [1974] или Г. А. Золотовой [1973]), в данной конструкции предлог становится, напротив, семантически емким.

С одной стороны, реализация этой конструкцией целевого значения подтверждается подбором синтаксического синонима, равного по форме целевому придаточному. Сравним: *Предлагаю посмотреть фильм «на подумать»* = *Предлагаю посмотреть фильм (с какой целью?), чтобы можно было подумать*. В этом случае предложение рассматривается как сложноподчиненное расчлененной структуры с придаточным цели.

С другой стороны, возможно следующее «развертывание» конструкции «на подумать»: *Предлагаю посмотреть такой фильм (какой?), чтобы можно было подумать*. Тогда придаточная часть распространяет сочетание существительного с препозитивным указательным местоимением *такой* и рассматривается как присубстантивно-атрибутивная.

Сказанное позволяет нам сделать вывод о синкретичности значения предлога *на* в конструкции *на подумать*: сочетании целевого и атрибутивного значений.

Если обратить внимание на то, что в грамматически верных предложно-падежных сочетаниях целевое значение реализуется у предлога *на* в случае, если опорным компонентом является либо глагол, либо отглагольное имя существительное (ср.: *копить на телевизор, накопления на черный день*), а сочетание *на подумать* примыкает к имени существительному, как правило, со значением продукта интеллектуальной или творческой деятельности (*книга, фильм, задача, текст, сюжет* и пр.), то можно констатировать все же доминирование атрибутивной семантики над целевой, поскольку выбор значения предлога определяется значением главного имени существительного, например, *информация из серии «на подумать»*, *кинопросмотр «на подумать»*, *самая нужная книга «на подумать»*, *мысль дня вам «на подумать»* и др.

В Национальном корпусе русского языка [ruscorp.ru] находим употребление данного выражения в художественном дискурсе (1997 г.):

«Поэтому во время первого разговора с неизвестной вымогательницей сильно упираться не будет, попросит время **на «подумать»** и бросится докладывать тому, на кого работает» (А. Маринина. Мужские игры). В данном контексте сочетание *на подумать* распространяет субстантив *время* и указывает на целевое использование времени соответственно. Сравним реализацию этого же значения при сочетании *на подумать* с другими именами, обозначающими отрезок (промежуток) времени:

За те двадцать минут, которые нам отвели на подумать о жизни, мы успели подражаться двадцать раз...» (Н. Абгарян. Все о Манюне);

Есть еще, может быть, неделя на подумать, пораскачиваться и засучить рукава («Дело» / Самара).

И еще одно замечание: выражение *на подумать* по сути является тождественным по семантике фразеологизму *пища для ума* – ‘что-то требующее размышления’ (у М. И. Михельсона встречается еще иносказательное *пища умственная* – ‘необходимая для умственной жизни’). Сравним: *«Дни чередовались днями с тем удручающим однообразием, которым так богата деревенская жизнь, если она не обставлена ни комфортом, ни хозяйственным трудом, ни материалом, дающим пищу для ума»* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

На наш взгляд, сочетание *на подумать* в настоящее время также приобрело устойчивый характер, при этом отсутствие живых синтаксических связей между компонентами лишь ускорило процесс фразеологизации рассматриваемой конструкции и сделало ее синтаксически нечленимой и семантически неразложимой.

Выбор компонента *подумать* имеет лингвокультурную обусловленность и отражает общую тенденцию к переосмыслению данной лексической единицы. Сравним, например, употребление инфинитива *подумать* с частицей *только* или без нее, а также формы повелительного наклонения *подумай(те)* в значении вводного слова для выражения удивления или указания на необычность, странность чего-либо: *Подумать только, как люди могут себя преподнести! Подумать только, сколько он пережил! Синтаксический фразеологизм представляет собой разговорное выражение (Нет,) вы подумайте!* Иронично или насмешливо звучат фразы *Можно подумать! Подумаешь...*

Сочетания, подобные *на подумать*, не только становятся маркерами разговорной повседневной речи, но и проникают в пространство художественной литературы. Нами фиксируются следующие обороты в различных дискурсах:

на поест (на покушать) (Ср.: *Дать тебе денег на покушать в столовой?*);

на заинтересовать (Ср.: *Это рекламный трюк. Расчет на заинтересовать* (из форума));

на поговорить (Ср.: *Неточка Незванова* думает, что спасает, а то-пнит, очевидность моей неспособности ни на что, **на «поговорить»** тем паче (М. Вишневецкая. Вот такой гобелен));

на посмотреть (Ср.: *Екатеришка* всегда, раздав самостоятельные **на посмотреть**, собирала их обратно, а потом сдавала в макулатуру (Г. С. Зеленина. Куриная Слепота и ее обитательницы)).

Заметим, что к ненормативным фактам разговорной речи относится и употребление с инфинитивом предлога *про*, который в сочетании с именем передает объектное значение. Ср.:

1) *Эмоциональная Забота не **про накормить, одеть, обеспечить**. Забота родителя заключается в том, что его теплые руки согревают любую рану ребенка...* (<https://www.b17.ru/media/99634>);

2) *Психолог – это не **про рассказать** человеку, как ему жить, а **про помочь** человеку...* (https://www.b17.ru/article/glazami_klienta);

3) *Качество – это **про «сделать классно»** с точки зрения многих сторон: разработки, заказчика и конечного пользователя* (https://vk.com/wall-50684204_5942).

Выделенные конструкции выполняют синтаксическую функцию именной части составного сказуемого, т. е. им свойственна функция характеристики предмета речи.

Употребление разговорного предлога *про*, синонимичного *о*, придает конструкциям обиходно-бытовой характер и служит в представленном психологическом дискурсе, по всей видимости, цели расположить адресата речи, установить доверительные отношения. Наблюдения за языковым материалом показали, что в таких сочетаниях в основном встречаются глаголы со значением воздействия на объект (чаще – положительного), при этом использование отглагольного существительного (с предлогом *о*), которое могло бы быть употреблено в случае грамматически корректного выражения мысли, обеспечило бы отнесенность высказывания к книжной речи и привело к стилистическому и смысловому диссонансу (ср. *забота не про обеспечить* – **забота не об обеспечении* и т. п.).

На наш взгляд, функционирование конструкции *про* + инфинитив для обозначения объекта речи, размышлений, забот и пр. обусловлено законом экономии языковых средств, так как попытка подобрать грамматический синоним приводит к «разворачиванию» высказывания до сложно-подчиненного предложения. Применительно к приведенным выше примерам возможны следующие структуры:

1) предложение, построенное по модели *X заключается (не) в том, чтобы + инфинитив* (= *Эмоциональная забота заключается не в том, чтобы обеспечить...*);

2) предложение, построенное по модели *X – это (не) тот, кто (который)...* (= *Психолог – это не тот, кто расскажет человеку...*).

3) предложение, построенное по модели *X – это свойство предмета, который сделан классно...* (= *Качество – это свойство предмета, который сделан классно...*).

В первом примере синтаксические отношения устанавливаются с помощью изъяснительного придаточного, во втором и третьем примерах – с помощью определительного придаточного, следовательно, перед нами своего рода семантические разновидности. Именно такие грамматические трансформации дают понять: подобные конструкции используются не для указания на объект, а для обозначения существенных свойств, отличительных признаков, основных черт того, что (кто) становится предметом речи (или для отрицания таковых, если функционируют в отрицательных конструкциях соответственно). Примеров с иными функциями, которыми можно было бы наделить сочетание *про + инфинитив*, в материалах нашего исследования не обнаружено.

Обращают на себя внимание и широко распространенные в настоящее время предложно-падежные формы «*в + имя существительное* в предложном падеже», играющие, как и конструкции выше, роль именной части составного предиката в предложениях типа *Я в теме*. В приведенном примере предложно-падежная форма приобрела характер устойчивой, подверглась фразеологизации и, как следствие, кодификации: *в теме* разг. ‘быть в курсе чего-л.; обладать необходимыми сведениями, знаниями относительно кого-чего-л., чтобы свободно ориентироваться в какой-л. области деятельности, занятий и т. д.’ [БУСРЯ, 2018]. Этим же грамматическим и семантическим потенциалом обладает выражение *в курсе* ‘об осведомленности кого-либо в чем-либо’ [СРЯ, 1986, с. 153]. Употребительным в разговорной речи, но не нашедшим, по нашим сведениям, отражения в нормативных словарях является конструкция *в кондиции(ях)* ‘в определенном состоянии, соответствующем некоему заявленному стандарту, норме, качеству’, например, *Наоборот, одежда с иголки, и сам спортивный, холеный, на руках каждый ноготь в кондиции, с виду – европеец и денди...* (Наль Подольский. Книга Легиона // «Октябрь», 2001).

Семантику состояния вербализуют и формы, которые стали распространены в речи современной молодежи и могут быть квалифицированы как сленговые:

- *в ресурсе* ‘в состоянии эмоционального и творческого подъема, полным сил’;
- *в потоке* ‘в состоянии полного понимания своих жизненных целей и путей их достижения’;
- *в моменте* ‘в состоянии ощущения конкретного времени, в котором проживаются конкретные эмоции’, например, *Жизнь в моменте: что это такое, зачем и как этому научиться?* (<https://4brain.ru/blog/zhizn-v-momente-chto-eto-takoe/>).

Итак, формы предложного падежа отдельных имен существительных в сочетании с предлогом *в* носят устойчивый характер и также имеют тенденцию к идиоматизации, что расширяет корпус грамматических фразеологизмов, генетически восходящих к предложно-падежным формам со значением состояния. Однако если в литературных сочетаниях типа *в шо-*

ке, в печали, в надежде и т. п. смысловая нагрузка лежит на имени существительном, то в относительно недавно появившихся в речи сленговых выражениях семантическая емкость обеспечивается самой лексико-грамматической структурой.

Хотелось бы подвести к мысли о том, что некоторые предлоги демонстрируют в современной русской речи нестандартную сочетаемость, в частности с инфинитивом, при этом установление всех лексико-семантических групп глагольных слов, которые обнаруживают такие сочетательные возможности, пока остается нерешенной задачей. По нашим наблюдениям, те сочетания с предлогом, которые активно употребляются в разных актуальных для современного языкового сознания коммуникативных ситуациях, несмотря на несоответствие грамматической норме, закрепляются в виде устойчивых единиц. Для фразеологической системы отсутствие между компонентами идиомы живых синтаксических связей уже норма. Включение в речь нестандартной грамматической конструкции может рассматриваться как проявление лингвокреатива.

Литература

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М. : Наука, 1974.
- БУСРЯ: Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. М. : АСТ-ПРЕСС школа, 2018.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Наука, 1973.
- Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М. : Астрель: АСТ, 2004.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.
- СРЯ: Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. М. : Русский язык, 1986.

M. L. Lapteva, Doctor of Philology, Associate Professor (Astrakhan)

TRENDS IN THE USE OF PREPOSITIONS: ERROR, CREATIVITY, OR THE NORM OF MODERN SPEECH

Abstract. The article examines the functioning features of individual prepositions combined in Russian colloquial speech with the initial form of the verb: "on + infinitive" such as "to think" (with a target or attributive meaning) and "about + infinitive" such as "about to do" (with the meaning of characterizing the subject of speech). These structures have not received unambiguous semantic and grammatical qualifications, however, cases of combining prepositions with certain semantic groups of verb words and their use in a specific syntactic role are highlighted. Examples of phraseologization of prepositional-case forms due to their acquisition of signs of stability and semantic-syntactic indecomposability are noted. This process also affects the combination of the preposition B with the prepositional form of nouns (in a resource, in a stream, in a moment).

Keywords: preposition, prepositional form, colloquial speech, grammatical norm, semantics.

И. П. Матханова, доктор филологических наук, профессор
Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

МЕСТОИМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ С СЕМАНТИКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ ЦЕЛИ: ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

Аннотация. Исследуются местоименные наречия *зачем-то*, *зачем-нибудь*, *зачем-либо* как периферийные явления. Определяются семантические свойства анализируемых слов, являющиеся результатом взаимодействия полей неопределенности и цели, к которым относятся ограничение на образование местоименных наречий с префиксами *кое-*, *не-*; наличие в высказывании двух субъектов (субъекта действия и субъекта мнения); частотность употребления каждого и др. Отмечаются отличия данных наречий от субстантивных и адъективных неопределенных местоимений. Указываются общие черты всей группы и индивидуальные характеристики. Представлены комплексы значений для каждого слова: неизвестности цели, непонимания ее совершения, неточной квалификации, безразличия выбора, наличия целенаправленности действия, негативной оценки результата, а также типовые контексты, способствующие реализации каждого из них.

Ключевые слова: местоименные наречия, семантика цели, неопределенные местоимения, периферийные явления в грамматике, *зачем-то*, *зачем-нибудь*.

Исследование местоименных наречий (далее – МН) *зачем-то*, *зачем-нибудь*, *зачем-либо* связано с проблемами, обусловленными синкретичной природой, вытекающей из их периферийного положения в переходной зоне функционально-семантических полей (ФСП) цели и неопределенности. Для периферийных элементов, как отмечает А. В. Бондарко [Бондарко, 2017], характерно уменьшение признаков, присущих семантике данного поля и появление иных признаков, свойственных другому, т. е. осуществляется совмещение в языковой единице семантических характеристик, взаимодействующих друг с другом. При анализе периферийных компонентов требуется учет большего количества факторов, влияющих на их значения, возрастает роль контекста.

До сих пор МН остаются недостаточно изученными. При значительном внимании к неопределенным местоимениям (М. Haspelmath, Е. В. Падучева, М. А. Шелякин, И. М. Кобозева, Т. М. Николаева, С. А. Крылов, И. Е. Шувалова и мн. др.) наречия изучены гораздо меньше, требуется привлечение принципов характеристики этой части речи (В. Б. Евтюхин, Г. И. Панова, Ф. И. Панков, М. В. Филипенко и др.). Отдельные работы касаются МН, передающих пространственную и временную семантику (напр., [Кузьмина, 1989]), в других исследованиях МН со значением цели лишь упоминаются в общем списке неопределенных местоимений. Исключением можно считать статью Т. А. Пивоварчик [2021], посвященную прагматике слова *зачем-то*.

Итак, необходимо установить специфику местоименных наречий с семантикой неопределенной цели, находящихся в сфере пересечения полей цели и неопределенности, их способность выражать ряд значений в зависимости от контекстуальных условий.

Материалом для исследования послужили высказывания с МН *зачем-то, зачем-нибудь, зачем-либо* предполагает, с одной стороны, сопоставление всей группы с другими грамматическими разрядами неопределенных местоимений (субстантивными и адъективными), а с другой – выявление специализации каждой подгруппы адвербиальных единиц с разными постфиксами.

Некоторые свойства **целевой** семантики отличают изучаемые МН от других разрядов неопределенных местоимений. В целевой ситуации исследователи (Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, И. Б. Левонтина, Л. В. Воронина и др.) выделяют субъекты: а) желания / воли / сознания и б) контролируемого действия. К рефлексам целевой семантики в высказываниях с неопределенными МН можно отнести наличие в них двух субъектов: 1) субъекта воли (желания), осознанно выполняющего целенаправленное действие, 2) субъекта знания / мнения, для которого цель действия первого субъекта является неопределенной, и он строит гипотезы относительно нее, ср.: *Я не думаю / что она выдвинула свою кандидатуру из каких-то там истерических соображений / еще как-то / я думаю / что **зачем-то** ей это надо / и видимо она уже знает / что что-то получит от этого дела* (Беседа с социологом). В большинстве случаев это два разных субъекта, причем субъектом сознания (мнения) чаще является говорящий. МН цели примыкают к глаголам целенаправленного действия (движения, речи, восприятия, физического действия и нек. др.) или к словам с модальным значением (*надо, понадобится* и пр.): *Он ... то и дело вставал, показывался, шаркал **зачем-нибудь** к стеллажу* (О. Славникова); *Да **зачем же** это надо? Да вот, стало быть, надо же **зачем-нибудь*** (Г. Успенский). Для семантики цели типична футуральная перспектива, а для выражения оценки, мнения – претеритальная. Это противоречие решается в зависимости от типа контекста.

Семантика **неопределенности** в сочетании с целевой тоже обладает рядом специфических черт. Для исследуемой группы принципиально отсутствие ограниченного круга явлений, из которых говорящий осуществляет произвольный выбор, в отличие от других неопределенных местоимений: *А **кто-то** из немецких ученых предложил перевести болгарскую азбуку с кириллицы на латиницу* (В. Седов). По сравнению с субстантивными и адъективными неопределенными местоимениями у МН цели отсутствуют слова с префиксом *кое-* и *не-* (ср. *кое-кто, кое-какой* и *некто, некий, некоторый*), так как целевая неопределенность характеризует неосведомленность говорящего.

К общим свойствам исследуемых МН относятся само наличие цели (экзистенциальность, по Т. М. Николаевой [Николаева, 1983]), которую говорящий не может точно идентифицировать, отсутствие точной информации о цели, необходимость выбора цели, оценочность среди ряда значений, передаваемых местоименными наречиями и др.

МН цели с разными постфиксами обладают неодинаковой частотностью: в НКРЯ зафиксировано высказываний с *зачем-то* 2219 текстов, 4277 примеров, с *зачем-нибудь* – 60 текстов, 63 примера, а с *зачем-либо* всего 4 текста, 4 примера (такое количество не дает возможности полноценного исследования его значений). Близкие семантические варианты выделяются у слов с разными аффиксами, но иерархия этих значений в семантической структуре у них различна.

МН *зачем-то* самое частотное и обладает наибольшим количеством семантических вариантов.

Основное значение – неизвестности ('говорящий не знает цели, которую преследует субъект контролируемого действия'): *Не знаю, **зачем-то** он приезжал к отцу моему. Оба они разговаривали, ходя по зале* (Н. Греч). В ситуации разносубъектности говорящий предполагает, что действие стороннего субъекта должно иметь какую-то цель, ему неизвестную, выступая как субъект (не)знания. Значение неизвестности может реализовываться, если говорящий сам совершает действие. Это возможно в ситуации «провала в памяти»: *Где был, у кого был – ничего не помню. ... В одном месте я **зачем-то** слезал [коня], стога цупал...* (Ю. Домбровский); *Зачем я пошел сюда, зачем я вообще хожу в эту квартиру? ...Хожу **зачем-то** ...Что это за люди?* (Н. Емельянова).

Зачем-то в высказываниях с показателями неуверенности (*может, наверно*), альтернативности передает значение 'точно не определяемая цель, одна из возможных / вероятных' ('у говорящего есть гипотеза относительно целей действия другого субъекта, но он не знает, какая из них соответствует реальной'): *...среди ночи я опять спросил, какие немцы. Он **зачем-то** перестал дышать, соображал, наверно, потом сказал: Да на вид они как мы. Одежда только не наша...* (К. Воробьев); ***Зачем-то** ему это понадобилось. Выслужиться, что ли, он хотел, показать, какой он бдительный, или ему понадобилось наговорить на меня...* (К. Симонов).

Следующее значение – 'непонимание цели, которую преследует агент' (цель называется, но говорящий не знает, зачем она должна быть достигнута): *...он, не понимая... старался **зачем-то** пробиться к стене, где стоял оратор, теперь видимый* (М. Горький); *[угри] ...несутся на другой край земли для того / чтобы там поест / потому что здесь еды мало. А потом они **зачем-то** несутся обратно для того / чтобы там размножаться...* (Т. Черниговская).

Слово *зачем-то* может выражать негативную оценку, возникающую на основании сопоставления говорящим результата действия агента с предполагаемой (невыраженной) целью, имеющейся в сознании субъекта

мнения / оценки (о проявлении такого значения в медиатекстах см. [Пивоварчик, 2021]: ...на шее у него в душную ночь **зачем-то** было наверхено старенькое полосатое кашне (М. Булгаков); Все три гола соперника – результат грубых ошибок. ...при втором **зачем-то** побежали в атаку в меньшинстве (газ.); В общем, свитер его погубил... (он надел его задом наперед; и из этого *luzer*'а **я зачем-то** сделал звезду!) (Е. Новицкий).

У МН **зачем-нибудь** выявляется следующий комплекс значений, которые тесно связаны с определенными типами контекстов, некоторые из которых отмечаются для местоимений *кто-нибудь*, *какой-нибудь* (см., например, [Кобозева, 1981; Николаева, 1983; Падучева, 2015]).

Основным значением МН **зачем-нибудь** можно считать 'одна из вероятных целей действия, все равно какая'. Оно представлено в высказываниях с формами будущего времени, условных конструкциях, а также в тех, где присутствуют слова с модальным значением: *Вы, матушка, ищите себе комнату в гостиницах, если вам **зачем-нибудь** нужно быть в Москве...* (С. Сергеев-Ценский); *Посылаю вам обратный и прямой билеты М.-Бр. дороги; может быть, вам придется **зачем-нибудь** съездить в Москву; тогда и прямой пригодится* (В. Гаршин). Отсутствие реального действия объясняет реализацию значения выбора возможной / вероятной цели.

Контекст узуального, повторяющегося действия делает вероятным разные цели, которые преследует агент, безразличные для говорящего: *Трофимыч иногда, когда еще охотился, Поваренок, бывало, **зачем-нибудь** разыскивал, тот не охотился...* (В. Ремизов); *Сегодн[я], явись к нему Мерк[ульев] просить о ценз[оре], он тот[час] подумает: «а завтра явится еще **зачем-нибудь**, а послезавтра опять...*» (Г. Успенский).

Только у слова **зачем-нибудь** в вопросительных предложениях наблюдается актуализация значения 'наличие цели' (экзистенциальное): *Ах, это ты, князь? – промолвил Пушкин мягким... голосом... Ты **зачем-нибудь** искал меня? Нет, я так... гулял просто...* (В. Авенариус). Говорящий интересуется, была ли у субъекта цель действия или оно было бесцельно.

У МН **зачем-нибудь** возможно проявление и оценочного значения, близкого аналогичному у **зачем-то**: *Суд в первой же сессии по этому делу оправдывает пять человек. Как бы в виде удовлетворения следствию, четырех решает все-таки казнить смертью. Нельзя же, в самом деле, оправдать всех привлеченных. **Зачем-нибудь** трудились господа полицейские, жандармы, охранники, свидетели (и лжесвидетели?), наконец, господа прокуроры...* (В. Короленко. Черты военного правосудия).

Итак, характеризуемые МН, являясь периферийной зоной ФСП неопределенности и цели, демонстрируют сложное взаимодействие семантических признаков, свойственных этим полям. Установлено, что результатом такого взаимодействия является особая двусубъектная семантическая структура высказывания, с субъектом целенаправленного действия и субъектом мнения; соотношение знания и незнания цели действия, не-

одинаковые у этих субъектов, накладывает ограничение на МН с префиксами *кое-* и *не-*, возможные у других неопределенных местоимений; эти слова способны передавать особый вид негативной оценки, что обусловлено несовпадением цели действия, произведенной агенсом, и ожиданий говорящего-субъекта мнения. Комплекс значений, выражаемый МН с семантикой неопределенной цели, характеризуется диффузностью и требует установления для каждого из них определенных типов контекста, а близкие значения у разных анализируемых слов занимают разные позиции в семантической структуре слова.

Литература

- Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М. : Издат. дом ЯСК, 2017.
- Кобозева И. М. Опыт прагматического анализа *-то* и *-нибудь* местоимений // Известия АН СССР. Сер. литер. и яз. 1981. Т. 40, № 2. С. 165–172.
- Кузьмина С. М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М. : Наука, 1989. С. 158–231.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.
- Николаева Т. М. Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке и типология ситуаций // Известия АН СССР. Сер. литер. и яз. 1983. Т. 42, № 4. С. 342–352.
- Падучева Е. В. Местоимения неизвестности (на *-то*) // Русская корпусная грамматика. URL: http://rusgram.ru/Местоимения_неизвестности.
- Пивоварчик Т. А. Дискурсивно-прагматическая значимость местоименного наречия *зачем-то* в медиатексте // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2021. Т. 11, № 3. С. 45–53.

I. P. Matkhanova, Doctor of Philology, Professor (Novosibirsk)

PRONOMINAL ADVERBS WITH THE SEMANTICS OF THE INDEFINITE PURPOSE: THE EXPERIENCE OF CHARACTERIZING PERIPHERAL ELEMENTS

Abstract. The article examines pronominal adverbs *zachem-to*, *zachem-nibud*, *zachem-libo* ('for some reason') as peripheral phenomena. The semantic properties of the analyzed words, which are the result of the interaction of the fields of uncertainty and purpose, are determined, which include: the restriction on the formation of pronoun adverbs with the prefixes *кое-*, *не-*; the presence of two subjects in the statement (the subject of action and the subject of opinion); the frequency of use of each of them, etc. The differences between these adverbs and substantive and adjectival indefinite pronouns are noted. The general features of the whole group and individual characteristics are indicated. Complexes of meanings for each word are presented: uncertainty of the goal, misunderstanding of its commission, inaccurate qualifications, indifference of choice, purposefulness of action, negative assessment of the result, as well as typical contexts that contribute to the implementation of each of them.

Keywords: pronominal adverbs, semantics of purpose, indefinite pronouns, peripheral phenomena in grammar, *zachem-to*, *zachem-nibud*.

Н. А. Мишанкина, доктор филологических наук, профессор
Томский государственный университет, г. Томск

ФОРМАТ/НЕФОРМАТ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ²³

Аннотация. Представлены результаты анализа функционального потенциала лексем *формат* и *неформат* на материале Национального корпуса русского языка. Выявлена очевидная семантическая и функциональная асимметрия этих лексем, связанная с тем, что *неформат* появляется как антоним по отношению к одному из значений лексемы *формат*, появившемуся в русском языке через два с половиной века, на рубеже XX–XXI вв. Это значение ‘соответствие/несоответствие системе требований’ имеет очевидный оценочный характер и не зафиксировано в толковых словарях русского языка.

Ключевые слова: формат, неформат, корпусное исследование, семантика, функционирование.

Функционирование лексических единиц, их знаковая судьба в речевом пространстве тесно связана с коммуникативными потребностями людей. Это свойство языкового и, в частности, лексического знака отмечали еще отцы-основатели системно-структурного подхода к языку. Оно же определяет индивидуальность и уникальность судьбы каждой языковой единицы: вхождение новой единицы в лексическую систему, как правило, связано с узуальным варьированием, «конкуренцией» с другими единицами.

Пилотное исследование лексемы *формат* в современном русском языке показало ее активное функционирование в самом широком спектре текстов от медийных до профессиональных и академических. Вместе с тем в специализированные терминологические словари эта лексема практически не включена, в словарях литературного языка ее семантика описана недостаточно детально, что свидетельствует о лингвистическом невнимании. В рамках настоящей работы предпринимается попытка определить семантический объем лексем *формат* / *неформат*, проследить их функционирование на материале текстов Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorpora.ru]. Общий объем выборки составил 3672 контекста из 2416 документов.

Если обращаться к определению лексемы *формат*, то в Большом толковом словаре русского языка (далее – БТС) оно представлено следующим образом:

ФОРМА́Т, -а; м. [нем. Format]. 1. Размер тетради, листа, карточки и т. п. *Малый ф. Большой ф. Ф. книги, альбома. Снимки обычного формата. Листы разных форматов.* 2. Типогр. Величина, характеризующая длину полной строки и высоту полосы набора. 3. Проф. Совокупность отличительных особенностей радиопередачи, телепрограммы, определяемая формой подачи сведений, манерой изложения, подбором тем и т. п. *Ф. телевизионной передачи. Ф. радиостанции не позволяет делать обширные по-*

²³ Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект No FSWM-2025-0016.

литические обзоры. 4. Информ. Ограничения, накладываемые на способ расположения и представления данных в памяти компьютера. *Разработать новый ф. данных. Представить текстовые данные в требуемом формате. Этот ф. видео имеет высокое качество изображения и звучания.* 5. Разг. О телосложении человека (обычно крупного, полного). *Дама весьма крупного формата. Форматный, -ая, -ое. Ф. стандарт. Ф. станок* (режущий фанеру, столярные заготовки по определенному размеру). *Ф. мужчина* (разг.; крупный, большого роста) [БТС, 2000].

По данным НКРЯ, лексема *формат* в первом, указанном в словаре, профессиональном значении встречается еще в текстах XVIII в.: *Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы в Академии начались подобные сим периодические сочинения, только не на таких бумажках по одному листу, но повсямесьячно или по всякую четверть или треть года, дабы одна или две – три материи содержались в книжке и в меньшем формате, чему много имеем примеров в Европе, а из которых лучшим последовать или бы свой, применясь, выбрать можно* (М. В. Ломоносов. Письмо И. И. Шувалову (1754.01.03)).

Остальные значения, тоже относящиеся к области профессиональной коммуникации, но в совершенно иной области, зафиксированы значительно позже. Однако анализ корпусных данных показывает, что лексема *формат* обладает куда более широким спектром значений, в том числе терминологических.

В ходе семантического анализа корпуса контекстов было выявлено около 27 значений лексемы *формат*. В 71 контексте значение не было определено, так как контекст был недостаточным. Первое значение, зафиксированное в БТС, оказалось наиболее частотным – более 30 % от числа всех контекстов. Однако вторым по частотности (16 %) оказалось значение, зафиксированное под номером 4 ‘тип цифровых данных’: *Сегодня производители бьются за признание в качестве стандарта собственных форматов записываемых DVD-дисков.* Третьим (15,5 %) – значение, не зафиксированное в словарях. Мы обозначили его как ‘способ организации чего-либо’: *А иные не согласны: вишь, фабрика-то в этакоем, в теперешнем, конечно, формате годов шестьдесят орудует и ничего, товар форменный выпускает!*

Корпусные данные позволили выявить следующее распределение значений лексемы, представленное на рисунке.

Как можно убедиться, лексема *формат* действительно имеет широкий семантический функционал.

Вместе с тем антонимичная ей единица *неформат* проявляет себя значительно скромнее. Во-первых, она не зафиксирована в толковых словарях русского языка. Удалось обнаружить ее фиксацию в энциклопедии «Альтернативная культура»:

Неформат (фр. format, от лат. formatus – сформированный)

2) внутренний термин телевидения и FM-радиостанций, обозначающий любой материал – чаще музыкальный, – неприемлемый для трансляции по соображениям

«формата» того или иного СМИ: редакционной политики, определенных стилистических или вкусовых пристрастий слушателей, зрителей, читателей и т. п.

Н. служит эффективным орудием отбраковки всего, что, как представляется менеджерам вещательной структуры, может сказаться на популярности станции, количестве аудитории той или иной программы, вызвать нежелательную реакцию надзирающих органов. Одним словом, налицо постоянный контроль репертуара, осуществляемый из видимо экономических соображений. В разряд Н. обычно попадает <...> все мало-мальски неординарное [<https://rus-alternative-culture-enc.slovaronline.com>].

Приведенное определение свидетельствует скорее не о терминологическом, а о жаргонном статусе единицы, однако позволяет идентифицировать семантику, антонимичную значению 'соответствие системе требований' лексемы *формат*. Это значение не зафиксировано в словарях, но представлено в небольшой работе Г. Я. Солганика «Формат и жанр как термины: 'совокупность характеристик, признаков, определяющих соответствие норме, правилам какого-либо мероприятия, события, явления и т. п.'» [Солганик, 2010, с. 23].

Во-вторых, НКРЯ зафиксировал всего 22 вхождения в 16 документах. Во-третьих, если лексема *формат* функционирует с 1754 г., то *неформат* появляется только через 2 с половиной века – в 1990-х гг. Семантический анализ контекстов также показал оппозицию приведенному выше значению лексемы *формат*: *Между текстами и читателями стоит коррумпированная система экспертов, кураторов и литературных лоббистов, в чьи цели часто входит не обеспечение зеленой улицы Большому Роману, а оттирание его как неформат, не соответствующий их представлениям о Романи; Вся российская интеллигенция обеспокоена нынешним кризисным состоянием российской песенной культуры, когда новые песни «о главном» (т. е. вечных человеческих ценностях), созданные для народа, практически не имеют доступа к нему, попросту игнорируются под оценкой «неформат» или используются бесплатно, без указания имен создателей, что является грубым нарушением авторских прав; [Галина Солоденкова, жен] Скорее всего мой блог будет воспринят в Краснодаре, как некий "неформат", хотя у меня еще есть немного времени на размышления...; «Неформат» печатают немногочисленные небольшие издательства, такие как «Снежный ком», «Млечный путь», «Скачёр»... и т. п.*

В этом значении обе лексемы имеют очевидную оценочную семантику, функционируя по преимуществу в качестве предиката.

Литература

БТС: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Неформат // Альтернативная культура. Энциклопедия / Д. Десятерик. URL: <https://rus-alternative-culture-enc.slovaronline.com/78-Неформат>

Солганик Г. Я. Формат и жанр как термины // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. 2010. № 6. С. 22–24.

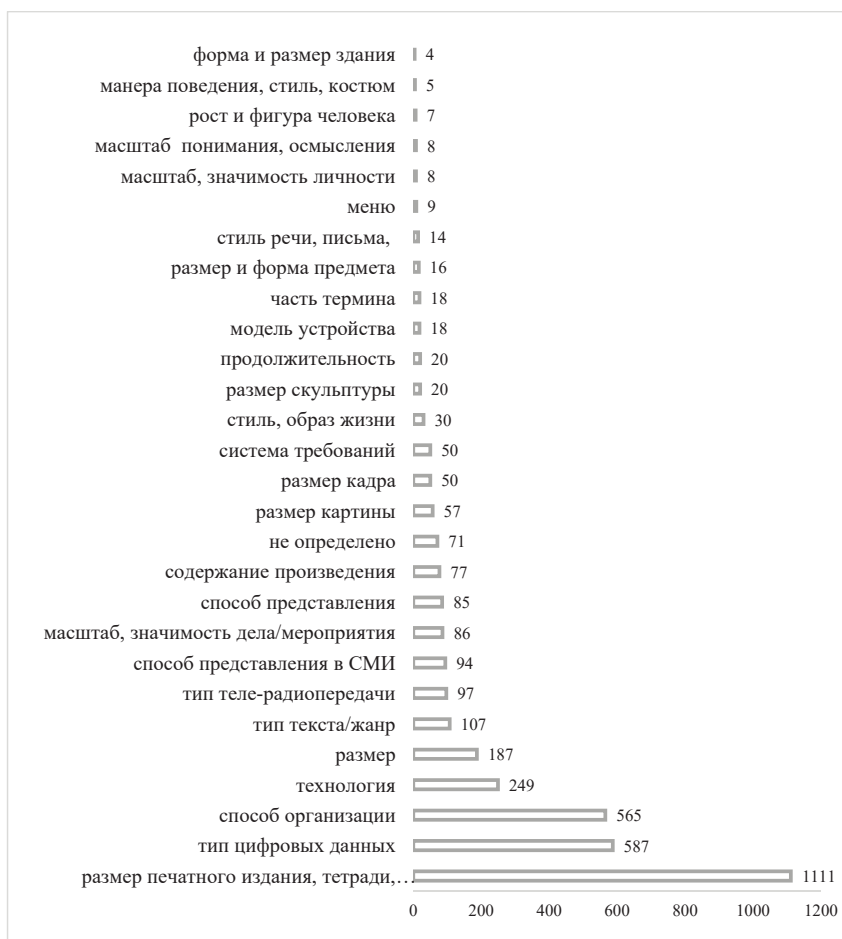

Рис. Распределение значений лексемы *формат*, по данным НКРЯ

N. A. Mishankina, Doctor of Philology, Professor (Tomsk)

FORMAT/NON-FORMAT: FUNCTIONAL ASPECT

Abstract. The report presents the results of the analysis of the functional potential of the lexemes "format" and "non-format" based on the NKRYA material. An obvious semantic and functional asymmetry of these lexemes is revealed, associated with the fact that "non-format" appears as an antonym in relation to one of the meanings of the lexeme "format", which appeared in the Russian language two and a half centuries later, at the turn of the 20th-21st centuries. This meaning "compliance/non-compliance with the system of requirements" has an obvious evaluative nature and is not recorded in explanatory dictionaries of the Russian language.

Keywords: format, non-format, corpus study, semantics, functioning.

Т. И. Семенова, доктор филологических наук, профессор
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Т. В. Тюрнева, кандидат филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ VS ВВОДНЫЕ СЛОВА КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО СТАТУСА В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

Аннотация. Представлен сопоставительный анализ прагматических функций модальных глаголов в английском языке и вводных слов в русском языке как средств выражения эпистемического статуса в современном медиадискурсе. Исследование выявляет принципиальные различия в стратегиях концептуализации достоверности: английские модальные глаголы создают интегрированную эпистемику, где субъективность растворена в грамматической структуре, тогда как русские вводные слова формируют рефлексивный эпистемический статус через эксплицитное метакомментирование. Анализ показывает, что данные различия отражают более широкие культурно-коммуникативные паттерны англоязычной и русскоязычной лингвокультур в сфере медиакommunikации.

Ключевые слова: эпистемический статус, модальные глаголы, вводные слова, медиадискурс, сопоставительная лингвистика, прагматические функции, субъективная модальность.

В современной лингвистике язык рассматривается не только как средство передачи информации, но и как инструмент конструирования знания, формирования убеждений и воздействия на общественное мнение [van Dijk, 2014]. Медиатексты, обладая широкой аудиторией, не только отражают события, но и активно формируют восприятие, актуализируя определенные точки зрения и создавая сложные когнитивные модели у адресатов дискурса [Fairclough, 1995]. При рассмотрении медиапространства с эпистемической точки зрения, на наш взгляд, жанровая классификация уходит на второй план; ключевым становится вопрос о том, при помощи каких языковых средств транслируется знание и с какой степенью субъективности оно представлено. Для описания когнитивного компонента медиатекста целесообразно использовать концепцию «эпистемической параметризации», которая, аналогично лингвистической параметризации, предполагает изучение языка через фиксируемые характеристики [Семенова, 2022]. В свою очередь, термин «эпистемический статус», введенный Дж. Лайонзом, обозначает субъективную оценку говорящим истинности высказывания [Лайонз, 2003, с. 194].

Публицистические тексты, которые характеризуются выраженной авторской позицией, актуализируют субъективный эпистемический статус, эксплицирующий отношение автора к достоверности представленной информации, поскольку «ненадежность передаваемого сообщения должна быть оговорена» [Арутюнова, 1999, с. 587]. Реализуется субъективный

эпистемический статус посредством эпистемических наречий, модальных глаголов в эпистемическом значении и конструкций эпистемической модальности.

В представленной статье мы ограничимся сравнением двух способов репрезентации эпистемического статуса разной степени достоверности, который преимущественно реализуется посредством интегрированных в структуру предложения модальных глаголов в английском языке и вводных слов в русском. Обратимся к примерам.

(1) *Trump's statement that "the conditions for [the peace] will be negotiated between the two parties, as it can only be" sounded like the opposite of his boast last year that only he **could** end this war, and in a single day at that* (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/may/20/russia-ukraine-peace-talks-vladimir-putin-volodymyr-zelenskyy-donald-trump>);

(2) *It reveals and establishes the ground truth – each side's capabilities – which helps to identify the range of peace deals that both sides **might** prefer to continued fighting* (Там же).

В примерах выше использование модальных глаголов *could* (1) и *might* (2) явным образом смягчают утверждения, делая высказывания более осторожными, субъективными и тем самым выражают эпистемический статус неопределенности, предположения. Английские модальные глаголы обеспечивают дипломатическую осторожность через техники *understatement* (умолчание, недосказанность) и имплицитной критики, создавая дискурсивное пространство для различных интерпретаций, при этом высказывания не содержат прямых оценочных суждений. Рассмотрим следующий фрагмент медиадискурса.

(3) *Moscow **could hardly** have scripted a result more in line with its dubious argument that NATO enlargement forced it to reclaim its sphere of influence and invade Ukraine* (<https://www.nytimes.com/2025/02/25/opinion/russia-europe-trump-vance.html>).

Модальные глаголы создают иллюзию объективности суждения, поскольку позиция говорящего эксплицируется в грамматической структуре высказывания. Пропозиция *could hardly have scripted* реализует сложный прагматический потенциал посредством наречия с семантикой отрицания *hardly* для выражения сомнения. Модальный глагол *could* в сочетании с *hardly* создает многослойную иронию, позволяющую автору одновременно критиковать и дистанцироваться от прямых обвинений, что является характерной чертой англоязычного политического дискурса.

Важно также отметить локус размещения языковых единиц с эпистемической семантикой в структуре высказываний. В английском языке модальные глаголы (*can*, *might*, *could*) интегрированы в предикативную структуру, образуя с основным глаголом единую составную форму. Данная конфигурация создает то, что называют пропозициональной модальностью [Дюндик, 2008], при этом эпистемическая оценка становится неотъемлемой частью пропозиции. В анализируемых примерах субъек-

тивность эпистемического статуса тесно связана с грамматической структурой предложения, что позволяет передавать различные оттенки уверенности и сомнения без необходимости использования вводных слов.

В русскоязычных публицистических текстах эпистемический статус преимущественно выражается через вводные слова, которые выделяются интонационно и пунктуационно. Модальные глаголы в эпистемическом значении встречаются значительно реже и зачастую выполняют иные функции.

Обратимся к примерам из статьи RTVI, которая также посвящена вопросу проведения мирных переговоров между Россией и Украиной [<https://rtvi.com/opinions/usmotreli-v-etom-dogovornyachok-pochemu-mirnyeperegovory-poshli-ne-po-planu/>].

- (4) *Очевидно, что переговоры изначально были обречены на провал;*
- (5) *Вероятно, стороны не смогли договориться из-за взаимного недоверия;*
- (6) *Возможно, одной из причин неудачи стало вмешательство третьих сил;*
- (7) *Скорее всего, переговоры будут возобновлены, но с новыми условиями;*
- (8) *По сути, переговоры показали глубокое непонимание между сторонами;*
- (9) *Казалось бы, обе стороны заинтересованы в мире, однако реальность оказалась сложнее.*

Вводные слова и обороты реализуют различные градации уверенности, предположения и сомнения, формируя эпистемический статус высказывания. В русском языке вводные слова (*очевидно, вероятно, возможно*) функционируют как автономные модальные операторы, синтаксически не связанные с предикатом и имеющие сферу действия над всей пропозицией. Это создает экстерииоризованную модальность, при которой эпистемическая оценка эксплицитно отделена от пропозициональной части высказывания. В русском языке превалирует эксплицитное маркирование позиции говорящего через метаязыковые комментарии. С точки зрения прагматики, вводные слова создают диалогическую структуру высказывания, где говорящий эксплицитно рефлексировывает над эпистемическим статусом сообщаемой информации. Конструкция *очевидно, что переговоры...* позиционирует говорящего как компетентного эксперта, способного к оценке ситуации в рамках дискурса экспертного сообщества. Конструкция *возможно, одной из причин стало вмешательство третьих сил* позволяет высказать потенциально спорное утверждение, одновременно дистанцируясь от категоричности и демонстрируя аналитический подход к проблеме.

Сравнительный анализ выявляет принципиальные различия в стратегиях выражения эпистемического статуса в английском и русском языках. В примерах из англоязычных медиатекстов используются грамматически интегрированные средства – модальные глаголы и эпистемические кон-

струкции, которые органично вплетаются в структуру предложения, позволяя тонко варьировать эпистемический статус высказывания, степень уверенности и неопределенности. В русском варианте, напротив, наблюдается активное использование лексических средств выражения эпистемического статуса – вводных слов и оборотов, которые выделяются интонационно и пунктуационно, обеспечивая экспликацию и выразительность субъективной оценки.

Корпусные исследования подтверждают гипотезу о принципиально различных стратегиях выражения эпистемического статуса в английском и русском языках. Масштабное исследование Д. Бибера на материале корпуса английского языка продемонстрировало высокую частотность модальных глаголов в медиадискурсе, при этом эпистемические значения составляют репрезентативную долю от общего количества модальных конструкций [Longman Grammar ..., 1999]. В противоположность этому, работы по русской грамматике и исследования Е. В. Падучевой указывают на преимущественно лексический способ выражения эпистемической модальности в русском языке через развитую систему вводных слов и конструкций [Русская грамматика, 1980; Падучева, 1996]. Данные различия отражают фундаментальные типологические особенности выражения эпистемического статуса в сопоставляемых языках, однако данная закономерность требует дальнейшей верификации.

Проведенный анализ выявляет фундаментальные различия в языковой концептуализации эпистемического статуса и прагматическом потенциале средств выражения эпистемики достоверности говорящего в английской и русской лингвокультурах. Английские модальные глаголы создают интегрированную эпистемику медиадискурса, где неопределенность становится частью описания мира. Русские вводные слова формируют рефлексивный эпистемический статус, эксплицитно тематизирующий неопределенность как позицию говорящего. Данные различия отражают более широкие культурно-коммуникативные паттерны: англоязычную традицию непрямого выражения мнений и русскую культуру эксплицитного метакомментирования.

Впрочем, не исключено, что англоязычный читатель воспримет наши рассуждения о вводных словах с типично британским *well, you might have a point there* – и это будет лучшей иллюстрацией к нашим выводам.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки рус. культуры, 1999.
Джондик Ю. Б. Наречие оценки как способ категоризации эмоционального и интеллектуального опыта человека в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007.
Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение / пер. с англ. В. В. Морозова и И. Б. Шатуновского ; под общ. ред. И. Б. Шатуновского. М. : Языки славян. культуры, 2003.
Падучева Е. В. Семантические исследования. М. : Языки рус. культуры, 1996.
Русская грамматика / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. Т. 2. Синтаксис. М. : Наука, 1980.

Семенова Т. И. Эпистемические параметры дискурса. Язык и система знаний // Когнитивная теория языка : сб. науч. тр. по материалам VII Междунар. науч. конф., 25–26 апреля 2022 г. / отв. ред. М. В. Пименова. М. : Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2022. С. 240–245.

Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. London : Longman, 1999.

Fairclough N. Media Discourse. London : Arnold, 1995.

van Dijk T. A. Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. Cambridge : Cambridge University Press, 2014.

T. I. Semenova, Doctor of Philology, Professor (Irkutsk)

T. V. Tyurneva, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk)

MODAL VERBS VS PARENTHETICAL WORDS AS MEANS OF EXPRESSING EPISTEMIC STATUS IN RUSSIAN AND ENGLISH MEDIA TEXTS

Abstract. The article presents a comparative analysis of the pragmatic functions of modal verbs in English and parenthetical words in Russian as means of expressing epistemic status in contemporary media discourse. The study reveals fundamental differences in strategies of conceptualizing plausibility: English modal verbs create integrated epistemics where subjectivity is dissolved in grammatical structure, while Russian parenthetical words form reflexive epistemic status through explicit metacommentary. The analysis shows that these differences reflect broader cultural-communicative patterns of English and Russian linguocultures in media communication.

Keywords: epistemic status, modal verbs, parenthetical words, media discourse, comparative linguistics, pragmatic functions, subjective modality.

И. Н. Токарчук, кандидат филологических наук
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

ЧАСТИЦА БУКВАЛЬНО: КОНСТРУКТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена конструктивно-синтаксическому аспекту изучения частиц. Рассматривается функционирование частицы **буквально** на уровне синтаксической конструкции. Устанавливается диапазон конструкций, в которых данная служебная единица реализует свой семантико-прагматический потенциал в условиях характерной сочетаемости. Выявляются особенности союзных и бессоюзных конструкций типа ряд, в которых употребляется слово **буквально**: маркируя признак как имеющий крайнюю степень проявления и находящийся в отношениях сходства с описываемым фактом действительности, частица включается в выражение градационных и уточняющих отношений. Обосновывается формальный статус данной единицы как конкретизатора при отрицательно-противительных и градационных союзах. Ставится вопрос о статусе частицы **буквально**, занимающей позицию при втором компоненте ряда с уточняющими или градационными отношениями при отсутствии формального средства связи – союза.

Ключевые слова: частицы, семантика, прагматика, конструктивно-синтаксические функции, коммуникативно-прагматические функции.

Частицы как один из классов служебных слов русского языка, в отличие от союзов и предлогов, не являются собственно грамматическими средствами, т. е. «не могут быть охарактеризованы ... как форманты синтаксических конструкций», поскольку «служат главным образом для вы-

ражения значений коммуникативного плана», которые могут проявляться и в рамках отдельного высказывания, и на уровне текста [Стародумова, 1997, с. 3–4]. При этом, как отмечает Е. А. Стародумова, частицы тоже «связывают, но не синтаксические компоненты, не части конструкций... а смыслы, содержания, заключенные в высказываниях или их отдельных частях» [Там же, с. 4].

Между тем в системе аспектов изучения частиц наряду с семантическим, коммуникативно-синтаксическим, прагматическим, текстовым и стилистическим выделяется и конструктивно-синтаксический аспект, поскольку многие частицы проявляют связующую функцию, так или иначе сближаясь с собственно союзами [Стародумова, 2002, с. 33]. Способность частиц выступать на уровне синтаксической конструкции отмечена рядом исследователей (например, работы [Ляпон, 1986; Прияткина, 1990; Чернышева, 1997] и мн. др., а также [Русская грамматика, 1980]). Как показывают результаты изысканий в данном направлении, частицы могут выступать в качестве уточнителя (конкретизатора) при союзе, быть его коррелятом или обязательным компонентом неоднородного союза, приобретать функцию союза, становясь его аналогом, а также являться компонентом структурной схемы простого предложения.

Так, широким диапазоном реализации своих свойств на конструктивном уровне характеризуется частица *просто*, которая может выступать в качестве уточнителя некоторых сочинительных и подчинительных союзов, компонента градационного союза, а также функционального аналога противительного, причинного или пояснительного союзов в простом и сложном предложении, что зафиксировано в ряде работ [Ляпон, 1986; Чернышева, 1997; Токарчук, 2002; Кириченко, 2002 и др.]. Обратим внимание на то, что такая функциональная нагрузка данного слова становится возможной в случае выражения им ограничительного (в традиционной терминологии) значения. В таких употреблениях частица квалифицируется как «двухвалентная собственно релятивная» [Стародумова, 2002, с. 82] и входит в число единиц, обладающих «релятивной» семантикой, которая позволяет выражать определенные отношения в межпредикатной позиции и сближаться с семантическими союзами [Там же, с. 119].

Что касается «усилительной» *просто*, то, как представляется, для нее союзные свойства нехарактерны – в силу семантической природы: эта «одновалентная» частица прикрепляется к какому-либо компоненту, не соотнося его с другим компонентом в минимальном или максимальном контексте [Там же, с. 83, 136]. Между тем в работе А. Ю. Чернышевой отмечается возможность функционирования частицы *просто*, оценивающей признак как имеющий высокую степень своего проявления, в качестве «интенсификатора / союзной частицы» в сложных предложениях с «качественно- или количественно-характеризующим значением» (*Так странно себя ведет – просто не ушел бы!*), что, по мнению автора, характерно и для частицы *прямо* [Чернышева, 1997, с. 24–25]. Не случайно ча-

стица *просто* включается в состав базы коннекторов русского языка не только в своих реализациях с «ограничительным» значением (при противительных и причинных отношениях в структуре сложного предложения), но и с «усилительным», выступая как показатель «степени для оценочного выражения» (*Там у них такая компания была – ужас, **просто** колония по ним плачет!; Если нет черных и белых полос в жизни – наступает кошмар, **просто** захлебываешься в отсутствии ориентиров*) [Кобозева, Сердобольская, 2024, с. 69]. К коннекторам отнесены и частицы *прямо* и *чисто* – как симилятивы (показатели сравнения: *Там у нас на волоке дощаник с солью обмелел... веришь ли, на два года мужикам хватило, **чисто** бог послал; А когда нас подбили, мы из машины легко ушли, **прямо** Бог помог*) [Там же].

В наших исследованиях также ставился вопрос о наличии союзных свойств у указанных «усилительных» частиц. Так, свойство частиц *просто* и *прямо* подчеркивать высокую степень проявления признака может использоваться на уровне простого предложения в градационном ряду, когда частица выступает либо при союзе (сопоставительном *а*, отрицательно-противительном *не – а*, градационном *не только – но и*, а также градационных *не то что, не только* с незамещенной позицией второго элемента двухместного союза и нек. др.), выполняя роль его конкретизатора, либо в бессоюзном ряду с градационными отношениями, претендуя на функцию аналога союза, например: *Гумилев всегда отличался огромной работоспособностью, хотя и считал себя ленивым, **а** теперь, отдохнув и освежившись за время плавания, **просто** разрывался от энергии и желания действовать* (И. Одоевцева. На берегах Невы); *Идти на фронт **не то что** тяжело или страшно, – было **просто** физически неисполнимо* (Г. Иванов. Третий Рим); *Это тем более надо ценить, потому что он ужасно, **просто** по-мальчишески не любил проигрывать* (Ф. Искандер. Стоянка человека); */.../ от волнения Зобов прочел тогда вместо «бодрствовал» – слова в детском обиходе **не только редкого, но прямо необычного**, – прочел Зобов «бодрствовал»* (Тэффи. Трубка); */.../ у медиумов **не** нервы, **а** прямо какие-то струны* (В. Набоков. Соглядатай); ***Худенькая, прямо прозрачная** девочка хотела отнять у толстого лобастого пацана его ведерко* (А. и Г. Вайнеры. Я, следовательно) [Токарчук, 2002, с. 130–132, 188].

Упомянутая выше одновалентная частица *чисто* благодаря наличию ограничительной семы при выражении значения полного проявления признака [Стародумова, 2002, с. 82] может функционировать в союзном ряду с градационными отношениями как конкретизатор, например, *Так вот, у меня к вам один вопрос, и **не** следственного, **а** чисто познавательного характера* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей). Используя же в качестве маркера номинации, присваиваемой на основе подобия, сходства в случаях типа *Бросился я к бабушке, сдернул ее с печи, закутал в одеялишко и, **чисто** ребенка, на руках в нашу половину перенес* (В. Астафьев. Жизнь прожить); */.../ ты, генерал, ноне **чисто** жених, а не*

вестушка-то тебе припасена ва-ажная, пудов пятнадцать будет, а то и поболе... (А. Кузьменков. Десятая годовщина), *чисто* функционально приближается к союзу, поэтому часто квалифицируется как сравнительный союз, но мы склонны считать такое *чисто* частицей с союзными свойствами [Окатова, Токарчук, 2006].

Частица *буквально* относится к рассмотренным выше одновалентным частицам. Выступая в основном своем употреблении как интенсификатор оценки, выносимой говорящим описываемому признаку ситуации, указывая на исчерпывающее проявление признака либо на переносное или неточное значение маркируемого компонента при близком сходстве описываемого признака и того, как его оценивает говорящий, частица реализует свою метаязыковую сущность [Сюй, Токарчук, 2024]. Говорящий, выбирая точную, но резкую, с его точки зрения, номинацию признака, проявляющегося в крайней степени, может демонстрировать процесс поиска адекватного средства выражения данного значения, оправдывая свой выбор и регулируя восприятие адресата, что может отражаться в синтаксической организации высказывания. Так, употребление частицы *буквально* при обособленном определении в примере *Мокрые, буквально пудовые, они [сапоги] мешали идти*, приведенном в работе [Иванова, 2012, с. 62] интересно, на наш взгляд, не только обусловленностью самого факта обособления семантикой частицы, как отмечает автор, но еще и тем, что маркированный частицей компонент встраивается в градационный ряд, создающийся соотношением значений прилагательных – членов ряда, а *буквально* подчеркивает эффект восходящей градации. См. наши примеры, роль частицы в которых приближается к союзной: *Книга, естественно, разошлась неправдоподобным, буквально китайским тиражом* (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия); *Сенсационная особенность этих существ состояла в их чрезвычайно маленьких, буквально карликовых размерах, за которые они были немедленно прозваны «хоббитами»* («Знание – сила», 2006). Совершенно обособленным представляется подключение частицы в качестве конкретизатора к градационным, а также отрицательно-противительным союзам, когда второй член ряда представляет собой типичный для синтагматики *буквально* компонент, например: *Для меня это был не только рост, а буквально взлет* (А. Бек. Талант); *Из подъезда дома, как раз на одной линии с моим сараем, не просто вышла, а буквально выпорхнула мать Лиды /.../* (Р. Ахмедов. Промельки, 2011); */.../ А потом не то чтобы даже отдохнуть, но буквально наслаждаться* («Домовой», 04.10.2002); *Он не вошел, а буквально влетел в палату* (В. Валеева. Скорая помощь).

Другим ярким проявлением конструктивных свойств частицы является ее употребление при втором члене обстоятельственного ряда с уточняющими отношениями, например: *Я недавно, буквально несколько месяцев назад, прочитал впервые его стихи* (С. Есин. Дневник); *Потом он повернул голову и понял, что она совсем рядом, буквально в полуметре от*

него (Э. Рязанов, Э. Брагинский. Тихие омуты); *Я живу недалеко, буквально через дорогу* (С. Самсонов. Аномалия Камлаева); *Им платят за работу очень мало, буквально гроши, и прожить на заработную плату нельзя* («Огонек». № 5, 1970) и под. Частица в условиях характерной сочетаемости (при компоненте со значением неточного количества), как и в примерах выше, в первую очередь выполняет свои прагматические и метаязыковые функции, не становясь полноценным формальным средством организации синтаксической конструкции. Например, аналогичным образом *буквально* может употребляться и вне строгого синтаксического построения, ср.: */.../ база отдыха располагается на самом берегу моря. До него буквально 10 метров! Вышел – нырнул!* (Интернет-канал «Зоркий». 01.08.2021).

Таким образом, частица *буквально*, как и некоторые другие одновалентные единицы, не являясь собственно релятивной, способна, в силу своей семантико-прагматической специфики, проявлять функциональные свойства на уровне синтаксической конструкции.

Литература

- Иванова М. А. Частицы как средство выражения субъективно-модальных значений в составе обособленных членов // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2012. № 5. С. 59–63.
- Кириченко И. В. Семантические и функциональные особенности слова «просто» в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2002.
- Кобозева И. М., Сердобольская Н. В. Источники грамматикализации коннекторов русского языка (на материале базы коннекторов Рускон) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 66–74.
- Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. М. : Наука, 1986.
- Окатова Н. Т., Токарчук И. Н. *Чисто* – союз или частица? // Филология и наука : материалы Междунар. науч. форума. Владивосток, 19–20 окт. 2004 г. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. С. 27–35.
- Пряткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М. : Высш. шк., 1990.
- Русская грамматика. В 2 т. Т. 2. М. : Наука, 1980.
- Стародумова Е. А. Русские частицы : учеб. пособие. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1997.
- Стародумова Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002.
- Стой С., Токарчук И. Н. Метаязыковой потенциал частицы *буквально* // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 3. С. 65–76.
- Токарчук И. Н. Частицы в языковом и речевом аспектах (на материале частиц *просто* и *прямо*) : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2002.
- Чернышева А. Ю. Проблемы функционирования частиц в сложном предложении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.

I. N. Tokarchuk, Candidate of Philology (Vladivostok)

THE PARTICLE *БУКВАЛЬНО*: THE CONSTRUCTIVE AND SYNTACTIC ASPECT

Abstract. The article is devoted to the constructive and syntactic aspect of studying particles. The functioning of the particle “буквально” at the level of syntactic construction is considered. The range of constructions in which this function word realizes its semantic and pragmatic potential with

characteristic compatibility is established. The features of conjunction-based and non-conjunction (asyndetic) constructions of the syntactic series type, in which the word “буквально” is used, are revealed: marking a feature as having an extreme degree of manifestation and being in a relationship of similarity with the described fact of reality, the particle is included in the expression of gradation and clarifying relations. The formal status of this word as a the concretizer for negative-adversative and gradation conjunctions is substantiated. The question is raised about the status of the particle “буквально”, which occupies a position in the second component of the syntactic series with clarifying or gradation relations in the absence of a formal means of connection – a conjunction.

Keywords: particles, semantics, pragmatics, constructive-syntactic functions, communicative-pragmatic functions.

С. А. Чуриков, кандидат филологических наук, доцент

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

Т. В. Лешкова, преподаватель

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

О КОННЕКТОРАХ С СЕМАНТИКОЙ АДДИТИВНОСТИ В БАЗЕ ДАННЫХ «РУСКОН» И В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению различных типов коннекторов с семантикой аддитивности в базе данных для исследования свойств коннекторов «Рускон» и Национальном корпусе русского языка. Авторы предлагают разделить аддитивные коннекторы на 4 группы: релятивы, союзно-релятивные комплексы, релятивно-союзные комплексы и релятивные комплексы. Под релятивами (*к тому же, кроме того, еще, вдобавок к тому / этому / всему* и др.) понимается группа языковых единиц, служащих для выражения синтаксических отношений (но, в отличие от союзов и союзных слов, не указывающих на синтаксическую связь) и потому способных располагаться в любой части предложения и сочетаться с союзами, союзными словами и другими релятивами. Соответственно, союзно-релятивными комплексами (*да вдобавок, да еще* и др.) предлагается называть соединения союза и релятива, релятивно-союзными комплексами (*кроме того, что; плюс к тому, что* и др.) – соединения релятива и союза, а релятивными комплексами – соединения релятивов (*притом еще*). По мнению авторов, существенное различие в свойствах разных типов коннекторов важно последовательно учитывать при создании новых и совершенствовании имеющихся грамматических описаний, лексикографических трудов, баз данных.

Ключевые слова: коннекторы, аддитивность, союзы, релятивы, грамматика конструкций.

Одним из самых значимых событий последних лет в этой области исследования стало создание базы данных для исследования свойств коннекторов «Рускон» [ruscon.iling-ran.ru]. Работа с этим электронным ресурсом, на котором представлено многоаспектное описание более 700 русских коннекторов, будит научную мысль и заставляет снова вернуться к некоторым ключевым вопросам систематизации средств выражения синтаксических отношений.

В фокусе нашего внимания в данной работе будут коннекторы со значением аддитивности. При этом мы ограничимся единицами *кроме того, к тому же, также, еще, вдобавок (к тому / этому / всему), плюс (к тому / этому / всему)* и сложными коннекторами, включающими в свой состав названные единицы (например, *да вдобавок; кроме того, что; притом еще* и др.).

Далее мы остановимся на двух взаимосвязанных вопросах, опираясь на материалы базы данных «Рускон» и Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorpora.ru]: 1) вопрос о сущностной классификации коннекторов; 2) вопрос о различении самостоятельных единиц и их вариантов.

Для ответа на эти вопросы мы считаем продуктивным обратиться к давно отмеченному некоторыми языковедами факту [Прияткина, 1977]: среди средств для выражения синтаксических связей (связей, устанавливаемых между словами, частями сложных предложений и самостоятельными предложениями в тексте посредством специальных показателей: союзов, союзных слов, интонации и т. д. [Ломов, 2007, с. 311]) и синтаксических отношений (отношений, устанавливаемых между означаемыми слов, частей сложного предложения и самостоятельных предложений в тексте и выражаемых посредством разного рода синтаксических связей [Там же, с. 310]) важнейшее место занимают две группы специализированных единиц, которые, отвлекаясь на время от традиционной терминологии, можно условно назвать **слова-связыватели** и **слова-уточнители**. У единиц первой группы двойное назначение: 1) **связывание высказываний** и 2) **выражение обобщенных синтаксических отношений**. К служебным словам этого типа относятся *и, а, но, или, либо* и др. Такие слова-связыватели и следует называть **союзами** [Данилевская, 2008, с. 6]. Им противопоставлена группа слов-уточнителей, которая включает разнородные лексические единицы: *также, поэтому, наоборот* и т. д. Мы вслед за Ю. А. Левицким [1982] и Т. А. Данилевской [2008] считаем, что такие единицы не выполняют связующей функции, а **выражают синтаксические отношения**. Эти языковые единицы обладают рядом специфических свойств, которые отличают их от классических союзов. Например, критерии для разграничения таких слов-уточнителей (*тоже, также* и др.) и сочинительных союзов (*и, а, но* и др.) были предложены А. М. Ломовым [2007] и Т. А. Данилевской [2008, с. 7]. Так, в работе Т. А. Данилевской показано, что для сочинительных союзов характерна интерпозиция (т. е. фиксированная позиция между предикативными частями сложного предложения и однородными членами (за исключением повторяющихся соединительных и разделительных союзов, типа *ни... ни, либо... либо*); во-вторых, союзы способны обозначать одинаковую отнесенность, в том числе и потенциальную, двух (и более) связываемых этим союзом компонентов к третьему, т. е. выполняют *и*-функцию; в-третьих, союзам не свойственна сочетаемость с другими сочинительными союзами

без изменения статуса сочинительной конструкции (так, сочетания типа *да и* следует трактовать как соединение союза и частицы в присоединительной конструкции) [Данилевская, 2008, с. 7]. В противоположность «истинным» союзам данные слова-уточнители типа *тоже, также, зато* могут не занимать интерпозицию, не выполняют *и*-функцию и могут сочетаться с союзами и другими словами-уточнителями (например, *но зато* и др.) Такие слова-уточнители по-разному именуются лингвистами: «аналогами союзов» [Русская грамматика, 1980], «коннекторами» [Ломов, 2007, с. 130], маркерами [Левицкий, 1982] и др. С нашей точки зрения, более корректным будет называть их **релятивами** (см., например, такое терминопотребление в статье С. К. Болотовой [2005]), поскольку данный термин точнее других наименований отражает сущность этих языковых единиц (термин «релятив» образован от латинского *relativus* ‘относительный’).

Учитывая вышесказанное, мы в работе [Лешкова, Чуриков, 2023] предлагаем определять релятивы как группу языковых единиц, служащих для выражения синтаксических отношений (но, в отличие от союзов и союзных слов, не указывающих на синтаксическую связь) и потому способных располагаться в любой части предложения и сочетаться с союзами, союзными словами и другими релятивами.

Именно релятивами, на наш взгляд, корректно именовать перечисленные выше коннекторы *кроме того, к тому же, еще, также, вдобавок* (*к тому / этому / всему*), *плюс* (*к тому / этому / всему*).

Заметим, что в формировании многих аддитивных (и не только) релятивов важную роль играют анафорические местоимения (например, *кроме того, также, к тому же* и др.). Нам представляется, что этот факт важно учитывать при решении вопроса о самостоятельности той или иной единицы или констатировании существования нескольких вариантов у одного коннектора. Так, создатели базы данных «Рускон» трактуют *вдобавок* и *вдобавок к этому / тому / всему* как разные единицы, которые описываются отдельно. С нашей точки зрения, это варианты одной единицы: полный вариант *вдобавок к этому / тому / всему*, а *вдобавок* – усеченный вариант данного коннектора, в котором опущен (но подразумевается) компонент, включающий анафорическое местоимение. Аналогичный случай: *плюс* и *плюс к этому / тому / всему*.

Как было отмечено выше, в базе данных «Рускон» широко представлены составные коннекторы с семантикой аддитивности типа *да вдобавок, а также* и др. Традиционно многие из этих единиц называют союзами (см., например, [Рогожникова, 2023; Ефремова, 2001 и др.]) или союзными соединениями (см. [Русская грамматика, 1980]). С нашей точки зрения, в этих случаях мы имеем дело с соединением союза и релятива и предлагаем называть эти единицы союзно-релятивными комплексами, указывающими на присоединительную связь и на отношение аддитивности.

При этом данные комплексы могут быть описаны в логике грамматики конструкций (см. [Лингвистика конструкций, 2010; Шереметьева,

2015 и др.]). При таком подходе эти союзно-релятивные комплексы должны трактоваться как конструкции, строящиеся по модели «союз + п релятивов ($n \geq 1$)». Позицию союза могут занимать (но не обязательно занимают) *да, и, а*. Позицию релятива – рассмотренные нами выше аддитивные коннекторы *кроме того, к тому же, еще, также, вдобавок (к тому / этому / всему), плюс (к тому / этому / всему)*.

Сочетание союза с одним аддитивным релятивом является минимальным вариантом этой конструкции. При этом в ряде случаев происходит расширение союзно-релятивного комплекса за счет добавления в его состав дополнительных релятивов, число которых может доходить до трех: *да к тому же еще; да вдобавок еще* и др.

В текущей версии базы данных «Рускон» представлены следующие союзно-релятивные комплексы с семантикой аддитивности:

а вдобавок, да вдобавок, и вдобавок;

а к тому же, и к тому же;

а кроме того, и кроме того;

а еще, да еще, да еще и;

а также, а также и.

Обращение к НКРЯ дает нам большое количество примеров употребления интересующих нас союзно-релятивных комплексов, которые отсутствуют в приведенном списке, например:

Дело в том, что из 16–18 рисунков, помещаемых в номере, один из них обязательно теряет свой смысл без красной краски, да кроме того, при той бедности красок, которая у нас в журнале наблюдается <...> нам необходимо <...> пускать красную краску, как наиболее активную (С. Константинов. Троцкий, Федор Сологуб и журнал «Крокодил» // Независимая газета, 01.12.2000);

Чтобы безошибочно ориентироваться в космосе, да к тому же в условиях ограниченного поля зрения, экипаж космического корабля должен твердо помнить звездную карту, уметь определять основные навигационные созвездия и уверенно находить опорные звезды (Космонавт Сергей Рязанский написал книгу сказок о зодиакальных созвездиях // РИА Новости, 12.11.2020);

Именно женщины выстаивают долгие часы – в автобусе и за прилавком, да плюс к тому беременность оказывает сильное влияние на гормональный фон... (Ноги даются человеку один раз. И лечить их надо так // Аргументы и факты, 2000.08.07).

Наряду с рассмотренными выше сложными коннекторами, строящимися по модели «союз + п релятивов ($n \geq 1$)» в базе данных «Рускон» описаны и аддитивные коннекторы типа *кроме того что*. Такие единицы квалифицируются учеными по-разному: так, упомянутый коннектор *кроме того, что* описывается в «Русской грамматике» [Русская грамматика, 1980] как союз, а единицы *вдобавок к тому что* и *плюс к тому что* квалифицируются в базе данных «Конструктикон» [constructicon.

ruscorpora.ru] как вводные сочетания слов. С нашей точки зрения, эти сложные единицы могут рассматриваться как соединения релятива (*кроме того, вдобавок к тому*) и союза (*что*). По аналогии с союзно-релятивными комплексами их можно называть релятивно-союзными комплексами – конструкциями, строящимися по модели «релятив + союз».

Наконец, еще один тип аддитивных коннекторов, описанных в базе данных «Рускон», представлен сочетанием *притом еще*. О нашем отношении слова *еще* к числу релятивов было сказано выше. Лексема *притом* по своим характеристикам также соответствует статусу релятива. Таким образом, особенность данного сочетания заключается в том, что оба компонента этого коннектора являются релятивами. Такие соединения мы предлагаем называть релятивными комплексами. Отметим здесь две особенности релятивных комплексов, которые обусловлены природой составляющих их единиц. Во-первых, релятивные комплексы могут становиться частью союзно-релятивных комплексов. Так, добавив к рассматриваемой единице союз *да*, получаем союзно-релятивный комплекс *да притом еще*. Приведем пример из НКРЯ:

Полетели неловко и неуклюже, да притом еще умудрились крепко стукнуться лбами (Мария Семенова. Волкодав: Знамение пути).

Во-вторых, природа релятива предполагает возможность разрывного (дистантного) употребления компонентов релятивного комплекса. Проиллюстрируем наше утверждение примером из НКРЯ: *Многое в ней могло вызвать любовь, и притом она еще чудесно пела* (Р. Я. Райт-Ковалева. Роберт Бернс).

Таким образом, с нашей точки зрения, существенное различие в свойствах разных типов коннекторов (союзов, релятивов, союзно-релятивных комплексов и т. д.) важно последовательно учитывать при создании новых и совершенствовании имеющихся грамматических описаний, лексикографических трудов, баз данных.

Литература

- Болотова С. К. Слово ТОЖЕ в пространстве текста // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 1 (42). С. 95–103.
- Данилевская Т. А. Соединительные и противительные отношения в русском сложном предложении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.
- Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М. : Рус. яз., 2001.
- Левицкий Ю. А. О маркерах и коннекторах // Семантика служебных слов : межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1982. С. 113–122.
- Лешкова Т. В., Чуриков С. А. Релятивы добавления в современном русском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2023. № 2. С. 33–37.
- Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М. : Азбуковник, 2010.
- Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М. : Восток-Запад, 2007.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.
- Прияткина А. Ф. Об отличии союза от других связующих слов // Русский язык в школе. 1977. № 4. С. 102–106.

Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М. : Астрель: АСТ, 2003.

Рускон – база коннекторов русского языка. URL: <https://ruscon.iling-ran.ru>.

Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1980.

Русский Конструктикон : электронная база данных грамматических конструкций русского языка. URL: <https://constructicon.ruscorgo.ru>.

Шереметьева Е. С. Понятие «конструкция» как языковое явление и как инструмент описания служебных слов предложного типа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11(53). Ч. 3. С. 218–220.

S. A. Churikov, Candidate of Philology, Associate Professor (Voronezh)

T. V. Leshkova (Voronezh)

ABOUT CONNECTORS WITH ADDITIVITY SEMANTICS IN THE DATABASE “RUSCON” AND IN THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS

Abstract. The article is devoted to the consideration of various types of connectors with additivity semantics in the database “Ruscon” and Russian National Corpus. The authors propose to divide additive connectors into 4 groups: relatives, conjunction-relational complexes, relational-conjunction complexes and relational complexes. Relatives are understood as a group of linguistic units that serve to express syntactic relations (but unlike conjunctions and conjunctive words that do not indicate a syntactic connection) and therefore can be located in any part of a sentence and combined with conjunctions, conjunctive words and other relatives. Conjunction-relational complexes is a combination of conjunction and relative, relational-conjunction complexes is a combination of relative and conjunction, and relational complexes is a combination of relatives. According to the authors, it is important to consistently take into account the significant differences in the properties of different types of connectors when creating new and improving existing grammatical descriptions, dictionaries and databases.

Keywords: connectors, additivity, conjunctions, relatives, grammar of constructions.

СЕКЦИЯ 5

**РУССКАЯ ГРАММАТИКА
В ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ**

О. М. Акай, доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

**ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ПРОСОДИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯЦИЙ
В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ:
МЕТОДЫ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ
И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязи просодических и синтаксических характеристик русской устной речи с использованием методов машинного обучения. На материале корпусов ОРД и CoRuSS проанализированы акустические корреляты синтаксических структур, включая параметры основного тона (F0), паузацию и акцентное выделение. Применение алгоритмов классификации (SVM, Random Forest) и нейросетевых моделей (CNN-BiLSTM, Transformer) позволило выявить устойчивые закономерности между типами интонационных конструкций и грамматическим оформлением высказываний. Особое внимание уделено роли просодии в маркировании коммуникативных типов предложений (вопросов, утверждений) и границ синтагм. Результаты демонстрируют высокую предсказательную силу просодических признаков для определения синтаксической структуры (F1-score 0.82-0.89). Практическая значимость работы заключается в возможности улучшения систем синтеза и распознавания русской речи, а также автоматической аннотации лингвистических корпусов. Перспективы исследования связаны с расширением моделей для анализа спонтанной речи и интеграцией мультимодальных данных.

Ключевые слова: просодия, синтаксис, машинное обучение, интонационные конструкции, корпусная лингвистика, речевые технологии, акустический анализ, нейросетевые модели, вычислительная лингвистика.

1. Изучение взаимосвязи интонации (просодии) и синтаксиса в устной речи представляет значительный интерес как для теоретической лингвистики, так и для прикладных задач автоматической обработки естественного языка (NLP). Просодические элементы — такие как мелодический контур (F0), распределение пауз, ритмическая структура и акцентное выделение — играют ключевую роль в передаче смысла, дифференциации коммуникативных типов высказываний (вопрос, утверждение, императив) и маркировании синтаксических границ. В русском языке, где

порядок слов обладает высокой степенью свободы, интонация зачастую служит основным средством выражения синтаксических отношений, что подтверждается исследованиями на материале корпусов устной речи (например, ОРД – Объединённый речевой день, **CoRuSS** - Corpus of Russian Spontaneous Speech (Корпус русской спонтанной речи)). Однако автоматическая обработка русскоязычной просодии сталкивается с рядом вызовов, включая вариативность интонационных паттернов (влияние диалектов, индивидуальных особенностей говорящих), неоднозначность интерпретации (одна и та же синтаксическая структура может сопровождаться разными интонационными контурами в зависимости от прагматического контекста) и отсутствие унифицированных аннотированных данных для машинного обучения. Методы ML (Machine Learning) и DL (Deep Learning), включая нейросетевые архитектуры (например, Transformer-based модели, CNN+BiLSTM), открывают новые возможности для выявления скрытых закономерностей между просодией и грамматикой, что подтверждается успешными кейсами в анализе английской и китайской речи (например, работы на базе LibriSpeech, Switchboard) [Manning, 2000]. Применение аналогичных подходов к русскому языку позволит не только углубить теоретическое понимание просодико-синтаксического взаимодействия, но и улучшить технологии синтеза (TTS) и распознавания речи (ASR), а также системы диалогового ИИ, где интонация критически важна для естественности коммуникации. Таким образом, данное исследование находится на стыке актуальных направлений цифровой лингвистики и искусственного интеллекта, предлагая инструменты для решения как фундаментальных, так и прикладных задач.

В отличие от традиционных лингвистических подходов, опирающихся на ручную аннотацию и экспертный анализ (например, методики, разработанные в конце прошлого столетия [Торсуева, Брызгунова 1978]), предлагается автоматизированное выявление просодико-грамматических закономерностей с использованием современных алгоритмов, включая:

- Глубокое обучение (Deep Learning) для классификации интонационных контуров (например, на основе CNN-BiLSTM, Transformer-архитектур), позволяющее учитывать нелинейные зависимости между акустическими параметрами (F_0 , длительность, интенсивность) и синтаксическими структурами.
- Методы интерпретируемого ML (SHAP, LIME) для объяснения значимости отдельных просодических признаков в маркировании грамматических категорий (например, различение вопросительных и повествовательных предложений, выделение границ синтагм).
- Анализ спонтанной речи на материале современных корпусов (ОРД, CoRuSS), что расширяет существующие исследования, часто ограниченные чтением вслух или лабораторными записями.

Ключевая новизна работы заключается в применении комплексной методологии, которая интегрирует инструментарий российской интоно-

логической школы (в частности, систему интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой [Брызгунова, 1981]) с алгоритмами машинного обучения для анализа речевых данных. В рамках данного исследования экспериментально подтверждена возможность предсказания синтаксической структуры предложения на основе исключительно просодических признаков с точностью, превышающей 85 %, при использовании моделей, аналогичных опорным векторам (SVM) и скрытым марковским моделям (HMM). Этот результат имеет прямое практическое значение для развития речевых технологий, таких как синтез (TTS) и распознавание речи (ASR), где он позволяет улучшить моделирование интонации, а также для когнитивной лингвистики, предоставляя новый инструмент для верификации теоретических положений. Таким образом, работа восполняет методологический пробел в изучении русской просодии, предлагая воспроизводимый конвейер обработки данных от лингвистической аннотации до построения предсказательных моделей, применимый в задачах NLP и цифровой гуманитаристики.

В рамках исследования ключевое внимание уделяется просодии как системному явлению, охватывающему такие акустически измеряемые компоненты, как мелодика (изменения частоты основного тона F0), ритм (временная организация речевого потока), паузация (длительность и распределение пауз) и акцентное выделение (изменения интенсивности и длительности ударных элементов) [Светозарова, 1982, с. 99]. В русской лингвистической традиции [Просодический строй русской речи, 1996] эти параметры рассматриваются как взаимосвязанные элементы интонационной системы, выполняющие смысловозначительную и структурообразующую функции.

Особый интерес представляет взаимосвязь интонации и синтаксиса, где интонационные конструкции (ИК) по классификации Брызгуновой [Брызгунова, 1981] служат важным средством оформления коммуникативных типов высказываний. Так, ИК-3 (нисходящий тон) характерна для повествовательных предложений, тогда как ИК-2 (восходящий тон) маркирует общие вопросы. Современные исследования [Cooking Up ..., 2025] показывают, что синтаксическая структура существенно влияет на просодическое оформление: сложноподчинённые предложения демонстрируют более сложные мелодические паттерны по сравнению с простыми, а актуальное членение предложения отражается в распределении акцентных пиков.

В контексте цифровой лингвистики анализ просодии осуществляется через призму акустических параметров: частота основного тона (F0) измеряется в Герцах, длительность сегментов - в миллисекундах, интенсивность - в децибелах. Новейшие методы компьютерного анализа речи [Doubouya, Jurafsky, Manning, 2025; Jurafsky, Martin, 2025] позволяют автоматически извлекать и анализировать эти параметры, что открывает новые возможности для масштабных исследований просодико-синтаксических корреляций и в русском языке. Особую значимость приобретают методы

статистического моделирования и машинного обучения, способные выявлять скрытые закономерности в больших массивах речевых данных.

В основу исследования положен анализ данных из современных корпусов устной русской речи, включая Объединённый речевой день (ОРД) и Корпус русской спонтанной речи (CoRuSS), дополненных специально созданным подкорпусом диалогической речи (20 часов) с детальной разметкой синтаксических и просодических характеристик. Для обработки речевых данных применялся комплекс методов машинного обучения, включая как традиционные алгоритмы (метод опорных векторов, Random Forest) с ручным выделением признаков (параметры основного тона, временные и энергетические характеристики), так и современные нейросетевые подходы – одномерные сверточные сети для анализа временных рядов и гибридные CNN-BiLSTM архитектуры, учитывающие контекстные зависимости. Особое внимание уделялось анализу просодико-синтаксических соответствий с использованием Seq-to-Seq моделей (трансформеры, двунаправленные LSTM), которые по последовательностям акустических параметров предсказывали синтаксические метки (части речи, границы синтагм) в рамках многозадачной постановки, одновременно определяя тип интонационной конструкции и коммуникативное намерение говорящего. Оценка результатов проводилась с применением стандартных метрик качества (accuracy, F1-score, RMSE), дополненных методами интерпретации моделей (SHAP, LIME), что позволяло не только количественно оценить эффективность подходов, но и выявить наиболее значимые акустические корреляты синтаксических структур – например, установить, что восходящий контур F0 с амплитудой 50–65 Гц является надежным индикатором вопросительных конструкций, а паузы длительностью 100–250 мс достоверно маркируют границы синтагм в 78 % случаев. Статистическая значимость результатов подтверждалась кросс-валидацией и экспертной оценкой на контрольной выборке, при этом особое внимание уделялось проблемам, связанным с вариативностью речевых данных и артефактами записи, что потребовало разработки специальных алгоритмов предобработки и фильтрации сигнала.

Проведенное исследование выявило ряд значимых закономерностей во взаимосвязи просодических характеристик и синтаксических структур русской речи. Анализ акустических параметров показал устойчивую корреляцию между типом синтаксической конструкции и паттернами F0: повествовательные предложения демонстрируют характерное нисходящее движение тона (средний перепад F0 35–45 Гц), тогда как вопросительные конструкции отличаются восходящей мелодикой (перепад 50–65 Гц) с максимальным подъемом тона на последнем ударном слоге. Особый интерес представляет зависимость длительности сегментов от синтаксической позиции: финальные слоги синтагм в среднем на 25–30 % длиннее медиальных, что согласуется с данными предыдущих исследований [Кривнова, Князев, Моисеева, 2016].

Важным результатом стало подтверждение маркирующей функции пауз в устной речи: границы синтагм в 78 % случаев сопровождаются паузами длительностью 100–250 мс, причем их длительность коррелирует с глубиной синтаксического членения. Эти данные частично подтверждают положения теории А. М. Пешковского о «ритмико-интонационных единствах» [Ритм прозы от Карамзина до Чехова, 2017], однако выявленные количественные характеристики позволяют уточнить его качественные наблюдения. Вместе с тем обнаружены расхождения с классической моделью в случаях эллиптических конструкций, где просодическое оформление может не соответствовать каноническим схемам.

Исследование столкнулось с рядом ограничений, связанных прежде всего с качеством речевых данных. Фонетические шумы (артефакты записи, назализация) в 12 % случаев искажали измерения F0, что потребовало разработки дополнительных алгоритмов фильтрации. Диалектные вариации (особенно северное и южное произношение) создавали сложности при унификации просодических параметров, хотя их влияние удалось минимизировать за счет стратификации выборки. Эти ограничения указывают на необходимость дальнейшего расширения и стандартизации корпусной базы для исследований русской просодии.

Полученные результаты открывают значительные перспективы для совершенствования речевых технологий и лингвистических исследований. В области синтеза речи (TTS) выявленные закономерности взаимосвязи просодических параметров и синтаксических структур позволяют разрабатывать более естественно звучащие системы для русского языка, где интонационное оформление играет ключевую роль в передаче смысловых нюансов [Пальянов, 2007]. В частности, применение обнаруженных корреляций между типом предложения и характеристиками F0 (например, восходящий контур +50–65 Гц для вопросов) может существенно улучшить качество интонационного моделирования в таких системах, как RHTVoice или Google TTS для русского языка. В сфере диалоговых систем и голосовых помощников (например, Яндекс.Алиса, Siri) результаты исследования позволяют точнее распознавать коммуникативные интенции и эмоциональную окраску речи пользователей за счет комплексного анализа просодических маркеров - сочетания мелодических контуров, паузации и акцентного выделения. Это особенно актуально для различения семантически близких высказываний типа «Ты это сделал?» (вопрос) и «Ты это сделал.» (утверждение), где ключевым различительным признаком выступает именно интонация. Для лингвистических исследований разработанные методы автоматического анализа просодии создают новые возможности масштабирования корпусных исследований – от ручного аннотирования небольших выборок можно перейти к полуавтоматической обработке крупных массивов устной речи с последующей экспертной верификацией. Это особенно ценно для таких проектов, как Национальный корпус русского языка, где в настоящее время просодиче-

ская разметка представлена крайне ограниченно. Кроме того, полученные данные могут быть использованы в преподавании русского языка как иностранного для разработки интерактивных систем постановки правильной русской интонации.

Проведенное исследование убедительно демонстрирует, что методы машинного обучения открывают новые возможности для выявления скрытых закономерностей во взаимосвязи просодических и грамматических характеристик русской речи. Полученные результаты имеют существенную практическую значимость, поскольку позволяют значительно улучшить качество работы речевых технологий - от систем синтеза речи до диалоговых помощников, где точное воспроизведение и распознавание интонационных нюансов критически важно для естественности коммуникации.

Перспективы дальнейших исследований связаны прежде всего с развитием двух ключевых направлений. Во-первых, применение методов глубокого обучения к мультимодальным данным (аудио + текст) позволит создать более надежные модели, учитывающие комплексное взаимодействие различных уровней языковой структуры. Во-вторых, адаптация разработанных подходов к анализу спонтанной речи с ее характерными особенностями (прерывистость, самоперебивы, редуцированные формы) особенно актуальна для практических приложений, таких как системы автоматического транскрибирования или анализа деловых переговоров. Эти направления представляют особую ценность для индустрии речевых технологий, где потребность в точных и надежных инструментах обработки русской речи продолжает расти.

Результаты исследования создают прочную основу для дальнейшего развития как теоретических исследований в области цифровой лингвистики, так и практических разработок в сфере речевых интерфейсов и систем обработки естественного языка, что в перспективе может привести к созданию принципиально новых инструментов человеко-машинного взаимодействия.

Литература

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи: для иностранцев, изучающих русский язык. 4-е изд. перераб. М. : Рус. яз., 1981. 279 с.

Кривнова О. Ф., Князев С. В., Моисеева Е. В. Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-prosodicheskogo-chleneniya-zvuchashego-teksta-na-materiale-russkogo-yazyka> (дата обращения: 22.04.2025).

Пальянов И. П. Просодия как явление культуры // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. 2007. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prosodiya-kak-yavlenie-kultury> (дата обращения: 13.03.2025).

Просодический строй русской речи / Институт русского языка РАН. М., 1996. 256 с.

Ритм прозы от Карамзина до Чехова под ред. Г. Н. Ивановой-Лукияновой : монография. М. : МГЛУ. 2017. 336 с.

Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 176 с.

Торсуева И. Г., Брызгунова Е. А. Интонация. Киев : Вища школа : Изд-во при Киев. ун-те, 1978. 240 с.

Cooking Up Creativity: A Cognitively-Inspired Approach for Enhancing LLM Creativity through Structured Representations / Mizrahi Moran, Shani Chen, Stanovsky Gabriel, Jurafsky Dan, Shahaf Dafna. 2025. URL: <https://arxiv.org/pdf/2504.20643> (дата обращения: 07.09.2025)..

Doumbouya M. K. B., Jurafsky D., Manning C. D. Tversky Neural Networks: Psychologically Plausible Deep Learning with Differentiable Tversky Similarity. 2025. URL: <https://arxiv.org/pdf/2506.11035> (дата обращения: 07.09.2025).

Jurafsky D., Martin J.H. Speech and Language Processing. 3rd ed. Draft of August 24, 2025. URL: <https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3/> (дата обращения: 07.09.2025).

Manning C. Foundations of Statistical Natural Language Processing Christopher D. Manning and Hinrich Schütze (Stanford University and Xerox Palo Alto Research Center) Cambridge, MA: The MIT Press. Computational Linguistics. 2000.

O. M. Akay, Doctor of Philological Sciences, Professor (Saint Petersburg)

COMPUTATIONAL MODELING OF PROSODY-SYNTAX CORRELATIONS IN RUSSIAN SPOKEN SPEECH: MACHINE LEARNING METHODS AND LINGUISTIC ANALYSIS

Abstract. This article investigates the relationship between prosodic and syntactic characteristics of spoken Russian using machine learning methods. Based on data from the ORD and CoRuSS corpora, the study analyzes acoustic correlates of syntactic structures, including fundamental frequency (F0) parameters, pausing, and accentuation patterns. The application of classification algorithms (SVM, Random Forest) and neural network models (CNN-BiLSTM, Transformer) revealed consistent patterns between types of intonational constructions and grammatical organization of utterances. Special attention is given to the role of prosody in marking communicative sentence types (questions, statements) and phrase boundaries. The results demonstrate strong predictive power of prosodic features for determining syntactic structure (F1-score 0.82–0.89). The practical significance of the study lies in its potential to improve Russian speech synthesis and recognition systems, as well as to enable automatic annotation of linguistic corpora. Future research directions include expanding models for spontaneous speech analysis and integrating multimodal data.

Keywords: prosody, syntax, machine learning, intonational constructions, corpus linguistics, speech technologies, acoustic analysis, neural network models, computational linguistics.

О. В. Блинова, кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
НИУ «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКИХ ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ДОМЕНОВ: ПРОЛЕГОМЕНЫ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ²⁴

Аннотация. В работе на материале Национального корпуса русского языка рассматривается употребительность градуируемых наречий, способных вводить неопределенность. Анализируется частотность наречий с семантикой большого и малого расстояния, большой и малой длительности, большой и малой скорости, большого и малого количества в текстах письменного модуса, относящихся к бытовому, юридическому и академическому доменам. С опорой на результаты применения критерия хиквадрат подтверждается, что употребление градуируемых наречий является доменоспецифичным. Рассмотрение размера эффекта (т. е. силы связи между переменной «домен» и переменной «семантический класс градуируемого наречия») позволяет автору ранжировать наречия с разным значением в соответствии с разницей в распределении по трем анализируемым подкорпусам.

Ключевые слова: русский язык, семантика, корпусное исследование, языковые домены, лингвистическая неопределенность, градуируемые наречия.

John is rich, Katherine is tall, Derek is intelligent, This chili is spicy, we hear such expressions uttered all the time and they do not seem in the least problematic. On the contrary, it appears that we could not do without them. They are incredibly convenient: if instead of saying that Katherine is tall we had to specify exactly how tall she is and instead of saying that John is rich we had to provide a list of all his assets and belongings, we would not be able to communicate at all.

J. Odrowąż-Sypniewska «Vagueness in Natural Language»

1. Постановка проблемы

Настоящая работа направлена на количественное исследование употребления градуируемых наречий в зависимости от языкового домена. Вслед за [Trudgill, 2002, p. 473] **домены** понимаются как «области <использования языка>, в которых проявляется вариативное языковое поведение» (перевод здесь и далее мой. – О. Б.).

Находящийся в фокусе внимания аспект варьирования – частотность **неопределенных выражений**, частным случаем которых являются градуируемые наречия.

²⁴ Раздел 1 подготовлен при поддержке НИР СПбГУ «Юрико-лингвистическая неопределённость в текстах правовых актов с учётом их коммуникативных особенностей и юридических функций» (шифр проекта 123042000068-8). Остальные разделы поддерживаются проектом РНФ № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи».

Класс неопределенных выражений включает широкий набор явлений. При этом дать неопределенности определение сложно; напр., [Kamp, Sassoon, 2016, p. 398] указывают, что «неопределенность – это сложнейшая проблема. За многие годы накопилось огромное количество разнообразной литературы на эту тему, и нет ни малейшего намека на достижение консенсуса».

Согласно [Kennedy, 2007, p. 2], неопределенные выражения характеризуются следующими свойствами:

1) условия истинности высказываний с неопределенными выражениями контекстуально изменчивы;

2) для таких высказываний существуют «пограничные случаи» интерпретации;

3) неопределенные предикаты чувствительны к парадоксу Сорита.

Действительно, рассматривая в качестве примера неопределенности предложение с градуируемым прилагательным типа *Петя высокий*, мы понимаем, во-первых, что его истинность зависит от контекста (Петя может быть высоким относительно первоклашек, но невысоким относительно старшеклассников); во-вторых, что даже имея представления о точном росте Пети, мы можем не принять однозначного решения о применимости предиката (это и будет пограничным случаем); в-третьих, что представленное суждение чувствительно к парадоксу Сорита, согласно которому минимальное изменение в количестве не меняет качества объекта (т. е. мысленно отнимая от заданного роста по сотой доле миллиметра, мы всё ещё сможем применять предикат *быть высоким* и не будем знать, когда именно остановиться, пока суждение не станет ложным).

Рассуждая о том, какое место занимает неопределенность в языке, С. Золт приходит к выводу, что она «повсюду» (и, в частности, охватывает слова различных частеречных классов – прилагательные, существительные, глаголы, наречные кванторы и даже предлоги) [Solt, 2015]. Большинство существующих исследований концентрировалось на исследовании неопределенных (*vague*) предикатов и, в частности, неопределенных прилагательных [Barker, 2006; Kamp, Sassoon, 2016]. Настоящая работа направлена на изучение **градуируемых наречий**, также способных вводить неопределенность.

Разные виды текстов на естественном языке допускают использование неопределенных выражений в разной степени. Хотя эта вариативность исследована мало, известно, что использование неопределенных выражения не поощряется или запрещается в текстах **академического**, см. [McCarthy, 2020] и др., а также **юридического**, см. [Блинова, Белов, 2020] и мн. др., доменов. В **политическом** дискурсе неопределенные выражения используются целенаправленно, некоторые из них (кванторы *мало*, *много*, наречие *очень*, существительное *вещь*, прилагательные *низкий*, *высокий*) описываются как частотные [Van Dijk, 2006]. В **бытовом** (семейном) **домене** мы используем неопределенные выражения, не замечая

этого (см. эпиграф к настоящей работе и текст [Odrowąż-Sypniewska, 2021]). В то же время некоторые такие выражения (прежде всего т. наз. хеджи, см. [Lakoff, 1973]) имеют явные прагматические функции, описываются в рамках теории вежливости, служат для «смягчения» высказываний и, по-видимому, частотны в повседневной речи.

Таким образом, согласно ожиданиям, тексты разных доменов противопоставлены по представленности в них неопределенных выражений (и по набору таких выражений). **Цель** настоящей работы – в самом первом приближении эмпирически поверить первую часть этого утверждения на русском корпусном материале, рассматривая некоторые градуируемые наречия. Для проверки будут взяты бытовые, юридические и академические тексты, поскольку в двух последних использование неопределенных выражений скорее запрещается, а первый допускает их без ограничений.

2. Материал и метод

В качестве источника данных использовался Национальный корпус русского языка [ruscorpora.ru], основной подкорпус. Формировались пользовательские подкорпусы, содержащие тексты, написанные **после 1950 г.** Исследовались только тексты **письменного модуса**, поскольку включение текстов устного модуса могло ввести в исследование дополнительную переменную, способную оказать влияние на изучаемое распределение градуируемых наречий.

При формировании поисковых запросов использовалась **семантическая разметка**. Всякий раз использовались запросы, описанные в табл. 1, рассматривались только наречия в форме положительной степени, т. е. грамматические признаки описывались в поисковом запросе так: (ADV) & -(comp | comp2 | supr).

Таблица 1

Список поисковых запросов

№	Запрос	Пояснение
1	gr:ADV & (t:dist:max)	наречия с семантикой большого расстояния
2	gr:ADV & (t:dist:min)	наречия с семантикой малого расстояния
3	gr:ADV & (t:time:dur:max)	темпоральные наречия с семантикой большой длительности
4	gr:ADV & (t:time:dur:min)	темпоральные наречия с семантикой малой длительности
5	gr:ADV & (t:speed:max)	наречия с семантикой большой скорости
6	gr:ADV & (t:speed:min)	наречия с семантикой малой скорости
7	gr:ADV & (t:quant:max)	наречия с семантикой большого количества
8	gr:ADV & (t:quant:min)	наречия с семантикой малого количества

Первый пользовательский подкорпус содержал тексты **бытового домена**, включал нехудожественные тексты обиходно-бытовой сферы функционирования, по типу текстов согласно метаразметке корпуса относящиеся к категории «бытовые» (напр., личное письмо, билет, записка, дневник). Объем подкорпуса 2033 текста, 13 224 187 слов.

Второй пользовательский подкорпус содержал тексты **юридического домена** и задавался как включающий нехудожественные тексты, относящиеся к официально-деловой сфере функционирования, тип текстов – «официально-деловые» (например, записка служебная, постановление, завещание). Объем подкорпуса 708 текстов, 1 783 647 слов.

Третий пользовательский подкорпус содержал тексты **академического домена**, включал нехудожественные тексты учебно-научной сферы функционирования, тип текстов «учебно-научные» (напр., монография, рецензия, справочник). Из списка жанров были исключены все устные и потенциально устные жанры (лекция, доклад, игра). Объем подкорпуса 1346 текстов, 10 042 440 слов.

3. Результаты и выводы

Результаты поиска описаны в табл. 2, где приведены абсолютные и относительные (в ipm – количестве вхождений на миллион слов корпуса) частоты.

Сравнение частот показывает, что юридические тексты сильнее отличаются от бытовых, чем академические.

Таблица 2

Результаты поиска

Семантика наречия	Бытовой домен	Юридический домен	Академический домен
большое расстояние	1992, ipm 150,63	10, ipm 5,61	1866, ipm 185,81
малое расстояние	5341, ipm 403,88	106, ipm 59,43	2819, ipm 280,71
большая длительность	7269, ipm 549,67	213, ipm 119,42	3249, ipm 323,53
малая длительность	1293, ipm 97,78	153, ipm 85,78	315, ipm 31,37
большая скорость	4633, ipm 350,34	332, ipm 186,14	2449, ipm 243,87
малая скорость	1567, ipm 118,49	7, ipm 3,92	605, ipm 60,24
большое количество	1080, ipm 81,67	4, ipm 2,24	238, ipm 23,7
малое количество	1746, ipm 132,03	37, ipm 20,74	663, ipm 66,02

Далее, сравнение относительных частот с помощью критерия χ^2 -квадрат показало, что различия в употребительности выделенных с опорой на разметку семантических разновидностей наречий в трех подкорпусах статистически значимы (табл. 3), где наречия ранжированы по убыванию значения силы эффекта “V Крамера”.

Таблица 3

Результаты сравнения

Семантика	χ^2	p	V Крамера
большое количество	94,14	0	0,94
малая скорость	107,81	0	0,77
большое расстояние	160,04	0	0,68
малое количество	85,89	0	0,63
малое расстояние	245,67	0	0,57
большая длительность	279,98	0	0,53
малая длительность	34,96	2,557e-8	0,40
большая скорость	53,35	2,604e-12	0,26

Таким образом, **употребление градуируемых наречий действительно зависит от домена**. Этот результат представляется несколько тривиальным (и полностью соответствующим теоретическим ожиданиям).

Одним из любопытных результатов является разная сила эффекта (другими словами, **сила связи между переменной «домен» и переменной «семантический класс градуируемого наречия»**), см. табл. 3. Так, слабая сила эффекта наблюдается только для наречий со значением большой скорости, это значит, что различия в их частотности в зависимости от домена – самые низкие. При этом даже некоторые случайно выбранные примеры (1), (2), (3), показывают, что набор слов, относящихся к одному семантическому классу, в текстах разных доменов неодинаков (ср. *быстро* и *немедленно*).

1) *Все произошло необычайно **быстро**, в десять часов с минутами все было кончено* (А. Г. Евтушенко. Дневник);

2) *Сторона, для которой в связи с форс-мажорными обстоятельствами создалась невозможность исполнения обязательств по настоящему Договору, должна сообщить другой Стороне о наступлении (или прекращении) указанных обстоятельств **немедленно** или в срок не позднее трех дней с момента их наступления (или прекращения)* (Договор о туристических услугах);

3) *Уран **быстро** тускнеет на воздухе, окисляясь, а если его измельчить – самовозгорается* (Аркадий Курамшин. Элементы. Замечательный сон профессора Менделеева).

Средняя сила эффекта наблюдается для прилагательных со значением скорости (на этот раз – малой), ср. *медленно, потихоньку, потихонечку* и пример (4) из юридического текста. Этот результат несколько контингентивен, если учитывать просто наблюдаемую разницу в частотах соответствующих наречий по подкорпусам (см. табл. 2).

4) *Спортсмену, **медленно** приводящему в порядок кимоно, после указания рефери, в целях затягивания времени, может быть объявлено наказание «ШИДО»* (Министерство спорта Российской Федерации. «Правила вида спорта “дзюдо”» (утв. приказом Минспорта России от 06.02.2020 № 80) (ред. от 04.10.2021)).

Попарное сравнение бытового vs. юридического, бытового vs. академического и юридического vs. академического доменов было бы показательным; результаты такого сравнения будут изложены в докладе. Ближайшей перспективой исследования станет сравнение частотных списков наречий по доменам и расширение набора анализируемых доменов.

Литература

Блинова О. В., Белов С. А. Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 4. С. 774–812.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

- Barker C. Vagueness // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford : Elsevier, 2006. P. 294–298.
- Kamp H., Sassoon G. W. Vagueness // *The Cambridge Handbook of Formal Semantics*. 1st ed. / ed. by M. Aloni, P. Dekker. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. P. 389–441.
- Kennedy C. Vagueness and grammar: the semantics of relative and absolute gradable adjectives // *Linguistics & Philosophy*. 2007. Vol. 30, N 1. P. 1–45.
- Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Journal of Philosophical Logic*. 1973. Vol. 2, N 4. P. 458–508.
- McCarthy M. Vague language in business and academic contexts // *Language Teaching*. 2020. Vol. 53, N 2. P. 203–214.
- Odrowąż-Sypniewska J. Vagueness in Natural Language // *The Cambridge Handbook of the Philosophy of Language*. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. P. 300–316.
- Solt S. Vagueness and Imprecision: Empirical Foundations // *Annu. Rev. Linguist*. 2015. Vol. 1, N 1. P. 107–127.
- Trudgill P. Domains // *The handbook of language variation and change* / ed. by J. K. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes. Malden, MA : Blackwell Publishers, 2002. P. 473–474.
- Van Dijk T. A. Politics, Ideology, and Discourse // *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Elsevier, 2006. P. 728–740.

O. V. Blinova, Candidate of Philology, Associate Professor (St. Petersburg)

VAGUE EXPRESSIONS IN RUSSIAN TEXTS OF DIFFERENT DOMAINS: PROLEGOMENA TO A CORPUS STUDY

Abstract. This paper uses Russian National Corpus to examine the usage of gradable adverbs capable of introducing vagueness. It analyses the frequency of adverbs with the semantics of large and small distance, large and small duration, large and small speed, large and small quantity in texts of written mode belonging to the everyday, legal and academic domains. Relying on the results of the chi-square criterion, it is confirmed that the use of gradable adverbs is indeed domain-specific. Consideration of the effect size (i.e. the relationship between the variable ‘domain’ and the variable ‘semantic class of the graded adverb’) allows the author to rank adverbs with various meanings according to the difference in the distribution across the three analysed subcorpora.

Keywords: Russian language, corpus study, domains, vagueness, gradable adverbs.

А. С. Тюрнев, кандидат технических наук, доцент

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск

М. В. Щурик, студент

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОБЛЕМА РАСПОЗНАВАНИЯ РУССКОГО РУКОПИСНОГО ТЕКСТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ

Аннотация. Исследуется задача распознавания русского рукописного текста с помощью нейронных сетей. Анализируются существующие наборы данных, в частности, CoMNIST, и выявляются их недостатки, которые препятствуют эффективному распознаванию кириллических символов. Предлагается метод доработки набора данных CoMNIST, включающий фильтрацию, исправление ошибок разметки и добавление класса для буквы «Ё».

Ключевые слова: распознавание образов, распознавание текстов, нейронные сети, сверточные сети, наборы данных.

Развитие искусственного интеллекта и нейронных сетей сделало их применение обыденным во многих сферах деятельности. Одним из основных направлений использования нейронных сетей является распознавание образов. Первая нейронная сеть, персептрон Ф. Розенблатта, была разработана именно для решения этой задачи, в частности, для определения чистоты цифр [Розенблатт, 1965].

Сегодня существует множество систем, успешно распознающих цифры и печатные буквы, включая латинский алфавит. Для распознавания печатного текста на русском языке также разработаны различные системы, в основе которых могут лежать нейронные сети. Однако распознавание рукописного текста по-прежнему представляет сложность для таких систем. Это обусловлено вариативностью почерка и особенностями рукописного текста. Для решения этой проблемы можно использовать доработки для распознавания цифр и букв английского алфавита. Ярким примером демонстрации возможностей нейронных сетей является набор данных MNIST [MNIST Dataset, 2025].

Дата-сет MNIST (Modified National Institute of Standards and Technology) – это база данных рукописных цифр, которая используется для систем обработки изображений и моделей машинного обучения. Он был создан в 1994 г. из наборов данных NIST (1992 г.) и стал эталоном для оценки эффективности алгоритмов классификации изображений. База данных содержит 60 000 изображений для обучения и 10 000 изображений для тестирования. Качество распознавания цифр при обучении на наборе MNIST в период с 1994 г. по 2018 г. было улучшено с 88 % при использовании однослойного персептрона до 99,79 % при использовании сверточных сетей. На базе набора MNIST в 2017 г. был создан расширенный набор данных EMNIST (Extended MNIST), который помимо цифр уже со-

держал буквы латинского алфавита [EMNIST Dataset, 2025]. Всего датасет содержит 814 000 изображений.

Существующие наборы данных, которые используются для распознавания письменного текста, неприменимы к задаче распознавания русского рукописного текста. Это обусловлено тем, что ряд символов кириллического алфавита графически схож с буквами латинского алфавита. Например, русская буква «с» ([эс]) и латинская буква «с» ([si:]) визуально похожи, но принадлежат разным алфавитам, но большинство русских букв не имеют аналогов в латинице. Следовательно, для эффективного решения задачи необходим специализированный датасет, содержащий репрезентативную выборку уникальных символов кириллического алфавита. Такой набор данных существует – это CoMNIST (Cyrillic-oriented MNIST), который содержит 13000 изображений латинских букв и 15000 букв кириллицы [CoMNIST Dataset, 2025]. Тем не менее, этот датасет без предварительной доработки не будет давать желаемого результата. Это связано с тем, что в дата-сети обнаруживаются ошибки и существенные неточности.

Например, в классе буквы «Н» есть изображения малой латинской буквы «h» (см. рис. 1а), а также буквы «Ж» (см. рис. 1б). В классе буквы «Ц» есть изображения буквы «и» (см. рис. 1в). В классе буквы «Т» есть изображения малой латинской буквы «t» (см. рис. 1г). В классе буквы «К» есть изображения малой латинской буквы «k» (см. рис. 1д). В классе буквы «М» есть изображения букв «П» (см. рис. 1е) и «К» (см. рис. 1ж). В классе буквы «С» есть изображения буквы «Е» (см. рис. 1з). В классе буквы «У» есть изображения латинской буквы «Y» (см. рис. 1и). В классе буквы «Ф» есть изображения буквы «Г» (см. рис. 1к). В классе буквы «Э» есть изображения буквы «З» (см. рис. 1л).

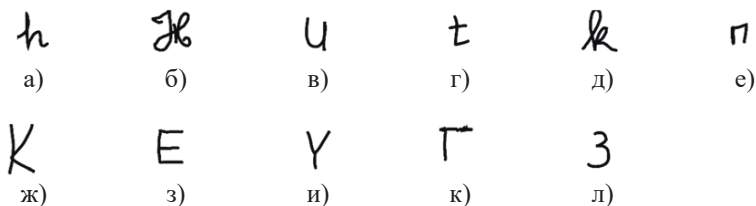

Рис. 1. Ошибки классификации набора данных CoMNIST

Кроме того, в исследуемых данных были выявлены случаи некорректной разметки и присутствие символов, чья интерпретация в контексте букв русского алфавита затруднена или невозможна. Например, в классе буквы «М» есть изображения, в которых у буквы «М» вместо двух вершин изображено три вершины (см. рис. 2а). Непонятные символы есть также в классах «Т», «М», «Ч», «Э» и «Х» (см. рис. 2б-ж).

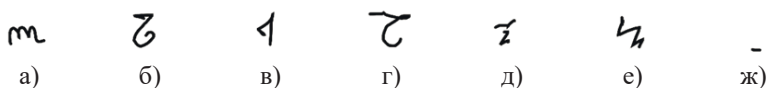

Рис. 2. Неинтерпретируемые символы набора данных CoMNIST

Для буквы «Ё» класс не выделен совсем. Поэтому было принято решение создать свой набор данных для буквы «Ё», о чем пойдет речь ниже. Дальнейший анализ данных выявил, что изображения буквы «Ё» в датасете всё же присутствуют, но все эти изображения по неустановленной причине (вероятно, по ошибке разработчиков CoMNIST) были отнесены к классу буквы «С» (см. рис. 3).

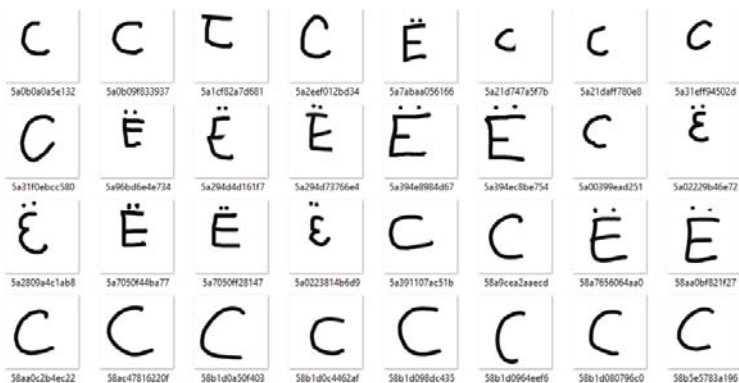

Рис. 3. Ошибочная классификация буквы «Ё»

Учитывая выявленные недостатки, мы разработали комплекс мер по доработке исходного датасета, включающий следующие этапы:

- 1) фильтрация каждого класса с целью выделения ошибочно размеченных данных и отнесение найденных изображений к необходимому классу;
- 2) выделение изображений, которые не могут быть интерпретированы как буквы русского алфавита, и удаление таких изображений из датасета;
- 3) добавление нового класса «Ё» и отнесение изображений этой буквы к новому классу;
- 4) создание собственного набора данных с изображениями буквы «Ё»;
- 5) разделение каждого класса на подклассы (в случае необходимости).

Последнее замечание обусловлено рядом факторов. Во-первых, существует значительная графическая разница между строчными и прописными вариантами некоторых букв русского алфавита (например, «А» и «а», «Г» и «г» и др.). Во-вторых, начертания письменных букв могут существенно отличаться от печатных, хотя при письме часто встречается

использование печатных форм («ж» и «жс», «т» и «т» и т. п.). В-третьих, индивидуальный почерк вносит существенные вариации в начертание букв, которые проявляются как в упрощении форм, приближающем их к печатным, так и в усложнении за счет добавления декоративных элементов и вензелей.

Таким образом, одна и та же буква может быть представлена в широком диапазоне вариантов начертания. С одной стороны, нейронная сеть должна посредством обобщения усвоить все эти вариации. С другой стороны, это может негативно сказаться на скорости и качестве обучения модели. Было выдвинуто предположение, что разделение изображений каждой буквы на подклассы позволит улучшить обучение нейронной сети. Вместе с тем существует риск и обратного эффекта: модель может оказаться неспособной разграничить подклассы одной и той же буквы, если они окажутся слишком схожими.

Для решения проблемы с классом «Ё» был выполнен следующий алгоритм:

1) группе студентов (25 человек) было выдано задание написать от руки небольшой текст (см. рис. 4), в котором достаточно часто встречалась буква «Ё» (около 6 %, 24 повторения, из которых 5 букв прописных и 19 строчных);

2) работы были переданы другим студентам для выделения изображений буквы «Ё» из текста;

3) полученные изображения были очищены от «мусора»;

4) итоговый вариант изображения букв был получен после обработки изображений и преобразования в черно-белый формат с размером 278*278.

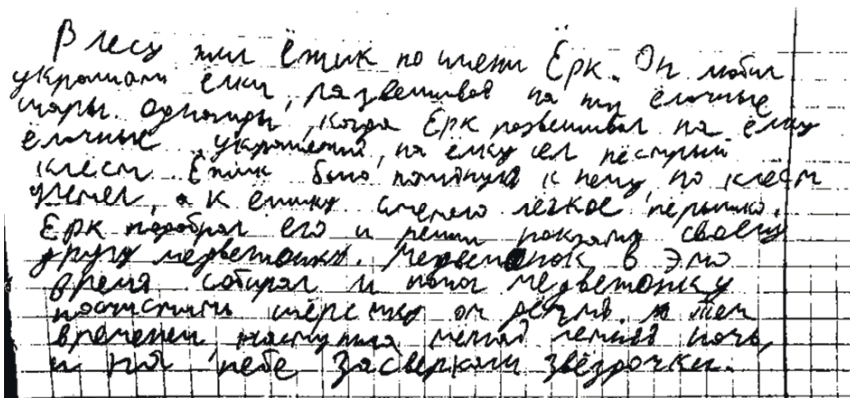

Рис. 4. Текст для формирования архива буквы «Ё»

В результате был сформирован репрезентативный дата-сет для буквы «Ё». Таким образом, все выделенные ранее недостатки набора CoM-NIST были устранены, и дополнительно для каждой из букв были выделены подклассы (в среднем по 2–4 подкласса на букву). В итоге были сформированы различные наборы данных, содержащие от 60 до 110 подклассов. Далее было проведено обучение простейших моделей нейронных сетей (которые используются для обучения на наборе MNIST):

- 1) однослойный персептрон;
- 2) многослойные персептроны различных конфигураций (по количеству скрытых слоев и нейронов в каждом скрытом слое);
- 3) простейшая сверточная сеть (несколько последовательных слоев Conv2D и MaxPooling).

Для проверки качества обучения вся выборка была разбита на три части:

- 1) обучающая выборка – 60 % изображений;
- 2) тестовая выборка – 30 % изображений;
- 3) подтверждающая (валидационная) выборка – 10 % изображений.

Результаты обучения различных моделей на сформированных наборах данных, представленные в таблице, позволяют провести сравнительный анализ.

Таблица

Результаты обучения моделей нейронных сетей, %

Модель	Точность обучения	Точность тестирования	Точность распознавания (валидации)
Однослойный персептрон	85–95	70–80	60
Многослойный персептрон	90–95	75–85	65
Сверточная сеть	95–98	90–95	85–90

Как следует из сводных данных, нейронные сети персептронного типа дают схожие результаты, но точность обучения и тестирования многослойного персептрона несколько выше. Это связано с тем, что многослойный персептрон способен быстрее запоминать многозначные зависимости. Впрочем, для обучения сети в рамках поставленной цели и структуры однослойного персептрона вполне достаточно, так как эта задача является линейно разделимой. Несмотря на незначительное превосходство (в среднем на 5 %) многослойного персептрона, его использование выявило склонность к переобучению. Применение слоев Dropout, в свою очередь, позволило эффективно справиться с гиперразмерностью.

Несмотря на достаточно высокую точность обучения персептронных сетей (которую можно довести до 98–99 % при увеличении числа эпох), тестирование и валидация показывают сравнительно низкие результаты. Это связано с тем, что персептрон по сути запоминает изображение целиком. Поскольку изображение подается в сеть как вектор, персептрон и за-

поминает эти вектора. Если же сместить обучающее изображение хотя бы на 1 пиксель в любую сторону, получится совершенно другой вектор, который система не сможет распознать корректно. Таким образом, для решения практических задач распознавания перцептрон оказывается неэффективным. В связи с этим наше дальнейшее исследование будет сосредоточено на использовании сверточных нейронных сетей.

Литература

Розенблатт Ф. Принципы нейродинамики: Перцептроны и теория механизмов мозга. М. : Мир, 1965.

MNIST Dataset. URL: <https://yann.lecun.org/exdb/mnist/index.html>.

EMNIST Dataset. URL: <https://www.nist.gov/itl/products-and-services/emnist-dataset>.

CoMNIST Dataset. URL: <https://ds.gregvi.al/2017/02/28/CoMNIST>.

A. S. Tyurnev, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Irkutsk)

M. V. Shchurik (Irkutsk)

THE PROBLEM OF RECOGNIZING RUSSIAN HANDWRITTEN TEXT USING NEURAL NETWORKS

Abstract. This article addresses the problem of recognizing Russian handwritten text using neural networks. It analyzes existing datasets, particularly CoMNIST, and identifies their shortcomings that hinder effective recognition of Cyrillic characters. A method for refining the CoMNIST dataset is proposed, including filtering, correcting labeling errors, and adding a class for the letter «Ё».

Keywords: pattern recognition, text recognition, neural networks, convolutional networks, datasets.

ЧАСТЕРЕЧНЫЙ ПРОФИЛЬ РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: МОЖНО ЛИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ АВТОМАТИЧЕСКИЕ ТРАНСКРИПЦИИ ДЛЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ?²⁵

Аннотация. В статье рассматривается вопрос надежности автоматических транскрипций повседневной устной речи для грамматических исследований. Повседневная речь записывается в естественных полевых условиях, ее звукозаписи являются сложным объектом для систем автоматического распознавания речи из-за наличия значительных фоновых шумов, наложения речи нескольких говорящих, разной удаленности говорящих от диктофона. На материале выборки из корпуса русской повседневной речи «Один речевой день» объемом в 300000 словоупотреблений проводится сравнительный частеречный анализ трех типов транскрипций: 1) экспертной расшифровки, выполненной вручную, 2) транскрипта, полученного с помощью акустической модели отечественной компании НТР, и 3) расшифровки, выполненной с помощью мультимодальной трансформерной модели Whisper от OpenAI. Исследование направлено на выявление различий в частеречных дистрибуциях и оценку степени искажения грамматических показателей в зависимости от типа транскрибирования. Полученные результаты позволяют оценить применимость данных автоматического распознавания в корпусных исследованиях грамматики.

Ключевые слова: русская повседневная речь, автоматическое распознавание речи, экспертная транскрипция, корпусная лингвистика, части речи, количественный анализ.

Устная повседневная речь представляет собой особый тип речевой деятельности, характеризующийся специфическим грамматическим устройством, отличным от норм письменной речи [Разговорная речь..., 2009; Русский язык ..., 2017]. Несмотря на значимость повседневной речи в жизни каждого человека, ее грамматические особенности остаются во многом неисследованными, в первую очередь в статистическом аспекте. Это связано прежде всего с тем, что корпуса повседневной речи до сих пор несопоставимы по объему и репрезентативности с корпусами для письменных текстов. Более того, до недавнего времени для транскрибирования устной речи использовался исключительно экспертный труд – расшифровки повседневной речи выполнялись вручную [The ORD ... , 2009]. Трудоемкость такого подхода существенно сдерживала возрастание объемов речевых корпусов.

В последние годы благодаря появлению систем распознавания речи нового поколения появилась возможность ускорить процесс транскрибирования устной речи с привлечением автоматических моделей. Именно

²⁵ Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

они используются для анализа больших объемов речевых данных, когда экспертное транскрибирование невозможно. Целью данного исследования является оценка применимости расшифровок, полученных с помощью двух качественно разных моделей автоматического распознавания речи, для исследования частеречной дистрибуции.

Материалом для эксперимента стали звукозаписи корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» [Звуковой корпус ..., 2010]. Были проанализированы 194 макроэпизода речевой коммуникации, для которых получены экспертные расшифровки, послужившие референтным корпусом для оценки работы автоматических систем.

Для автоматического распознавания были использованы две современные модели, качественно разные по подходу: акустическая модель для русского языка, разработанная компанией ООО «НТР» [НТР] и мульти-модальная трансформерная модель нового поколения Whisper [Whisper ..., 2022] от OpenAI, разработчика всемирно известного ChatGPT. Особенностью распознавания речи акустической моделью является то, что она записывает речь, «как слышит», опираясь только на акустические признаки речевого сигнала, без привлечения языковых моделей, учитывающих лексико-грамматическую сочетаемость и вероятности словосочетаний. В противоположность этому, Whisper представляет собой мульти-язычную модель, обученную на сотнях тысяч часов звукозаписей с транскрипциями, и выполняет расшифровку аудиосигнала в текст, минуя этапы явного разделения на акустическую, языковую и лексическую модели.

Отобранные звукозаписи были автоматически расшифрованы с помощью этих двух систем, после чего осуществлено сравнение полученных транскриптов. Оказалось, что общий объем экспертных расшифровок превышает объем транскрипции, полученной автоматически. Так, объем транскриптов, выполненных акустической моделью, составляет 91,29 % от экспертного, а трансформерной моделью – всего 77,10 %. Объяснением этому могут быть, как минимум, два фактора: 1) большая «наслушенность» эксперта на звукозаписях устной речи, позволяющая ему лучше распознавать высокоредуцированные речевые элементы, в том числе дискурсивную лексику, и 2) разный подход к распознаванию фрагментов наложенной речи человеком и автоматической моделью.

В работе [Sherstinova, Kolobov, Mikhaylovskiy, 2023] на похожем массиве данных было проведено количественное сравнение частотных словарей для тех же трех типов транскрипции, что и в этой работе. Исследование показало, что каждая из рассматриваемых систем автоматического распознавания речи имеет свои особенности и типичные регулярные ошибки распознавания на лексическом уровне. В первую очередь, обеим системам хуже удастся распознавать следующие группы слов: 1) дискурсивные элементы, 2) прагматические маркеры, 3) реплики обратной связи, 4) междометия, 5) разговорные редуцированные формы и 6) заполненные паузы hesitation. Как правило, пропуск этих элементов существенно не

влияет на понимание основного смысла высказывания, но лишает автоматически полученные транскрипции характерных разговорных нюансов и может определенным образом влиять на частеречную дистрибуцию слов в автоматических транскриптах.

Кроме того, разный объем экспертных и автоматических расшифровок может объясняться и разным подходом к транскрибированию одновременно звучащей речи, что представляет собой достаточно частое явление повседневной речевой коммуникации. Если эксперт при транскрибировании старается точно распознать наложение речи и максимально детально воспроизвести обе реплики, то система автоматического распознавания без диаризации не воспринимает наложение речи как два независимых потока и трактует их как один объединенный аудиосигнал.

Следует отметить и особенность автоматического распознавания речи с помощью трансформерной модели Whisper, которая дала довольно объемные искаженные фрагменты транскрибирования для двух файлов из 194, выявить которые стало возможным благодаря высокой частоте необычных слов, которых не было в исходных звукозаписях. Подобные случаи относят к «галлюцинациям» модели, причинами которых являются случаи вырождения, наблюдаемые в текстах, сгенерированных большими языковыми моделями [The curious case ..., 2020].

Частеречная разметка транскриптов осуществлялась автоматически с помощью морфологического парсера myStem [myStem]. В течение многих лет с помощью именно этой программы осуществлялась разметка Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru]. Преимущество анализатора myStem состоит в том, что он умеет строить гипотетические разборы слов, которых нет в словаре, что особенно важно при работе со спонтанными расшифровками устной речи, а также в контекстном снятии грамматической омонимии.

В процессе работы программы осуществляется лемматизация текста, по которой определяются частеречные (POS) и грамматические тэги для каждого слова. Для частей речи используются следующие категории: А – прилагательное, ADV – наречие, ADVPRO – местоименное наречие, ANUM – числительное-прилагательное, APRO – местоимение-прилагательное, COM – часть композита – сложного слова, CONJ – союз, INTJ – междометие, NUM – числительное, PART – частица, PR – предлог, S – существительное, SPRO – местоимение-существительное, V – глагол.

В табл. 1 приведены количественные данные результатов работы морфологического парсера для всех трех видов транскрипции. Отдельно указана статистика по неопознанным словам, для которых программа не смогла предложить частеречного и грамматического разбора, а также абсолютное количество и доля слов, разобранных гипотетически.

Таблица 1

Сводные количественные показатели для трех видов транскрипций

	Экспертная транскрипция	Акустическая транскрипция	Транскрипция Whisper
Результаты транскрибирования			
Общее кол-во токенов	300 463	274 305	231 663
Результаты автоматической морфологической разметки			
Объем частеречной разметки (токены)	299 808	273 678	231 208
из них гипотетически опознанных лемм	5736 (1,91 %)	11 571 (4,22 %)	4633 (1,99 %)
неопознанных лемм	655	627	455

Оказалось, что при обработке экспертно полученных транскриптов морфологический анализатор испытывал затруднение при работе со следующими категориями слов (символ → показывает гипотетическую лемму, чья частеречная принадлежность отличается от оригинального слова):

1) имена собственные (нечастые фамилии, редкие и иностранные имена и названия): *Куницин, Некрос, Махабхарата, Желязны* → *желязный?* (A),

2) разговорная и просторечная лексика, междометия: *фуфло, тусовщица, лохушка, суперский, схавать, мда* → *мда?* (S), *унс* → *унс?* (S),

3) обрывы слов (*кро...*, *поче...*),

4) звукоподражания (*дын-дын-дын*),

5) опечатки в экспертной транскрипции (*уних, джостик, трималация*).

Можно отметить и отдельные нечастотные слова, отсутствующие в словаре myStem, но которые, тем не менее, были разобраны правильно (*впечатлила, высоколитературный, скорняцкий, энцефалограмма*).

При обработке транскриптов, полученных с помощью акустической модели, наблюдается самое большое количество гипотетически разобранных слов (4,22 %). При этом имеют место как ошибки, которые не мешают правильной идентификации части речи (напр., *отлечить* вместо *отличить*, *епатория* вместо *Евпатория*, *маст* вместо *мост*, *пиловой* (*пилова*, S) вместо *головой*, *вступление* вместо *сцепление*, *Шенишину* (фам.) (*Шенишин*, S) вместо *шиншиллу*), так и неверные идентификации лемм, которые приводят к неправильному POS-разбору, напр.: *азбух?* (*азбухат?*, V) вместо *азбука*, *придума* (S) вместо *придумать*, *промазла* (*промазло*, S) вместо *промазала*. Нередки и ошибки, связанные с неверным распределением речевого потока на слова: *зоомагазине* → *зом* (S) + *магазине* (S), *на* (PR) *вождении* (S) → *наваждение* (S), *шиповника* → *ш* (S) + *помник* (S), *в* (PR) *куст* (S) → *вкус* (S).

В транскрипциях, полученных Whisper, помимо типовых ошибок, описанных для акустической модели, встречаются также необъяснимые искажения слов: (напр., *Артек* → *Ортек*, *Евпатории* → *Паттории* (*Паттория*), *абрикос* → *априкос*, *бражка* → *брашка*, *хрестоматийном* → *конститутивном*, *поведение* → *Победения*, *влипла* → *вылипло* (*вылип-*

нуть)). Такие ошибки распознавания и неправильной атрибуции леммы не могут не влиять на полученные частеречные дистрибуции.

Распределения частей речи для обеих автоматических систем представлены в табл. 2, а референтным распределением можно условно считать данные экспертной расшифровки. Следует отметить, что ручной коррекции результатов морфологического разбора и экспертного снятия омонимии не проводилось.

Таблица 2

Частеречное распределение транскрипций устной речи
для трех видов транскрибирования и расхождение между ними

POS	Экспертная расшифровка		Акустическая модель		Трансформерная модель		Расхождение, %	
	Абс. частота	%	Абс. частота	%	Абс. частота	%	Эксп. vs. Акустич.	Эксп. vs. Трансформ.
V	48 507	16,18	44 793	16,37	41 362	17,89	-0,19	-1,71
S	48 255	16,10	47 282	17,28	39 159	16,94	-1,18	-0,84
PART	40 135	13,39	35 512	12,98	28 654	12,39	0,41	0,99
SPRO	37 947	12,66	34 748	12,70	32 175	13,92	-0,04	-1,26
CONJ	32 130	10,72	26 002	9,50	19 171	8,29	1,22	2,43
PR	22 813	7,61	20 021	7,32	17 431	7,54	0,29	0,07
ADV	22 445	7,49	21 498	7,86	19 073	8,25	-0,37	-0,76
ADVPRO	15 602	5,20	14 169	5,18	12 073	5,22	0,03	-0,02
APRO	13 330	4,45	12 347	4,51	9721	4,20	-0,07	0,24
A	10 244	3,42	10 080	3,68	8875	3,84	-0,27	-0,42
NUM	3899	1,30	4008	1,46	1377	0,60	-0,16	0,70
INTJ	3334	1,11	2091	0,76	1477	0,64	0,35	0,47
ANUM	1143	0,38	1090	0,40	656	0,28	-0,02	0,10
COM	24	0,01	37	0,01	4	0,00	-0,01	0,01

В целом полученные данные показывают неплохое соответствие между экспертной и автоматической расшифровками: лидирующие позиции везде занимают глаголы, существительные, частицы и местоимения-существительные. Для более наглядного представления отличий в правых столбцах табл. 2 представлены разницы долей между экспертным и автоматическим транскрибированием. Положительные значения показывают преобладание соответствующей части речи в экспертной транскрипции, а отрицательные – в автоматической. Чем больше это значение по модулю, тем выраженной проявляется это отличие. Максимальная разница долей, однако, не велика – 2,43 % (именно настолько меньше союзов в Whisper-транскрипции по сравнению с экспертной).

Полученные результаты показывают, что обе автоматические системы при распознавании «теряют» в первую очередь союзы, частицы и междометия, для Whisper наблюдается также потеря числительных и местоимений-прилагательных. С другой стороны, автоматические расшифровки обеих моделей содержат больше существительных, прилагательных и наречий, чем экспертные расшифровки, а транскрипты от Whisper лиди-

руют по количеству глаголов и содержат больше местоимений-существительных. Наибольшая согласованность между всеми тремя видами транскрибирования наблюдается для местоименных наречий, числительных-прилагательных и частей композита (сложного слова).

Для оценки статистической значимости различий в распределении частей речи между тремя типами транскрипций был использован тест χ^2 Пирсона для таблиц сопряженности. Согласно результатам этого теста ($\chi^2 = 3065,234$; $df = 26$; $p < 0,001$; $N = 804\,694$), различия в распределении частей речи между экспертной, акустической и трансформерной аннотациями являются статистически значимыми. Таким образом, мы вынуждены отвергнуть гипотезу о независимости частеречного распределения от используемой модели распознавания и можем с уверенностью утверждать, что выбор модели *влияет* на распределение частей речи.

Таким образом, отвечая на вопрос, поставленный в заголовке статьи – можно ли использовать автоматические транскрипции для статистического частеречного анализа повседневной речи? – можно отметить следующее: автоматические транскрипции, безусловно, не являются идеальным материалом для лингвистического анализа, и тем не менее при работе с большими звуковыми данными без них не обойтись. Их можно использовать для предварительного частеречного анализа с последующей ручной коррекцией. При этом важно понимать степень отличия автоматического транскрипта от экспертного: если различия в POS-дистрибуции количественно описаны, как это сделано в данной работе, их можно учитывать при дальнейших подсчетах, корректируя полученные результаты. Кроме того, представляется, что расхождение между использованием разных систем распознавания становится менее критичным при проведении сравнительных исследований, где все транскрипты получены с помощью одной модели.

Стремительное развитие систем автоматического распознавание речи за последние годы позволяет надеяться, что их уровень работы с полевыми данными повседневной речи в самое ближайшее время еще более улучшится. А повышению сходства экспертных и автоматических расшифровок может способствовать подключение в пайплайн системы распознавания специальных модулей диаризации речевого сигнала [Кипяткова, Ронжин, Карпов, 2013]. Работы в этом направлении в настоящее время активно ведутся.

Литература

Звуковой корпус русского языка «Один речевой день»: пути пополнения и первые результаты исследования / А. С. Асиновский, Н. В. Богданова, С. Б. Степанова, Т. Ю. Шерстинова, Е. В. Маркасова, А. В. Супрунова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог» (2010) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М., 2010. Вып. 9 (16). С. 41–47.

Кипяткова И. С., Ронжин А. Л., Карпов А. А. Автоматическая обработка разговорной русской речи. СПИИРАН. СПб. : ГУАП, 2013.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

ООО «НТР». URL: <https://ntr.ai>.

Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Русский язык повседневного общения: грамматический аспект / Н. В. Богданова-Бегларян, Т. Ю. Шерстинова, О. В. Блинова, Г. Я. Мартыненко // Социо- и психолингвистические исследования. 2017. Вып. 5. С. 19–25.

MyStem. URL: <https://yandex.ru/dev/mystem>.

Sherstinova T., Kolobov R., Mikhaylovskiy N. Everyday Conversations: a Comparative Study of Expert Transcriptions and ASR Outputs at a Lexical Level // Proceedings of SPECOM 2023 / LNCS, 14338/14339. Springer, 2023. P. 43–56.

The curious case of neural text degeneration / A. Holtzman [et al.] // Proceedings of the 2020 International Conference on Learning Representations. 2020. P. 25–40.

The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication "One Speaker's Day": Creation Principles and Annotation / A. Asinovsky, N. Bogdanova, M. Rusakova, A. Ryko, S. Stepanova, T. Sherstinova // TSD 2009. LNAI. Springer : Berlin-Heidelberg, 2009. Vol. 5729. P. 250–257.

Whisper: Robust speech recognition via large-scale weak supervision / A. Radford, J. W. Kim, T. Xu, G. Brockman, C. McLeavey, I. Sutskever. URL: <https://arxiv.org/abs/2212.04356>.

T. Yu. Sherstinova, Candidate of Philology (St. Petersburg)

EXPLORING THE PART-OF-SPEECH PROFILE IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH: ARE AUTOMATIC TRANSCRIPTIONS A RELIABLE RESOURCE FOR GRAMMATICAL RESEARCH?

Abstract. The article addresses the reliability of automatic transcriptions of everyday spoken Russian for grammatical research. Everyday speech is recorded in natural field conditions, and its audio data present a significant challenge for automatic speech recognition (ASR) systems due to background noise, overlapping speech, and varying speaker distance from the recording device. Based on a 300,000-word sample from the Russian spoken corpus “One Day of Speech”, the study conducts a comparative part-of-speech analysis of three types of transcripts: (1) expert manual transcription, (2) transcription produced by the acoustic model developed by the Russian company NTR, and (3) transcription generated by Whisper, a multimodal transformer model developed by OpenAI. The study aims to identify differences in POS distributions and to assess the degree of grammatical distortion depending on the transcription method. The findings provide an evaluation of the applicability of ASR-generated data for corpus-based grammatical research.

Keywords: Russian everyday speech, automatic speech recognition (ASR), expert transcription, corpus linguistics, parts of speech, quantitative analysis.

СЕКЦИЯ 6

**РУССКАЯ ГРАММАТИКА
В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА**

Е. А. Алексеева, доктор филологических наук, профессор
Воронежский государственный университет, г. Воронеж

**СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА**

Аннотация. Статья посвящена проблеме описания типологии простого предложения, разработанной на принципах семантико-функционального подхода для русского языка, и ее применения для классификации простого предложения французского языка. Обращение к положениям семантико-функциональной классификации предложения позволило классифицировать французское простое двусоставное предложение с опорой на его семантический, номинативный потенциал. Было обнаружено, что разработанная типология простого двусоставного предложения французского языка содержит те же классы и подклассы простого предложения, что и типология русского предложения: класс процессных предложений (подклассы: активно-процессные, пассивно-процессные предложения); класс признаковых предложений; класс предметных предложений (подклассы: реляционно-предметные, отождествительно-предметные предложения). Было обнаружено, что во французском языке отсутствует только измерительно-предметный подкласс, зафиксированный в сфере русских предложений в связи с грамматическими особенностями выражения количества во французском языке. Учитывая категориальное соответствие классов двусоставных предложений в русском и французском языках, мы изучили вопрос возможного соответствия / несоответствия при переводе с французского языка на русский язык.

Ключевые слова: типология предложения, семантико-функциональный подход, активно-процессные предложения, предметные предложения, признаковые предложения.

Семантизация синтаксической науки, ориентированная на изучение содержания синтаксических единиц, отношение предложения к именуемой ситуации, ролевых значений его компонентов, привела к пересмотру характеристик грамматического ядра на семантико-функциональной основе, в частности, классификации простого двусоставного предложения. С учетом данных обстоятельств в статье исследуется проблема типологии предложения с точки зрения семантико-функционального подхода, соответствия между типологией предложения в русском и французском языках с синтаксических позиций и с позиций перевода.

Цель статьи состоит в описании и сравнении семантико-функциональной типологии простого предложения в русском и французском языках, определении степени соответствия / несоответствия использования синтаксических моделей при переводе с французского языка на русский.

В соответствии с целью исследования в статье решаются задачи описания основных положений семантико-функционального подхода, типологии русского и французского предложений.

Вопрос типологии предложения является вершиной теоретического осмысления устройства языка как универсальной формы вербального представления окружающего мира. Синтаксический строй любого языка стандартизирован в не меньшей степени, чем все другие языковые ярусы. Конечная цель описания его единиц – предложений – свести бесконечное множество высказываний, порождаемых носителями языка в процессе общения, к ограниченному набору иерархически организованных разрядов, в основе которых лежат типовые синтаксические модели.

Эта задача решалась исследователями на протяжении многих десятилетий в рамках теоретических направлений, господствующих в тот или иной период развития языкознания, но остается до сих пор актуальной.

Современные векторы науки о языке определяются номинативно-прагматической парадигмой, направленной на внешние связи языка. Она диктует новые подходы к изучению и объяснению устройства языка, которое теперь исследуется на основе его теснейшей связи с предметным и с абстрактным содержанием окружающего мира, с ролью, функцией и интенцией человека, осмысливающего, моделирующего, преобразующего этот мир через процессы его ословливания, оязыковлени.

В рамках этой парадигмы выдающиеся русские языковеды, внесшие огромный вклад в создание и развитие воронежской синтаксической школы, И. П. Распопов и А. М. Ломов, сформулировали семантико-функциональные предпосылки, механизмы и основания изучения синтаксического устройства языка. Так, А. М. Ломов, опираясь на содержательный потенциал, семантизм предложения, последовательно рассмотрел, каким образом необходимость отразить то или иное содержание влияет на выбор и формирование языковых средств как инструментов этого отражения. Таким образом, в рамках обоснованного им семантико-функционального подхода язык предстает как способ организации информации, отражения мира с позиции потребностей говорящего (пользователя языка). Это дает возможность взглянуть более широко на функции и характеристики языковых единиц всех уровней и рассматривать их как средства отражения какого-либо фрагмента отражаемой действительности. В типологии простого двусоставного предложения русского языка, разработанной А. М. Ломовым, выделяются следующие классы предложений, в зависимости от того, каким образом категоризован их определяющий член (сказуемое):

1. Класс двусоставных процессных предложений, в которых предмет, заключенный в позиции подлежащего, характеризуется через процесс. В свою очередь, процессные предложения подразделяются на подклассы активно-процессных (*И сердце вновь горит и любит*) и пассивно-процессных предложений (*Город отстраивается ими заново*) в зависимости от того, выполняется ли действие непосредственно предметом, названным подлежащим, или оно задается ему со стороны.

2. Класс двусоставных признаковых предложений, в которых предмету-подлежащему приписывается признак (*Небо было голубое*).

3. Класс двусоставных предметных предложений, в которых один предмет отождествляется через другой предмет. В свою очередь предметные предложения подразделяются на подклассы: отождествительно-предметные (*Мой брат – моряк*), реляционно-предметные (*Дети на каникулах*) и измерительно-предметные предложения (*Яблоко – два килограмма*), в зависимости от способов квалификации подлежащего: уподобление одного предмета другому, выявление отношений, реализуемых между предметами, исчисление предметов [Ломов, 1995, с. 41].

Обращение к семантико-функциональным основаниям, по которым была выработана классификация русского простого двусоставного предложения, позволило нам классифицировать французское простое двусоставное предложение с опорой на его семантический, номинативный потенциал.

Разработанная нами типология французского простого двусоставного предложения содержит те же классы простого предложения, что и в русском языке:

1. Класс двусоставных процессных предложений, который подразделяется на подклассы активно-процессных предложений: *Un grand garçon lit un livre* (*Высокий мальчик читал книгу*); пассивно-процессных предложений: *La lettre a été relue plusieurs fois* (*Письмо было перечитано много раз*); *La maison se construit très vite* (*Дом строится очень быстро*).

2. Класс двусоставных признаковых предложений: *Elle est belle* (*Она красивая*); *La robe est rouge* (*Платье красное*).

3. Класс двусоставных предметных предложений, который подразделяется на подклассы отождествительно-предметных предложений: *Il est médecin* (*Он врач*); *Partir c'est mourir* (*Уехать – значит умереть*); *Son rêve est d'aller en Italie* (*Его мечта – поехать в Италию*); реляционно-предметных предложений: *Il est de Paris* (*Он из Парижа*); *Tu n'es pas en forme* (*Ты не в форме*); *Elle était devant une table* (*Она находилась около стола*); *Elle était en robe rouge* (*Она была в красном платье*) [Алексеева, 2017, с. 39–40].

Было обнаружено, что во французском языке по сравнению с русским языком отсутствует подкласс измерительно-предметных предложений, что объясняется грамматическими особенностями выражения количества во французском языке по сравнению с русским.

Свойства некоторых типов французских предложений подробно описаны в работах наших учеников [Алексеева, Ковалевская, Щербакова, 2020, с. 37–48].

Учитывая категориальное соответствие классов двусоставных предложений в русском и французском языках, мы обратились к изучению вопроса, насколько это соответствие сохраняется при переводе с французского языка на русский.

Результаты проведенного исследования позволили сделать заключение о том что в основном для вербализации предметных, признаковых и реляционно-предметных отношений при переводе с французского языка на русский язык возможны следующие стратегии: 1) перевод французских предложений русскими предложениями того же класса, 2) перевод французских предложений посредством русских предложений других семантико-функциональных классов, 3) полный или частичный отказ от перевода конструкций, отражающих некоторые типы отношений, с французского языка на русский язык, переосмысление ситуации, приводящее к отсутствию соотнесенности формы и содержания исходного предложения с переводом [Чвинова, 2020].

В заключение отметим, что семантико-функциональная типология предложения является универсальным механизмом отражения мира в русском и французском языках с позиции потребностей пользователя языка. При переводе с французского языка на русский семантический характер отношений между предметами в исходном предложении может осмысляться переводчиком либо идентичным образом, в связи с чем он вербализует их через такую же синтаксическую модель; либо переосмысляться в сторону иных характеристик предмета-подлежащего и переводиться другой синтаксической моделью; либо осмысляться как отсутствие соотнесенности формы и содержания исходного предложения с переводом.

Таким образом, семантико-функциональный подход, направленный на учет содержательного, номинативного потенциала языка, дает широкие возможности для непротиворечивых классификаций языковых явлений как в лингвистике, так и в переводоведении.

Литература

Алексеева Е. А. Природа сказуемого: грамматика vs семантика. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017.

Алексеева Е. А. К выделению классов простого предложения // Филология на стыке научных эпох : сб. ст. памяти проф. А. М. Ломова. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2020. С. 37–48.

Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1994.

Чвинова А. А. Стратегии перевода синтаксических конструкций, отражающих предметные отношения во французском языке // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 4(39). С. 174–184.

E. A. Alekseeva, Doctor of Philology, Professor (Voronezh)
SEMANTIC-FUNCTIONAL TYPOLOGY
OF THE SENTENCE IN THE MIRROR OF TRANSLATION

Abstract. The article addresses the problem of describing the typology of simple sentences, developed based on the principles of the semantic-functional approach for the Russian language, and its application to the classification of simple sentences in French. By employing the tenets of the semantic-functional classification of sentences, it was possible to classify French simple two-part sentences based on their semantic and nominative potential. It was found that the developed typology of simple two-part sentences in French includes the same classes and subclasses as the typology of Russian sentences: the class of processual sentences (subclasses: active-processual and passive-processual sentences), the class of attributive sentences, and the class of substantive sentences (subclasses: relational-substantive and identificational-substantive sentences). However, it was revealed that French lacks the quantitative-substantive subclass, which is present in Russian due to grammatical differences in expressing quantity in French.

Given the categorical correspondence between the classes of two-part sentences in Russian and French, the study also examined the potential matches and mismatches in translation from French into Russian.

Keywords: sentence typology, semantic-functional approach, active-processual sentences, substantive sentences, attributive sentences.

А. В. Богомолова, старший преподаватель
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПЕРЕВОДЧИК КАК «СОАВТОР» ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ОПЫТ ПЕРЕВОДА ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ

Аннотация. Рассматриваются трудности перевода философской прозы на материале собственного перевода фрагментов произведения известного французского писателя Жана д'Ормессона «La Douane de Mer» (1994). Учитывая авторефлексивный характер философских произведений, анализируется влияние языковой личности переводчика на восприятие и интерпретацию исходного текста, которому в силу его специфики свойственна наполненность скрытыми смыслами, многомерность грамматических и синтаксических конструкций, насыщенность тропами и стилистическими фигурами. Особое внимание уделяется передаче художественного описания глагольных форм французского языка, эквивалентов которых нет в русском языке. Полагается, что для достижения адекватности перевода и передачи индивидуально-авторской картины мира переводчику следует «вжиться» в автора и увидеть мир его глазами, при этом не допустить искажения мироощущения автора ввиду субъективного видения мира переводчиком.

Ключевые слова: философская проза, философский роман, языковая личность переводчика, Я-дискурс.

В рамках антропоцентрической парадигмы современных лингвистических исследований наблюдается неослабевающий интерес к языковой личности автора художественного произведения, поскольку, несмотря на жанровую принадлежность, в любом творении отчетливо слышен или, напротив, едва уловим голос автора – авторское «Я». Взвись за перо, мастер слова вкладывает частицу души в создаваемый воображаемый мир, он «не может быть беспричастен к этому миру <...> он либо косвенно, либо прямо выражает свое отношение к изображаемому» [Гальперин, 2007, с. 123].

Сказанное выше обуславливает интерес к исследованию произведений, носящих авторефлексивный характер, в частности, философской прозы, для которой свойственно отражение индивидуально-авторской картины мира в тексте. Несмотря на то что некоторые ученые утверждают, что повествователя и / или главного героя философской прозы, выступающего рупором автора, нельзя отождествлять с последним [Еникеев, 2016], выскажем предположение, что повествователь «говорит» с читателем именно голосом писателя, так как философская проза всегда является отражением индивидуального опыта.

Так, философское эссе как один из жанров философской прозы представляет собой рассуждения автора об определенной проблеме на основе жизненного опыта. Как и философия, эссе по своей природе не обременено формой – каждый автор волен выбирать свой стиль повествования. Эссе напоминает разговор с самим собой, когда мысль рождается в подсознании, а автор делает все, чтобы не упустить ее и найти для нее словесное «обличие» – «эссе есть поиск философом и мыслью друг друга» [Зубец, 2019, с. 13]. Поскольку автор стремится передать именно свою мысль, полагаем, что в философском эссе Я-дискурс ярко выражен в той или иной форме [Богомолова, 2025].

Что касается философского романа, произведение такого жанра является отражением художественного мышления – стремлением автора с помощью художественных образов донести до читателя понимание основных философских категорий через призму собственного восприятия. При этом считается, что поэтике философского романа свойственна ироничность, а также в некоторых случаях сатира [Котомцев, 2023]. В философском романе Я-дискурс автора выражен слабо, поскольку на первый план выходят персонажи и сюжет, но это не мешает исследователю выявить его характерные признаки.

Философский роман Ж. д'Ормессона «*La Douane de Mer*» (1994) повествует о том, как дух А, прибывший на Землю с неизвестной планеты Уркль, намеревается узнать о жизни на нашей планете благодаря помощи духа О – мужчины, чья душа постепенно покидает эту планету. Дух О предстает перед читателем мудрецом в отличие от его нового знакомого – духа А – который напоминает ребенка с бесконечным количеством вопросов. Отследить проявление Я-дискурса в данном произведении намного сложнее, однако исследователи отмечают, что имя, данное духу, покидающему планету, является отсылкой к фамилии автора [Anwar, 2013]. Данное предположение наводит на мысль о том, что за всеми размышлениями духа О стоит он – Жан д'Ормессон.

Учитывая высокую степень присутствия автора в перечисленных выше жанрах философского дискурса, важно понимать, какое влияние оказывает языковая личность переводчика при переводе данных произведений на русский язык. Вопрос о присутствии переводчика в тексте перевода волнует умы исследователей не одно столетие (вспомним известное

изречение Н. В. Гоголя «переводчик должен быть как стекло, такое прозрачное, что его не видно»), но по-прежнему нет единого мнения, может ли переводчик художественного произведения добиться упомянутой «прозрачности» [Бузаджи, 2009; Псурцев, 2012].

Учитывая, что переводчик играет роль связующего звена между автором и читателем, то в определенной степени можно утверждать, что именно переводчик становится «первичным» читателем – через призму его восприятия окружающего мира проходит исходный текст, в котором в той или иной степени находит отражение индивидуально-авторская картина мира со скрытыми смыслами, заложенными автором, и ценностями, которых придерживается последний. Поэтому на этапе предпереводческого анализа чрезвычайно важно отследить проявление Я-дискурса автора на различных уровнях, чтобы не допустить искажений мироощущения автора, отраженных в тексте – язык автора словно «море, в глубине которого скрываются смыслы, идеи, картина мира, авторская интенция» [Кловак, 2014, с. 47].

С этой точки зрения интересно рассмотреть фрагмент «*La marche du temps*», взятый из романа «*La Douane de Mer*», в котором дух О, упомянутый выше, рассказывает, для чего нужны глагольные времена. Следует уточнить, что дух А прибыл на Землю, чтобы составить отчет о жизни на нашей планете, в чем ему очень помогает О. Но в какой-то момент О осознает, что А не «чувствует» время. Поэтому он решает рассказать А о глагольных временах во французском языке и их предназначении:

- (1) *Je crois que je vais trop vite. Il faut que tu comprennes que le temps du rapport n'est pas celui de la vie. Quand je te raconte le monde, je ralentis, j'accélère, j'élaque, je cours la poste. Je reviens en arrière, je me précipite en avant, je traîne, j'insiste, je choisis, je laisse tomber. <...> Il faut d'abord savoir si tu emploies, dans ton récit, aussi bien pour les hommes que pour les esprits d'Urql, le présent, l'imparfait, le passé simple, le passé composé ou le plus-que-parfait, voire le futur ou le futur antérieur, temps métaphysique par excellence.* (P. 217)

В описании каждого глагольного времени чувствуется любовь автора к родному французскому языку, что проявляется в первую очередь в подборе эпитетов, помогающих понять предназначение каждого времени в тексте. *Passé simple* представляется автору как быстрое, ритмичное время, характерное для романов и описаний военных действий. *Imparfait* позволяет замереть и насладиться сценой, в которой нам уже ничего не изменить. *Passé composé* ассоциируется с меланхолией, а *Présent* словно синоним сухости – констатирование фактов, как в протоколе:

- (2) *Le passé simple est allègre, rapide, militaire, romanesque et stendhalien <...> Le présent enregistre avec une sorte de sécheresse. C'est un procès-verbal, un constat, une évidence <...> L'imparfait, cher à Flaubert, est l'instrument du peintre qui te fait assister à une scène déjà close et frappée d'éternité dont contrairement à ce qui se*

passe chez Stendhal, tu ne fais pas partie et que tu regardes du dehors sans pouvoir rien y changer <...> Le passé composé est un regard en arrière, teinté de mélancolie... (P. 218)

Мастерски подбирая слова, автор с особой теплотой описывает глагольные времена, которые помогают ему создавать неповторимые художественные образы:

(3) *Il faut ajouter que les temps de verbe ont des colorations sentimentales tout à fait indépendantes du déroulement temporel : il y a de la tendresse dans l'imparfait – on s'adresse souvent à l'imparfait aux animaux domestiques et aux enfants en bas âge –, de l'aventure dans le passé simple et du soupçon, voire de la menace, dans le futur antérieur. (P. 219)*

Особую сложность при переводе данного фрагмента вызывают примеры, которые автор вводит в текст для более образных и рельефных описаний глагольных времен. Перед переводчиком встает сложный вопрос: постараться донести до читателя возможность «прочувствовать» глагольные времена французского языка, а вместе с ними и все богатство и красоту языка Мольера, или же перевести данные примеры, не задумываясь о различиях глагольных времен, расписаться в своем собственном бессилии, сославшись на непереводаемость?

Проблема в переводе возникает из-за несовпадений временных форм во французском и русском языках: в русском языке насчитывается три временные формы несовершенного вида и две формы совершенного, тогда как во французском языке в изъявительном наклонении выделяют 8 времен – 4 простых и 4 сложных. Особую сложность в сопоставлении составляет план прошедшего времени, потому как то, что в русском языке можно выразить двумя формами, а именно несовершенным и совершенным видами глагола, во французском языке передается пятью формами [Гак, 1998].

Так, при переводе на русский язык и *Passé simple*, и *Passé composé* в большинстве случаев передаются глаголами совершенного вида в прошедшем времени, не дифференцируя данные временные формы. Однако в нашем случае крайне значимо продемонстрировать различия, чтобы получатель перевода смог уловить ход мысли автора. Учитывая то, что в современном французском языке *Passé simple* используется исключительно в письменной речи в художественных произведениях, полагаем возможным при переводе на русский язык воспроизвести отличия во временных формах на лексическом уровне. Это потребовало от нас особого внимания при подборе эквивалентов в русском языке, отказа от неосознанных переводческих решений, т. е. от тех вариантов, которые возникают в сознании переводчика, когда он механически подбирает эквиваленты в переводящем языке с опорой на предыдущий переводческий опыт, не нарушая при этом нормы переводящего языка [Hewson, 2017]. В нашем случае выражение *faire son entrée* можно было бы перевести как *войти*, а глагол *voir* –

как увидеть, однако мы отдали предпочтение более литературным синонимам, которые позволили еще раз подчеркнуть, что во французском языке *Passé simple* является языком романов.

(4) *Le 15 mai 1796, le général Bonaparte fit son entrée dans Milan à la tête de cette jeune armée qui venait de franchir le pont de Lodi.* (P. 218) – 15 мая 1796 года генерал Бонапарт **ступил** в Милан во главе этой юной армии, которая совсем недавно одержала победу в битве при Лоди.

(5) *La première fois qu'Aurélien vit Bérénice, il la trouva franchement laide.* (P. 218) – Когда Орельен впервые **обратил внимание на** Беренис, он нашел ее откровенно уродливой.

Также сложность вызывает передача описания глагольного времени, аналогов которого нет в русском языке. Речь идет о *Futur antérieur* – сложном будущем времени, или предбудущем времени, которое используется для выражения завершенного действия в будущем. В русском языке данное значение выражается на лексическом уровне, при этом используются формы будущего времени.

(6) *Le futur antérieur, temps mystérieux s'il en est, t'expédie dans un avenir où tu n'es pas encore et d'où tu contemples un passé qui, au moment où tu parles, est à l'état de présent et parfois de futur. C'est le début vu de la fin, c'est la vie vue de la mort.* (P. 219) – Сложное будущее время – загадочное время, если оно вообще существует – отправляет тебя в будущее, где тебя еще нет, но откуда ты созерцаешь прошлое, которое в тот момент, когда ты говоришь, еще находится в настоящем, а иногда и в будущем. Это начало, на которое мы смотрим с конца. Это жизнь, увиденная со стороны смерти.

Русскоязычному читателю данное глагольное время несомненно покажется загадочным и таинственным, поскольку в русском языке нет подобных форм. На наш взгляд, только человек, владеющий французским или английским языком, сможет догадаться, о каком глагольном времени идет речь. Но для многих это останется тайной: читатель не сможет в полной мере разделить восхищение и любовь автора к французскому языку.

Вышесказанное в очередной раз подчеркивает, что главный герой романа говорит «голосом» Ж. д'Ормессона: только член Французской Академии может так искусно владеть словом. Перед переводчиком стоит сложная задача верной интерпретации коммуникативной интенции автора и скрытых смыслов, таящихся в тексте, с целью адекватной передачи индивидуально-авторской картины мира, которая находит свое выражение в Я-дискурсе, пропитывающем текст произведения. Переводчику необходимо «вжиться» в автора, чтобы не упустить малейшие детали и увидеть мир его глазами. При этом важно не допустить излишнего «проникновения» языковой личности переводчика в текст перевода и искажения индивидуально-авторской картины мира.

Литература

- Богомолова А. В. «Простота сложности и сложность простоты»: о переводе философского эссе // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025. № 2. С. 3–9.
- Бузаджи Д. М. Переводчик прозрачный и непрозрачный // Мосты. 2009. № 2 (22). С. 33–38.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : КомКнига, 2007.
- Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Зубец О. П. О философском эссе и этой книге // Своеволие философии : собр. филос. эссе. М. : ЯСК, 2019. С. 11–28.
- Кловак Е. В. Авторская модальность как один из компонентов идиостиля // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 2. С. 47–53.
- Котомоцев Д. О. Философский роман и интеллектуальный роман: генетическая и типологическая корреляции // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2023. № 16 (40). С. 152–161.
- Псурцев Д. В. Насколько «прозрачным» может быть «прозрачный» переводчик? (К постановке проблемы идиостиля переводчика художественной литературы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 9 (642). С. 187–196.
- Anwar M. R. The Implicit in the Writings of Jean d'Ormesson: The Tropes in "La Douane de mer" // Human and Social Studies. 2013. Vol. 2, N 3. P. 78–109.
- Hewson L. Les paradoxes de la créativité en traduction littéraire // Meta. 2017. Vol. 62, N 2. P. 501–520.

A. V. Bogomolova (Irkutsk)

THE TRANSLATOR AS A 'CO-AUTHOR' OF A WORK: THE EXPERIENCE OF TRANSLATING PHILOSOPHICAL PROSE

Abstract. The author considers the difficulties of translating philosophical prose on the material of his own translation of fragments of the famous French writer Jean d'Ormesson's work 'La Douane de Mer' (1994). In consideration of the autoreflexive character inherent in philosophical works, this study explores the impact of the translator's linguistic personality on the perception and interpretation of the source text. The text's opacity is due to its specific nature, which is characterised by the presence of latent meanings, multidimensional grammatical and syntactic constructions, and a richness in tropes and stylistic figures. This study focuses on the transfer of artistic description of verb forms of the French language, which are not equivalent to those in Russian. It is widely accepted that in order to achieve a translation that can be considered adequate and which successfully conveys the individual author's perspective on the world, it is essential for the translator to 'live' in the author's shoes and to perceive the world from the author's unique viewpoint. This approach is crucial in ensuring that the translator does not introduce any distortions to the original author's worldview as a result of their subjective interpretation of the author's own unique perspective.

Keywords: philosophical prose, philosophical novel, translator's linguistic personality, I-discourse.

О. А. Булнаева, старший преподаватель
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ УЧЕБНИКАХ НАЧАЛЬНОГО УРОВНЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме терминологической вариативности в переводах грамматических понятий китайского языка в русскоязычных учебных пособиях. На материале четырех учебников и «Практической грамматики современного китайского языка» О. М. Готлиба автором выявлены значительные расхождения в интерпретации ключевых терминов (части речи, члены предложения), проанализированы их причины и последствия для учебного процесса. Результаты демонстрируют отсутствие консенсуса даже в рамках одной методической школы, а также возможную перегрузку учащихся из-за терминологической вариативности. На основании выводов предложены пути создания унифицированного учебного пособия, согласованного с традицией школы Готлиба.

Ключевые слова: грамматическая терминология, перевод терминов, преподавание китайского, учебные пособия.

В русскоязычных учебниках китайского языка начального уровня наблюдаются значительные расхождения в переводах грамматических терминов китайского языка, что создает дополнительные трудности для студентов на этапе формирования базовых лингвистических представлений. Вопрос расхождения терминологии в различных учебных пособиях, а также в привычных объяснениях разных преподавателей часто возникает на практике, но недостаточно представлен в научных работах. Цель данного исследования заключается в системном анализе вариативности переводов ключевых грамматических понятий в четырех современных учебных пособиях, а также в оценке их восприятия учащимися через проведенный опрос. В исследовании применялись методы сравнительного лингвистического анализа, анкетирования студентов-китаистов и статистической обработки полученных данных. Объектом изучения стали термины, обозначающие части речи и члены предложения, а предметом – специфика их передачи в учебной литературе, что особенно значимо для методики преподавания китайского языка на начальном этапе.

Проблема перевода грамматических терминов китайского языка имеет междисциплинарное обоснование. В лингводидактике [Суперанская, Подольская, Васильева, 2012; Кубрякова, 2004] подчеркивается роль терминологической стандартизации, особенно для языков с принципиально иной структурой, как китайский. Теория перевода указывает на необходимость баланса между точностью и адаптацией терминов, исключения буквальных калек [Комиссаров, 2001]. Когнитивные исследования показывают, что вариативность терминов затрудняет формирование четких грамматических категорий у начинающих [Rosch, 1973]. Синтез этих подходов важен для анализа учебных материалов, где несогласованность терминологии создает дополнительные трудности в освоении китайской грамматики.

Для данного исследования были отобраны четыре учебных пособия, анализ которых позволяет выявить проблемные места в терминологической унификации. Все рассматриваемые учебники демонстрируют определенные расхождения с традицией преподавания, сложившейся на кафедре китаеведения ИФИЯМ ИГУ в рамках школы О. М. Готлиба, что делает их сопоставление особенно ценным для нашего исследования.

Первая группа включает «Практический курс китайского языка» А. Ф. Кондрашевского и др. (далее «учебник 1») [Кондрашевский, Румянцева, Фролова, 2017] и «Начальный курс китайского языка» Т. П. Задоевко (далее «учебник 2») [Задоевко, Хуан, 2010], которые, несмотря на свой официальный статус в учебном процессе кафедры, содержат ряд терминологических решений, отклоняющихся от подхода, частично изложенного в «Практической грамматике» О. М. Готлиба, частично сохраняющегося в устной преподавательской традиции кафедры.

Вторую группу составили «Полный курс китайского языка» Т. В. Ивченко (далее «учебник 3») [Ивченко, Мазо, Ли, 2023] и «Базовый курс китайского языка» А. В. Благой (далее «учебник 4») [Базовый курс ... , 2024], опубликованные в последние годы и претендующие на статус базовых курсов для высшей школы. Их включение в исследование позволяет, с одной стороны, оценить современные тенденции в представлении грамматического материала, а с другой – выявить возможные расхождения с устоявшейся терминологической традицией, сложившейся на кафедре, а также с привычной терминологией более «классических» учебников. Особую ценность этим пособиям придает то обстоятельство, что они созданы коллективами авторов, имеющими значительный опыт преподавания китайского языка в российских вузах.

В ходе исследования было проанализировано около 30 грамматических терминов, используемых в четырех учебных пособиях начального уровня. Также мы рассмотрели соответствующую терминологию в «Практической грамматике современного китайского языка» О. М. Готлиба (далее «Практическая грамматика») [Готлиб, 2012], помимо этого были проведены интервью с преподавателями кафедры для выяснения преобладающего подхода к объяснению терминов в рамках грамматической традиции, восходящей к школе О. М. Готлиба. Наибольшие расхождения наблюдаются в переводах терминов, обозначающих части речи и члены предложения (или элементы синтаксической структуры). Для детального анализа были отобраны 5 терминов, связанных с обозначением членов предложения и синтаксических структур, которые демонстрируют значительную вариативность в передаче на русский язык:

1. Слова 商店, 宿舍, 家 в предложениях типа 我去商店, 我们住在宿舍, 他在家.

Учебник 1: обстоятельство места после сказуемого / прямое дополнение, обозначающее конечный пункт движения.

Учебник 2: дополнение со значением места / косвенное дополнение (словосочетание со значением места после результативных морфем 在/到).

Учебник 3: дополнение места.

Учебник 4: элемент высказывания, отвечающий на вопрос «куда?» и «где?».

«Практическая грамматика»: комплемент места.

Традиция кафедры: комплемент места.

2. Словосочетания 三个小时, 一天 в предложениях типа 我学习了三个小时了, 她在那儿住了一天.

Учебник 1: дополнение со значением длительности.

Учебник 2: дополнение длительности.

Учебник 3: дополнительный элемент длительности.

Учебник 4: данная грамматическая тема не рассматривается.

«Практическая грамматика»: комплемент времени.

Традиция кафедры: комплемент времени или комплемент длительности.

3. Словосочетания 非常好, 很快 в предложениях типа 我学习得非常好, 她吃饭吃得很快.

Учебник 1: обстоятельство (образа действия / степени / результата) после сказуемого.

Учебник 2: дополнение результата.

Учебник 3: дополнительный элемент оценки.

Учебник 4: качественная характеристика действия в позиции после глагола.

«Практическая грамматика»: обстоятельство образа действия после сказуемого.

Традиция кафедры: несмотря на однозначное обозначение подобных элементов как обстоятельств в «Практической грамматике», большинство членов кафедры придерживаются терминологии «комплемент», однако кем-то комплемент после 得 расценивается как комплемент «степени / результата», кем-то — как комплемент «образа действия».

4. Слова 是 и 学生, 北京 в предложениях типа 我是学生, 这是北京.

Учебник 1: связка 是 и именная часть сказуемого 学生, 北京.

Учебник 2: глагол-связка 是 и вторая часть сказуемого 学生, 北京.

Учебник 3: глагол-связка 是 вводит дополнение 学生, 北京.

Учебник 4: связка 是 между понятиями в топике (我, 这) и комментарии 学生, 北京.

«Практическая грамматика»: составное именное сказуемое, состоящее из связки 是 и именной части 学生, 北京.

Традиция кафедры: соответствует подходу в «Практической грамматике».

5. Сказуемое в предложениях типа 我工作很忙, 我学习很好.

Учебник 1: сказуемое, выраженное предложением.

Учебник 2: сказуемое, выраженное предикативной конструкцией.

Учебник 3: сложное сказуемое с подлежащим и сказуемым внутри.

Учебник 4: комментарий, включающий топик.

«Практическая грамматика»: подобные предложения никак не выделяются в отдельный вид, поэтому являются предложениями с качественным сказуемым.

Традиция кафедры: принято рассматривать подобные предложения двойственно: в первую очередь, как предложения с качественным сказуемым, а во-вторых, как предложения со сказуемым, выраженным предикативной конструкцией. Некоторые преподаватели как раз на таких предложениях объясняют подход к выделению в предложении «топика» и «комментария».

Среди 72 студентов 1–4 курсов ИФИЯМ ИГУ, изучающих китайский язык, был проведен опрос, как им привычнее называть представленные выше 5 терминов, вариантами ответа являлись варианты перевода из четырех учебников начального уровня, а также «Практической грамматики» О. М. Готлиба.

По всем терминам большинство студентов выбрали ответ, соответствующий терминологии учебника 1, учебника 2 или «Практической грамматики».

В вопросах 1 и 2 большинство студентов (57 % и 84 %) уверенно выбрали варианты с термином «комплемент», что полностью соответствует терминологии «Практической грамматики». По комплементу времени студенты проявили больше единодушия, тогда как комплемент места 18 % респондентов также расценили как «обстоятельство», 13 % – как «дополнение места» и 10 % – как «прямое дополнение».

В вопросе 3 лидирует ответ, соответствующий терминологии учебника 1 и частично «Практической грамматики» – его выбрали 47 % студентов. 36 % проголосовали за «комплемент степени / результата», что больше соответствует устным традициям преподавания на кафедре.

В вопросе 4 большинство студентов выбрали вариант ответа, что сказуемое включает в себя глагол-связку 是, а также именную часть 学生 или 北京, что соответствует терминологии учебника 2, частично также подходу в учебнике 1 и «Практической грамматике» (там 是 обозначается как «связка», а не «глагол-связка», но этот вариант ответа не вошел в опрос).

Самым неоднозначным оказался вопрос 5. Среди вариантов ответа, предложенных студентам, не было «качественное сказуемое», что соответствует подходу «Практической грамматики», а также частично – традициям преподавания на кафедре. Поэтому выбрать нужно было из вариантов, представленных в четырех учебниках, отличающихся в терминологии, но не по сути. Больше всего голосов (63 %) набрал ответ, соответ-

ствующий терминологии учебника 2. И именно на этот вопрос ответило наименьшее число респондентов: если на вопрос 1 ответило максимальное число опрошенных – 72, то на этот ответили только 58 (при этом в анкете он не был последним по порядку, а располагался посередине). Похоже, что не ответившие на вопрос студенты, возможно, просто не нашли привычный для себя и совпадающий с подходом их преподавателей ответ, поэтому не приняли участие в этом опросе.

По итогам проведенного исследования мы, во-первых, пришли к выводу, что во многих вопросах и «новые», и «классические» учебники смотрят на вопросы китайской грамматики под одним углом, хотя и могут расходиться в терминах, именуя, например, одно и то же как «сказуемое, выраженное предложением», «сказуемое, выраженное предикативной конструкцией», «сложное сказуемое с подлежащим и сказуемым внутри» и «комментарий, включающий топик». Опытный китаист видит за этими терминами один и тот же смысл, однако сложно ожидать того же от начинающих изучение языка студентов. Тем более, иногда терминология различается еще более значительно и один и тот же член предложения в разных учебниках называется дополнением, обстоятельством и комплементом. Такие ситуации уже могут вызывать жаркие споры и между именитыми грамматистами разных школ, а начинающих студентов – совсем поставить в тупик.

Второй вывод состоит в том, что, как оказалось, по некоторым грамматическим терминам у членов кафедры, принадлежащих к одной грамматической школе, также нет консенсуса. Возможно, разлад вносят кардинальные различия в подходах к некоторым грамматическим темам, существующие в «Практической грамматике» и учебниках 1 и 2, традиционно использующихся для преподавания параллельных дисциплин у студентов-китаистов.

В-третьих, несмотря на то что большинство студентов выбирали варианты ответов, представленные в знакомых им учебниках, были также и те, кто выбирал варианты из незнакомых учебников. Это может говорить как о том, что «новые» формулировки показались студентам более понятными, так и о том, что студенты просто «потерялись» в обилии терминов, и уже не оперируют какими-то конкретными понятиями, опираясь на более интуитивное усвоение языка.

Проведенное исследование открывает перспективу создания унифицированного учебника китайского языка начального уровня, который мог бы стать логичным дополнением к «Практической грамматике» О. М. Готлиба. Первым этапом работы должен стать отбор наиболее дидактически эффективных вариантов перевода терминов, согласованных с терминологическим аппаратом школы О. М. Готлиба. Особое внимание следует уделить тем случаям, где существующие учебники предлагают принципиально разные интерпретации грамматических явлений.

Такой подход позволил бы не только устранить существующие терминологические противоречия, но и создать преемственную систему обучения – от базового курса до углубленного изучения грамматики в рамках грамматической традиции О. М. Готлиба.

Литература

Базовый курс китайского языка : учебник : в 2 ч. / А. В. Благая, Синкай Сунь, А. В. Попова, М. В. Анашина, И. В. Мальцева. Ч. 1. М. : Издат. дом ВКН, 2024.

Готлиб О. М. Практическая грамматика современного китайского языка : учеб. пособие для вузов. 4-е изд., испр. М. : Вост. кн., 2012.

Задосенко Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. Ч. 1. 5-е изд., испр. и доп. М. : Вост. кн., 2010.

Ивченко Т. В., Мазо О. М., Ли Тао. Полный курс китайского для начинающих. М. : Изд-во АСТ, 2023.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие. М. : ЭТС, 2001.

Кондрашевский А. Ф., Румянцева М. В., Фролова М. Г. Практический курс китайского языка. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. А. Ф. Кондрашевский. 12-е изд., испр. М. : Издат. дом ВКН, 2017.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славян. культуры, 2004.

Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории / отв. ред. Т. Л. Канделаки. 6-е изд. М. : Либроком, 2012.

Rosch E. H. Natural categories // Cognitive Psychology. 1973. Vol. 4. P. 328–350.

О. А. Bulnaeva (Irkutsk)

ANALYSIS OF THE TRANSLATION OF CHINESE GRAMMATICAL TERMS IN RUSSIAN-LANGUAGE TEXTBOOKS FOR BEGINNERS

Abstract. The article addresses the problem of terminological variation in translations of Chinese grammatical concepts in Russian-language textbooks. Based on the analysis of four textbooks and O. M. Gotlib's "Practical Grammar of Modern Chinese," the author identifies significant discrepancies in the interpretation of key terms (parts of speech, parts of the sentence), analyzes their causes and consequences for the educational process. The results demonstrate a lack of consensus even within the same methodological school, as well as potential student overload due to terminological variation. Based on these findings, the author suggests ways to create a unified textbook, consistent with the tradition of the Gotlib school.

Keywords: grammatical terminology, translation of terms, teaching Chinese, textbooks.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ТАКСИСНОЙ СЕМАНТИКИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ ПОСРЕДСТВОМ ПРИЧАСТИЯ I В ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению перевода на английский язык русского деепричастия с семантикой движения посредством причастия I. Описываются особенности причастия I на фоне русского деепричастия.

Ключевые слова: деепричастие, причастие I, таксис.

Данная работа посвящена передаче семантики деепричастия причастием I в переводе на английский язык. Работа проводилась на материале параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru]. Анализировались высказывания с деепричастиями от парных глаголов движения (типа *идти* – *ходить*, *ехать* – *ездить*) и их перевод. Перевод деепричастий от парных глаголов движения представляет интерес, так как в английском языке они отсутствуют.

Деепричастие в русском языке является ядерным средством микрополя зависимого таксиса [Бондарко, 1987]. Причастие I в английском языке также является ядерным средством микрополя зависимого таксиса [Ляшенко, 2007; Кудинова, 2008]. Как деепричастие, так и причастие I совмещают признаки глагола и наречия, но причастие I, помимо них, имеет также признаки прилагательного. Функционирование причастия I определяется синтаксическими условиями, в зависимости от которых оно может выступать как в атрибутивной, так и в адвербиальной функции: *В середине деревни они наткнулись на высокого человека, **идущего** по середине улицы / In the middle of the village they almost ran into a tall man **walking** down the middle of the street* (Л. Н. Толстой. Хозяин и работник / пер. L. Maude, A. Maude); *Что же! – думал он, быстро **идя** по улице... / "Oh, well!" he thought, **walking** quickly along the street...* (А. И. Куприн. Яма / пер. B. G. Guerny).

В отличие от русского деепричастия, нормативным является употребление причастия I как в моносубъектных конструкциях, так и в полисубъектных. Примеры моносубъектных конструкций были даны выше, приведем пример конструкции, где у причастия есть свой субъект: *Leading the squad were Sukharev, Vyrin, Lutsis and Garshenin, peering keenly into the twilight of the branches to spot the slightest signs of danger, with **the dogs running** alongside them / Отряд возглавляли Сухарев, Вырин, Луцис и Гаршенин, зорко высматривая в ветвистых сумерках малейшие признаки опасности, рядом с ними **бежали собаки*** (М. Елизаров. Библиотекарь / пер. A. Bromfield).

Передача таксисной семантики одновременности / последовательности имеет особенности в каждом из анализируемых языков ввиду отличий

в аспектуальных системах. Так, в русском языке грамматическим средством выражения таксисной семантики является категория вида. При участии НСВ в синтаксических конструкциях передается одновременность, при участии СВ – последовательность: *Идя* (НСВ) *домой, он думал о своем* (одновременность) / *Придя* (СВ) *домой, он думал о своем* (последовательность). В английском языке грамматической категории вида нет. Грамматическим ядром функционально-семантического поля таксиса в английском языке является категория временной отнесенности, представленная оппозицией перфектных и неперфектных форм [Кудинова, 2008], в других работах обозначаемая как категория ретроспективной координации [Блох, 1983], категория перфекта [Грамматика английского языка, 1999]: *Writing a letter, he thought about her* (одновременность); *Having written a letter, he thought about her* (последовательность).

Анализ высказываний с деепричастиями с семантикой движения и их перевода на английский язык позволил выявить, как таксисная семантика передается в переводе причастием I.

Во-первых, большую роль играет аспектуальный подкласс глагола, от которого образовано причастие. Простые формы причастия I от неперфектных глаголов обозначают одновременность второстепенного процесса движения и основного действия (процесса или целостного факта), выражаемую в оригинале деепричастиями НСВ. *Что же, это исход! – думал он, тихо и вяло идя по набережной канавы* / –Well, it's a way out of it, he thought, *walking* slowly and listlessly along the canal bank (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание / пер. С. Garnett). – *Долли, еще одно слово, – проговорил он, идя за нею* / –Dolly, one word more, he said, *following* her (Л. Н. Толстой. Анна Каренина / пер. С. Garnett).

Отметим, что, поскольку в английском языке отсутствует группа коррелятивных однонаправленных и неоднаправленных глаголов движения, как в русском языке, один и тот же глагол может использоваться для выражения одновременности как однонаправленного движения, так и неоднаправленного. В таких случаях семантика однонаправленности / неоднаправленности передается за счет распространителей с локативным значением, указывающим на цель движения (при однонаправленности) или на место движения (при неоднаправленности). Это иллюстрируют приведенные ниже примеры, где деепричастия от глаголов *идти* и *ходить* переведены причастием I от одного глагола – *walk*: *Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому* / *Thus spoke Margarita, walking with the master to their eternal home* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита / пер. L. Volokhonsky, R. Pevear); – *Ты не поверишь, ты и вообразить себе не можешь, Поленька, – говорила она, ходя по комнате...* / *You wouldn't believe, you can't imagine, Polenka," she said, walking about the room* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание / пер. С. Garnett).

Простые формы причастия I от предельных глаголов выражают последовательность: *Маслова загипнотизировала купца, вкравшись в его доверие, и, **приехав** в номер с ключом за деньгами, хотела сама всё взять себе...* / ...*Maslova, after gaining the merchant's confidence, hypnotized him, and that, **arriving** at the inn with the key to the merchant's trunk, she intended to steal the money herself...* (Л. Н. Толстой. Воскресение / пер. W. E. Smith). В данном примере использована простая форма причастия I от предельного глагола *arrive*. В случаях, когда конструкция с деепричастием СВ переводится причастием I от неопредельных глаголов, используется перфектная форма. При этом правило не является абсолютным и использование перфектной формы причастия I от предельного глагола тоже возможно: ***Придя** восвояси, он надел очки, осмотрел находку* / ***Having plodded** home, he donned his spectacles and examined his find...* (В. В. Набоков. Дар / пер. M. Scammel, V. Nabokov). ***Придя** к Оленину, он, видимо, боялся, чтобы его не приняли за обыкновенного казака, и желал дать ему сразу почувствовать свое значение* / ***Having come** to see Olenin he was evidently afraid of being taken for an ordinary Cossack, and wanted to let Olenin feel his importance from the first* (Л. Н. Толстой. Казаки / пер. L. Maude, A. Maude). В первом случае используется перфектная форма причастия I от неопредельного глагола *plod*, чтобы передать семантику предшествования, а во втором – перфектная форма причастия I от предельного глагола *come*.

Повторяемость предшествования, которая в русском языке может маркироваться формой НСВ, причастием I не выражается. По этой причине одна и та же форма в зависимости от семантики основного действия и контекста может использоваться для обозначения как однократного, так и повторяемого предшествования. *Вечером, **приехав** на дачу, Василий Львович **передал** жене очень точно все подробности свидания с Желтковым* / ***Coming back** to the villa that evening, Vasily Lvovich **told** his wife in detail about his interview with Zheltkov* (А. И. Куприн. Гранатовый браслет / пер. S. Apresyan); *Впоследствии Грушенька даже привыкла к нему и, **приходя** от Мити, чтоб убить тоску, садилась и начинала разговаривать с «Максимушкой» о всяких пустяках...* / *Grushenka had grown used to him, and **coming back** from seeing Mitya she would sit down and begin talking to – Maximushka about trifling matters...* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы / пер. C. Garnett). Вышеприведенные примеры иллюстрируют также и то, что пешее движение и движение с помощью транспорта в переводе может передаваться одними и теми же глаголами, в семантике которых не конкретизирован способ передвижения.

В отличие от русских конструкций с деепричастиями, английские конструкции с причастием I могут использоваться с союзами, которые эксплицируют наличие таксисных отношений, как в следующем примере: ***Идя** по шоссе, он вдруг заметил, что мелкими шажками следует за ним белокурый мальчик...* / ***While walking** along the highway he noticed a fair-haired small boy following him with tiny steps* (В. В. Набоков. Защита Лужина / пер. M. Scammel, V. Nabokov).

Таким образом, передача семантики деепричастных конструкций на английский язык с помощью причастия I имеет целый ряд особенностей.

Литература

Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка: на английском языке: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., испр. М. : Высш. шк., 1983.

Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. : Наука, 1987. С. 5–39.

Грамматика английского языка: морфология, синтаксис / Н. А. Кобрина, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. СПб. : Союз, 1999.

Кудинова Н. Л. Средства выражения таксиса в англоязычном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Кудинова Н. Л. Реализация таксисной семантики одновременности средствами зависящего таксиса в русском и английском языках // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 5. С. 73–79.

Ляшенко Н. А. Функционально-семантическое поле таксиса в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

E. Yu. Ivanova-Zhdanova, independent researcher (Novosibirsk)

FEATURES OF EXPRESSING TAXIS SEMANTICS OF ADVERBIAL PARTICIPLE IN TRANSLATION INTO ENGLISH BY MEANS OF PARTICIPLE I

Abstract. The article considers translation into English of the Russian adverbial participle with the semantics of movement by means of the participle I. The features of the participle I are described against the background of the Russian adverbial participle.

Keywords: adverbial participle, participle I, taxis.

Е. Е. Калиш, кандидат филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ОШИБКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК, ИЛИ ПЕРЕВЕСТИ НЕЛЬЗЯ КАЛЬКИРОВАТЬ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА КНИГ Д. МЕДОУС)

Аннотация. Рассматриваются некоторые типичные ошибки при переводе произведений с английского языка на русский язык. Разница способов выражения мыслей в синтаксисе и лексике данной пары языков создает дополнительные сложности в работе переводчика, расставляя ему ловушки, которые необходимо обойти, подыскав адекватное соответствие оригинальному высказыванию в языке перевода.

Ключевые слова: переводчик, ошибка, текст, калькирование, английский язык, русский язык, адекватный перевод.

В переводоведении давно обсуждается вопрос: перевод – это искусство или ремесло? Прекрасно, когда переводчик гениален и «от творца только именем разнится», но талантливых переводчиков на всех не хватает, особенно в сфере художественного перевода, особенно в условиях

сжатых сроков выхода в печать популярных произведений. С нашей точки зрения, перевод – это в большей степени ремесло, и как любой профессиональный навык требует знания предмета, причем как самого языка, так и того, что принято называть экстралингвистическими знаниями и кругозором, а также старания и трудолюбия. Переводчица с английского языка и редактор А. А. Петрова так охарактеризовала непростую работу переводчика: «...поэт имеет право, хоть и не обязан, беспробудно пьянствовать, иметь трехклассное образование и не отличать хоря от поря, а переводчик обязан быть лингвистом, историком литературы и стиховедом и при этом работать как вол» [Калашникова, 2008, с. 390].

В любом случае лень, небрежность и невежество плохо сочетаются с работой переводчика, о чем сами говорят признанные профессиональные переводчики [Палащенко, 1999; Гарбовский, 2004; Цвиллинг, 2009 и т. д.].

К сожалению, достаточно часто попадают переводные произведения, которые нельзя отнести к результату добросовестного переводческого труда, и еще более печально, когда приходится встречаться с плохими переводами детской литературы.

В рамках данной статьи рассматриваются случаи распространенных ошибок, которые совершают переводчики с английского на русский язык. В качестве примеров взяты переводы двух детских книг британской писательницы Д. Медоус «Совенок Матильда, или Три добрых дела» и «Крольчонок Люси, или Волшебная встреча».

В основе книг из данной серии лежат приключения двух подруг Лили и Джесс, которые любят животных и помогают им в ветеринарной клинике родителей одной из девочек. Однажды необычная кошка Голди приводит их к волшебному дереву, через дверцу которого они попадают в мир говорящих зверей, предварительно хором сказав заклинание и уменьшившись. Здесь очевидна аллюзия к сказке Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес».

Попав в другой мир, девочки помогают животным сохранить их чудесный лес дружбы вопреки козням ведьмы Гризельды. В каждой новой книге серии волшебному лесу что-то угрожает, но Лили и Джесс вместе с животными побеждают зло. Эта сюжетная линия абсолютно очевидна и традиционна, выражаясь современным языком поп-культуры, главные героини выполняют роль супергероев, спасающих мир от гибели. Даже их диалоги больше похожи на реплики, которые часто приходится слышать в кино:

– *О нет*, – *прошептала Лили, опускаясь на корточки*. – *Кажется, ему больно!* [Медоус, 2018а, с. 10].

– *Ох*, да мы просто обязаны вернуть в лес добро! – *со вздохом произнес медведь* [Там же, с. 62].

– *Хм-м*, – *промычал Пэт*. – *Дайте ... подумать* [Там же, с. 79].

– *Эй, вы только посмотрите!* – *крикнула Джесс* [Медоус, 2018б, с. 81].

– *Ой!* – *ахнула она* [Там же, с. 76].

В данных высказываниях сохраняются английские междометия *oh*, *hmm* и т. д., чего не следует делать, учитывая несоответствие использования междометных восклицаний в английском и русском языке. Английское *oh*, например, ближе к русскому *ах*. Копирование звучания английских междометий еще более странно выглядит со звукоподражательными русскими глаголами при несовпадении передаваемого звучания, как в последнем примере. Носители русского языка в целом не склонны часто охать и ахать в литературных текстах, поэтому такой же частотный повтор английских междометий в переводе на русский язык неоправдан.

Выражение определенных эмоций можно передать соответствующими глаголами, главное не перестараться, потому что в этом состоит следующая распространенная ошибка переводчиков: использование возвышенной лексики и экспрессивное окрашивание стилистически нейтральных речевых отрезков. Так, герои *обращаются* друг к другу, *отзываются*, *делают заключение*, *сообщают*, *торжественно произносят*, *заверяют*, *восклицают*, *гласят*, *возмущаются*, *бормочут*, *причитают*, *взывают*, *стонут* и даже *воют*, при этом в оригинале присутствует нейтральное *said*, реже *cried*. В той же тональности используются словосочетания: *устремить взгляд*, *указать рукой*, *замирать в восхищении*, *возвести руки к небу*, *широко распахнуть глаза*, *широко улыбаться* и *тяжело вздыхать*.

Рассматриваемые переводные тексты имеют еще одну черту, которая их объединяет: в них много устойчивых словосочетаний и стертых метафор, что делает их однотипными. Если дерево, то раскидистое, если нестись, то быстрее ветра, приключения – невероятные, поляны залиты солнцем и т. д. Можно предположить, что причина тому – недостаточная оригинальность автора произведения, но, как видно из примера ниже, сам переводчик добавляет уместные, на его взгляд, клише:

Jess Forester pointed to a patch of daisies at the back of her garden <...> The two girls went to look. Hidden among the daisies was a baby sparrow, trying to flap its tiny wings [Meadows, 2016, p. 9];

Джесс Форестер указала рукой на маргаритки, росшие в саду под раскидистым деревом <...>. Девочки подошли к цветам. В них затаился крошечный воробушек. Он неуклюже хлопал крылышками [Медоус, 2018а, с. 9].

Перевод причастия *hidden* глаголом *затаился* представляется некорректным, поскольку последний часто используется в значении ‘спрятаться перед нападением’. Воробушек, конечно, притаился, а не сидел в засаде.

Обращает на себя внимание и фрагментация последнего предложения на два простых в переводе на русский язык. Упрощение синтаксиса при переводе детской литературы – типичный прием. Как отмечает переводчик художественной литературы В. О. Бабков, этому есть две причины. Во-первых, синтаксис упрощается при переводе из-за того, что «мы традиционно смотрим на детей как на несмышленишек и меньше доверяем их способности разобраться в том, что им рассказывают, чем наши за-

падные соседи». Во-вторых, по субъективной причине неспособности переводчика работать с длинной фразой: «Если переводчик не может толком справиться с длинной запутанной фразой, не знает приемов, которые помогают упростить и сбалансировать ее синтаксическое устройство, ему трудно бороться с соблазном раскрошить эту неподатливую чертовку на кусочки, чтобы облегчить жизнь не читателю, а себе» [Бабков, 2022, с. 141].

Калькирование разговорных фраз английского языка также не способствует созданию адекватного перевода на русском языке. Герои повести время от времени объявляют *Отличная новость!* или *Мне пришла в голову отличная идея!* Уточнение, что идея должна приходить именно в голову, конечно, излишне, как и *моргать глазами*, *пожимать руку крепким рукопожатием* и другие плеоназмы:

– **Отличная новость!** – объявила она. – Это всего лишь растяжение [Медоус, 2018а, с. 13].

– **И мне только что в голову пришла отличная идея** – помочь Пухликам в их кондитерской! [Там же, с. 91].

– **Вы в порядке?** – спросила встревоженная Лили [Там же, с. 69].

– *А мы попробуем*, – вызвалась Джесс. – **Больше у нас вариантов нет!** [Там же, с. 64].

В приведенном примере видна калька с английского *Good news!* и *Is everyone OK?*

Нелепым выглядит совместное использование в переводном тексте разговорных фраз и официально-деловой и технической лексики: *синхронно кивнуть* (*both nodded*), *снаряды ведьмы* (*webs*), *дверной проем* (*door*) и др.

Далее, в результате влияния на переводчика неродного языка допускаются ошибки в сочетаемости слов: *источать волшебство*, *мерцать под солнцем*, *удары грома*, *нетерпеливо подпрыгивать*. Более удачным представляется перевод *от них исходило волшебство*, *блестеть / сверкать на солнце*, *раскаты грома* и *переминаться с ноги на ногу*.

Разберем еще один пример:

*A little later, Goldie, Matilda and the girls stood around the Nibblesqueas's kitchen table. They **were covered** in blobs of icing, and **grinning** from ear to ear* [Meadows, 2016, p. 83].

Чуть позже Голди, Матильда и девочки собрались за кухонным столом Пухликов. **Лица и мордочки** у них были измазаны глазурью, и **все широко улыбались** [Медоус, 2018а, с. 92].

Даже не имея специальных знаний в области грамматики, можно сказать, что что-то в этом переводе «не так».

Во-первых, дело в том, что подлежащее *все* сочетается не только с подлежащим из первого предложения *Голди, Матильда и девочки*, но и с близлежащим подлежащим *лица и мордочки*, тем самым создавая комическую фразу *лица и мордочки были измазаны глазурью и широко улыбались*.

Во-вторых, лучше не смешивать пассивный и активный залог в рамках одного достаточно короткого предложения и не использовать глаголы

разного вида – совершенного и несовершенного (*были измазаны и улыба-лись*). При отсутствии категории вида у глагола в английском языке тако-го несоответствия не происходит, но при переводе на русский язык нужно всегда внимательно подбирать глаголы по виду, даже если при каждом из них есть собственное подлежащее.

Не следует также употреблять в одном предложении глаголы состо-яния и действия, если они относятся к одному лицу:

Папа Джесс был учителем естествознания, и он объяснил девоч-кам, что это дерево мертвое [Медоус, 2018б, с. 25].

...у тролля были длинные ноги, и вскоре он убежал далеко вперед [Медоус, 2018б, с. 72].

Подведем итог. Перевод – занятие рискованное и непростое, есть множество нюансов и подводных камней на пути преобразования текста исходного языка в текст переводящего языка. Не ошибается, конечно, только тот, кто ничего не делает, но в переводческом труде важно непре-рывно совершенствоваться как знание языка оригинала, так и родного язы-ка, учитывать особенности и различия их грамматического и лексическо-го строя, соблюдать языковую норму, быть восприимчивым к особенно-стям использования языка в различных жанрах и стилях и не идти по принципу «так тоже говорят». Адекватный перевод возможен, и к нему нужно стремиться, ухаживая за своими и чужими ошибками.

Литература

Бабков В. О. Игра слов. Практика и идеология художественного перевода. М. : АСТ : CORPUS, 2022.

Гарбовский Н. К. Теория перевода : учебник. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004.

Калашникова Е. Л. По-русски с любовью: беседы с переводчиками. М. : Новое литера-турное обозрение, 2008.

Медоус Д. Крольчонок Люси, или Волшебная встреча: повесть / пер. с англ. Е. А. Романенко. М. : Эксмо, 2018а.

Медоус Д. Совенок Матильда, или три добрых дела: повесть / пер. с англ. А. А. Тихоновой. М. : Эксмо, 2018б.

Палажченко П. Р. Несистематический словарь трудностей, тонкостей и премудростей английского языка в сопоставлении с русским. М. : Валент, 1999.

Цвиллинг М. Я. О переводе и переводчиках : сб. ст. М. : Вост. кн., 2009.

Meadows D. Matilda Fluffywing helps out. London : Orchard Books, 2016.

E. E. Kalish, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk)

IT IS (IN)TRANSLATABLE OR COMMON MISTAKES IN TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (ON THE EXAMPLE OF D. MEDOUS' BOOKS TRANSLATION)

Abstract. The author of the article considers some typical mistakes that are made in English-Russian translation. Since there is a difference in the way thoughts are syntactically and lexically ex-pressed in these two languages, a translator has to face additional challenges navigating around the linguistic traps in search of an appropriate equivalent in the target language.

Keywords: translator, mistake, text, loan translation, English language, Russian language, ad-equate translation.

О. А. Козодой, старший преподаватель
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РУССКАЯ ГРАММАТИКА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСКУРСИЙ ПО ГОРОДУ ИРКУТСКУ НА ЯПОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)

Аннотация. Статья посвящена анализу грамматических особенностей русско-язычных экскурсионных текстов и их трансформации при переводе на японский язык. Объектом исследования стали фрагменты экскурсионных описаний достопримечательностей Иркутска, представленные на русском и японском языках. В центре внимания – грамматические структуры, характерные для русского экскурсионного дискурса и способы их передачи средствами японского языка.

Ключевые слова: грамматика русского языка, японский язык, грамматические трансформации, экскурсионный текст.

Экскурсионный текст представляет собой методически продуманный показ достопримечательных мест, памятников истории и культуры, в основе которого лежит анализ находящихся перед глазами экскурсантов объектов, а также умелый рассказ о событиях, связанных с ними [Емельянов, 2007, с. 8].

Такой текст обладает следующими особенностями: это развернутый диалогизированный монолог, имеющий поликодовый характер передачи информации; он характеризуется информативностью, ретроспекцией, проспекцией, связностью, цельностью, интегративностью и завершенностью [Бахвалова, 2009, с. 72].

Задача подобных текстов – привлечь внимание и вовлечь слушателя в историко-культурный контекст. В текстах на русском языке данная задача может достигаться за счет использования исторического настоящего, кратких номинативных конструкций, безличных форм, а также активного применения наречий с пространственным значением.

При переводе экскурсионных текстов с русского на японский язык грамматические особенности исходного языка оказываются подвержены трансформации. Японский язык является агглютинативным, ему присущ фиксированный порядок слов и особая система речевого этикета, поэтому при переводе на японский язык требуется перестройка исходной грамматической модели. Цель данной статьи – проанализировать, как грамматические особенности русскоязычных экскурсионных текстов проявляются и трансформируются в переводе на японский язык. Материалом исследования послужили фрагменты экскурсионных текстов по г. Иркутску на русском и японском языках.

Рассмотрим, каким образом грамматические особенности русских экскурсионных текстов отражаются в переводе на японский язык, на конкретных примерах описания достопримечательностей г. Иркутска.

В первую очередь рассмотрим ситуации, когда в японском языке есть аналоги, которые позволяют передать грамматическую конструкцию без искажения.

Здесь находился Знаменский собор.

この場所にはズナメンスキー大聖堂がありました。

Коно басё ни ва дзунаменсуки: дайсэйдо: га аримасита.

В данном примере благодаря тематической конструкции с показателем падежа *ни* сохраняется акцент на месте.

В 1883 году было построено здание Иркутского краеведческого музея.

1883年にイルクーツク郷土史博物館の建物が建てられました。

1883 нэн ни ируку:цуку кё:доси хакубуцукан но татэмоно га тат-эрарэмасита.

Данный пример демонстрирует, что конструкция страдательного залога в японском языке [Головнин, 1986, с. 153] соответствует аналогичной конструкции в русском языке.

В тех случаях, когда прямого эквивалента в японском языке нет, грамматические конструкции необходимо адаптировать.

В экскурсионных текстах для описания событий в прошлом часто используются глаголы в настоящем времени, что позволяет создать эффект присутствия и удержать внимание слушателя, делая рассказ экскурсовода более динамичным. Перевод на японский язык требует использования глаголов в прошедшем времени, а эффект «живости» можно передать при помощи интонации или использования глаголов восприятия (見られます *мирарэмас*, 感じられます *кандзирарэмас* и т. д.).

16 августа 1898 года на станцию Иркутск прибывает первый поезд.

1898年の8月16日にイルクーツク駅に最初の汽車が着きました。

1898 нэн но хатигацу дзю:рокунити ни ируку:цуку эки ни сайсё но кися га цукимасита.

В период губернаторства Муравьёва-Амурского Восточная Сибирь становится политически и экономически очень важным регионом России.

ムラビヨフ・アムールスキーの知事期間に東シベリアは政治的にも経済的にもロシアの非常に大事な地域になりました。

Мурабиёфу-аму:русуки: но тидзи кикан ни хигаси сибэриа ва сэйдзитэки ни мо кэйдзайтэки ни мо росиа но хидзё:ни дайdzина тиики ни наримасита.

В экскурсионных текстах на русском языке часто используются краткие номинативные конструкции, когда объекты просто называются, без глагола. Данные конструкции позволяют сэкономить время, при этом не теряя информативности сообщения:

Слева – драматический театр.

Перед вами здание Краеведческого музея.

При переводе на японский язык наречия заменяются указательными местоимениями и существительными: 左側には、こちらは:

左側にはドラマ劇場の建物です。

Хидаригава ни ва дорама гэкидзё но татэмоно дэс.

こちらは郷土史博物館です。

Котира ва кё:доси хакубуцукан дэс.

Проводя экскурсию на русском языке, экскурсовод управляет вниманием слушателя, используя глаголы в побудительном залоге: посмотрите направо, обратите внимание и т. д. Во время экскурсии на японском же языке почти не используется императив, так как он может звучать слишком грубо.

Наряду с ～てください *тэкудасай* (*Пожалуйста, ...*) часто используются вежливые формы ～ましょう *масё:* (*Давайте...*), ～ことができます *кото га дэкимас* (*Можно увидеть...*).

Например:

左手をご覧ください。広場の真ん中に、噴水が見えます。

Хидаритэ о горан кудасай. Хироба но маннака ни фунсуи га миэмас.

Посмотрите, пожалуйста, налево. В середине сквера можно увидеть фонтан.

繊細な彫刻を見るために、建物に近づきましょう。

Сэнсайна тё:коку о миру тамэ ни, татэмоно ни тикадзукимасё:.

Давайте подойдем к зданию поближе, чтобы увидеть искусную резьбу.

В тех случаях, когда грамматические формы в русском языке несут второстепенную функцию и не существенны для передачи смысла, либо противоречат грамматическим формам японского языка, их опускают. К таким формам можно отнести категорию вида глагола (совершенный и несовершенный).

Глаголы *строили* и *построили* в японском языке можно передать без грамматического выражения результата: 建てました *татэмасита*. Изучил и изучал передаются глаголом 研究しました *кэнкю:симасита*.

Анализ переводов русскоязычных экскурсионных текстов на японский язык показывает, что грамматические особенности русского оригинала часто трансформируются под влиянием структурных и коммуникативных норм японского языка. Жанр экскурсионного текста также предъявляет требования к структуре и средствам выражения и накладывает

ограничения для усиления вежливости, играющей немаловажную роль в японских текстах.

Литература

- Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. М. : Наталис, 2008.
- Бахвалова Л. Е. Жанрово-стилистический феномен коммуникативно-ролевого поведения адресанта-экскурсовода // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 71–75.
- Головнин И. В. Грамматика японского языка. М., 1986.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Емельянов Б. В. Экскурсоведение. М. : Советский спорт, 2007.
- Лаврентьев Б. П. Практическая грамматика японского языка. М. : Живой язык, 1998.

О. А. Kozodoi (Irkutsk)

RUSSIAN GRAMMAR IN TRANSLATION PERSPECTIVE BASED ON GUIDED TOURS IN IRKUTSK IN JAPANESE AND RUSSIAN

Abstract. This article analyzes the grammatical features of Russian-language touristic texts and their transformation when translated into Japanese. The study focuses on fragments of tour descriptions of Irkutsk landmarks presented in Russian and Japanese. Special attention is given to the grammatical structures characteristic of Russian touristic discourse and the strategies for rendering them in Japanese.

Keywords: Russian grammar, Japanese language, grammatical transformations, tour guide text.

Л. В. Кульгавова, кандидат филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭМФАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА О. ГЕНРИ «ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ»)

Аннотация. Статья посвящена анализу подходов к переводу эмфатических конструкций с английского языка на русский. Исследование проведено на материале рассказа американского писателя О. Генри «The Last Leaf» («Последний лист») и его профессионального перевода на русский язык. Рассматриваются такие способы достижения эмфазы в рассказе, как употребление конструкций с инверсией, сравнительных конструкций, повторов, повторов с паузами хезитации, модальных глаголов, конструкций с предлогом *of*, инвертированных эпитетов, эпитетов в необычной грамматической форме. Описаны различные приемы перевода эмфатических конструкций.

Ключевые слова: эмфаза, инверсия, повтор, хезитация, модальный глагол, антитеза, инвертированный эпитет.

Экспрессивность и эмоциональность речи создаются в значительной мере при помощи различных эмфатических средств, имеющих грамматический, лексический или лексико-грамматический характер.

Эмфаза определяется как выделение какого-либо элемента высказывания, достигаемое изменением порядка слов, интонации, употреблением риторических фигур. Эмфатические конструкции, обороты, сочетания

лексико-грамматических элементов должны восприниматься не как отступление от нормы, а как явления экспрессивной и эмоционально окрашенной речи [Голикова, 2003, с. 99].

Перевод эмфатических конструкций представляет собой переводческую проблему, поскольку в английском языке существует большое разнообразие средств выражения эмфазы, а некоторые модели имеют национальную специфику.

Настоящая статья посвящена анализу эмфатических конструкций и подходов к их переводу с английского языка на русский. Исследование проведено на материале рассказа американского писателя О. Генри «The Last Leaf» (в переводе «Последний лист») и его профессионального перевода на русский язык (перевод Н. Дарузес).

В рассказе использован целый ряд эмфатических конструкций, что обусловлено сюжетом и темами произведения: ожидание смерти, борьба за жизнь в условиях тяжелой болезни, унесшей сотни жизней, зло (болезнь) и добро (самопожертвование и помощь ближнему), плохая погода.

Инверсия

Важнейшим средством создания эмфазы является инверсия. С помощью инверсии автор может обращать внимание читателя на ключевые моменты текста, управлять его восприятием сюжета. Перестановка слов и выделение элементов текста позволяют акцентировать внимание на определенных частях высказывания.

В (1a) инверсивное употребление предикатива – фамилии соседа *Behrman* – в начальной позиции вкупе со средствами модальности, выражающими неуверенность (*some kind of, I believe*), и тире, обозначающим паузу, свидетельствует о том, что доктор уверен только в фамилии человека:

(1a) *Behrman, his name is – some kind of an artist, I believe* [Henry, 1995, с. 183].

(1б) *Его фамилия Берман. Кажется, он художник* [Генри, 1993, с. 107].

В переводе инверсия утрачена, а модальность передана более лаконичным образом (*Кажется, он художник*), что в целом не ведет к потере информации, поскольку читатель уже знаком с творческой средой нью-йоркского богемного района Гринвич-Виллидж, где селилось много художников.

В примере (2a) инверсия дополнения в первой части предложения (*But Johnsy he smote*) не отражена в переводе (2б), но переводчиком осуществлена компенсация за счет использования экспрессивного фразеологизма *свалить с ног*:

(2a) *But Johnsy he smote; and she lay, scarcely moving, on her painted iron bedstead, looking through the small Dutch window-panes at the blank side of the next brick house* [Henry, 1995, с. 179].

(2б) *Однако он свалил ее с ног, и Джонси лежала неподвижно на крашеной железной кровати, глядя сквозь мелкий переплет голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома* [Генри, 1993, с. 102].

Рассмотрим примеры инверсивного употребления обстоятельств.

(3a) *With good nursing you'll win* [Henry, 1995, с. 183].

(3б) *При хорошем уходе вы одержите победу* [Генри, 1993, с. 107].

В данном случае постановка обстоятельственного оборота со значением условия *With good nursing* – *При хорошем уходе* в начальную позицию в предложении подчеркивает значимость этого условия для выздоровления героини.

В английском языке обстоятельство образа действия располагается, как правило, в конце предложения. Эмфатичное предложение (4a) с обстоятельством образа действия *Wearily* в начальной позиции предстает в русском переводе (4б) менее экспрессивным, но в целом состояние героини передано верно:

(4a) *Wearily Sue obeyed* [Henry, 1995, с. 182].

(4б) *Сью устало повиновалась* [Генри, 1993, с. 106].

В следующем контексте инверсия в оригинале достигается употреблением обстоятельства места *against the brick wall* в препозиции к подлежащему *one ivy leaf*, что обусловлено следующими факторами: во-первых, логичностью указания на то, на фоне чего выделялся лист, сразу после глагола *stood out*; во-вторых, необходимостью связи со следующим предложением, содержащим характеристику данного листа – *последний лист, оставшийся на дереве* (*It was the last on the vine*):

(5a) *But, lo! after the beating rain and fierce gusts of wind that had endured through the livelong night, there yet stood out against the brick wall one ivy leaf. It was the last on the vine* [Henry, 1995, с. 182].

На наш взгляд, в (5б) применение грамматической трансформации, объединение предложений с использованием тире и восклицательного знака адекватно передает экспрессивность и эмоциональность данного контекста, достигаемые как грамматическими, так и лексическими средствами (ср. *the beating rain, fierce gusts of wind, had endured through the livelong night*):

(5б) *И что же? После проливного дождя и резких порывов ветра, не унимавшихся всю ночь, на кирпичной стене еще виднелся один лист плюща – последний!* [Генри, 1993, с. 106].

Сравнительные конструкции

Еще одним средством эмфазы является использование в тексте оригинала сравнительных конструкций с союзом *as ... as*.

(6a) *Why, that's almost as good a chance as we have in New York when we ride on the street-cars or walk past a new building* [Henry, 1995, с. 180].

В данном случае конструкция с союзом *as ... as* несет двойной заряд эмфатичности, так как содержит инверсию. В переводе конструкция *almost as good a chance as we have in New York* заменена на менее экспрессивное выражение *не меньше, чем у каждого из нас здесь, в Нью-Йорке*:

(6б) *А ведь это не меньше, чем у каждого из нас здесь, в Нью-Йорке, когда едешь в трамвае или идешь мимо нового дома* [Генри, 1993, с. 104].

В (7a) некорректная замена *as* в первой позиции на *so* объясняется немецким происхождением персонажа, говорящего с сильным акцентом:

(7a) *Gott! dis is not any blace in which one so goot as Miss Yohnsy shall lie sick* [Henry, 1995, с. 182].

В переводе конструкция *so goot as Miss Yohnsy* представлена частичной заменой *такой хорошей девушке*:

(7б) *Боже мой! Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси* [Генри, 1993, с. 106].

Повторы

К эмфатическим средствам относятся конструкции, содержащие повторы.

(8a) *I want to turn loose my hold on everything, and go sailing down, down, just like one of those poor, tired leaves* [Henry, 1995, с. 181].

(8б) *Мне хочется освободиться от всего, что меня держит, – лететь, лететь все ниже и ниже, как один из этих бедных, усталых листьев* [Генри, 1993, с. 105].

Плавность движения, изображенная в оригинале (8a) метафорой *sail* (*плыть, парить*) и повтором наречия *down*, передается в переводе (8б) конструкцией с повторением наречия в простой форме сравнительной степени *ниже* и усилительной частицей *все*. Экспрессивный эффект усиливается повтором глагола *лететь*: *лететь, лететь все ниже и ниже*.

Языковая игра, основанная на разных оттенках значения наречия *very*, представлена в примере (9a):

(9a) *And that afternoon Sue came to the bed where Johnsy lay, contentedly knitting a very blue and very useless woollen shoulder scarf, and put one arm around her, pillows and all* [Henry, 1995, с. 183].

(9б) *В тот же день к вечеру Сю подошла к кровати, где лежала Джонси, с удовольствием довязывая ярко-синий, совершенно бесполезный шарф, и обняла ее одной рукой – вместе с подушкой* [Генри, 1993, с. 107].

Употребление наречия *very* дважды можно рассматривать в данном контексте как повтор, который создает определенную мелодику, возможно, служит выразителем легкой иронии. Вопрос с данным стилистическим приемом решен переводчиком следующим образом. *Very* со значением интенсивности признака, выраженного прилагательным цвета *blue*, передается первой основой сложного слова, обозначающей яркость (*ярко-синий*). Второе употребление *very* усиливает оценочность прилагательного *useless*, а в переводе представлено наречием *совершенно*.

В следующем примере повтор прилагательного *old* передан сложным словом с удвоением основы и дефисным написанием (*старый-старый*):

(10a) *An old, old ivy vine, gnarled and decayed at the roots, climbed half way up the brick wall* [Henry, 1995, с. 180].

(10б) *Старый-старый плющ с узловатым, подгнившим у корней стволом заплел до половины кирпичную стену* [Генри, 1993, с. 104].

Повторы с паузами хезитации

Пауза хезитации (обдумывания, размышления) возникает в любом месте высказывания и отражает колебания и перестройки в процессе порождения речи.

Повтор прилагательного *old* в контексте (11a) имеет иные прагматические основания, чем в приведенном выше примере (10a):

(11a) *But I think you are a horrid old – old flibberti-gibbet* [Henry, 1995, с. 182].

Здесь повторение прилагательного *old* приобретает характер апоэиопезы и вкупе с пунктуационным акцентом (употреблением тире) передает запинку героини при подборе более точного слова, дающего уничижительную эмоционально-оценочную характеристику пожилому соседу-художнику.

В переводе происходит замена прилагательного *old* существительным *старик*, а во втором употреблении экспрессивность усиливается за счет повтора слова *противный* (ср. *противный старик* – *противный старый болтунишка*):

(11б) *А я все-таки думаю, что вы противный старик... противный старый болтунишка* [Генри, 1993, с. 106].

Интересно отметить, что в английском языке для высказываний с паузами и остановками характерно употребление тире. В русском же языке используется многоточие. Данное правило нашло отражение при переводе анализируемого контекста, ср.: *a horrid old – old flibberti-gibbet; противный старик... противный старый болтунишка*.

Замешательство героини и обусловленная им пауза переданы повтором, разделенным тире, и в следующем случае:

(12a) *“She – she wanted to paint the Bay of Naples some day,” said Sue* [Henry, 1995, с. 179].

Перевод оформляется пунктуационно при помощи многоточия:

(12б) – *Ей... ей хотелось написать красками Неаполитанский залив* [Генри, 1993, с. 103].

Эффект неожиданности, достигаемый путем употребления повтора и тире, передан в контексте (13a)–(13б):

(13a) *She was looking out the window and counting – counting backward* [Henry, 1995, с. 180].

(13б) *Она смотрела в окно и считала – считала в обратном порядке* [Генри, 1993, с. 103].

Сохранение тире, на наш взгляд, здесь необходимо для передачи эффекта неожиданности от кажущейся алогичности.

Конструкции с модальными глаголами

Модальные глаголы и конструкции с ними представляют собой отдельную переводоведческую проблему. В исследуемом рассказе особый интерес вызывают употребления модального глагола *will*.

Модальный глагол *will* выражает волю, желание, хотение со стороны говорящего, например:

(14a) *No, I will not bese as a model for your fool hermit-dunderhead* [Henry, 1995, с. 181].

Обычно такое значение в переводе на русский язык передается с помощью эмфатической интонации, но иногда используются глаголы *хотеть*, *желать*, что и было сделано Н. Даруэс:

(14б) *Нет, не желаю позировать для вашего идиота-отшельника* [Генри, 1993, с. 105].

В английском языке глагол *will* не употребляется в придаточных предложениях условия с союзом *if*. Однако есть ряд случаев, когда *will* присутствует в придаточных предложениях с союзом *if*. Такие конструкции можно отнести к эмфатическим. Например:

(15a) *“Dear, dear!” said Sue, leaning her worn face down to the pillow; “think of me, if you won’t think of yourself. What would I do?”* [Henry, 1995, с. 182].

Значение упорного нехотения, нежелания (*won’t think*) передается в переводе глаголом *хотеть* с отрицательной частицей *не*:

(15б) – *Да бог с тобой!* – сказала Сью, склоняясь усталой головой к подушке. – *Подумай хоть обо мне, если не хочешь думать о себе! Что будет со мной?* [Генри, 1993, с. 106].

В следующем контексте употребление *will* уместно, так как передает смыслы значимого приложения усилий. Экспрессивность усиливается за счет употребления конструкции *get smb to do smth* со значением ‘убеждать / заставить кого-либо сделать что-либо’:

(16a) *If you will get her to ask one question about the new winter styles in cloak sleeves I will promise you a one-in-five chance for her, instead of one in ten* [Henry, 1995, с. 179].

Для передачи указанных смыслов переводчик использует глаголы *суметь*, *добиться*:

(16б) *Если вы сумеете добиться, чтобы она хоть один раз спросила, какого фасона рукава будут носить этой зимой, я вам ручаюсь, что у нее будет один шанс из пяти вместо одного из десяти* [Генри, 1993, с. 103].

Конструкции с предлогом *of*

Яркость образов в художественном тексте может достигаться посредством использования различных конструкций с предлогом *of*, однако не все они являются эмфатичными.

Эмфатичный характер приобретают конструкции с предлогом *of*, стоящим перед притяжательным местоимением и в постпозиции к существительному. Притяжательное местоимение используется в абсолютной форме. Следует отметить, что в примере (17a) персонаж употребляет вместо *hers* форму *her*, так как говорит с акцентом. Конструкция *of + absolute form* выполняет атрибутивную функцию:

(17a) *Vy do you allow dot silly pusiness to come in der prain of her?* [Henry, 1995, с. 181].

Невозможность передать данную конструкцию на русском языке компенсируется общим тоном негодования и возмущения в вопросе:

(17б) *Как вы позволяете ей забивать себе голову такой чепухой?* [Генри, 1993, с. 105].

В следующем контексте конструкция с предлогом *of* приобретает эмфатичный характер вследствие антитезного употребления в оригинале лексических единиц, противопоставляющих жизнь (зеленый цвет – *still dark green near its stem*) и распад, смерть (желтый цвет – *the yellow of dissolution and decay*) в одном объекте:

(18a) *Still dark green near its stem, but with its serrated edges tinted with the yellow of dissolution and decay, it hung bravely from a branch some twenty feet above the ground* [Henry, 1995, с. 182].

(18б) *Все еще темно-зеленый у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землей* [Генри, 1993, с. 106].

Возможно, такой прием использован автором с целью показать динамику и одновременно скоротечность и хрупкость жизни. Представляется удачным выбор переводчиком существительного *тление* для передачи смысла слова *dissolution* в данном контексте.

Персонаж соседа-художника трагичен и комичен одновременно, что отражено, в частности, в контрастном описании его внешности с помощью конструкции с предлогом *of*:

(19a) *He was past sixty and had a Michael Angelo's Moses beard curling down from the head of a satyr along the body of an imp* [Henry, 1995, с. 181].

Здесь антитеза создает комичность, которая достигается с помощью лексического наполнения конструкций с предлогом *of* – гиперболой *the head of a satyr* (в переводе – *голова сатира*) и литотой *the body of an imp* (в переводе – *тело гнома*):

(19б) *Ему было уже за шестьдесят, и борода, вся в завитках, как у Моисея Микеланджело, спускалась у него с головы сатира на тело гнома* [Генри, 1993, с. 105].

Инвертированные эпитеты

К средствам выражения эмфазы относятся конструкции с инвертированным эпитетом. Такие конструкции состоят из двух существительных, объединенных предлогом *of*, но смысловым центром является не первое слово словосочетания, а то, которое формально является к нему определением. Пример из рассказа:

(20a) *A mite of a little woman with blood thinned by Californian zephyrs was hardly fair game for the red-fisted, short-breathed old duffer* [Henry, 1995, с. 179].

В данном случае в обороте *a mite of a little woman* присутствует семантическая избыточность, так как *mite* обозначает маленькое, крошечное существо, а прилагательное *little* тоже передает смыслы малого количе-

ства. Их совместное употребление в конструкции с инвертированным эпитетом несет двойной заряд экспрессивности.

Переводческим решением было использовать эпитет *миниатюрная* и внести добавление *дюжего*, что отражает антитезу, имплицитно заложенную в тексте оригинала:

(206) *Миниатюрная девушка, малокровная от калифорнийских зефиров, едва ли могла считаться достойным противником для дюжего старого тупицы с красными кулачищами и одышкой* [Генри, 1993, с. 102].

Эпитеты в необычной грамматической форме

Употребление эпитетов в необычной грамматической форме может рассматриваться как одно из средств достижения эмпазы в художественном тексте, например:

(21a) *The lonesomest thing in all the world is a soul when it is making ready to go on its mysterious, far journey* [Henry, 1995, с. 182].

Согласно правилам английской грамматики, двусложное прилагательное *lonesome* образует превосходную степень аналитическим способом с модификатором *most*, а не при помощи окончания *-est*. Однако в тексте оригинала, где речь идет о подготовке человека в последний путь, с целью создания большей экспрессивности используется синтетическая форма *lonesomest*. Такая интерпретация вполне согласуется с употреблением гиперболы *in all the world*.

В переводе переводчик прибегает к лексико-грамматической трансформации и изменению порядка слов:

(21б) *Душа, готовясь отправиться в таинственный, далекий путь, становится чуждой всему земному* [Генри, 1993, с. 106].

Таким образом, в рассказе О. Генри «Последний лист» использованы разнообразные способы достижения эмпазы в тексте оригинала: употребление конструкций с инверсией, сравнительных конструкций, повторов, повторов с паузами хезитации, конструкций с предлогом *of*, инвертированных эпитетов, эпитетов в необычной грамматической форме, а также употребление модального глагола *will* в придаточных предложениях с союзом *if*. Переводчик прибегал к различным приемам передачи этих конструкций на русский язык – грамматическим трансформациям, лексико-грамматическим трансформациям, добавлению, заменам, компенсации. Исследование показало, что при рассмотрении грамматических средств достижения эмпазы необходимо учитывать лексическое наполнение высказывания – как при анализе текста оригинала, так и при принятии переводческих решений.

Литература

Генри О. Избранные произведения : в 3 кн. Кн. 2: Благородный жулик. М. : Глагол, Голос, 1993.

Голикова Ж. А. Перевод с английского на русский. Learn to Translate by Translating from English into Russian : учеб. пособие. М. : Новое знание, 2003.

Henry O. 100 Selected Stories. Ware, Hertfordshire : Wordsworth Classics, 1995.

L. V. Kulgavova, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk)

**ON TRANSLATING EMPHATIC CONSTRUCTIONS
FROM ENGLISH INTO RUSSIAN
(EXEMPLIFIED BY O. HENRY'S STORY "THE LAST LEAF")**

Abstract. The article examines the approaches to translating emphatic constructions from English into Russian, using the short story "The Last Leaf" by American writer O. Henry and its professional Russian translation as a case study. The study focuses on various techniques employed to achieve emphasis in the story, such as the use of inverted constructions, comparative phrases, repetitions, repetitions with hesitation pauses, modal verbs, constructions with the preposition *of*, reversed epithets, and epithets in unusual grammatical forms. The author discusses various techniques for translating these emphatic structures into Russian citing the examples of successful translations.

Keywords: emphasis, inversion, repetition, hesitation, modal verb, antithesis, reversed epithet.

О. И. Просяникова, доктор филологических наук, доцент

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург

К. В. Скорик, канд. кандидат филологических, доцент

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ
РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ХАМЕЛЕОН»**

Аннотация. Статья посвящена исследованию грамматических трансформаций при переводе рассказа А. П. Чехова «Хамелеон» на английский и французский языки. Авторы рассматривают ключевые типы межъязыковых преобразований, включая замены частей речи и изменения синтаксических конструкций, обусловленные различиями в грамматических системах анализируемых языков. Особое внимание уделяется проблеме передачи лаконичного и стилистически насыщенного чеховского текста, в котором минимализм формы сочетается с глубиной содержания. На конкретных примерах демонстрируется, как грамматические трансформации позволяют достичь смысловой эквивалентности, но могут влиять на стилистические особенности оригинала, включая иронию и подтекст. Исследование также затрагивает различия в переводческих стратегиях при работе с английским и французским языками, отмечая большую степень синтаксических изменений в английских версиях по сравнению с французскими.

Ключевые слова: грамматические трансформации, перевод, А. П. Чехов, «Хамелеон», английский язык, французский язык, синтаксические преобразования, частечные замены, стилистика перевода, межъязыковая эквивалентность.

Интерес ученых к переводческим трансформациям отразился в исследованиях таких известных ученых, как В. Г. Гак [Гак, Григорьев, 2000], В. С. Виноградов [2001], В. Н. Комиссаров [1990], Л. С. Бархударов [1975], Я. И. Рецкер [2007], в работах К. Л. Латышева, посвященных переводческим практикам [Латышев, 2005]. Ими даны определения термину «переводческая трансформация». В частности, Л. С. Бархударов считает,

что переводческие трансформации – это «многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [Бархударов, 1975, с. 77]. Таким образом, главной целью перевода с одного языка на другой является выполнение различных изменений, преобразований с конечным результатом в виде передачи эквивалентной смысловой информации. Перевод художественного текста – это не просто замена слов одного языка словами другого. В таких переводах необходимо учитывать не только функциональные и социокультурные характеристики, но особенную важность представляет передача идиостилевых особенностей автора. Перед переводчиком стоит непростая задача максимально приблизить свою версию к естественной коммуникации текста-оригинала. От переводчика требуется «умение произвести многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования – так называемые переводческие трансформации – с тем, чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм переводящего языка» [Бархударов, 1975, с. 83].

Творческий подход к переводу тем не менее предполагает, что решение задач с использованием правил, приемов и средств, к которым прибегает переводчик, гарантирует адекватность результатов перевода и лингвистически обосновано. В этом случае, по замечанию В. Г. Гака, общая инвентаризация и типологическая классификация языковых трансформаций обеспечивает успех переводческой деятельности [Гак, Григорьев, 2000, с. 64]. Термин «трансформация» используется в отношении различных типов переводческих преобразований, основными из которых, по общему мнению исследователей, являются лексические и грамматические. Л. С. Бархударов разделяет грамматические трансформации на частеречные и синтаксические. Л. К. Латышев выделяет стилистические, имея в виду изменения стилистической окраски отрезка текста, что, несомненно, происходит при переводе художественных текстов [Латышев, 2005, с. 66]. Следует отметить единство мнений всех исследователей по поводу грамматических трансформаций как неизбежных при переводе с одного языка на другой.

В процессе межъязыкового перевода ключевым механизмом переводческой трансформации становятся грамматические замены, обеспечивающие адекватную передачу содержания. Данный вид трансформации предполагает не просто механическую подстановку эквивалентных грамматических форм языка перевода, а сознательный отказ от формального соответствия в пользу содержательной и функциональной эквивалентности. В настоящей статье анализируются грамматические трансформации, которые наблюдаются при переводе с русского языка на английский и французский, что обусловлено фундаментальными различиями в структуре этих языков. Аналитический строй английского и французского языков

выдвигает на первый план такие особенности, как выражение грамматических отношений посредством служебных слов (предлогов и вспомогательных глаголов) и фиксированный порядок слов как основное средство выражения синтаксических связей в предложении. Именно эти грамматические особенности в наибольшей степени требуют межъязыковых преобразований.

Для анализа особенностей грамматических трансформаций был выбран рассказ А. П. Чехова «Хамелеон», представляющий квинтэссенцию чеховского стиля, образец лаконичной и психологически насыщенной прозы, яркий пример «минимализма формы при максимуме содержания». Стиль А. П. Чехова – явление уникальное в мировой литературе, сочетающее лаконичность, глубину и тонкий психологизм. «Краткость – сестра таланта» – этот принцип писатель соблюдал неукоснительно, придерживаясь минимума описаний и отсутствия «лишних слов». Его проза, скромная по форме, но абсолютно глубокая по содержанию, ставит перед переводчиком особые задачи, которые осложняются существующими расхождениями в морфологическом строе анализируемых языков. Например, в английском и французском языках отсутствует грамматическая категория вида, в связи с чем используется грамматическое время, отсутствует деепричастие, которое компенсируется причастиями и придаточными предложениями. Морфологические трансформации при переводе предусматривают чаще других замену частей речи.

(1) Предложное сочетание с существительным заменяется на причастный оборот:

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке.

The police superintendent Otchumyelov is walking across the market square wearing a new overcoat and carrying a parcel under his arm.

Le brigadier de police Otchoûmièlov, vêtu d'une capote neuve et tenant un paquet à la main, traverse la place du Marché.

(2) Причастие заменяется на абсолютную причастную конструкцию:

За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстегнутой жилетке.

A man in a starched cotton shirt, with his waistcoat unbuttoned, is chasing her.

Un homme, le gilet déboutonné sur une chemise d'indienne empesée, court après lui.

(3) Словосочетание «прил. + сущ.» заменяется на сложное дополнение («сущ. + прич. наст. врем.») в английском, «сущ. + инфинитив» во французском:

Слышен собачий визг.

There is the sound of a dog yelping.

On entend un chien hurler.

(4) Наречие заменяется на личную форму глагола (4а), на прилагательное (4б):

*Было жарко, **назойливо** приставали мухи, и было так приятно думать, что скоро уже вечер.*

(4а) *It was hot, the flies **were nagging and teasing**, and it was pleasant to think that it would soon be evening.*

(4б) *Il faisait chaud, les mouches se collaient, **importunes**, et il était fort agréable de penser que le soir approchait.*

(5) Причастный оборот преобразуется в придаточное определительное (5а), двусоставное предложение (5б):

*Среди двора стоял Кукин, антрепренер и содержатель увеселительного сада «Тиволи», **квартировавший тут же во дворе, во флигеле, и глядел на небо.***

(5а) *Kukin, **who roomed in the wing of the same house**, was standing in the yard looking up at the sky.*

(5б) *Au milieu de la cour, regardant lui aussi le ciel, se trouvait Koûkine, le directeur du jardin de Tivoli, le café-concert de la ville; **il habitait un des pavillons de la maison.***

(6) Местоименное наречие заменяется на экзистенциальную конструкцию *there is* (англ.), *il y a* (франц.) с переносом отрицания на частицу.

Нечего тут долго разговаривать...

There's no need to waste time talking about it.

Il n'y a pas à causer davantage...

(7) Активный залог (возвратные глаголы в русском варианте не формируют страдательного значения) заменяется на страдательный в английском переводе, во французском 1) сохраняется активный залог, 2) используется возвратный глагол, соответствующий такой же форме в русском языке:

*Из лавок **высываются** сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, **собирается** толпа.*

*Sleepy countenances **are protruded** from the shops, and soon a crowd, which seems to have sprung out of the earth, **is gathered** round the timber-yard.*

*Des figures somnolentes **sortent (1)** vivement des boutiques, et bientôt, près du dépôt de bois, **s'amasse (2)** une foule, comme sortie de terre...*

(8) Прилагательное заменяется на существительное в притяжательном падеже (англ.) и существительное со слитным артиклем *du* (франц.); кроме того, происходит добавление существительного (англ. *dog*, фр. *chien* 'собака'):

*Нет, это не **генеральская**...*

*No, that's not the **General's** dog.*

*Non, ce n'est pas le chien **du général**.*

(9) Местоимение 2 л. ед. ч. заменяется на местоимение 1 л. мн. ч., при этом ироничное замечание с намеком на дурную славу в английском варианте звучит более агрессивно и прямо, в этом плане французский вариант менее уничижительный, ближе к русскому по иронии.

Ты ведь... известный народ!
We all know... your sort!
C'est que... nous vous connaissons!

Синтаксические преобразования, обусловленные принадлежностью английского и французского языков к аналитическому строю, используются ввиду фундаментального различия, коим является свойственный аналитическим языкам фиксированный порядок слов в предложении «подлежащее – сказуемое – дополнение», расположение обстоятельства места / времени в конце предложения. Русский язык допускает не только свободную позицию всех членов предложения, но и отсутствие подлежащего, чего нет в английском и французском языках. Язык А. П. Чехова демонстрирует возможности синтаксиса русского языка емко, но в то же время лаконично передавать высказывания, глубокий смысл которых упакован в короткие предложения. Ввиду таких важных различий синтаксические трансформации проявляются в большей степени и отличаются разнообразием приемов: замена безличных предложений на предложения с подлежащим / сказуемым, перестановки, усложнение конструкций. А. П. Чехов передает разговорную речь в том виде, в котором она соответствует ситуации и характеру персонажа. По этой причине рассказ изобилует безличными, неполными предложениями, которые подвергаются преобразованиям в соответствии с требованиями языка перевода, от чего синтаксические конструкции усложняются, что сказывается, на наш взгляд, на стилистической составляющей.

(1) Замена неполного предложения (опущено подлежащее) двусоставным (формальное подлежащее + глагол + инфинитивная конструкция):

Хоть плачь!
It's enough to make a man weep.
C'est à pleurer!

(2) Отсутствие в русском предложении сказуемого восполняется в переводах экзистенциальной структурой *there be* и возвратной формой глагола *voir*, полностью восстанавливается синтаксическая структура «подлежащее – сказуемое», но во французском переводе сохраняется позиция обстоятельства места:

В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.
***There is** an expression of misery and terror in her tearful eyes.*
*Dans ses yeux pleurants, **se voit** une expression d'inquiétude et d'effroi.*

(3) Отсутствие подлежащего и сказуемого в переводе компенсируется полным предложением:

Почему тут?
What are you here for?
Pourquoi êtes-vous ici?

(4) Отсутствующее сказуемое восполняется личным глаголом со значением *wave* 'махать', *faire* 'делать':

Это ты зачем палец?

Why are you waving your finger?

Que fais-tu avec ton doigt?

(5) Свойственные русскому языку такие типы предложений, как безличные, обобщенно-личные и неопределенно-личные, при переводе преобразуются в полные предложения (1), в полное предложение посредством безличной структуры *it be / il etre* с формальным подлежащим (2), в полное двусоставное предложение с модальным сказуемым в английском и безличной структурой *il faut* во французском (3), в английском переводе отсутствие подлежащего восстанавливается местоимением 3 л. ед. ч., предложение разделяется на два, французский вариант более приближен к оригиналу с использованием безличной конструкции с безличным местоимением *on* (4):

(1) Знобит.

I am cold.

Je frissonne.

(2) Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям!

It's time these gentry were looked after, if they won't obey the regulations!

Il est temps de faire attention à ces messieurs qui ne veulent pas se soumettre aux règlements...

(3) Нужно проучить!

We must give them a lesson!

Il faut leur apprendre!

(4) Работаешь, стараешься, мучишься, ночей не спишь, всё думаешь, как бы лучше, – и что же?

He works, he does his best, his very best, he tortures himself, he passes sleepless nights, he thinks and thinks and thinks how to do everything just right. And what's the result?

On travaille, on peine, on s'extermine, on n'en dort pas les nuits; on pense à faire pour le mieux: et qu'en est-il?

Одним из характерных приемов является перестановка членов предложения и его членение. Примером многочисленных преобразований может служить следующее предложение: в английском переводе предложения объединены в одно с усложнением синтаксической конструкции причастными оборотами, применен прямой порядок слов, что привело к значительным изменениям; во французском переводе сложное предложение заменяется двумя простыми, но сохраняются позиции обстоятельства, инверсия подлежащего и сказуемого.

Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец.

He sees the aforementioned man in the unbuttoned waistcoat standing close by the gate of the timber-yard, holding his right hand in the air and displaying a bleeding finger to the crowd.

Près de la porte du dépôt se tient l'homme ci-dessus décrit, au gilet déboutonné; et, la main droite levée, il montre à la foule un doigt ensanglanté.

Грамматические трансформации при переводе чеховских текстов представляют собой системный процесс, требующий учета морфологических различий между языками, синтаксических особенностей построения высказываний, коммуникативных задач текста, стилистических особенностей оригинала. Наиболее частотными являются частеречные замены в обоих языках, замены безличных структур, перестройка синтаксических конструкций. Грамматическим преобразованиям в большей степени подвергаются переводы на английский язык: замена неполных предложений двусоставными, объединение предложений в сложное и наоборот; во многих французских переводах наблюдается сохранение синтаксических конструкций, что приближает его к оригинальным.

На наш взгляд, эти трансформации в первую очередь позволяют сохранить содержательную составляющую чеховских произведений, но не сохраняют лаконизм и стилистическую утонченность, которая обеспечивает иронию и подтекст, характерные для прозы Чехова.

Литература

Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Междунар. отношения, 1975.

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М. : Изд-во Ин-та общего среднего образования РАО, 2001.

Гак В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода. Французский язык. М. : Интердиалект+, 2000.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. М. : Высш. шк., 1990.

Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Академия, 2005.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М. : Р. Валент, 2007.

O. I. Prosyannikova, Doctor of Philology, Associate Professor (St. Petersburg)

K. V. Skorik, Candidate of Philology, Associate Professor (St. Petersburg)

GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATING A. P. CHEKHOV'S STORY "THE CHAMELEON" FROM RUSSIAN INTO ENGLISH AND FRENCH

Abstract. The article is devoted to the study of grammatical transformations in translating A. P. Chekhov's story "The Chameleon" into English and French. The authors consider the key types of interlingual transformations, including substitutions of parts of speech and changes in syntactic constructions caused by the differences in the grammatical systems of the analysed languages. Particular attention is paid to the problem of rendering a concise and stylistically rich Chekhovian text, which combines minimalism of form with depth of content. Using specific examples, it demonstrates how grammatical transformations allow achieving semantic equivalence, but can affect the stylistic features of the original, including irony and subtext. The study also addresses the differences in translation strategies when dealing with English and French, noting the greater degree of syntactic change in the English versions compared to the French.

Keywords: grammatical transformations, translation, A. P. Chekhov, 'Chameleon', English, French, syntactic transformations, partial substitutions, translation stylistics, interlingual equivalence.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

Ю. А. Арская, кандидат филологических наук, доцент

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

С. В. Стефановская, кандидат филологических наук, доцент

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ ОСВОЕНИИ КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ СТРУКТУРЫ РУССКОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются частотные синтаксические ошибки в русской письменной и устной речи носителей китайского языка, связанные с нарушением структуры простого предложения. Собранные контексты анализируются с точки зрения интерференционного влияния синтаксиса родного языка инофонов. Авторами делается вывод о двух типах синтаксической интерференции. Один из них связан с недостаточной сформированностью у студентов навыков использования слов разных частей речи в разных синтаксических функциях. Другой заключается в калькировании конструкций китайского языка. Предлагаются методические приемы, способствующие формированию навыков построения русского простого предложения в процессе обучения носителей китайского языка.

Ключевые слова: учебный билингвизм, синтаксическая интерференция, русский язык, китайский язык, простое предложение, синтаксическая калька.

С явлением синтаксической интерференции сталкивается каждый изучающий или преподающий иностранные языки. Даже близкородственные языки, такие, например, как русский и польский, обнаруживают множество различий между собой в построении простого и сложного предложений. Синтаксис индоевропейских языков других групп, несмотря на сохранение общего принципа глаголоцентричности, существенным образом отличается от русского. При этом освоить в процессе изучения иностранного языка все его возможные конструкции и их комбинации до автоматизма не представляется возможным, и богатство синтаксического оформления речевых произведений студента будет, как правило, зависеть от объема и качества его речевого опыта.

Для носителей китайского языка русский синтаксис представляет собой особенную трудность, так как китайский синтаксис гораздо в

меньшей степени глаголоцентричен и, вероятно, навыки синтаксического анализа – парсинга – у его носителей работают принципиально иначе, чем у носителей индоевропейских языков. Экспериментальные исследования на основе ай-трекинга показывают, что носители китайского языка иначе обрабатывают английский текст, чем носители английского языка. Так, при поиске антецедентов личных местоимений они обращаются к ближайшему существительному, не анализируя синтаксическую структуру предложения, в отличие от носителей английского [Chinese EFL ..., 2023].

В типологической классификации языков китайский относится к изолирующим (или формоизолирующим), подчеркивая, что «формы его слов не указывают на связь с другими словами и тем самым на их синтаксическую функцию» [Солнцев, Солнцева, 1998, с. 22].

Простые предложения в китайском языке, как правило, содержат одно подлежащее и одно сказуемое и делятся на следующие виды: предложения с именным сказуемым; предложения с качественным сказуемым; предложения с глагольным сказуемым; предложения с членным сказуемым (в функции сказуемого выступает субъектно-предикативное словосочетание).

Принципиальное отличие китайской грамматики от русской состоит в том, что в основе выделения китайских частей речи лежит синтаксический принцип. В современном китаеведении признается факт существования в китайском языке частей речи, с оговоркой на одновременное наличие явления 兼类词 (слова с совмещением категорий). Утверждение, что у китайского слова полностью отсутствует отнесенность к части речи, не имеет под собой основания. Если мы обратимся к китайским словарям, то увидим, что отнесенность слова к той или иной части речи в них указывается. Однако для того чтобы определить, какова частеречная принадлежность слова в каждом конкретном случае, следует провести анализ слов, окружающих его, вступающих с ним в синтаксическую связь. Китайские лингвисты для обозначения такого явления предлагают следующие термины: 词类活用; 一词多类; 活用分隶 (одно слово – много классов; свободное употребление слова).

В. А. Курдюмов в своих работах придерживается «позиционной» морфологии в китайском языке: «Типологически часть речи соответствует словоупотреблению, а не словарной единице <...>. Лексическая единица “колеблется” и в пределах “словарного значения” представляет не только обобщенную сущность, но и диапазоны типа “глагол – предлог”, “существительное – относительное – качественное прилагательное” и т. п.» [Курдюмов, 2022, с. 34].

При изучении китайского языка как родного частеречная принадлежность слов является лишь дополнительной информацией, в то время как русский школьный синтаксис во многом сосредоточен на изучении частей речи и их синтаксических функций.

Цель нашего исследования – описание синтаксических трудностей в речи, связанных с влиянием грамматических навыков, сформированных в родном языке (китайском). В центре нашего внимания находятся синтаксические связи и отношения внутри клаузы.

В литературе отмечаются следующие типичные синтаксические ошибки и особенности в русской речи носителей китайского языка: пословный перевод китайских словосочетаний; однообразие грамматического оформления субъектов предложения; использование инфинитивов вместо спрягаемых форм глагола; неправильное управление глагола; избегание пассивных форм и конструкций или ошибки в них; отсутствие глаголов в простых предложениях; отсутствие предлогов; «использование одного слова или словосочетания вместо простого предложения» [Чжэн, 2023, с. 21]; отсутствие согласования в роде, числе или падеже; «нарушения в двусоставном глагольном сказуемом» [Рогозная, Ли, 2022, с. 49].

Почти все выделяемые исследователями особенности встречаются и в нашем материале. Однако в данной статье нас в первую очередь интересуют случаи структурной недостаточности предложения, вызванные синтаксической интерференцией.

Материал исследования составляет 91 контекст, содержащий клаузы с ошибками в моделях, или структурных схемах предложений. 90 % контекстов извлечены из сочинений и других письменных работ студентов уровней A1, B1 и B2. 10 % контекстов записаны из устной речи студентов.

Преподавателям русского языка как иностранного хорошо знакома довольно частая проблема невозможности восстановить «правильную» конструкцию предложения при проверке письменных работ китайских студентов, например: *Ее любимая красивая одежда* (уровень A1); *Конечно финансирование тоже является его частью, но успех имеет во многих сферах, здоровья, семья, развлечения, работа* (уровень B1+); *Абсолютно, не изменилась, для меня это плохо закончится* (уровень B1+); *В общем, Рагнар более дальновидный и инновационный, командная работа* (уровень B2); *Трудность его бизнес была производным оборудованием* (уровень B2).

Синтаксические трудности, выявленные нами в собранном материале, вызваны двумя типами факторов: недостаточной сформированностью навыков использования слов разных частей речи в разных синтаксических позициях и калькированием структурных элементов китайских предложений.

Самыми частыми структурными ошибками, обусловленными первым фактором, оказались пропуск сказуемого-глагола или замена его именным сказуемым.

При этом можно выделить 2 типа таких ошибок. В контекстах первого типа глагол заменен отглагольным существительным или существительным с тем же корнем (пример (3)), что и требуемый глагол:

(1) *Люди с сильной волей могут преодолеть трудности; люди со слабой волей обязательно будут поражение* (уровень B1);

(2) *Он не работа* (уровень B1);

(3) Наконец, усердно трудность, чтобы добиться успеха и внести вклад в себя свою семью и свою страну (уровень В1+);

(4) На самом деле, решение дилемму художника это не сразу, а нужно долгое время (уровень В2);

(5) Мы будем обязательного обучения для персонала франчайзи (уровень В1+);

(6) Потом мы будем исследование рынка (уровень В1+);

(7) Чтобы усердная работа, нужно сохранять мотивации и энергичности (уровень В2);

(8) Я узнал, что перых шаг сделать было очень сложно, но я нужен сразу действий (уровень В1+).

Нельзя не отметить, что в большинстве данных примеров в контекстном окружении существительных мы видим либо часть аналитической глагольной формы (примеры (1), (5), (6)), либо наречия (примеры (3), (4), (8)), которые должны характеризовать действие. Глагол *быть* в будущем времени в предложениях (1), (5), (6) является не связкой при существительном, а «остатком» аналитической формы будущего времени отсутствующего глагола, о чем говорит его согласование в лице и числе с подлежащим. Вероятно, и слово *нужен* в примере (8) используется как модальная связка при отсутствующем инфинитиве *действовать*.

Во втором типе контекстов прилагательное занимает место глагола-сказуемого:

(9) Ее любимая красивая одежда (уровень А1);

(10) Правильно проанализировать и найти правильный путь. Потом мы успешно (уровень В1+).

В следующих примерах в именной части сказуемого использовано существительное на месте прилагательного:

(11) Если я стал боксер, я думаю, что я успех (уровень В1+);

(12) Успех очень сложно, но я думаю, что я могу стать успехом! (уровень В2);

(13) Но когда вы могли бы начать свое дело с минимума, вы уже половина стали успехов (уровень В2).

Очевидно, при обучении китайских студентов нужно уделять внимание синтаксическим правилам, которые в аудитории носителей индоевропейских языков артикулировать излишне. Например, что ряд однородных членов должен состоять из слов одной части речи и что прилагательное не может зависеть от глагола. Такие ошибки довольно частотны в нашем материале:

(14) Кленетам приобретать уникальный произведения искусства который соответствуют индивидуальный и потребности;

(15) Во-вторых, не бояться ошибки, которые дают хороший опыт и понимать;

(16) Таким образом, успех Алексея Зюзина может объясняется упорством, настойчивостью и инновационным (уровень В2).

Следующие интерференционные синтаксические нарушения связаны с калькированием элементов синтаксических конструкций китайского языка.

В одном примере глагол отсутствует в результате калькирования китайской предложной конструкции 从 到 ‘от / с...до’, в которой вторая часть 到 омонимична глаголу 到 ‘достичь’:

(17) *С развитием компанией у бренда Synergetic с 12 позиций моющих средств до 70 (уровень B2).*

Калькированием обстоятельственных оборотов объясняется построение простых предложений с элементами обстоятельственных придаточных:

(18) *Когда Иван домой, на площади он встречается Антоном и Анной (уровень A1).* / 伊万回家的时 ...

(19) *После домой повторит слова, учит новые слова, повторяет грамматику (уровень A1).* / 回家以后 ...。

(20) *Если после университета, я хочу стать бизнесменом (уровень B2)* / 大学毕业后...。

(21) *Раньше в начальную школу, я хочу заниматься петь песню, я сразу в клуб учится. (B1)* 小学的时候

В примерах (22) *Я не ручка* (уровень A1) и, возможно, (2), записанных из устной спонтанной речи студентов, говорящий смешивает русские конструкции *Я не писал.* / *У меня нет ручки*, ввиду того что конструкции китайских предложений-эквивалентов внешне идентичны: *我没有写 (信) и 我没有笔*.

Грамматики китайского языка среди класса местоимений не выделяют неопределенных местоимений. Значения неопределенности лица передаются при этом разными описательными способами, самый частотный из которых – сочетание глагола *иметь, иметься* с существительным *человек: 有人*. При этом данное сочетание может соответствовать русским местоимениям *кто-то* и *кто-нибудь*, а также субстантивированному употреблению местоимения *некоторые*: *有时又有人在心里充满感激.* / *Нет-нет, да и поблагодарит кто-то в душе* (Ru Tingroom. Полночный карлик (12.10.2019) | *午夜的矮人* (俄语学习网)); “*每次去公社开会, 都会有人问: 哎, 你们屯那个单干户还单干着吗?*” / *А то всякий раз на собрании в коммуне кто-нибудь нет-нет да спросит: «А что, у вас в деревне этот одиночник еще сам по себе?»* (莫言. 生死疲劳 (2006) | Мо Янь. Устал рождаться и умирать (И. А. Егоров)); *以后又碰到过几次, 或开会, 或吃饭, 一草一木, 一碗一碟, 费墨都能引申出另外的意思; 言语之间, 又总有人惹得费墨不痛快.* / *После того раза они сталкивались еще, либо на каких-нибудь вечеринках, либо в ресторанах, и всегда Фэй Мо мог поведать что-нибудь совершенно неординарное о самых, казалось бы, незначительных вещах. Но в таких случаях обязательно находился кто-нибудь, кто своей реакцией обижал Фэй Мо* (刘震云. 手机 (2003) | Лю Чжэньюнь. Мо-

бильник (О. Родионова)); **也有人**不睡, 蹲在台阶上啃面包, 眼睛滴溜溜乱看; 也有人坐在行李上, 有一句没一句瞎聊, 聊着聊着, 张嘴打了个哈欠。 / Впрочем, **некоторые** бодрствовали: кто-то сидел на ступеньках и жевал хлеб, скользя взглядом вокруг, кто-то мостился на своих баулах и, позевывая, переговаривался с соседом (刘震云. 我叫刘跃进 (2007) | Лю Чжэньюнь. Меня зовут Лю Юэцзинь (О. Родионова)).

Калькированием сочетания **有人** объясняются следующие ошибки:

(23) *Но тоже есть люди могут создать ресторан без опыта, и получил успех* (уровень B1+);

(24) *А тоже есть много человек успешно создало свой бизнес и стало успешным бизнесменом* (уровень B2);

(25) *Есть такой человек заметил, что экологические средства вредны для природы и человека* (уровень B2). В русском языке форма *есть* имеет бытийное значение и входит в рему предложения, так что в пределах одной клаузы невозможна еще одна рема, выраженная другим глаголом.

Как кажется, произведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что при обучении носителей китайского языка русскому целесообразно уделять больше внимания синтаксическим правилам, приводить параллели и эквиваленты из родного языка, а при организации учебного процесса – вводить практический курс синтаксиса простого предложения на продвинутом уровне. Для формирования навыков синтаксического анализа мы также предлагаем использовать на занятиях базу синтаксических ошибок носителей китайского языка. Продуктивными окажутся также задания на синтаксические трансформации, связанные со сменой синтаксической позиции однокоренных слов разных частей речи. Напр.: *Я решил. – Я принял решение. – Решение принято. – Трудное решение. – Это трудное решение. – Решение было трудным. – Мое решение не изменится. – Я не изменю принятое мной решение. – Принятие решения далось мне трудно.*

Литература

Курдюмов В. А. Актуальные проблемы теории и типологии при обучении китайскому языку // Современные востоковедческие исследования. 2022. Vol. 4, N 4. С. 29–35.

Рогозная Н. Н., Ли Д. Использование аналитической модели для профилактики появления языковых интерференентов речи билингвов (на материале русской речи китайцев) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (168). С. 48–56.

Солнцев В. М., Солнцева Н. В. Куда идет китайский язык? // Китайское языкознание: Изолирующие языки: IX Междунар. конф. : материалы. М., 1998. С. 15–22.

Чжэн Ц. Интерязык китайских студентов-филологов в условиях русской языковой среды : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2023.

Chinese EFL learners different from English natives in cataphora resolution: evidence from eye-tracking studies / T. Wang [et al.] // Frontiers in Psychology. Sec. Psychology of Language. Vol. 14. 2023.

Y. A. Arskaya, Candidate of Philology (Irkutsk)
S. V. Stefanovskaya, Candidate of Philology (Irkutsk)

ACQUISITION OF RUSSIAN SIMPLE CLAUSE STRUCTURE BY THE NATIVE SPEAKERS OF CHINESE: SYNTACTIC INTERFERENCE

Abstract. The paper discusses frequent syntactic mistakes in Chinese native speakers' written and oral Russian. The focus is made on structural deficits in clause simplex. A collection of contexts is being analyzed from the standpoint of the interferential influence of the learners' native language. The authors come to the conclusion about two types of syntactic interference. The first one is related to deficient skills of using words of different word classes in different syntactic positions. The second one is calquing of Chinese language structures. Methods of enhancing building skills of simple sentences in Russian while teaching Chinese native speakers are being proposed.

Keywords: sequential bilingualism, syntactic interference, Russian language, Chinese language, clause simplex, syntactic calques.

М. В. Багинская, старший преподаватель
Иркутский государственный университет, г. Иркутск
А. А. Орсова, кандидат филологических наук
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ЧАСТЕЙ РЕЧИ КОРЕЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. Статья освещает проблемы определения частей речи и принципов их классификации в корейском и русском языках. Основное внимание уделяется синтаксическим, морфологическим и семантическим принципам выделения частей речи, предпринимается попытка определения степени универсальности данных признаков в языках разного типа – русском (флективном) и корейском (агглютинативном). Рассматривается определение части речи, а также дается характеристика систем частей речи в корейском и русском языках. Представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа частеречной системы корейского и русского языков на морфологическом, синтаксическом и семантическом уровнях, результатом чего стало выявление сходств и различий частей речи корейского и русского языков.

Ключевые слова: система частей речи, часть речи.

Проблема универсальности признаков частей речи и принципов их классификации в языках разных типов остается одной из самых дискуссионных в современной теоретической лингвистике. Семантико-грамматические признаки лексических единиц, являющие собой основу для систематизации частей речи, склонны к изменчивости, границы между отдельными классами слов не всегда могут быть четко определены. В связи с этим даже в пределах одного языка подходы к выделению частей речи и их классификации могут различаться.

Особый интерес вызывает сопоставление подходов и принципов к определению частей речи в русском и корейском языках. Согласно типологической классификации, русский язык относится к флективным языкам, корейский – к агглютинативным, что говорит о максимальных разли-

циях с точки зрения структурных и функциональных особенностей грамматических систем. Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет рассмотреть не только специфические черты систематизации частей речи в разносистемных языках, но и позволит определить схожее в подходах к определению частей речи и их систематизации. Целью данной работы является выявление сходств и различий в системе частей речи русского и корейского языков.

Первостепенное значение для данной работы представляет определение части речи. Несмотря на многовековую историю изучения данного вопроса, границы определения и выделения частей речи в каждом отдельном языке не всегда могут быть четко определены. В отечественной лингвистике исследование понятия «часть речи» имеет долгую историю и берет начало с трудов М. В. Ломоносова [1952, с. 406]. Ученые дискутируют по поводу критериев, которые должны лежать в основе выделения частей речи, однако многие из них сходятся во мнении, что часть речи можно определить как класс слов, которые могут объединяться на основе их семантических, морфологических и синтаксических признаков [Ярцева, 1998, с. 578; Розенталь, 1998, с. 345]. Семантический признак говорит о возможности объединения слов в классы (части речи) на основе категориального значения слов. Так, существительное имеет значение предметности, глагол – действия и т. д. Морфологический признак заключается в формах словоизменения той или иной части речи, тогда как синтаксический признак основывается на роли частей речи в предложении.

В Корее грамматическая традиция начала формироваться в начале XX в. под постоянным влиянием со стороны Китая, а позже – Европы, результатом чего стала современная частеречная система, объединившая западные и восточные подходы. Части речи рассматриваются как «категориальное разделение слов по функциональным, морфологическим и семантическим признакам» [김건희, 2013]. Функциональный признак основывается на роли слов в предложении, морфологический – на формах словообразования. Семантический признак позволяет объединять слова в классы на основе их общего категориального значения. Таким образом, принципы выделения частей речи в русском и корейском языках не только имеют общие черты, но и имеют схожий набор критериев.

Рассмотрим системы частей речи в русском и корейском языках, а также морфологические, синтаксические и семантические свойства, которые лежат в основе их систематизации.

В основе значительного количества отечественных работ лежит классификация, разработанная В. В. Виноградовым [1986]. Главные отличия современной классификации частей речи от классификации, предложенной В. В. Виноградовым, заключаются в объединении частиц и частиц-связок в один класс. Кроме того, частицы в более новых классификациях получили название «служебных частей речи». Данные изменения получили отражение в системе частей речи, предложенной А. К. Карповым:

1. Знаменательные части речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, категория состояния.
2. Служебные части речи: предлог, союз, частица.
3. Модальные слова.
4. Междометие [Карпов, 2019, с. 10].

Класс имен существительных объединяет слова по семантическому признаку предметности, а также роли в предложении (преимущественно подлежащее и дополнение, реже – определение, обстоятельство и сказуемое) [Ярцева, 1998, с. 499]. Морфологическими признаками существительных являются категории числа (единственное и множественное), падежа (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный) и рода (мужской, женский, средний) [Валгина, 2002, с. 182].

Прилагательные объединяются в класс предикатных слов, обозначающих непроецессуальный признак (свойство) предмета, события или другого признака, обозначенного именем [Ярцева, 1998, с. 397]. Семантической основой прилагательного является понятие качества, при этом данная часть речи соотносится с денотатом только через посредство определяемого им существительного, оно всегда семантически связано с последним.

Числительные – это класс слов, объединенных общим значением числа, количества, меры и связанными с ними категориями. Семантически числительное передает значение числа абстрактно, без каких-либо дополнительных смыслов. Числительные не имеют категории числа, лишь некоторые могут иметь единственное или множественное число, в большинстве – не имеют категории рода, имеют некоторые особенности в склонении [Валгина, Розенталь, Фомина, 2002 с. 249]. Обычно числительные выполняют в предложении роль определения, реже – подлежащего, дополнения и обстоятельства.

Класс местоимений основывается на общем значении указания на предмет, исходя из данной ситуации, из обстановки речи [Ахманова, 2004, с. 227]. Морфологическими признаками местоимений являются категории падежа, числа, лица и рода [Карпов, 2019, с. 37]. В предложении местоимение играет роль подлежащего, дополнения и определения, реже – сказуемого и обстоятельства.

Глаголы объединены в класс на основании общего значения действия, состояния или процесса. Морфологическими признаками глаголов являются категории вида, времени, лица, наклонения и залога. В большинстве случаев глаголы в предложении исполняют роль сказуемого, реже – обстоятельства, дополнения, определения и подлежащего.

«Наречие – лексико-грамматический класс неизменяемых, как правило, слов, обозначающих признак действия, качества или предмета и выступающих в синтаксической функции обстоятельства или определения, реже сказуемого» [Ярцева, 1998, с. 322]. С точки зрения морфологических признаков наречие – неизменяемая часть речи. Лишь у некоторых наречий есть степени сравнения. В предложении чаще всего данная часть речи

выступает в качестве обстоятельства или части составного сказуемого, реже – определения, подлежащего и дополнения.

Категория состояния или безлично-предикативные слова объединены по единому семантическому признаку – выражению состояния или его оценки. Данные слова в предложении употребляются в роли сказуемого в безличном предложении [Ахманова, 2004, с. 193], при этом являются неизменяемыми морфологически.

Служебные слова (предлоги, союзы, частицы) имеют общие черты: неизменяемость с точки зрения морфологии. Также слова данных классов не выполняют синтаксическую функцию самостоятельно, не являются членами предложения. В основе выделения класса частиц лежит их семантико-синтаксическая функция выражения отношения говорящего к высказываемому с особым выделением или уточнением какого-либо момента или стороны в этом высказывании. Предлоги же выражают различные отношения между главными и зависимыми членами предложения, обеспечивают подчинительную синтаксическую связь внутри словосочетания и предложения. Союзы оформляют синтаксические связи предложений и синтаксические связи слов.

Модальные слова и междометия также являются неизменяемыми частями речи. Модальные слова – класс слов, служащих для оценки говорящим своего высказывания с точки зрения отношения к действительности как реального, возможного или вероятного. Междометия обладают особой экспрессивно-семантической функцией – выражения чувств и волевых побуждений.

Современная классификация частей речи в корейском языке включает в себя парадигматический класс имен (체언) (имя существительное (명사), местоимение (대명사), имя числительное (수사)), класс предикатов (용언) (глагол (동사), прилагательное (형용사)), атрибутивы (관형사), наречия (부사), междометие (감탄사), парадигматический класс релятивов (관계언) (частица (조사)) [남기심, 1993, с. 61].

Для существительных в корейском языке характерны такие морфологические категории, как число и падеж [Трофименко, 2015, с. 12]. Кроме того, у существительных корейского языка выделяют категорию вежливости [남기심, с. 120]. В предложении играет роль подлежащего и дополнения, реже – определения, обстоятельства, сказуемого [Рамстед, 2010, с. 43].

Корейские лингвисты выделяют местоимения и определяют их как часть речи, которая заменяет существительное и указывает на людей и предметы [국립국어원, 1998]. Слова данного класса изменяются по падежам и родам, имеют число и лицо. Так же, как и существительные, место-

имения характеризуются категорией вежливости. Синтаксически местоимения выполняют ту же роль, что и существительное.

Числительное рассматривается как класс слов, обозначающих количество предметов или их порядок [국립국어원, 1998]. Данные слова не изменяются морфологически. Синтаксически могут выполнять роль подлежащего, определения, сказуемого, дополнения или обстоятельства.

Глаголы объединяются в единый класс на основе единого семантического признака – обозначения действия или функции предмета. Морфологически глаголы характеризуются такими категориями, как наклонение, время, залог и вежливость. Синтаксически данная часть речи обычно выполняет функцию сказуемого, вторичными функциями являются функции обстоятельства, определения, дополнения и подлежащего.

Имя прилагательное в корейском языке рассматривается как класс слов, обозначающих качество или состояние предмета. С точки зрения морфологии данный класс слов характеризуют категории времени и вежливости. В основном прилагательное синтаксически выполняет роль определения, но также может выступать в качестве сказуемого и обстоятельства.

В корейском языке существует такая часть речи, как атрибутивы. Семантически они не имеют общего значения, однако выполняют функцию уточнения значения существительного. Например, «새» ‘новый’, «O|» ‘этот’. С точки зрения синтаксиса атрибутивы выполняют роль определения, морфологически данные единицы не изменяются [Ким, Львова, 2017, с. 26].

Наречия объединены в единый класс на основе общности значения действия, состояния, а также указания на место, время, причину, цель и образ действия. В предложении чаще всего играет роль обстоятельства и является неизменяемой частью речи.

Междометие – часть речи, выражающая непроизвольное удивление, эмоции, призыв, реакцию и другие чувства говорящего. Как отмечают исследователи, междометия в корейском языке функционируют изолированно, не вступают в синтаксические связи с другими частями речи в предложении и даже могут выступать в роли самостоятельного предложения [Шалунова, 2019]. Также у междометия нет грамматических категорий.

Частица в корейском языке – это часть речи, которая относится к парадигматическому классу релятивов и формирует грамматические связи между словами. Частицы неизменяемы и не имеют самостоятельного лексического значения, в связи с чем продолжается дискуссия о выделении данных единиц языка как части речи.

В результате сопоставительного анализа частей речи, имеющих как в русском, так и в корейском языках, можно выделить существенные различия морфологических признаков. Существительные в корейском языке имеют категории числа и падежа, однако выражены они с помощью

частиц, в то время как в русском языке происходит изменение основы и окончаний. В корейском языке данный класс не имеет категории рода, однако имеет категорию вежливости, что несвойственно данным единицам в русском языке. Местоимения в паре языков характеризуются одинаковым набором морфологических признаков, однако в русском языке у данного класса слов нет категории вежливости, в отличие от корейского языка.

У прилагательных не найдено ни одного схожего признака. В русском языке прилагательное относится к классу имен, а в корейском языке – к классу предикатов. У глаголов в русском и корейском языке существуют три общие категории – категории времени, наклонения и залога. В русском языке глаголы имеют больше морфологических категорий: помимо вышеупомянутых, к ним относятся категории рода, числа, лица и вида. Однако и у глаголов, и у прилагательных в корейском языке есть категория вежливости. Наречия, междометия и частицы являются неизменяемыми как в русском, так и в корейском языке.

Синтаксические функции существительных, местоимений, прилагательных, глаголов, числительных и наречий идентичны. Различия наблюдаются в степени первичности и вторичности функции в предложении у каждой отдельной части речи. К примеру, основная роль числительных в русском языке – определение, в то время как в корейском языке они чаще выступают в роли подлежащего или дополнения.

Семантические признаки существительных, прилагательных, глаголов, местоимений, числительных и наречий двух языков схожи, однако в русском языке выделяются категория состояния, предлоги, союзы, модальные слова, которых нет в корейском языке. В корейском же языке выделяются атрибутивные слова.

Таким образом, на основе сопоставительного анализа можно сделать вывод, что принципы выделения частей речи в русском и корейском языках идентичны, так как основываются на общности морфологических, синтаксических и семантических признаков. На синтаксическом и семантическом уровнях признаки частей речи в двух языках схожи, в то время как на морфологическом уровне различия значительные, что может объясняться принадлежностью языков к разным типам. Сравнительно-сопоставительное исследование систем частей речи в корейском и русском языках открывает широкие перспективы для выделения универсальных и идиоматичных черт в языках, относящихся к разным языковым семьям.

Литература

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М. : УРСС, Едиториал УРСС, 2004.
- Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык : учеб. для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2002.
- Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М. : Высш. шк., 1986.
- Карпов А. К. Морфология современного русского языка. 3-е изд., испр. и доп. Нижневартовск : Нижневартов. гос. ун-т, 2019.

Ким О. А., Львова И. С. Атрибутивные слова в корейском и русском языках // Корееведение Казахстана : сб. стй. Алматы : КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 2017. Вып. 5. С. 25–32.

Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7 : Труды по филологии 1739–1758 гг. С. 389–578.

Рамстедт Г. Й. Грамматика корейского языка / пер. с англ. и примеч. А. А. Холодовича ; под ред. Б. К. Пашкова. М. : Изд-во иностр. лит., 1951.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е изд. М. : Просвещение, 1985.

Трофименко О. А. Корейский язык. Справочник по грамматике. М. : Живой язык, 2015.

Шалунова М. Ю. Из истории исследования междометий корейского языка // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 497–500.

Ярцева В. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.

김건희. 품사의 분류 기준과 분류 체계 : 언어유형론적 고찰을 중심으로 // The Korean Language Society, HAN-GEUL, 2013. № 300. P. 75–118.

국립국어원. 표준국어대사전. URL: <https://stdict.korean.go.kr/m/main/main.do>.

남기심, 고영근. 표준국어문법론. – 서울: 서울탐출판사, 1993.

임동훈. 한국어의 서법과 양태 체계 // 한국어 의미학. 2008. № 26. P. 211–248.

주시경. 국어문법. – 서울: 박문서관, 1910.

M. V. Baginskaya (Irkutsk)

A. A. Orsoeva, Candidate of Philology (Irkutsk)

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PARTS OF SPEECH SYSTEMS OF THE KOREAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract. The article covers the problems of defining parts of speech and principles of their classification in the Korean and Russian languages. The main attention is paid to syntactic, morphological and semantic principles of identifying parts of speech, an attempt is made to determine the degree of universality of these features in languages of different types – Russian (inflectional) and Korean (agglutinative). The definition of parts of speech is considered, and the characteristics of the systems of parts of speech in the Korean and Russian languages are given. The results of a comparative analysis of the part of speech system of the Korean and Russian languages at the morphological, syntactic and semantic levels are presented, which resulted in the identification of similarities and differences in the parts of speech of the Korean and Russian languages.

Keywords: parts of speech system, parts of speech.

Л. А. Воробьёва, старший преподаватель
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ В ЯПОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Целью данной статьи является выявление сходства и различия построения сложноподчиненных условных предложений в типологически разных неродственных языках – в русском и японском. Сравнительно-сопоставительный анализ сложноподчиненных условных предложений представляет собой актуальную проблему в связи с неточной интерпретацией категории условности.

Ключевые слова: грамматические средства выражения условного наклонения, условное наклонение, сослагательное наклонение, сложноподчиненное предложение, японский язык, русский язык.

В настоящее время не перестает быть актуальным сравнение типологически разных языков, что позволяет сгладить сложности в изучении и понимании той или иной лингвокультуры. В рамках данной статьи проводится сравнительно-сопоставительный анализ условного наклонения на примере генетически разных языков – японского и русского.

Анализ научной литературы показал, что в русском языке условное наклонение входит в систему ирреальных наклонений, выражающих потенциально возможные действия при выполнении конкретных условий [Петров, 2021, с. 389], в связи с чем рассматривается в совокупности со средствами сослагательного наклонения. Выделяют ирреальные условия, описывающие ситуации, которые уже не могут произойти (*Если бы ты встал сегодня раньше, то успел бы на эту электричку*), то есть условия в прошлом, а также ирреальные условия для описания гипотетически возможных, но маловероятных ситуаций (*Если бы не было дождя, мы бы погуляли*). Кроме этого, категория используется при передаче реальных условий для описания ситуаций, которые возможно реализовать в будущем (*Если ты пойдешь, я тоже пойду*). Из сказанного следует, что аспекты времени и модальности играют важную роль в построении сложноподчиненных условных предложений.

Условное наклонение в русском языке образуется посредством сочетания глагола в прошедшем времени и частицы *бы* (*успел бы, погуляли бы* и т. п.). Глагол в форме условного наклонения изменяется по числам (*успел бы – успели бы*), по родам (*успел бы – успела бы*). Также возможно употребление следующих союзов: *хотя, когда, если, в случае*.

В японском языке предложения с условием образуются с помощью «формальных существительных» и наречий, таких как: もし *моси* ‘если’, 際に *сай-ни* ‘по случаю’, ‘когда’, 場合 *бааи* ‘в случае’, 時 *токи* ‘когда’. Кроме того, существует способ выражения условного наклонения за счет условных форм последовательной связи. К ним относятся союзы と *то* и

なら *нара*, а также условно-временные конструкции *たら тара*, *ば ба* [Колбина, 1995, с. 160]. Рассмотрим особенности построения сложноподчиненных предложений с данными формами. Для начала стоит отметить, что, в отличие от русского языка, в японском языке придаточное предложение в составе сложного всегда предшествует главному.

Союз *то* используется в предложениях, где при условии А естественным образом происходит В. Придаточное предложение определяет главное, а в главном предложении описывается конкретный результат. Данные условные предложения часто выражают законы природы или общества, условия истинности или постоянные условия, часто имеют причинно-следственную связь, которая в целом верна, называются «общими условными предложениями». Не имеют временной дифференциации [Колбина, 1995, с. 161]. Отличительной особенностью данной формы является то, что во второй части предложения, а именно в главном предложении, нельзя использовать волеизъявление, повеление, приказ, просьбу, запрет, совет, долженствование. Данная форма условия используется для выражения постоянных, повторяющихся действий, открытий, закономерностей, например: 右にまがると、郵便局があります。 *Миги-ни магару то, ю:бинкёку-га аримасу*. (Если повернуть направо, там будет библиотека); 春になると、桜が咲きます。 *Хару-ни нару то, сакура-га сакимасу*. (Когда наступит весна, зацветет сакура); 食べ過ぎると、体に良くない。 *Табэсугиру то, карада-ни ёкунай*. (Если переедать, это плохо отразится на здоровье); お金がないと、困ります。 *О-канэ-га най то, комаримасу*. (Когда денег нет, трудно). Данный союз условия может присоединяться как к глаголу, так и к предикативному прилагательному в инфинитивной форме или к существительному и полупредикативному прилагательному со связкой *だ да*.

Условие *ба ба* описывает закономерный результат при выполнении определенных условий. В основном используется с глаголом и предикативным прилагательным. В главном предложении используется изъявительное и предположительное наклонение, во второстепенном гипотетическое условие. Достаточно часто встречается в поговорках (поговорках). Если в придаточном предложении используется глагол движения, в главном предложении нельзя использовать волеизъявление, повеление, приказ, просьбу, запрет, совет, а также долженствование. Так, в поговорке 住めば都 *Сумэба мияко* (досл. Если поживешь, будет столицей), со значением ‘привыкнуть к новому месту, и оно станет родным’, реализуется гипотетически возможное условие: поживешь, привыкнешь, не поживешь, не привыкнешь. 片山曇れば片山日照る *Катаяма куморэба катаяма хитэру* со значением ‘нет худа без добра’ [故事・ことわざ・慣用句辞典オンライン] повествует о том, что если с одной стороны есть что-то плохое, то с другой – что-то хорошее; мир полон разнообразия. 努力すれば、合格で

きます。 *Дорёку сурэба, го:каку дэкимасу* (Если постараться, то можно успешно сдать экзамен), но условие несет предположительный желаемый результат и т. п. Таким образом, данная условная форма содержит в себе объективную семантику нереальности, в русском подобная конструкция формируется за счет сказуемого в сослагательном наклонении, а также в ней используются глаголы будущего времени (*Если мы поедем летом, то все увидимся*).

Условная форма *たら тара* единственная не имеет ограничений по употреблению грамматических форм в главном предложении, следующем за ней, однако обычно не употребляется для передачи регулярных действий [Колбина, 1995, с. 162]. В данных предложениях часто описывается разовое событие, конкретное условие. Часто используется с наречием *もし моти* 'если'. Для образования данной формы используют разговорные формы прошедшего времени глаголов, прилагательных и существительных, поэтому передает последовательность действий, так, без выполнения конкретных условий, невозможно действие, описываемое в главном предложении, например: *駅に着いたら、電話してください。 Эки-ни цуйтара, дэнва ситэкудасай* (Когда придете на станцию, позвоните); *授業が終わったら、映画を見に行きましょう。 Дзюгё:-га оваттара, эйга-о ми-ни икimasё* (Давайте сходим посмотреть фильм, когда закончится урок) и т. п.

И четвертая форма условия *なら нара*, передающая модальную семантику реальности, находит отражение в предложениях русского языка со словом *раз* (*Раз ты не идешь, я тоже не пойду*), передает причинную коннотацию. В данной конструкции описывается известное из контекста условие. В японском языке в главном предложении часто встречается совет, мнение говорящего, намерение: *体が丈夫なら、何でもできる。 Карада-га джё:бу нара нан-дэмо дэкиру* (Если здоровье крепкое, то со всем справишься); *明日いい天気なら、ドライブに行こう。 Асита ий тэнки нара, дорай-бу-ни ико* (Раз завтра хорошая погода, поедем кататься).

Сопоставляя выше представленные условные конструкции, стоит отметить, что форма *ば ба* предназначена для употребления в письменной коммуникации, тогда как *たら тара* в устном общении, а *と то* является нейтральной. Однако в силу того что *ば ба* представляет собой «безусловный» союз, он достаточно часто используется в устной речи в ситуациях с высоким уровнем формальности, тогда как употребление *なら нара* не зависит от уровня формальности речи.

Важно отметить, что основные различия и сходства проявляются во времени глагола, в отличие от русского языка для формирования условных придаточных предложений могут быть использованы и другие части речи, тогда как в русском используется модальность.

Литература

Колбина Н. И. Некоторые виды выражения условного наклонения в современном японском языке // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 1995. № 2. С. 160–175.

Петров С. В. Сослагательное vs условное наклонение в практике преподавания русского языка как иностранного (в сопоставлении с испанским языком) // Kant. 2021. № 2 (39). С. 389–393.

故事・ことわざ・慣用句辞典オンライン (Онлайн-словарь пословиц и идиом японского языка). URL: <https://kotowaza.jitenon.jp>.

L. A. Vorobeva (Irkutsk)

CONDITIONAL MOOD IN JAPANESE AND RUSSIAN. COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The purpose of this article is to identify similarities and differences in the construction of complex conditional sentences in typologically different unrelated languages – Russian and Japanese. Comparative-contrastive analysis of complex conditional sentences is a pressing issue due to the inaccurate interpretation of the category of conventionality.

Keywords: grammatical means of expressing the conditional mood, conditional mood, subjunctive mood, complex sentence, Japanese language, Russian language.

Л. А. Воробьева, старший преподаватель

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Е. В. Ли, кандидат филологических наук

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ ГЛАГОЛА В КОРЕЙСКОМ, ЯПОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Данная статья посвящена способам репрезентации категории вежливости в русском, корейском и японском языках. Сравнительно-сопоставительный анализ норм вежливости позволит выявить сходства и различия восточных и западных лингвокультур.

Ключевые слова: глагол, грамматические средства выражения вежливости, категория вежливости, коммуникативные стратегии, репрезентация категории вежливости, корейский язык, русский язык, японский язык.

Категория вежливости напрямую связана с национальным стилем коммуникации и регулируется культурой народа, обладая национально специфической универсальностью [Ларина, 2009, с. 21]. В связи с чем изучение и понимание данной категории в межкультурном аспекте представляется весьма актуальным. В разных культурах понятие вежливости определяется по-разному, к примеру, в русской культуре данное понятие отождествляется с уровнем воспитанности, умением вести себя согласно установленным правилам, тогда как в восточных лингвокультурах, а именно корейской и японской, соотносится с такими понятиями, как почитание старших, вышестоящих, уважение к ним и собеседнику, учтивость, о чем

свидетельствует наличие отдельной лексико-грамматической категории вежливости в данных языках. Особый интерес вызывает грамматический аспект категории вежливости глаголов в русской, корейской и японской лингвокультурах, выявление смежности и отличий проявлений категории вежливости в территориально близко расположенных странах.

В исследованиях категории вежливости на примере разных языков подтверждается прямая связь вежливости с речевым этикетом, позволяющим проследить отношение говорящего к собеседнику, отображая особенности коммуникативного взаимодействия индивидов общества по оппозициям «старший – младший», «вышестоящий – нижестоящий», «свой – чужой».

В отечественной научной литературе категория вежливости японского языка является объектом исследования у таких авторов, как В. М. Алпатов, Ф. Е. Звягин, И. С. Сон и др. Так, в традиционной структуре, основанной на объекте или природе уважения, вежливые формы японского языка 敬語 *кэйго* распределяются на 3 категории: 尊敬語 *сонкэйго* (учтивые выражения по отношению к собеседнику), 謙讓語 *кэндзё:го* (скромные выражения в отношении себя) и 丁寧語 *тэйнэйго* (нейтрально-вежливые формы) [曹, 2003, р. 107]. Несомненно, классификация вежливых форм различается в зависимости от исследователя, к примеру, В. М. Алпатов подразделяет ее на адрессив (почтительности, показывающие уважение к реципиенту, принимающему информацию, имеющие суффиксальные окончания *ます/です масу/дэсу*) и гоноратив (собственно 敬語 *кэйго*). Гоноратив, в свою очередь, подразделяется на гоноративные – почтительности, показывающие уважение к субъекту действия или к предмету субъекта действия (尊敬語 *сонкэйго*), депрециативные – скромные выражения в отношении собственных действий или о действиях субъектов «своего» круга (謙讓語 *кэндзё:го*), а также нейтральные формы [Алпатов, 2006, с. 14].

Система вежливости корейского языка характеризуется большим разнообразием гонорифических форм, выбор которых определяется такими факторами, как социальный статус, возраст и степень знакомства собеседников, а также ситуация общения: официальная / неофициальная, что является схожим с японским языком.

В корейской системе лингвистических терминов выделяется три типа вежливости:

- 1) адрессив (상대 경어법) – выражение вежливости к собеседнику;
- 2) субъектная вежливость (주체 경어법) – выражение вежливости к действующему субъекту;
- 3) объектная вежливость (격체 경어법) – выражение вежливости к объекту действия.

Важно отметить, что в японской лингвокультуре достаточно часто проявляется оппозиция «свой–чужой», к примеру, в случае, если речь идет о действиях вышестоящего человека «своего круга», допустимо использование депрециативных форм, поскольку необходимо проявить уважение к собеседнику «чужого круга». Ярким примером может быть обращение к членам семьи. В японском языке используется скромная форма речи не только о себе, но и о своих членах семьи, начальниках и т. п., тогда как в корейском языке под влиянием конфуцианства отражается сильное чувство «уважения к старшим», поэтому естественно использовать уважительный язык вне зависимости от принадлежности к своему или чужому кругу. Также подобная проблематика не проявляется и в современном русском языке. В древности почтительное отношение к старшим членам семьи обращались на «Вы», однако в настоящее время данная традиция по большей части утрачена. Оппозиция «свой–чужой» является первым отличием между данными языками.

Наиболее яркое проявление категории вежливости японского языка прослеживается в глаголе. В японском языке как агглютинативном для формирования адрессива и гоноратива используются частицы и вспомогательные глаголы, предназначенные для почтительности, выполняющие грамматические функции. Рассмотрим правила образования каждой из них.

Существует три способа образования гоноративных форм глагола японского языка (尊敬語 *сонкэйго*). К первому способу относится изменение глагола в форму страдательного залога, а именно присоединением суффиксов *れる/られる* *рэру/рарэру* к первой основе глагола. Важно отметить, что изменение претерпевает только глагол в предложении, остальные правила страдательного залога в предложении не реализуются. Например, глагол *話す ханасу* ‘рассказывать, разговаривать’ изменяется на *話される ханасарэру*, *帰る каэру* ‘возвращаться домой’ *帰られる каэрарэру*. Ко второму способу образования почтительной формы японского глагола относится присоединение префикса *お о* к глаголам японского происхождения или *ご го* к глаголам китайского происхождения ко второй основе глагола и вспомогательного глагола *なる нару* с частицей *に ни*: глагол *話す ханасу* ‘рассказывать, разговаривать’ изменяется на *お話しになる о-ханаси-ни нару*, *訪問する хо:мон-суру* ‘посещать, нанести визит’ *ご訪問になる го-хо.мон-ни нару*. И к третьему способу относятся специальные формы некоторых глаголов японского языка: глаголы *たべる табэру* ‘есть’ и *のむ ному* ‘пить’ меняются на глагол *めしあがる мэсиагару*, *いう уу* ‘говорить’ заменяется глаголом *おっしゃる оссияру*, *いく ику* ‘идти’ на *いらっしゃる ирассяру* и т. п. Депрециативные формы реализуются посредством следующих правил – присоединением префикса *お о* к глаголам японского происхождения или *ご го* к глаголам китайского происхождения ко второй основе глагола и вспомогательного глагола

する *суру* или *いたす* *итасу* со значением ‘делать’. Так, глагол *話す хана-су* ‘рассказывать, разговаривать’ изменяется на *お話しする о-ханаси суру*, а *訪問する хо:мон-суру* ‘посещать, нанести визит’ *ご訪問する го-хо:мон суру*. Кроме этого, есть также ряд глаголов со специальными формами *たべる табэру* ‘есть’ и *のむ ному* ‘пить’ меняются на глагол *いただく ита-даку*, *いう иу* ‘говорить’ заменяется глаголом *もうす мо:су* *もうしあげる мо:сиагэру* и т. п.

Что касается грамматической категории вежливости глагола корейского языка, то она проявляется следующим образом. Во-первых, вежливость реализуется через формы конечной сказуемости. Формы конечной сказуемости в свою очередь проявляются в использовании финитных окончаний, которые присоединяются к сказуемому и демонстрируют принадлежность высказывания к одному из шести стилей вежливости¹. Формы конечной сказуемости отражают отношение говорящего к собеседнику – адрессив, а их выбор определяется типом ситуации (официальная / неофициальная) и положением коммуникантов в иерархии «высший – равный – низший» по социальному статусу или «старший – равный – младший» по возрасту.

Во-вторых, категория вежливости глагола реализуется путем присоединения к основе предикатива суффикса вежливости *시* и использования гоноративных эквивалентов некоторых глаголов и прилагательных (*있다 – 계시다, 먹다 – 드시다, 자다 – 주무시다, 아프다 – 편찮다* и др.). Данные языковые средства демонстрируют уважительное отношение говорящего к собеседнику (адрессив) или объекту действия (объектная вежливость). При этом суффиксе вежливости *시* может также оформлять глаголы и прилагательные, характеризующие не самого собеседника или субъект действия, а принадлежащие ему или связанные с ним объекты, личные вещи, части тела и т. п. К примеру, *아버지는 키가 크십니다* (У папы высокий рост), *할머니는 머리가 아프세요* (У бабушки болит голова), *선생님은 딸과 아들이 있으세요* (У учителя есть сын и дочь).

Кроме этого, категория вежливости глагола может проявляться благодаря использованию деприциативных эквивалентов некоторых глаголов. Деприциативные глаголы выражают почтительное отношение к объекту действия (объектная вежливость), то есть к тому человеку, на кото-

¹ На самом деле в настоящее время активно используются только 4 стиля: официально-вежливый (*합니다체*: окончания *ㅂ니다/습니*), неофициально-вежливый (*해요체*: окончания *아요/어요/여요*), фамильярный (*해체*: окончания *아/어/여*) и книжный (*해라체*: окончания *ㄴ/는다/이다/다*). Еще два стиля (*하오체* и *하게체*) являются устаревшими и практически не используются.

рого это действие направлено. В корейском языке деприциативные эквиваленты имеют лишь несколько глаголов. Приведем примеры пар нейтральных и депрециативных глаголов корейского языка: 주다 – 드리다/올리다 со значением ‘давать’, 데리다 – 모시다 со значением ‘сопровождать’, 보다 – 뵈다/봬다 ‘видеть, встречать’, 묻다 – 여쭙다/여쭙다 ‘спрашивать’. При этом глагол 드리다 может выступать эквивалентом и к другим глаголам, значение которых в контексте может быть истолковано как ‘давать’, ‘предоставлять’, ‘преподносить’, ‘отправлять’ и т. п., например: 연락드리다 (связаться с кем-то по телефону или сообщением), 전화드리다 (позвонить по телефону), 말씀드리다 (сказать, рассказать), 설명드리다 (объяснить), 대답드리다 (ответить), 편지를 드리다 (отправить письмо).

К грамматическим средствам реализации категории вежливости глагола в русском языке относятся формы множественного числа глагола в значении единственного для выражения почтения к адресату (адресив). По мнению многих авторов (В. И. Карасика, Ю. С. Степанова, Т. В. Лариной и др.), в русском языке нет специальных грамматических форм, реализующих вежливость, однако данная категория может быть выражена за счет повелительного и сослагательного наклонения глаголов. К примеру, в предложениях могут быть использованы следующие обороты: *не хотите..., скажите..., может быть Вы...* и т. п. [Замани, Шейхи, 2017, с. 175–176].

Анализируя вышесказанное, видим разницу в вежливых глаголах японского и корейского языка. В японском языке нет изменения частиц в зависимости от высоких рангов, статусности субъекта действия. В отличие от японского языка, в корейском и русском языках нет фиксированных грамматических схем, регулирующих образование гоноративных и деприциативных форм глагола в системе вежливости. Таким образом, исследование категории вежливости в сопоставительном межкультурном аспекте является крайне интересным.

Японский и корейский языки во многих отношениях очень похожи, и данная тенденция наблюдается в выражениях почтения, но не находит проявления в русском языке. Однако важно обратить внимание на существенные различия между почтительными выражениями в двух языках. В японском языке почтительные выражения используются как относительные почтительные выражения, в зависимости от сцены и ситуации речи, тогда как в корейском языке почтительные выражения используются как абсолютные почтительные выражения, даже если человек является членом семьи, если человек является старшим с точки зрения иерархических отношений по возрасту.

Литература

Алпатов В. М. Категория вежливости в современном японском языке / отв. ред. И. Ф. Вардуль. Изд. 2-е, доп. М. : КомКнига, 2006.

Замани Ирана, Шейхи Джоландан Н. Глагольное наклонение как средство выражения категории вежливости в русском и персидском языках // СибСкрипт. 2017. № 4 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glagolnoe-naklonenie-kak-sredstvo-vyrazheniya-kategorii-vezhlivosti-v-russkom-i-persidskom-yazykah>.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славян. культур, 2009.

曹, 美庚. 人間環境学研究 || 2(1) || P. 105–118. URL: https://catalog.lib.kyushu-u.ac.jp/opac_download_md/6054/hiroshima129-2-1.pdf.

L. A. Vorobeva (Irkutsk)

E. V. Li, Candidate of Philology (Irkutsk)

GRAMMATICAL ASPECT OF THE POLITENESS CATEGORY OF THE VERB IN KOREAN, JAPANESE AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract. This article is devoted to the ways of representing the category of politeness in Russian, Korean and Japanese languages. A comparative analysis of politeness norms will reveal the similarities and differences between Eastern and Western linguistic cultures.

Keywords: verb, grammatical means of expressing politeness, category of politeness, communicative strategies, representation of the category of politeness, Korean language, Russian language, Japanese language.

Е. Ю. Иванова, доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва

КОНСТРУКЦИИ С СУБЪЕКТНЫМ ДЕПИКТИВОМ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНФИГУРАЦИЯ И РУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ¹

Аннотация. В статье рассматриваются болгарские конструкции с субъектным депиктивом, выраженным причастными формами, и их русские параллели. Описываются отличительные признаки субъектных депиктивов, их особенности в болгарском языке, где, в связи с утратой или ограничением некоторых моделей вторичной предикации, причастия составляют наиболее активный морфологический тип депиктивов. На выборке из параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка показан набор конструкций русского языка со значением актуального состояния, которые выступают функциональными соответствиями болгарских субъектных депиктивов. Устанавливаются возможные семантические конфигурации аспектуальных классов основного и вторичного предиката.

Ключевые слова: вторичная предикация, депиктивы, малые клаузы, аспектуальные классы глаголов.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25–18–00222 (Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина).

1. Депиктив (*depictive, depictive secondary predicate*) понимается как разновидность вторичной предикации, при которой второстепенный предикативный признак, выраженный именным компонентом, обозначает фоновую ситуацию, происходящую внутри временных рамок действия основной ситуации (*он вернулся озабоченный, ушел довольный, пирог подают холодным*). Дифференциальными признаками депиктивов, отличающими их от близких синтаксических конструкций, являются прежде всего следующие [Schultze-Berndt, Himmelmann, 2004, с. 77–78], см. также [Secondary Predication ..., 2005; van der Auwera, Malchukov, 2005; Невская, 2015; Невская, 2019 и др.]:

а) именной компонент во вторичной предикации формально и семантически связан с одним из участников ситуации в главной предикации (субъектом или прямым объектом), но не образует со своим контролером единой составляющей;

б) депиктив не является компонентом основного предиката;

в) депиктив не образует с основным предикатом сложное предложение или составное сказуемое;

г) депиктив принадлежит к той же просодической единице, что и основной предикат, и входит вместе с ним в ассертивную часть высказывания;

д) депиктив разделяет с основным предикатом его темпоральные и модальные характеристики и находится в сфере действия глагольного отрицания.

Это узкое понимание депиктивов исключает из их числа, в частности, конструкции типа *Я видел его пьяным*, в которых малая клауза является компонентом предиката восприятия. Хотя такие употребления часто рассматриваются как конструкции с депиктивами [Кузнецова, Рахилина, 2014] и действительно имеют ряд значимых общих с ними черт, синтаксическая структура моделей с компонентами иная. В случае депиктивных употреблений ситуация, обозначаемая атрибутивной формой, не входит в актантную структуру основного глагола, в то время как при комплементативном употреблении всё положение дел, обозначенное вторичной предикацией, является актантом предиката и предстает как объект восприятия [Сай, 2016, с. 375–376], т. е. *Я видел* [_{sc} *его пьяным*]. С точки зрения формального синтаксиса, конструкции с предикатами восприятия, принимающие малую клаузу в качестве компонента, анализируются как конструкции с подъемом [Лютикова, 2022, с. 66].

В фокусе внимания в данной работе находится субъектный депиктив, – депиктив, соотнесенный с подлежащим (в том числе подразумеваемым) основной предикации. Субъектный депиктив в болгарском языке может быть выражен прилагательным, причастием, существительным или предложной группой [Коева, 2001, с. 62–63].

Типичным для депиктива является значение временного (актуального) состояния субъекта, поэтому более всего приспособлены к депиктивному употреблению предикаты «стадиального» уровня (*stage-level predi-*

cates) [Carlson, 1977; Schultze-Berndt, Himmelmann, 2004, с. 63–64], см., в частности, об альтернативах их падежной маркировки в русских малых клаузах в [Zimmerling, 2021, с. 546–554].

Наиболее удобной морфологической формой депиктива являются причастия благодаря их способности к обозначению временного признака [ГСБКЕ, 1983, с. 138]. В функции депиктива они употребляются и в русском языке [Сай, 2016, с. 374–375], как в примере (1), но особенно в болгарском, где их активность связана прежде всего с утратой деепричастий совершенного вида и суженной сферой употребления деепричастий несовершенного вида. В отсутствие данных форм именно причастные формы (страдательные, как *уморен*, *прегърбен*, *ядосан*, или действительные, как *пребледнял*, *настръхнал*, *отмалял*), стали основным морфологическим типом депиктивных компонентов, ср. примеры (1) и (2) из параллельного русско-болгарского подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorporga.ru]:

(1) *Через час он вышел усталый, побледневший, поправил нависшую на лоб прядь волос, опустил в кресло и полужакнул глаза. – След един час излезе оттам уморен, пребледнял, оправи надвисналия над челото си кичур коса, отпусна се в креслото и затвори очи* (Александр Беляев. Властелин мира (1940) | Александър Беляев. Владетелят на света (Асен Траянов, 1988));

(2) *Мама сидела на кровати, сгорбившись, придерживая на груди белую ночную сорочку... – Майка му седеше на леглото прегърбена, придържайки нощницата на гърдите си* (Анатолий Рыбаков. Дети Арбата (1966–1983) | Анатолий Рыбаков. Децата на Арбат (Здравка Петрова, 1988)).

Причастные и адъективные субъектные депиктивы в болгарском языке согласуются в роде и числе с подлежащим главной клаузы: *Той се върна уморен*. ‘Он вернулся уставший’. *Тя се върна уморена*. ‘Она вернулась уставшая’. *То [детето] се върна уморено*. ‘Оно [ребенок, ср. р.] вернулось уставшее’. *Те се върнаха уморени*. ‘Они вернулись уставшие’.

Имеющаяся в русском языке альтернатива двух стратегий падежного кодирования депиктивов (согласование по падежу с контролером или маркирование творительным падежом, ср. *Они вернулись уставшие / уставшими*) не находит формального выражения в болгарском языке, утратившем падежное изменение большинства именных частей речи.

В русском языке в позиции депиктива, в том числе субъектного, используются только полные формы прилагательных и причастий. В болгарском языке отсутствует противопоставление полной и краткой форм, и в качестве единственной формы (во всех синтаксических позициях) используется генетически «краткая» форма согласуемых атрибутов.

Характерной особенностью болгарских депиктивов, отличающей их от согласованных атрибутов имени, является регулярное отсутствие у них артиклевой формы. Так, в (3) определенный артикль *-та* получает только существительное *майката*, не образующее единую составляющую с депиктивами *уморена* и *тъжна*, в то время как в обычной именной группе артикль, в соответствии с правилами болгарского языка, должен ставиться у первого компонента группы: ...каза *уморената майка* '...сказала уставшая мать'.

(3) *Та кой е мигал, сине!* – каза *уморена и тъжна майката* (Г. Караславов) 'Никто и глаз не сомкнул, сынок! – сказала устало и грустно мать'.

2. Выборка из русско-болгарского параллельного корпуса (200 употреблений субъектных депиктивов в болгарских текстах) подтвердила большую, чем в русском языке, активность болгарских причастий (прежде всего прошедшего времени) в позиции субъектного депиктива: как показал материал, аналогичная русская конструкция с депиктивным причастием, как в примере (1) выше, встретилась лишь в пяти процентах случаев. Основными функциональными эквивалентами болгарских причастных субъектных депиктивов оказываются русские деепричастия, как в примерах (2) выше и (4), и адвербиалы со значением состояния [Кустова, 2004, с. 322–324], а именно наречия (5) и предложно-падежные формы (6):

(4) *Кълбото все повече се оплиташе и объркваше, той го захвърли ядосан.* – *Клубок все больше запутывался, и Урумов, разозлившись, бросил его* (Павел Вежинов. Нощем с белите коне (1975) | Павел Вежинов. Ночью на белых конях (Л. Лихачева, 1978));

(5) *Криста, ти ли си?* – *запита той изненадан.* – *Криста, ты?* – *спросил он изумленно* (Павел Вежинов. Нощем с белите коне (1975) | Павел Вежинов. Ночью на белых конях (Л. Лихачева, 1978));

(6) *Ах... это вы?..* – *сказал Раскольников в чрезвычайном удивлении и вдруг сам смутился.* – *Ах... това сте вие!...* – *каза Раскольников извънредно изненадан и изведнъж се смути и той* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866) | Фьодор Достоевски. Престъпление и наказание (Георги Константинов, 1960)).

Разнообразие русских предложно-падежных форм адвербиалов со значением эмоционального и интеллектуального состояния (*в задумчивости, в нерешительности, в страхе, с ужасом, с отвращением*) компенсируется в болгарском языке, где такие формы малоактивны, именно причастными депиктивами, как это иллюстрирует пример (6).

В качестве менее частотных переводческих параллелей отмечаются атрибутивные употребления причастных и адъективных форм, стяжение опорного предиката и причастного депиктива в единую лексему со значением возникновения эмоционального состояния (*отговорих изумен* – *изумился, погледна го*) *изненадан* – *поразился*) и некоторые другие. В

докладе будут рассмотрены синтаксические и семантические условия выбора той или иной русской конструкции в качестве эквивалента болгарских субъектных депиктивов.

3. Отдельной задачей данного исследования является установление возможных конфигураций аспектуальных (семантических) классов основного и вторичного предиката и их влияния на интерпретацию депиктивной конструкции.

Субъектный компонент не имеет ограничений на одушевленность и агентивность, но при неодушевленном субъекте основной предикат ограничен глаголами проявления признака, способа существования, положения: *Клоните им стърчаха замръзнали над леда*, букв. 'Их ветки торчали замерзшие надо льдом'. В отличие от этой семантической конфигурации, прототипическая депиктивная конструкция, как, например, в (1)–(6), сообщает о действии агентивного субъекта, находящегося в том или ином состоянии, и допускает относительно широкий набор тематических классов основного предиката (в большинстве случаев относящихся к глаголам контролируемого действия) в комбинации с причастием от глаголов неконтролируемых действий или состояний. Такая конфигурация обеспечивает наибольшую контекстуальную независимость реализации основного значения депиктивной конструкции, а также задает нужную интерпретацию предикатов, нечетко или слабо охарактеризованных по тому или иному семантическому признаку. Так, депиктивное употребление причастия *прегърбен* в предложении *върви прегърбен* 'идет согнувшись' нейтрализует признак «контролируемость», ср. с амбивалентностью этого признака у исходного глагола *прегърбя се* 'согнуться'.

В то же время в конструкциях, где и основной предикат является глаголом неконтролируемого действия, и причастная форма – образованием от глагола неконтролируемого действия, депиктив выражает не «фоновое» сопутствующее состояние, как в прототипической модели, а причину (стимул) основной ситуации: *плачеше отчаяна* 'плакала от отчаяния / отчаявшись'. Однако для большинства матричных предикатов неконтролируемого действия даже такую конструкцию с депиктивом образовать нельзя.

4. В целом асимметрия, которая выявляется при сопоставлении депиктивных причастий в болгарском и русском языках, отражает разные возможности конструкций вторичной предикации в системе этих языков в целом (включая конструкции с иными морфологическими типами депиктивов, с субъектной и объектной ориентацией, разными типами контролеров, а также прочие модели вторичной предикации). Экспансия болгарских конструкций со вторично приписываемым признаком в виде причастных форм обусловлена утратой в болгарском языке некоторых способов выражения вторичной предикации (прежде всего деепричастий совершенного вида) или их грамматической и функциональной ограниченностью, как у деепричастий несовершенного вида, действительных при-

частий настоящего времени, а также у предложных сочетаний с названиями эмоций и ментальных состояний, которые лишь спорадически привлекаются в болгарском для выражения актуального состояния субъекта, – в отличие от русского языка.

Литература

- ГСБКЕ: Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис. София, 1983.
- Коева С. Малки изречения // Съвременни лингвистични теории. Помагало по синтаксис. Пловдив, 2001. С. 61–67.
- Кузнецова Ю. Л., Рахилина Е. В. Депиктивы оказались удивительными // *Acta Linguistica Petropolitana* : тр. Ин-та лингв. исслед. РАН. 2014. № 2. С. 180–218.
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Лютикова Е. А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Ч. 2: Малые клаузы // *Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология*. 2022. № 6. С. 58–74.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.
- Невская И. А. Резултативные второстепенные предикаты в тюркских языках // *Сибирский филологический журнал*. 2015. № 2. С. 84–94.
- Невская И. А. Конструкции с депиктивными второстепенными предикатами со своим собственным грамматическим субъектом в сибирских тюркских языках // *Критика и семиотика*. 2019. № 2. С. 327–344.
- Сай С. С. Причастие // *Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол*. Ч. 1. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 341–388.
- Carlson G. Reference to Kinds in English : Ph. D. Dissertation. Amherst, 1977.
- Secondary Predication and Adverbial Modification: The Typology of Depictives / ed. N. P. Himmelmann, E. F. Schultze-Berndt. Oxford, 2005.
- Schultze-Berndt E., Himmelmann N. P. Depictive secondary predicates in crosslinguistic perspective // *Linguistic Typology*. 2004. 8. P. 59–131.
- van der Auwera J., Malchukov A. A semantic map for depictive adjectival // Himmelmann N. P., Schultze-Berndt E. (eds.) *Secondary predication and adverbial modification*. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 393–421.
- Zimmerling A. Primary and secondary predication in Russian and the SLP: ILP distinction revisited // *Russian Grammar: System – Usus – Variation* / *Русская грамматика – система – узус – варьирование* (= *Linguistica Philologica* 1), Peter Lang Verlag, Berlin, 2021. P. 543–560.

E. Yu. Ivanova, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg)

CONSTRUCTIONS WITH SUBJECT-ORIENTED DEPICTIVES IN BULGARIAN: SEMANTIC CONFIGURATION AND RUSSIAN PARALLELS

Abstract. The paper discusses Bulgarian constructions with subject-oriented depictives expressed by participial forms as well as their Russian parallels. It describes the distinctive features of subjective depictives and outlines their peculiarities in Bulgarian, where participles constitute the most active morphological type of depictives. Based on a sample from the parallel subcorpus of the Russian National Corpus, a range of constructions of the Russian language with the meaning of stage-level state is presented, which act as functional correspondences of Bulgarian participial depictives. The paper also establishes possible semantic configurations for the actional classes of the primary and secondary predicates.

Keywords: secondary predication, depictive, small clauses, actional classes.

А. Е. Котовская, старший преподаватель
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ФУНКЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ В ПРЕДЛОЖЕНИИ НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. Несмотря на то что звукоподражательные слова являются довольно хорошо изученным классом слов, единого мнения о их частеречной принадлежности нет. В статье анализируются теоретические положения о звукоподражаниях, изложенные в исследованиях по русскому и японскому языкам. Рассматривается вопрос функционирования звукоподражаний указанных языков в предложении. Актуальность заключается в сравнительно-сопоставительном анализе данного пласта лексики в русском и японском языках.

Ключевые слова: японский язык, русский язык, звукоподражания, ониматопея, ониматопеэтическая лексика, синтаксис.

Неоднозначность такой категории лексики, как звукоподражания, в том числе выражена и в множественности наименований терминов, применяемых по отношению к данному классу слов. В научной литературе встречаются термины «звукоподражательная единица», «подражательные слова», «образные слова», «ониматоп», «ониматопея», «ониматопеэтические слова» и пр. Такое обилие также демонстрирует интерес исследователей к явлению звукоподражания.

Звукоподражания являются единицами языка, имитирующими звуки живой и неживой природы, а также издаваемые человеком, в соответствии с особенностями фонетической системы каждого конкретного языка. Звуковой состав звукоподражаний не случаен: он мотивирован соответствующим звуком внешнего мира живой или неживой природы [Тихонов, 1981, с. 122–124].

Ониматопеи используются в повседневной форме в разговорном и неформальном языке, они бывают общепринятыми и авторскими, индивидуальными. В каждом языке существуют различные типы ониматопеи. Считается, что в японском языке насчитывается наибольшее количество звукоподражательных элементов. Звукоподражательные слова, передающие звуки одного и того же животного в разных языках, могут иметь сходство (поскольку животные издают одни и те же звуки), а могут быть различны. Это обусловлено особенностями звуковой, морфологической, семантической системы языка. Они обладают грамматическими способностями, согласно грамматике рассматриваемого языка. Использование сравнительно-сопоставительного метода при изучении такого явления, как ониматопея, позволяет выявить наиболее характерные черты сходства и различия в языковых системах русского и японского языков.

Несмотря на то что звукоподражания не являются заменительной частью речи, они занимают значимую часть лексики любого языка. При этом вопросы частеречной принадлежности звукоподражательных слов остаются не до конца изученными.

Анализ теоретических работ по грамматике русского языка показывает, что можно выделить следующие мнения: 1) звукоподражания включены в раздел «Междометия» [Русская грамматика, 1980], 2) звукоподражания выделяются в отдельный класс слов, который не входит ни в самостоятельные, ни в служебные части речи [Современный русский язык, 1989], 3) звукоподражания рассматриваются в разделе «Междометия», но исследователи выделяют их особые признаки, которые позволяют считать их отдельной группой слов [Русский язык, 2005], 4) существует мнение, что звукоподражания – это вовсе не слова и потому они не имеют лексического значения [Пешковский, 2001].

Звукоподражания – это неизменяемые слова (не имеют форм словоизменения), обычно состоят из повторяющихся слов (*ха-ха-ха*), но могут и фонетически варьироваться (*тик-так*, *пиф-паф*, *бим-бом*) [Наумова, 2015]. В русском языке звукоподражания активно участвуют в словообразовании. Они являются производящей основой для глаголов (*мяукать*, *квакать*, *шушукать*) и отглагольных существительных (*гогот*, *хохот*, *хрюканье*).

Согласно европейской терминологии, ониматопеи называют только звукоподражательные слова. В японском же языкознании – ониматопея (*オノマトペ* «*ономатопэ*») вмещает в себя понятия «звукоподражание» и «звукоизображение». Хотя считается, что ониматопеитические слова японского языка изучены довольно подробно, единое мнение о морфологической принадлежности также отсутствует. Одни исследователи считают, что в современном японском языке ониматопы функционируют в основном как наречия [Водоватова, 2005, с. 11], другие утверждают, что ониматопеитические слова в японском языке – это своеобразный разряд древних слов, которые не являются самостоятельной частью речи, так как с точки зрения грамматики они не представляют собой единую грамматическую категорию, а входят в различные части речи. В связи с тем, что эти слова не обладают морфологическими показателями, свои грамматические свойства они реализуют в синтаксических связях [Фролова, 1988, с. 65–70].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большинство исследователей согласны, что звукоподражания реализуют свои грамматические свойства в синтаксических связях, изучение которых представляется актуальной исследовательской задачей. В данной работе мы остановимся на функции употребления звукоподражаний в предложении на примере пары языков русский – японский.

Н. М. Шанский в учебнике «Современный русский язык» [1987] пишет, что особенно часто звукоподражательные слова могут употребляться в предложении в функции сказуемого (пример 1). А также в функции подлежащего (пример 2) и дополнения (пример 3):

1. *Обыкновенно я принесу им чай в кабинет, и они там бу-бу-бу.*

2. Но бестолковая кукушка, Самолюбивая болтушка, Одно куку.
3. Доктор уходит, свеча тухнет, и опять слышится бу-бу-бу-бу.

Часто звукоподражания употребляются изолированно, вне связи с другими элементами предложения: либо как эквивалент предложения (пример 4), либо внутри предложения как вставная или вводная конструкция, либо в качестве «прямой речи» (пример 5).

4. *Камушек туда бросил – бульк! Чувствую, емкость приличная, подземное озеро.*

5. «Тук, тук, тук», – стучит капель.

Каждый язык, однако, обладает своим собственным инвентарем средств, набором способов ввести звукоподражание в предложение.

Так же, как и в русском языке, одной из основных функций онома-topoэтической лексики японского языка является функция сказуемого, чаще глагольного, образованного путем присоединения служебного слова *する суру* (пример 6), реже именного с глаголом-связкой *です дэсу, だ да* (пример 7):

6. *このピンポン玉、継ぎ目が割れてきてぺこぺこする よ。 ころも* *пинпондама тсугимэ-га варэтэтитэ пэкопэко-суру ё* ‘Этот теннисный шарик раскололся по шву и потрескивает’.

7. *走りすぎて、ひざががくがくだ。 хасирусугитэ, хидза-га гакуга-ку да* ‘Бежал слишком быстро, что колени подгибаются’.

В отличие от русского языка также распространена и обстоятельственная функция онома-топа, что обусловлено частеречной принадлежностью этого класса слов (пример 8):

8. *さっさと歩きなさい。 сассато арукинасай* ‘Шагай скорее’.

В функции определения онома-топы встречаются в сочетании со служебным словом *する суру* или его формой прошедшего времени *した сита* (пример 9), с присоединенным формантом *-の но* (пример 10) либо с окончанием *-な -на* (пример 11):

9. *どっしりしたかばんが置いてある。 доссириси-сита кабан-га ойтэару* ‘Стоит тяжелая сумка’.

10. *ぼろぼろの服を着た子供がやっときた。 бороборо-но фуку-о кита кодомог, ать яттэкиа*. ‘Пришел ребенок в рваной одежде’.

11. *ぴかぴかな車を見た。 пикапикана курума-о мита* ‘Увидел блестящую машину’.

Гораздо реже можно встретить онома-топoэтическую лексику в роли подлежащего (пример 12) и дополнения (пример 13):

12. *道にでこぼこが出来た。 мити-ни дэкобоко-га дэкиа* ‘На дороге появились бугры’.

13. *猫のごろごろをわかっている人。 нэко-но горогоро-о ва-каттэиру хито* ‘Человек, который понимает кошачье мурлыканье’.

Подводя итоги проведенного исследования звукоподражательных слов в современном японском языке и сравнительного анализа с русским языком, можно сделать следующие выводы: звукоподражательные слова японского и русского языков имеют как общие, так и отличительные особенности. В обоих языках это неизменяемые слова, передающие различные звуки живой и неживой природы. И в японском, и в русском языках звукоподражательные слова одинаковы по характеру имитируемых звуков (слова, имитирующие голоса птиц, животных; звучание механизмов, музыкальных инструментов; звуки, издаваемые людьми и т. д.). Отличительными особенностями звукоподражательных и образоподражательных слов является то, что звукоподражательные слова рассматриваются некоторыми исследователями в сопоставляемых языках в разных классах слов. Так, в японском языке они зачастую рассматриваются в изобразительных словах, которые входят в состав наречия; в русском – в междометия.

Касательно анализа функций русских и японских звукоподражаний в предложении можно говорить о том, что, несмотря на принадлежность русского и японского языков к разным языковым семьям, можно наблюдать схожие функции звукоподражаний в предложении, а именно наиболее частое использование звукоподражаний в функции сказуемого.

Что касается отличия русских и японских звукоподражаний, то в русском языке звукоподражательные слова, как правило, фиксируются в начале или в конце предложения, изредка могут занимать интерпозицию в составе конструкции. В японском же языке позиция звукоподражания не дифференцирована – фиксируется как в начале или в конце предложения, так и в интерпозиции в составе конструкции.

Литература

Водоватова Т. Е. Функции риторических неинформативных высказываний // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2005. № 2. С. 11.

Наумова И. А. Морфология простым языком. URL: <https://goldrussian.ru/morfologija-prostym-jazykom.html>.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М. : Языки славянской культуры, 2001.

Русская грамматика : в 2 т. Т. 1 / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980.

Русский язык : учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. Л. Л. Касаткина. М. : Академия, 2005.

Современный русский язык. В 3 ч. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. М. : Просвещение, 1987.

Современный русский язык : учеб. для филол. спец. ун-тов / под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 1989.

Тихонов А. Н. Междометия и звукоподражания – слова? // Русская речь. 1981. № 5. С. 122–124.

Фролова О. А. Оноματοпозитические слова в функции экспрессивной характеристики человека и их системные связи // Системные отношения на разных уровнях языка: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск, 1988. С. 65–70.

A. E. Kotovskaya (Irkutsk)

FUNCTIONS OF THE USE OF SOUND-IMITATIONS IN THE SENTENCE ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND JAPANESE LANGUAGES

Abstract. Despite the fact that sound-expressive words are a rather well-studied class of words, there is no unanimous opinion about their partition. This article analyses the theoretical provisions on onomatopoeia stated in the researches on Russian and Japanese languages. The question of the functioning of sound-imitations of the mentioned languages in a sentence is considered. The relevance lies in the comparative analysis of this stratum of vocabulary in Russian and Japanese languages.

Keywords: Japanese language, Russian language, onomatopoeia, onomatopoeic words, syntax.

А. Р. Нурутдинова, кандидат педагогических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

СИНТАКСИЧЕСКОЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ «ПОВЕДЕНИЕ» СОМАТИЧЕСКИХ ЛЕКСЕМ В ПОСЛОВИЦАХ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Исследование посвящено комплексному анализу синтаксических и морфологических особенностей соматических лексем в паремиологическом фонде в русском (флективный), английском (аналитический) и японском (агглютинативный) языках. На основе корпусных данных автором выявляются закономерности функционирования данных единиц в пословицах, включая их синтаксические роли (подлежащее, дополнение, обстоятельство), морфологическую маркированность (падеж, число, детерминация) и сочетаемостные ограничения. Автором установлено, что, несмотря на универсальную значимость соматизмов в формировании культурных кодов, их поведение определяется типологией языка: в русском доминирует флективная вариативность, в английском фиксированные позиции в составе идиом, в японском грамматизированные показатели вежливости и контекстуальной связи. Результаты исследования подчеркивают взаимовлияние языковой структуры и культурно-обусловленной семантики в паремиях.

Ключевые слова: соматические лексемы, корпусное исследование, лингвистическая типология, синтаксис пословиц, морфология фразеологизмов, контрастивный анализ, паремиологический фонд.

Основная цель исследования заключается в выявлении и сопоставлении закономерностей синтаксического и морфологического поведения соматических лексем в структуре пословиц с учетом их грамматической специфики и роли в формировании культурно-обусловленных смыслов.

Актуальность исследования обусловлена следующим.

Во-первых, несмотря на значительный интерес к соматизмам и фразеологии, их синтаксические и морфологические свойства в устойчивых паремических единицах, особенно в сопоставительном аспекте для столь разнотипных языков, изучены недостаточно полно [Кибрик, 1992, с. 190; Телия, 1996, с. 170].

Во-вторых, паремии, являясь важным элементом языковой картины мира, предоставляют уникальный материал для анализа взаимодействия грамматической структуры и культурно-обусловленной семантики, однако корпусные исследования взаимодействия для соматической лексики остаются редкими [Пермяков, 1970, с. 26; Sweetser, 1990, с. 100].

В-третьих, сравнительный анализ языков с разными типологическими характеристиками (флективность, аналитизм, агглютинативность) позволяет понять, как универсальные когнитивные основы, связанные с телесностью, преломляются через специфические грамматические механизмы [Будагов, 1976, с. 27; <https://www.english-corpora.org/bnc/>].

Таким образом, данная работа восполняет существующий пробел, предлагая системное описание и объяснение вариативности грамматического воплощения соматизмов в паремиях на основе эмпирических данных.

Исследование базируется на методологии корпусной лингвистики и контрастивного анализа. Основным методом выступил анализ данных, извлеченных из специализированных электронных и лексикографических источников, формирующих репрезентативную базу для каждого языка.

Для русского языка использовались электронные корпуса (Национальный корпус русского языка [ruscorpora.ru]) и авторитетные собрания пословиц (например, сборники В. И. Даля, Г. Л. Пермякова) [Даль, 1984; Пермяков, 1970].

Английский материал извлекался из крупных корпусов (British National Corpus, далее – BNC [<https://www.english-corpora.org/bnc/>], Corpus of Contemporary American English, далее – COCA [<https://www.english-corpora.org/coca/>]) и фундаментальных паремиологических словарей (напр., W. Mieder) [Mieder, 2004].

Источниками для японского языка послужили корпуса (Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese, далее – BCCWJ [https://pj.ninjal.ac.jp/corpus_center/bccwj/en/], KOTONOHA) и специализированные словари пословиц и идиом (напр., «Канъёку дзитэн») [Словарь японских пословиц, 2005; Телия, 1996].

Процедура исследования включала

- 1) составление репрезентативной выборки пословиц, содержащих ключевые соматические лексемы (напр., *глаз, рука, сердце* / *eye, hand, heart* / 目 (*me*), 手 (*te*), 心 (*kokoro*));

- 2) аннотирование каждой единицы с указанием синтаксической функции соматизма (подлежащее, дополнение, обстоятельство и т. д.), его морфологических характеристик (падеж, число, наличие артикля / детерминатива, показателей вежливости, частиц) и комбинаторных свойств;

- 3) контрастивный анализ выявленных закономерностей с акцентом на влияние типологических особенностей языков;

- 4) статистическую обработку данных для определения частотности тех или иных моделей.

Интерпретация результатов опиралась на принципы лингвистической типологии, теории грамматикализации и фразеологической фиксации [Маслова, 2001, с. 106; Sweetser, 1990, с. 56; Kuno, 1973, с. 120].

Корпусный анализ выявил системные различия в грамматическом поведении соматических лексем в поговорках трех языков, детерминированные их типологическими особенностями.

В русских поговорках соматизмы демонстрируют высокую степень **флексивной вариативности**, выступая в различных падежных формах (именительный, винительный, дательный, творительный, предложный) в зависимости от синтаксической роли (напр., *Руку* (вин.) *рука моет*; *Дай волю* (дат.) *рукам* – *они и за шею возьмут*) – данная вариативность обеспечивает гибкость синтаксических конструкций при сохранении идиоматичности [BNC; Wierzbicka, 1997, с. 240].

В английских поговорках доминируют **фиксированные позиции** соматизмов в рамках идиоматического целого, часто сопровождаемые определенным артиклем или нулевой детерминацией (*The eye is bigger than the belly*; *Out of sight, out of mind*), что минимизирует морфологическую изменчивость и подчеркивает аналитическую природу языка [Mieder, 2004, с. 75; COCA]. Морфологическая маркированность проявляется преимущественно через число (*Many hands make light work*) и позицию.

Для японских поговорок характерна **грамматикализация** соматизмов: их функционирование неразрывно связано с агглютинативными показателями (частицами *wa*, *ga*, *o*, *ni*), маркерами вежливости (*go-* в *go-shin* ‘сердце’) и контекстуальными связками (*te*, *kara*), которые несут основную грамматическую нагрузку *目には目を* (*Me ni wa me o*) ‘око за око’, где частицы *ni*, *wa*, *o* маркируют роли [Nihon Kokugo Daijiten, 2002; Словарь японских поговорок, 2005; BCCWJ]. При этом комбинаторные ограничения на сочетаемостные паттерны соматизмов оказались наиболее жесткими в английском языке (напр., фиксированные пары *hand and glove*), более вариативными в русском (ср. *держать в руках / в уме / на примете*) и структурно обусловленными в японском (через грамматические частицы).

Интерпретация данных свидетельствует о том, что универсальная когнитивная база соматизмов [Будагов, 1976, с. 27; BNC] и их роль в формировании культурных кодов реализуется через принципиально разные грамматические механизмы, специфичные для каждого языкового типа: флексивная система позволяет варьировать форму лексемы, аналитическая – фиксирует ее в структурной схеме, агглютинативная – маркирует ее отношения грамматикализированными элементами, что подтверждает тезис о глубокой взаимосвязи между языковой структурой и способом кодирования культурно-значимых смыслов в поговорках [Пермяков, 1970, с. 128; Sweetser, 1990, с. 130; Haspelmath, 2010, с. 300].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Грамматическое поведение соматических лексем в паремиях строго обусловлено типологией языка:

флективная система русского языка обеспечивает широкую вариативность падежных форм соматизмов;

аналитизм английского языка проявляется в их фиксации в определенных синтаксических позициях с ограниченной морфологической парадигмой;

агглютинативность японского языка требует обязательного грамматического маркирования частицами и показателями вежливости.

Универсальность соматизмов как базового элемента культурного кода подтверждается их высокой частотностью и ключевой семантической ролью в паремиях всех трех языков, однако их конкретная языковая реализация (морфологическая форма, синтаксическая позиция, комбинаторные свойства) глубоко специфична и не может быть адекватно описана без учета системных особенностей грамматики.

Корпусный анализ доказал свою эффективность для выявления и количественной оценки типологически обусловленных паттернов функционирования лексем в устойчивых выражениях, предоставив объективные данные о частоте тех или иных грамматических моделей [Bybee, 2010, с. 200; Language Typology ..., 2007, p. 30].

Результаты подчеркивают диахронический компромисс в паремиях: с одной стороны, их стремление к устойчивости и воспроизводимости; с другой – зависимость конкретной формы выражения от грамматического строя языка, который может допускать определенную степень вариативности (русский) или требовать жесткой фиксации (английский, японский).

Таким образом, паремии представляют собой продукт взаимодействия универсальных когнитивно-культурных основ и специфических грамматических систем [Kotoba no Kihon, 1989, с. 2000; Haspelmath, 2010, с. 300]. Данное исследование вносит вклад в теорию фразеологии, лингвистическую типологию и кросс-культурные исследования языка.

Литература

- Будагов Р. А. Человек и его язык. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ, 1976.
Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. М. : Худож. лит., 1984.
Кибрик А. А. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М. : Изд-во МГУ, 1992.
Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2001.
Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М. : Наука, 1970.
Словарь японских пословиц: Канъёку дзитэн / под ред. Х. Нагасима. Токио : Токёдо, 2005. (На яп. яз.: 長島弘監修. 慣用句辞典. 東京: 東京堂, 2005).
Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки рус. культуры, 1996.

BCCWJ: Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese. URL: https://pj.ninjal.ac.jp/corpus_center/bccwj/en.

BNC: British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc>.

Bybee J. L. Language, Usage and Cognition. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

COCA: Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca>.

Haspelmath M. Understanding Morphology. 2nd ed. London : Hodder Education, 2010.

Kotoba no Kihon: Goi no Kenkyuu to Kyoiku [Fundamentals of Language: Vocabulary Research and Education] / ed. by S. Chino. Tokyo: Aruku, 1989. (На яп. яз.: 千野栄一編. 言葉の基本: 語彙の研究と教育. 東京: あるく, 1989).

Kuno S. The Structure of the Japanese Language. Cambridge, MA: MIT Press, 1973.

Language Typology and Syntactic Description. Vol. 3 : Grammatical Categories and the Lexicon / ed. T. Shopen. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

Mieder W. Proverbs: A Handbook. Westport, CT: Greenwood Press, 2004.

Nihon Kokugo Daijiten [Great Dictionary of the Japanese Language]. 2nd ed. Tokyo : Shogakukan, 2000–2002. Vol. 1–14. (На яп. яз.: 日本国語大辞典. 第2版. 東京: 小学館, 2000–2002. 1–14巻).

Sweetser E. From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. (Cambridge Studies in Linguistics; Vol. 54).

Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York : Oxford University Press, 1997.

A. R. Nurutdinova, Candidate of Philology, Associate Professor (Kazan)

SYNTACTIC AND MORPHOLOGICAL “BEHAVIOR” OF SOMATIC LEXEMES IN PROVERBS: A CORPUS-BASED STUDY IN CONTRASTIVE TYPOLOGICAL LANGUAGES

Abstract. This study presents a comprehensive analysis of the syntactic and morphological features of somatic lexemes (body part terms) within the paremiological stock of typologically diverse languages: Russian (fusional), English (analytic), and Japanese (agglutinative). Utilizing corpus data, the research identifies patterns in the functioning of these units in proverbs, including their syntactic roles (subject, object, adverbial), morphological marking (case, number, determination), and collocational constraints. It is established that despite the universal significance of somatisms in shaping cultural codes, their behavior is determined by language typology: Russian exhibits dominant fusional variability, English relies on fixed positions within idioms, and Japanese utilizes grammaticalized politeness markers and contextual connectors. The results highlight the interplay between linguistic structure and culturally conditioned semantics in proverbs.

Keywords: somatic lexemes, corpus-based study, linguistic typology, proverb syntax, phraseology morphology, contrastive analysis, paremiological stock.

О. Н. Садовникова, кандидат филологических наук
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

МЕСТО МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Аннотация. Поднимается вопрос о «глагольности» модальных операторов русского и китайского языков и их частеречной отнесенности. Предложен подход к анализу модальных глаголов в аспекте типологических характеристик китайского и русского языков. Делается вывод о некоторой схожести модальных операторов в исследуемой паре языков, а именно в отсутствии некоторых характеристик, присущих глаголам. Такие особенности модальных операторов в китайском языке сближают их с лексико-грамматической группой наречий, а в русском языке с группой вспомогательных глаголов. Результаты анализа могут быть применимы в сфере сравнительно-сопоставительной грамматики китайского и русского языков и могут быть использованы в дальнейших контрастивных исследованиях.

Ключевые слова: модальные глаголы, модальность, частеречная классификация, наречия, интенциональность.

Традиционный подход к выделению частей речи в русском и китайском языках предполагает рассмотрение модальных операторов как подгруппы глагола – знаменательной части речи. Такой подход в полной мере не учитывает типологические особенности представленных языков. Китайский язык относится к изолирующему типу языка, в котором при отнесении лексических единиц к той или иной части речи главным критерием является функционально-синтаксический критерий, вторыми по значимости выступают формально-морфологический и семантический критерии [Садовникова, Шаравьева, 2020]. Русский язык является флективным, центральная роль при определении частей речи отводится формально-морфологическому критерию, вторичными, на наш взгляд, являются формально-синтаксический и семантический критерии. Определение профилирующего критерия при проведении анализа отражает сущностные характеристики модальных операторов и позволяет отнести их к тому или иному лексико-грамматическому классу слов.

Обратимся к функционально-синтаксическому критерию. В китайском языке модальные операторы в предложении, как правило, занимают позицию перед стандартными глаголами, например: 我想去日本 – *Я хочу поехать в Японию*. Модальные операторы могут быть отделены от стандартного глагола предложными конструкциями, с помощью которых в китайском языке вводятся прямое и косвенное дополнения. В предложениях с инверсией дополнения с предлогами 被, 给, 把, 跟, 用, 向 модальные операторы по аналогии с другими обстоятельствами занимают позицию только перед предложной конструкцией, например, 我想把玛莎送到

飞机场。Я **хочу** проводить Маиу в аэропорт. Позиция модальных операторов в предложении в данном случае совпадает с позицией наречий, которые также всегда ставятся перед предложной конструкцией. В русском языке для модальных глаголов характерно синтаксическое единообразие, типичной конструкцией с модальными глаголами является N+V(m)+V(Inf) [Корди, 1990], например, Я **хочу поехать** в Японию. Однако для усиления эмоционального или смыслового значения высказывания можно изменить порядок слов в предложении, так возможными являются варианты *Хочу я поехать в Японию. Я поехать хочу в Японию. Поехать в Японию я хочу.*

Смысл высказывания в китайском языке также может варьироваться в зависимости от позиции модального глагола при наличии в предложении обстоятельств различного типа. Так, например, в случае если в предложении модальный глагол стоит в препозиции к обстоятельству времени, акцент делается на времени совершения действия: *她能今晚打电话吗? Она **может** сегодня вечером позвонить?* Если в данном предложении поменять местами модальный глагол и обстоятельство времени, то акцент смещается на возможность совершения действия: *她今晚**能**打电话吗? Она сегодня вечером **может** позвонить?* Аналогичные примеры можно привести с обстоятельством места: *他总**想**在咖啡馆工作. Он всегда **предпочитает** работать в кафе* (акцент на том, где именно человек предпочитает работать); *他在咖啡馆总**想**工作. В кафе я всегда **предпочитаю** работать* (акцент смещается на действие, говорящий подчеркивает желание работать).

В русской и китайской грамматиках функциональные особенности глаголов таковы, что они, как правило, выполняют функцию сказуемого, помимо этого в русском языке глаголы в форме инфинитива, причастия или деепричастия могут играть роль подлежащего (*Курить – здоровью вредить*), определения (*Светящее ярко солнце освещало весь двор*), обстоятельства (*Она **играючи** запрыгнула на дерево*), дополнения (*Учитель просит **сдавать** контрольные вовремя*). Функциональные возможности модальных глаголов ограничены, они выполняют функцию первой части составного глагольного сказуемого. Модальные глаголы не обозначают самостоятельное действие, а выражают отношение к действию, выраженному инфинитивом. Однако можно составить предложения, в которых модальные глаголы могут быть в предложении подлежащим (*Хотеть – не значит мочь*) и дополнением в неполных предложениях (*Что значит **хочу**?*), при этом в связи с тем, что модальные глаголы не образуют причастий, они не употребляются в функции определения за исключением некоторых конструкций типа *Мечта, которую **хочется** осуществить, дает силы*. В китайском языке стандартные глаголы также могут играть роль дополнения, подлежащего, обстоятельства, определения, комплемента. В случае с последними тремя функциями стандартные глаголы обычно маркируются 地, 的, 得 соответственно, например:

可以听你推荐的音乐吗? *Могу ли я послушать музыку, которую вы рекомендуете?*

他总是不停地工作。 *Он всегда работает без остановки;*

她难过得哭了起来。 *Ей стало так грустно, что она заплакала.*

Модальные глаголы занимают позицию перед смысловым глаголом и выполняют функцию обстоятельства (без оформления на 地 как стандартные глаголы в этой функции), а также могут играть роль определения в предложении оформляясь на 的, например, 请你选**应该的**答案。 *Пожалуйста, выбери **необходимый** ответ.* Стоит также отметить, что в китайском языке есть эмфатические предложения, в которых модальные глаголы могут занимать позицию после сказуемого: 你去**可以**, 我去**也可以**。 *Можешь ты пойти, а могу я.*

В русском и китайском языках модальные глаголы могут самостоятельно (без смыслового глагола) образовывать предложения в диалогах при кратких ответах на вопросы:

你想走吗? – *Ты хочешь уйти?*

想。(想走) – *Хочу (уйти).*

В этом случае модальные глаголы схожи с наречиями, которые не могут самостоятельно формировать предложения, однако в диалогах могут являться краткими ответами на реплики:

你一定去中国吗? *Ты обязательно поедешь в Китай?*

一定 (一定去) *Обязательно (поеду).*

Таким образом, анализ функциональных возможностей модальных глаголов в русском и китайском языках позволяет сделать вывод о том, что в русском языке модальные глаголы имеют некоторые незначительные функциональные ограничения (не могут быть обстоятельством и определением вне конструкции) в силу отсутствия формы причастия и депричастия. В китайском языке функциональные возможности модальных глаголов совпадают с наречиями и отличны от стандартных глаголов.

Обратимся к формально-морфологическому критерию, первичному типологически для русского языка. Анализ показывает, что в русском языке глаголам присущи следующие грамматические категории: время (прошедшее, настоящее, будущее), вид (совершенный/несовершенный) лицо (1-е, 2-е, 3-е), число (единственное, множественное), наклонение (изъявительное, условное, повелительное) и залог (действительный, страдательный, возвратный). Модальные глаголы, как и стандартные глаголы, могут изменяться по лицам (*я хочу, ты хочешь, он хочет*), числам (*я могу, они могут*), имеют совершенный и несовершенный вид (*могу, смог*), однако имеют некоторые грамматические ограничения. Так, например, имеют только форму настоящего и прошедшего времени (*я хочу, я хотела*), имеют только форму изъявительного наклонения в силу смысловых ограничений на формулирование повеления относительно желаний, спо-

собностей и возможностей [Воркачев, 1991, с. 76] и сами по себе не имеют категории залога, так как не выражают действие, однако модальные глаголы с инфинитивом употребляются как в предложениях активного (*Я хочу пойти в кино*), так и пассивного строев (*Дом может быть построен в следующем году*). Кроме того, наряду с другими глаголами модальные глаголы имеют форму инфинитива (*мочь, хотеть, долженствовать*), но не имеют форм причастия и деепричастия. Надо отметить, что форм пассивного залога нет и у других типов глаголов, например, глаголов состояния (*быть, являться*) и др.

В китайском языке к морфологическим особенностям глаголов, позволяющим выделить их в отдельную группу в системе частей речи, относится сочетаемость с граммемами 了, 过, 着 (说了, 说过, 说着), модификаторами, а также способность к редупликации. В отличие от стандартных глаголов, модальные глаголы подобно наречиям не обладают вышеперечисленными свойствами. Однако, как и у стандартных глаголов, у них есть способность образовывать общий вопрос с утвердительно-отрицательной формой, например:

你想不想吃? – Ты хочешь есть?

我可不可以出去? / 我可以不可以出去? – Можно выйти?

Наречия же не образуют общий вопрос, поэтому данная особенность позволяет отграничить анализируемую группу слов от модальных наречий типа 大约, 到底 и, исходя из грамматических особенностей, выделить их как отдельный разряд в классификации наречий.

Таким образом, в русском же языке модальные глаголы имеют функциональные и морфологические ограничения, связанные прежде всего с семантикой. Например, отсутствие форм императива объясняется когнитивиями говорящего, так как данные глаголы обозначают «состояние, а не активное действие и не подвержены контролю с его стороны, выражают аспекты виртуальной действительности» [Попова, 2006, с. 72]. Тем не менее им свойственны грамматические категории, присущие исключительно классу глаголов (время, вид, глагольная форма инфинитива), поэтому нет оснований относить модальные глаголы к другой части речи, однако и полнозначными глаголами их назвать сложно, скорее служебными, так как они не выражают самостоятельного действия, указывают на отношение к действию, выраженному смысловым глаголом.

В китайском языке уже на основании функционально-синтаксического и морфологического критериев можно отнести модальные операторы к классу наречий. Однако модальные наречия (表示语气的副词) уже есть в китайском языке, к ним относят такие наречия, как 幸亏, 难道, 究竟, 到底, 反正, 大约, 难怪 и др. От исследуемой группы слов они будут отличаться по формально-морфологическому критерию (способности образовывать общий вопрос) и типу модальности. Модальные операторы могут выражать различные типы модальности: эпистимологическую

(应该, 可能), деонтическую (可以), динамическую модальность (想). В этих же значениях могут быть реализованы и модальные наречия, например, наречие 反正 указывает на неизбежность чего-либо (эпистемологическая модальность), наречие 大约 – на возможность с точки зрения говорящего (оценочная модальность) и т. д. Отличие модальных наречий от модальных операторов заключается в наличии компонента интенции в значении у последних. Под интенциональностью модальных операторов понимаем направленность сознания на окружающую действительность из внутренней точки отсчета говорящего. Интенциональность может выражать долженствование, возможность, желание, разрешение, волеизъявление. Таким образом, анализируемые слова можно отнести к лексико-семантической группе интенциональных наречий.

Итак, анализ функциональных, морфологических, семантических особенностей модальных операторов в китайском и русском языках показал, что данная группа слов имеет ограничения с точки зрения качества «глагольности», однако в русском языке таких ограничений меньше, чем в китайском, поэтому вопрос о принадлежности модальных операторов к классу глаголов не стоит. В этой связи наряду с глаголами состояния модальные глаголы относим к вспомогательным глаголам. В китайском же языке модальные операторы фактически лишены «глагольности» и функционируют в предложении как наречия, поэтому в наречиях как служебной части речи целесообразно выделить группу интенциональных наречий, в которую войдут анализируемые слова.

Литература

Воркачев С. Г. Хотеть-желать vs querer-desear: сопоставительный анализ употребления русских и испанских глаголов // Русский язык за рубежом. 1991. № 3. С. 75–82.

Корди Е. Е. Вторичные функции высказываний с модальными глаголами // Типология и грамматика. М.: Наука, 1990. С. 174–180.

Попова Г. Г. Прагматика, функции и синтаксическое употребление модальных глаголов «мочь» и «хотеть» // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. С. 69–73.

Садовникова О. Н., Шаравьева И. В. Проблематика модальных глаголов в современном китайском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 4 (84). С. 1126–1133.

O. N. Sadovnikova, Candidate of Philology (Irkutsk)

THE PLACE OF MODAL VERBS IN THE SYSTEM OF PARTS OF SPEECH OF THE CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES: COMPARATIVE PARALLELS

Abstract. In this article, the question of the "verbal nature" of modal operators in Russian and Chinese languages and their part-of-speech classification is raised. An approach to the analysis of modal verbs is proposed based on the typological characteristics of Chinese and Russian languages. The article concludes that there is some similarity between the modal operators in the studied pair of languages, specifically the absence of certain characteristics typical of verbs. Such features of modal operators in the Chinese language bring them closer to the lexico-grammatical group of adverbs, while in the Russian language, they align with the group of auxiliary verbs. The results of the analysis can be applied in the field of comparative grammar of Chinese and Russian languages and can be used in further contrastive studies.

Keywords: modal verbs, modality, part-of-speech classification, adverbs, intentionality.

Л. В. Топка, кандидат филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Исследование грамматической категории через призму лексической семантики позволяет по-новому взглянуть на категорию числа существительного в современном английском и русском языках. Несмотря на кажущуюся простоту, изучение данной категории может вызывать определенные трудности, обусловленные тем, что не всегда в основе корреляции единственного и множественного числа существительного в вышеуказанных языках лежит категориальная бинарная оппозиция «единственность – множественность». Лексико-грамматический подход к анализу языкового материала в сопоставительном ключе позволяет сформировать несколько различных групп существительных на основе соотношения их грамматической формы и лексического значения. Объединение существительных в группы зиждется на корреляции категориального значения, состоящего в оппозиции «единственность – множественность», с лексическим значением конкретного существительного. Наличие лексического конституента, обусловленное семантическим многообразием форм множественного числа существительных в обоих языках, не отрицает грамматического статуса категории числа, который лежит в его формальной репрезентации и выражается через бинарную оппозицию посредством изменения грамматической формы.

Ключевые слова: грамматическая категория, лексическая семантика, лексико-грамматический подход.

Категория числа имени существительного в современном русском и английском языках – словоизменительная морфологическая категория, основанная на оппозиции единственного и множественного числа.

Следует отметить, что в древнерусском так же, как и в древнеанглийском языке, данная категория была трехчленной и включала форму двойственного числа для обозначения двух парных предметов: *берега*, *глаза*, *плечи*, *колени* – в русском языке и, скажем, *eyes* ‘глаза’, *ears* ‘уши’ – в английском. В дальнейшем форма двойственного числа в обоих языках была утрачена (см. подробнее: [СРЯ, 2003, с. 398; Sweet, 1930, p. 49]).

Есть несколько типов существительных, чьи формы единственного и множественного числа не могут быть полностью объяснены с помощью обычной оппозиции «единственность – множественность», поскольку некоторые существительные обладают лишь множественным числом, не имея единственного, другие имеют только единственное число и не имеют множественного, также встречаются существительные, имеющие две формы множественного числа, каждая из которых с индивидуальным значением.

В некоторых случаях может появиться дополнительная разница в значении между единственным и множественным числом: *вода* ‘жидкость с определенными химическими и физическими свойствами’ – *воды* ‘большое пространство, покрытое водой’ (географическое значение); ‘околоплодная жидкость’ (медицинское значение); ‘минеральные источ-

ники', то же самое встречается и в английском языке: *water* 'вода' – *waters* 'воды'. Кроме того, форма множественного числа существительного может иметь совершенно новое значение, отличное от формы единственного числа: *пика* 'оружие' – *пики* 'карточная масть' или в английском – *spade* 'лопата' и *spades* 'пики как карточная масть'. Во всех вышеперечисленных случаях происходит лексикализация формы множественного числа.

Лексико-грамматический подход к анализу языкового материала в сопоставительном ключе позволяет сформировать несколько различных групп существительных на основе соотношения их грамматической формы и лексического значения.

Группа существительных *Две формы множественного числа, каждая с индивидуальным значением.*

В английском языке существительное *brother* 'брат' имеет две формы множественного числа – *brothers* 'сыновья одной матери или отца' и *brethren* 'члены одного, как правило, религиозного сообщества'. В русском языке есть подобная ситуация: наряду с парадигмой *сестра* – *сёстры* 'дочери одной матери или одного отца', в религиозном дискурсе употребляется слово *сестры* при обращении к женщинам – воцерковленным членам сообщества, тем самым образуя парадигму *сестра* – *сестры*. Или, например, лексема *учитель*, форма множественного числа которой зависит от толкования: в значении 'преподаватель, школьный учитель' множественное число *учителя*, а в значении 'человек с высоким авторитетом, имеющий последователей' – *учители* [БТС]. Лексическое значение формы единственного числа в этой группе существительных соответствует значению обеих форм множественного числа.

Кстати, существительные *brethren* и *children* в современном английском языке можно назвать лексемами с двойным множественным числом, поскольку они были сформированы путем добавления окончания *-en* к ранней форме множественного числа *cild+ru* 'дети' и *broth+ru* 'братья' от, соответственно, *cild* 'ребенок' и *broth* 'брат'. В современном английском языке в некоторых диалектах такого рода лексемы могут иметь двойное окончание множественного числа *-(e)n+s*: *sheens* 'туфли', *breechen* 'бриджи' [Curme, 1935, p. 116].

Группа существительных *Два значения множественного числа в противопоставлении одному значению в единственном числе.*

И в английском, и в русском языках есть существительные, форма множественного числа которых имеет два отдельных значения. Среди них, например, *colour* 'цвет' – *colours* 'разные цвета' и *colours* 'официальный флаг страны, корабля или военной части'; *spectacle* 'публичное выступление' – *spectacles* 'выступления' и *spectacles* 'очки'. В русском языке лексема *очки*, с одной стороны, обладает формой единственного числа *очко* 'единица счета для обозначения количества выигрышей в спорте', а с другой стороны, в значении 'оптический прибор' данная лексема формы единственного числа не имеет.

Группа существительных *Два значения единственного числа в противопоставлении одному значению во множественном числе*.

Некоторые существительные в обоих языках имеют два значения формы единственного числа, одно из которых коррелирует со значением формы множественного числа, а другое – нет. В английском языке, например, лексема *stone* в единственном числе имеет следующие значения: первое ‘камень’, второе ‘мера веса в четырнадцать фунтов’, против одного значения во множественном числе – *stones* ‘камни’. В русском языке лексема *икра* в единственном числе также имеет несколько значений: ‘яйца рыб’ (*паюсная икра*), ‘блюдо из измельченных составляющих’ (*кабачковая, грибная икра*) и ‘мышца на задней части голени человека’, однако форма ее множественного числа образует парадигму лишь с последним вариантом: *икра – икры* (‘мышцы голени’).

В обоих языках есть так называемые *Singularia Tantum* и *Pluralia Tantum* существительные – группы, обладающие, соответственно, формами только единственного или только множественного числа. *Singularia Tantum* – это вещественные существительные в единственном числе, имеющие значение видов и сортов какого-либо вещества: *масло, молоко; butter* (масло), *milk* (молоко), *sugar* (сахар) или значение изделий из определенного вещества *фарфор – фарфоры* (фарфоровая посуда), *жемчуг – жемчуга* (украшения), *iron* (железо) – *irons* (утюги); это могут быть существительные с абстрактным, отвлеченным значением: *возможность, красота, радость*, в английском – *joy* (радость), *peace* (мир), *fuss* (суета), а также со значением собирательности – *мебель, листва, молодежь* или, например, в английском – *equipment* (оборудование), *crockery* (посуда), *furniture* (мебель). Существительные *Pluralia Tantum* как в русском, так и в английском языке формируют следующие семантические разряды лексем: обозначения так называемых сложных предметов, состоящих из двух частей: *ножницы, брюки*, а в английском, соответственно – *scissors, trousers* или лексем с собирательным значением *деньги, письмена* и, например, в английском: *environs* (окрестности), *outskirts* (окраины).

Говоря о значении собирательности, следует уточнить, что в современном английском языке, в отличие от русского, есть существительные, которые можно объединить в группу *Форма единственного числа – значение множественного числа*.

Скажем, такие лексемы как *government* (правительство), *family* (семья), обозначающие группу людей, или *cattle* (скот), *poultry* (птица) – группу животных, могут иметь значение как единственного числа, когда называют группу элементов в целом: *My family is large* (У меня большая семья), так и множественного числа: *My family are good singers* (В моей семье все хорошо поют), когда называют группу элементов, состоящую из отдельных, индивидуальных представителей (о классификации английских существительных см. подробнее: [Торпа, 2012]).

Еще одной особенностью категории числа английского существительного является наличие такой группы, как *Форма множественного числа – значение единственного числа*.

К этой группе относятся такие лексемы, как *news* (новости), *gallows* (виселица), *timp*s (свинка), которые имеют формальный маркер множественного числа морфему *-s*, но употребляются только с глаголом в единственном числе *No news is good news* (Отсутствие новостей – это хорошие новости).

И еще одна оригинальная группа английских существительных: *Единственное число, используемое как множественное число* (истинное единственное число).

Некоторые лингвисты различают так называемое «истинно единственное число», по-английски – True singulars (см., например: [Червякова, 2000, с. 45]). Существительное истинно единственного числа – это лексема, у которой формальный признак множественности – морфема *-s* является частью исходного единственного числа существительного, а не маркером формы множественного числа. Такие лексемы этимологически находятся в форме единственного числа, но формально считаются существительными во множественном числе из-за элемента *-s*. Например, лексема *cherries* (плоды или деревья вишни, черешни), которая в среднеанглийском языке имела форму *cheris* (вишня, черешня) в единственном числе, из-за тождественности с формой множественного числа, благодаря элементу *-s* на конце слова, претерпела определенную трансформацию, образовав форму единственного числа – *cherry* (вишня, черешня). Таким же образом в слове *peas* (горошина) – *peasa* (горошины) после утраты конечного элемента *-a* произошло то же изменение: элемент *-s* в лексеме *peas* стал формальным маркером множественного числа и, следовательно, появилась форма единственного числа – *pea*.

Лексико-грамматический подход к исследованию категории числа (см. подробнее: [Топка, 2007]) позволяет взглянуть на эту категорию под другим углом, выявляя определенные особенности в современном русском и английском языках. Наличие лексического конституента обусловлено семантическим многообразием форм множественного числа существительных в обоих языках. Данное многообразие зиждется на корреляции категориального значения существительного, состоящего в оппозиции «единственность – множественность», с лексическим значением конкретного существительного.

Лексический конституент ни в коей мере не оспаривает грамматического статуса категории числа существительного, который лежит в его формальной репрезентации и выражается через бинарную оппозицию посредством изменения грамматической формы.

Литература

БТС: Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>.

СРЯ: Современный русский язык : учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. 4-е изд., стер. / под общей ред. Л. А. Новикова. СПб. : Лань, 2003.

Топка Л. В. Лексико-грамматический подход к исследованию морфологической категории // *Ars Grammatica. Грамматические исследования : материалы 3-й Междунар. науч. конф.* Минск : МГЛУ, 2007. С. 245–249.

Червякова Л. Д. Практикум по теоретической грамматике английского языка : учеб. пособие. М. : РУДН, 2000.

Curme G. O. *A Grammar of the English Language. Vol. 2. Parts of Speech and Accidence.* Boston : D. C. Heath and Company, 1935.

Sweet H. *A New English Grammar, Logical and Historical.* London : Oxford, 1930.

Топка Л. V. Noun: Number // *Issues in English Philology: Study Manual.* 3rd ed, revised. Irkutsk, 2012. P. 230–239.

L. V. Topka, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk)

LEXICO-GRAMMATICAL APPROACH TO THE STUDY OF MORPHOLOGICAL CATEGORY IN MODERN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract. The study of the grammatical category through the prism of lexical semantics allows us to take a new look at the classical morphological category of noun number in both English and Russian. Despite its apparent simplicity, the study of this morphological category may cause certain difficulties due to the fact that the correlation of the singular and plural nouns in the above-mentioned languages is not always based on the categorical binary opposition “singularity – plurality”. The lexical-grammatical approach to the analysis of linguistic material in a comparative manner allows us to form several different groups of nouns based on the relationship between their grammatical form and lexical meaning. The lexical constituent does not deny the grammatical status of the category of noun number, which lies in its formal side and is expressed through the binary opposition by changing the grammatical form. The presence of the lexical constituent is due to the difference in the semantics of the plural forms of nouns. These differences arise from the interaction between the categorical meaning of a noun, consisting in the opposition “singularity – plurality” and the lexical meaning of a concrete noun.

Keywords: grammatical category, lexical semantics, lexical-grammatical approach.

В. Г. Фатхутдинова, доктор филологических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ: ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. Рассматриваются основные принципы интерпретации частей речи, морфологических категорий и грамматической семантики в сравнительном изучении русского и татарского языков. Цель исследования – охарактеризовать потенциальные возможности описания грамматических систем типологически дистантных языков сквозь призму полипарадигмального подхода. Доказывается, что сопоставительная морфология русского и татарского языков должна включать в себя данные смежных лингвистических наук – корпусной грамматики, интерпретирующего перевода, этнолингвистики, лингвокультурологии, а также элементы когнитивного и дискурсивного анализа. Содержание дисциплины, кроме выявленных сходств и различий, должно отражать этнокультурную специфику языкового мышления, идиоэтнический компонент лексико-грамматической семантики и способы категоризации объективной действительности. Прикладной характер научных изысканий такого рода обусловлен необходимостью и целесообразностью применения языковых параллелей при изучении наиболее трудных вопросов морфологии русского языка в иноязычной аудитории.

Ключевые слова: морфология, сопоставительный метод, русский язык, татарский язык, полипарадигмальный подход.

Введение. В настоящее время в связи с интенсивным развитием новых научных парадигм лингвистического знания дополнительного осмысления требует и методология сопоставительного языкознания, особенно в его прикладном аспекте. Это обусловлено «потребностью выявления универсальных черт языкового материала; стремлением описать национальную картину мира носителей разных языков; интересом к изучению национальной специфики семантики и языкового мышления» [Стернина, Стернин, 2021, с. 6–7].

На наш взгляд, не должна оставаться в стороне от этого процесса и сопоставительная грамматика русского и родного языков: она должна в форме комментариев включать в себя данные смежных лингвистических дисциплин – корпусной грамматики, интерпретирующего перевода, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и др. Данный подход следует обозначить как полипарадигмальный. В этой связи предметом нашего исследования стали основные принципы интерпретации частей речи, морфологических категорий и грамматической семантики в сравнительном изучении русского и татарского языков.

Цель работы – охарактеризовать потенциальные возможности описания грамматических систем типологически дистантных языков сквозь призму полипарадигмальности как методологического принципа научного исследования.

Результаты и обсуждение. Сопоставительные грамматики русского и национальных языков России конца XX – начала XXI в. носили в основном дескриптивный характер: представленные в них сходства и различия вполне правомерно объяснялись типологической принадлежностью сравниваемых языков. Тем не менее учеными постоянно ощущалась потребность выйти за рамки устоявшегося стандарта «от формы к содержанию» в другие направления: «наибольшей эффективности подобное сравнение достигается лишь при учете трех аспектов сопоставления: плана выражения, плана содержания и функционального плана»; такой подход «позволяет выявить гомо- и гетероморфные структуры на различных плоскостях реализации исследуемых явлений» и тем самым «приблизить теоретический аспект сопоставительного исследования к практическим задачам» обучению языкам [Шейхов, 2004, с. 236].

Кроме того, нередко в сопоставительные грамматики русского и родного языков как в лингводидактических, так и переводческих целях включаются материалы иностранного (чаще английского) языка, см., например, [Грамматика ... , 2021]. В этой монографии казанских ученых представлена сопоставительная характеристика морфологической системы русского, татарского (как государственных языков Республики Татарстан) и английского языков, выявлены универсальные и уникальные особенности слов разных частей речи, рассмотрены вопросы, освещающие нормативный аспект коммуникации.

По мнению Г. И. Пановой, изучение русского языка в сопоставительном аспекте имеет и «самодостаточную ценность»: путем сравнения русского языка с другими славянскими и неславянскими языками «можно по-настоящему осознать и индивидуальную природу самого языка, и особенности менталитета его носителей» [Панова, 2015, с. 7].

Каковы же основные принципы интерпретации частей речи, морфологических категорий и грамматической семантики в сопоставительной морфологии русского и татарского языков?

1. Оптимальный отбор языкового материала и адекватные пути его презентации, см. об этом [Материалы ... , 2018]. Здесь возможны три основных подхода: традиционный (структурно-семантический), функциональный (языковые факты описываются в рамках логико-грамматических категорий), а также этнолингвистический (включающий элементы лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного анализа).

2. Учет глубинных, типологических свойств языка невозможен без данных контрастивной лингвистики, характеризующей, с одной стороны, структурные сходства и различия двух языков, а с другой, выявляющей значимость и степень их функционально-коммуникативных различий. Здесь следует обратить внимание на отсутствие в татарском языке классифицирующих морфологических категорий (категории вида глагола, категории рода существительных), а также на специфику категории залога, на своеобразие класса служебных слов и др.

3. Описание основных частей речи как «прототипических естественных категорий» (Е. С. Кубрякова), коррелирующих с представлениями носителей разных языков о предметности, признаковости и процессуальности.

4. Актуализация ономаσιологического аспекта в сопоставлении грамматических подсистем типологически дистантных языков. Сходства и различия в способах номинации дают представление о национально-специфическом характере языкового мышления и концептуальной картине мира каждого этноса. Анализ семантических универсалий и языковых средств их выражения в каждом из языков способствуют более прочному усвоению внутренней структуризации языковой системы.

Перейдем к анализу наиболее релевантных для сопоставительной морфологии проблем. Одним из насущных вопросов является изучение способов концептуализации смыслов в грамматической семантике. Так, категория вида в русском языке, охватывающая все глагольные формы, с точки зрения носителей тюркских языков представляется гиперпарадигмой, включающей в себя помимо видовых корреляций глаголы *imperfectiva tantum*, *perfectiva tantum*, биаспективы и многочисленные способы глагольного действия (характеризованные и нехарактеризованные). Все видовременные формы определенно отражают специфику языковой категоризации, а семантика результативности, предельности и законченности действия в силу нерегулярности оппозиций представляется концептуально значимой (ср. специфику объективации временных, количественных и пространственных отношений в русских префиксальных глаголах на фоне отсутствия префиксальных морфем в татарском языке).

Категория рода в русском языке с позиции татарского языкового сознания однозначно является ментально отмеченным явлением. Действительно, невозможно с опорой на номинативное значение слова дать объяснение тому, почему в русском языке существительное *стена* женского рода, *подоконник* мужского, а *окно* среднего, поскольку при определении рода неодушевленных имен существительных на первый план выступает синтаксический элемент значения. На дискурсивную ориентированность категории рода в русском языке указывают согласовательные классы слов.

С точки зрения русского языкового сознания представляется значимым детерминировать этой категорией разные части речи и многочисленные формы слов. Поэтому в первую очередь следует определить части речи, а также их разряды и формы, согласуемые с именами существительными в роде. Например, прилагательное: полная форма (*большая деревня, большой город*), краткая форма (*река широка, залив широк*), падежная форма (*по узкой тропинке, по узкому краю*); местоимение: притяжательные (*моя девушка, мой друг*), указательные (*эта проблема, этот вопрос*), вопросительные (*какая книга?, какой словарь?*), определительные (*каждое слово, каждый взгляд*), неопределенные (*какая-то женщина, какой-то мужчина*), отрицательные (*никакая разлука, никакое событие не смогут разлучить нас*); числительное: количественные (*одна неделя, один*

месяц); порядковые (*вторая жизнь, второе рождение*); глагол: прошедшее время (*наступила весна, подул южный ветер*); сослагательное наклонение (*отец хотел бы меня видеть врачом, а мама хотела бы, чтобы я стала учительницей*); причастия: действительные и страдательные, прошедшего и настоящего времени (*строящийся завод, строящаяся фабрика; строившаяся дорога, строившийся туннель; построенный торговый центр, построенная станция*).

Не следует упускать из поля зрения значение категории рода в построении «грамматической метафоры». Коннотативный компонент родовой семантики обусловлен особенностями этнической психологии в осмыслении биологического пола живых существ и способами персонификации неодушевленных существительных: так, в русском языке существительные женского рода *тоска, печаль, грусть, хандра, скука* и др. нередко выступают как объекты метафоризации: *Каждую ночь к Игнатьеву приходила тоска. Тяжелая, смутная, с опущенной головой, садилась на краешек постели, брала за руку – печальная сиделка у безнадежного больного. Так и молчали часами – рука в руку* (Г. Толстая).

Особого внимания в сопоставительной морфологии русского и татарского языков требует интерпретации категории залога и возвратных глаголов. Если действительный, страдательный и средневозвратный залого имеют соотносительные корреляции в татарском языке, то группа глаголов «вне залога» – это особенность русского языка, обусловленная исторической эволюцией его глагольных форм, например, возвратные предикаты, которые без *-ся* не употребляются: *бояться, смеяться, артачиться, улыбаться* и др.

Отсутствие в русском языке тех или иных морфологических категорий или лексико-грамматических разрядов слов, наличествующих в татарском языке, также может являться свидетельством лингвокультурной специфики обоих языков. Например, наличие в тюркских языках понудительного (*ишек ачтыру* (тат.) ‘заставить открыть дверь’) и взаимно-совместного залога (*йорт салышу* ‘помогать строить дом’) направляет их носителей на поиск адекватных средств выражения этих значений в русском языке и в то же время обращает внимание на способ концептуализации объективной действительности в рамках триады «субъект – объект – предикат».

Прикладной характер сопоставительной грамматики русского и родного языков должен учитывать установку современной лингводидактики на коммуникативный аспект обучения (синтез типологического обобщения и коммуникативно-функционального анализа, специфика коммуникативного поведения и национального дискурса представителей русского и татарского этносов). Так, при характеристике такого класса служебных слов, как частицы, следует обратить внимание на категорию определенности и неопределенности – «неустранимой черты человеческого бытия». Производные (составные) частицы типа *вроде бы, вроде как, как бы, что*

ли, чуть ли не, едва ли не, точно будто, точно словно и др., выражая значение неясности, неуверенности, «кажмости» и предположительности, выступают для носителей другого языкового сознания как грамматические (частеречные) показатели русской ментальности.

Необходимость и целесообразность применения языковых параллелей при изучении наиболее трудных вопросов грамматического строя русского языка в иноязычной аудитории не вызывает сомнения. В настоящее время в Институте филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета обучается большое количество иностранных тюркоязычных студентов из Туркменистана, Казахстана и Узбекистана, для которых татарский язык является родственным. Поэтому применение сопоставительного анализа как «сквозной темы» на всех этапах обучения русскому языку является для них бесспорным лингвометодическим принципом. Элементы сопоставления дают возможность скорректировать интерферирующее влияние родного языка и стимулировать изучение русского.

Закключение. Таким образом, дополнительные сведения антропоцентрического характера в форме комментариев должна содержать любая современная сопоставительная грамматика. Она призвана отразить не только системно-структурную организацию естественного языка, но и этнокультурную специфику языкового мышления и идиоэтнический компонент лексико-грамматической семантики. Сопоставительная морфология русского и татарского языков как специальная дисциплина будет в высшей степени эффективна, если расширить ее предметную область и осуществлять комплексное описание двух языков на основе достижений современной лингвистики.

Литература

Грамматика русского языка: морфология (в сопоставлении с татарским и английским языками) / под ред. Р. Р. Замалетдинова. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2021.

Материалы к корпусной грамматике русского языка / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН / отв. ред. вып. : В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова. СПб. : Нестор-История, 2018. Вып. 3 : Части речи и лексико-грамматические классы.

Панова Г. В. Очерки по русскому языку в сопоставительном аспекте : учеб. пособие. Абакан : Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2015.

Стернина М. А., Стернин И. А. Сопоставление как лингвистическая методология : монография. Воронеж : РИТМ, 2021.

Шейхов Э. М. Сопоставительная грамматика лезгинского и русского языков. Морфология. Синтаксис / РАН, Ин-т языкознания. М. : Academia, 2004.

V. G. Fatkhutdinova, Doctor of Philology, Professor (Kazan)

COMPARATIVE MORPHOLOGY OF RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES: A POLYPARADIGM APPROACH

Abstract. The article discusses the basic principles of interpretation of parts of speech, morphological categories and grammatical semantics in the comparative study of Russian and Tatar languages. The purpose of the study is to characterize the potential possibilities of describing grammatical systems of typologically distant languages through the prism of a multi-paradigm approach. It is

proved that the comparative morphology of the Russian and Tatar languages should include data from related linguistic sciences – corpus grammar, interpretive translation, ethnolinguistics, linguoculturology, as well as elements of cognitive and discursive analysis. The content of the discipline, in addition to the identified similarities and differences, should reflect the ethnocultural specifics of linguistic thinking, the idioethnic component of lexico-grammatical semantics and ways of categorizing objective reality. The applied nature of scientific research of this kind is determined by the necessity and expediency of using linguistic parallels in studying the most difficult issues of the morphology of the Russian language in a foreign-speaking audience.

Keywords: morphology, the comparative method, Russian language, Tatar language, poly-paradigm approach.

В. М. Хантакова, доктор филологических наук, профессор
Иркутский государственный аграрный университет им. А. А. Ежевского,
г. Иркутск

СИНОНИМИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ НА НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу синонимических единиц уровня грамматики на материале текстов немецкого и русского языков. Описываются контактно расположенные грамматические синонимы в тексте, создающие не только единое смысловое пространство, но актуализирующие процесс формирования смысла. Устанавливается, что первая языковая единица в синонимическом соотношении в тексте требует определенного продолжения, она как бы «толкает» изложение смысла вперед для дальнейшего его развертывания. Выявляется, что отождествление синонимических единиц в исходном тексте и его переводе на другой язык не ограничивается тождеством референции. Доказывается, что необходимым критерием для отождествления и констатации синонимических соотношений грамматических единиц немецкого и русского языков является совпадение динамики и направленности смысла в исходном и переводном текстах.

Ключевые слова: синонимия, грамматическая синонимия, сопоставление, универсальное, национально-специфическое, смысл, динамика смысла.

Сравнительно-сопоставительные исследования в науке о языке имеют богатую историю описания фактического материала. В центре внимания исследователей находятся наряду с описанием структуры языка процессы представления человека об окружающем его мире, вопросы взаимодействия языка и культуры, процессы мышления и специфика вербального обозначения предметов и понятий.

При сравнительно большом количестве сравнительно-сопоставительных работ в науке о языке остаются наименее разработанными вопросы объяснения противоречий при сопоставлении перифрастических систем контактирующих языков. В первую очередь речь идет о синонимии в сопоставительном плане, которая в немецком и русском языках исследована на очень ограниченном фактологическом материале [Крушельницкая, 1991; Gauger, 1972; Ohnheißer, 1976; Колесникова, 1986;

Стернин, 1989; Девкин, 1994; Которова, 1998; Колпакова, 2004]. Между тем, нахождение смысловых совпадений у синонимов разных языков может вызывать трудности в работе с ними и вести нередко к нарушениям смысловой адекватности.

Необходимость выявления смысловых соответствий или несоответствий в межязыковой синонимии определяет постановку вопроса и необходимость его изучения в рамках проблемы выявления универсального и национально-специфического в языках при отображении мира, который не может иметь один язык и не описывается одним языком. В качестве предмета анализа избирается соотношение синонимических единиц грамматического уровня в немецком и русском языках.

Прежде чем приступить к рассмотрению языкового материала, отметим, что всякая языковая единица, всплыв на поверхность сознания, начинает «вытягивать» релевантные общепринятые ассоциации и связи, т. е. становится толчком к обогащению мысли, помогает ее формированию [Кубрякова, 1986, с. 45]. Данный процесс обуславливает притягивание и включение в текст синонимов, результатом чего становятся случаи совместного употребления синонимов в тексте, которые приобретают особую значимость в организации текста, а именно в порождении, моделировании и понимании смысла текста [Апресян, 1974, с. 37]. Однако смысл и его движение не являются наблюдаемыми, к ним нет прямого доступа, но знаковая невыраженность смысла и его динамики не означает отрицания их существования в сознании. Одной из возможностей выражения смысла и его движения являются синонимические соотношения языковых единиц в одном тексте, что объясняет наш выбор именно синонимического соотношения грамматических единиц в тексте. Употребление двух и более грамматических синонимов в тексте является вполне закономерным процессом в мыслительной деятельности человека. Скопление синонимов в тексте может быть недостатком, если текст перенасыщается излишним нагромождением сходных в смысловом отношении языковых единиц, но может быть и достоинством, если это скопление уточняет мысль и ее движение.

Синонимическое соотношение грамматических единиц в рамках текста представляет не только единое смысловое пространство, но и сам процесс формирования его смысла, его динамику, развитие. Первая языковая единица в синонимическом соотношении требует определенного продолжения, как бы «толкая» изложение вперед по линии дальнейшего смыслового развертывания, подобно тому, как введение нового понятия в научном тексте вызывает необходимость объяснить его, дать этому понятию определение. В связи с этим процесс отождествления синонимических единиц разных языков не может ограничиваться лишь тождеством референции.

Необходимым компонентом для сопоставления и отождествления синонимического соотношения грамматических единиц двух и более языков избирается система человеческого мышления, его динамика и направленность в синонимических соотношениях исходного и переводного текстов. Соответствие / несоответствие синонимов (количественное и качественное) в разных языках может быть полным и частичным, но динамика мыслительного процесса и направленность этого процесса в синонимических соотношениях исходного и переводного текстов обнаруживают совпадение.

Обратимся в этой связи к контактно расположенным синонимам грамматического уровня в текстовом фрагменте романа Г. Фаллады «Kleiner Mann – was nun?» на немецком языке и его перевода на русский язык «Что же дальше, маленький человек?»:

Nichts hab ich gesagt! Kein Wort hab ich zu Ihnen gesagt. He, Herr Schulz, habe ich was zu Kube gesagt von Klauen? [Fallada, с. 78].

Ничего я не говорил. Ни слова вам не сказал. Эй, господин Шульц, я Кубе вором назвал? [Фаллада, с. 87].

В исходном немецком фрагменте текста развитие смысла характеризуется движением от общего к частному через контактно расположенные синонимы грамматического уровня *Nichts hab ich gesagt! Kein Wort hab ich zu Ihnen gesagt*. Такую динамику смысла синонимичные предложения *Nichts hab ich gesagt!* и *Kein Wort hab ich zu Ihnen gesagt* «унаследовали» от синонимов *nichts* и *kein*, находящихся по отношению друг к другу как общее и частное отрицание. Немецкому ряду синонимов *Nichts hab ich gesagt!* и *Kein Wort hab ich zu Ihnen gesagt* соответствует в русском переводе синонимическое соотношение предложений *Ничего я не говорил* и *Ни слова вам не сказал*. Смысл, формируемый синонимичными отрицательными предложениями *Ничего я не говорил* и *Ни слова вам не сказал*, как и в исходном текстовом фрагменте, характеризуется движением от общего к частному, что актуализируется сопоставлением общего и частного отрицания.

Обратимся к другим примерам:

«Natürlich ist es dumm», sagt Jachmann böse. «Saudumm ist es! Sie wissen ja gar nichts, junge Frau! Sie haben ja keine Aahnung!» [Fallada, с. 350].

«Разумеется, это глупо», – сердито говорит Яхман. – «Страшно глупо! Вы ведь ничего не знаете, голубушка. Понятия не имеете» [Фаллада, с. 349].

Предложение *Natürlich ist es dumm* сопровождается эмоциями возмущения и злости (это представлено эксплицитно наречием *böse*), а предложение *Saudumm ist es!* звучит грубо. Оттенок грубости привносится в смысловую структуру предложения лексической единицей *saudumm*, имеющей в словаре помету «derb» [Duden, с. 784].

Движение мысли от менее экспрессивного к более экспрессивному в немецком языке представлено синонимическим соотношением предложений *Natürlich ist es dumm* и *Saudumm ist es*. В русском языке указанная динамика мысли выражена повтором одного и того же слова *глупо*, причем перед вторым употреблением появляется интенсификатор *страшно* – *страшно глупо*.

Очевидно, что поступательное движение мысли от менее экспрессивного к более экспрессивному в переводном текстовом фрагменте соответствует динамике смысла, представленного в исходном тексте, однако другие смысловые нюансы остаются тем не менее невыраженными. Речь идет о такой словарной помете, как «derb», которой сопровождается лексема *saudumm*. В переводном тексте произошла замена пренебрежительного и оценочного слова с отрицательной семантикой *saudumm* стилистически нейтральным словом *глупо*, в результате которой часть информации предложения *Saudumm ist es!* осталась невыраженной. Произошел дисбаланс между стилями, представляющий сложное взаимодействие синонимических единиц *Natürlich ist es dumm* и *Saudumm ist es*.

Аналогичную картину наблюдаем и в следующем примере (текстовый фрагмент из романа Э. М. Ремарка «Drei Kameraden» и его перевода на русский язык «Три товарища»), где синонимическое соотношение представлено двусоставным и односоставным предложением:

«*Das ist Blödsinn!*», schimpfte Potter. «*Zum Essen muß man doch trinken! Wer trinkt, kann sogar noch mehr essen*». «*Quatsch!*» brummte Busch, ein hagerer, langer Mensch mit platter Nase und Hornbrille [Remarque, с. 363].

«*Глупости всё!*», – раздраженно заворчал Поттер. – «*Когда ешь, надо пить!*». «*Ерунда!*» – буркнул Буш, тощий высокий человек с плоским носом и в роговых очках. Поттер вскочил с места: «*Ерунда?! И это говоришь ты, табачья сова?*» [Ремарк, с. 279].

В текстовом фрагменте на немецком языке движение и усиление смысла осуществляются синонимическим соотношением двусоставного предложения *Das ist Blödsinn!* и односоставного предложения *Quatsch!* Синонимическое отношение предложений базируется на синонимии единиц *Blödsinn* и *Quatsch*. Мнение, выраженное одним из говорящих в предложении *Das ist Blödsinn*, основано на бессмысленности, неразумности, неумности, что актуализируется одним из смысловых компонентов слова *Blödsinn*: «*Unsinn, sinnloses, törichtes Reden*» [Duden, с. 407]. Данному мнению противопоставлена другая оценка, выраженная в односоставном предложении *Quatsch!*

Языковая единица *Quatsch* имеет в своем смысловом объеме кроме общего с *Blödsinn* значения смысловой компонент ‘*dummes Gerede*’ [Duden, с. 779], а человек оценивается как ‘*oberflächiger Redner*’ [Там же]. В рассматриваемом примере и его переводе для смыслового развертывания выбирается односоставное предложение. Этим объясняется не только

быстрая, спонтанная реакция на высказывание своего собеседника, но и его нетерпение и досада. Актуализация свойственных только *Quatsch* смысловых компонентов сопровождается девальвацией качеств и свойств оцениваемой ситуации или объекта и вызывает нетерпение и досаду оценивающего.

Синонимическому соотношению *Das ist Blödsinn!* и *Quatsch!* в переводном тексте соответствуют предложения *Глупости всё!* и *Ерунда!* Отметим при этом, что структурно-смысловые центры предложений *Глупости всё!* и *Ерунда!* (*глупость* и *ерунда*) в русском языке не находятся в отношении синонимии, они не зарегистрированы синонимическими словами. Но тем не менее они находятся в смысловой близости как контекстуальные синонимы, поскольку *глупость*, согласно словарю, – это ‘нечто, противоречащее здравому смыслу, очевидная неразумность’ [РСС, 2003, с. 166], а *ерунда* используется в речи, когда говорят о чем-либо нежелательном, плохом, вызывающем отрицательное отношение [РСС, с. 572].

Смысл, выраженный в соотношении синонимов в исходном и переводном текстах, характеризуется сложной комбинацией смыслов, движущихся от менее экспрессивного к более экспрессивному. При этом, однако, имеет место частичное совпадение смысловых компонентов синонимических соотношений *Das ist Blödsinn!* и *Quatsch!* и *Глупости всё!* и *Ерунда!* Несовпадение проявляется прежде всего в том, что *ерунда*, в отличие от *Quatsch*, не всегда означает ‘глупое высказывание’. *Ерунда* означает также ‘что-либо несущественное, незначительное’ [Там же, с. 575].

Итак, в ходе проведенного исследования установлено, что картина соответствий / несоответствий синонимов в разных языках может быть полной или частичной. При этом динамика мыслительного процесса и направленность этого процесса в синонимических соотношениях исходного и переводного текстов имеет совпадение, несмотря на то, что каждый язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый язык – свою. Полученные результаты расширяют представление об универсальном и национально-специфическом в восприятии, концептуализации и представлении в языке окружающего мира и могут использоваться в переводческой деятельности и общении представителей разных стран.

Литература

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М.: Междунар. отношения, 1979.
- Колесникова В. С. Сопоставительный анализ синонимических значений слова и словосочетания в современном немецком и русском языках // Сопоставительный анализ лексических единиц. Барнаул, 1986. С. 63–72.
- Колпакова Г. В. Синонимия с позиции когнитивистики. М.: МГЛУ, 2004.

Которова Е. Г. Межъязыковая эквивалентность в лексической семантике. Сопоставительное исследование русского и немецкого языков. Франкфурт-на-Майне ; Берлин ; Нью-Йорк ; Париж ; Вена : Peter Lang, 1998.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М. : Наука, 1986.

Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1961.

Ремарк Э.-М. Три товарища : роман. Харьков : Фашо ; М. : АСТ, 1998.

РСС: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М. : РАН, Ин-т рус. яз. : Азбуковник, 2003.

Стернин И. А. О понятии межъязыковой лексической эквивалентности // *Synchroner slawisch-deutscher Sprachvergleich*. Berlin : Akad. der Wiss. der DDR, 1989. S. 55–64.

Фаллада Г. Что же дальше, маленький человек. М. : Худож. лит., 1964.

Gauger H. M. Zum Problem der Synonymie Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1972.

Duden. Das Synonymwörterbuch. Ein Wörterbuch sinnverwandter Wörter / hrsg. von der Dudenredaktion. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Du-denverlag, 2004.

Ohnheiser I. Einige Überlegungen zur kontrastiven Untersuchung der Wortbildungssynonymie in der russischen und in der deutschen Sprache // *Beiträge zur konfrontierenden Sprachwissenschaft*. Halle (Saale) : Max Niemeyer Verlag, 1976. S. 133–144.

Fallada H. Kleiner Mann – was nun? Berlin und Weimar : Aufbau Verlag, 1986.

Remarque E.-M. Drei Kameraden. Moskau : Verlag für deutschsprachige Literatur, 1960.

V. M. Khantakova, Doctor of Philology, Professor (Irkutsk)

SYNONYMIC CORRELATION OF GRAMMATICAL UNITS IN GERMAN AND RUSSIAN TEXTS

Abstract. This article is devoted to a comparative analysis of synonymous units at the grammatical level based on the material of German and Russian texts. It describes grammatical synonyms in the text that are in close contact, creating not only a single semantic space, but also actualizing the process of meaning formation. It is established that the first linguistic unit in a synonymous relationship in the text requires a certain continuation, as if it "pushes" the meaning forward for further development. It is revealed that the identification of synonymous units in the source text and its translation into another language is not limited to the identity of reference. It is proved that the necessary criterion for the identification and statement of the synonymous relations of grammatical units of the German and Russian languages is the coincidence of the dynamics and direction of meaning in the source and translated texts.

Keywords: synonymy, grammatical synonymy, juxtaposition, universal, national-specific, meaning, dynamics of meaning.

Т. С. Чубаровская, преподаватель
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КАТЕГОРИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ГЛАГОЛА В РУССКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной статье рассматриваются частные вопросы сопоставительной морфологии, касающиеся категории темпоральности глагола в двух разных языках разных языковых семей – русского и японского. Особое внимание уделяется определению термина темпоральности и способам ее выражения во временных системах русского и японского языков. Несовпадения в аспектуальной системе этих языков вызывают трудности и провоцируют ошибки, что неизбежно приводит к проблеме языковой интерференции.

Ключевые слова: глагол, времена глагола, категория, вид глагола, темпоральность, русский язык, японский язык, межязыковая интерференция.

Глагол представляет собой самую емкую грамматическую категорию русского языка. Он наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи. Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения.

Понятия имени и глагола как двух главных частей речи рассматривались еще в античной философии. Эта теория стала основой для своеобразного учения о глаголе как о центральной категории языка и была воспринята русской грамматикой еще в XVIII в. Глагол выделяется из синкретизма первобытного слова и обозначает действие. Он «проходит через стадию причастий и инфинитива, формы, обрастает категориями лица, вида, времени, наклонения и залога» [Виноградов, 1986].

Время как важнейшая категория бытия наряду с пространством и движением нашло свое отражение и в грамматике. Время – грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002]. Реализация временных отношений в языке представлена категорией *темпоральности* (от латинского *tempus*, *-oris* ‘время’). Глагол с его многообразными морфологическими средствами выражения времени становится ядром темпоральности. Функционально-семантическая категория времени превращается в категорию грамматическую, получая морфологическое выражение в специальной системе форм. Объективное время отражается в языке не только в системе временных форм глагола, но и за ее пределами [Бондарко, Буланин, 1969; Глинка].

Категории времени в различных языках выступают в качестве определителей временного пространства. Логическая структура времени чаще состоит из трех частей – настоящего, прошедшего, будущего времени [Цыпкина]. Существуют языки, где нет развитой категории футурума, по-

этому представлены только настоящее-будущее и прошедшее. В русском языке представлено три времени. Глагольные времена при их прямом употреблении определяют событие непосредственно по отношению к моменту речи как одновременное (настоящее время), предшествующее (прошедшее время) или последующее (будущее время). В свою очередь будущее время можно подразделить на будущее простое и будущее сложное, которые строго соотносятся с видами глагола. В настоящем и будущем сложном временах глагола употребляются только глаголы несовершенного вида: *Я делаю* (настоящее время, несовершенный вид) и *Я буду делать* (будущее сложное время, несовершенный вид). В прошедшем и будущем простом временах употребляются глаголы как совершенного, так и несовершенного вида: *Я смотрел* (прошедшее время, несовершенный вид) и *Я посмотрел* (прошедшее время, совершенный вид); *Я посмотрю* (будущее время, совершенный вид). Помимо глагольного времени к средствам выражения темпоральности глагола в русском языке относятся формы повелительного и сослагательного наклонения, а также инфинитива в сочетании с другими элементами контекста. Темпоральность в русском языке характеризуется строгим согласованием формы времени и вида глагола, в японском – отсутствием обязательного согласования аспектуальных форм и форм времени [Глинка; Комацу]. Рассмотрим некоторые примеры в русском языке:

1. *Зарыться бы в свежем бурьяне, забыться бы сном навсегда!* (А. Блок. Друзьям) – действие, выраженное формой сослагательного наклонения, с указанием временной отнесенности к будущему;

2. *Если бы не революция, разве я пошел бы в дети лейтенанта Шмидта?* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок) – действие, выраженное формой сослагательного наклонения, с указанием временной отнесенности к прошлому;

3. *Отвори потихоньку калитку и войди в тихий садик, как тень.* (А. Будищев. Калитка) – формы повелительного наклонения, передающие темпоральность.

В японском языке формально существуют также три времени – настоящее, будущее и прошедшее. Аспектуально-темпоральные отношения реализуются здесь при помощи дериватов, как, например, 「～ている」 *тэ-иру*. В русском языке вид и время глагола четко соотносятся, в японском языке темпоральность не жестко связана с выбором той или иной аспектуальной формы. Она реализуется только аналитическим способом – через сложные глаголы [Комацу].

Если говорить о деривате *тэ-иру*, то у него, как правило, выделяют три значения. Б. П. Лаврентьев рассматривает следующие случаи употребления [Ан, Халиуллина]:

1. Длительное непрерывное действие, совпадающее с моментом речи. *今宿題をしている* *има сюкудай-о ситэ-иру* ‘Сейчас делаю домашнее задание’;

2. Длительное состояние или результат, появившийся в результате определенного действия (перфект). このコピー機が壊れている *коно копи:ки-га коварэтэ-иру* ‘Этот копировальный аппарат сломан’;

3. Описание повторяющихся действий. 東大で経済を勉強している *то:дай-дэ кэйдзай-о бэнкё ситэ-иру* ‘Изучаю экономику в Токийском университете’.

В. М. Алпатов относит глагол *いる иру* к вспомогательным глаголам, выражающим длительность ситуации, и подчеркивает зависимость значения от семантического класса, к которому принадлежит смысловой глагол. Если глагол обозначает процесс, то грамматическая конструкция с *иру* указывает на длительность данного процесса. Речь может идти не только об одном непрерывном действии, но и о ряде отдельных. Б. П. Лаврентьев и В. М. Алпатов отмечают у деривата *тэ-иру* значение результативности. В данной грамматической конструкции могут употребляться как глаголы мгновенного, так и не мгновенного действия: ガラスが割れている *гарасу-га варэтэ-иру* ‘Стекло разбито’; 作文をもう書いている *сакубун-о мо: кайтэ-иру* ‘Сочинение уже написано’.

И. В. Головин рассматривает категорию грамматического вида японского глагола, выделяя в ней недлительный и длительный виды. Формы длительного вида ограничиваются двумя значениями: процессуальность и перфектность. В контексте перфектного значения представлены предельные и непредельные глаголы, переходные и непереходные. Предельными глаголами автором понимаются глаголы, указывающие на действие, которое характеризуется достижением определенного результата и совершается быстро, мгновенно: はじめる *хадзимэру* ‘начинать’, やめる *ямэру* ‘бросать; прекращать’, 着る *киру* ‘надевать’, 脱ぐ *нугу* ‘снимать’ и другие.

При характеристике темпоральности лингвисты во многом опираются на предложенное В. В. Виноградовым понятие синтаксической категории времени. Синтаксическая категория времени рассматривается как один из элементов предикативности, одно из средств грамматической организации предложения. Темпоральность же не относится к чисто синтаксическому плану – внимание в первую очередь акцентируется на отражении в языке временных отношений, независимо от того, в какой мере то или иное средство их выражения участвует в формировании предложения.

Темпоральность может быть выражена синтаксической структурой предложения. В таких предложениях присутствует простое именное сказуемое [Бондарко, Буланин, 1967]. Например, в русском языке предложение *Он женат*. В японском будет использован дериват *тэ-иру*: 彼は結婚している *карэ-ва кэккон ситэ-иру*; предложение *Мария – врач* может быть представлено как *マリアさんは医者です* *мариа-сан-ва ися дэсу*, где 「～です」 *дэсу* – глагол-связка настоящего-будущего времени, так и *マリ*

アさんは医者として働いている *мариа-сан-ва ися тоситэ хатарайтэ-иру* (дословно *Мария работает врачом*). Значение времени обозначено самой синтаксической структурой предложения, независимо от того, имеется ли соотносительность с прошедшим и будущим временем глагола-связки или нет.

Обстоятельства времени, которые тоже могут выражать темпоральность, могут взаимодействовать с временными формами глагола. Они уточняют, конкретизируют, а иногда даже предопределяют время осуществления действия. Значение лексического показателя темпоральности может расходиться, контрастировать с временным значением глагольной формы при переносном употреблении времен. Например, лексические показатели времени (раньше/以前 *идзэн*, несколько лет тому назад/数年前 *су:нэммаэ*, сегодня/今日 *кё:*, завтра/明日 *асита*, будущим летом/来年の夏 *райнэн-но нацу* и другие элементы контекста) отражают временные отношения во внеязыковой ситуации как в русском, так и японском языках. Примечательно, что в японском языке используется временной формант 再来 *сарай*, который переводится как «через два». При помощи него в японском языке образованы такие лексемы, как, например, 再来週 *сарайсю*: ‘через две недели’, 再来年 *сарайнэн* ‘через два года’. В предложениях с этими лексическими показателями темпоральности в японском языке используются глагольные формы настояще-будущего времени.

В русском и японском языке существуют как частично совпадающие языковые явления, так и полностью отсутствующие:

1. Три времени глагола в русском языке; будущее время можно подразделить на будущее простое и будущее сложное. В японском языке формально существуют три времени, но фактически употребляются формы настояще-будущего и прошедшего времен.

2. В русском языке существует четкая видо-временная система глагола. Аспектуально-темпоральная система японского языка не такая строгая, представлено множество аспектуально-темпоральных форм.

3. В японском языке существуют формы прошедшего, настоящего, будущего времени. Глагольные формы настоящего и будущего времени часто сливаются, контекст определяется обстоятельствами времени.

4. Выражение темпоральности может быть связано с самой синтаксической структурой предложения в обоих языках.

5. Возникновение проблемы межъязыковой интерференции обусловлено различиями во временных системах русского и японского языков.

Литература

Ан Д. М., Халиуллина Д. М. Видовая форма глагола *-тэ иру* в японском языке. Особенности употребления. Проблема введения грамматического материала. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidovaya-forma-glagola-te-iru-v-yaponskom-yazyke-osobennosti-upotrebleniya-problema-vvedeniya-grammaticheskogo-materiala/viewer>.

Бондарко А. А., Буланин Л. Л. Русский глагол : пособие для студентов и учителей / под ред. Ю. С. Маслова. Л. : Просвещение. Ленинградское отделение, 1967.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М. : Высш. шк., 1986.

Глинка Е. Б. Система Темпоральности в морфологии. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/108994>.

Комацу М. Анализ потенциальных ошибок русскоязычных учащихся при овладении способами учтивости в японском языке с учетом аспектуальных отношений. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-potentsialnyh-oshibok-russkoyazychnyh-uchaschihsya-pri-ovladenii-sposobami-vyrazheniya-uchtivosti-v-yaponskom-yazyke-s/viewer>.

Комацу М. Объективные и субъективные трудности употребления видов русского глагола в японской аудитории. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnye-i-subektivnye-trudnosti-upotrebleniya-vidov-russkogo-glagola-v-yaponskoy-auditorii>.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая Рос. энцикл., 2002.

Цыпкайкина В. П. Изучение глагольного времени и темпоральности в финно-угорских языках. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-glagolnogo-vremeni-i-temporalnosti-v-finno-ugorskih-yazykah/viewer>.

T. S. Chubarovskaya (Irkutsk)

THE CATEGORY OF VERB TEMPORALITY IN RUSSIAN AND JAPANESE

Abstract. This article discusses specific issues of comparative morphology concerning the category of verb temporality in two different languages of different language families – Russian and Japanese. Special attention is paid to the definition of the term temporality and the ways of its expression in the temporal systems of the Russian and Japanese languages. Discrepancies in the aspectual system of these languages cause difficulties and provoke errors, which inevitably leads to the problem of language interference.

Keywords: verb, verb tenses, category, verb type, temporality, Russian, Japanese, interlanguage interference.

И. В. Шалина, кандидат исторических наук
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ БЛОК СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В ЯПОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Страдательный залог в японском языке существенно отличается от аналогичного в русском. В японском языке пассивный залог используется намного чаще, нежели в русском языке, и ситуации, которые могут быть описаны при помощи пассивного залога, имеют уникальную специфику. Целью статьи является демонстрация языковых средств, участвующих в образовании залоговых форм японского и русского языков, путем их анализа с точки зрения морфемного уровня языка.

Ключевые слова: страдательный (пассивный) залог, глагол, японский язык, русский язык, словообразование.

Глагол, как известно, может обозначать действие, направленное на объект и субъект, по-разному, в связи с чем и выделяется глагольная категория залога. В залоговой системе любого языка содержится как минимум

две формы: форма активного, или действительного залога (когда субъект действия занимает позицию подлежащего и выступает в именительном падеже, а объект действия занимает позицию прямого дополнения, выступает в винительном падеже), и формы пассивного, или страдательного залога (когда субъект действия занимает позицию дополнения при сказуемом и выступает в творительном падеже, а объект действия занимает позицию подлежащего и выступает в именительном падеже).

Многие языки мира ограничены этими формами, тогда как японский язык имеет более разветвленную залоговую систему. В нем насчитывается пять залогов: действительный, страдательный, потенциальный, побудительный и побудительно-страдательный. Все данные типы залогов в японском языке (за исключением действительного) образуются путем присоединения одного или нескольких суффиксов к уже имеющейся основе глагола, то есть при помощи агглютинации.

В качестве рабочего определения залога нами взята дефиниция Д. Э. Розенталя, согласно которой залог – это глагольная категория, обозначающая различные отношения между субъектом и объектом действия, находящие свое выражение в формах глагола [Розенталь, 2003].

В данной работе рассмотрим процесс словообразования страдательного залога.

Способы словообразования могут быть выделены в результате обобщения и классификации существующих в языке отношений между образующими и производными основами. Поскольку морфемы являются основными словообразовательными средствами большинства языков, то способы словообразования принято делить на морфологические и неморфологические.

Морфологический способ словообразования представляет собой совокупность тех словообразовательных типов, средством деривации в которых выступают морфемы и основы слов. В соответствии с характером словообразовательных средств мы будем рассматривать такую разновидность морфологического способа, как аффиксация, т. е. присоединение к производящей основе словообразовательной морфемы.

Следуя за В. В. Виноградовым, мы можем утверждать, что категория залога в русском языке находит свое выражение в соотношении возвратных и невозвратных форм глагола [Виноградов, 1975].

Согласно залоговой теории, залоговыми формами являются или образования с суффиксом *-ся* (*чистить* – *чиститься*), или страдательные причастия (*почищенный*, *собираемый*). Залоговые значения выражаются только переходными глаголами. Начиная с 60-х гг. XX в. двузалоговая система русского языка является наиболее распространенной. Она понимается как словоизменительная бинарная грамматическая категория, представляющая собой два ряда грамматических форм: формы действительного и страдательного залога.

Вася пишет письмо (активный залог).

Письмо пишется Васей (пассивный залог).

Глаголы, не имеющие коррелятивных страдательных форм, являются однозалоговыми: *лежать, надеяться* и т. д.

Формы страдательного залога показывают, что лицо или предмет, который выступает в предложении в роли подлежащего, не производит действия, а испытывает это самое действие на себе. Как упоминалось выше, страдательное значение в русском языке создается присоединением аффикса *-ся* к глаголам действительного залога (*план составляется учителем*) или страдательными причастиями (*книга прочитана студентами*). Важнейшим грамматическим показателем страдательного залога в русском языке является наличие творительного падежа со значением субъекта действия.

Залог в японском языке образуется исключительно синтетическим способом, путем присоединения различных суффиксов. При этом образование залоговых форм идентифицируется как словообразование, так как присоединять залоговые суффиксы возможно не к каждому глаголу, а только к определенной их группе.

У пассивного залога в японском языке имеется два компонента:

1. Действие. Любое действие, которое может происходить само по себе или совершаться другим лицом;

2. Лицо, «страдающее» от происходящего действия, которое совершается вне зависимости от воли страдающего лица.

Приведем примеры ситуаций, типичных для японского пассивного залога.

山田さんは犬にかまれた。

Ямада-сан-ва ину-ни камарэта.

‘Господина Ямаду покусала собака’.

В русском языке в угоду адекватности перевода меняется смысловой акцент в сторону собаки, и лексема *собака* становится подлежащим в данном предложении, однако в японском языке, когда мы имеем дело со страдательным залогом, подлежащим всегда является «страдающее лицо», в данном случае – господин Ямада. Если переводить данное предложение ближе по форме к оригиналу, получится следующее: «*Господин Ямада покусан собакой*». Носители японского языка таким образом подчеркивают, что ситуация никоим образом не зависела от господина Ямады.

Сказуемое – глагол *かまれた* *камарэта* является глаголом первого спряжения, стоит в форме страдательного залога, в связи с чем данный глагол возможно рассмотреть в качестве морфологической синтагмы в рамках страдательного залога.

Если произвести классический разбор слова по составу, становится видно, что данный глагол состоит из корня *-кам-*, из флексии первой основы *-а-*, которую требует суффикс страдательного залога *-рэ-*, а также завершающего элемента – суффикса *-та-*, указывающего на прошедшее

время глагола и на его простую форму. Совокупность перечисленных морфем составляет морфологическую синтагму. Грамматические характеристики, согласно которым образование пассивного залога требует первой основы глагола (то есть наличия флексии *-а-* после корня слова) в сочетании с суффиксом пассива *-р-* можно назвать синтагматической характеристикой пассивного залога в японском языке.

Рассмотрим следующий пример употребления пассивного залога в японском языке.

花子が隣の学生にピアノを朝まで弾かれた。

Ханако-ва тонари-но гакусэй-ни пиано-о аса-мадэ хикарэта.

‘Ханако пришлось слушать, как соседский мальчик до утра играл на пианино’.

Снова перед нами случай, где предложение очень сложно адекватно перевести с японского на русский язык по причине того, что в русском языке нет пассивных форм, аналогичных японским, которые подошли бы для передачи заложенного в оригинале значения.

Сказуемое в предложении выражено глаголом первого спряжения 弾かれた *хикарэта*. Морфологическая синтагма данного глагола состоит из следующих элементов: корень слова *-хик-*, флексия первой основы глагола *-а-*, суффикс пассивного залога *-рэ-*, а также глагольный суффикс простого прошедшего времени *-та-*. Совокупность перечисленных морфем составляет морфологическую синтагму названного выше предложения. Здесь мы также видим наличие закономерности, характерной для страдательного залога: образование его формы требует флексии первой основы глагола в сочетании с суффиксом пассивного залога.

Образование форм страдательного залога от глаголов первого и второго спряжения несколько отличаются.

1. 飲まれる *номарэру* ‘быть выпитым’ (глагол первого спряжения). Слово состоит из корня *ном-*, флексии первой основы *-а-*, суффикса страдательного залога *-рэ-* и глагольного суффикса *-р-* в связке с флексией *-у-*.

2. 見られる *мирарэру* ‘быть увиденным’ (глагол второго спряжения). Слово состоит из корня *ми-*, суффикса страдательного залога *-рэ-* и глагольного суффикса *-р-* в связке с флексией *-у-*.

В первом случае в качестве суффикса страдательного залога выступает *-рэ-*, во втором случае – *-рэ-*. Совокупность этих двух суффиксов выступает в качестве морфологической парадигмы страдательного залога.

Словообразовательная парадигма страдательного залога может быть составлена из глаголов, которые имеют несколько вариантов образования страдательной формы.

1. 混じる *мадзиру* ‘смешивать’. Производящее слово.

2. 混じられる *мадзирарэру* ‘смешиваться, быть смешанным’. Производное слово.

3. 混ぜられた *мадээрэрта* ‘смешанный’. Производное слово.

При помощи глаголов, которые имеют несколько способов образования страдательной формы, можно составить предложения, образующие синтаксическую парадигму страдательного залога. Рассмотрим на примере.

1. ロシアでドイツから輸入した品物が重んじられている。

Росиа-дэ доицу-кара юню: сита моно-га омондзирарэтэиру.

‘В России ценятся товары, импортированные из Германии’.

2. ロシアでドイツから輸入した品物が重んぜられている。

Росиа-дэ доицу-кара юню: сита моно-га омондээрарэтэиру.

‘В России ценятся товары, импортированные из Германии’.

Такие глаголы имеют в составе морфему, образованную от глагола *する* – озвонченные морфемы *ずる дзуру* и *じる дзиру*. Благодаря этим морфемам глаголы имеют два варианта образования форм страдательного залога.

Таким образом, мы обнаружили наличие синтагматических и парадигматических связей на морфологическом уровне в процессе присоединения определенного набора флексий и суффиксов к корню глагола для образования залоговых форм и пришли к выводу, что основным способом обогащения словарного состава как русского, так и японского языков является создание новых слов путем сочетания морфем на базе имеющихся в языке основ и словообразовательных аффиксов.

Литература

Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М. : Оникс 21 век, 2003.

I. V. Shalina, Candidate of History (Irkutsk)

WORD-FORMATION BLOCK OF THE PASSIVE VOICE IN JAPANESE AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract. The passive voice in Japanese differs significantly from the analogous voice in Russian. In Japanese, the passive voice is used much more often than in Russian, and the situations that can be described using the passive voice have unique specifics. The aim of the article is to demonstrate the linguistic means involved in the formation of pledge forms in Japanese and Russian languages by analyzing them from the point of view of the morphemic level of language.

Keywords: passive voice, verb, Japanese language, Russian language, word formation.

Т. Е. Шишмарева, кандидат филологических наук

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Ю. Б. Дюндик, кандидат филологических, доцент

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АНАЛИТИЗМ VS. ФЛЕКТИВНОСТЬ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КИТАЙСКО-РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию грамматических трансформаций, использующихся при переводе китайской художественной литературы на русский язык. Указываются на типологические различия между китайским (изолирующим) и русским (флективным) языками, делая акцент на отсутствии грамматических категорий рода, числа, падежа, времен глаголов, а также на строгий фиксированный порядок слов и бессюзные конструкции в китайском языке. Анализируются примеры переводов на русский язык из произведений Лу Синя, Лао Шэ, Ба Цзиня, Мо Яня, Цао Юя и других авторов. Демонстрируются ключевые переводческие стратегии: добавление отсутствующих грамматических показателей; перестройка синтаксических структур; опущение или адаптация классификаторов; корректировка тема-рематического членения; восстановление опущенных подлежащих; контекстуальный выбор вида глагола. Проведенный анализ подчеркивает необходимость систематической грамматической адаптации при переводе для сохранения стилистического и семантического единства оригинала при соблюдении норм русского языка.

Ключевые слова: грамматические трансформации, китайско-русский перевод, типологические различия, аналитический язык, синтаксическая компенсация, художественный перевод.

Перевод китайской художественной литературы на русский язык представляет значительную лингвистическую сложность в силу глубоких типологических различий между этими языковыми системами. Как отмечает А. А. Реформатский, китайский язык, принадлежащий к изолирующему типу с минимальной морфологической изменяемостью слов, принципиально контрастирует с флективным русским языком, обладающим развитой системой склонения, спряжения и согласования [Реформатский, 1996].

Данная статья рассматривает примеры ключевых грамматических трансформаций на материале произведений классиков китайской литературы XX–XXI вв.: Лу Синя, Лао Шэ, Цао Юя, Мо Яня и других китайских прозаиков.

Так, фундаментальное различие между китайским и русским языками проявляется в отсутствии в китайском языке грамматических категорий рода, числа, падежа и времен глаголов. В романе Ба Цзиня «Семья» [巴金, 2018] встречается характерное предложение: *母亲抱孩子* – дословно ‘мать держать ребенок’. Русский перевод требует добавления соответствующих грамматических показателей: *Мать держала ребенка*, где переводчик добавляет род, число, время и вид глагола, отсутствующие в оригинале.

Жесткий порядок слов в китайском языке (SVO) с обязательной позицией определений ярко иллюстрируется в произведении Цао Юя «Гроза» [曹禺, 1999]. Конструкция **穿着红色华丽衣服的姑娘**, дословно означающая ‘носить красный роскошный одежда девушка’, в русском переводе приобретает естественную форму *Девушка в роскошном красном платье*, где определение ставится после определяемого слова. В произведении Янь Лянькэ «Сны деревни Динчжуан» [阎连科, 2006] конструкция **那个长着老鼠眼睛的管家** дословно означающая ‘тот иметь крысиные глаза управляющий’ в переводе на русский язык выглядит как *управляющий с глазами, как у крысы*, где изменен порядок слов и добавлена сравнительная характеристика героя.

Для китайского языка характерно опущение союзов, что, например, можно проследить на примере прозы Лао Шэ. В рассказе «Серп луны» [老舍, 2013] находим типичный пример: **天黑了, 风停了, 心碎了** – ‘небо темное, ветер стих, сердце разбито’, а при переводе данного предложения на русский язык переводчик добавляет союзы: *Стемнело, и ветер стих, а сердце разбилось*, сохраняя при этом эмоциональную напряженность оригинала.

Бессоюзные конструкции также характерны для произведений Мо Яня. Например, в «Красном гаоляне» [莫言, 2007] находим следующие строки: **太阳落山, 血味升起, 歌声传来**, что дословно можно перевести как ‘солнце садиться, кровь запах подниматься, пение доноситься’. При переводе на русский язык переводчиком были добавлены союзы и уточнения – *Солнце садилось, запах крови поднимался в воздух, а издалека доносилось пение*. На наш взгляд, здесь для придания драматизма возможно и смещение логического ударения, если перевести *Солнце садилось, издалека доносилось пение птиц, а в воздухе запахло кровью*.

Особую сложность представляют классификаторы, обязательные в китайском языке. В повести Лу Синя «Подлинная история А–Кью» [鲁迅, 2002] встречается конструкция **一把刀** (Yī bǎ dāo), дословно ‘один [класс. для рукоятей] нож’, которая в переводе упрощается до *Один нож* с опущением классификатора. Интересен и пример из рассказа Мо Яня «Большая грудь, широкий зад» [莫言, 2020], где при передаче пространственных отношений в переводе на русский язык не только опускается классификатор, но и меняется порядок слов. В языке оригинала мы видим следующее: **墙上挂着一把刀**, что дословно ‘стена на висеть один [класс.] нож’. В переводе предлагается следующий вариант – *на стене висел нож*.

Также привлекает внимание проблема тема-рематического членения в китайском языке, которое требует особого внимания при переводе. В романе Мао Дуня «Полночь» [矛盾, 2017] находим характерный пример:

昨天来了一个客人 – ‘вчера прийти один гость’. Переводчик преобразует эту фразу в *один гость пришел вчера*, смещая акцент в соответствии с актуальным членением предложения в русском языке. В оригинальном примере из произведения Мо Яня «Страна вина» [莫言, 2008] мы видим: *酒喝完了, 他开始哭* – ‘Вино выпито, он начал плакать’, где темой является *вино*, а ремой – *плакать*. В переводном варианте мы наблюдаем смещение акцента, что, на наш взгляд, усиливает драматичность момента: *Он допил вино и разрыдался*.

Отсутствие грамматических видов глагола в китайском языке может быть проиллюстрировано примером из пьесы Цао Юя «Человек из Пекина» [曹禺, 1994]: *他写完信* – ‘он писать закончить письмо’. В русском переводе это передается совершенным видом: *Он написал письмо*. Отсутствие формальных показателей вида у китайского глагола дает возможность переводчику сделать выбор в пользу несовершенного либо совершенного вида при переводе на русский язык, о чем, в частности, пишет А. А. Рогачев в своей статье о проблемах перевода [Рогачев, 2018]. Например, в произведении Мо Яня «Страна вина» [莫言, 2008] мы встречаем фразу *他喝酒, 写诗, 然后睡觉*, что дословно имеет следующее значение: ‘Он пить вино, писать стихи, потом спать’. Возможный контекстуальный перевод может выглядеть как *Он пил вино, писал стихи и потом ложился спать* (несовершенный вид для процесса), либо *Он выпил вина, написал стихотворение и лег спать* (совершенный вид для завершенных действий).

Более того, отсутствие явной морфологии китайских знаков может требовать при переводе на русский язык компенсации грамматических категорий. Например, в произведении Мо Яня «Устал родиться и умирать» [莫言, 2020] предложение *狗跑, 孩子笑* в дословном переводе выглядит как ‘собака бежать, ребенок смеяться’, в то время как в русском переводе оно выглядит следующим образом: *собака бежала, а ребенок смеялся*. Как мы видим, при переводе были добавлены род, число, время, вид глаголов и союз.

Частое опущение подлежащего характерно для авторского стиля Шэнь Цунвэня. В повести «Пограничный городок» [沈从文, 2000] читаем: *想喝茶* – ‘хотеть пить чай’. Переводчик добавляет подлежащее: *Он хотел выпить чаю*, делая фразу грамматически завершенной. Такой же пример мы находим при переводе повести Янь Лянькэ «Радости» [阎连科, 2002], где в оригинале фраза *想哭却笑了* дословно переводится как ‘хотеть плакать, но смеяться’. Полагаем, что добавление подлежащего и изменение формы глагола делает фразу гораздо более понятной – *он хотел заплакать, но вдруг засмеялся*.

Как показывает анализ переводов произведений китайской литературы XX в. на русский язык, адекватный перевод требует системных грамматических трансформаций, включающих

- 1) компенсацию отсутствующих грамматических категорий,
- 2) перестройку синтаксических структур,
- 3) адаптацию порядка слов,
- 4) обработку бессоюзных конструкций,
- 5) опущение или замену классификаторов,
- 6) перестройку тема-рематического членения,
- 7) определение глагольных видов,
- 8) восстановление опущенных подлежащих.

Эти процессы, как убедительно демонстрирует практика переводчиков китайской литературы на русский язык, требуют не только глубокого понимания культурных контекстов, но и виртуозного владения грамматическими системами обоих языков. Китайский язык со своей аналитической структурой, отсутствием морфологических маркеров времени, рода и числа, а также жестким порядком слов, опирается на синтаксис как на основной инструмент передачи смысла. В то время как русский язык с развитой системой спряжений, склонений и свободным порядком слов выражает нюансы через морфологию. Например, в романе «Полночь» Мао Дуня [矛盾, 2017] краткая фраза 他来了 может быть переведена на русский как *он пришел, он явился, он прибыл* или даже *он, оказывается, уже здесь* в зависимости от контекста и грамматической структуры предложения. Неверный выбор грамматической конструкции может исказить темпоральность, модальность или акценты оригинала. Так, опущение видо-временного маркера «*了*» в переводе способно превратить завершенное действие в незавершенное, а неправильное согласование времен в сложноподчиненных предложениях – нарушить логику повествования. Поэтому переводчик должен не просто подбирать эквивалентные слова, но и реконструировать грамматическую архитектуру текста, чтобы сохранить динамику, ритм и прагматику авторского стиля. Как известно, грамматика – это основа, каркас смысла, и при переводе этот каркас требует особенно тщательной сборки.

Литература

Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М. : Аспект Пресс, 1996.

Рогачев А. А. Мо Янь по-русски: проблемы перевода // Азия и Африка сегодня. 2018. № 5. С. 67–73.

巴金. 家 / 北京 : 人民文学出版社, 2018年. 378页. (Ба Цзинь. Семья / Пекин: Народная литература, 2018. 378 с.).

老舍. 月牙儿 / 北京 : 人民文学出版社, 2013年. 112页. (Лао Шэ. Серп луны / Пекин: Народная литература, 2013. 112 с.).

鲁迅. 阿Q正传 / 北京 : 人民文学出版社, 2002年. 96页. (Лу Синь. Подлинная история А-кью / Пекин: Народная литература, 2002. 96 с.).

矛盾. 子夜 / 北京：人民文学出版社, 2017年. 576页. (Мао Дунь. Полночь / Пекин: Народная литература, 2017. 576 с.).

莫言. 丰乳肥臀 / 北京: 十月文艺出版社, 2020 年. 688 页. (Мо Янь. Большая грудь, ши рокий зад / Пекин: Октябрьская литература и искусство, 2020. 688 с.).

莫言. 红高粱家族 / 北京：人民文学出版社, 2007 年. 466 页. (Мо Янь. Красный гаолян / Пекин: Народная литература, 2007. 466 с.).

莫言. 酒国 / 上海：文艺出版社, 2008 年. 355页. (Мо Янь. Страна вина / Шанхай: Шанхайское литературно-художественное издательство, 2008. 355 с.).

莫言. 生死疲劳 / 人民文学出版社, 2020 年. 580 页. (Мо Янь. Устал родиться, устал умирать / Пекин: Народная литература, 2020. 580 с.).

沈从文. 边城 / 北京：人民文学出版社, 2000年. 112 页. (Шэнь Цунвэнь. Пограничный городок / Пекин: Народная литература, 2000. 112 с.).

阎连科. 丁庄梦 / 上海文艺出版社, 2006 年. 352 页. (Янь Лянькэ. Сны деревни Динчжу-ан / Шанхайское литературно-художественное издательство, 2006. 352 с.).

阎连科. 欢乐 / 昆明：云南人民出版社, 2002 年. 285页. (Янь Лянькэ. Радости / Куньмин: Юньнаньское народное издательство, 2002. 285 с.).

曹禺. 北京人 / 北京：人民文学出版社, 1994 年. 160 页. (Цао Юй. Человек из Пекина / Пекин: Народная литература, 1994. 160 с.).

曹禺. 雷雨 / 北京：人民文学出版社, 1999 年. 192 页. (Цао Юй. Гроза / Пекин: Народная литература, 1999. 192 с.).

T. Ye. Shishmareva, Associate Professor (Irkutsk)

Yu. B. Dyundik, Associate Professor, senior lecturer (Irkutsk)

ANALYTISM VS. INFLECTION: GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN CHINESE-RUSSIAN LITERARY TRANSLATION

Abstract. This article is devoted to the study of grammatical transformations required when translating Chinese literary works into Russian. The authors highlight the typological differences between Chinese (an isolating language) and Russian (a fusional language), emphasizing the absence of grammatical gender, number, case, and verb tense in Chinese, as well as its strict word order and frequent use of non-conjunction structures. Through examples from works by Lu Xun, Lao She, Ba Jin, Mo Yan, Cao Yu, and others, the study demonstrates key translation strategies, including: compensation for missing grammatical categories (e.g. adding tense, gender, or number markers); restructuring syntactic patterns (e.g. altering word order, inserting conjunctions); omitting or adapting classifiers; adjusting topic-comment articulation; recovering ellipted subjects; contextual selection of verb aspects. The analysis underscores the necessity of systematic grammatical adaptations in translation to preserve the original's stylistic and semantic integrity while meeting Russian linguistic norms.

Keywords: grammatical transformations, Chinese-Russian translation, typological difference, analytic language, syntactic compensation, literary translation.

КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИКИ

Т. Л. Верхотурова, доктор филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ФАКТА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу категоризации представлений о знании в языках. Поскольку знание – это один из важнейших факторов эволюции человека разумного, оно регулярно обнаруживается в грамматике русского и английского языков. Общеизвестно, что существуют различные виды знания. В частности, в статье отмечаются представления о феноменологическом знании (знании наблюдателя) и структуральном знании (знании говорящего). Последнее представляет собой знание фактов. Само имя «факт» интересовало исследователей с точки зрения особенностей его референции (З. Вендлер), отношения к событию (Н. Д. Арутюнова), категориальной отнесенности к классификаторам информационного плана (Г. Е. Крейдлин). Мы разделяем мнение о референтности фактов к ментальным состояниям. Лексическая единица *факт/fact* является многозначной. Будучи именем концепта, указывает на принадлежность концепта к «размытым» множествам: факты различаются по статусу известности, универсальности, личностной ориентированности и даже близости к перцептивному опыту или отдаленности от него. В английском языке значение факта в его различных смысловых вариациях обнаруживается, например, у глагольной морфологической формы Present Simple; в синтаксисе русского языка значением факта характеризуются, например, двусоставные предложения с именем инструмента или физической силы в позиции подлежащего, типа *Нож режет, Ветер дует*.

Ключевые слова: категоризация, грамматика, структуральное знание, факт, референция, морфология, синтаксис.

Когнитивный анализ грамматических феноменов в современных исследованиях указывает на то, что именно в грамматической системе языков (как в морфологии, так и в синтаксисе) фиксируются самые первостепенные, регулярные и устойчивые эмпирические параметры. К таким параметрам относятся и определенные виды знания как результата когнитивного взаимодействия когнитивного субъекта (человека) с действительностью.

Когнитивный подход к интересующему нас грамматическому материалу приводит к необходимости учитывать существование следующих двух типов знания – феноменологического и структурального. Феноменологическое знание – это знание наблюдателя (субъекта восприятия), воз-

никающее как результат перцептивного опыта; его называют непосредственным знанием (см. в философии «перцептивное ментальное состояние» [Прись, 2017]). Противопоставляется ему знание говорящего – структуральное знание, которое создается опосредованно как результат приобщения к устным и письменным текстам. Иначе говоря, структуральное знание – это знание фактов (см. в философии «общее фактивное ментальное состояние» [Там же]).

Название структурального знания как категории – имя *факт* – известно в качестве «классификатора ментального и информационного плана» [Арутюнова, 1999, с. 488]. Именно этот термин уместно употреблять применительно к структуральному знанию, выражаемому в английской грамматике, в морфологии, по нашему представлению, в высказываниях с использованием формы $V_{(s)}$ (Present Simple) [Верхотурова, Шубина 2025]. Лексическая единица *факт* как таковая является именем концепта, который, в свою очередь, представляет собой весьма «размытое» множество [Lakoff, 1973]: факты неодинаковы по рангу универсальности или общеизвестности, по личностной ориентированности и даже близости к перцептивному опыту или отдаленности от него, ср., напр.: *The Nile flows into the Mediterranean Sea. She lives in Irkutsk. Bogdany scores a goal and his fans go wild* (слова спортивного комментатора).

Исследования показали, что на формирование и интерпретацию синтаксического значения также оказывает влияние тип категоризируемого знания – опытного, феноменологического знания наблюдателя или опосредованного, структурального знания говорящего. Поверхностно-синтаксические языковые паттерны демонстрируют зависимость от общих когнитивных процессов. Эта зависимость естественным образом выражается в корреляционном взаимодействии когнитивных феноменов, глубинных концептуальных (семантических) факторов и поверхностных форм (структур). Иначе говоря, существует точка зрения, что поверхностная, формальная (синтаксическая) модель может иметь свое значение, обусловленное когнитивными процессами. Это означает, что некоторые когнитивные факторы мотивируют выбор синтаксической формы, или, выражаясь точнее, структура синтаксического построения отражает определенную когнитивную структуру.

Общекатегориальные (обобщенно-грамматические) значения усматривались у синтагм с прошлого века: например, герундиальным структурам и придаточным дополнительным приписывалось значение факта [Rarttunen, 1971; Kiparsky, 1971].

Если обратиться к синтаксису русского языка, то можно прийти к следующему выводу. Достаточно распространенные в русском языке двусоставные предложения (подлежащее + сказуемое), не зависящие от контекста для понимания и адекватной интерпретации, имеют в качестве референтов действия, воспринимаемые (наблюдаемые) в момент говорения, т. е., по сути дела, такие предложения (высказывания) представляют собой ответы на вопрос: *Что он (она, они) сейчас делает?*, ср., напр.: *Он*

читает, Она пишет, Они веселятся и т. п. В таком случае можно считать, что в русском языке высказывание (предложение) в виде двучленной конструкции обладает системным значением, восходящим к когнитивному признаку наблюдаемости, который, в свою очередь, коррелирует с феноменологическим знанием.

Однако для двусоставных синтагм подобного рода следует сделать замечание-условие: глаголы, которые могут организовывать такие предложения, должны иметь референтную соотнесенность с действиями, для которых характерен признак наблюдаемости по природе вещей. Такие глагольные предикаты объединяются в единый класс, концептуализирующий перцептивно идентифицируемые референты, т. е. маркированный признаком «наблюдаемость глагольного действия» (иногда деятельности) [Верхотурова, 2008a].

В русском синтаксисе обнаруживается другой класс двусоставных предложений, чьи сказуемые выражены глаголами физического действия – инструментальными глаголами типа *вязать, резать, рубить, пилить, писать* и т. п., демонстрирующими замену субъекта в позиции подлежащего на инструмент. Иначе говоря, при такой семантической актантной трансформации синтаксически первичная позиция подлежащего выражается семантически вторичным (для синтагматического значения данных глаголов) актантом – инструментом, ср.: *Спицы вяжут; Нож режет; Пила пилит; Топор рубит; Ручка пишет* и т. п. [Верхотурова, 2008б]. Такое преобразование свидетельствует о нейтрализации фигуры наблюдателя. Это означает, что описываемые ситуации представляют собой не действия, но функциональные характеристики инструментов. Подобные высказывания имеют фактообразующее значение с референцией к структуральному знанию: всем известно, что функциональное назначение ручки – писать, пилы – пилить, ножа – резать и т. п.

В подобных предложениях, выражающих структуральное знание, или знание фактов, с семантикой организующих их глагольных предикатов также происходят определенные смысловые, семантические метаморфозы, относящиеся к сфере когнитивного уровня анализа. Глаголы со значением физического инструментального действия перестают быть таковыми; их назначение в подобных двусоставных высказываниях – называть *потенциальные, функциональные характеристики предметов-инструментов*. Такие характеристики известны и не нуждаются в перцептивном сопровождении (наблюдении).

Стоит обратить внимание на следующую особенность двусоставных предложений, описывающих физические процессы, типа *Ветер дует; Снег идет; Гром гремит; Молния сверкает* и т. п. По своему когнитивному содержанию они не аналогичны назывным, односоставным предложениям, типа *Ветер; Гром; Снег* и т. п. Для двусоставных предложений подобного класса характерна двузначность, которая разрешается ударением (ударный элемент подчеркнут): 1) *Ветер дует* (как ему предназначено природой), 2) *Ветер дует* (сейчас). Первый вариант предложения с уда-

рением на сказуемое, характеризует свойства ветра (или любого другого физического феномена в позиции подлежащего), т. е. является фактообразующим с референцией к структуральному плану. Вторая версия предложения с ударным подлежащим, представляет собой избыточный вариант первичной синтаксической формы в виде однозначной назывной конструкции *Ветер*, исходной предназначенной для наблюдаемых физических процессов (феноменологическое знание). В таком случае первая версия будет соответствовать, с когнитивной точки зрения, ряду фактообразующих пропозиций.

Таким образом, факт, будучи категорией, коррелирующей с идеей структурального знания, осваивается человеком как значимый фактор процесса когнитивного взаимодействия с действительностью, приводящего к формированию ментального фактообразующего уровня, зафиксированного в грамматиках русского и английского языков.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки рус. культуры, 1999.
- Верхотурова Т. Л. Фактор наблюдателя в языке науки : монография. Иркутск : ИГЛУ, 2008а.
- Верхотурова Т. Л. Грамматическая категоризация наивной картины мира и наблюдатель // Вестник Челябинского государственного университета. Языкознание и литературоведение. 2008б. № 37 (138). С. 9–21.
- Верхотурова Т. Л., Шубина С. В. Когнитивная семантика видовременной формы Present Simple // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. Языкознание и литературоведение. 2025. № 1 (44). С. 160–172.
- Прись И. Е. Знание как наиболее общее фактивное ментальное состояние // Философская мысль. Философия, этика, религиоведение. 2017. № 6. С. 29–34.
- Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. Dordrecht-Holland : D. Reidel Publishing Company, 1973. P. 458–508.
- Karttunen L. Implicative verbs // Language. 1971. Vol. 47, N 2. P. 340–258.
- Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // Semantics: An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology. Cambridge, 1971. P. 345–369.

T. L. Verkhoturova, Doctor of Philology, Associate Professor (Irkutsk)

CATEGORIZATION OF FACT IN RUSSIAN AND ENGLISH GRAMMAR

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the way the idea of knowledge is categorized in languages. Since knowledge is a most important factor of homo sapiens evolution, it is regularly discovered in Russian and English grammar. It is commonly known that there exist various types of knowledge. In particular, notions of a phenomenological knowledge (knowledge of observer) and structural knowledge (knowledge of speaker) are noted in the article. The latter is the knowledge of facts. The name “fact” itself has interested researchers from the point of view of its reference peculiarities (Vendler), its relation to event (Arutyunova), its categorical belonging to classifiers of informational type (Kreidlin). We share the idea of facts reference to mental states. The lexical unit «fact» is polysemantic. Being the name of a concept, it indicates the concept’s belonging to fuzzy sets: facts range in universality status, personal orientation, and even closeness to perceptual experience or remoteness from it. In English fact in its different senses is discovered, for instance, in the tense-aspect form Present Simple; in the syntax of the Russian language the meaning of fact characterizes, for instance, two-member sentences with instrument of force in the subject position: “A knife cuts”, “Wind blows”.

Keywords: categorization, grammar, knowledge, structural knowledge, fact, reference, morphology, syntax.

КОНСТРУКЦИЯ «Я + АДЪЕКТИВНЫЙ ПРЕДИКАТ» В XXI ВЕКЕ

Аннотация. Конструкция «я + адъективный предикат» начала активно развиваться с середины XIX в., когда прилагательные стали использоваться как самостоятельные предикаты, характеризующие личность вне ее социальной роли. К началу двадцатого века сложился состав наиболее часто встречающихся прилагательных в позиции предиката в этой конструкции. Рассматривается судьба «топовых» прилагательных в последние 25 лет. Конструкция сохраняется в русском языке XXI в., но существенно меняется состав высокочастотных прилагательных, характерных для предшествующего периода. Прилагательные с положительной семантикой, такие как *счастливый, умный, хороший и свой*, укрепили свои позиции в современном дискурсе как средство автохарактеризации. Прилагательные, включающие негативную оценку, утратили былое положение в этой конструкции.

Ключевые слова: местоимение «я», имя прилагательное, идентичность, самопрезентация, корпусная лингвистика.

Синтаксическая конструкции «я + адъективный предикат» – грамматическая структура, где местоимение первого лица *я* сочетается с полным прилагательным в функции сказуемого. Грамматически это двусоставное предложение с нулевой связкой, где прилагательное выступает в роли предиката, характеризующего субъект высказывания.

(1) *Но я счастливая...* (А. Берсенева. Возраст третьей любви).

Функционирование конструкции «я + адъективный предикат» активно изучается современной лингвистикой в диахроническом аспекте [Маркасова, 2023, с. 103–117], поскольку отражает изменения в психологии личности, в том числе осознание ценности «Я» и выход проблематики «самости», «самоидентичности» за пределы научного дискурса в повседневное общение [Ли, Маркасова, 2025, с. 158–176] Языковые средства самопрезентации становятся всё более дифференцированными и контекстуально обусловленными, отражая стремление субъекта к позиционированию себя в социальной структуре [Норман, Плотнокова, 2016, с. 107–120].

В работе [Маркасова, 2023, с. 107] был опубликован список наиболее частотных прилагательных, используемых в этой конструкции. Наша задача – выяснить, сохранился ли топовый список в прежнем виде в языке первой четверти XXI в.

Хронологические рамки нашего исследования – 2000–2024 гг. Поиск в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) [ruscorpora.ru] производился по формуле: «я (SPRO, nom, sg, 1p) + _ (A,nom,sg,(m|f))». В результате было выявлено 282 примера. Мы сознательно ограничили поиск «чистыми» случаями конструкции (*я хорошая*), исключив сочетания типа *Я хорошая жена*.

На основе анализа данных было установлено, что конструкция «я + адъективный предикат» в русском языке XXI в. продолжает активно использоваться. За предшествующий период (XIX–XX вв.) в корпусе зафиксировано 1176 примеров данной конструкции из «топового» списка, в то время как за первые 25 лет XXI в. – 282 примера. Это значит, что конструкция не только сохраняет свою продуктивность, но и даже дает некоторый рост употребительности.

Для более точного анализа динамики употребления конструкции «я + адъективный предикат» в различные исторические периоды необходимо учитывать не только абсолютное количество примеров, но и объем корпуса за каждый период. За 25 лет XXI в. собрано 282 примера – это почти четверть от общего объема за два предыдущих века. Если бы темпы использования конструкции были пропорциональны, мы бы ожидали примерно 2256 примеров за два века. Отметим, что при оценке частотности конструкции используется выборочный метод, основанный на формировании подкорпусов с хронологическими ограничениями. НКРЯ постоянно обновляется, общий объем корпуса неуклонно возрастает, количественные оценки могут носить приближенный характер и содержать незначительную погрешность измерений.

В таблице представлены количественные данные использования «топовых» прилагательных в функции предиката при местоимении я и их рейтинг в XIX–XX вв., а также соответствующие показатели за 25 лет XXI в.

Таблица

Высокочастотные прилагательные в русском языке

Прилагательное	Количество примеров (XIX–XX вв.)	Рейтинг (XIX–XX вв.)	Количество примеров (XXI в.)	Рейтинг (XXI в.)
несчастный	126	1	3	15
счастливый	59	12	13	10
живой	124	2	42	1
мертвый	38	15	3	16
глупый	98	3	5	13
умный	55	13	25	6
хороший	93	4	31	2
плохой	46	14	27	4
добрый	82	5	21	8
злой	80	7	6	12
молодой	81	6	29	3
старый	68	9	24	7
чужой	80	8	10	11
свой	66	10	25	5
бедный	64	14	14	9
богатый	16	16	4	14

Таблица показывает, что в ХХІ в. произошли кардинальные изменения в использовании прилагательных в функции предиката при местоимении *я*. Прилагательные с положительной семантикой, такие как *счастливый, умный, хороший и свой*, укрепили свои позиции. Так, *счастливый* поднялось с 12-го места на 10-е, *умный* с 13-го на 6-е, а *хороший* с 4-го на 2-е. Это может быть связано с изменением культурных и социальных норм поведения, где акцент смещен на позитивные характеристики своего «я».

Использование традиционных негативных характеристик, таких как *несчастный, глупый, злой и чужой*, резко сократилось. Например, абсолютный лидер – *несчастный* – опустилось с 1 места на 15-е место, а *глупый* с 3-го на 13-е. Это может отражать изменение культурных и социальных норм самопрезентации, где акцент смещен на более позитивные и конструктивные качества личности.

Прилагательное *живой* продолжает доминировать в использовании, занимая первое место в ХХІ в. и второе место в ХІХ–ХХ вв. Это подчеркивает актуальность темы жизнеспособности и активности в современном дискурсе, например:

(2) *А я живой...* (С. Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013).

Это связано не только с темой физического выживания, но и с темой адаптации к новым условиям и способностью прилагательного выражать комплексные состояния (физическое существование, эмоциональную включенность и социальную активность).

При анализе изменений в использовании прилагательных нужно учитывать фактор их многозначности. Так, прилагательный *бедный* может означать не только социальный статус, но и «вызывающий сострадание, сочувствие, несчастный» [БАС, 2004, с. 442]. Смещение *бедный* с 11-го на 9-е место может указывать на то, что в современном контексте это прилагательное замещает прилагательное *несчастный*, а также популярностью темы социального расслоения.

Прилагательное *свой* укрепило свои позиции, поднявшись с 10-го места на 5-е. Это может быть связано с акцентом на принадлежности и идентификации с социальной группой или культурой и с популярностью обсуждения тематики «свой / чужой» в политических контекстах.

(3) *Я свой! Я свой! Не трогайте меня, я давно не русский!* (М. Соколов. Эмигранты // «Эксперт», 2014).

С социокультурной точки зрения, распространение конструкции «я + адъективный предикат» может быть обусловлено популяризацией позитивной психологии, которая способствует стремлению к самопрезентации в положительном свете. Подобная тенденция связана с «потребностью в позитивном самоуважении человека» в сложных условиях [Иванова, 2004, с. 52] ХХІ в., когда в обществе происходят масштабные изменения, влияющие на самоощущение человека.

Литература

- БАС: Большой академический словарь русского языка. М. : Наука, 2004. Т. 1.
Иванова Н. Л. Социальная идентичность в различных социокультурных условиях // Психологический журнал. 2004. № 1 (25). С. 52–60.
Маркасова Е. В. «Я + адъективный предикат» и исторические обстоятельства (к постановке проблемы) // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2024. № 12. С. 14–29.
Маркасова Е. В. «Я несчастный, но живой»: адъективный предикат при местоимении «я» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 103–117.
Ли Юэчуань, Маркасова Е. В. Вопрос «Кто я? / Что я?» как маркер поиска идентичности // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 16, № 2. С. 158–176.
Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.
Норман Б. Ю., Плотникова А. М. Семантика конструкций со значением социальной самоидентификации и самопрезентации в русском языке // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, № 4. С. 107–120.

Weng Nan, Postgraduate Student (Beijing)

THE CONSTRUCTION “I + ADJECTIVE PREDICATE” IN THE 21ST CENTURY

Abstract. The construction “I + adjectival predicate” began to actively develop in the middle of the 19th century, when adjectives began to be used as independent predicates characterizing a person outside of their social role. By the beginning of the 20th century, the composition of the most frequently occurring adjectives in the predicate position in this construction had been formed. The paper examines the fate of “top” adjectives over the past 25 years. The construction is preserved in the Russian language of the 21st century, but the composition of high-frequency adjectives characteristic of the previous period has changed significantly. Adjectives with positive semantics, such as “happy”, “smart”, “good” and “own”, have strengthened their positions in modern discourse as a means of self-characterization. Adjectives that include a negative assessment have lost their former position in this construction.

Keywords: pronoun “I”, adjective, identity, self-presentation, corpus linguistics.

А. Д. Комышкова, кандидат филологических наук, доцент

НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва

ЙОГАНУТОГО ИНСАЙТНУЛО: АДЪЕКТИВНО-ГЛАГОЛЬНАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ СТРАННОСТИ

Аннотация. Предметом настоящего исследования являются имена прилагательные, оканчивающиеся на *-(а)нутый* и являющиеся средством выражения значения ‘странный, не вполне нормальный’. В ненормированной интернет-коммуникации наряду с известными отглагольными прилагательными типа *тронутый,шибанутый, чокнутый*, относящимися к просторечию, жаргону и аргю, обнаруживается большое число отыменных лексем с общим семантическим компонентом ‘странный’: *шизанутый, бзикнутый, толкиенутый, йогнутый, веганутый* и мн. др. Несмотря на отыменной характер, некоторые из них (наиболее частотные) обнаруживают корреляцию с одноосновными глаголами: *шизануть(ся), толкиенуть(ся)* и проч. В статье приводится классификация отыменных прилагательных этого типа и рассматривается характер их корреляции с глаголами. Делается вывод о выработке новых экспрессивных словообразовательных средств для выражения семантики странности.

Ключевые слова: имя прилагательное, экспрессивное словообразование, адъективно-глагольная корреляция, словообразовательная семантика.

Среди просторечных и сленговых обозначений психических странностей в русском выделяется группа прилагательных, оканчивающихся на *-нутый/ -анутый*, имеющих грубую экспрессивную окраску и общий семантический компонент 'странный, психически не вполне нормальный'. Среди лексем подобного типа, зафиксированных словарями, можно выделить несколько словообразовательных типов.

С одной стороны, это слова типа *долбанутый, шибанутый, стебанутый, ёкнутий, трёхнутый* и обценные слова, которым они часто служат эвфемистической заменой, образованные от глаголов со значением удара. См., например, описание лексемы *стебанутый* в словаре «Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона» О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, Р. И. Розиной: «Грубо, насмешливо, презрительно, унижит. Странный, не вполне нормальный», возводится предположительно к областному *стебать* 'стегать, хлестать, сильно ударять хлыстом' по аналогии с созвучным матерным прилагательным [Ермакова, Земская, Розина, 1999, с. 204].

Глагольный суффикс *-(а)ну-*, объединяющий производные для таких прилагательных глаголы, был описан еще В. В. Виноградовым, который отмечал его продуктивность в народном просторечии в 1920–30-е гг.: *критикнуть, спекулировать, агитнуть, рыдануть, страдануть* [Виноградов, 1986, с. 431–432]. Грамматическое значение кратности в подобных производных поглощается и ослабляется, однако именно на его основе формируются экспрессивные оттенки, окрашивающие такие слова: энергичности, резкости, силы, напряженности, неожиданности [Там же].

Производные прилагательные типа *шибанутый, тюкнутий*, таким образом, можно рассматривать как лексико-грамматические дериваты, наследующие экспрессивные значения глагола. Страдательные причастия от глаголов с семантикой удара, переходя в категорию прилагательного, развивают качественные значения признака «состояния, вызванного в результате действия» [Шелякин, 2001, с. 142], при этом работает семантический механизм метафоры.

Другой тип прилагательных – *чокнутый, тронутый, двинутый, рехнутый* – словообразовательно соотносится с возвратными глаголами с общим значением 'сойти с ума': *чокнуться, тронуться, двинуться, рехнуться*. Например, в Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова: «Тронутый, разг. 1. Со странностями, психически не совсем нормальный. Тронутый умом, головой, мозгами. Тронутый в уме. Он какой-то тронутый» при *тронуться* «2. Разг. Стать психически не совсем нормальным. Тронуться с горя. Тронулся умом, головой, рассудком. Тронуться в уме» [Кузнецов, 2000]. В данном случае образование прилагательных следует признать аффиксальным, и компоненты значений глагольных аффиксов в структуре таких слов сохраняются.

Вместе с этими типами прилагательных в современном русском языке активны отыменные производные, оканчивающиеся на *-(a)нутый*, с оценочными экспрессивными значениями: *шизанутый*, *крезанутый*, *бзикнутый*, *психанутый*, *толкиенутый*, *инсайтнутый*, *православнутый* и мн. др. Они обнаруживают разную функциональную отнесенность: *психанутый* зафиксировано в Большом толковом словаре Кузнецова как просторечное [Кузнецов, 2000], *шизанутый*, *крезанутый*, *стебанутый* описаны в словаре русского общего жаргона [Ермакова, Земская, Розина, 1999], *чуиканутый*, *лоханутый*, *вольтанутый* – в словаре русского арго [Грачев, 2003], многие имеют окказиональный характер и используются в художественных текстах и в СМИ (*шестидесяхнутый*, *дельтанутый*), но многие слова подобного типа обнаруживаются в ненормированной речи в сети Интернет и имеют достаточно высокую частотность. Например, *православнутый* насчитывает 2420 вхождений в Генеральный интернет-корпус русского языка (далее – ГИКРЯ) [webcorpora.ru]. Суффикс *-(a)нут-* в структуре таких прилагательных становится экспрессивным средством, имеющим словообразовательное значение ‘странный’, оценочную и экспрессивную коннотации.

Корпус таких лексем можно классифицировать по характеру мотивации.

1. От имен со значением психического отклонения: *шизанутый*, *крезанутый*, *прибабахнутый*, *бзикнутый*, *кукукнутый* / *кукушнутый*, *чикчирикнутый*, *приветнутый*. Образование таких прилагательных вероятнее всего считать именным. Например, жаргонные *шизанутый* и *крейзанутый* связываются Е. А. Земской именно с производящими существительными *шиза* и *креза*, притом что соотносительность с глаголом *шизануться* также отмечается [Ермакова и др., 1999, с. 256]. У производящих *бзик*, *куку*, *с прибамахом*, *с приветом* также обнаруживаются такие значения.

2. От наименований лиц по признаку «странности»: *фриканутый*, *психанутый*, *тормознутый*, *звезданутый* (от *звезда*, перен. ‘тот, кто пользуется широкой популярностью (об артисте, певце, спортсмене и т. п.)’: *В июне в России ожидают самые разные звезды мирового футбола – от самых звездных до звезданутых* (Валерий Грачиков. Блог Valerongrach-a), *вольтанутый*, *лоханутый*, *чуиканутый*, *тупанутый*. В прилагательных этого типа, кроме экспрессивно-оценочной коннотации, суффикс имеет значение ослабленного подобию.

3. От имен, называющих предмет «помешательства»: *толкиенутый* / *толкинутый* / *толконутый*, *рерихнутый*, *железнутый*, *йоганутый* / *йогнутый*, *веганутый*, *беганутый*, *яблонутый*, *андроиднутый*, *инсайтнутый*, *рэпанутый*, *дельтанутый*, *рирнутый*, *шестидесяхнутый* и др. В этой группе выделяется ряд прилагательных, выражающих отношение к политической / общественной позиции, взглядам, убеждениям: *майданутый*, *ахеджакнутый*, *навальнутый*, *скрепнутый*, *православнутый*, *христанутый*, – которые функционируют в общественно-политическом дис-

курсе в том числе как средство речевой агрессии. В словах такого типа комплекс *-(а)нут-* ассоциирован с глагольными суффиксами *-(а)ну-* и *-т-*, выражающими экспрессивное значение «энергичности, резкости проявления действия» [Виноградов, 1986, с. 431] и результата воздействия, однако глагольный компонент значения значительно ослаблен, и словообразовательный элемент имеет исключительно экспрессивно-оценочное значение.

В некоторых случаях одноосновный глагол сосуществует с отыменным прилагательным на *-(а)нутый*, однако наблюдение за парами таких коррелятов позволяет сделать вывод, что такой глагол либо появился позже соответствующего прилагательного (имеется в виду момент фиксации в корпусе), либо имеет меньшую частотность, либо значительно расходится с прилагательным в ядерной семантике. По грамматическим характеристикам такой глагол чаще всего является возвратным (что характерно для глаголов со значением психического отклонения) либо безличным.

Приведем несколько примеров по данным ГИКРЯ, основываясь на том, что именно интернет-коммуникация дает объективное представление о функционировании появляющихся языковых единиц в живой разговорной речи.

Прилагательное *ишизанутый* обнаруживает в ГИКРЯ 71 вхождение с 1997 г., глагол *ишизануться* (жарг. ‘стать ненормальным, свихнуться; повести себя ненормально, не так, как все’ [Кузнецов, 2000]) – 15 вхождений с 2000 г.: *Достал его контингент: бомжи, бандиты и илюхи. Я боялся ишизануться. Что-то начинает твориться с душой* [<http://magazines.russ.ru/continent/2000/106/vya.html>] (Здесь и далее примеры приводятся с сохранением орфографии и пунктуации авторов).

В словаре О. П. Ермаковой, Е. А. Земской и Р. И. Розиной 1999 г. отмечена соотнесенность жаргонного *ишизанутый* с глаголом, однако отрицается их словообразовательная связь. При этом при описании схожего по семантике и структуре *крезанутый* говорится, что однокоренной глагол *крезануть* отсутствует. Данные ГИКРЯ обнаруживают употребление этого глагола в ненормированной сетевой коммуникации: *ниче не нра как сидит, а на обувь крезануло ...* [<http://m.livejournal.com/read/user/shokoladochka/1802/comments/p1>].

Крейзанутый / крезанутый имеет 93 примера употребления с 2001 г., *крейзануться / крезануться* и *крейзануть / крезануть* – в сумме 45 примеров с 2003 г.: *прикинь? «НАБОР свистков 12 шт.» От одного – то свистка можно крезануться, а тут – 12!!!* [<http://m.livejournal.com/read/user/bigmuzzy/54532/comments/p1>].

Та же тенденция охватывает и прилагательные, образованные от имен – номинаций лиц по признаку «странности». *Фриканутый* и *фрикануть / фрикануть* фиксируются ГИКРЯ с 2005 г., однако прилагательное имеет 52 вхождения, а глаголы 10. Следует также отметить расхождение в семантике. Глагол *фрикануть(ся)* имеет значение ‘повести себя как фрик’: *А ты бы фрикнул: картинно закрыл глаза и завопил: нет! нет!*

только не это [http://m.livejournal.com/read/user/just0a0boy/56075/comments/p1]; у меня рассемеренне личности. каждую минуту вижу себя с семи разных точек зрения. Задумала **фрикнуться**, а кто то внутри меня, пока я расхаживаю, фрикканулись по улице, говорит, мол, не стыдно тебе, вырядилась, как тетка в базарный день! [mrs_norriss 20/09/2005 https://m.livejournal.com/read/user/mrs_norriss/15025].

Фрикнутый может выражать значение, коррелирующее с глаголом, ‘выглядящий как фрик’: *Поднимаюсь по деревянной лестнице на второй этаж . Замечаю какого-то **фриканутого** ДЖ с эрокезом и большим количеством косметики на лице* [http://m.livejournal.com/read/user/keng00/31928]. Однако чаще выражается более общее ‘странный, психически ненормальный’: *я успокоюсь как только ты скажешь мне всё. Я не **фриканутая** баба с отклонениями в мозгу. я всё пойму!* [vk.ru 2015].

Третья выделенная нами группа, представляющаяся особенно продуктивной, также обнаруживает схожую корреляцию с глаголами. *Толкиенутый / толкинутый* фиксируется в ГИКРЯ с 2001 г. и имеет 125 вхождений, *толкиенуться / толкинуться* – с 2004, 65 вхождений: *Зачем же ребенку такие книжки читать? Чего доброго, **толкинется*** [http://m.livejournal.com/read/user/shabelnikova/2687/comments/p1].

Следует отметить, что данные Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru] содержат гораздо меньшее число вхождений обоих лексем, но в целом отражают ту же тенденцию. В панхроническом корпусе *толкиенутый* и *толкиенуться* в разных орфографических вариантах фиксируются уже с 1996 г. в текстах СМИ, однако частотность их имеет схожие расхождения: 16 случаев употребления прилагательных, 2 – глагола. В газетном корпусе центральных СМИ соответственно 15 и 2.

Глагол *православннуться* имеет 10 употреблений в ГИКРЯ с 2008 г., тогда как *православнутый*, как уже было сказано, 2420 употреблений с 2005 г.: *после того как шевчук **православнул**ся катарсис – что-то новое. захвати к нам в субботу, плиз:)* [lisa_sestra 2008. http://m.livejournal.com/read/user/lisa_sestra/73821/comments/p1].

Прилагательное *навальнутый* появляется в ГИКРЯ в 2011 г., также, как и глагол *навальнуться*, но глагол фиксируется в единичном контексте, где описывается его значение, весьма далекое от значения прилагательного: *навальнулось = потерпело полное фиаско. Напр.: «Сначала все шло неплохо, а потом неожиданно навальнулось»* [http://m.livejournal.com/read/user/golubka_smile/53847].

Значительное расхождение в семантике обнаруживает и пара *инсайтнутый – инсайтнуть(ся)*. Глагол фиксируется в ГИКРЯ с 2007 г. в значении ‘получить инсайт’: *Красиво написано. Всем советую. **Инсайтнул**ся очередной раз :)* [http://m.livejournal.com/read/user/andrew_courage/15857]. В значении безличного: *хотел было сказать «да быть такого не может...» потом меня **инсайтнуло**, что права, ведь, девочка...* [http://m.livejournal.com/read/user/viktortolstikov/9702].

Прилагательное же *инсайнутый* (в ГИКРЯ с 2012 г.) имеет значение ‘не вполне нормальный’ (чрезмерно увлеченный получением инсайтов), выражает негативную оценку и имеет экспрессивную окраску: *Самой недо- учки. Пророки и просветленные. Просветители и инсайнутые. Нищие духом, блаженные и звезданутые* [http://m.livejournal.com/read/user/ammon_cheek/225294].

Менее употребительные и окказиональные прилагательные этой группы не обнаруживают зафиксированных глагольных коррелятов, однако грамматическая аналогия позволяет образовать такие глаголы, которые в силу соотношения с прилагательными на *-(а)нутый* будут иметь общую сему ‘стать психически не совсем нормальным’.

Наблюдения за адъективно-глагольной корреляцией исследуемых нами лексем позволяют сделать вывод, что экспрессивный суффикс *-(а)нут-* вполне сформировался в русском языке как средство отыменного образования прилагательных для выражения семантики странности, ненормальности на основании, названном производящим словом. Несмотря на ассоциированность с глагольными морфемами, образование таких прилагательных минует стадию глагола. Однако глагольная этимология аффикса позволяет производить одноосновные глаголы, коррелирующие с такими прилагательными по семантике сумасшествия, отклонения от нормы. За рамками внимания остались прилагательные похожей структуры, выражающие значения отклонения от нормы, не относящиеся к лицу (*баганутый, глюканутый, лажанутый, оверпрайснутый* и др.), а также случаи употребления приведенных прилагательных в метонимическом значении по отношению к не-лицу (*толкиенутое имя, фриканутый вид*). Продуктивность описанных типов прилагательных и их функциональные возможности, на наш взгляд, свидетельствуют об особом отношении русскоязычного сознания к семантике странности, ненормальности, отклонения от нормы, которое связывается с идеей избыточности, чрезмерности, в большинстве случаев оцениваемых негативно.

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М. : Высш. шк., 1986.
- Генеральный интернет-корпус русского языка. URL: <http://www.webcorpora.ru>.
- Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арго: 27 000 слов и выражений. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2003.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и значительно умножен. по рукописи авт. СПб. ; М. : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882 г. (Репринтное издание Библиотека «Руниверс»). Т. 4.
- Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов / под общ. рук. Р. И. Розиной. М. : Азбуковник, 1999.
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar?ysclid=mbaz022892508638248>.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд. стереотип. М. : Рус.яз., 1999. Т. 2 : Панцирь–Ящур.
Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. М. : Рус. яз., 2001.

A. D. Komysheva, Candidate of Philology (Moscow)

**YOGANUTOGO INSIGHTNULO:
ADJECTIVAL–VERBAL CORRELATION OF NEOLOGISMS
IN THE SEMANTIC FIELD OF STRANGENESS**

Abstract. The subject of this study is adjectives ending in *-(a)нутый* expressing the meaning of 'strange, not quite normal'. In non-normalized Internet communication, along with well-known verbal adjectives such as *тронутый,шибанутый,чокнутый* (crazy), related to rude colloquial speech, jargon and argot, there is a large number of lexemes, derivate from nouns and adjectives with a common semantic component 'strange': *шизанутый, бзикнутый, толкиенутый, йогнутый, ве-занутый* and many others. Despite the nominative nature, some of them (the most frequent ones) show a correlation with verbs: *шизануть(ся), толкиентуть(ся)* and so on. The article provides a classification of this type adjectives and examines the nature of their correlation with verbs. The conclusion is made about the development of new expressive word-formation morpheme for expressing the semantics of strangeness in Russian.

Keywords: adjective, expressive derivation, adjectival-verb correlation, derivate semantics.

Лю Гэнцзюнь, аспирант

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва

**ВОКРУГ КАК ПЕРЕХОДНАЯ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЕДИНИЦА:
СОПОСТАВЛЕНИЕ С КИТАЙСКИМ 周围**

Аннотация. Анализируется пространственная единица русского языка *вокруг* в ее переходном статусе между предлогом и наречием, а также проводится ее сопоставление с китайским аналогом 周围. Исследование основано на когнитивном подходе в изучении грамматических категорий (теория прототипов). Демонстрируется бифункциональность обеих лексем: они способны функционировать как с управляемым компонентом, так и без него. Через анализ синтаксических и семантических особенностей выявляется, как единицы выражают идею окружения, а также как они соотносятся с прототипическими центрами своих категорий. Делается вывод о том, что *вокруг* и 周围 демонстрируют сходные когнитивные модели представления пространства, несмотря на различия в языковых системах.

Ключевые слова: пространственные единицы, когнитивная грамматика, *вокруг*, 周围, переходность, наречие-предлог, теория прототипов.

Одной из примечательных особенностей грамматической системы русского языка является наличие лексем, обладающих двойственным морфологическим статусом. Переход некоторых наречий в предлоги не завершен, и в современном русском языке существуют так называемые *наречия-предлоги* – единицы, совмещающие свойства наречий и предлогов [Бабайцева, 2000, с. 124]. Пространственное слово *вокруг* представляет собой именно такую единицу. Как *против*, *вопреки* и другие, не теряя

собственного лексического значения и управляя зависимым словом со значением объекта, *вокруг* имеет способность быть посредником между этим словом, называющим объект, на который направлено действие, и словом, называющим действие [Милованова, 2015, с. 230]. Поэтому на основе теории прототипов мы можем представить два центра: простые предлоги как идеальные образцы и наречия с их ядерными функциями. Наиболее представительное ядро расширяется по кругу, образуя соответствующую категорию [Чжао Яньфань, 2000, с. 61]. На периферии эти категории пересекаются.

Наиболее частотным и традиционным является употребление *вокруг* в функции предлога, управляющего существительным в родительном падеже:

Дети бегают вокруг дома.

Он поставил забор вокруг участка.

В этих случаях *вокруг* является типичным пространственным предлогом с конкретным лексико-грамматическим профилем. Оно выражает локализацию по периметру, направленность по окружности и структурно подчиняет себе существительное. Это употребление соответствует ядру предложной категории в духе теории прототипов: прототип больше соответствует классическим характеристикам этой категории и больше стимулирует человека [Рош, 1973, с. 328].

Однако слово *вокруг* также активно функционирует в роли наречия:

Он оглянулся вокруг.

Вокруг было тихо.

Посмотри вокруг – здесь красиво.

Здесь оно не имеет свойства предлога: не управляет падежом, не требует дополнения, примыкает к глаголу. В синтаксическом плане оно является самостоятельной членимой единицей, соответствующей наречию. При этом оно сохраняет пространственную семантику – идею «окружающего», но не указывает на конкретный ориентир. Такие случаи можно рассматривать как периферийные с точки зрения предложной функции, но центральные для наречия.

Таким образом, *вокруг* занимает промежуточное положение на шкале переходности между предлогом и наречием, что подтверждается как формально, так и функционально.

В китайском языке пространство выражается преимущественно при помощи локативных существительных, послелогов и пространственных наречий. Лексема *周围* в большинстве случаев выступает как пространственное имя или постпозиционный компонент:

他坐在房子周围。

孩子们围绕着池塘周围玩耍。

Однако встречаются случаи, когда *周围* употребляется самостоятельно – как наречие:

周围一片寂静。
他向周围看了看。

Как и *вокруг*, 周围 в данных примерах не требует зависимого компонента, может употребляться отдельно и выражает обобщенную локализацию. Это приближает ее к русским наречиям места и позволяет говорить о ее переходном статусе.

Сопоставление показывает, что и *вокруг*, и 周围 демонстрируют схожую когнитивную структуру. В обоих случаях ядром является представление о периметре, окружении, о чем свидетельствует этимология: *вокруг* образовано от *круг*, которое в Толковом словаре Даля определяется как 'сомкнутая кривая черта, всюду равно удаленная от средоточия' [Даль, 1955, с. 200], 周围 – иероглифически «обход» + «окружение».

С точки зрения синтаксической гибкости, обе единицы способны функционировать как с управлением, так и без. Они представляют собой лексемы с высокой степенью грамматической мобильности и хорошо иллюстрируют прототипическую модель категориального членения: от центра (предлоги / послелого с управлением) к периферии (наречия без управления).

Следует также отметить, что в китайском языке пространственные отношения нередко выражаются через постпозиционные конструкции, тогда как в русском языке доминируют предлоги. Это создает разницу в синтаксической организации, но когнитивная схема – представление о «пространственном обрамлении» – остается аналогичной.

Рассмотренные единицы подтверждают, что грамматические категории являются не фиксированными классами, а континуумами. Их границы подвижны, а принадлежность слова к той или иной категории зависит от контекста и функциональной нагрузки.

На примере *вокруг* и 周围 видно, как лексема может смещаться от служебной части речи к знаменательной, отражая когнитивные процессы категоризации и концептуализации пространства. В этом контексте переходные формы выполняют роль связующего звена и демонстрируют взаимодействие синтаксических и семантических факторов.

Пространственные единицы *вокруг* и 周围 являются примерами переходных лексем, занимающих пограничное положение между предлогами и наречиями. Их анализ с когнитивной точки зрения позволяет глубже понять динамическую природу грамматических категорий и универсальные принципы организации пространственного знания в языке.

Литература

Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка : монография. М. : Дрофа, 2000.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М. : Гос. изд-во иностр. нац. словарей, 1955.

Милованова М. С. Семантика противительности: Опыт структурно-семантического исследования. М. : Флинта : Наука, 2015.

Рош Э. Естественные категории // Когнитивная психология. 1973. Т. 4, № 3. С. 328–350.

赵艳芳. 认知语言学概论. 上海: 上海外语教育出版社, 2001. (Чжао Яньфань. Введение в когнитивную лингвистику. Шанхай: Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 2001.)

Liu Gengjun, postgraduate student (Moscow)

ВОКРУГ AS A TRANSITIONAL SPATIAL UNIT: COMPARISON WITH CHINESE 周围

Abstract. The article examines the Russian spatial unit **вокруг** and its Chinese equivalent **周围** in their transitional status between a preposition and an adverb. Both words exhibit cognitive flexibility and categorical ambiguity, which allows them to be analysed within the framework of prototypical theory and transitional theory. The comparative analysis reveals universal features of the representation of the surrounding space in Russian and Chinese.

Keywords: spatial units, cognitive grammar, **вокруг**, **周围**, transitivity, adverbial preposition, prototypical theory.

Д. И. Мартьянова, магистрант

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПУТЬ «КОЛОБКА» ЧЕРЕЗ ГРАММАТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Рассматриваются особенности перевода русской народной сказки «Колобок» на японский язык. Дается краткий обзор известных на данный момент переводов, представленных в книжных магазинах Японии. Материалом, на котором базируется исследование, выступает перевод Ягита Ёсико (1994 г.). Выявляются основные стратегии лингвокультурной адаптации русского фольклорного текста при переносе в иноязычную среду. В ходе анализа уделяется особое внимание трансформации ключевых элементов, в числе которых наименование главного героя, повторяющиеся формулы, песенный фрагмент и общая композиционная структура произведения. Результаты исследования демонстрируют многообразие приемов адаптации: применение звукоподражательных средств, модификацию характеристик персонажей, изменение грамматической структуры в повторяющихся элементах – и демонстрируют инвариант адаптирования культурной специфики русской сказки для японской детской аудитории.

Ключевые слова: русско-японский культурный обмен, японский язык, лингвокультурная адаптация, детская литература, перевод сказки.

Народная сказка представляет собой важный механизм межкультурной трансмиссии, в котором элементы культурной специфики сочетаются с универсальными сюжетными моделями. При переводе подобных фольклорных текстов возникает проблема адаптации национального колорита для иноязычного реципиента. Особую сложность представляет необходимость лингвокультурной адаптации детской литературы, поскольку тре-

буется не только сохранить художественную ценность произведения, но и культурно-воспитательную функцию сказки для детской аудитории.

Область сказки, как отмечал В. Пропп, «огромна, для ее исследования требуется работа нескольких поколений ученых» [Пропп, 2000]. В данной статье делается попытка приблизиться к пониманию стратегий лингвокультурной адаптации фольклорного материала путем исследования особенностей адаптации русской народной сказки «Колобок» в японской иноязычной среде.

Согласно сравнительному указателю сказочных сюжетов (основанному на индексе Аарне – Томпсона – Утера), сказка «Колобок» располагается под номером 2025=AA *296 и встречается как минимум в 25 различных сборниках на русском, белорусском и украинском языках [Сравнительный указатель сюжетов]. Ввиду древности происхождения для текста сказки характерна рекурсивная структура – повторение отдельных фрагментов. Во всех версиях сказки на русском языке цепочная композиция сохраняется.

Наибольшую известность получили версии народной сказки «Колобок» Е. Авдеевой-Полевой (первая письменная фиксация текста в 1844 г.), К. Ушинского (авторская литературная обработка для детей, 1864 г.) и А. Афанасьева (фиксация народной версии сказки в фольклорном сборнике, 1870 г.). Вероятнее всего, именно данные версии послужили основой японских переводов.

В 1966 г. переводчик Сэта Тэйдзи представил японской аудитории произведение под названием *おだんごぱん оданго пан* или «Хлеб круглой формы оданго». В 1994 г. была издана книга под названием *パンはころころ пан-ва коро-коро* «Покатился хлебешек» с рисунками и пересказом от Марсии (Марши) Браун, писателя и иллюстратора. Переводчиком выступила Ягита Ёсико, а на первой странице мы находим посвящение «Наде» – предполагаем, что рассказала переводчице о сказке и помогла прояснить некоторые моменты именно она. Дальнейший анализ основывается преимущественно на переводе Ягита Ёсико.

При переводе художественного произведения возникает задача интерпретировать культурно-специфичные элементы исходного текста с целью их адаптации для культуры-реципиента. При работе со взрослой аудиторией часто возникает кросскультурный диалог, когда происходит взаимодействие культур языка оригинала и перевода, при котором «чужой» принимающей стороне компонент остается на своем месте практически без изменений, поскольку читатель готов к восприятию иноязычной парадигмы. Однако в произведениях, предназначенных для детей (особенно в текстах прошлых лет), на наш взгляд, приоритетное значение приобретает лингвокультурная адаптация – процесс интеграции переводного текста в культурный контекст иной страны.

По мнению Н. А. Фененко, главная стилистическая особенность русской сказки, ее «внутренняя поэзия» создается через фольклорные элементы, в числе которых фольклорные реалии, формулы, присущие русским сказкам, зачины, повторы и присказки [Фененко, 2001]. При переводе сказки «Колобок» трансформации подверглись как составляющие «внутренней поэзии», так и более мелкие языковые единицы.

Процесс лингвокультурной адаптации сказки «Колобок» для японской аудитории характеризуется существенными лексическими трансформациями. В этом смысле одна из основных сложностей заключается в передаче наименования главного героя, самого слова *Колобок*, не имеющего абсолютных аналогов в японской культуре.

В ранних переводах была использована описательная стратегия. *おだんごぱん* *оданго пан* или «Хлеб круглой формы оданго» – это авторский неологизм, демонстрирующий форму главного героя через отсылку к традиционному японскому кондитерскому изделию. В поздних версиях текста переводчики прибегли к оноματοпэтическим средствам: *パンはころころ* *пан-ва коро-коро*, где *коро-коро*, представляет собой звукоподражание перекатывания, созвучное с *Колобок*. Альтернативным решением стало использование прилагательного в одном из переводов: *まんまるパン* *манмару пан* «(Совершенно) круглый хлеб», где *まんまる* *манмару* является прилагательным.

Еще одна особенность лингвокультурной адаптации «Колобка» – изменение повторяющихся мотивов в тексте сказки. Так, фраза *Колобок, Колобок, я тебя съем*, которую повторяет каждый из зверей, в переводе Ягита Ёсико трансформируется в реплику, изменяющуюся в зависимости от устоявшегося образа говорящего ее животного. Если заяц сохраняет прямолинейность высказывания, близкую к оригиналу, то волк ограничивается кратким *Колобок, ты – мой!* Медведь представлен более многословным и степенным персонажем. В нескольких предложениях он рассуждает о своей удаче повстречать на пути Колобка, так как очень хотелось поест именно хлеба.

Значительной структурной модификации подверглась песня главного героя. Вместо монотонного перечисления *я от дедушки ушел, я от бабушки ушел* и далее, в рассматриваемой версии сказки речь Колобка более разнообразна лексически. Наряду с сохранением ритмической структуры, рефрен Колобка дополняется наречиями, характеризующими способ избегания напасти: *ひらり* *хирари* ‘проворно’, *すり* *сурури* ‘легко’, *ちろり* *тё-рори* ‘мгновенно’, *けろり* *кэ-рори* ‘невозмутимо и быстро’. Данные лексемы принадлежат к одной семантической группе и за счет сохранения сходного количества мор в слове не нарушают общего ритмического рисунка.

Кроме того, в целях передачи смысла русского глагола *ушел*, используется глагол *にげる* *нигэру* ‘убегать (от кого-то)’, который до финальных

строка песни Колобка используется в срединной форме, создавая эффект незавершенности действия.

Характерные трансформации наблюдаются в описании ухода главного героя от очередного персонажа. Конструкция *И покатился дальше, только ... его и видел* заменяется структурой, где животное становится ремой предложения, а его действия выносятся в первую часть. Простой предикат *видеть* заменяется описанием характерных для данного животного действий, которые тот не успевает выполнить.

Рассмотрим, как это происходит, на примере ситуации с зайцем.

Оригинал: *и покатился себе дальше; только заяц его и видел!*

Перевод: ‘не успел заяц подпрыгнуть, хлебушек круть-круть и покатился’.

За счет введения ремы, акцент в каждой конкретной ситуации смещается с действий Колобка на характеристики его собеседника, таким образом завершая событийную линию с отдельно взятым животным.

Анализ японских переводов русской народной сказки «Колобок» выявляет комплекс стратегий лингвокультурной адаптации фольклорного текста. Переводчики применяют такие приемы, как создание неологизмов, использование ономатопеических средств, модификация характеристик персонажей, изменение грамматической и композиционной структуры повторяющихся элементов.

Результаты исследования демонстрируют инвариантную модель адаптации культурной специфики русской сказки для японской детской аудитории при сохранении основного сюжета и функциональной направленности произведения. Такие сказки, как «Колобок» и «Репка», входят в число наиболее известных русскоязычных произведений на территории Японии и активно используются в образовательных мероприятиях, посвященных детской иностранной литературе.

Литература

- Афанасьев А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. М. : Наука, 1984–1985.
- Балицкая И. В., Яндарханова М. М. Особенности русской сказки «Колобок» и американской сказки «The Gingerbread Man» // Филологический журнал. 2022. Вып. 26. С. 12–15.
- Богатырева Ж. В., Зимина Н. Ю. Сказка как феномен культуры // МНКО. 2015. № 3 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skazka-kak-fenomen-kultury>.
- Войнич И. В. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Пермь, 2010.
- Колобок: Русские народные сказки в пересказе К. Д. Ушинского. М. : Дет. лит., 1989.
- LiveJournal. URL: <https://laila50.livejournal.com/775075.html>.
- Пропп В. Я. Русская сказка / науч. ред., коммент. Ю. С. Рассказова. М. : Лабиринт, 2000.
- Сравнительный указатель сюжетов // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/sus/ anek123.htm>.
- Фененко Н. А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnaya-adaptatsiya-teksta-pri-perevode-predely-vozmozhnogo-i-dopustimogo>.
- おだんごばん / 日本傑作絵本シリーズ. – 福音館書店, 1966. 24 с.

Brown, Marcia. Панはころころ : ロシアのものがたり / Marcia Brown ; пер. 八木田宜子 . – 新装版. – 富山房, 1994. 32 с.

D. I. Martyanova, Master of Linguistics (Irkutsk)

THE JOURNEY OF “KOLOBOK” THROUGH GRAMMATICAL STRUCTURES: LINGUOCULTURAL ADAPTATION IN TRANSLATION INTO JAPANESE

Abstract. This article examines the peculiarities of translating the Russian folk tale «Kolobok» into Japanese. A brief overview of currently known translations available in Japanese bookstores is provided. The research is based on the translation by Yagita Yoshiko (1994). The main strategies of linguocultural adaptation of Russian folklore text when transferred to a foreign language environment are identified. The analysis pays special attention to the transformation of key elements, including the protagonist's name, repetitive formulas, song fragments, and the overall compositional structure of the work. The research results demonstrate the diversity of adaptation techniques: the use of onomatopoeic means, modification of character traits, changes in grammatical structure in repetitive elements, and reveal the invariant of adapting the cultural specificity of the Russian tale for Japanese child audiences.

Keywords: Russian-Japanese cultural exchange, Japanese language, linguocultural adaptation, children's literature, fairy tale translation.

Т. И. Семенова, доктор филологических наук, профессор
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КАТЕГОРИЗАЦИЯ СИТУАЦИЙ ПОРИЦАЕМОГО ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей лексической и грамматической категоризации поведенческих ситуаций в русской и англоязычной картинах мира. Описываются способы языковой объективации полипропозициональной когнитивной модели поведения, анализируются структурные, семантические, прагматические особенности, рассматриваются аспектуальные свойства предикатов поведения в русском и английском языках. Выявляется интерпретирующий потенциал категориального значения длительного вида в английском языке и интерпретирующий потенциал краткой формы прилагательного в русском.

Ключевые слова: наблюдаемое поведение, категоризация, интерпретирующий потенциал, интерпретационный предикат, категория длительного вида, краткая форма прилагательного.

Закрепление в языковых формах поведенческих девиаций обусловлено закономерностями концептуализации и категоризации действительности, способностью человека воспринимать мир избирательно и прежде всего замечать аномальные явления [Арутюнова, 1999, с. 74–76]. В семантике обыденной речи как в русском, так и в английском языках отражены разного рода поведенческие девиации, фиксирующие нарушение социальных норм, норм личного поведения, норм кооперативного взаимодействия и норм общественного порядка.

Глаголы поведения относятся к глаголам стереоскопической семантики, основной особенностью которых является присутствие в их семантике синхронного наблюдателя, не совпадающего с субъектом наблюдаемой деятельности. Участие субъекта сознания / оценки в семантической структуре глаголов поведения позволяет отнести их к особому лексико-семантическому классу интерпретационных предикатов, обозначающих не само наблюдаемое действие, а его интерпретацию [Падучева, 1996; Апресян, 2004]. Из толкования интерпретационных глаголов следует, что когнитивный сценарий ситуации порицаемого поведения включает две логически упорядоченные пропозиции, одна из которых вербализует конкретное наблюдаемое действие, а вторая пропозиция вводит вторичную номинацию той деятельности, которую «ее субъект, скорее всего, назвал бы иначе» [Падучева, 1996, с. 150], ср.: (1) *Парни **дурачились** и под ритмичную музыку синхронно танцевали с подносами, на которых стояли бутылки и бокалы, лежали тарелки и приборы* [ruscorpora.ru]; (2) *Соня. Пожалуйста, не **капризничай**! Может быть, это некоторым и нравится, но меня избавь, сделай милость. Я этого не люблю* [ruscorpora.ru]; (3) *Володя заметно **важничал**: должно быть, он гордился тем, что приехал на охотничьей лошади, и притворялся, что очень устал* [ruscorpora.ru]. Наблюдаемое действие как предмет интерпретации может быть вербализовано, как в (1) и (3), но может быть и подразумеваемым, имплицитным, при этом в высказывании эксплицируется его интерпретация, результатом которой является квалификация «частного события как проявления определенного типа поведения» [Падучева, 1996, с. 150].

Сопоставительный анализ способов категоризации ситуаций порицаемого поведения свидетельствует о доминировании в русской языковой картине мира глагольных номинаций в объективации исследуемых ситуаций. Значение поведения вербализуется производными лексическими единицами, образованными от адъективных и субстантивных основ названий людей, поведение которых имеет яркие характерные черты (*упрямиться, упорствовать, лицемерить, бездействовать, хулиганить, бесчинствовать*) [Падучева, 1996; Апресян, 2004]. М. Я. Гловинская выделяет в русском языке интерпретационное значение грамматической формы несовершенного вида [Гловинская, 1982], однако вследствие того, что интерпретационное значение может совмещаться с другими видо-временными значениями этой формы, Ю. Д. Апресян предлагает трактовать интерпретационное значение как лексическое, а не грамматическое [Апресян, 2004, с. 5].

В англоязычной картине мира когнитивный сценарий ситуаций порицаемого поведения объективируется единицами лексического уровня [Савватеева, 2019], а также получает языковое закрепление средствами грамматического уровня – длительной формой стательного глагола *be* и прилагательного или существительного со значением личностных свойств, ср.: (4) *I **am probably being a fool** to turn you down*

[natcorp.ox.ac.uk]; (5) *She is being naughty, as usual* [natcorp.ox.ac.uk]; (6) *I went over to him wondering if something was wrong or if he was just being lazy* [natcorp.ox.ac.uk]. В примерах выше объективируются поведенческие ситуации *дурачиться* / *капризничать* / *лениться*. Как уже было отмечено выше, о проявлении поведенческих характеристик мы судим по некоторым конкретным и внешне наблюдаемым действиям. В примере (4) говорящий интерпретирует отказ от приглашения (*to turn you down*) как недальновидное поведение, однако в примерах (5) и (6) объективное описание действительности заменяется ее интерпретацией.

Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что человек может подводить под определенный тип поведения действия, не имеющие ничего общего друг с другом. Так, например, когнитивной основой поведенческой ситуации «вести себя глупо», вербализуемой как *being silly*, выступают ментальные и речевые действия, например, когда хвастаются о своем бизнесе: (7) *Yet, her father was being silly, bragging about the business* [natcorp.ox.ac.uk]; когда думают, что работа мешает личным отношениям: (8) *Perhaps she was being silly in thinking that her job was the stumbling block between them* [natcorp.ox.ac.uk], когда жалуются: (9) *One patient who complained was told to stop being silly* [natcorp.ox.ac.uk]. С точки зрения аспектуальных свойств как русские, так и английские предикаты поведения сочетаются с начинательными и финитными глаголами, ср.: (9) *The Green party's time is now, but it needs to stop being polite – and start picking some fights* [natcorp.ox.ac.uk] – *Время партии зеленых пришло, но ей пора перестать быть вежливой и начать затевать драки*.

В англоязычном медиадискурсе в конструировании образов политиков прагматически значимыми оказываются высказывания, в которых действия, решения, поступки политиков, бизнесменов подводятся под определенный тип политического или делового поведения, ср.: (10) *Elon Musk is being ridiculous. Companies are free to choose where to advertise. Elon Musk's X has launched a lawsuit in Texas claiming it is the victim of an 'illegal boycott' by advertisers* (The Guardian 07.08.24). Поданный компанией Илона Маска иск в суд в Техасе на ряд крупных рекламодателей в связи с их отказом размещать рекламу на платформе X интерпретируется как глупое, абсурдное, смехотворное поведение.

Ю. Д. Апресян выделяет присущую глаголам поведения компаративность как интерпретацию наблюдаемого поведения путем сравнения с поведением, типичным для какого-то класса людей [Апресян, 2004, с. 13]. В английском языке в аналогичных случаях позицию предикатива в высказываниях с длительной формой глагола *to be* занимают существительные с поведенческими импликациями, актуализируя при этом значение ‘вести себя, как это свойственно / подобно лицу’. Так, например, политическое поведение Дональда Трампа с присущим ему стремлением к пересмотру традиционных политических норм и институтов, получает следующую интерпретацию, ср.: (11) *He is being a cultural revolutionary, a Mao*

Zedong, a grandiloquent system smasher. He wants to reorder Washington's role in the US and the US's role in the world (The Guardian 27.03.25) 'Он ведет себя как культурный революционер, Мао Цзэдун, высокопарный разрушитель системы'. Прецедентный антропоним *Мао Цзэдун* актуализирует поведенческие принципы Дональда Трампа в сознании массового адресата через уже известный концепт культурной революции, инициированной Мао Цзэдуном, которая была отмечена жестокой классовой борьбой, уничтожением культурных артефактов и беспрецедентным возвышением культа личности Мао.

Политические действия главы британского правительства Кира Стармера во время массовых беспорядков и протестных акций против мигрантов в августе 2024 г. получают метафорическую интерпретацию, сферой-источником которой выступает эмпирическое прилагательное *tough*, посредством которого вербализуется жесткая, суровая, непреклонная политическая позиция премьер-министра, ср.: (12) *Starmer is being tough on the rioters, but history shows that preventing further unrest is the real challenge* (The Guardian 07.08.24). В анализируемой заголовке статьи представлена квалификация / интерпретация действий политика, которые вербализованы в содержании статьи, ср.: *About 400 arrests have been made. Others will follow. Courts are beginning to impose heavy sentences* (рост числа задержанных участников беспорядков, ужесточение судебной системы, максимально суровые приговоры).

В ракурсе типологического исследования способов категоризации ситуаций поведения, обратимся еще к одному фрагменту англоязычного медиатекста, в котором в интерактивном режиме обсуждается проблема мобильной зависимости детей. Интерес в данном случае представляют способы грамматической репрезентации личностных свойств и их поведенческих проявлений в английском и русском языках, ср.:

(13) *My mum won't let me have a smartphone. Is she being unfair? Is my mum just stubborn or am I complaining too much and making a mountain out of a molehill?*

– *Your mum isn't being any more stubborn than you. You're entitled to be listened to, but throughout all of this you need to be able to communicate with your mum and she with you* (The Guardian 18.05.25).

'Мама не разрешает мне иметь смартфон. Она несправедлива? Моя мама просто упрямая, или я слишком много жалуюсь и делаю из мухи слона?'

– *Ваша мама не более упряма, чем вы. Вы имеете право быть услышанными, но на протяжении всего этого вам нужно уметь общаться с мамой, а она с вами'.*

Языковые факты свидетельствуют о категоризации личностных свойств и поведенческих проявлений в русском языке пропозициями с разными видовыми характеристиками: *My mum is stubborn* vs *Your mum isn't being stubborn*, в то время как в русском языке аналогичные катего-

риальные значения вербализуются полными и краткими формами прилагательных *Мама просто упрямая vs Мама упрямая*. Предложенный Г. М. Зельдовичем прагматически ориентированный анализ краткой формы прилагательного [Зельдович, 2012, с. 467] может быть экстраполирован на анализ коммуникативной асимметрии высказываний типа *My mum is stubborn / Your mum isn't being stubborn*. Вслед за Г. М. Зельдовичем считаем возможным обосновывать прагматический оттенок кратких форм прилагательных заложенными в них импликатурами. Семантика кратких форм не ограничена значением кратковременного признака, краткая форма требует внимания к следствиям, к прагматическим импликациям данного высказывания. В терминах автора речь идет о существовании «рамочной ситуации», в которой имеет место проявление того или иного типа поведения.

Итак, в ходе проведенного исследования получено новое знание о закономерностях концептуализации и категоризации ситуаций поведения в русском и английском языках. Языковая категоризация ситуаций поведения как в русской, так и в англоязычных картинах мира объективирует когнитивно сложную структуру знания, в которой знание о наблюдаемых действиях подвергается интерпретации как определенный тип поведения.

Полученные результаты расширяют представление о когнитивном статусе грамматических явлений.

Литература

- Апресян Ю. Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1(7). С. 5–22.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки рус. культуры, 1999.
- Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М. : Наука, 1982.
- Зельдович Г. М. Прагматика грамматики. М. : Языки славянских культур, 2012.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.
- Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М. : Языки рус. культуры, 1996.
- Савватеева И. А. Вербализация семиотического и аксиологического потенциала концепта BEHAVIOUR в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2019.
- British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
- Ljung M. Reflections on the English Progressive. Gothenburg Studies in English. 1980. Vol. 46.

T. I. Semenova, Doctor of Philology, Professor (Irkutsk)

CATEGORIZATION OF NEGATIVE BEHAVIOR MEANINGS IN RUSSIAN AND ENGLISH WORLD VIEWS

Abstract. The paper discusses lexical and grammatical means of shaping and structuring behavior meanings in Russian and English worldviews. The study considers linguistic categorization of the cognitive model of negative behavior meanings. Of particular concern in the paper are formal, semantic, pragmatic and aspectual properties of the verbs denoting negative behavior in Russia and English. The study brings into focus the interpretative function of the English progressive aspect and highlights interpretative implications of short forms of Russian adjectives.

Keywords: observable behavior, categorization, interpretative progressive, the category of aspect, interpretative verbs, short form of adjectives.

Н. Ю. Тразанова, кандидат филологических наук
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ЕДИНИЦ ГРАММАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ
С РУССКОГО НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ
И. С. ТУРГЕНЕВА «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»)**

Аннотация. Представлены примеры лингвокультурной адаптации на грамматическом уровне, которые применялись при переводе художественного текста с русского языка на японский язык. Целью исследования является выявление природы лингвокультурной адаптации, а также способов применения грамматических трансформаций, необходимых для «настройки» художественного текста для японской лингвокультуры.

Ключевые слова: лингвокультурная адаптация, художественный текст, грамматические трансформации, перевод с русского на японский язык.

Перевод художественного текста выступает как процесс многоликий, трудоемкий, творческий, требующий исследовательского креативного подхода от переводчика как посредника между автором произведения и читателем. И потому он не ограничивается сферой переводоведения, но имеет глубокие взаимосвязи с лингвокультурологией, лингвофилософией, литературоведением, семиотикой, стилистикой и т. д.

В качестве объекта данной работы предлагается изучить вопрос преобразования текста, необходимого для вхождения художественного произведения в иную лингвокультуру с сохранением авторского стиля и прагматического потенциала.

Поскольку межъязыковой перевод априори предполагает изменение текста в зависимости от соотношения множества культурных и языковых факторов, ключевой термин данного исследования определяется следующим образом: «Лингвокультурная адаптация представляет собой приспособление явлений ИТ (исходного текста. – *прим. ред.*) к социально-культурной действительности носителей ПЯ (переводящего языка. – *прим. ред.*). Это своеобразное “вписывание” текста перевода в матрицу принимающей лингвокультуры» [Нелюбова, Фомина, 2018, с. 215].

Более того, трансформация текста при значительном различии типов языков нередко приводит к раскрытию синтаксических структур и переосмыслению порядка членов предложения, то есть к полной или частичной реконструкции текста, требующей особенной внимательности и высокого уровня мастерства от переводчика.

Среди стратегий лингвокультурного преобразования текста известны как полярные варианты – доместикация и форенизация, – так и комплексный подход «золотая середина». Применение стратегий доместикации и «золотой середины» предполагает, что текст перевода воспринимается

как оригинал, что делает переводчика «невидимым». Стратегия форенизации, напротив, ориентирована на создание более текста-перевода, в котором переводчик остается «видимым». При этом в реальной практике перевода, как правило, реализуется не одна стратегия в чистом виде, а некое соотношение всех трех разновидностей [Войнич, 2010, с. 6].

Первые переводы русской классики на японский язык появились в конце XIX в. вследствие стремительных изменений, охвативших Японию в эпоху реставрации Мэйдзи. Знакомство с русской литературой первоначально происходило с помощью «языков-посредников» – английского и французского. Данные переводы были весьма вольными, с приукрашенными длинными названиями, значительными сокращениями авторского текста и потому не передающими адекватного представления об образе России и русской лингвокультуре [Садокова, 2018, с. 51].

Однако с развитием Школы иностранных языков и обучения русскому языку со временем в Японии сформировалось направление переводчиков русской художественной литературы, которые видели свою задачу в максимально точной трансляции содержания и художественных особенностей перевода. Писатель-русист Фтабатэй Симэй известен как один из первых переводчиков произведений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева [Там же, с. 52].

В дальнейшем, благодаря таким переводчикам, как Каё Сэнума, Киёси Дзиндзай, Масао Ёнкава, Хидзиката Кэйта, Хадзимэ Хираи доступными для чтения становятся качественные переводы на японский язык пьес и рассказов А. П. Чехова, произведений Н. В. Гоголя и А. М. Горького.

В качестве материала для данного исследования используется повесть И. С. Тургенева «Первая любовь» в оригинале и в переводе на японский язык писателя-переводчика Киёси Дзиндзая (1903–1957). Предметом изучения являются фрагменты исходного и переводного текстов, сопоставляемые с целью выявления грамматических трансформаций.

Русский язык значительно отличается от японского прежде всего с точки зрения морфологического строя. Первый считается языком флективным, а второй – агглютинативным с примесью флективности.

Если говорить о классической модели строения предложения в японском языке, подлежащее располагается в начале предложения, далее следует дополнение, сказуемое всегда завершает предложение.

Кроме того, определение всегда располагается перед определяемым словом (так, например, прилагательное, относящееся к существительному, размещается непосредственно перед ним) [Алпатов, 2008, с. 74–75].

Категории и способы выражения вежливости также имеют несоответствия в рассматриваемых языках. В русском вежливый стиль речи характеризуется наличием специальных этикетных формул, «Вы-общением» и эвфемизацией речи. В японском языке существует более разветвленная и сложная система форм вежливости, которая проявляется

не только в применении специальных клише, но и особыми грамматическими формами, свойственными для скромного, 謙讓語 *кэндзё:го*, и почтительного, 尊敬語 *сонкэйго*, стилей речи.

Таким образом, учитывая значительные расхождения в грамматическом строе языков, целесообразно говорить о лингвокультурологической реконструкции текста, креативном и осознанном преобразовании как морфологических, так и синтаксических структур.

Более того, при переводе художественного текста необходимо сохранить авторский стиль, который обусловлен временным фактором, социокультурным контекстом и языковыми особенностями, свойственными периоду творчества писателя.

Если говорить о «великом мастере языка и стиля» И. С. Тургеневе, исследователи относят его к писателям «натуральной школы», последователи которой включали в свои произведения общенародную лексику, территориально-диалектные и профессиональные элементы, придающие повествованию особый колорит.

В романах и рассказах И. С. Тургенева нередко встречаются длинные описательные предложения, изобилующие метким и точным изображением действительности. «Быть может, от Лермонтова Тургенев усвоил аналитическую манеру письма, склонность к крупным синтаксическим группировкам в языке и любовь к определительным конструкциям с двойными и тройными эпитетами» [Пустовойт, 1980].

Обратимся к способам и приемам преобразования фрагментов повести И. С. Тургенева «Первая любовь».

Поскольку в русском предложении сказуемое обычно следует за подлежащим, а в японском предложении сказуемое располагается в конце предложения, в то время как подлежащее может размещаться в начале либо непосредственно перед сказуемым, наиболее часто в переводе встречается перестановка.

1. **Я никогда не забуду** первых недель, проведенных мною на даче. 「その別荘で過ごした最初の二、三週間のことを、わたしは決して忘れないだろう」 Соно бэссо:-дэ сугосита сайсё-но ни, сан сю:кан-но кото-о, ватаси ва кэсситэ васурэннай даро:.

2. **Мне было хорошо**, как рыбе в воде, и я бы век **не ушел** из этой комнаты, **не покинул бы** этого места. 「わたしは、水の中の魚のようにいい気持で、一生この部屋から出ていきたくない、この場から動きたくないと思った」 Ватаси ва, мидзу-но нака-но сакана-но ё:ни ий кимоти-дэ, иссё: коно хэя-кара дэтэикитакунай, коно ба-кара угокитакунай то омотта.

3. **Разговор у них шел по-французски**; меня, помнится, **удивила чистота** Зинаидина произношения. 「二人はフランス語で話し合っていたが、わたしはいまでも思い出す、ジナイーダの発音の綺麗さに、びっくりしたもの

である」*Футари ва фурансуго-дэ ханасиаттэита га, ватаси ва има-дэмо омоидасу, Дзинаида-но хацуон-но кирэйса-ни, биккури-сита моно дэ ару.*

В первом примере при переводе на японский язык наблюдается перемещение пары главных членов в конец предложения, во втором – предложение осложнено наличием однородных сказуемых и удаленностью подлежащего от сказуемого. Третье предложение представляет собой сложное предложение, в каждом из которых подлежащее удалено от сказуемого.

Применение приема членения предложения обусловлено наличием распространенных предложений (достигающих размера полноценного абзаца – около восьми строк), что свойственно авторскому стилю И. С. Тургенева.

4. *В нескольких шагах от меня – на поляне, между кустами зеленой малины, стояла высокая стройная девушка в полосатом розовом платье и с белым платочком на голове; вокруг нее теснились четыре молодые человека, и она поочередно хлопала их по лбу теми небольшими серыми цветками, которых имени я не знаю, но которые хорошо знакомы детям: эти цветки образуют небольшие мешочки и разрываются с треском, когда хлопнешь ими по чему-нибудь твердому.* 「1. わたしからほんの五、六歩離れたところ一青々したエゾいちごの茂みに囲まれた空地に、すらりと背の高い少女が、縞の入ったバラ色の服を着て、白いプラトークを頭にかぶって立っていた。2. そのまわりには四人の青年がぎっしり寄り合って、そして少女は順ぐりに青年たちのおでこを、小さな灰色の花の束で叩いているのだった。3. その花の名をわたしは知らないけれど子供たちには馴染の深い花である。4. それは小さな袋の形をした花で、それで何か堅いものを叩くと、ぽんぽんはじけ返るのであった。」*Ватаси-кара хон-но го, роппо ханарэта токоро – аоао-сита эдоитиги-но сигэми-ни какомарэта акити-ни, сурари-то сэ-но та-кай сэ:дзё-га, сима-но хаитта бара-иро-но фуку-о китэ, сирой пурато:ку-о атама-ни кабуттэ таттэита. Соно мавари-нива ёнин-но сэйнэн-га гиссири ёриаттэ, соситэ сэ:дзё ва дзюнгури-ни сэйнэн-тати-но одэко-о, тиисана хайиро-но хана-но таба-дэ татайтэиру-но дэ атта. Соно хана-но на-о ватаси ва сиранай кэрэдо кодомо-тати-нива надзими-но фукай хана дэ ару. Сорэ ва тиисана фукуро-но катати-о сита хана-дэ, сорэ-дэ нани-ка катый моно-о татаку-то, понпон-хадзикэкаэру-но дэ атта.*

В результате перевода одно сложное предложение было разделено на четыре, тесная связь между которыми сохраняется благодаря указательным местоимениям японского языка. Во втором предложении в данной роли выступает синтагма с местоимением *そのまわりには* *Соно-мавари-нива* ‘Вокруг нее...’, в третьем – *その花の名* *Соно хана-но на* ‘Названия тех цветов...’, в четвертом – *それは* *Сорэ ва* ‘Это [были цветы]...’. Подобным образом, цепочка повествования не разрывается, остается естественной и в то же время привычной для носителей японской лингвокультуры.

Для грамматического преобразования форм вежливости на японском языке применяется прием замены в сочетании с развертыванием, поскольку в оригинале почтительное отношение передается путем обращения на *Вы* и такими речевыми клише, как *имею честь, оказать услугу, пожаловать* и т. д., а в японском тексте присутствуют префиксы вежливости, почтительное обращение *様 сама* ‘господин; госпожа’, этикетные устойчивые выражения, глагольные формы почтительного и скромного стилей речи.

5. *Я имею честь говорить с княгиней Засекиной?* 「失礼ですが、ザセーキナ公爵夫人でいらっしゃいますか」 *Сицурэй дэсуга, Дзасэ-кина ко:сяку фудзин дэ ирассямасука.*

6. *Я пришел к вам с поручением от матушки* 「わたしは母の使いで参りました」 *Ватаси ва хаха-но цукаи дэ маиримасита.*

7. *...матушка, мол, моя всегда готова оказать ее сиятельству, по мере сил, услугу и просит ее пожаловать к ней часу в первом.* 「私の母は力の及ぶ限りいつ何時でも奥様のお役に立ちたいと存じている旨を述べ、十二時過ぎに御光来をお待ちすると伝えるように言いつけた」 *Ватаси-но хаха ва тикара-но оёбу кагири ицу нандоки-дэмо окусама-но ояку-ни татитай то дзондзитэиру мунэ-о нобэ, дзю:ни дзи суги-ни гоко:рай-о омати-суру то цутаэру ё:ни иицукэта.*

Необходимость и неизбежность подобающего оформления вежливых конструкций японского языка нередко приводит к тому, что при переводе с русского на японский язык фраза может увеличиваться почти в два раза!

Прием развертывания осуществляется также путем добавления глаголов направленности действия в текст перевода. Данная категория относится к языковым средствам японского языка, которые указывают на социальный статус в межличностном общении, а также на то, для кого совершается действие.

8. *Я никогда не ложился спать, не простившись с матушкой и не испросивши ее благословения.* 「わたしは寢床に入る前には、必ず母にお休みを言い、幸福してもらうことにしていた」 *Ватаси ва нэдоко-ни хаиру мазнива, канарадзу хаха-ни оясуми-о ии, ко:фуку-ситэморау кото-ни ситэита.*

9. *...я хочу, чтобы мне всегда говорили правду.* 「あたしはね、いつも本当のことだけ言ってもらいたいの」 *Атаси ва нэ, ицумо хонто:-но кото дакэ иттэморатай но.*

10. *Но, пока я волновался и строил различные планы, судьба уже порадела обо мне.* 「とはいえ、わたしがしきりに気をもんで、いろんな計画を立てているうちに、運命はちゃんとお膳立てをしてくれたのである」. *Това из, ватаси га сикири-ни ки-о мондэ, иронна кэйкаку-о татэтэиру ути-ни, уммэй ва тянто одзэндатэ-о ситэкүрэта но дэ ару.*

В примерах 8–9 обнаруживается глагол направленности действия もらう *мораву* ‘получать’, в котором помимо грамматического значения имплицитно содержится отношение благодарности к тому, от кого действие принимается. Предложение 8 преобразовано способом антонимического перевода. В буквально смысле при вторичном переводе на русский язык, оно бы выглядело так: «*Перед сном я всегда приходил к матушке пожелать ей “Доброй ночи!” и получить от нее благословение*». В примере 10 используется глагол направленности действия くれる *курэру* ‘давать’, который относится к высшей силе (судьбе), и отражает чувство благодарности за то, что она такую возможность создала.

Таким образом, подводя итог данному исследованию, необходимо отметить следующие особенности лингвокультурной адаптации на грамматическом уровне при переводе с русского на японский язык:

1. В силу значительных расхождений грамматического строя русского и японского языков, при переводе происходит лингвокультурная реконструкция текста.

2. Преобразование текста осуществляется путем таких грамматических трансформаций, как перестановка, членение предложения, замена, опущение, развертывание и др.

3. При переводе художественного текста в наибольшей степени адаптации подвергаются вежливые обороты, так как система вежливости японского языка представляет собой более сложное и разветвленное явление по сравнению с русским языком.

Литература

Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка : в 2 кн. М. : Наталис, 2008. Т. 2. С. 74–75.

Войнич И. В. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Пермь, 2010. С. 6.

Нелюбова Н. Ю., Фомина П. С. Использование приема адаптации при переводе художественных произведений, относящихся к различным типам культур (западной и русской) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 211–224.

Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев – художник слова. Великий мастер языка и стиля. URL: <https://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/pustovojt-hudozhnik-slova/velikij-master-yazykai-stilya.htm>.

Садокова А. Р. Первые переводы русской классики в Японии: от забавных казусов до общенационального признания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85), ч. 1. С. 50–53.

Тургенев И. С. Первая любовь. Библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1335/p.1/index.html>.

ツルゲーネフ・イワン 「初恋」, 1952. インターネットの図書館、青空文庫[Тургенев Иван «Первая любовь», 1952. Электронная библиотека «Аодзора бунко»]. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/000005/files/53194_45356.html

LINGUOCULTURAL ADAPTATION OF LITERARY TEXT ON GRAMMATICAL LEVEL
WHEN TRANSLATING FROM RUSSIAN INTO JAPANESE
(ON THE MATERIAL OF THE STORY "THE FIRST LOVE" BY I. S. TURGENEV)

Abstract. The article represents the examples of linguocultural adaptation on grammatical level, which were used in the process of translating literary text from Russian into Japanese. The purpose of the study is to reveal the nature of linguocultural adaptation as well as the ways of grammatical transformations, necessary to adjust the literary text for Japanese linguoculture.

Keywords: linguocultural adaptation, literary text, grammatical transformations, translation from Russian into Japanese.

М. А. Фирсова, кандидат филологических наук

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ
КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АГРЕССИИ

Аннотация. Рассматриваются синтаксические фразеологизмы, способные выражать агрессию в речи. Выделено пять фразеосинтаксических моделей, которые с прагматической точки зрения могут быть направлены на реализацию негативных эмоциональных оценок: *До чего + прил., гл. или др.; Ах ты + сущ. в Им. п.; Ну и + сущ. в Им. п.; Что за + сущ. в Им. п.; Я тебе + гл. в буд. вр.* На основе данных фразеомоделей в речи используются синтаксические фразеологизмы, обладающие негативной оценкой, которая актуализируется за счет стилистически сниженных, грубо-просторечных или бранных переменных компонентов. Установлено, что данные единицы в речи выполняют реактивную и оценочную функции. Синтаксические фразеологизмы, построенные по модели *Я тебе + гл. в буд. вр.*, могут вербализовать тактику угрозы, являющуюся прямой формой агрессии в речи.

Ключевые слова: синтаксический фразеологизм, вербальная агрессия, оценочность, стилистически сниженная лексика, тактика угрозы.

Демократизация современной речи, искажение принципов коммуникации ставит перед лингвистикой задачи по изучению разных форм речевого поведения, одной из которых является вербальная агрессия. Данный многоаспектный феномен остается актуальным предметом исследования: особенности его функционирования рассматриваются как в коммуникативно-дискурсивной (Стекова Т. И., Якель А. О.), так и в когнитивно-дискурсивной (Иссерс О. С.) парадигмах. Исследователями отмечается, что «вербальным проявлением агрессии является целый пласт лексики и фразеологии, само существование которых в языке и закреплённость в языковом сознании членов лингвокультурного сообщества свидетельствуют об агрессивных тенденциях» [Лаптева, Фирсова, 2023, с. 436].

Проявление вербальной агрессии происходит на разных языковых уровнях, в том числе на синтаксическом. Негативное или враждебное речевое поведение может быть закреплено в синтаксических фразеологизмах, например, с семантикой отрицания или неодобрения. Под синтакси-

ческим фразеологизмом понимается «модель, состоящая из постоянных и переменных элементов и имеющая самостоятельное значение, не совпадающее с синтаксическим значением конструкции и с индивидуальным значением фразеологизма, к которому восходит модель» [Солганик, 1976, с. 74].

Агрессия в синтаксических фразеологизмах, по замечанию Е. Н. Лазгуновой и А. П. Ушаковой, «проявляется в лексическом наполнении синтаксической единицы и контекста, представляется имплицитно словами с ложной положительной оценкой и основывается на последовательности постоянного и переменного компонентов, на пунктуационном и интонационном оформлении высказывания» [Лазгунова, Ушакова, 2023, с. 58]. По мнению М. Л. Хохлиной, прагматические установки реализации синтаксических идиом говорящим могут сводиться к характеристике субъекта ситуации, его оценке, а также выражению эмоционального состояния [Хохлина, 2006].

Цель данной статьи – выявить и описать структурно-семантические особенности синтаксических фразеологизмов, которые выражают вербальную агрессию.

На наш взгляд, синтаксические фразеологизмы при выражении агрессии обладают (1) реактивностью, т. е. служат способом выражения определенной реакции на сложившиеся обстоятельства или на объект, на который направлена агрессия; (2) оценочностью, так как содержат переменный компонент, обладающий оценкой; (3) целенаправленностью, поскольку в процессе реализации способны выражать категоричную негативную оценку, направленную на объект или адресата.

Нами выделено пять фразеосинтаксических моделей, которые с прагматической точки зрения способны выступать средством реализации эмоциональных оценок: *До чего + прил., гл. или др.*; *Ах ты + сущ. в Им. п.*; *Ну и + сущ. в Им. п.*; *Что за + сущ. в Им. п.*; *Я тебе + гл. в буд. вр.*

Обратимся к структурно-семантическим особенностям синтаксических фразеологизмов типа *До чего + прил., гл. или др.* С помощью данной модели говорящий дает оценку объекту или ситуации с определенными признаками, например: *До чего докатились, До чего дожили, До чего тупой, До чего муторно*. Модель *До чего + прил., гл. или др.* может использоваться говорящими для передачи различных эмоциональных оценок, так как переменным компонентом в ее структуре выступает любая лексема, в том числе и обладающая негативной экспрессией или стилистически сниженная, например: «*А потом думаю, **до чего** молдаване **народ тупой**, – говорит он, дает девушке несколько пощечин*» [ruscorpora.ru]. В данной коммуникативной ситуации во фразеомодели за счет переменного компонента актуализирована сема ‘глупость’. Говорящий в обобщенном смысле выражает негативное отношение к целому народу, дает отрицательную оценку его представителям. Вербальная агрессия, основанная на стереотипном отношении к «чужим», реализуется в категоричной негативной оценке по национальному признаку.

Использование фразеомодели с глаголами *дожили* и *докатились* в качестве переменных компонентов является реакцией на сложившуюся ситуацию, например: «*Вот до чего докатились, – возмущалась Зинаида Павловна. Ждут нашего ареста! Это же предательство!*» [ruscorpora.ru]. В контексте говорящий выражает возмущение по поводу происходящего. Переменный компонент *докатиться* 3. перен. прост. ‘довести до какого-л. унижительного состояния’ [Словарь русского языка, с. 419] позволяет трактовать синтаксический фразеологизм как ‘до чего довели’, в котором на первый план выходит отрицательная оценка. Негативную экспрессию контекста передает и восклицание говорящего *Это же предательство!* Вариативность в выборе переменных компонентов фразеологической модели *До чего + прил., гл. или др.* не влияет ее на воспроизводимость единицы, однако сам переменный компонент используется говорящим в зависимости от коммуникативных условий. Например, синтаксический фразеологизм *До чего муторно* в смысловой структуре переменного компонента имеет характеристику состояния лица ‘неприятно, тоскливо’: «*Муторно, ох до чего же муторно было на душе у профессора, все сильнее точило его сомнение: так просто или же нет заходил Краснянский?*» [ruscorpora.ru].

Фразеологическая модель *Ах ты + сущ. в Им. п.* с междометием в качестве постоянного компонента обладает субъективно-модальным значением. При вербализации агрессии во фразеомодель включаются просторечные, грубо-просторечные, бранные лексемы, например: *Ах ты дрянь, Ах ты скотина, Ах ты зараза*. Сочетание *Ах ты* обладает экспрессивным характером и усиливает воздействие на адресата (в нашем случае – негативное), например, «*Ах ты дрянь, – возмущился Ленинид, – ваче всякий стыд потеряла!*» [ruscorpora.ru]. В данной коммуникативной ситуации говорящий выражает агрессию по отношению к адресату, номинируя его бранной лексемой *дрянь* ‘низменный, ничтожный человек’ [Ушаков, с. 211]. Варьирование лексического наполнения данной фразеомодели с точки зрения выражения негативного отношения к человеку достаточно широко, например: *Пил, ел, в уюте, тепле! Нате вот Вам! Ах, ты, скотина! Ненавижу! Ненавижу!* [ruscorpora.ru]. Говорящий выражает упрек и ненависть по отношению к объекту агрессии, номинируя его *скотина* 2. презр. ‘о грубом, низком, подлом человеке’ [Словарь русского языка, с. 119].

Бранные лексемы в качестве переменного компонента могут включаться и во фразеомодель *Ну и + сущ. в Им. п.*, которая также обладает высоким прагматическим потенциалом в выражении эмоциональной оценки, например: *Ну и сволочь, Ну и скотина, Ну и дура, Ну и бестолочь*. Данные синтаксические фразеологизмы выражают реакцию говорящего на ситуацию, созданную или спровоцированную человеком, который в результате получает категоричную негативную оценку, выраженную бранными лексемами, например: *Толстой заскрипел кроватью, нагнул к*

полу и швырнул что-то в Колю. «**Ну и сволочь ты**, – сказал Коля. *Сейчас в морду получишь*» [ruscorpора.ru]. Из контекста понятно, что Коля – адресант вербальной агрессии – реагирует на физическое воздействие в свой адрес (*швырнул что-то в Колю*) и вербализует реакцию с помощью синтаксического фразеологизма *Ну и сволочь ты* с грубо-просторечным компонентом со значением ‘скверный, подлый человек; негодяй’ [Словарь русского языка, с. 56], сопровождаая высказывание угрозой физической расправы (*сейчас в морду получишь*).

Вербальная агрессия может быть направлена не только на конкретное лицо, но и на массового адресата, например: *Дело продвигалось так туго, что даже настойчивый Джюс терял терпение и осыпал своих деревянных учеников неистовой руганью: **Ну и бестолочь!** Что за дуболомы!..* [ruscorpора.ru]. Стилистически сниженный синтаксический фразеологизм *Ну и бестолочь* выполняет функцию эмоциональной оценки группы лиц по интеллектуальным свойствам и выражает агрессию говорящего, что подтверждается контекстом (*осыпал деревянных учеников неистовой руганью*).

Во фразеомодели *Что за + сущ. в Им. п.* функция переменного компонента – имени существительного – состоит не только в назывании объекта, но и в выражении отношения к нему. В аспекте вербализации агрессии данное отношение является резко негативным, например: *Что за недоумок! Что за свинья! Что за придурок!* и т. д. Синтаксические фразеологизмы рассматриваемой модели могут выражать эмоциональные реакции говорящего, направленные, например, (1) на внешность объекта *Что за уродство*, (2) на его умственные способности *Что за бестолочь*, (3) на его поведение *Что за хамство*, (4) на моральные качества *Что за гадина*.

Вербальная агрессия, реализуемая посредством синтаксических фразеологизмов, реализуется также посредством модели *Я тебе + гл. в буд. вр.*, которая выражает тактику угрозы, например: *Я тебе дам. Я тебе покажу (кузькину мать). Я тебе устрою. Я тебе устрою веселую жизнь. Я тебе устрою сладкую жизнь.*

Адресат, испытывающий негативные эмоции, выражает несогласие с адресантом, например: *«Современная любовь должна быть свободной. Если мне понравится другая девчонка»... «**Я тебе дам!**» – крикнула Галя и замахнулась на него* [ruscorpора.ru]. Вербальная угроза в данном речевом акте служит сдерживающим фактором физической агрессии говорящего (*замахнулась на него*).

Тактика угрозы, репрезентирующая конфронтационную стратегию говорящего, транслирует эмоции страха, ненависти, злости и т. п. В коммуникативных ситуациях прагматическая сущность синтаксических фразеологизмов модели *Я тебе + гл. в буд. вр.* проявляется, например, в намерении свести счеты с обидчиком: *«Ты меня еще не знаешь... – прошипел Буряк. Ну ничего, **я тебе устрою!**» И бросил трубку* [ruscorpора.ru].

Намерение говорящего жестоко расправиться с адресатом может выражаться в синтаксическом фразеологизме рассматриваемой модели с расширением его состава *Я тебе устрою сладкую/веселую жизнь*, например: *Свинец грозно нахмурил светлые брови. «В общем, готовься, сынок. Я тебе устрою веселую жизнь. Не застрелю, конечно... Пока. Но я тебе такую тюрьму организую, что небо с овчинку покажется!»* [ruscorp.org.ru]. Говорящий прямо указывает на намерение жестоко расправиться с объектом, на который направлена вербальная агрессия. Экспрессия модели *Я тебе + гл. в буд. вр.* усиливается за счет включения во фразеологизованную структуру идиомы с негативным значением *веселую жизнь устроить* ‘причинить неприятность’ [Ожегов, с. 179]. О намерении говорящего запугать коммуникативного партнера, заставить его бояться, вызвать у него чувство страха и таким образом подавить волю, подчинить свидетельствует употребление фразеологизма *небо с овчинку покажется*.

Таким образом, агрессивный потенциал рассмотренных синтаксических фразеологизмов содержится в переменном компоненте. Вербальная агрессия в синтаксических фразеологизмах, построенных по моделям *До чего + прил., гл. или др.*; *Ах ты + сущ. в Им. п.*; *Ну и + сущ. в Им. п.*; *Что за + сущ. в Им. п.*; *Я тебе + гл. в буд. вр.* может быть репрезентирована стилистически сниженными, грубо-просторечными и бранными лексемами. Проанализированный материал показывает, что синтаксические фразеологизмы данных фразеомоделей при выражении агрессии обладают реактивностью, оценочностью и целенаправленностью, а также могут свидетельствовать о негативном эмоциональном состоянии адресата.

Литература

- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
- Лаптева М. Л., Фирсова М. А. Лингвокультурные основы вербальной агрессии в русском языке // Русистика. 2023. № 4. С. 424–439.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorp.org.ru>.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка: Около 57000 слов / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 10-е изд., стер. М. : Сов. энциклопедия, 1973.
- Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.
- Солганик Г. Я. Фразеологические модели в современном русском языке // Русский язык в школе. 1976. № 5. С. 73–78.
- Стексова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2013. № 9. С. 85.
- Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М. : Дом Славянской кн., 2008.
- Хохлина М. Л. Синтаксическая идиоматика русского языка в лингвопрагматическом аспекте (на материале устойчивых моделей простого предложения) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Астрахань, 2006.
- Якель А. О. Речевой жанр «агрессивный комментарий» как коммуникационный инструмент в виртуальном дискурсе новых медиа // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2019. № 3. С. 76–80.

М. А. Firsova, Candidate of Philology (Astrakhan)

SYNTACTIC PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MEANS OF EXPRESSING AGGRESSION

Abstract. The article discusses syntactic phraseological units capable of expressing aggression in speech. There are five phraseosyntactic models that, from a pragmatic point of view, can be aimed at implementing negative emotional assessments: *What + adj., chapter*, etc.; *Oh, you + essence. in the name of P.*; *Well, and + ness. in Im.p.*; *What a + entity*. Based on these phraseomodels, syntactic phraseological units with a negative assessment are used in speech, which is actualized by stylistically reduced, roughly colloquial or abusive variable components. It is established that these units in speech perform reactive and evaluative functions. Syntactic phraseological units constructed according to the *I am to you + ch.* in the future model can verbalize threat tactics, which is a direct form of aggression in speech.

Keywords: syntactic phraseology, verbal aggression, evaluative, stylistically reduced vocabulary, threat tactics.

Н. В. Щурик, кандидат филологических наук, доцент

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Д. И. Маркова, магистрант

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА АФРОАМЕРИКАНСКОГО АНГЛИЙСКОГО: ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД

Аннотация. Статья посвящена фреймовому анализу перевода афроамериканского дискурса как динамического процесса, обусловленного культурными, социальными и лингвистическими факторами. Авторы рассматривают перевод афроамериканского дискурса через призму фрейма-сценария, включающего субфреймы «Время культуры», «Социальный статус говорящего», «Статус языка» и «Используемые переводческие стратегии». На примере романа «Прислуга» показано, как исторический контекст и эволюция Black English влияют на выбор переводческих решений. В исследовании доказываем, что перевод афроамериканского дискурса – алгоритмизированный процесс, где культурный контекст определяет переводческие стратегии, а динамика развития языка обуславливает степень компенсации на переводящем языке. Интеграция методов когнитивного моделирования, переводоведения и социокультурного анализа способствует углублению понимания социалингвистических аспектов перевода.

Ключевые слова: фреймовый анализ, афроамериканский дискурс, сценарный фрейм, переводческие стратегии, социалингвистический статус языка.

Афроамериканский вариант английского языка (Black English) обладает уникальной историей, отражающей опыт расовой дискриминации, борьбы за гражданские права и формирования культурной идентичности. Перевод данного дискурса осложняется необходимостью адекватной передачи культурно-маркированных элементов, передающих социальный статус говорящих.

Таким образом, необходимость передачи не только языковых, но и социально-культурных аспектов Black English обуславливает потребность

в системном, комплексном подходе. В рамках данного исследования таким решением становится фреймовый анализ, который позволяет систематизировать переводческий процесс, рассматривая его как динамическую систему, зависящую от таких факторов, как временной культурный контекст, социальный статус носителей языка, статус самого языкового варианта и выбор стратегии перевода.

В контексте современных лингвистических теорий под фреймом понимается упорядоченная единица знания, где четко обозначены составные элементы и взаимосвязи между ними. Фрейм – это форма культурно закрепленного, общепринятого знания, разделяемого хотя бы частью языкового сообщества [Болдырев, 2014, с. 108].

В рамках исследования логично представлять процесс перевода афроамериканского дискурса (АД) в качестве фрейма-сценария, то есть алгоритма переводческих действий, следование которому предполагает наличие структурированных знаний лингвистического, так и экстралингвистического характера, зафиксированных в более мелких составляющих – субфреймах.

Фрейм-сценарий является динамической когнитивной структурой, привязанной к конкретному контексту ситуации и отражающей события, разворачивающиеся во времени и пространстве. Его можно рассматривать как набор вопросов, актуальных для определенной гипотетической ситуации, и методов их разрешения. Слоты фрейма-сценария содержат указания, как следует отвечать на эти вопросы, а также включают рекомендации по поиску соответствующего ответа [Минский, 1979, с. 132].

Определение содержательной составляющей каждого слота (субфрейма) в рамках фрейма «перевод афроамериканского дискурса» осуществляется через постановку следующих переводческих проблем: 1) время культуры, в котором функционирует Black English; 2) социальный статус говорящего на афроамериканском диалекте; 3) характеристики статуса и характера используемого языка говорящим; 4) выбор переводческих стратегий для создания адекватного для восприятия текста людьми, принадлежащими к другой культуре.

Далее рассмотрим, почему данные слоты сценарного фрейма можно считать отдельными целостными, но более мелкими фреймами.

В рамках данного исследования фрейм «Время культуры» (в терминах А. М. Каплуненко) трактуется как когнитивная модель, предназначенная для анализа временных характеристик культурных феноменов, событий и процессов. Составляющие его слоты могут включать временные отрезки, к которым относятся те или иные культурные события; хронологическую последовательность их развертывания во времени; особенности исторического, социального и политического фона, влияющие на культуру в данный период; длительность – продолжительность существования данного культурного явления; темпоральные характеристики – скорость изменений в культуре [Богатырева, 2013, с. 15]. Конкретные задания сло-

там данного фрейма могут приобретать следующий вид: 1. Период: а) эпоха рабства (1619–1865); б) реконструкция и сегрегация (1865–1960-е); в) движение за гражданские права (1950–1960-е); г) современность (1970-е – настоящее время). 2. Хронология развития культурных явлений: а) 1619 г. – первые африканские рабы прибывают в Вирджинию; б) 1865 г. – отмена рабства (13-я поправка к Конституции США); в) 1963 г. – Марш на Вашингтон и речь Мартина Лютера Кинга «I have a dream»; 2008 г. – избрание Барака Обамы первым афроамериканским президентом США. 3. Культурный контекст (особенности исторического, социального и политического фона): а) рабство: формирование афроамериканской идентичности через смешение африканских и американских культурных элементов; б) сегрегация: объединение в религиозные сообщества, развитие музыкальных стилей афроамериканцев как формы культурного сопротивления; в) движение за гражданские права: искусство, литература и музыка как инструменты борьбы за равенство; г) современность: влияние афроамериканской культуры на глобальную поп-культуру (хип-хоп, киноиндустрия). 4. Темпоральные характеристики: а) медленное развитие правовых и социальных изменений в эпоху рабства и сегрегации; б) ускорение изменений в период движения за гражданские права; в) быстрое распространение афроамериканской культуры в глобальном масштабе в конце 20 – начале 21 вв. [Labov, 1972; Швейцер, 1983; Воробьев, 2020]. Фрейм «Социальный статус говорящего» помогает анализировать, как положение в обществе влияет на речь, восприятие говорящего и его роль в коммуникации и может включать в себя такие слоты, как род занятий; образование; материальное положение; этническая и расовая принадлежность; языковая компетенция и групповая принадлежность [Бабушкина, 2015, с. 21]. В соответствии с хронологическим развитием афроамериканского дискурса фрейм «Статус и характер используемого языка» в нашем понимании включает 1) нестандартизированный Black English (1619–1865 гг.) в эпоху рабства, характеризующийся упрощенной грамматикой, фонетикой и лексикой, и являющийся маркером необразованности; 2) формирование African American Vernacular English (1865–1960-е гг.), воспринимаемого в качестве неграмотной речи и начало его вхождения в стандартизированный английский язык; 3) его закрепление в национальном языке (1960–2000-е гг.) и признание лингвистами как полноценной языковой системы; 4) современный статус (начиная с 2000-х гг.) – афроамериканский английский изучается как диалект и распространяется не только в американской, но и в мировой культуре посредством глобализации афроамериканского сленга [Labov, 1972; Швейцер, 1983; Воробьев, 2020]. Что же касается субфрейма «Используемые переводческие стратегии», в отечественной переводческой традиции приемы, использующиеся для передачи социальных диалектов, были спроецированы на перевод АД. Модель перевода афроамериканского английского на русский язык складывалась на протяжении десятилетий, объединяя

разнообразные подходы. Среди предлагаемых стратегий необходимо отметить функциональные соответствия [Федоров, 1968; Влахов, 1980; Сдобников, 2006], которые понимаются как способ достижения эквивалентности через анализ функций элементов текста и реакций рецепторов [Нелюбин, 2003, с. 243].

Также предлагаются стратегии для разных уровней языка: окказиональные соответствия (лексика) [Швейцер, 1988; Комиссаров, 1990] и звукоподражание (фонетика) [Комиссаров, 1990, с. 145, Сдобников, 2006, с. 129].

Практическая апробация рассмотренных переводческих стратегий позволила проанализировать конкретные примеры заполнения слотов исследуемого фрейма.

Для моделирования сценарного фрейма перевода АД в синхронии мы обратились к роману «Прислуга», опубликованному и переведенному в 2009 и 2010 гг. соответственно. События романа происходят по прошествии столетия с момента официальной отмены рабства и отражают речевое поведение и статус афроамериканцев второй половины 20 в. Данный период времени характеризуется существованием расовой дискриминации, при которой афроамериканское население оказывается «в положении людей второго сорта» [Воробьев, 2020, с. 31]. Доступ к образованию для данного слоя общества остается ограниченным и некачественным, однако возможным. В рассматриваемом произведении афроамериканцы выполняют роль прислуги у белых семей и обладают гораздо меньшим количеством прав, чем обязанностей. С лингвистической точки зрения необходимо отметить, что в речи темнокожей прислуги продолжают присутствовать отклонения от нормы литературного английского языка, как это было ранее, однако некоторые элементы Black English нейтрализуются и постепенно проникают в речь грамотных людей и перестают рассматриваться как «маргинальные» [Швейцер, 1983, с. 159]. Таким образом, слоты А, В и С конкретизируются в следующих значениях: А. (Время культуры) – вторая половина 20 в., пик расовой дискриминации; В. (Социальный статус участников коммуникации) – малообразованная темнокожая прислуга; С. (Статус и характер используемого в коммуникации языка) – Black English, характеризующийся меньшим числом отклонений от литературного языка и входящий в его непосредственный состав. Рассмотрим, каким образом эти вводные данные влияют на переводческие стратегии (слот D):

1. *Wearing those, I'd feel like I's personal-owned property a Hilly W. Holbrook* [Stockett, Ch. 14].

Надев это, я буду чувствовать себя личной собственностью Хилли В. Холбрук [пер. М. Александровой, гл. 14].

2. *I tell Miss Leefolt ever time she have the bridge club and she make me do them eggs anyways* [Stockett, Ch. 1].

Я все время твержу мисс Лифолт, что у нее тут бридж-клуб, а она все равно заставляет меня готовить эти яйца [пер. М. Александровой, гл. 1].

3. *The only reason she waiting on Miss Walter so long is Miss Walter be deaf as a doe-nob* [Stockett, Ch. 1].

У мисс Уолтер она задержалась так долго только потому, что та глуха как тетерев [пер. М. Александровой, гл. 1].

4. *I ain't eaten all day, when can I have my cake?*

Don't say ain't, you speak properly now [Stockett, Ch. 3].

– *Я весь день ничё не ела, когда можно попробовать пирог?*

– *Не говори «ничё», ты теперь должна говорить правильно* [пер. М. Александровой, гл. 3].

В 2010 г. применяются существующие к моменту перевода произведения типизированные стратегии, заполняющие собой слот D: используется стилистическая компенсация на разных уровнях языковой системы, в том числе на синтаксическом, вводится разговорная и просторечная лексика. Однако нельзя не обратить внимание на влияние соседствующего слота С. При изменении статуса афроамериканского английского языковые единицы, ассимилирующиеся в литературном языке, перестают компенсироваться (кроме контекстуально необходимых случаев, см. пример 4), сохраняя лишь общую стилистику. Данный подход обусловлен тем, что перевод функционирует в культурном пространстве, где разговорная лексика и просторечия утратили связь с низким уровнем образования. Кроме того, экспрессивность в переводе избыточна, поскольку речевая характеристика персонажа оригинала не подразумевает ее использования.

Проведенный анализ перевода АД подтвердил сценарную природу данного процесса, демонстрируя наличие казуальных и темпоральных связей между его ключевыми составляющими. Каждый из указанных субфреймов обладает собственной исторической траекторией развития, задающей специфические правила для перевода, существующего в определенный временной период. Взаимозависимость составляющих доказывает, что перевод АД представляет собой алгоритмизированный процесс, где культурный контекст определяет необходимые стратегии, социальный статус диктует степень нормативности, а языковой статус влияет на подбор эквивалентов. Данный подход позволяет смоделировать перевод АД как динамический процесс, в котором лингвистические, социальные и темпоральные факторы взаимодействуют по определенным закономерностям.

Литература

Бабушкина Е. А. Социальный статус говорящего и его фонетические корреляты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45). С. 20–22.

Богатырева Е. Н. Время культуры в контексте ценностно-оценочного отношения человека к миру // Известия Саратовского университета. 2013. № 13. С. 13–17.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе : учеб. пособие. М. : Междунар. отношения, 1980.

Воробьев Д. Н. Создание и закрепление системы расовой сегрегации на Юге США (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник БГУ. Сер. Исторические науки и археология. 2020. № 4. С. 31–40.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1990.

Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума. М. : Энергия, 1979.

Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М. : Флинта : Наука, 2003.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. 3-е изд., стер. М. : Р. Валент, 2007.

Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода : учебник. М. : АСТ : Восток–Запад, 2006.

Стокетт К. Прислуга. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremen-naya-proza/270883-ketrin-stokett-prisluga.html#text>.

Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М. : Наука, 1983.

Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988.

Labov W. Language in the inner city. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.

Nelson K. Event knowledge Structure and function in development. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. URL: <https://ethnopsychology.narod.ru/libr/N-eng/Nelson-event.htm>.

Stockett K. The Help. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/214711-kathryn-stockett-the-help.html#text>.

N. V. Shchurik, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk)

D. I. Markova, Master of Linguistics (Irkutsk)

COGNITIVE AND LINGUOCULTURAL ASPECTS OF TRANSLATING AFRICAN AMERICAN ENGLISH: A FRAME-BASED APPROACH

Abstract. The article explores the frame-based analysis of African American discourse translation as a dynamic process shaped by cultural, social, and linguistic factors. The authors examine the translation of African American discourse through the lens of a script-frame, which includes sub-frames such as "Time of Culture," "Speaker's Social Status," "Language Status," and "Applied Translation Strategies." Taking the novel "The Help" as a case study, the paper demonstrates how historical context and the evolution of Black English influence translation choices. The study argues that translating African American discourse is an algorithmic process where cultural context determines translation strategies, while language development dynamics shape the degree of compensation in the target language. Integrating cognitive modeling, translation studies, and sociocultural analysis enhances the understanding of sociolinguistic aspects in translation.

Keywords: frame analysis, African-American discourse, scene-frame, translation strategies, sociolinguistic status of language.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Акай Оксана Михайловна	416
Аксарина Наталья Александровна	352
Аладышкин Василий Алексеевич	359
Алексеева Елена Альбертовна	442
Арская Юлия Александровна	484
Багинская Марина Владимировна	490
Басова Лариса Валерьевна	352
Бертякова Анна Николаевна	365
Бешенкова Елена Виленовна	46
Блинова Ольга Владимировна	423
Богданова-Бегларян Наталья Викторовна	370
Богомолова Александра Владимировна	446
Борисова Елена Георгиевна	51
Булнаева Ольга Андреевна	452
Бурова Евгения Евгеньевна	161
Васильева Елена Викторовна	56
Васильева Юлия Александровна	165
Верхотурова Татьяна Леонтьевна	555
Воробьева Лариса Александровна	497, 500
Вэн Нань	559
Гайнутдинова Гульнара Рапатовна	62
Галкина Елена Владимировна	171
Геккина Елена Николаевна	64
Глазунова Ольга Игоревна	73
Голубева Виктория Константиновна	80
Грачева Жанна Владимировна	178
Григорьян Елена Леонидовна	86
Диде Илья Александрович	110
Донина Людмила Николаевна	91
Дюндик Юлия Борисовна	550
Иванова Елена Владимировна	213
Иванова Елена Юрьевна	505
Иванова-Жданова Елена Юрьевна	458
Иголкина Алёна Евгеньевна	229
Каверина Оксана Анатольевна	185

Казкенова Аимгуль Каирбековна	96
Калиш Елена Евгеньевна	461
Ким Евгения Алексеевна	101
Ким Игорь Ефимович	23
Кирина Маргарита Александровна	270
Ключникова Варвара Юрьевна	185
Кобозева Ирина Михайловна	190
Козодой Ольга Андреевна	466
Колосовская Татьяна Леонидовна	196
Комышкова Анна Дмитриевна	562
Конюшкевич Мария Иосифовна	105
Коробейникова Татьяна Николаевна	29
Корпечкова Елена Владимировна	29
Котовская Анастасия Евдокимовна	511
Кошкарева Наталья Борисовна	110
Краснощекова Софья Викторовна	171
Крюкова Лариса Борисовна	275
Кувшинская Юлия Михайловна	201
Кузнецов Игорь Александрович	208
Кузнецова Лариса Валерьевна	213
Кузнецова Наталья Владимировна	380
Кулева Анна Сергеевна	347
Кульгавова Лариса Владимировна	469
Куницына Евгения Юрьевна	281
Купчик Елена Викторовна	291
Кустова Галина Ивановна	120
Лаптева Мария Леонидовна	386
Левина Ирина Николаевна	296
Лешкова Татьяна Витальевна	410
Ли Екатерина Вадимовна	500
Ли Хань	126
Ли Юэчуань	219
Лю Гэнцзюнь	568
Мамедов Ахмед Алипашевич	303
Маринова Елена Вячеславовна	135
Маркасова Елена Валерьевна	130
Маркова Дарья Игоревна	591
Мартянова Дарья Игоревна	571
Мартянова Ирина Анатольевна	308

Матханова Ирина Петровна	392
Милянчук Наталья Сергеевна	312
Мишанкина Наталья Александровна	397
Николина Наталия Анатольевна	319
Новосёлова Маргарита Валерьевна	185
Нурутдинова Аида Рустамовна	515
Онипенко Надежда Константиновна	17
Орсоева Аюна Александровна	490
Патроева Наталья Викторовна	324
Першина Екатерина Сергеевна	222
Петренко Елена Александровна	222
Петрова Зоя Юрьевна	319
Попова Татьяна Ивановна	229
Почтарёва Ольга Викторовна	380
Просяникова Ольга Игоревна	477
Пугачёва Елена Николаевна	312
Разумных Елена Валерьевна	33
Рахилина Екатерина Владимировна	96
Рябова Светлана Григорьевна	328
Садовникова Ольга Николаевна	520
Северская Ольга Игоревна	235
Семенова Татьяна Ивановна	401, 575
Серебrenникова Евгения Федоровна	240
Скорик Ксения Владимировна	477
Соколова Ольга Ивановна	140
Спиридонова Лариса Николаевна	144
Стексова Татьяна Ивановна	246
Стефановская Светлана Владимировна	484
Стрельникова Наталия Данииловна	336
Токарчук Ирина Николаевна	405
Топка Лариса Владимировна	525
Тразанова Наталья Юрьевна	580
Трофимова Ольга Викторовна	343
Тюрнев Александр Сергеевич	429
Тюрнева Татьяна Викторовна	401
Файзуллина Эльмира Фоатовна	149
Фатеева Наталья Александровна	319
Фатхутдинова Венера Габдулхаковна	530
Федотова Нина Леонидовна	250

Фирсова Мария Анатольевна	586
Фитина Юлия Сергеевна	343
Фуфаева Ирина Владимировна	153
Хантакова Виктория Михайловна	535
Циммерлинг Антон Владимирович	38
Чекмез Ульяна Эдуардовна	255
Чубаровская Татьяна Сергеевна	541
Чуриков Сергей Александрович	410
Шавалиева Елена Борисовна	261
Шалина Ирина Викторовна	545
Шарандин Анатолий Леонидович	10
Шерстинова Татьяна Юрьевна	435
Шестакова Лариса Леонидовна	347
Шишмарева Татьяна Евгеньевна	550
Шклярук Екатерина Ярославовна	265
Шмелева Татьяна Викторовна	246
Щербакова Влада Александровна	250
Щурик Мария Викторовна	429
Щурик Наталья Викторовна	591

РУССКАЯ ГРАММАТИКА: ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Материалы
IX Международного научного симпозиума,
Иркутск, 23–27 сентября 2025 г.

ISBN 978-5-9624-2432-3

Темплан 2025. Поз. 107
Уч.-изд. л. 39,8

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7 (3952) 51-19-00
Издательство ИГУ, 664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. +7 (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@law.isu.ru

Подписано к использованию 26.11.2025
Тираж 13 экз. Объем 5,8 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024×768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше